

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

80

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2022 Issue 80

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKO
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2022 Выпуск 80

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЁВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 80

М.: Аквилон, 2022. — 448 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 80

Moscow: Aquilo-Press, 2022. — 448 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2022
© Институт всеобщей истории, 2022
© Издательство «Аквилон», 2022
© Журнал «Диалог со временем», 2022

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

МИССИЯ ИСТОРИКА: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ТАМАРЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ БУЛЫГИНОЙ

Статья посвящена интеллектуальной биографии и основным вехам научно-образовательной деятельности российского историка, специалиста в области источниковедения и методологии истории Тамары Александровны Булыгиной. В материале статьи представлен вклад Т.А. Булыгиной в развитие новой локальной истории, интеллектуальной истории и источниковедение местной истории. Авторы показывают высокий теоретический уровень научных достижений юбиляра, а также подчеркивают то, что все теоретические наработки практически опробованы Т.А. Булыгиной, в том числе в образовательном процессе.

Ключевые слова: *новая локальная история, источниковедение местной истории, советское обществоведение, интеллектуальная биография*

Юбилей ученого – событие, приятный повод для анализа его научного наследия и вех интеллектуальной биографии. Юбилей доктора исторических наук, профессора Северо-Кавказского федерального университета Тамары Александровны Булыгиной является одним из таких поводов для изучения и систематизированной репрезентации становления и развития российского гуманитария, сумевшего стать не только блестящим ученым и новатором, но и талантливым педагогом и наставником молодых исследователей. 29 июля 2022 года профессору Тамаре Александровне Булыгиной исполнилось 75 лет. Упорным трудом и уважительным отношением к науке и преподаванию профессор Т.А. Булыгина в очередной раз подтверждает, что история требует профессионального отношения и не терпит дилетантов, привлекаемых яркостью сюжетов исторического прошлого.

Вся трудовая деятельность Т.А. Булыгиной связана с наукой и высшей школой Ставрополя¹. Она проработала 20 лет в Ставропольском сельскохозяйственном институте, более десяти лет возглавляла кафедру истории России в Ставропольском государственном университете (СГУ). Известный специалист в области историографии, источниковедения и методологии истории, она и сегодня в постоянном поиске возможностей расширения исследовательского инструментария для реконструкции прошлого, работая ведущим научным сотрудником кафедры истории России в Северо-Кавказском федеральном университете.

Избрав профессию историка по велению сердца, Тамара Александровна сделала свой выбор на всю жизнь. Школой профессионализма для нее стал исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где она обучалась в 1965–1970 гг., специализировалась по кафедре истории СССР периода капитализма. Здесь она начала заниматься научно-исследовательской работой,

¹ См.: Колесникова, Беликова 2012: 4 – 16.

научилась читать и критиковать источники, анализировать и обобщать исторические факты, раскрывать конкретный исторический процесс в его многообразной связи с различными сторонами жизни. С теплотой и благодарностью она вспоминает своих педагогов П.А. Зайончковского, С.С. Дмитриева, Б.А. Рыбакова, Е.В. Гутнову, А.И. Широкова, выдающихся советских ученых, чьими усилиями удалось сохранить и развить традиции отечественной исторической науки. Дипломный проект был посвящен истории движения декабристов. В студенческие годы сформировался научный интерес к проблеме, которая позже будет отнесена к области культурно-интеллектуальной истории.

Интеллектуальная история российской провинции, научное направление развиваемое Т.А. Булыгиной, является логичным продолжением долгого пути в науке, который был начат в очной аспирантуре МГУ (1975–1978). Диссертацию, посвященную вопросам преподавания общественных наук в вузах страны в советский период истории она успешно защитила в 1979 г.² Именно тогда был заложен первый камень в фундамент большого здания исследовательской биографии историка Т.А. Булыгиной. В 1970-е гг. в условиях идеологического давления на гуманитариев, исследовательница сумела занять нишу, в которой оказалась возможной реализации профессиональных амбиций и научное освещение развития общественных наук в контексте партийной политики в 1966–1970 гг. Статьи и кандидатская диссертация уже в тот период содержали элементы интеллектуальной истории, ставящей целью изучение творческой деятельности человека в общем интеллектуальном пространстве и эволюцию идеи в конкретной исторической среде³. Неспоримым свидетельством профессионализма историка стала интуитивная ориентация на интеллектуальную историю в условиях отрыва от достижений зарубежной гуманитаристики.

1990-е годы были отмечены бурным научным творчеством истоков, выразившимся, в том числе, в возможности реализации методологического плюрализма. Опыт преподавателя, ученого и гражданина обусловили верность теме, избранной Т.А. Булыгиной годы аспирантуры. Многолетние штудии имели логическим завершением публикацию двух монографий⁴ и защиту докторской диссертации в 2001 г.⁵ Они посвящены эволюции взаимоотношений общественных наук и власти, академическому обществознанию и вузовскому преподаванию социально-политических дисциплин во второй половине XX в. Эти работы получили высокую оценку научного сообщества, докторская диссертация оказалась среди немногих работ, отмеченных в Бюллетене ВАК, как лучшие докторские исследования за 2001 год. Междисциплинарность диктовалась как самим предметом изучения, так и методологической

² Булыгина 1979.

³ Маловичко 2014: 35 – 137.

⁴ Булыгина 1999.

⁵ Булыгина 2001.

позицией автора, вслед за М. Вебером трактующей науку как способ рационализации социального действия. Т.А. Булыгина помещает в контекст социальной истории не только советское обществоведение. Настоящим прорывом становится понимание себя как автора, включенного в ряд контекстов: социально-политический и исследовательский, в первую очередь. Отсюда важная когнитивная установка, обусловившая высокий теоретический уровень исследования. Такая позиция подразумевала отход от стремления к абсолютной исторической объективности и осознание контекстуальности истины научного исследования с оговоркой отказа от гиперболизации исторического субъективизма.

Советская гуманитаристика – это тема, которую профессор Булыгина разрабатывает по сей день, и неотъемлемая часть ее преподавательской работы. Курс по выбору «Интеллектуальная история советского общества» она долгие годы читала студентам-историкам. В 2017 г. под ее редакцией вышла коллективная монография «Интеллектуальное пространство России XIX–XX вв. (на материалах Северного Кавказа): научное исследование»⁶. В своем разделе принципы организации и функционирования советского интеллектуального пространства во второй половине XX в. историк показала через развитие общественных наук. Возникновение и развитие новых тенденций обуславливались сменой исторического контекста. На страницах монографии советская гуманитарная наука предстает не только как находящаяся под сильным идеологическим давлением. Через личности отдельных ученых была показана ограниченность конформного поведения, а зачастую его декоративность: «Вместе с тем, кризис власти проявляется в идеологических модификациях, примером чему могут служить принятие Конституции СССР в 1977 г., юбилейным бум, «развитой социализм», «новая историческая общность – советский народ». Достигли своего высшего расцвета эзопов язык, двоемыслие научных исследований, когда идеологемы стали лишь ритуальной частью научных работ»⁷.

После защиты докторской диссертации Т.А. Булыгина обратилась к изучению теоретико-методологических проблем исторического знания. Аккумулировав богатейший мировой и российский опыт в этой области, совместно с профессором С.И. Маловичко, безвременно ушедшим в 2021 г.⁸, они поставили целью его практическое применение к региональному историческому материалу. В 2002 г. на базе СГУ в рамках межвузовской научно-образовательной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» с Историко-архивным институтом Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) был создан Региональный научно-образовательный центр (НОЦ) «Новая локальная история». Первоначально центр возглавлял С.И. Маловичко, с 2005 г. и по сей день руководителем и идей-

⁶ Булыгина, Калинин, Колесникова 2017.

⁷ Там же: 356.

⁸ Булыгина, Колесникова, Крючков 2021.

ным вдохновителем является Тамара Александровна. Два выдающихся ученых, бросив вызов традиционным подходам к изучению местной истории, предложили новую теоретическую модель, которая получила практическое применение в ряде докторских и кандидатских диссертаций, защищенных под руководством профессора Т.А. Бульгиной.

НОЦ «Новая локальная история» стал порывом свежего воздуха в жизни ставропольских гуманитариев. Методологические семинары («Методологические вторники»), диспуты, интернет-конференции (задолго до пандемии COVID-19) – все это стало научной повседневностью исторического факультета СГУ. Первая интернет-конференция под названием «Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография» была проведена в 2003 г., популярность и эффективность формата сделали ее доброй традицией. Каждая из конференций была посвящена определенной теме: «Пограничные реки и культура берегов» (2004), «Город и село: теория и исследовательские практики» (2006), «Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространстве» (2007), «Новая локальная история: хронотоп сельской и городской истории» (2008), «Социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей» (2010), «Предметное поле новой локальной истории – источниковедческая методология познания: опыт и перспективы взаимодействия» (2011) и др. Всего было проведено восемь конференций, а также издано пять сборников «Новая локальная история» (Ставрополь, 2003–2012)⁹. В интерактивное общение с ведущими российскими и зарубежными специалистами были вовлечены не только сотрудники, но и студенты, со своим видением ставропольской истории в парадигме новой локальной истории. Совместная с С.И. Маловичко теоретическая статья в первом сборнике «Новая локальная история» уже почти два десятилетия является манифестом для занимающихся новой локальной историей¹⁰.

Еще до основания НОЦ «Новая локальная история» на базе СГУ было открыто региональное отделение Российского общества интеллектуальной истории. У его истоков стояли филолог Г.Н. Манаенко, историки С.И. Маловичко, И.В. Крючков, Е.П. Тельменко. К наиболее активным его участникам относится и Т.А. Бульгина. Из научной работы в рамках РОИИ выросло возглавляемое ею по сей день научное направление «Интеллектуальная история российской провинции». По части РОИИ приняла активное участие в разработке концепций многих конференций, активно принимала участие в функционировании периодическом издании регионального отделения – «Ставропольского альманаха общества интеллектуальной истории»¹¹.

На волне дискуссий о кризисе исторической науки и ее обновлении, С.И. Маловичко и Т.А. Бульгина предложили переосмысление

⁹ Новая локальная история: по следам... 2014.

¹⁰ Маловичко, Бульгина 2003: 6–22.

¹¹ Ставропольский альманах... 2001–2005.

старых подходов с учетом новых трендов в социогуманитарном знании. Они начали преодоление кризиса метаистории, вызванный ситуацией постмодерна. Выход виделся в отказе от взгляда на прошлое как объективную данность, от универсальных объяснительных моделей и от понимания актуального социокультурного пространства как гомогенного. Актуализируемая феноменологическая парадигма и метод компаративного источниковедения, переориентируют изучение местной истории с иллюстрирования тенденций, отраженных в больших метанарративах истории страны на осмысление локальных сообществ в качестве субъектов исторического процесса. Новая локальная история реализует проект «истории снизу» и позволяет варьировать наводимый фокус от биографии человека до макросоциума страны. Как следствие, преодолевается унификаторство при написании национальных историй и единство большого социокультурного пространства покоится на признании его многообразия. Таким образом, локальное сообщество или же целый регион не вырывались из контекста истории страны. Картина сохраняла целостность, но через подробно прописанные детали единство композиции становится ярче и видится иначе.

Конкретная цель деятельности НОЦ была сформулирована в ее Концепции – переориентировать местную историю на изучение человека, создающего социокультурную реальность. Из этого посыла вырастает целое соцветие исторической проблематики, среди которой история повседневности. Изучение повседневности локуса Т.А. Булыгина определяет как возможность преодоления линейности в описании событий. Первоочередной задачей в этой связи стало формирование комплекса источников: «Именно работа с местными источниками раскрывает потенциальные возможности визуальных и вещественных источников в реконструкции повседневности»¹².

Сформулированное еще в докторской диссертации понимание активной роли исследователя было развито и детализировано в трудах по источниковедению, в т.ч. по источникам местной истории¹³. Следуя за М.М. Бахтиным, Т.А. Булыгина учит практикующих историков вести диалог с источником и вживаться в прошлое. Ученый не намывает как золотоискатель готовый факт из источника, а конструирует его, необходимо осознать зависимость факта от вопрошания к историческим документам и к их авторам, даже анонимным.

В Концепции НОЦ обозначены следующие исследовательские поля новой локальной истории: культурно-интеллектуальная история, компаративное источниковедение и источниковедение местной истории, история повседневности и микроистория, а также устная история, социокультурное пограничье. Центр не стоит на месте в своем разви-

¹² Булыгина 2014: 113–117.

¹³ Булыгина. Говорящие источники... 2009: 9–24; Булыгина. Страницы Ставропольской... 2009: 601–605; Булыгина. Документы местных... 2009: 161–169; Булыгина 2010: 8–24; 2011: 4–28; 2013: 97–104; 2015: 18–20.

тии, углубляются исследования и усложняется его структура. Так, под руководством М.Е. Колесниковой в рамках НОЦ функционирует лаборатория биографических исследований, Е.Н. Стрекалова развивает научное направление «устная история».

Источникведение местной истории стало одним из стовых хребтов НОЦ «Новая локальная история» именно благодаря методологическим поискам Т.А. Бульгиной и воплощению в жизнь, декларируемых ее теоретических подходов. Развивая сотрудничество со ставропольскими архивами, она выступила научным редактором множество сборников архивных документов, но наиболее масштабным проектом стала серия «Голоса из провинции», охвативших период местной истории с 1917 по 1964 гг. Концепция и структура изданий были полностью разработаны Тамарой Александровной. Вступительные статьи к ним стали классикой в области источникведения местной истории и востребованы исследователями наравне с опубликованными архивными документами. Полифоническое многоголосье обывателей приведено в соответствие с подходами новой социальной истории в структуру, дающую возможность видеть общее и особенное, выявлять казусы в ставропольской истории XX вв. «Живые» тексты в новом теоретическом контексте дают возможность более продуктивного диалога исследователя с их авторами и почувствовать вкус и запах прошлого, а также через казус реконструировать «дух времени»: «В сопоставлении с другими документами тех лет вдруг начинаешь понимать, что дырявые ботинки были не меньшей горестью, чем потеря близких, и в этом контексте не только социальные действия, но и предписания власти предстают в ином свете»¹⁴.

Круг научного чтения Т.А. Бульгиной довольно широк, но уже много лет особое почетное место в нем занимает интеллектуальное наследие представителя тартуско-московской семиотической школы Ю.М. Лотмана¹⁵. Именно она в своё время увлекла студентов и аспирантов исторического факультета СГУ его взглядами. Идеи Ю.М. Лотмана о семiosфере Т.А. Бульгина предложила включить в исследовательский инструментарий ученого-историка: «...положения о семиотике культуры являются чрезвычайно важными для историка-исследователя при работе над источником, при определении исторической динамики картины мира людей, помещенных в различном времени и пространстве, при реконструкции человеческой повседневности с многообразным культурным контекстом, образующим символические пространства, и в целом — при разработке проблем культурно-интеллектуальной истории»¹⁶. Вслед за Лотманом Т.А. Бульгина полагает, что текст вписан в контекст эпохи и поэтому является носителем

¹⁴ Бульгина. Говорящие источники: 13.

¹⁵ См., напр.: Бульгина 2007: 14–24; 1997: 356–359; 2005: 12–15; Бульгина. Понятие границы ... 2011: 58–62.

¹⁶ Бульгина 2007: 15.

культурной памяти, которая становится доступной историку. Через рефлексию над текстами выдающегося мыслителя она по-новому смотрит на источники новой локальной истории, расширяя их в том числе за счет художественной литературы. Так называемая литература «второго плана» введены в научный оборот как источники по истории повседневности дореволюционного губернского Ставрополя¹⁷.

Т.А. Булыгина неустанно повторяет максиму о том, что теория не может существовать без практики, а научные достижения должны быть применены в образовательном процессе. Много лет магистрантам-историкам преподается курс «Новая локальная история макрорегиона»¹⁸. В рамках учебной дисциплины география применения модели новой локальной истории была расширена и вышла за пределы Ставрополя. Содержание дисциплины Тамара Александровна сконструировала таким образом, чтобы многообразие единства стало отличительной особенностью полиэтничного северокавказского региона. Курс новаторский и способствует обогащению студентов новейшими методологическими достижениями. Независимо от того была ли магистерская диссертация по тематике местной истории или нет, подходы новой локальной истории были позитивным вызовом, на который был единственный ответ – осведомленность в теории исторического знания.

Достигнув высот в профессии, как теоретик и практик, Т.А. Булыгина продолжает двигаться к новым горизонтам. Историческая имагология и ее возможности при изучении кавказской истории легли в основу проекта «Северный Кавказ в социокультурном пространстве дореволюционной и советской России», реализованного в 2012–2013 гг. при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Вместе с профессором Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина С.И. Посоховым Т.А. Булыгина выступила соруководителем проекта. По итогам была издана хрестоматия¹⁹, для которой наряду с опубликованными источниками отбирались документы столичных и региональных архивов. Издание представляет собой уникальный опыт систематизации источников по истории Северного Кавказа в соответствии с имагологическим концептом «свои-другие-чужие». И в данном случае имагологическое прочтение источников вполне коррелируется с представлениями ученого об активной позиции исследователя и контекстуальности истины.

Оказалось, что историческая имагология является эффективной моделью исследования северокавказского региона. Непростой период революции 1917 г. и гражданской войны связан с провозглашением местными элитами так называемой Горской республики. В кавказоведении в последние годы этот сюжет стал крайне популярным и накопилась

¹⁷ Булыгина Литература «второго плана» ... 2013: 24—39.

¹⁸ Новая локальная история макрорегиона... 2016.

¹⁹ «Свое – чужое» ... 2016.

внушительная по объему историография проблемы. Однако Т.А. Булыгина посмотрела на данную историческую ситуацию в антропологическом контексте. Самоидентификацию кавказского жителя она представляет, как сетку идентичностей, которая подразумевала принадлежность к роду, локусу, религии, региону, империи и т.д. Формируемый коллективный портрет участников так называемого Союза горцев показал, что преобладание того или иного сегмента в идентичности горских лидеров определялось историческими обстоятельствами.

Новой ступенью в научном творчестве Т.А. Булыгиной стала реализация проекта, поддержанного РФФИ «От «нового человека» до «советского народа»: идеология, опыт, проблемы советского проекта (1917–1985 годы)». Замысел проекта – исследовать политику формирования «нового человека» и новой исторической общности «советский народ» как на уровне проектов власти, так и в практике их реализации. Ключевые концепты предлагается изучать в их трансляции советским руководством и последующей имплементации в массовом сознании. В этой связи Т.А. Булыгина актуализировала понятие «социокультурная граница», которая отделяет советское общество от опыта прошлого. Используя образ культурного пограничья, она показывает, как в новую жизнь люди несли с собой пережитки прошлого, в том числе православную веру²⁰, таким образом показывая воображаемую границу как зону перехода из одного социокультурного пространства в другое.

Язык науки, на котором говорит Т.А. Булыгина, снимает остроту и снижает конфликтность риторики, которая часто используется в кавказоведческих исследованиях. Новая локальная история и историческая имагология показали свою состоятельность как теоретические модели, снижающие субъективность и повышающие результативность исторических практик историка. Так, в очередной раз обратившись к восприятию кавказцев властью, на сей раз советской, Тамара Александровна показывает, как трансформировался образ горца в официальных представлениях официоза в раннесоветский период: «Революция 1917 г. и Гражданская война изменили образ горца под влиянием официальных представлений о Кавказе. Этот образ рассматривался в контексте «имущих» и «неимущих», а не с этнических позиций. Однако представители советской власти сами были подвержены прежним знаниям о людях Кавказа»²¹. Замысел формирования наднациональной идентичности на Кавказе, в том числе через воспитание человека, оказался утопичным, что, как подчеркивает Тамара Александровна, делало политику большевиков в регионе более прагматичной²².

Научная эрудиция, обширный исследовательский кругозор, целеустремленность, бескомпромиссность вырабатывались и приобретались в течение всей жизни. Все, кто с ней работает и общается, высоко

²⁰ Булыгина. Социокультурная граница... 2021: 13–18.

²¹ Булыгина. Люди Северного ... 2021: 124–129.

²² Там же. С. 129.

ценят ее личные качества, такие как доброжелательность, демократизм, неравнодушное отношение к людям и делу, принципиальность и требовательность.

За заслуги в области высшего образования, научной деятельности и многолетний добросовестный труд по воспитанию молодежи профессор Т.А. Булыгина награждена знаком «Отличник высшего образования» (1990), почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2005, 2011), почетной грамотой Комитета по делам архивов Ставропольского края (2007), многочисленными дипломами и грамотами общественных организаций и ряда вузов Ставрополя. В 2012 г. Ученый совет университета присвоил ей звание «Заслуженного профессора Ставропольского государственного университета».

Хочется пожелать от имени коллег и многочисленных учеников Тамары Александровны здоровья, многих лет плодотворной работы и новых свершений на благо российской науки и образования! Мы безгранично признательны Вам за возможность не только учиться и перенимать Ваш бесценный опыт педагога и ученого, но и сотрудничать, быть причастными к большой науке!

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Булыгина Т. Литература «второго плана» как источник истории городского локального сообщества // Джерела локальної історії : культурний побут городян XVIII – першої половини XX ст. : збірник наукових праць. Київ : Інститут української археології та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, 2013. С. 24–39 [Bulygina T. Literatura «vtorogo plana» kak istochnik istorii gorodskogo lokal'nogo soobshchestva // Dzherala lokal'noi istorii : kul'turniy pobut gorodyan XVIII – pershoi polovini XX st.: zbirnik naukovikh prats'. Kiyv: Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies named after M.S. Hrushevsky of Ukrainian NAS, 2013. P. 24–39].
- Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР в середине пятидесятых – первой половине восьмидесятых годов: дисс. докт. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2001. 486 с. [Bulygina T.A. Obschestvennyye nauki v SSSR v seredine pyatidesyatykh – pervoyu polovine vos'midesyatykh godov: thesis. Stavropol': SSU publ., 2001. 486 p.]
- Булыгина Т.А. «Говорящие» источники: Социальная история Ставрополя в измерениях «новой локальной истории» // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах: сб. док. Ставрополь: ОАО Издательско-полиграфическая фирма «Ставрополье», 2009. С. 9–24. [Bulygina T.A. «Govoryashchie» istochniki: Sotsial'naya istoriya Stavropol'ya v izmereniyakh «novoy lokal'noy istorii» // Golosa iz provintsii: zhiteli Stavropol'ya v 1917–1929 godakh: sb. dok. Stavropol': Stavropol'e, 2009. P.9–24.]
- Булыгина Т.А. «Мыслящий мир» истории Ю.М. Лотмана // Диалог со временем. 2007. № 20. С. 14–24. [Bulygina T.A. «Myslyashchiy mir» istorii Yu.M. Lotmana // Dialog so vremenem. 2007. No. 20. P. 14–24].
- Булыгина Т.А. Диалог с прошлым: социальная история локальных сообществ в источниках местной истории // Актуальные проблемы источниковедения: материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 8–9 октября 2015 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2015. С.18–20 [Bulygina T.A. Dialog s proshlym: sotsial'naya istoriya lokal'nykh soobshchestv v istochnikakh mestnoy istorii // Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Vitebsk, 8–9 oktyabrya 2015 g. / ed. by. A.N. Dulov and M.F. Rumyantseva. Vitebsk: VSU named by P.M. Masherov, 2015. P.18 – 20.]
- Булыгина Т.А. Документы местных архивов как источники социальной истории // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. М.: Росархив, 2009. С.161–169. [Bulygina T.A. Dokumenty

- mestnykh arkhivov kak istochniki sotsial'noy istorii // Arkhivovedenie i istochnikovedenie otechestvennoy istorii. Problemy vzaimodeystviya na sovremennom etape. Moscow: Rosarkhiv, 2009. P.161 – 169.].
- Булыгина Т.А. Живая ткань «локальной истории» // Голоса из провинции: Жители Ставрополя в 1930–40-х гг. (Сб. док.). Ставрополь: ОАО «Ставрополье», 2010. С. 8–24. [Bulygina T.A. Zhivaya tkan' «lokal'noy istorii» // Golosa iz provintsiy: Zhiteli Stavropol'ya v 1930–40-kh godakh. (Collection of documents). Stavropol': "Stavropol'e", 2010. P.8–24].
- Булыгина Т.А. История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент // Новая локальная история: по следам Интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 113–117. [Bulygina T.A. Istoriya povsednevnosti i «novaya lokal'naya istoriya»: issledovatel'skoe pole i issledovatel'skiy instrument // Novaya lokal'naya istoriya: po sledam Internet-konferentsiy. 2007–2014. Stavropol': SNFU publ., 2014. P. 113–117.].
- Булыгина Т.А. К вопросу об исторических циклах и о теории культурного взрыва Ю.М. Лотмана // Циклы в природе и обществе. Материалы V международной конференции. Ставрополь: Изд-во Ставропольского университета, 1997. С. 356–359. [Bulygina T.A. K voprosu ob istoricheskikh tsiklakh i o teorii kul'turnogo vzryva Yu.M. Lotmana // Tsikly v prirode i obshchestve. Materialy V mezhdunarodnoy konferentsii. Stavropol': SSU publ., 1997. P. 356 – 359.].
- Булыгина Т.А. Компаративное источниковедение и источниковедческие практики межевзовского НОЦ «Новая локальная история» // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 97–104. [Bulygina T.A. Komparativnoe istochnikovedenie i istochnikovedcheskie praktiki mezhevzovskogo NOTs «Novaya lokal'naya istoriya» // Dialog so vremenem. 2013. Vol. 44. P. 97–104.].
- Булыгина Т.А. Люди Северного Кавказа в образах имперского прошлого и советского будущего: декларации и реальность // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. В 2 ч. Ч. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮИЦ РАН, 2021. 124 с. [Bulygina T.A. Lyudi Severnogo Kavkaza v obrazakh imperskogo proshlogo i sovetskogo budushchego: deklaratsii i real'nost' // Narody Kavkaza v XVIII – XXI: istoriya, politika, kul'tura. Materialy VIII Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov (g. Pyatigorsk, 14–15 oktyabrya 2021 g.) / [ed by G.G. Matishov]. In 2 parts. Part. 2. Rostov-on-Don: YuNC RAC publ., 2021. 124 p.].
- Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР 1945–1985 гг. М.: МАДИ, 2000. 240 с. [Bulygina T.A. Obshchestvennyye nauki v SSSR 1945–1985 gg. Moscow: MADI, 2000. 240 p.].
- Булыгина Т.А. Советская идеология и общественные науки. М.: МАДИ, 1999. 156 с., Bulygina T.A. Sovetskaya ideologiya i obshchestvennyye nauki. Moscow: MADI., 1999. 156 p.].
- Булыгина Т.А. Партийное руководство преподаванием общественных наук в вузах страны в годы 8-й пятилетки (1966–1970 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1979. 204 с. [Bulygina T.A. Partynoe rukovodstvo prepodavaniem obshchestvennykh nauk v vuzakh strany v gody 8-y pyatiletki (1966-1970 gg.): thesis. Moscow: MSU publ., 1979. 204 p.].
- Булыгина Т.А. Понятие границы и "Другого" в поликультурном пространстве в текстах Ю.М. Лотмана // Образ «другого» в поликультурных обществах. Пятигорск-Москва-Ставрополь: ПГЛУ, 2011. С. 58–62. [Bulygina T.A. Ponyatie granitsy i "Drugogo" v polikul'turnom prostranstve v tekstakh Yu.M. Lotmanan // Obraz «drugogo» v polikul'tunyh obshchestvakh. Pyatigorsk-Moskva-Stavropol': PSLU, 2011. P. 58–62].
- Булыгина Т.А. Социокультурная граница: попытка толкования и историческая практика // Феномен границ в истории и исторической памяти: материалы Международной научной конференции (Ставрополь, 14 октября – 17 октября 2021 г.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2021. С. 13–18 [Bulygina T.A. Sotsiokul'turnaya granitsa: popytko tolkovaniya i istoricheskaya praktika // Fenomen granits v istorii i istoricheskoy pamyati: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Stavropol', 14 oktyabrya – 17 oktyabrya 2021 g.). Stavropol': NCFU publ., 2021. P. 13–18].
- Булыгина Т.А. Страницы Ставропольской повседневности начала 1920-х годов в местных источниках // Мавродиные чтения 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии и источниковедения: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию проф. В.В. Мавродина. СПб: Изд-во СПбГУ, 2009. 656 с. С. 601–605 [Bulygina

- Т.А. Stranitsy Stavropol'skoy povsednevnosti nachala 1920-kh godov v mestnykh istochnikakh // Mavrodinskije chteniya 2008. Peterburgskaya istoricheskaya shkola i rossiyskaya istoricheskaya nauka: diskussionnye voprosy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu prof. V.V. Mavrodina. St. Petersburg: SPBSU publ., 2009. P.601-605].
- Булыгина Т.А. Услышать голоса прошлого // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941-1964 гг. (Сборник документов). Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. С. 4-28. [Bulygina T.A. Uslyshat' golosa proshlogo // Golosa iz provintsiy: zhiteli Stavropol'ya v 1941–1964 gg. (Collection of documents). Stavropol': Committee of the Stavropol Territory for Archives, 2011. P. 4–28].
- Булыгина Т.А. Ю.М. Лотман и полидисциплинарные подходы к изучению истории // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». Материалы научной конференции. М.: ИВИ РАН, РОИИ, 2005. С. 12-15 [Bulygina T.A. Yu.M. Lotman i polidistsiplinarnye podkhody k izucheniyu istorii // Mezhdistsiplinarnye podkhody k izucheniyu proshlogo: do i posle «postmoderna». Materialy nauchnoy konferentsii. Moscow: IWN RAS, 2005. P.12 – 15.].
- Булыгина Т.А., Калинин С.Б., Колесникова М.Е. Интеллектуальное пространство России XIX–XX вв. (на материалах Северного Кавказа): научное исследование. Ставрополь: СКФУ, 2017. 358 с. [Bulygina T.A., Kalinchenko S.B., Kolesnikova M.E. Intellektual'noe prostranstvo Rossii XIX–XX vv. (na materialakh Severnogo Kavkaza): nauchnoe issledovanie. Stavropol': NCFU publ., 2017. 358 p.].
- Булыгина Т.А., Колесникова М.Е., Крючков И.В. Призвание человека и ученого: мир Сергея Ивановича Маловичко // Диалог со временем. 2021. № 77. С. 5–18. [Bulygina T.A., Kolesnikova M.E., Kryuchkov I.V. Prizvanie cheloveka i uchenogo: mir Sergeya Ivanovicha Malovichko // Dialog so vremenem. 2021. No. 77. P. 5–18.].
- Колесникова М.Е., Беликова Т.В. История – строгая муза (к юбилею профессора Т.А. Булыгиной) // Новая культурно-интеллектуальная история российской провинции (к 65-летию со дня рождения профессора Т.А. Булыгиной). Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 4–16 [Kolesnikova M.E., Belikova T.V. Istoriya – strogay muza (k yubileyu prof. T.A. Bulyginoy) // Novaya kul'turno-intellektual'naya istoriya rossiyskoy provin-tsiy (k 65-letiyu so dnya rozhdeniya prof. T.A. Bulyginoy). Stavropol': Vyuro novostey, 2012. P. 4–16].
- Маловичко С.И. Интеллектуальная история // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М. ИВИ РАН, 2014. С. 135-137. [Malovichko S.I. Intellektual'naya istoriya // Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar' / ed by A.O. Chubar'yan. M.: IWN RAS, 2014. P. 135–137].
- Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Выпуск 1. «Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография». Материалы первой всероссийской научной интернет-конференции, 23 мая 2003 г. Ставрополь: СГУ, 2003. С. 6–22. [Malovichko S.I., Bulygina T.A. Sovremennaya istoricheskaya nauka i izuchenie lokal'noy istorii // Novaya lokal'naya istoriya. Вып. 1. «Novaya lokal'naya istoriya: metody, istochniki, stolichnaya i provintsial'naya istoriografiya». Materialy pervoy vserossiyskoy nauchnoy internet-konferentsii, 23 maya 2003 g. Stavropol': SSU publ., 2003. P. 6 – 22.].
- Новая локальная история макрорегиона: практикум / авт.- сост.: Т.А. Булыгина, К.Р. Амбарцумян. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. 205 с. [Novaya lokal'naya istoriya makroregiona: praktikum / compilers: T.A. Bulygina, K.R. Ambartsumyan. Stavropol': NCFU publ., 2016. 205 p.].
- Новая локальная история: по следам Интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. 344 с. [Novaya lokal'naya istoriya: po sledam Internet-konferentsiy. 2007–2014. Stavropol': NCFU publ., 2014. 344 p.].
- «Свое – чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия / отв.ред. Т.А. Булыгина Ставрополь: изд-во СКФУ, Дизайн-студия, 2016. 366 с. [«Svoe – chuzhое» v sotsiokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza: khrestomatiya / ed by T.A. Bulygina. Stavropol': NCFU publ., Dizayn-studiya, 2016. 366 p.].
- Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории / Ставропольское отделение РОИИ. Вып. 1. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2001. 152 с.; Вып. 2. Ставрополь: Издво ПГЛУ, 2002. 195 с.; Вып. 3. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2003. 251 с.; Вып. 4 (специальный). М.: Изд-во ИВИ РАН, 2003. 170 с.; Вып. 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2004. 268

с.; Вып. 6 (специальный): материалы международного научного семинара «Свое» и «Чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей» (Пятигорск, 16–18 апр. 2004 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. 326 с.; Вып. 7. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. 330 с.; Вып. 8 (специальный). Материалы международной научной конференции «Факт» - «Событие» в различных дискурсах (г. Пятигорск, 26–27 марта 18 In memoriam... 2005 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. 364 с. [Stavropol'skii al'manakh Obshchestva intellektual'noi istorii / Stavropol'skoe otdelenie ROII. Issue, 2002. 195 p.; Issue. 3. Stavropol': PSLU publ., 2003. 251 p.; Issue. 4 (special issue). Moscow: WHI of RAS publ., 2003. 170 p.; issue. 5. Stavropol': PSLU publ., 2004. 268 p.; Issue. 6 (special issue): materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminar'a «Svoe» i «Chuzhoe» v issledovatel'skom pole «istorii pogranichnykh oblastei» (Pyatigorsk, 16–18 apr. 2004 g.). Stavropol': SSU publ., 2004. 326 s.; Issue. 7. Stavropol': PSLU publ., 2005. 330 p.; Issue. 8 (special issue). Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Fakt» - «Sobytie» v razlichnykh diskursakh (g. Pyatigorsk, 26–27 marta 2005 g.). Stavropol': SSU publ., 2005. 364 s.].

Амбарцумян Каринэ Размиковна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет; karina-best21@mail.ru

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра истории России, и.о. директора, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет; kolesnikovam2017@mail.ru

A historian's mission: to the Professor

Tamara Alexandrovna Bulygina's anniversary

The article is devoted to the intellectual biography of Tamara A. Bulygina and the main stages in her scientific and educational activities as the specialist in the sphere of source studies and methodology of history. The article presents the contribution of T.A. Bulygina in the development of a new local history, intellectual history and source study of local history. The authors show a high theoretical level of scientific achievements of T. Bulygina, and also emphasize that all theoretical developments have been practically tested by her, including in the training process.

Key words: *new local history, source study of local history, Soviet social science, intellectual biography.*

Ambartsumyan Karine, PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Studies and International Relations, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / karina-best21@mail.ru

Kolesnikova Marina, Doctor of History, Professor, Head of Chair of Russian History, Acting Director Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kolesnikovam2017@mail.ru

О.А. ВЛАСОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЗМА В ПОИСКЕ НОВЫХ ПУТЕЙ ИСТОРИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ФИЛОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ*

Статья анализирует специфику современных исследований историзма в гуманитарных науках. Выделяются основные дискуссионные темы и мишени критики, продуктивные стратегии, которые развиваются с опорой на обсуждение проблемы историзма. Подчеркивается, что современная ситуация критики историзма может быть описана как критика оснований. Историческая наука обращается от обобщения и констатации кризиса историзма к конкретизации понятия и разъяснению следствий, поднимает проблемы историцистски укорененного мировоззрения. Для каждой из гуманитарных наук значимым становится установление связи с историей, а проблема историзма выступает полем обмена методологическими новшествами.

Ключевые слова: историзм, историцистские основания, философия истории, история, история психологии, новая история, нарратив.

Обращенность наук друг к другу, появление новых отраслей и тенденция к диалогу и междисциплинарности в последние годы оживляют в гуманитарном поле старые критические сюжеты, которые, казалось бы, были давно исчерпаны. Некоторые из них не просто вновь обрастают аргументами и дискуссиями, но трансформируются с целью создания новых оснований для диалога.

Один из таких сюжетов – критика историзма. Начиная с XIX века, этот момент является основанием необходимого для каждой новой философии и истории различения, с опорой на которое она определяет свой методологический подход. Основные обобщающие исследования (на уровне монографий) появляются в начале – середине 1990-х гг. Лишь некоторые работы приходятся на начало 2000-х. В рамках этих, во многом, исчерпывающих изысканий уточняется терминология историзма¹, показана эволюция его понимания на рубеже XIX–XX вв. и трансформация из философского историзма Гегеля в «эмпирический» (по признанию некоторых авторов) историзм Ф. Майнеке². Особое значение уделяется постмодернистской конфигурации историзма в ее противопоставлении классическому философскому, а также новым литературно ориентированным формам в метаистории и новой истории³.

На первый взгляд кажется, что все уже сказано в этих критиках. Однако последние годы (после бума интереса к историзму в 1990-х)

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

¹ Iggers 1995; Jaeger, Rüsen 1992.

² Beiser 2011.

³ Grumley 1989; Hamilton 1996.

демонстрируют, что историзм не уходит из научных публикаций и трансформация критической ситуации показывает нам трансформации и пути гуманитарной науки.

История

Сразу же стоит сказать, что общее настроение в области истористской критики сегодня – это растерянность. 1990-е гг. стали временем констатации критической ситуации – после «анти», «мета», «пост» истории, – именно поэтому тогда вышло так много обобщающих исследований. 2000–2020-е гг. стали временем поиска новых путей: после констатации кризиса необходима выработка новых интерпретаций, включение проблематики в новые поля. История идет, преимущественно, по пути конкретизации и расширения понятия историзма, а также уяснения его значения для текущей методологии истории и историографии. Здесь значимыми являются работы Криса Лоренца⁴, который выделяет два типа теорий истории: субстанциалистские (история как процесс) и когнитивистские (история как знание), вне зависимости от типа всякая историографическая теория предполагает представление о причинных механизмах и закономерностях исторического процесса, т.е. определенный философский историзм. Историзм, по Лоренцу, есть основание историографической мысли и служит опорой ее фундамента.

Историки и теоретики культуры по-прежнему обсуждают диалог культур, Востока и Запада, эта проблема все чаще дискутируется в истористском аспекте. Центральная проблема здесь – по-прежнему проблема единого вектора исторического развития и переоценки европоцентричной схемы истории. В этой дискуссии находит отражение немецкая трактовка историзма и понимание исторического прогресса как прогресса многих культур. В 2000-е гг. реабилитация не-европейских культур связывается с обсуждением проблемы телеологизма истории⁵. Майкл Кирни, например, говорит о тотальности европоцентристского нарратива прогресса и телеологизма и подчеркивает, что для новой, другой истории просто не существует подходящей, разработанной и согласованной терминологии⁶. Мы, как отмечает Фредерик Купер, можем не видеть актуальную и случайную историю, поскольку это не реализованные возможности и невидимые нашему взгляду пути, мы не можем ее концептуализировать, поскольку она неуловима в рамках принятой эпистемологической модели⁷. История не-европейских культур и расценивается как такая случайная история.

Обсуждение новых путей переосмысления историзма находит свое выражение в конкретных исторических исследованиях. И здесь всплывают старые темы, только теперь они обсуждаются в новых политиче-

⁴ Lorenz 2008.

⁵ Hawkins 2011.

⁶ Kearney 1995: 550.

⁷ Cooper 2005: 18.

ских и мировых реалиях. Одна из топовых – презентизм, одна из самых недавних схваток – борьба против «чистой» истории викторианской эпохи. Родоначальник образованной в 2015 г. сети «Викторианские исследования для 21 века» (V21) Бенджамин Морган настаивает, что «презентизм может выступать одной из форм исторического сознания, а не инструментом его деструкции, как иногда трактуют его историки»⁸. Историзм презентизма здесь опирается не на дискретность прошлого, на какой-то из его отрезков, а говорит об истории как связности, развертывании отношений. Такая ориентация делает историю открытой политике и футурологии и включает ее не только в устоявшийся разговор о древностях, но и в актуальный диалог о возможностях будущего⁹.

Значимым конкретно ориентированным полем являются исследования Хермана Паула, который ставит цель – вывести понятие историзма из круга узких концептов. Опираясь на современные исследования, он демонстрирует, что историзм до настоящего времени трактуется как понятие, выработанное и переосмысленное немецкими интеллектуалами (Ф. Майнеке, Э. Трельчем и др.), а кризис историзма в этом случае расценивается как узко академический, или кризис немецкой профессуры. Он стремится показать, что историзм является основополагающим мировоззренческим конструктом рубежа XIX–XX вв., что он вышел далеко за пределы немецкого академического сообщества и повлиял на группы, которые структурировали свое мировоззрение и идентичность с опорой на историческую идентификацию и исторический нарратив, на тех, «...кто считал себя включенными в нарративы, которые связывали прошлое, настоящее и будущее так, что идентичность представлялась в исторических терминах»¹⁰. Примером такой группы называются голландские рабочие протестанты, испытывающие потребность в осмыслении своей связи с христианским прошлым и индустриальным настоящим, выстраивании стратегии нового пути.

Область, где в меньшей степени ощущается пессимизм растерянности – это исследования немецкого историзма рубежа XIX–XX вв., т.е. обращения к тому историзму историков, который и стимулировал впоследствии критические вековые дискуссии. Особенно интересны здесь работы по историзму Ф. Майнеке. Так, Трой Пэддок показывает конкретный фон формирования концепции Майнеке, связывая ее с идеологическими задачами немецкого государства того времени¹¹. Обращаясь к политическому проекту Бисмарка, а также к мировой политической ситуации он связывает основные составляющие историцистской кон-

⁸ Morgan 2016: 111.

⁹ Coombs 2016.

¹⁰ Paul 2010: 172.

¹¹ Paddock 2006.

цепции Майнеке с необходимостью обоснования актуального проекта объединения Германии. Еще более продуктивна работа Джеффри Свита, который характеризует переосмысление историзма рубежа веков как общий методологический поворот науки того времени, в качестве его составляющих называя ориентацию на уникальность и возможность релятивизма, отход от непрерывности и жёсткого детерминизма, исследование не систем, а уникальных конфигураций на их собственных основаниях, отход от наблюдения к искусственному эксперименту, вмешательство в «природу» и проч.¹² Историзм оказывается выражением не только и не столько социально-политических (как в статье выше), но общенаучных процессов. Эти исследования немецкого историзма, если можно так сказать, историзируют (в классическом философском смысле) сам историзм, давая понять, что дискутируемые сегодня проблемы также могут быть выражением концептуального строя нашего времени и выражением специфики нашей современной проблематизации мира.

Если говорить об отечественной сцене, то, прежде всего, необходимо отметить публикации Л.П. Репиной, И.М. Савельевой, И.Н. Ионова. Л.П. Репина является проводником интеллектуальной истории в России, поэтому большинство ее методологических работ находятся на пересечении дискурсов истории и философии, помогая осмыслить, в том числе, и феномен историзма¹³. И.М. Савельева в ряде статей анализирует актуальную мировую ситуацию методологической проблематизации в истории, что позволяет уяснить мировые проблемные приоритеты и сориентироваться в том, какое место проблематика историзма занимает в контексте другой методологической проблематики¹⁴. И.Н. Ионов в недавних публикациях ставит проблему исторического сознания, связанного с модерным представлением об историзме¹⁵. Ряд публикаций журнала «Диалог со временем» в последние годы ставит смежные вопросы историзма вопросы презентизма¹⁶, исторического сознания¹⁷, историчности¹⁸ и исторической практики¹⁹. Следует также отметить и вышедший здесь в 2010 г. перевод работы Рольфа Тоштендаля об истоках возвращения популярности историзма как исследовательского поля²⁰.

Теория литературы

В рамках теории литературы дискуссии об историзме развиваются вокруг популярного в англо-американском мире «нового историзма».

¹² Sweet 1995.

¹³ Репина 2011.

¹⁴ Савельева 2012, 2017, 2018.

¹⁵ Ионов 2018, 2019, 2020.

¹⁶ Репина 2018; Цатурова 2018.

¹⁷ Горин 2020.

¹⁸ Чеканцева 2018.

¹⁹ Микешина 2018.

²⁰ Тоштендаль 2010.

Как метод и методологическое направление новый историзм теоретически и академически определен, но поскольку со времени начала его развития прошло не так много времени, а также поскольку он пришел на смену более ранних подходов (или синтезировал их), его методологические особенности до сих пор дискутируются не только рядовыми профессорами или аспирантами, но и классиками, вроде Ф. Анкерсмита.

В основном разбираются методологические отличия. Центральный вопрос: нов ли «новый» историзм, или если сформулировать его в духе давних дискуссий в философии – в чем отличия между «старыми» и «новыми» историками в литературе. Анализ обращает нас к специфике трактовки историзма в «старом» и «новом» его вариантах. Большинство исследователей в качестве особенностей последнего называют: 1) акцентирование контекста, выстраивание контекстуальных рядов и панорам²¹; 2) внимание к властным отношениям²²; 3) включение перспективы настоящего в исследуемое прошлое и внимание к устному наследию, маргинальным группам и незамеченным ранее агентам истории²³.

Со всеми своими особенностями, как подчеркивает Марджори Левинсон, новый историзм пытается преодолеть сразу две трактовки истории: во-первых, ту, что закрепились в истории литературы, где исторический контекст признавался внешним по отношению к произведению; во-вторых, ту, что была развита в историографии и истории философии конца XIX в., где прошлое принципиально инаково по отношению к настоящему и нужна специфическая герменевтика, чтобы вскрыть его структуру. Новый историзм в этой ситуации способствует конституированию новой историчности, исследованию живой ткани контекста, а не аналитически выводимых внешних условий создания произведения²⁴. Этой позиции вторит Анкерсмит, показывая, что новый историзм есть, «скорее, радикализация (старого) историзма, чем его преодоление»²⁵. Именно этой радикализацией Анкерсмит объясняет предпринятую в последние годы историзацию исторических субъектов, установление новых отношений с прошлым и внимание к властному контексту.

Другую группу исследований можно назвать экспансивными: они развивают новую методологию на новом материале, демонстрируя ее преимущества²⁶. Есть такого типа работы и в России, например статья Т.Г. Юрченко о новом историзме А.В. Михайлова²⁷. Не отстают от мировой отечественная сцена и в методологическом плане: в начале 2000-х

²¹ Balkaya 2014.

²² Hicking 2018.

²³ Brannigan 1998.

²⁴ Levinson 2012.

²⁵ Ankersmit 2003: 269.

²⁶ Wilson, Dutton, 1992; Madrigal 1997.

²⁷ Юрченко 2020.

терминология и методология нового историзма с акцентом на литературоведческих исследованиях обсуждается в переводах и публикациях журнала «Новое литературное обозрение»²⁸. В 2010 г. выходит первая русскоязычная монография, посвященная новому историзму²⁹. В 2014 г. публикуется программа специализированного учебного курса³⁰.

Психология

В психологии последние годы вопрос об историзме звучит в двух плоскостях: во-первых, как вопрос специфики «новой» истории психологии, во-вторых, как вопрос нарративного подхода и особенностей истористского исследования в рамках него.

Новая история психологии есть следствие развития идей интеллектуальной истории и нового историзма в психологии. Историки психологии проблематизируют собственный подход к истории и переходят в область историографии. Основные дискуссии здесь, как и в новом историзме в теории литературы, сосредоточены вокруг самой ситуации «различения» старого и нового и обсуждения тех дихотомий, которые позволяют «новой» истории психологии именоваться таковой. Бенджамин Ловетт берется обобщить черты нового подхода и называет таковыми: 1) преодоление интернализма и ориентацию на широкий социально-политический контекст; 2) уход от презентизма, при котором современность является исходной точкой для осмысления старых проблем; 3) отказ от старой концепции прогресса, в рамках которой развитие психологии рассматривается как предшествующее современной науке, а современные психологи «знают больше», чем их предшественники³¹. Жоао Пауло Ватрин проблематизирует эти дихотомии и подчеркивает тот факт, что для новой истории они становятся оправданием новой методологии и критериями строгости, в то время как по отношению к старой воспринимаются как недостатки исторического подхода³². Он видит в такой позиции новых историков недостаточность рефлексии: она, хотя и способствует укреплению статуса истории психологии, не содействует развитию историографии психологии в целом, лишь усиливая разрыв с вековой традицией истории психологии и современными исследованиями истории науки.

Вокруг дискуссий о старой и новой истории психологии поднимаются две группы проблем: во-первых, о взаимоотношениях истории психологии и философии психологии³³, а во-вторых, о точке отчета современной психологии и специфике трактовки ее истории³⁴. Обе эти

²⁸ Козлов 2000; Эткин 2001.

²⁹ Анисимова 2020.

³⁰ Савицкий 2012.

³¹ Lovett 2006.

³² Watrin 2017.

³³ Theo 2013.

³⁴ Pobinson 2013, Danziger, 1994 2013.

группы вовлекают проблематику историзма в одном и том же измерении, а точнее, они ставят вопрос прерывности (континуальности) / непрерывности истории в психологии.

Близко к историцистской проблематике подходит нарративная психология, которая развивается примерно одновременно с новой историей психологии. Непрерывность нарратива при этом позволяет психологам перейти от органической метафоры, исследования поведения и опыта человека как статического образования (т.е. от диагностики) к генетическому (динамическому) изучению развертывания его опыта³⁵. В свете исследования историцистских оснований особенно важно отметить, что сам подход не является новым, однако путем проблематизации опыта человека как истории он нацеливается на воссоздание непрерывности опыта и личности, пытаясь схватить ее «живьем». Именно этот ракурс акцентируют все современные исследователи.

В отечественной литературе терминология «новой истории психологии» не встречается, что удивительно, учитывая нашу самобытную традицию исследования культурно-исторического контекста, а также интерес к истории психологии. Но тем не менее, мы можем встретить этот термин только в переводной работе одного из «отцов-основателей» движения Томаса Лихи «История современной психологии» [Лихи, 2003]. Близко к историцистской проблематике подходит отечественная традиция культурно-исторической психологии. Здесь существуют свои классики, монографии, институции и издания. Сама эта традиция как рефлексивная начинает в полной мере развиваться в постсоветское время, поэтому неудивительно, что расцветает в последние годы: мы видим основание специализированного журнала «Культурно-историческая психология», защиты диссертаций, выход коллективных монографий в ведущих международных издательствах³⁶.

Новая история психологии, нарративная психология и культурно-историческая психология предлагают каждая свою постановку проблемы историзма. Однако, как и в рамках литературной теории, поскольку историцистская проблематика не является для нее основополагающей (как для истории), она не задается целью прояснения кризиса историцистской методологии, а просто развивает последние «новые» историцистские наработки, стремясь дополнить стратегии психологии в целом.

Философия

Историзм – одна из основных тем философии истории, и современную позицию по отношению к ней можно обозначить как состояние «после критики»: философия задается вопросом о возможности онтологии после критики историзма. Насладившись терминологией «но-

³⁵ Vassilieva 2016; László 2008; Кроссли 2020.

³⁶ Зинченко, Пружинин, Щедрин 2010; Yasnitsky, Veer, Ferrari 2014.

вой», «анти-», «пост-» и «мета-» истории, она теперь подробно разбирает итоги противостояния и начинает говорить о том, что становится возможным не столько после «анти-» и «пост-» историзма, сколько уже после критики последних. Центральный вопрос здесь – можно ли найти выход из тупиковой ситуации последнего полувека, которая характеризуется как подрыв историцизмом самого себя, когда историцистское самосознание в своем радикальном варианте выбивает собственные онтологические основания. Традиционный ответ в этом поле – нет, в числе последних теоретиков его аргументирует Стивен Тернер, заявляя, что все формы радикального историзма (в частности, генеалогия), так или иначе, дискредитируют то, что в рамках классической историцистской парадигмы считалось несомненным. Главное, что они также делают, так это вводят категорию оценивания в историческое исследование: генеалогия, например, упорядочивает, казалось бы, случайные события, связывая их в соответствие с неким естественным ходом, определяемым исследовательскими установками³⁷. Так и намечается самоподрыв онтологии. В противоположность ему критические возможности радикального историзма анализирует Марк Бевер, рассматривая проекты генеалогии, исторической онтологии и критики идеологии (вышеназванная статья Тернера есть реакция на эту работу Бевера)³⁸. Все они, по его убеждению, представляют собой различные формы историцистской критики, но не сводятся к предельному релятивизму.

Противоречия анти-историзма и подрыв историзмом самого себя осознаются многими философами как то, что артикулируется преимущественно в аналитической традиции. Они мыслятся как противоречия и неизбежные следствия этой традиции. В этом случае для их снятия признается необходимость перехода к другой описательной системе и, начиная с середины 1990-х гг., таковой представляется переосмысленная нарративная история. Традицию переосмысления закладывает Анкерсмит, который в своей монографии «История и тропология»³⁹, а также многочисленных статьях предлагает преодолеть посредством нарративизма противоречия разных концепций и тупики историзма. Новая нарративная история отходит от установок классического позитивистского нарративизма, часто позиционируя себя как пост-нарративистская историография. В монографии «Пост-нарративистская философия историографии» Йоуни-Матти Куукканен ставит вопрос о возможности отхода от позитивизма и противоречий историзма и при этом сохранения рационалистических оснований интерпретации истории⁴⁰. В 2018 г. Чин ван дер Аккен в монографии «Образцовое прошлое» расширяет перспективы нарративизма, обсуждая статус прошлого в историцистских

³⁷ Turner 2015.

³⁸ Bevir 2015.

³⁹ Анкерсмит 2003.

⁴⁰ Kuukkanen 2015.

исследованиях⁴¹. В 2020 г. Пол Рот в книге «Философская структура исторического объяснения» разрабатывает современные философские основания для нарративизма и ставит проблему историзма в горизонте «после» Уайтовой метафилософии: она становится проблемой принципов и структуры исторического объяснения⁴². Совсем недавно, в марте 2021 г. Анкерсмит сводит эти попытки воедино, показывая перспективность нового возрождения нарративизма для осмысления историзма⁴³.

В отечественной философской традиции последних лет историзм редко становится предметом методологических изысканий. Исключений не много⁴⁴, в основном, он осмысляется в рамках философии истории, где, как и в мировой традиции, ставятся проблемы терминологии, обсуждается его эволюция⁴⁵ и показывается его критика в «пост», «анти» истории⁴⁶. Акцентирование актуальных проблем историзма и его проблемных горизонтов для гуманитарных наук создает то поле, которое будет способствовать не только обсуждению историцистской проблематики как таковой, но и методологии гуманитарных наук в целом.

Характеризуя проанализированную современную ситуацию критики историзма, необходимо обратиться к тому смыслу «критики», который этой практике придавал И. Кант. Критика для него есть не просто анализ с указанием слабых сторон, в том смысле, который вкладывается в обыденный смысл термина. Критика – это обращение к основаниям, осознание границ и возможностей. Критика историзма в этом кантовском смысле, есть анализ оснований историзма и философии истории, и такой смысл вкладывается в нее еще с XIX века, но что более важно теперь критика историзма – это прояснение границ науки, развитой на тех или иных историцистских основаниях и ее возможностей. Этот смысл критики важен для понимания направленности современных критических работ. В этом поле много вопросов и описания проблем, движущим мотивом которых подчас становится уже не разрушение, а возможность созидания. Основные вопросы – возможна ли онтология после «анти-историзма», не деонтологизирует ли «анти-историзм» сам себя, возможна ли теперь новая история.

В современном поле гуманитарных наук мы видим разные стратегии критической концептуализации историзма. Однако поскольку для каждой из гуманитарных наук особенно значимым становится установ-

⁴¹ Akker 2018.

⁴² Roth 2020.

⁴³ Ankersmit 2021.

⁴⁴ Арнаутова 2019.

⁴⁵ Руткевич 2018, 2020; Махлин 2013.

⁴⁶ Дёмин 2015; Агафонов 2010; Ашкеров 2002.

ление связи настоящего с историей, поскольку гуманитарные науки имеют не фактические, а фундаментальные исторические основания, проблема историзма продолжает оставаться основополагающим полем обмена методологическими новшествами и достижениями. Закономерно, что тема историзма, как мы показали, имплицитно или эксплицитно, присутствует за многообразной актуальной проблематикой.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Агафонов В.В. Дистинкция истории и историзма в нарративной философии истории // Вестник КРАУНЦ, Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 72–83. [Agafonov V.V. Distinkcija istorii i istorizma v narrativnoj filosofii istorii // Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki. 2010. № 2. S. 72–83.]
- Анисимова А.Э. Новый историзм: Науковедческий анализ. М.: ИНИОН РАН, 2020. 154 с. [Anisimova A.E. Novyj istorizm: Naukovedcheskij analiz. M.: INION RAN, 2020. 154 s.]
- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 96 с. [Ankersmit F.R. Istoriya i tropologija: vzlet i padenie metafory. M.: Progress-Tradicija, 2003. 96 s.]
- Арнаутова Ю.Е. «Историзм», «проблема историзма», «кризис историзма»: феномен историзма и понятие историзм в немецких науках о духе XIX – начала XX вв. // Новое прошлое. 2019. № 4. С. 86–110. [Arnautova Ju.E. «istorizm», «problema istorizma», «krisis istorizma»: fenomen istorizma i ponjatje istorizm v nemeckih naukah o duhe XIX – nachala XX vv. // Novoe proshloe. 2019. № 4. S. 86–110.]
- Ашкеров А.Ю. Метаистория метаистории, или Декодирование Хейдена Уайта // Социологическое обозрение. 2002. № 1. С. 86–99. [Ashkerov A.Ju. Metaistorija metaistorii, ili Dekodirovanie Hejdena Uajta // Sociologicheskoe obozrenie. 2002. № 1. S. 86–99.]
- Горин Д. Г. Трансформация исторического сознания смена парадигм обращения к прошлому в публичной сфере // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 23–36. [Gorin D. G. Transformacija istoricheskogo soznaniya smena paradigim obrashhenija k proshlomu v publichnoj sfere // Dialog so vremenem. 2020. Vyp. 72. S. 23–36.]
- Дёмин И.В. Философия истории в постметафизическом контексте. Самара: Самар. гуманитар. Акад., 2015. 251 с. [Djomin I.V. Filosofija istorii v postmetafizicheskom kontekste. Samara: Samar. gumanit. Akad., 2015. 251 s.]
- Зинченко В., Пружинин Б., Щедрина Т. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с. [Zinchenko V., Pruzhinin B., Shhedrina T. Istoki kul'turno-istoricheskoy psihologii: filosofsko-gumanitarnyj kontekst. M.: ROSSPJeN, 2010. 415 s.]
- Ионов И.Н. Историчность и универсальный эволюционизм // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 21–34. [Ionov I.N. Istorichnost' i universal'nyj jevoljucionizm // Dialog so vremenem. 2018. T. 65. S. 21–34.]
- Ионов И.Н. Коррекция темпорального режима и проблемы теории истории // Диалог со временем. Статья 1. 2019. Вып. 67. С. 17–33; Статья 2. 2020. Вып. 70. С. 5–22. [Ionov I.N. Korrekcija temporal'nogo rezhima i problemy teorii istorii // Dialog so vremenem. Stat'ja 1. 2019. T. 67. S. 17–33; Stat'ja 2. 2020. Vyp. 70. S. 5–22.]
- Козлов С. На rendez-vous с «новым историзмом» // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 5–13. [Kozlov S. Na rendez-vous s «novym istorizmom» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 42. S. 5–13.]
- Кроссли М. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов. М.: Гуманитарный центр, 2020. 284 с. [Krossli M. Narrativnaja psihologija. Samost', psihologicheskaja travma i konstruirovanie smyslov. M.: Gumanitarnyj centr, 2020. 284 s.]
- Махлин В.Л. Историзм: (К истории понятия) // Литературоведческий журнал. 2013. № 33. С. 5–24. [Mahlin V.L. Istorizm: (K istorii ponjatija) // Literaturovedcheskij zhurnal. 2013. № 33. S. 5–24.]
- Микешина Л.А. Мысленный эксперимент, его роль в исторической науке // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 35–47. [Mikeshina L.A. Myslennyj jeksperiment, ego rol' v istoricheskoy nauke // Dialog so vremenem. 2018. T. 65. S. 35–47.]

- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaia praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.].
- Репина Л.П. Эффекты «непостижимого ускорения», или Феномен презентизма в истории исторического сознания // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 48–58. [Repina L.P. Jeffekty «nepostizhimogo uskorenija», ili Fenomen prezentizma v istorii istoricheskogo soznaniia // Dialog so vremenem. 2018. T. 65. S. 48–58.].
- Руткевич А.М. Историзм и его критики // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 24–36. [Rutkevich A.M. Istorizm i ego kritiki // Voprosy filosofii. 2018. № 12. S. 24–36.].
- Руткевич А.М. Наследие историзма // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 36–70. [Rutkevich A.M. Nasledie istorizma // Filosofija. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2020. № 3. S. 36–70.].
- Савельева И.М. Историческая наука в XXI веке: ключевые слова // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 5–24. [Savel'eva I.M. Istoricheskaja nauka v XXI veke: kljuchevyje slova // Dialog so vremenem. 2017. T. 58. S. 5–24.].
- Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 25–53. [Savel'eva I.M. Istoricheskie issledovanija v XXI veke: teoreticheskij frontir // Dialog so vremenem. 2012. T. 38. S. 25–53.].
- Савельева И.М. История и теория: “Return to the real” // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 7–26. [Savel'eva I.M. Istorija i teorija: “Return to the real” // Dialog so vremenem. 2018. T. 63. S. 7–26.].
- Савицкий Е.Е. «Новый историзм»: подходы к изучению культуры // Диалог со временем. 2012. № 40. С. 367–375. [Savickij E.E. «Novyj istorizm»: podhody k izucheniju kul'tury // Dialog so vremenem. 2012. T. 40. S. 367–375.].
- Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и “исторический поворот” в социальных науках // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 14–25. Toshtendal' R. Vozvrashhenie istorizma? Neo-institucionalizm i “istoricheskij povorot” v social'nyh naukah // Dialog so vremenem. 2010. T. 30. S. 14–25.].
- Цатурова С.К. О пользе презентизма, или Как изучать истоки национального государства в ожидании его отмирания // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 59–72. [Caturova S.K. O pol'ze prezentizma, ili Kak izuchat' istoki nacional'nogo gosudarstva v ozhidanii ego otmiraniia // Dialog so vremenem. 2018. T. 65. S. 59–72.].
- Чеканцева З.А. Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 5–20. [Chekanceva Z.A. Istorichnost' i istorija v intellektual'noj kul'ture XXI veka // Dialog so vremenem. 2018. T. 65. S. 5–20.].
- Эткин А.М. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2000. № 47. С. 7–41. [Jetkin A.M. Novyj istorizm, russkaja versija // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 47. S. 7–41.].
- Юрченко Т.Г. «Историческое движение подчиняет искусство своему языку»: Новый историзм А. В. Михайлова и проблемы науки о литературе // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2020. № 1. С. 28–35. [Jurchenko T.G. «Istoricheskoe dvizhenie podchinjaet iskusstvo svoemu jazyku»: Novyj istorizm A. V. Mihajlova i problemy nauki o literature // Referativnyj zhurnal. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvenna i zarubezhnaja literatura. Serija 7: Literaturovedenie. 2020. № 1. S. 28–35.].
- Akker C., van den. The Exemplifying Past. A Philosophy of History. Amsterdam: Amsterdam UP, 2018. 158 p.
- Ankersmit F.R. An Appeal from The New to The Old Historicists // History and Theory. 2003. Vol. 42. P. 253–270.
- Ankersmit F.R. A Narrativist Revival? // Journal of the Philosophy of History. 2021. P. 1–25.
- Balkaya M. Basic Principles of New Historicism in The Light of Stephen Greenblatt's Resonance and Wonder and Invisible Bullets // European Academic Research. 2014. № 2. P. 7068–7078.
- Beiser F.C. The German Historicist Tradition. Oxford; N.Y.: Oxford U.P., 2011. 600 p.
- Bevir M. Historicism and Critique // Philosophy of the Social Sciences. 2015. № 2. P. 227–245.
- Brannigan J. New Historicism and Cultural Materialism. N.Y.: St. Martin's Press, 1998. 260 p.

- Coombs D.S., Coriale D. Introduction to V21 Forum on Strategic Presentism // *Victorian Studies*. 2016. № 1. P. 87–89.
- Cooper F. *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley: University of California Press, 2005. 339 p.
- Danziger K. Does the history of psychology have a future? // *Theory & Psychology*. 1994. № 4. P. 467–484.
- Danziger K. *Psychology and Its History* // *Theory & Psychology*. 2013. № 6. P. 829–839.
- Grumley J.E. *History and Totality: Radical Historicism from Hegel to Foucault*. L.; N.Y.: Routledge, 1989. 241 p.
- Hamilton P. *Historicism*. New York: Routledge, 1996. 226 p.
- Hawkins M. Our Present Concern: Historicism, Teleology, and Contingent Histories of a More Democratic Global Past // *Rethinking History*. 2011. № 3. P. 373–392.
- Hicking M. New Historicism // *Brock Education Journal*. 2018. № 2. P. 53–57.
- Iggers G.G. Historicism: The History and Meaning of the Term // *Journal of the History of Ideas*. 1995. Vol. 56. P. 129–152.
- Jaeger F., Rüsen J. *Geschichte des Historismus: Eine Einführung*. München: C.H. Beck, 1992. 239 S.
- Kearney M. The Local and The Global: The Anthropology of Globalization and Transnationalism // *Annual Review of Anthropology*. 1995. Vol. 24. P. 547–565.
- Kuukkanen J.M. *Postnarrativist Philosophy of History*. London: Bloomsbury, 2015. 239 p.
- László J. *The Science of Stories: An Introduction to Narrative Psychology*. L.; N.Y.: Routledge, 2008. 228 p.
- Levinson M. Reflections on the New Historicism // *European Romantic Review*. 2012. № 3. P. 355–362.
- Lorenz Ch. *Scientific Historiography* // *Blackwell Companion to Philosophy of History and Historiography*. Ed. A. Tucker. London: Blackwell, 2008. P. 398–408.
- Lovett B.J. The New History of Psychology: A Review and Critique // *History of Psychology*. 2006. № 1. P. 17–37.
- Madrigal J.A. (ed.) *New Historicism and The Comedia: Poetics, Politics, and Praxis*. Boulder, Colo.: Society of Spanish and Spanish-American Studies, 1997. 236 p.
- Maza S. Stephen Greenblatt, New Historicism, and Cultural History, or, What We Talk about When We Talk about Interdisciplinarity // *Modern Intellectual History*. 2004. №1. P. 249–265.
- Morgan B. Scale, Resonance, Presence // *Victorian Studies*. 2016. № 1. P. 109–112.
- Paddock T. Rethinking Friedrich Meinecke's Historicism // *Rethinking History*. 2006. № 1. P. 95–108.
- Paul H. Who Suffered From the Crisis of Historicism? A Dutch Example // *History and Theory*. 2010. № 2. P. 169–193.
- Pettit M., Davidson I. Can The History of Psychology Have an Impact? // *Theory & Psychology*. 2014. № 5. P. 709–716.
- Pobinson D.N. Historiography in Psychology: A Note on Ignorance // *Theory & Psychology*. 2013. № 6. P. 819–828.
- Roth P.A. *The Philosophical Structure of Historical Explanation*. Evanston: Northwestern UP, 2020. 208 p.
- Sweet G. "Historismus" and Experimental Philosophy // *The Modern Language Review*. 1995. № 4. P. 944–954.
- Theo Th. Agnotology in The Dialectics of The History and Philosophy of Psychology // *Theory & Psychology*. 2013. № 6. P. 840–851.
- Turner S. Not So Radical Historicism // *Philosophy of the Social Sciences*. 2015. № 2. P. 246–257.
- Vassilieva J. *Narrative Psychology: Identity, Transformation and Ethics*. London: Palgrave Macmillan, 2016. 200 p.
- Watrin J.P. The "New History of Psychology" and The Uses and Abuses of Dichotomies // *Theory & Psychology*. 2017. № 1. P. 69–86.
- Wilson R., Dutton R. (eds.) *New Historicism and Renaissance Drama*. L.; N.Y.: Longman, 1992. 249 p.
- Yasnitsky A., Veer R., van der, Ferrari M. (eds.) *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 540 p.

Власова Ольга Александровна, доктор философских наук, профессор, кафедра истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии: o.a.vlasova@gmail.com

Historicism Research in Search of New Perspectives History, Psychology, Philology, Philosophy

The paper analyzes the specifics of contemporary research on historicism in the humanities. The main discussion topics and targets of criticism, productive strategies, which are developed based on the discussion of the problem of historicism, are highlighted. It is emphasized that the current situation of criticism of historicism can be described as a criticism of the foundations. It is shown that historical science turns from the generalization and statement of the crisis of historicism to the concretization of the concept and the clarification of the consequences, raises the problems of a historically rooted worldview. For each of the humanities, the establishment of a connection with history becomes significant, and the problem of historicism acts as a field for the exchange of methodological innovations.

Key words: *historicism, historicist foundations, philosophy of history, history, history of psychology, modern history, narrative.*

Vlasova Olga A., Dr.Sc. in Philosophy, Professor of the Department of History of Philosophy, St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, o.a.vlasova@gmail.com

МИФ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Рассмотрение мифа как типа мировосприятия позволяет объяснить антропологическую необходимость мифа, проявляющуюся в его «вездесущности», и различить терминологически различные типы мифов, появляющихся при доминировании того или иного типа мировосприятия. Автор проводит различие между аналитическим и мифопоэтическим типами мировосприятия, анализирует основные характеристики мифопоэтического типа мировосприятия, особенности проявления инобытия мифа в аналитической культуре и обществе. Делается вывод о неустраимости мифологического как необходимого элемента человеческого мировосприятия и культуры, устанавливается различие между собственно мифами, характерными для мифопоэтической культуры, и квази-мифами, существующими в культуре аналитического типа.

Ключевые слова: миф, квази-миф, мифологический паттерн, культура, мировосприятие, аналитика, мифопоэтика.

«Зародыши мифа вечны и вездесущи»¹

Что такое миф? На этот вопрос, вроде бы, должен без затруднений ответить каждый взрослый человек. Ведь миф – это одно из самопонятных образований, которые не заставляют нас в задумчивости подбирать слова, но определяются лёгким указующим жестом: это – миф. Миф, казалось бы, стал для нас настолько расхожим понятием и самоочевидным явлением, что сам вопрос о его определении вызывает недоумённое пожимание плечами: а в чём, собственно, проблема? Разве не понятно, о чём идёт речь? Сколько уже писали о мифах – не счесть: филологи, историки, культурологи, философы, психологи... Неужели еще не всё сказано, раскрыто, изучено? Нет, оказывается, не всё.

Именно из-за избыточности и противоречивости того, что уже написано о мифе, до сих пор неясно, что же такое миф. Казалось бы, в своей классической работе А.Ф. Лосев чётко отличил миф от иных образований: выдумки или фикции, научного построения, метафизического построения, схемы, аллегории, поэтического произведения, личностной формы, специального религиозного создания, догмата и исторического события². В работе А.Ф. Лосева максимально подробно и убедительно даётся отрицательное определение мифа³. Но и оно недо-

¹ Калер 2009: 558.

² Лосев 1994: 8–151.

³ В работах А.Ф. Лосева даётся не только отрицательное, но и положительное определение мифа, и даже – несколько положительных определений, часть из которых прекрасно согласуется друг с другом, а часть требует дополнительных пояснений. Однако, в плане категориального различения мифа от иных образований, отрицательные определения как сами по себе, так и в данной концепции мифа кажутся нам более плодотворными. Подробный разбор философии мифа А.Ф. Лосева не может быть выполнен в рамках статьи, посвящённой более общему вопросу. Некоторые замечания по поводу положительного определения мифа в концепции А.Ф. Лосева были высказаны в монографии Козолупенко 2009: 115–116, более развёрнутая (и в целом сходная) аргументация приводится в работе Хоружий 1992. Однако и эти

статочно, хотя бы потому, что не позволяет отделить миф от квазимифа⁴ (более позднего образования, возникающего в аналитической по преимуществу культуре, как социальный или политический миф, и имеющего как определённые черты мифа, так и явные отличия от него).

Таким образом, сегодня, после всех исследований мифа и попыток дать ему негативное или позитивное определение, что такое миф концептуально даже более непонятно, чем два века назад, когда к философско-культурологическому исследованию мифа только начали подступать и когда работ в этой области было ещё не так много, как сегодня. С другой стороны, можно, пожалуй, согласиться с тем утверждением, что, несмотря на свою неопределённость и, как полагают некоторые исследователи, даже неопределимость, миф стал центральным понятием не только обыденного, но и научного сознания, и «как научное понятие миф на рубеже XX–XXI веков сделался явлением общеупотребительным»⁵. И хотя на сегодняшний день, как справедливо заметил А.А. Бесков в своей статье о «мифологии мифологии», «сложилась парадоксальная ситуация, когда повышенный интерес к теме мифа вызывает стагнацию в области его изучения»⁶, а «количество работ, посвященных теории мифа, столь велико, что заставляет сомневаться в возможности разработать универсальное определение мифа»⁷, сам интерес к теме мифологии и мифа как такового в различных областях знания, вряд ли случаен и он обусловлен не только противоречивостью предмета исследования, но и актуальностью мифа как явления, непосредственно связанного с современным состоянием общества и культуры. И хотя для многих несомненным и по сей день остаётся тезис С.С. Аверинцева о том, что «миф в собственном смысле слова есть миф первобытный – и никакой иной»⁸, несомненно также то, что именно «XX век вернул человечество к мифу, важность которого в судьбах культуры и цивилизации... стала проходить процесс глубокого осознания»⁹ и во

исследования не содержат целостной картины положительного определения мифа в произведениях советского философа.

⁴ На наш взгляд, определение мифа как «чуда» или как «развёрнутого магического имени» (Лосев 1994) указывает на то, что роднит миф и квазимиф, но никак не позволяет их различить. Некоторое основание для различения можно обнаружить в формуле «в словах данная чудесная личностная история» (там же), при некотором прояснении этой формулы, позволяющей обозначить миф как определённый тип нарратива, тогда как для квазимифа принцип обязательной и специфической наррации нарушается. Но у Лосева такого разделения нет. Чуть далее будет сказано об особенностях квазимифов, которые всё же позволяют считать их мифами, более подробно. На данном же этапе такое неполное отграничение мифа от сходных феноменов служит лишь иллюстрацией противоречивости и недооформленности понятия мифа даже в наиболее авторитетных, сложных и непротиворечивых его концепциях.

⁵ Ващенко 2008: 4.

⁶ Бесков 2015: 118.

⁷ Бесков 2015: 116.

⁸ Аверинцев 1970: 113.

⁹ Ващенко 2008: 3.

многим заставил нас переосмыслить его значение как для отдельного человека, так и для культуры и общества в целом.

Итак, что же такое миф, разговор о котором становится в наши дни, с одной стороны, насущным и необходимым, а с другой стороны – путанным и противоречивым? Представляется, что и первая, и вторая характеристики мифа (насущность и противоречивость) связаны с тем, что миф является основанием и проявлением определённого мировосприятия и должен рассматриваться именно как таковой. Изучение характеристик доминирующего в культуре типа мировосприятия может как объяснить повышенную потребность (или её отсутствие) в мифе, так и внести некоторую определённость в разночтения определений, так как в случае доминирования одного типа мировосприятия можно говорить о проявлении мифа как такового, тогда как в случае доминирования иного типа мировосприятия миф замещается собственным инобытием или квазимифом, называемым в обиходе тем же термином «миф», но, по сути, представляющим из себя иное образование.

Исследуя особенности так называемых «первобытных мифов» и мифопоэтического мировосприятия, можно выделить как минимум два типа восприятия мира, себя и другого, характерных для человека, связанных с той или иной формой социальности, тем или иным типом культуры и выступающих на авансцену или становящихся маргинальным, но всё же не исчезающим полностью при доминировании иного типа мировосприятия. Эти типы мировосприятия были условно обозначены как аналитический и мифопоэтический¹⁰.

Несмотря на то, что во многих основополагающих установках эти типы мировосприятия противоречат друг другу, оба они существуют на протяжении всей истории человеческой мысли, насколько мы можем её проследить, хотя в определённых культурах доминирует один из них, тогда как второй вытесняется на периферию и наоборот, поскольку человеку и обществу в определённые периоды становления и развития требуются разные типы легитимации и разные правила структурирования мира¹¹. Каждый из указанных типов мировосприятия имеет собственные пространственно-временные представления, собственную логическую систему, специфическое отношение к письменной и устной традициям как к некоторым формам коллективной (а также и индивидуальной) памяти, и каждый из них может доминировать и доминирует только в определённых социальных формах, тогда как в иных социальных формах оказывается вытесненным на периферию восприятия и существует в культуре в маргинальном виде или в форме инобытия.

¹⁰ Козолупенко 2009.

¹¹ Отвечая на закономерный вопрос о том, исчерпывается ли всё многообразие человеческого мировосприятия этими двумя типами, замечу, что они являются наиболее изученными на данный момент и, как представляется, основными в принципе, хотя нельзя исключить существование и иных типов мировосприятия, характерных для человека, но пока не выявленных или слабо изученных.

Поскольку в данной статье нас интересует, в первую очередь, миф как особое, необходимое для человека и в то же время не вполне определённое явление, приведём вкратце основные отличительные черты мифопоэтического типа мировосприятия.

1. Мифопоэтическое мировосприятие основывается на особом типе причинности, в центре которой находится «закон участного внимания» и представление о мире как совокупности мест взаимодействия множества неповторимых и незаменимых живых существ, сопричастных как всему этому миру, так и друг другу и потому ответственных за этот мир и за все его проявления. Герой, являющийся динамическим центром этого мира, неразрывно связан с его пространством и временем. Сама причинность строится по принципу со-бытий или значимых взаимодействий героев. Устойчивость и изменчивость как основные онтологические характеристики мифопоэтического мира выражаются в метафоричности присущего ему языка и проявляются в свойственной героям многоипостасности и оборачиваемости.

2. Тип социальности, соответствующий мифопоэтическому мировосприятию, обладает рядом существенных особенностей. Различия между мифопоэтическим и немифопоэтическим обществами проводятся по ряду параметров. В частности, для мифопоэтических обществ характерно наличие нарративного типа передачи информации, системы родства, строящейся по принципу минимизации категорий «дальних» родственников (общество фактически, благодаря данной системе социальной классификации, одним из ярких проявлений которой является принцип «эквивалентности братьев»¹², состоит из ближайших родственников; «дальние» в этой системе отсутствуют, «чужие» возможны лишь вне общества и приравниваются к «людям, ходящим на головах»¹³, т.е. как бы уже и не людям), весь мир классифицируется сообразно классификации общества, социальный статус человека складывается в течение его жизни и никогда не наследуется, направленность на другого как одна из основных установок мировосприятия, максимальная социализация человека и максимальная демократизация власти как основные принципы стабилизации и ограждения социальной системы. Анализ «архаических обществ», для которых было наиболее характерно мифопоэтическое мировосприятие, демонстрирует строгую взаимосвязь указанных характеристик и позволяет говорить о взаимосвязанности мифопоэтического мировосприятия и «мифопоэтического» типа социальности.

3. Проявления доминирования мифопоэтического типа мировосприятия в период становления и слома общественной системы приводят к мысли, что сам этот тип мировосприятия оказывается наиболее

¹² См. об этом: Козолупенко 2009; Рэдклифф-Браун 2001.

¹³ Данное обозначение можно расшифровать одновременно и как «человек, живущий по иным социальным нормам» и как «чужак» – для мифопоэтического общества эти понятия фактически тождественны. Подробнее представление о «людях, ходящих вверх ногами» рассматривается в работах Дэвидсон 1975; Козолупенко 2009.

подходящим для моментов, когда общество находится в «точках бифуркации». Основная и специфическая роль мифопоэтического мировосприятия – обеспечение психологической устойчивости в «хаотические» общественные периоды.

4. Для мифопоэтического мировосприятия характерны определённые закономерности восприятия себя и другого и связанные с ними особенности построения образов, к наиболее существенным из которых можно отнести следующие:

1) вероятностность и вариативность (частным проявлением которой являются многоипостасность и оборачивание героев мифопоэтики, а также, в силу тесной связи героя и события, в котором он участвует, – изменчивость самих событий, образов и топосов в зависимости от их связи с тем или иным героем); на языковом уровне это проявляется как метафоричность и символичность, множественность имён и наименований в мифопоэтике (о которой уже говорилось в связи с проблемой героя), вариативность повествования (и миф, и сказка всегда отличаются в каждом новом пересказе для каждого нового слушателя) и др.;

2) синкретичность, проявляющаяся и как невыделенность человека из природы и из общества, и как нераздельность эмоциональной, образной и действенной сфер;

3) архетипичность, обеспечивающая устойчивость мифа и постоянное «возрождение» мифопоэтических образцов в различных временах и культурах;

4) принцип личностной вовлечённости в со-бытие мира и чувство необходимости каждого его участника и равной ответственности за него (как психологическое проявление закона «участного внимания»).

5. Сравнивая основные черты двух типов мировосприятия, аналитического и мифопоэтического, в сфере онтологии или восприятия мира, максимально обобщая, можно сказать, что для аналитического типа характерно следование классической логике Аристотеля, плоскостной геометрии Эвклида и физике Ньютона, тогда как для мифопоэтического более адекватными оказываются многозначная логика Лукасевича, геометрия Лобачевского и физические законы теории относительности Эйнштейна (в которой особенно значимым является введение понятия собственной реальности силового поля, а также некоторые аспекты, связанные с пониманием бесконечности и неупорядоченности)¹⁴.

¹⁴ В данном случае мы приводим самую общую аналогию, находимую в сфере научного знания и близкую по своим установкам мифопоэтическому мировосприятию, с целью более зримо представить особенности мифопоэтического видения «мира», специально не вдаваясь в подробный разбор её отдельных составляющих. Мы исходим здесь из мысли, что миф рисует мир скорее таким, как допускает неклассическая наука (хотя и здесь аналогия будет не полной) – и, в отличие от самой науки, абсолютно отрицает мир, каким рисует его наука классическая. Однако, сходство полученных мифопоэтическим мировосприятием и современным научным знанием онтологий не только не полно, но и принципиально ни в коем случае не означает, что неклассическая и постнеклассическая рациональность возникают в результате доми-

б. Формами коллективной памяти в аналитическом типе мировосприятия является по преимуществу письмо, а в мифопоэтическом – нарратив и изображение (которое в данном случае не может рассматриваться как первоначальная форма письма, так как имеет природу символа, а не знака).

Отличаются также и тип языка (понятийный и метафорический), и способ сбора информации (проектный и бриколлагный), и отношение к части и целому. Иными словами, можно сказать, что если рассматривать эти два типа мировосприятия диахронически, то при переходе от одного из них к другому происходит изменение всей структуры, что «внешне проявляется в том, что слова приобретают иное значение, чем они имели раньше, и задаются иные, чем прежде, вопросы»¹⁵.

При обозначении типов мировосприятия сознательно вводится понятие «мифопоэтического», слова «миф» или «мифическое» здесь кажется менее предпочтительным по ряду причин. Часть из этих причин связана с особенностями данного типа мировосприятия, позволяющими говорить о его проявлении не только в собственно мифологических

нировании мифопоэтического мировосприятия. Это, безусловно, не так. Несмотря на то, что обнаруживается явное сходство в том образе мира, который рисует современная наука и мифопоэтическое мировосприятие, в силу чего можно говорить о сходных «оптиках видения» применительно к пространству и времени (и в некоторых, но далеко не во всех, моментах – к причинности в целом), современное научное мышление ни в коей мере не является мифопоэтическим и его представления относительно принципов критичности, восприятия себя и восприятия другого, равно как и принятые формы коллективной памяти и даже языковые особенности принципиально отличаются от соответствующих представлений, форм и особенностей мифопоэтического мировосприятия. Научное знание, будучи в основе своей знанием аналитическим, остаётся таковым и в своем классическом, и в неклассическом, и постнеклассическом варианте (независимо от того, воспользуемся ли мы в данном случае классификацией типов рациональности М.К. Мамардашвили или В.С. Стёпина). В этом отношении показательна, на наш взгляд, концепция «сложного мира» в ее отечественной интерпретации (Аршинов, Свирский 2015). Частично анализ данной концепции с точки зрения выявления в ней опоры на аналитическое мировосприятие и его предпосылки был (хотя и очень бегло) проведён в работе Гиренок, Козолупенко, Ростова 2022, где показано, в частности, что изменение идеала научности, несмотря на появление созвучных мифопоэтическому мировосприятию понятий («включённого наблюдения») и ряда других, не делает науку мифопоэтической. Более того, именно в силу доминирования в современном мировосприятии аналитической составляющей, появление в ней мифов в собственном смысле этого слова достаточно проблематично, если не невозможно – и миф появляется в аналитическом мышлении, аналитическом обществе и аналитической культуре только в своей превращенной форме, в виде квази-мифа. Однако, именно современное научное знание и философия современной науки с характерным для них концептуальным аппаратом и пересмотром отношения к постулатам классической рациональности делают, на наш взгляд, возможным и даже необходимым пересмотр отношения к мифу, показывая, что мифопоэтическое мировосприятие отнюдь не является восприятием только лишь некритическим (что, кстати говоря, далеко не самая существенная его черта) и связанным с недостаточным знанием, но является определённой «оптикой», необходимой для человека в той же мере, что и «оптика» аналитического типа.

¹⁵ Гейзенберг 2006: 135.

текстах и мифологических культурах, но и в определённых фольклорных формах¹⁶. Кроме того, при анализе культур с явным или неявным доминированием мифопоэтического или аналитического типа мировосприятия выявляется (в разном соотношении) как минимум три формы бытия мифа и мифопоэтического типа мировосприятия в культуре и обществе, обладающих собственными закономерностями строения:

- 1) т.н. первобытный миф. или миф «в собственном смысле слова», существующий при явном доминировании мифопоэтического типа мировосприятия и отражающийся в «остатках» мифопоэтического мировосприятия в культуре (которые обнаруживаются, к примеру, в фольклорных формах: волшебных сказках и былинах) при переходе к аналитическому типу мировосприятия и постепенному вытеснению мифопоэтического на периферию;
- 2) инобытие мифа в художественной литературе (которая, как таковая, формируется в период вытеснения мифопоэтического типа мировосприятия аналитическим) и визуальных типах искусства;
- 3) мерцание мифа или т.н. квази-миф, как он присутствует в массовом сознании при доминировании аналитического типа мировосприятия (в т.ч. в политических и современных «социальных» мифах и различных проявлениях «архетипического»).

Первая форма бытия мифа представляет собой классическое проявление доминирования мифопоэтического мировосприятия и состоит из собственно мифов (так называемых «первобытных») или же мифов в «собственном смысле этого слова», как определял их С.С. Аверинцев¹⁷, тогда как вторая и третья формы относятся скорее к «инобытию» мифа в культуре при явном доминировании аналитического типа мировосприятия над мифопоэтическим. Тем не менее, несмотря на проведённое выше разделение типов мировосприятия на аналитический и мифопоэтический, несмотря на утверждение о том, миф как таковой присутствует только в первой из выделенных форм его бытия, тогда как во второй и третьей формах мы имеем дело скорее с квази-мифами или мифоподобными образованиями, которые необходимо отличать от собственно мифов, в частности, во избежание терминологической и парадигмальной путаницы, следует заметить, что в то же время миф и мифопоэтика в разных своих проявлениях – отнюдь не закреплены намертво за одним лишь типом культуры, и «миф в высшей степени жив в дни нашей современности», и «полагать, что миф принадлежит далёкой древности» – и только – «непростительное заблуждение»¹⁸. Исследование различных способов проявления мифа в различных эпохах, в различных культурах и в различных типах обществ, наряду с изучением особенностей человеческого мировосприятия как такового, заставляет утверждать, что миф не является порождением исключительно «первобытной культуры», но,

¹⁶ Козолупенко 2009: 64-72.

¹⁷ Аверинцев 1970: 113.

¹⁸ Ващенко 2008: 5.

напротив – свойство «мифопоэтизации», неизбывное стремление к созданию «мифического» и «квази-мифического» есть характеристика человеческого как такового и потому обнаруживается в любой культуре и в любом типе мировосприятия, в т.ч. и в аналитическом.

Подтверждением этому выступает и отмечаемая множеством исследователей «живучесть мифа», различные – фиксируемые при изучении иногда совсем иных феноменов – проявления мифического то в средневековой культуре, то культуре Нового времени, и, наконец, особенно настойчиво – в культуре современности, в которой «миф обнаружил, можно сказать, свою насущную необходимость»¹⁹. И хотя казалось, что «век рационализма объявил миф вне закона и лишил его всякого жизненного значения», в то же время, «подспудно шёл процесс мифизации, и он просочился оттуда, откуда его меньше всего ждали: из самих рационалистических предпосылок»²⁰. И в итоге «миф так и не был [и, как мы увидим, не мог быть – Д.К.] полностью вытеснен логосом; прорвавшись сквозь столетия, миф жив и сегодня»²¹. Сегодня, он даже, возможно, более жив, чем 2-3 века назад, поскольку поменялись научные установки, в связи с чем поменялось отношение к мифу в научной среде в целом и если он и не стал восприниматься как Правда и как сознание Народа, что было характерно для его романтического толкования, если и обладает по-прежнему некоторым оттенком «иллюзорности», то восприятие его как некоторого заведомо ложного и искажающего образа сменилось на представление о «необходимой иллюзии». Частично такой «разворот к мифу» объясняется социальными изменениями, в результате которых потребовалась выработка новых социальных образцов и произошёл сдвиг от праксиоматики аналитического типа мировосприятия, показавшей свою несостоятельность в сложившейся ситуации, к праксиоматике мифопоэтического типа, частично – изменениями мировосприятия, связанными со сменой научных перспектив и общей «оптики мира», которая, затронув необъяснимые и необъясняемые с точки зрения классического идеала рациональности явления, оказалась вынуждена от него отступить.

В процитированной работе «Живучесть мифа» Э. Калер замечает, что «разум сможет упразднить его [миф] только в том случае, если самые глубинные... пласты нашего существования будут насквозь пронизаны рациональным мышлением»²². Однако вернее в данном случае сказать – если разум ограничится и исчерпается «классическим типом рационального мышления», так как миф сам по себе, в т.ч. и в его «собственной», наиболее древней форме, отнюдь не чужд рациональности, хотя рациональность эта и иного типа, нежели классический идеал рациональности. Но и разум человека, и его мировосприятие в целом не ис-

¹⁹ Ващенко 2008: 3.

²⁰ Калер 2009: 559.

²¹ Калер 2009: 556.

²² Там же.

черпываются и не могут исчерпываться классическим идеалом рациональности, а потому неизбывна в нём и мифологическая составляющая.

Хотя приведённый выше тезис о том, что миф просочился к нам из самих рационалистических предпосылок представляется не совсем точным, так как речь скорее может идти о смене типа рациональности как отражении смены доминирующего типа мышления (проявления которого мы можем наблюдать и в культуре в целом, и в изменении социальных форм, и в особенностях самоидентификации), однако для обыденного мышления именно изменение идеала научности как принципиально объективного и немифологизируемого знания явилось своего рода катализатором для осознания новой роли мифа в современной культуре и обществе и в итоге привело к постепенному осознанию мифа как «насушной необходимости» человека, а не только порождению «культуры древности». Именно современное состояние науки приводит нас к осознанию того, что и в научном мышлении не все явления могут быть объяснены с точки зрения классического идеала рациональности.

XX век с его достижениями в различных научных областях заставил нас окончательно признать, что между наблюдателем и объектом наблюдения нет и не может быть никакого «вакуума», никакой отстранённости – напротив, между ними всегда имеется взаимодействие, благодаря которому они влияют друг на друга и изменяют друг друга – и устранить это взаимодействие невозможно. А это означает, что сама процедура «наблюдения» и наблюдаемости», являвшаяся основой классической рациональности и классической науки, как таковая не существует²³. Но это означает также и то, что понятия факта и наблюдения, понятия объективности и самождественности, на которых базируется вся совокупность постулатов, норм и правил выведения аналитического типа мировосприятия, оказались поставлены под сомнение, если не вовсе превратились в миф²⁴. Поистине шокирующая новость.

Кроме того, «вывести утверждения о бесконечности из простых высказываний формальной логики оказалось невозможным», поскольку «оперирование математической бесконечностью ведёт к парадоксам (неразрешимым противоречиям)»²⁵, в результате чего «приходится отказаться при оперировании с бесконечностью от одного из основных логических законов: закона исключённого третьего»²⁶. И в то же время в современности человек как никогда осознаёт как мало, в сущности, явлений и образований, которые мы можем назвать конечными, и как существенны для нашего мира и самого нашего бытия те самые, не поддающиеся классической логике, «бесконечности» – как в физическом, так и в метафизическом плане. В итоге создаётся впечатление, что и вовсе «ничто нельзя признать конечным – конечное превращается

²³ Подробнее об этом см. Мамардашвили 1994.

²⁴ Здесь – просто в общеупотребительном значении слова «миф».

²⁵ Лекторский 2006: 208.

²⁶ Лекторский 2006: 209.

в миф»²⁷. Метафизика «конечности»²⁸ как особого вида бытия – человеческого – вызывает Ужас и подсознательно отторгается человеком. И дело здесь не только в том, что современная наука и в особенности физика, «при всём её триумфе, пробуждает в человеке первобытный ужас перед лицом непостижимого, которое вновь возникает на периферии внешнего мира»²⁹, но и в том, что человеческое не объясняется и не исчерпывается конечностью и потому не может быть раскрыто с помощью рациональности классического типа.

Мышление XX века приходит к осознанию того, что «есть уровень явлений в мире и в человеке, который оказывается всё более неподдающимся осмыслению даже в рациональном исследовании. Рациональный контроль нашего мира возможен лишь в ограниченных пределах и действителен лишь в ограниченные периоды»³⁰, и потому присутствие мифопоэтической компоненты в нашем мировосприятии неизбежно и обосновано самой спецификой человека как существа не-конечного и стремящегося выйти за пределы конечности, в т.ч. и в сфере познания. Во многом поэтому современная наука и современное мировосприятие, отказываясь от классического идеала рациональности, заставляют пересмотреть соотношение аналитического и мифопоэтического как равно необходимых компонент в мировосприятии человека. Не в последнюю очередь именно отказ от классического идеала рациональности в науке и обыденном мышлении к середине XX в. приводит к признанию неустранимости мифологического и мифопоэтического в человеческом мировосприятии, к представлению о естественной «живучести» мифа, в связи с необходимостью воспринимать явления и осмысливать процессы, не поддающиеся описанию, осмыслению и восприятию в рамках классической рациональности³¹. К признанию того, что миф коренится в самых глубинных пластах нашего существования, является нашей антропологической необходимостью, которую можно исследовать, можно обосновывать, можно пытаться игнорировать, но нельзя отменить.

Конечно, с явлениями, «неподдающимися осмыслению в рациональном исследовании», явлениями, к которым понятие конечности ока-

²⁷ Калер 2009: 562.

²⁸ Имеются в виду, прежде всего работы М. Хайдеггера, особенно Хайдеггер 1997.

²⁹ Калер 2009: 562.

³⁰ Там же.

³¹ К сожалению, подробное рассмотрение влияния трансформации идеалов научности на изменение обыденного мышления современного общества в данной статье не представляется возможным в силу ограниченности её объёма. Однако представляется, что именно изменение идеала научности, связанное с переходом от классической к неклассической и затем постклассической рациональности, провоцируют изменение в понимании восприятия не только в современном философском, но и в обыденном сознании и делают объяснимым и даже естественным для этого сознания представление о неустранимости мифопоэтического мировосприятия для человека, а также объясняют неизбежное возникновение квази-мифов как единственно возможной формы проявления мифопоэтического мировосприятия в доминантно аналитической культуре и доминантно аналитическом мировосприятии.

зывается неприменимо, явлениями, которые, строго говоря, и явлениями сложно назвать, так как применительно к ним невозможно использовать критерий наблюдаемости, человек, на самом деле, сталкивался и сталкивается во все эпохи и повсеместно. И в этом смысле миф и мифопоэтическое мировосприятие не является порождением только современной культуры, равно как и не принадлежит только к культуре первобытной. В этом смысле он действительно «всеременен и вездесущ». Современность лишь указала на столкновение с бесконечным, иррациональным, неалгоритмизируемым и потому не вписывающимся в систему аналитического мировосприятия наиболее явственно, сделав отныне невозможным его игнорирование. Ввела его в план сознания – и тем самым сделала его проблемой. Тогда как ранее «осмысление» таких «явлений» происходило неосознанно или же не вполне осознанно, параллельно с осмыслением собственно явлений, к которым и представление о конечности, и представление о наблюдаемости были вполне применимы – так же, как и все остальные основания классического типа рациональности и аналитического типа мировосприятия в целом. Однако, в явном или латентном виде, осознанно или неосознаваемо, эти «псевдо-явления» присутствовали в любом индивидуальном опыте и в любой культуре. А потому, с неизбежностью, не будучи в состоянии быть осмысленными «рационально», требовали иного типа осмысления. Мифа, который, вследствие этого оказывается вездесущ и всевременен.

В то же время, нельзя не признать, что если мы будем вести речь о древнем мире, о художественной литературе или же о современном массовом сознании, то несомненно констатируем, что во всех этих трёх случаях миф мифу рознь. Оставаясь мифом по сути своей (то есть обладая той же природой происхождения и теми же основными антропологическими функциями), миф, тем не менее, – для того, чтобы он мог быть вообще воспринят носителями иного типа мировосприятия, нежели мифопоэтическое – вынужден видоизменяться, «подстраиваясь» под требования доминирующего типа мировосприятия у данной личности или в данной культуре – превращаясь, порой, в своё «иное».

В результате такой мимикрии мифа, многие его исследователи, изучающие не только древнюю, но и более позднюю мифологию, склонны замечать не только, что *«вся наша жизнь и мир основаны на мифе и пронизаны мифом, миф неразотржимо связан с людьми и отвечает примитивной потребности человека»*³² но и то, что *«сам миф претерпевает изменения, которые происходят по мере эволюции нашего мышления и сознания; на него наслаиваются формы, методы и результаты достижений нашего разума и потому миф порой нелегко распознать»*³³. Однако же, мы неизменно распознаём его. И именуем – с некоторым, правда, сомнением и оговоркой – именно мифом, незави-

³² Калер 2009: 559.

³³ Калер 2009: 556.

симо от той эпохи и той сферы культуры и мышления, в которой мы его обнаружили. Исследуя все обозначенные явления, мы убеждаемся, что миф действительно не является порождением одной лишь «примитивной» культуры и проявляется во все времена и в любой культуре. В виде «собственно мифов» – в культуре «примитивной», где доминирует мифопоэтический тип мировосприятия, в виде «квази-мифов» и «мифологических паттернов» – в культуре с доминированием аналитического типа мировосприятия.

Но если миф «всевременен и вездесущ», если его наличие в культуре и обществе, как и появление его в ином мировосприятии обусловлено не культурно-исторической ситуацией, а некоторым родом антропологической необходимости, то зачем вводить понятие «квази-мифа», говорить о «инобытии» мифа в аналитическом мировосприятии, а не употреблять единственный и привычный термин «миф» применительно к любому времени его проявления, вместо того, чтобы вводить это множество новых и сложно согласующихся друг с другом понятий?

Необходимость такого лексического «умножения сущностей» связана как раз с тем отличием, которое обнаруживается при сравнении древних мифов и того, что мы воспринимаем как «мифы современности». Замечаемое даже при самом первом обращении, именно это отличие заставляет называть современные мифы «квази-мифами», признавая, что они одновременно и являются мифами и как бы не совсем.

Действительно, столкнувшись в своём исследовании с так называемыми «примитивными» мифами, и учёный, и обыватель не усомнятся в том, что имеют дело именно с мифом. Хотя некоторая доля неуверенности всё же может присутствовать (что отражается, например, в характерном двойном определении мифов «примитивных народов»: мифы и сказки, или же – применительно к народам «древним»: мифы и легенды), но сам термин «миф» неизменно будет возникать в определении такого образования как нечто обязательное. В случае же обнаружения некоторых «мифообразований» в культурах более поздних и не являющихся «примитивными» – в средневековой ли Европе, в Новоевропейское время или в современности – тот же исследователь или обыватель будет, с одной стороны, причислять это образование к мифам, но, с другой стороны, и отделять его от них, как бы фиксируя тем самым «неподлинность» данного «мифообразования» как мифа.

Поэтому применительно к таким более поздним мифам корректнее выглядит определение «квази-миф» или представление об «инобытии мифа». Ибо, являясь мифом, он сохраняет его основные черты: *«он обращается к основам нашего бытия; он не объясняет, но лишь повествует; он питается от анонимного источника или от источника, ставшего анонимным; его утверждения бесспорны, окружены аурой святости и поклонения; он дышит очарованием непостижимого»*³⁴, он об-

³⁴ Калер 2009: 556.

рашается скорее к бессознательным слоям нашей психики, нежели к сознанию, являясь формой и проявлением деятельности коллективного бессознательного, довлеет над человеком; он выполняет определённые социально-психологические функции, из которых основными являются функции легитимации и интеграции. Но, в то же время, возникая в аналитическом типе мировосприятия, «квази-мифы» не могут не соответствовать хотя бы в некоторых аспектах основаниям этого мировосприятия, чтобы не быть им отторгнутыми и восприниматься как его естественное порождение – а следовательно, не могут не отличаться от «собственно мифов», порожденных мировосприятием мифопоэтическим и в таком соответствии не нуждающимся.

В чём же заключается это отличие? На наш взгляд, одним из наиболее существенных отличий квази-мифов от мифов является утрата ими повествовательности³⁵. Можно предположить, что таковое отличие связано с включённостью квази-мифа в аналитический тип мировосприятия, в котором повествование соответствует его логическим законам, а потому противоречит основным свойствам мифа. Действительно, если мы обратимся к конкретным примерам, то легко обнаружим, что примитивный миф и фиксируется исследователями мифопоэтических обществ в первую очередь именно как текст, тогда как современные мифы повествовательности как раз лишены. И если применительно к собственно мифу мы можем сказать, что «миф поэтичен, а не живописен»³⁶, то для квази-мифа оказывается верным скорее обратное, поскольку квази-миф – это не текст, а более или менее отчётливый аудио-визуальный комплекс, связанный с определённым комплексом эмоциональных переживаний и ожиданий³⁷. И, как правило, неосознанно являющийся руководящим стержнем всего человеческого поведения.

Миф в современности лишается одного из компонентов «выраженности», бывшего его основным компонентом в древности, компонентом, благодаря которому происходила и с которым связывалась трансляция мифа и его усвоение в культуре и личном восприятии её носителей. Поэтому, в частности, «современный миф» и является лишь «квази-мифом» или же мифологическим паттерном, но не целостным мифом, как мифы древние, или, согласно терминологии С.С. Аверинцева, «собственно мифы».

³⁵ Безусловно, это не единственное, хотя и существенное отличие квази-мифа от собственно мифа. К иным отличиям можно отнести: локальность, условность, перспективность и вторичность квази-мифа. К сожалению, объём статьи не позволяет подробно рассмотреть каждое из данных отличий, поэтому было выделено только одно из них – наиболее явное и связанное с утратой универсальности, выразительности и транслируемости – ненарративность.

³⁶ Лосев 1994: 151.

³⁷ В этом отношении все примеры современной мифологии, приводимые как в упоминавшемся уже исследовании (Калер 20090, так и иных источниках, среди которых можно выделить Барт 2019, являются примерами именно квази-мифов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аверинцев С.С. Аналитическая психология К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы, 1970, № 3. С. 113-143. [Averintsev S.S. Analyticheskaiya psichologiya K.-G. Junga i zakonmernosty tvorcheskoi fantazii // Voprosi literaturi, 1970, No. 3 - ss.113-143].
- Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть первая // Философия науки и техники. 2015, т. 20, № 2, с. 70-84. [Arshinov V.I., Svirskij Ja.I. Slozhnostnyj mir i ego nabljudatel'. Chast' pervaja // Filosofija nauki i tehniki. 2015, t. 20, № 2, s. 70-84].
- Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2019. 351 с. [Bart R. Mifologii. M.: Akademicheskij proekt, 2019. 351 s.].
- Бесков А.А. Мифология мифологии // Общество. Среда. Развитие. 2015, № 1, с. 116-120. [Beskov A.A. Mythologiya mythologii // Obshestvo. Sreda. Rasvitiye. 2015, N 1, s. 116-120].
- Вашченко А.В. Суд Париса: сравнительная мифология в культуре и цивилизации. М.: МГУ, 2008. 55с. [Vashchenko A.V. Sud Parisa: sravnitel'naiya mythologiya v culture i civilizatii. Moscva: MGU, 2008. 55 s.].
- Гейзенберг В. Шаги за горизонт // Гейзенберг В. Избранные философские работы. СПб.; Наука, 2006. С. 7-277 [Heisenberg V. Shagi za horizont./ Heisenberg V. Izbranniye filosofskiye raboti. St. Peterburg; Nauka, 2006. S. 7-277].
- Гиренок Ф., Козолупенко Д., Ростова Н. Кто мыслит сложностно в современной философии? // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 30–42 [Girenok F., Kozolupenko D., Rostova N. Kto myslit slozhnostno v sovremennoj filosofii? // Voprosy filosofii. 2022. № 1. S. 30–42].
- Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. Пер. с англ. / Отв. ред. и авт. предисл. В. Б. Иорданский; АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1975. 279 с. [Davidson B. Africantsy. Vvedenie v istoriyu kulturi. Per. s angl. / Otv. red. i avt. predisl. V. B. Jordansky; AN SSSR. Institute Vostokovedeniya. M.: Nauka, 1975. 279 s.].
- Калер Э. Живучесть мифа // Логика культуры. Антология / Отв. ред.-сост. С.Я. Левит. СПб.; Университетская книга, 2009. С. 555-564. [Kaler E. Givuchest' mifa // Logika kulturi. Anthologiya / Otv. red.-sost. S.Ya. Levit. SPb.: Universitetskaiya Kniga, 2009. S. 555-564].
- Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое мировосприятие. М.: Канон+, 2009. 432 с. [Kozolupenko D.P. Mythopoeticheskoye mirovospriyatie. M.: Canon+, 2009. 432 s.].
- Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2006. 256 с. [Lectorsky V.A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya. M.: URSS, 2006. 256 s.].
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность / Сост. А.А. Тахо-Годи; Общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. С. 5–216 [Losev A.F. Dialektika mifa // Losev A.F. Mif – Chislo – Sushhnost' / Sost. A.A. Taho-Godi; Obshh. red. A.A. Taho-Godi i I.I. Mahan'kova. M.: Mysl', 1994. S. 5–216].
- Лосев А.Ф. Миф – развёрнутое магическое имя // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. / Сост. А.А. Тахо-Годи; Общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. С. 217-232. [Losev A.F. Mif – razvyrnutoye magicheskoye imya // Losev A.F. Mif – Chislo – Sushhnost'. / Sost. A.A. Taho-Godi; Obshh. red. A.A. Taho-Godi i I.I. Mahan'kova. M.: Mysl', 1994. S. 217-232].
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Теория знаковых систем. Вып. VI, 1973. С. 282-305 [Lotman Yu.M., Uspensky B.A. Myf – imya – cultura // Teoriya znakovih system. Vip. VI, 1973. S. 282-305].
- Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт. 1994. 92 с. [Mamardashvili M.K. Classicheskii i neklassicheskii ideali rationalnosti. - M.: Labyrinth. 1994. 92 s.].
- Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. Пер. с англ. М.: Восточная литература, 2001. 304 с. [Radcliffe-Brown A.R. Structure i functiya v primitivnom obshestve. Ocherki i lectsii. M.: Vostochnaya literatura, 2001. 304 s.].
- Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с. [Heidegger M. Bitiye i vremya. M.: Ad Marginem, 1997. 452 s.].
- Хоружий С.С. Арьергардный бой. Мысль и миф Алексея Лосева // Вопросы философии. 1992, № 10. С. 112–138. [Horuzhij S.S. Ar'ergardnyj boj. Mysl' i mif Alekseja Loseva // Voprosy filosofii. 1992, № 10. S. 112–138].

Козолупенко Дарья Павловна, доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии, философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, petrovich.tr@gmail.com

The Anthropological Essential of Myth

The article shows that the consideration of myth as a type of the apprehension of the world makes it possible to explain the anthropological necessity of myth, manifested in its "omnipresence", and to distinguish terminologically different types of myths that appear when one or another type of world perception dominates. A distinction is made between the analytical and mythopoetic types of world perception, the main characteristics of the mythopoetic type of world perception, the causes and features of the manifestation of the otherness of the myth in analytical culture and society are analyzed. The conclusion is made about the unavoidable of the mythological as a necessary element of human perception of the world and culture, and a distinction is established between the myths proper, characteristic of mythopoetic culture, and quasi-myths existing in the culture of the analytical type.

Key words: myth, quasi-myth, mythological pattern, culture, perception and apprehension of the world, Analytics, mythopoetics

Kozolupenko Darya Pavlovna, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, petrovich.tr@gmail.com

**«ВИДЕНИЕ» И «ВЕДЕНИЕ» ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА
В МЕМОРИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И В РЕКОНСТРУКЦИЯХ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ**

В статье фокус внимания направлен на оценку в современном мемориальном историографическом дискурсе и в практиках реконструкций идентичностей познавательных возможностей «реляций очевидцев от власти» как отраженной исторической памяти о первом для российского общества опыте реализации права выбора своих индивидуальных, групповых и коллективных предпочтений в историческом контексте драматических перемен первого десятилетия XX века. Центральным в повестке методологических дискуссий является вопрос о роли чувственного восприятия исторического факта-события, его «видения», запечатленного в свидетельствах очевидцев, в новой оптике, новых субъективных измерениях для формирования знания об этом факте, то есть «ведения» о нем, как результата процедуры познания исторического факта историком в исследовательских практиках. Экземплификацией подобных практик является предложенная автором статьи реконструкция общественных настроений и мотиваций в процессе самоидентификации в российском обществе на основе интерпретации «видения», зафиксированного в текстах очевидцев, свидетелей и участников.

***Ключевые слова:** мемориальный дискурс, политический дискурс, процедура реконструкции, идентичность, свидетельства очевидцев, концепт, мотивация поведения, общественные настроения*

В современном мемориальном дискурсе историками подчеркивается тот факт, что «живое воспоминание» находится под угрозой исчезновения с уходом поколения очевидцев и недолговечностью эпохи коллективного воспоминания. Вот почему актуализируются практики реконструкций образов событий и фактов прошлого на основе прочтения и осмысления источников, прежде не находившихся в приоритете для историков, к которым относятся свидетельства очевидцев, зафиксированные в текстах. Оценка познавательных возможностей отраженной исторической памяти в форме «реляций очевидцев» как канала передачи опыта и сведений о прошлом является частью современного историографического дискурса¹. Среди вопросов, составляющих повестку ведущих историками дискуссий, имеющих методологический характер, можно выделить феномен «взглядоцентризма», т.е. первостепенной, заглавной роли в исторических исследованиях информации о событиях и процессах, сообщенной очевидцами или участниками событий. Сама идея обусловленности степени правдивости нарратива, аутентичности исторической информации ее «приближенностью» к реконструируемому факту-событию не является новой, а скорее, характеризуется устойчивым и непреходящим интересом к ней историков в прошлом и в настоящем. В реалиях новейшего времени проблема исторического факта, его структуры, реконструкции и интерпретации вновь

¹ Вжосек 2012: 221–222.

становится предметом дискуссий профессионального исторического сообщества², что связано с теми трансформациями, которые происходят в предметном поле истории и ее методологии.

В статье предпринята попытка осмыслить современные оценки историков-профессионалов роли чувственного восприятия исторического факта-события, его «видения», запечатленного в свидетельствах очевидцев, в том числе, в новой оптике, новых субъективных измерениях, для формирования знания об этом факте, т.е. «ведения» о нем, как результата процедуры познания исторического факта историком в исследовательских практиках. Экземплификацией подобных практик является опыт реконструкции процесса самоидентификации на групповом и индивидуальном уровне, происходившего в российском обществе в драматическое первое десятилетие XX в. на основе «видения» его «очевидцами от власти», зафиксированного в сохранившихся архивных реляциях губернаторов о настроениях в обществе во время выборной кампании в первый российский парламент – Государственную думу. Опыт вовлеченности в этот процесс потребовал от его участников осуществить свой выбор и сопровождался, как продемонстрировали итоги выборов, «деградацией в обществе царистской памяти и идентичности», формированием новых идентичностей в канун переломных событий истории русской революции.

Актуальность исторической реконструкции формирования «новых» идентичностей в российском обществе в период кардинальных социальных трансформаций начала XX в. усиливается еще «связью прошлого и настоящего», о которой убедительно сказано Л.П. Репиной во вводном разделе коллективной монографии «Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности». В частности, там говорится, что «культурный», «прагматический», «мемориальный», «визуальный», «пространственный» и другие «повороты» открыли перед исторической наукой новые перспективы, новые объекты, новые методы» и выдвинули на первый план концепт «опыт», «который фокусирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти о событиях прошлого, фиксируя тесную связь восприятия прошлого и отношения к нему в исторической памяти с социокультурным контекстом актуального настоящего»³.

Среди источников изучения памяти особое место занимают свидетельства очевидцев, их мемуары, дневники, переписка, на основе которых можно реконструировать культурную память о прошлом, социокультурную, политическую идентичность акторов истории. Доверие к свидетельствам очевидцев связывается историками с переоценкой и переосмыслением историческим сообществом на современном этапе значимости «видения» как надежной основы реконструкций исследова-

² Селунская 2020.

³ Прошлое для настоящего... 2020: 13.

телем исторических фактов, событий, процессов. Так, например, Войцех Вжосек, обращаясь к истокам развития познавательных процедур, указывает, что уже на ранних стадиях познания мира осознавалась первостепенная значимость «видения», а также «неразделенность», тесная связь операции видения, чувственного восприятия исторического факта-события, и «ведения», формирования знания о нем, как сознательной мыслительной процедуры. Кроме того, в этой комбинации, соединении, неразделенности определяющим аргументом выступало «само видение», «статус очевидного состояния вещей». Именно определяющая значимость «видения» сохраняется, по мнению историка, в последующем развитии историографии, когда стали использоваться письменные источники, в которых «непосредственный свидетель» представлен уже «в образе текста, содержащего его свидетельство». Текст рассматривается как способ сохранения чьего-то «видения и слышания», т.е. некоторых свидетельств о зримом, ощущаемом мире, а степень «правдивости исторического нарратива» связывается с возможностями историков «обращения к очевидцу», использования «свидетельства живущих свидетелей» и «свидетельства людей, передающих услышанное знание».

Весьма убедительным представляется утверждение историками значимости «исторического свидетельства», его способности «ответить на вопросы, задаваемые в данном домене исторического познания», а также постановка проблемы взаимосвязи «новых доменов исторического исследования» с «новыми измерениями эмпирии», в т.ч. выбором соответствующих источников и их интерпретации. «Источниковость» может быть понимаема как измерение объективности конструируемого историком «исторического мира» в отдельном домене исследования⁴. Методологическая составляющая формирования источникового знания связана, несомненно, и с «мнением историка» о характере и содержании исторического знания, которое желательно получить в этом домене – предметной области истории. Такой предметной областью истории может быть как «традиционный», так и «новый» домен исторических исследований. Использование свидетельств очевидцев в «традиционных областях» исторических исследований может «открывать» новые ракурсы прочтения, новые измерения эмпирии и «видения» исторического факта, а также расширять границы «ведения» исторических фактов-событий и процессов. Так, например, реконструкции исторических фактов на основе «свидетельств очевидцев» могут открыть возможность «увидеть» такие важные, но скрытые, подвижные, полихромные характеристики социума как общественные настроения, мотивы поведенческих моделей отдельных групп, слоев населения, их социальные, политические, этнокультурные идентичности. В плане оценки «надежности» выводов и заключений историка, основанных на свидетельствах очевидцев, историки склонны полагать, что эти источники обладают высо-

⁴ Вжосек В. Культура и историческая истина 2012: 244.

кой степенью «чувствительности» воспроизведения образов прошлого, отдельных событий и фактов, так как «удостоверяют связь историка с прошлым», поскольку историк приобретает возможность «видеть» перед собой «фрагмент прошлого» через представителя этого прошлого – очевидца события, участника или современника.

Примером доказательства значимости свидетельств очевидцев для «новых доменов» исторического познания являются исследовательские практики в области изучения памяти (“memory studies”). По мнению специалистов, работающих в этом сегменте предметного поля истории, главным для историка становится не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, и который транслировался последующим поколениям, превращаясь в «заверенную память», т.е. память, «преобразованную в историю»⁵. Американский историк Аллан Мегилл подчеркивал, что понимание историком своей задачи имеет двоякий смысл: получение знания о прошлом, т.е. познание прошлого, и репрезентация прошлого и получение образа прошлого⁶. Следовательно, по мнению А. Мегилла, историк не должен ограничиваться реконструкцией реальных событий, т.е. того, что «действительно произошло». Работа историка включает и функцию воображения для представления того, как что-то произошло, т.е. реконструкция событий должна быть дополнена «видением» и «представлением видения», которые оцениваются выше, чем просто знание, или узнавание. Представляется важным более пристально прочитать, расшифровать, раскрыть смысл, заложенный в утверждении «представление видения». Так, особого внимания в подобных репрезентациях заслуживает «интенция» историка, которая является весьма существенной в «предопределенности» роли источника в исследовательском сценарии. То есть, познавательный потенциал источника определяется не только и не столько его происхождением, видовой принадлежностью, отраженной в классификации, сколько той ролью, которую историк приписывает источнику сегодня, задавая ему вопросы и втягивая в конкретный дискурс, в т.ч. при использовании его как в «традиционных», так и «новых» доменах исторических исследований. Следует добавить, что именно «мемориальный поворот» предлагает иную оптику видения и реконструкции исторических фактов в контексте социокультурного подхода. Вот почему более значимой представляется классификация источников по вовлеченности их в проблемное поле исследований в качестве их эмпирической основы. В этом случае «включенность источника» в определенный «домен исторической науки» позволяет оценить его потенциал, высказать суждения о его информативной ценности и аутентичности содержащейся в источнике информации для реконструкции историком избранного им исторического факта, явления, процесса.

⁵ Эклс 2001: 176–198.

⁶ См.: История, память, идентичность... 2016.

В современных дискуссиях наибольший интерес для источниковеда представляет поиск и освоение источников, позволяющих осуществить «репрезентации прошлого» в дополнение к «реконструкции» того, что было, оценка их информативного потенциала для того, чтобы «увидеть» прошлое, обогатить историческое знание эмоционально-психологическим восприятием образа прошлого. Специфика такого подхода проявляется, в частности, в «метафорическом характере» видения прошлого, что означает «интеллектуальное», умственное видение прошлого через считывание текста источника, фиксирующего впечатление и наблюдения очевидца и участника событий, памяти о них.

Современное внимание к свидетельствам очевидцев событий и фактов, относящихся к «традиционным» областям, прежде всего к политической истории актуализировано еще и теми трансформациями в этом домене истории, которые связаны с «историческим», «культурным» и «мемориальным» поворотами. Так, по мнению В. Вжосека⁷, политическая история является «основополагающим видом» исторических сочинений, практики которого следует, однако, обогатить, например, дополнив академическую историческую интерпретацию политики прошлого, ее отдельных этапов, фактов и событий их историко-культурологической интерпретацией, в т.ч. путем включения научного, художественного, политического, публичного дискурсов. Эти дискурсы должны рассматриваться как «способы смыслонаделения мира прошлого», формирования его образа в национальной культуре, в коллективной памяти с его исторической конкретикой: изменчивостью, вариативностью опыта и его освоения, переживания и осмысления.

Предложенный подход заслуживает особого внимания и при обращении к политической истории Российской империи в начале XX в., имеющей длительную и богатую историографическую традицию, в которую свой вклад внесен и автором статьи⁸. Новым ракурсом изучения этого этапа политической истории России является рассмотрение процесса формирования политической демократической культуры, реконструкции приобретенного в ходе развития этого процесса индивидуального и группового исторического опыта самоидентификации и рождения новых идентичностей в российском обществе начала XX в. Именно в этот период появилось в российском обществе «пространство возможностей» для выбора, а также определились «горизонты ожиданий» отдельных представителей и групп российского общества. Появление этих новых условий и их проявление связано с контентом *политического дискурса*, который вели представители различных политических сил накануне и в ходе первой выборной кампании в Государственную думу, в период, когда ситуация в России оценивалась современниками как сложная настолько, что из нее «другого, не кровавого, выхода нет». Однако, хотя Россия была близка к революции, тем не менее Манифест

⁷ Вжосек В. О необходимости... 2012: 61–65.

⁸ Селунская, Тоштендаль 2005.

17 октября 1905 года, содержащий обещание открытия Думы и проведения выборов в этот институт «народного представительства», возможно расценивать как реформу, хотя и проведенную под давлением общества, но содержащую возможности модернизации российского общества, в т.ч. демократизации системы управления империей, точно так же, как и реформы, происходившие во многих странах Европы в те годы. Основные вопросы политического дискурса того времени: какие «демократические» альтернативы в 1906 г. в России были предоставлены избирателям в политической сфере, и как понимание «демократии» соотносилось с другими центральными понятиями, такими как «конституция», «революция», «равенство», «законность», а также, в определенной мере, с вариантами решения «земельного вопроса». «Демократические ценности» занимали центральное место в политическом дискурсе того времени в Российской империи, который велся различными политическими силами, получившими в ходе выборов возможность продемонстрировать свои предпочтения. Несмотря на то, что правительство, высшая бюрократия, приближенная к царю, была против развития политизации общества, культура права выбора стала развиваться, что не могло не проявляться в общественных настроениях и в процессе самоидентификации населения. Таким образом, именно опыт вовлеченности российского общества в выборный процесс актуализировал и стимулировал процесс самоидентификации населения, осознания своих предпочтений в выборе путей дальнейшего развития социума, своих идентичностей.

Примером обращения к зрительному опыту очевидцев, транслированного в письменных свидетельствах, нового прочтения «политического исторически ориентированного дискурса» о настроениях в российском обществе в начале XX века в контексте конструирования коллективной памяти как способа осмысления «ближайшего прошлого» может быть опыт анализа реляций губернаторов, хранящихся в РГИА в Санкт-Петербурге. В фонде «Особое делопроизводство по выборам в Государственную Думу» обращает на себя внимание одно из дел – «О причинах успеха на выборах в Государственную Думу крайних партий»⁹. В нем собраны подробные ответы губернаторов на шифрованную телеграмму министра внутренних дел П.А. Дурново от 29 марта 1906 г., в которой он просил изложить их собственное мнение на причины значительного успеха кадетов на первых выборах в Думу. В телеграммах, которые были разосланы по 25-ти губерниям, содержалось следующее обращение: «Благоволите сообщить со всею подробностью мнение Ваше о причинах успеха на выборах крайних партий. Лежат ли эти причины в условиях самой системы выборов и каких именно или в равнодушии умеренных классов общества и энергической пропаганде крайних партий или иных обстоятельствах. Сообщите также Ваше заключение о степени

⁹ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Этот источник был введен в оборот в ходе исследования в моем семинаре процесса становления российского парламентаризма с моими учениками. См.: Селунская, Бородкин и др. 1996.

добросовестности приемов политической предвыборной агитации и равно сведения о наблюдавшихся при выборах случаях злоупотреблений, подкупа и угроз, и степени влияния этих обстоятельств на исход выборов»¹⁰. В ответах губернаторов наиболее интересными для реконструкции самоидентификации людей, участвовавших в выборах, является «видение» очевидцами от власти процесса осознания участниками выборной кампании своих предпочтений, социальной и политической идентичности, востребованной в ходе первого опыта «выбора» желательного «народного представительства», ответственного за реализацию «ожиданий народа». Сами же ответы губернаторов могут расцениваться как свидетельства очевидцев, так как писали они их почти сразу же по завершении выборов в губерниях.

Степень доверия этим свидетельствам очевидцев и содержащимся в них оценкам общественных настроений может быть обоснована фактом отсутствия фальсификации результатов выборов, которые явно не были такими, как хотелось правительству, и еще менее они отвечали интересам императора и его ближайшего окружения. Кроме того, к этому времени итоги избирательной кампании уже были известны для европейской части России, и руководители правительственной администрации на местах не были заинтересованы в «лакировке» или какой-либо иной фальсификации общественных настроений. Скорее наоборот, им было важно предоставить в министерство наиболее полную аутентичную панорамную картину видения ситуации для выработки правительственного курса в отношении новых выборов в следующую Думу.

Однако признание «надежности» свидетельств очевидцев-губернаторов не снимает проблемы сложности процесса реконструкции общественных настроений и формирования новых индивидуальных и групповых идентичностей, которая связана с подвижностью и неопределенностью этих настроений. В условиях, когда самодержавие все больше дискредитировало себя, демонстрировало неспособность к адекватной оценке происходящих событий, старалось не замечать предупреждений о грозящей катастрофе справа и слева, предпочитая репрессивные меры в качестве инструмента управления, социально-политические воззрения различных общественных групп не могли быть неизменными. Это обстоятельство также необходимо учитывать в практиках реконструкции общественных настроений и процесса самоидентификации в российском обществе начала XX века.

Что касается информативной ценности свидетельств очевидцев для реконструкции «картин» происходившего на основе считывания

¹⁰ Телеграммы министра были разосланы, как указано в канцелярской справке, в губернаторства Бессарабской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Гродненской, Калужской, Ковенской, Костромской, Курской, Могилевской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Подольской, Псковской, Самарской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уфимской, Харьковской, Ярославской губерний, а также в Ставрополь и в ведомство московского градоначальника.

«видения» ее свидетелями, участниками, современниками, то раскрытие смыслов содержащихся в них концептов как репрезентаций реалий определенного исторического периода представляется важным для заявленной реконструкции и определенным вкладом в конкретно-историческое знание, добавлением эмпирии в историческую эпистемологию.

В качестве примера, доказывающего полезность текстов свидетельств очевидцев для исторического знания, «ведения» исторического факта, обратимся к некоторым концептам, которые используют губернаторы в своих письмах как аутентичные характеристики, идентификаторы основных социальных групп, представляющих российское общество начала XX века, а также общественных настроений, «ожиданий» в период «кровавой зари», поднявшейся над Россией, которая, по оценке А.И. Куприна, была «зарей не ночи, а утра...»¹¹.

Представляется логичным начать с вопроса о том, наблюдались ли очевидцами от власти проявления этнокультурной идентичности национального уровня, осознание обществом себя как единого социума, «русского народа». В поиске ответа на этот вопрос чуть расширим ареал текстов свидетельств очевидцев от власти, «инсайдеров», тех, кто видел и наблюдал ситуацию, что называется, «изнутри». В этом ракурсе интерес представляют цитируемые в дневниковых записях французского посла в Российской империи Мориса Палеолога слова члена Государственного совета, исповедовавшего право-монархические взгляды, члена совета Русского собрания, который позже занимал пост Главного управляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, о значимости внутреннего согласия между правительством и общественным настроением и вреде антагонизма между императорской властью и гражданским обществом. Этот государственный деятель утверждал, что будущее России останется непрочным, «пока правительство и общество будут обозначать один другого словом «они» и пока они не будут употреблять слово «мы», чтобы указать на совокупность русских»¹².

Как видим, имеет место констатация представителями власти оппозиции «правительства» и «общества» и желательность видения в качестве центростремительной силы этнокультурную идентичность русских, способную объединить власть, правительство с обществом. Заметим, однако, что российское общество этого периода, как показали, в т.ч. итоги выборов в Государственную думу, не демонстрировало приверженность «традиционным ценностям, представленным «триадой»: православие-самодержавие-народность, которые явно ослабевали в памяти и ментальности российского общества и даже русского крестьянства. В письмах губернаторов, как, кстати сказать, и в многочисленных воспоминаниях современников, названы другие мощные силы, определявшие процесс самоидентификации российского общества и мотивацию поведения его отдельных социальных групп. Ими были «всеобщее возмущение

¹¹ Куприна 1979: 23–24.

¹² Палеолог... 1991: 157.

властями» и желание «спасти Россию». Зловещий смысл этого «всеобщего возмущения» весьма эмоционально охарактеризовал в своем выступлении в думе кадетский депутат А.Р. Ледницкий, указав на то, что это была стихия, которая, по его словам, «быть может снесет и нас, но вместе с тем она снесет многое, что можно было сохранить и ввергнет страну в бездну страшных потрясений»¹³. Вот именно эти два суждения: «*всеобщее возмущение властью*» и «*желание спасти Россию*» – весьма лаконично, эмоционально и содержательно транслируют видение современниками и очевидцами общественных настроений в последний, трагический период истории Российской империи. Так, на уровне социума, который транслируется в реляциях очевидцев через концепт «среда», общественные настроения характеризуются более конкретными проявлениями названного ранее оценочного суждения – «всеобщее возмущение властью». Губернаторами в их реляциях министру указывается на то, что «эта *среда* выступила уже на путь активной борьбы с существующим порядком и явилась ко времени выборов в достаточной мере оппозиционной. Естественно, что все симпатии ее могли лежать только на стороне конституционалистов-демократов»¹⁴. Справедливости ради надо заметить, что в свои оценки открытости российского общества оппозиционным идеям и настроениям, губернаторы включали и «другие обстоятельства», влияющие на восприятие либеральных и даже «левых» идей. Так, например, губернаторы называли и такие факторы воздействия на «общественные настроения» и мотивации поведения, которые были связаны с огромными финансовыми средствами, находившимися, прежде всего, в распоряжении кадетов на проведение выборов. По сообщению московского градоначальника, в Москве монархисты истратили на выборы 1065 рублей, умеренные – до 335 тысяч рублей, а кадеты – больше 700 тысяч рублей¹⁵. Однако, совершенно очевидно, что этот фактор мог лишь усиливать склонность общества к оппозиционным и даже революционным настроениям и направлять и корректировать групповой или индивидуальный выбор предпочтений.

О конкретных проявлениях настроения «всеобщего возмущения», как основы формирования новых идентичностей свидетельствуют письма губернаторов, раскрывающие активное проявление крестьянством разных губерний их «отношения к помещикам и духовенству» как «конкурентам», т.е. осознание своей идентичности как земельных собственников в одном ряду с перечисленными «другими». В этом плане ярким примером являются наблюдения, сделанные известным публицистом, землевладельцем из Смоленской губернии, журналистом «умеренного лагеря» С.Ф. Шараповым сразу после выборов¹⁶. По его мнению, на уездном съезде землевладельцев, в котором приняли участие 23 крестья-

¹³ Сборник речей... 1908: 117.

¹⁴ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 32, 53.

¹⁵ РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 37.

¹⁶ Шарапов 1906.

янина, они «со злыми глазами» ставили требование о земле, поддерживая кадетов. Автор с возмущением пишет, что эти крестьяне отнюдь не были безземельными, а являлись «собственниками купчей земли, приобретенной через Крестьянский банк». Такое высказывание явно представляет эмоциональное «видение» автором процесса самоидентификации в крестьянской среде, осознания определенной частью крестьянства своих интересов и себя как земельных собственников. Проявления этого осознания новой социальной идентичности «собственника» в процессе приобретения крестьянством опыта участия в выборах можно проследить и в наблюдениях губернаторов, касающихся приоритетов крестьян в выборе определенных политических сил для поддержки их в качестве «народных представителей». Так, весьма часто встречается в ответных письмах губернаторов указание на «блок между крестьянами и кадетами» и констатация фактов «поражения» на губернских собраниях представителей «правых» из-за позиции крестьянского большинства. Подтверждения наблюдений губернаторов можно найти и в воспоминаниях представителей власти. Так, побудительным мотивом поддержки кадетских депутатов крестьянами, по воспоминаниям депутата первой Государственной думы Д.Д. Протопопова о выборах в Самарской губернии, было суждение о том, что «эти, мол, (кадеты) что-нибудь для мужика может быть и сделают, а от наших господ да купцов чего ждать»¹⁷. Мотивация, как видим, связана с «горизонтами ожиданий» крестьянства в плане защиты их интересов как земельных собственников, а не как сословия с «традиционной ментальностью»¹⁸.

Продолжая эту линию размышлений, интересно было бы по текстам очевидцев от власти реконструировать образы поведения других групп российского общества под воздействием названных мотиваций. Так, очевидно, что мотивация «спасти Россию» была характерна для «образованного класса» и определяла, по свидетельствам очевидцев, его поведение. Однако «образованный класс» в «видении» современников и очевидцев был представлен в качестве «оппозиции» «народу», причем с негативными коннотациями. Так, например, вновь обращаясь к дневниковым записям М. Палеолога, находим там транслитированную им позицию «виднейшего русского заводчика-металлурга и финансиста, некоего богача П.» об «образованном классе». Интересно пессимистическое видение потенциала «образованного класса» накануне крутого поворота российской истории «цензовиком с самым высоким цензом», зафиксированное в характеристике этого класса как «меньшинства, лишённого организации и политического опыта, не имеющего связи с народом». И это «меньшинство» он отождествлял с такими названными им группами как «буржуазные слои, интеллигенты, кадеты», которые именно и дадут «сигнал к революции», «дадут, вероятно, ду-

¹⁷ К 10-летию... 1916: 9, 11.

¹⁸ РГИА. Ф.1278. Оп.1. С.1. Д.27. Л.8.

мая этим спасти Россию»¹⁹. Можно утверждать, что основанием групповой идентичности «образованного класса» в восприятии современников не были ни социальный статус, ни этнокультурная принадлежность. Выстроенные в один ряд составляющие концепта «образованный класс»: буржуазные слои, интеллигенция и кадеты – возможно объединить общими либерально-демократическими настроениями, оппозиционностью власти, реформистско-революционными взглядами на судьбу страны и патриотической по звучанию мотивацией «спасти Россию».

В отношении других групп российского общества в период формирования новых идентичностей современниками использовались либо «старые» сословные характеристики, либо весьма размытые понятия, лишенные содержательной (социальной, этнокультурной) определенности оснований их выделения. Так, например, в самом обращении министра внутренних дел к губернаторам упоминается понятие «умеренные классы общества». Судя по самому факту упоминания этой категории министром в своем обращении, она является весьма существенной опорой для власти и относится к некому множеству социальных групп, так как употребляется во множественном числе. Основанием содержательной характеристики категории «умеренные классы» выступают их настроения, которые оценены в телеграмме министром как «равнодушные», т.е. политическая апатия, индифферентность. Очевидно, упомянутое «равнодушие» было неожиданным для власти и, возможно, фатальным для исхода выборов, решающим фактором для изменений в системе представлений власти об общественных настроениях в империи. При отмеченной смысловой неопределенности концепта «умеренные классы» некоторой подсказкой можно считать употребление понятий «умеренные классы», «умеренные слои» в текстах реляций губернаторов, как и в телеграмме министра, в сочетании с характеристиками их политических настроений и формами их проявлений – в виде деклараций или поведенческих моделей. Такой контекстуальный анализ дает основание для раскрытия смыслов этих концептов. Так, в целом, не отрицая «равнодушия» умеренных классов во время выборной кампании, в частности, весьма недостаточной их активности в сфере пропаганды и агитации за «умеренные партии», губернаторы отмечают тенденцию полевения умеренных классов, поддержку ими кадетов. В наблюдениях очевидцев от власти, несомненно, прослеживается процесс трансформации настроений, которая проявлялась в «потере умеренности настроений» умеренными классами, «измене» тем основаниям, которые традиционно объединяли группу и выражались в проявлении симпатий и поддержки умеренных партий, тех, которые занимали в политическом спектре позиции «правее» кадетов. Об этом, в частности, свидетельствует тамбовский губернатор, который в своем письме отметил, что, хотя равнодушные умеренных классов к выборам не подлежит никакому сомнению, но

¹⁹ Палеолог... 1991: 177–179.

под влиянием репрессивных мер, сведения личных счетов и превышения чинами своих полномочий «умеренные классы вотировали бессознательно за кадетов», т.е. от «равнодушия», нейтральности перешли к оппозиционным настроениям, пополнив группы, характеризующиеся оппозиционной властям идентичностью. Такая же мотивация поведения умеренных классов содержится в наблюдениях симбирского губернатора. По его мнению, весной 1906 г. губерния представляла собой территорию, охваченную общим возмущением действиями властей, включая крестьянство, мещанство, духовенство, которое «вполне разделяло либеральные идеи», а также «земских и городских деятелей», «полностью находящихся в руках кадетов». Названные социальные группы не могут быть квалифицированы как умеренные классы, поскольку их настроения, охарактеризованные как «всеобщее возмущение властью» нельзя оценить как умеренные взгляды или равнодушие и политическая апатия.

Как видим, процедура раскрытия смыслов концептов, использованных губернаторами в политическом дискурсе об общественных настроениях, представляет основания для выводов о том, что в начальный период истории русской революции в российском обществе интенсивно шел процесс самоидентификации. В свидетельствах очевидцев предложена оптика видения этого процесса через некие общие и групповые характеристики настроений и мотиваций поведения. Опыт обращения к текстам писем губернаторов и к другим свидетельствам очевидцев, позволяет констатировать их значимость для реконструкции исторических фактов и событий прошлого, обогащают наше знание новой оптикой «видения» свидетелями «от власти» общественных настроений в контексте развития процесса самоидентификации в российском обществе в переломные периоды истории, каким было первое десятилетие XX века для Российской империи.

Российский Государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 32, 53.

Российский Государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). Ф. 1278. Оп. 1. С. 1. Д. 27. Л. 8.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Круть, 2012. 336 с. [Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaya istina. M.: Krug, 2012. 336 s.]
- Вжосек В. О необходимости культурологической перспективы в исторических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 61–75. [Vzhosek V. O neobhodimosti kul'turologicheskoy perspektivy v istoricheskikh issledovaniyah // Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv. M.: Institut vseobshchej istorii RAN, 2012. S.61–75]
- История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: материалы международной научной конференции. 3–4 октября 2016 г. М.: Аквилон, 2016. 474 с. [Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 3–4 oktyabrya 2016 g. M.: Akvilon, 2016. 474 s.]
- К 10-летию 1-й Государственной Думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916. Пг.: Огни, 1916. IV с., 231 с. [K 10-letiyu 1-j Gosudarstvennoj Dumy. 27 aprelya 1906 – 27 aprelya 1916. Pg.: Ogni, 1916. IV s., 231 s.]

- Куприна К.А. Куприн – мой отец. М.: Худож. лит., 1979. 287 с. [Kuprina K.A. Kuprin – мой отец. М.: Hudozh. lit., 1979. 287 s.]
- Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: [Пер. с фр.]. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1991. 236 с. [Paleolog M. Carskaya Rossiya vo vremya mirovoj vojny: [Per. s fr.]. 2-e izd. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1991. 236 s.]
- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с. [Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy nacional'noj identichnosti: kollektivnaya monografiya / pod obshch. red. L.P. Repinoj. M.: Akvilon, 2020. 464 s.]
- Сборник речей г.г. депутатов Государственной думы I и II созыва / [Отв. ред.-изд. В.А. Максимов]. СПб.: Ясная поляна, 1908. 576 с. [Sbornik rechej g.g. deputatov Gosudarstvennoj dумы I i II sozyva / [Otv. red.-izd. V.A. Maksimov]. SPb.: YAsnaya polyana, 1908. 576 s.]
- Селунская Н., Топтендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М. РОССПЭН, 2005. 335 с. [Selunskaya N., Toshtendal' R. Zarozhdenie demokraticeskoy kul'tury: Rossiya v nachale XX veka. M. ROSSPEN, 2005. 335 s.]
- Селунская Н.Б. «Спасая от забвения...» Репрезентации прошлого в источниках исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 4. С. 114–131. [Selunskaya N.B. «Spasaya ot zabveniya...» Rerezentacii proshlogo v istochnikah istoricheskoy pamyati // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2020. № 4. S. 114–131.]
- Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века / под ред. Н.Б. Селунской. М.: Мосгорархив, 1996. 282 с. [Selunskaya N.B., Borodkin L.I., Grigor'eva YU.G., Petrov A.N. Stanovlenie rossijskogo parlamentarizma nachala XX veka / pod red. N.B. Selunskoj. M.: Mosgorarhiv, 1996. 282 s.]
- Шарапов С.Ф. На парламентских выборах. СПб.: Т-во типолитограф. И.М. Машистова, 1906. 24 стб. [SHarapov S.F. Na parlamentskih vyborah. SPb.: T-vo tipolitogr. I.M. Mashistova, 1906. 24 stb.]
- Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2001. С. 268–285. [Eksle O.G. Kul'turnaya pamyat' pod vozdejstviem istorizma // Odissej. S.Helovek v istorii. M.: Nauka, 2001. S. 268–285.]

Наталья Борисовна Селунская, доктор исторических наук, профессор, кафедра источниковедения, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, selounsk@yandex.ru

"Seeing" and "Knowing" of Historical Fact in Memorial Discourse and in Reconstructions of Identities

The article focuses on memorial historiographical discourse as well as on practices of reconstructions of identities, related to evaluation of an informational potential of “eyewitnesses’ reports” of “officials” and considered as reflected historical memory about the first experience of Russian society to demonstrate the right to choose their individual, group and collective preferences within historical context of the dramatic transformations of the first decade of the XXth century. The key question of the agenda for methodological discussions is the role of sensory perception of historical fact, “seeing it”, based on eyewitness-evidence, a new optics, new subjective dimensions of the fact for getting knowledge about it, which means “knowing fact” by means of the procedure of reconstruction of historical fact in the practices of historical research. The exemplification of such kind of practice, related to reconstruction of public sentiments, behavior motivation and the process of self-identification in Russian society, based on historical interpretation of its “seeing” by eyewitnesses reflected in their texts You can also find in the article.

Keywords: *memorial discourse, political discourse, reconstruction-procedure, identity, eyewitness evidence, concept, behavior motivation, public sentiment*

Natalia Borisovna Selunskaya, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, selounsk@yandex.ru

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ И ЖАНРОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ АНТИЧНЫХ ПИСЕМ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ФИЛОЛОГИИ

В статье рассматриваются подходы западных ученых к характеристике и определению места эпистолярного жанра среди остальных типов текста. Анализируются новейшие исследования древней эпистолографии, опирающиеся на три главные концепции категоризации: классическую, концепцию «семейного сходства» Л. Витгенштейна и теорию прототипов. Применение подходов из философии и когнитивной лингвистики позволяет ученым по-новому взглянуть на древние письма.

Ключевые слова: античная эпистолография, жанр, концепция категоризации, Людвиг Витгенштейн, теория прототипов.

Для исторической науки письма и коллекции писем являются информативными источниками, и антиковедение в этом отношении не составляет исключения. Вместе с тем античная эпистолография является довольно специфическим источником. Как правило, составители античных писем осознавали, что их сочинения будут распространять и копировать. Это создавало своего рода «цепь публикаций», результатом которой могли быть разные версии одного и того же письма¹. Но это только одна из тех проблем, с которыми исследователи сталкиваются при работе с эпистолярными источниками. Историки с начала XX века стремились критически подойти к проблемам античной эпистолографии. В попытках прийти к адекватной оценке древних писем ученые стали затрагивать вопросы их датировки, создавать классификации, определять схемы организации эпистолографических коллекций, рассматривать проблемы с разных сторон, доходя до полного отрицания эпистолографии как литературного жанра. В данной статье мы рассмотрим проблему классификации античных писем, затронутую преимущественно западной исторической наукой и филологией.

В древности эпистолярный жанр заключал в себе огромное разнообразие типов писем. Античные теоретики сами пытались классифицировать письма в зависимости от содержания и выполняемой ими функций². Так, в письмовнике II в. до н.э., который ошибочно приписывался Деметрию Фалернскому, содержится описание двадцати одного типа: от дружеского и рекомендательного до обвинительного и хулительного³. Цицерон создал свою классификацию писем и разделил их по тону, по отношению автора к адресату и по содержанию⁴. Историческую

¹ Mathisen 2018: 66.

² Подробнее о древних теоретиках см.: Koskenniemi 1956: 18–63; Malherbe 1988; Rosenmeyer 2003: 24–35.

³ Грабарь-Пассек 1967: 10.

⁴ Грабарь-Пассек 1967: 15.

науку к осмыслению разного рода форм и типов писем подтолкнуло открытие большого количества нелитературных папирусных писем в Оксиринхе на рубеже XIX–XX вв. Библиист и филолог Адольф Дайссман считал, что необходимо провести черту между такими реальными свидетельствами прошлого из Оксиринха и письмами, которые являются продуктами литературной деятельности. Первые он назвал настоящими письмами (Brief), а последние – посланиями (Epistel). В своем исследовании «Свет из Древнего Востока» А. Дайссман стремился переосмыслить характер эпистолярных сочинений Павла в Новом Завете. Он утверждал, что речь Павла была спонтанной и естественной, не была затронута литературными и риторическими формулами. Поэтому ученый отнес сочинения Павла к разряду настоящих писем. По мнению исследователя, настоящее письмо является чем-то нелитературным, оно личное и предназначено для конкретного адресата. Послание (Epistel) же может иметь форму письма, но в остальном противоположно ему: оно является публичным, а его адресат служит лишь риторическим украшением⁵. Хотя деление писем на литературные и нелитературные необходимо, А. Дайссман применил эту классификацию к материалу, который ни документальный в полной мере, ни литературный.

С 1920-х гг. и по настоящее время исследователей объединяет стремление дать классификацию типов писем и обозначить четкие границы и характерные черты эпистолярного жанра. В 1930-е гг. свою типологию писем предложил греческий филолог Иоаннис Сикутрис. Он поделил античные письма на официальные, частные, письма в форме философских размышлений/дидактические, письма в стихах и вымышленные письма⁶. Уильям Доти, опираясь на древние риторические справочники и письмовники, предложил классификацию писем по шкале от «более частных» к «менее частным», отнеся к последним официальные, публичные, фиктивные (художественные), интеллектуальные (научные), или другие особые типы (эротические, поэтические, вставные и т.д.)⁷.

В целом же можно отметить, что исследователи, в попытках определить место эпистолярного жанра среди остальных типов текста, а также выделить письма одной группы, опираются на три главные концепции категоризации. Во-первых, это классическая концепция, берущая свое начало в философии Аристотеля, согласно которой каждая единица категории должна обладать набором общих признаков. Их явное наличие свидетельствует об отнесении к определенной категории. Для нашего исследования показательным примером использования данной концепции является определение понятия «письмо» Майклом Трэппом в его антологии греческих и латинских писем⁸. Во введении

⁵ Deissmann 1927: 228–230.

⁶ Sykutris 1931: 185–220.

⁷ Doty 1969: 196–99.

⁸ Trapp Deissmann 1927.

⁸ Deissmann 1927: 228–230.

к своей работе он приводит ряд характерных признаков типичного письма: «Письмо – это письменное сообщение от одного лица (или группы лиц) другому, которое должно быть записано на материальном носителе и передано от отправителя к получателю... посредством использования в начале и в конце одной из обычных формул приветствия, которую указывают обе стороны... Потребность в письме как средстве коммуникации обычно возникает потому, что обе стороны физически удалены друг от друга, поэтому не могут общаться посредством голоса или жеста... обычно ожидается, что письмо будет иметь относительно ограниченную длину»⁹. Подобное перечисление отличительных черт вполне отвечает нашему интуитивному определению письма как категории. Однако такой список оставляет неисследованной границу между тем, что является письмом, и тем, что не совсем письмо.

В настоящее время некоторые исследователи используют характеристики Трэппа при анализе спорных примеров эпистолярного жанра. Во вступительной статье «Что такое письмо?» к коллективной монографии об античной эпистолографии Рой Гибсон и Эндрю Моррисон предлагают одним из способов решить, где проходит граница между письмами и другими типами текста, и стоит ли ставить подобный вопрос, – рассмотреть т.н. «пограничные случаи»¹⁰. На основе выделенных Трэппом характеристик, исследователи анализируют некоторые произведения древнегреческой поэзии и трактат Цицерона «De officiis».

В XX веке часть историков рассматривала II и III Пифийские оды и II Истминскую оду Пиндара, Идиллии XI и XIII Феокрита как примеры эпистолярной поэзии¹¹, но в итоге такой взгляд был многими отвергнут. Остановимся на III Пифийской оде, которая является посланием Гиерону Сиракузскому с утешением в болезни. Гибсон и Морелло указывают на то, что эта ода – послание от одного лица к другому, начинается с желания автора, чтобы Хирон еще здравствовал. Позже поэт обращается к герою с наставлением (Пиф. III. 80-81, пер. М.Л. Гаспарова):

Если дано тебе, Гиерон,
Всякую речь схватить за острие,
То ведомо тебе древнее слово:

«С каждым счастьем по два несчастья смертным шлюет небожителю».

В этих строках можно увидеть совет, который часто используется в дружеском послании¹². В оде также присутствует значительный акцент на географическом разделении отправителя и адресата, который подразумевает, что путешествовал сам текст (Пиф. III. 67-68):

⁸ Sykutris 1931: 185–220.

⁸ Doty 1969/2003: 348.

⁹ Trapp 2003: 1.

¹⁰ Gibson, Morrison 2007: 4.

¹¹ Взгляд на оды Пиндара как на поэтические послания см.: Harvey 1955: 160; Gantz 1978: 19; Young 1983: 31-34.

¹² Trapp 2003: 41.

И я взрезал бы ладьей ионийскую зыбь
К истоку Аретусы...

Об эпистолярном характере свидетельствует и относительно ограниченный размер (115 строк)¹³. Единственная характеристика из списка М. Трэппа, которая отсутствует в песне, – использование в начале и в конце набора стандартных formulae, хотя они не употреблялись ни в архаических греческих письмах, ни в посланиях Горация¹⁴. Тем не менее, отказ от эпистолярного характера од Пиндара ученые объясняют возросшим пониманием контекста создания греческой поэзии. В частности, было показано, как Пифийская ода вписывается в общий образ хвалебной поэзии, поэтому элементы, которые кажутся «эпистолярными», на самом деле типичны для эпиникий Пиндара¹⁵. Впоследствии авторы предложили другой способ решить, где проходит граница между эпистолографией и другими жанрами, не нанося ущерба письму как категории, и обращаются к идее «семейного сходства»¹⁶.

На современном этапе среди исследователей популярность приобрела концепция «семейного сходства» Л. Витгенштейна. По мнению философа, категории не обладают жесткими границами, и принадлежность к категории определяется уже не строгим набором общих признаков, а неким сходством тех или иных характеристик¹⁷. Для наглядности приведем цитату из «Философских исследований» Витгенштейна о категории «игра»: «Что общего у них всех? Не говори «В них должно быть что-то общее, иначе их не называли бы “играми”, но присмотришься, нет ли чего-нибудь общего для них всех. Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт... Присмотришься, например, к играм на доске с многообразным их родством. Затем перейди к играм в карты: ты находишь здесь много соответствий с первой группой игр. Но многие общие черты исчезают, а другие появляются... А результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом...»¹⁸. Если адаптировать такой подход к жанрологии, то мы увидим, что различные тексты могут иметь несколько общих характеристик с другими жанрами, т.е. письмо, хотя и обладает рядом узнаваемых черт, также связано семейным сходством с другими типами текста. Конечно, это не означает, что вся литература в какой-то мере эпистолярна, как утверждал Ж. Деррида¹⁹, однако необходимо анализировать тексты, как

¹³ Gibson, Morrison 2007: 5.

¹⁴ Gibson, Morrison 2007: 6.

¹⁵ Young 1983: 31–48.

¹⁶ Gibson, Morrison 2007: 13.

¹⁷ Абишева 2013: 21.

¹⁸ Витгенштейн 2018: 59.

¹⁹ Деррида 1999: 80; Похожее суждение выразила Джанет Альтман: «Хотя эпистолярная литература, по-видимому, представляет собой весьма специфический, исто-

с осознанием важности их эпистолярного характера, так и с принятием их связи с текстами других жанров.

Теперь обратимся к монографии немецкого исследователя Лутца Дёринга «Древнееврейские письма и начало христианской эпистолографии». Автор широко применяет такие современные подходы к определению жанровой принадлежности древних писем, как идея «семейного сходства» и теория прототипов, берущая свое начало в когнитивной лингвистике. Подход Витгенштейна ученый использовал при анализе послания Аристее к Филократу, псевдоэпиграфического труда, который описывает обстоятельства возникновения перевода Септуагинты. Прежде чем мы перейдем к описанию, стоит отметить, что далеко не все ученые придерживаются мнения об эпистолярном характере данного произведения. Одни, опираясь на свидетельства древних авторов, использующих в отношении произведения термины, явно непредназначенные для обозначения эпистолярности, утверждают, что композиционный строй сочинения совершенно не соответствует посланию²⁰. Другие занимают срединную позицию и воспринимают эпистолярную форму, хотя для них это не более чем литературный прием, соответствующий установившемуся литературному обычаю²¹.

Дёринг начинает свое исследование с анализа имеющихся в произведении эпистолярных признаков. Послание Аристее начинается со вступительного слова к Филократу, с использованием вокативной формы (ὦ Φιλόκρατες), но без обычной формулы приветствия. По мнению некоторых историков, подобное обращение использовалось во вступлении некоторых исторических сочинений, таких как «Вавилонская история» Бероса и «Египетская история» Манефона²². Однако Дёринг идет дальше и сравнивает послание к Филократу с древними научными трактатами Архимеда и Аполлония Пергского, в прологе которых использовалось обращение. Более того, как и научный трактат, это произведение нацелено на аудиторию φιλομαθεῖς; понятие «любопытность» используется во вступлении дважды²³.

Для многих исследователей свидетельством эпистолярного характера этого произведения является постоянное обращение к адресату по имени, или построение ситуаций, указывающих на происходящую коммуникацию. Для Дёринга отсылки к адресату служат другой цели. Основная функция адресата – формирование абстрактного получателя письма с целью оказать влияние на реальную аудиторию читателей, а также придание реальности самому «автору» послания. По мнению ученого, реальный автор и первые читатели сочинения были александ-

рически ограниченный литературный поджанр, истинное значение в том, что она метафорически «представляет» литературу в целом». См.: Altman 1982: 212.

²⁰ Honigman 2003: 29–35.

²¹ Wasserstein, Wasserstein 2006: 21.

²² Alexander 1993: 27.

²³ Doering 2012: 221.

дрийскими евреями. Они могли бы извлечь выгоду из чтения не путем отождествления себя с язычниками, а путем восприятия важных идей в режиме «чтения чужого письма»²⁴. Реальным читателям письма напоминают: хотя они и обладают сходными с язычниками чертами (любовь к знаниям), им следует отличать себя от последних, ибо именно язычник пишет своему собрату о переводе еврейских законов²⁵.

Таким образом, не исключая эпистолярный характер данного произведения, Л. Дёринг подчеркивает его семейное сходство, с одной стороны, с научными/техническими трактатами, с другой – с древней историографией, учитывая вставки в послание других писем, но с уточнением, что цель автора – преобразить свое сочинение в основную легенду о происхождении Септуагинты. В конечном счете исследователь характеризует послание как эпистолярный трактат²⁶.

Необходимо также кратко сказать о другом подходе к определению жанра и выявлению общих черт, который мы упоминали выше, а именно о теории прототипов Э. Рош, совершившей переворот в понимании того, как образуются и функционируют ментальные категории. Исследования показали, что наш разум при отнесении предмета к какой-либо категории опирается не на список каких-либо общих характеристик, присущих данной категории, а на свойства наиболее типичного представителя, прототипа (ядро категории); на «периферии категории» находятся наименее типичные представители²⁷. В ходе экспериментов Э. Рош выяснилось, что, хотя страусы, ласточки и орлы – это птицы, люди склонны рассматривать малиновок или воробьев как наиболее типичных представителей категории «птица». Применительно к анализу определенной категории жанра, или текста внутри жанра, теория прототипов потребовала бы анализа избранных характеристик и выявления прототипов. Чтобы продемонстрировать то, как исследователи применяют данный подход при изучении древней эпистолографии, снова обратимся к работе Л. Дёринга.

В одной из глав ученый сосредотачивает внимание на определенной модели еврейских писем, т.н. «посланиях диаспоры» (*diaspora letters*). Это словосочетание приобрело используется для обозначения древнееврейских писем, которые отражают тесную связь между рассеявшимися евреями и Эрец-Исраэль. К ним можно отнести вступительное послание во второй книги Маккавеев, послание Иеремии, послание в сирийском апокалипсисе Варуха (2 Вар. 78–86) и письма в Паралипоменах Иеремии (4 Вар. 6:17–23; 7:23–29)²⁸. Дёринг также

²⁴ Doering 2012: 223–224.

²⁵ Doering 2012: 232.

²⁶ Doering 2012: 231.

²⁷ Абишева 2013: 22.

²⁸ Одна из первых тем «*diaspora letters*», а также проблему влияния древнееврейских писем на раннехристианские послания, начала развивать Ирэн Таатз. См.: Taatz 1991. Также см. напр.: Tsuji 1997: 18–21; Niebuhr 1998: 420–443.

подчеркивает, что подобные сочинения оказали огромное влияние и на такие раннехристианские труды, как послания Павла, первое послание Петра, Иакова и послание в Деяниях апостолов 15:23–29²⁹. Ученый определяет ряд характерных черт для этой модели еврейских писем:

1. обращение к иудеям, израильтянам, живущим далеко от Иерусалима, или живущим в данной местности;
2. акцент на сплоченности членов народа Божьего на родине и за ее пределами;
3. отсылка к Вавилону (в раннехристианской традиции, намекающая на Рим);
4. ссылка на настоящего автора.

В качестве прототипов, которые могли бы лучше всего представить вышеописанные характеристики, Дёринг выделяет письмо Иеремии из книги пророка (Иер. 29:1–23) и вступительное послание во второй книге Маккавеев³⁰.

По мнению исследователей, преимущество теории прототипов заключается в том, что концепция позволяет свести воедино все характерные черты категории и использовать их для анализа текста, находя прототипы и сравнивая их с элементами периферии, избегая при этом той жесткости, с которой мы сталкиваемся при использовании классической концепции категоризации. С другой стороны, данная концепция не учитывает историческое развитие текста, она функционирует, не принимая во внимание представление о том, как один текст исторически влияет на другой, или имитирует его³¹.

Таким образом, исследователи все больше разочаровываются в классическом подходе к категоризации, который определяет принадлежность текста к жанру с помощью определенного набора характеристик. Современные подходы к категоризации позволяют избежать жесткой двоичности классической концепции, которая ставит исследователя перед выбором, подходит ли какой-либо текст под строгие рамки жанра. Однако мы должны признать, что результат применения идеи семейного сходства и теории прототипов к характеристике древних писем кажется неубедительным и размытым. Исследователи древних писем проявляют интерес к внутренним признакам текста, перетасовывая, распределяя их по «корзинам» под названием «жанр», при этом часто не обращая внимание на такие факторы, как контекст создания произведения, коммуникативные установки общества, в котором оно представлено, а также восприятие произведения другими участниками исторического процесса. Напомним, что важнейшим достижением литературоведения XX века было признание историчности жанра. Представители русского формализма подчеркивали динамичный характер

²⁹ Doering 2012: 11.

³⁰ Doering 2012: 431.

³¹ Newsom 2007: 26.

жанров не только в плане их исторического развития, но и в плане их взаимодействия друг с другом. М. Бахтин подчеркивал, что творец находится в постоянном диалоге с предшествующей литературой, в жанре всегда сохраняются «неумирающие элементы архаики»³², и сохраняются они благодаря постоянному обновлению. Так, по словам Бахтина, «жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития»³³. Более того, для него жанр являлся онтологической категорией, экзистенциальной сущностью человеческой коммуникации, а также средством «видения и понимания действительности»³⁴. Большое значение М. Бахтин придавал временным и пространственным отношениям в литературе, которые он назвал хронотопом. Смещение и пересечение конкретных временных и пространственных примет определяло жанровую принадлежность произведения. Стоит отметить, что такой подход Бахтина и бахтинского кружка к определению жанра оказался перспективным, по крайней мере, в отношении исследований библейских текстов³⁵. Тем не менее, целесообразность применения такого подхода к античной эпистолографии еще предстоит доказать.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абишева К.М. Категоризация и ее основные принципы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. 2 (35). С. 21–30. [Abisheva K.M. Kategorizatsiya i ee osnovnye printsipy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2 (35). S. 21–30.]
- Античная эпистолография. Очерки / Под ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1967. 288 с. [Antichnaya epistolografiya. Ocherki / Red. M.E. Grabar'-Passek. M.: Nauka, 1967. 288 s.]
- Бахтин М.М. Проблема творчества Достоевского. Киев: «NEXT», 1994. 508 с. [Bakhtin M.M. Problema tvorchestva Dostoevskogo. Kiev: «NEXT», 1994. 508 s.]
- Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018. 352 с. [Vitgenshteyn L. Filosofskie issledovaniya. M.: AST, 2018. 352 s.]
- Деррида Ж. Послания // О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Пер. с фр. Г.А. Михалкович. Минск: Современный литератор, 1999. С. 7–400. [Derrida Zh. Poslaniya // O pochtovoy otkrytke ot Sokrata do Freyda i ne to'ko / Per. G.A. Mikhalkovich. Minsk: Sovremenniy literator, 1999. S. 7–400.]
- Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении (Критическое введение в социологическую поэтику). Киев: Прибой, 1928. 232 с. [Medvedev P.N. Formal'nyy metod v literaturovedenii (Kriticheskoye vvedeniye v sotsiologicheskuyu poetiku). Kiev: Priboy, 1928. 232 s.]
- Пиндар. Ваххилид. Оды. Фрагменты / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1980. С. 58–114. [Pindar. Vakhkhilid. Ody. Fragments / Per. M.L. Gasparova. M.: Nauka, 1980. S. 58–114.]
- Alexander L. The Preface to Luke's Gospel: Literary Convention and Social Context in Luke 1.1–4 and Acts 1.1. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 266 p.
- Altman J.G. Epistolarity: Approaches to a Form. Columbus: Ohio State U.P., 1982. 235 p.
- Boer R. Bakhtin and Genre Theory in Biblical Studies. Atlanta: Society of Biblical literature, 2007. 238 p.
- Gantz T. Pindar's Second Pythian: The Myth of Ixion // Hermes. 1978. 106. P. 14–26.
- Harvey A.E. The Classification of Greek Lyric Poetry // Classical Quarterly. 1955. 5. P. 157–175.
- Honigman S. The Septuagint and Homeric Scholarship in Alexandria: A Study in the Narrative of the Letter of Aristeas. London: Routledge, 2003. 224 p.

³² Бахтин 1994: 314.

³³ Там же.

³⁴ Медведев 1928: 181.

³⁵ Сборник работ по жанровой теории М.Бахтина в библейских исследованиях см.: Boer 2007.

- Gibson R.K., Morrison A.D. Introduction: What is Letter? // *Ancient Letters. Classical and Late Antique Epistolography*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1–17.
- Deissmann A. *Light from the Ancient East* / trans. L. Strachan. New York and London: Hodder and Stoughton, 1910. 514 p.
- Doering L. *Ancient Jewish Letters and the Beginnings of Christian Epistolography*. Tübingen: Mohr Siebeck, 2012. 600 p.
- Doty W.G. The Classification of Epistolary Literature // *Catholic Biblical Quarterly*. 1969. 31. P. 183–99.
- Koskeniemi H. *Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr.* Helsinki, 1956. 214 p.
- Mathisen R.W. The «Publication» of Latin Letter Collections in Late Antiquity // *Alltagsgesellschaft und literarischer Identitätsbildung. Kulturgeschichtliche Aspekte lateinischer Epistolographie in Spätantike und Frühmittelalter*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2018. P. 63–84.
- Newsom C.A. Spying Out the Land: A Report from Genology // *Bakhtin and Genre Theory in Biblical Studies* / ed. R. Boer. Atlanta: Society of Biblical literature, 2007. P. 19–30.
- Niebuhr K.W. Der Jakobusbrief im Licht frühjüdischer Diasporabriefe // *New Testament Studies*. 1998. 44. P. 420–443.
- Rosenmeyer P. *Ancient Epistolary Fictions: The Letter in Greek Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 370 p.
- Sykutris J. *Epistolographie* // *Pauly's Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Suppl. 5. Stuttgart, 1931. P. 185–220.
- Taatz I. *Frühjüdische Briefe: Die paulinischen Briefe im Rahmen der offiziellen religiösen Briefe des Frühjudentums*. Fribourg: Universitätsverlag; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. 128 s.
- Trapp M. *Greek and Latin Letters. An Anthology with Translation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 348 p.
- Tsuji M. Glaube zwischen Vollkommenheit und Verweltlichung: Eine Untersuchung zur literarischen Gestalt und zur inhaltlichen Kohärenz des Jakobusbriefes. Tübingen: Mohr Siebeck, 1997. 244 s.
- Wasserstein A., Wasserstein D. J. *The Legend of the Septuagint: From Classical Antiquity to Today*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 356 p.
- Young D.C. Pindar Pythians 2 and 3: Inscriptional ποτέ and the «Poetic Epistle» // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1983. 87. P. 31–48.

Дягилева Елизавета Владимировна, аспирант, кафедры истории древнего мира, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; dyagileva.elizaweta@yandex.ru

The Problem of Classification and Genre Categorization of Ancient Letters in Western Historical Science and Philology

The article examines approaches of Western scholars to the characterization and defining the place of the epistolary genre in relation to other types of text. The author analyzes the latest studies of ancient epistolography, based on three main concepts of categorization: the classical, the concept of «family resemblance» by L. Wittgenstein, and the theory of prototypes. Adopting approaches from philosophy and cognitive linguistics allows scientists to take a fresh look at ancient letters.

Keywords: *ancient epistolography, genre, the concept of categorization, Ludwig Wittgenstein, prototype theory*

Elizaveta V. Dyagileva, postgraduate student at the Department of ancient history, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; dyagileva.elizaweta@yandex.ru

С.В. СЕЛИВЕРСТОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ КАК ПРЕДМЕТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ перспективы изучения раннеевразийской тенденции второй половины XIX – начала XX века

Статья посвящена соотношению интеллектуальной истории и истории общественной мысли как областей исследования (в ситуации тренда на контекстуализацию и познание проблемных «длинных линий»). Рассмотрено состояние изученности истоков евразийской интеллектуальной тенденции (через проблематику идентичности и своеобразия исторического российского и сопредельного пространства) в отечественной общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. Поставлен и обоснован вопрос о необходимости исследования проблемы становления и развития раннеевразийской интеллектуальной тенденции, взятой в трех параллельных контекстах – славянском, туранском, сибирском.

Ключевые слова: интеллектуальная история, Запад, Россия, Восток, европеизация, азиатское пространство, раннеевразийская тенденция, идентичность, интеллектуальный контекст

Заметным явлением отечественной исторической науки последних десятилетий стало конституирование такой области исследований как интеллектуальная история. В историографическом и институциональном ракурсе концептуальное введение данного направления в современную науку произошло, как известно, в конце 1990-х гг. в результате усилий Института всеобщей истории РАН и, в частности, Центра интеллектуальной истории, возглавляемого Л.П. Репиной. С тех пор место интеллектуальной истории в спектре исторических исследований занято достаточно прочно. Подтверждением стало в том числе включение области «интеллектуальная история» в паспорта научных специальностей «Всеобщая история» и «Отечественная история». Однако известно и другое: отечественная наука имеет немалые традиции в изучении смежной области – истории общественной мысли. Как замечает Л.П. Репина: хотя понятие интеллектуальной истории до конца 1990-х гг. не употреблялось, «в отечественной историографии очень развито было направление истории мысли»¹. Примечательно, что в паспорте специальности «Всеобщая история» обе области («интеллектуальная история» и «история общественной мысли») непосредственно соседствуют в одном пункте, а в паспорте специальности «Отечественная история» они разделены, находятся в различных областях исследования. И данное обстоятельство, полагаем, актуализируют вопрос о концептуальном и прагматичном соотношении интеллектуальной истории и истории общественной мысли как областей изучения.

¹ Репина. Русская историческая школа...

Общественная мысль есть общественно-значимое «интеллектуальное явление духовной культуры»² и, добавим, представляющее собой содержательную, связующую «ткань» пространства интеллектуальной истории. В последние годы инструментарий интеллектуальной истории стал шире использоваться при изучении отечественной общественной мысли. Показательна в этом плане работа О.Б. Леонтьевой «Интеллектуальная история России XIX – начала XX в.», в которой с новых позиций показана широкая панорама истории отечественной общественной мысли³. В статьях Д.В. Тимофеева история общественной мысли России выступает проблемно-тематическим предметом исследования, при изучении которого используются различные элементы методологии «истории понятий»⁴. И хотя автор не применяет термин «интеллектуальная история», но, тем не менее, история понятий объективно входит в широкий контекст практик интеллектуальной истории. При этом, особенность диссертационной ситуации 1990–2010-х гг. в том, что, несмотря на появление «новых предметных полей», работы собственно по интеллектуальной истории, как отмечает О.В. Воробьева, составляют «лишь небольшой процент от общего числа диссертаций», и, напротив, имеется «очень много исследований», где «в рамках прежних историко-социологических схем, или под новыми вывесками встречаются привычные заявления, основанные на материалистической концепции социальной тотальности»⁵. Особенно в дефиците исследования (в области интеллектуальной истории) по специальности «Отечественная история».

Историографическая реальность такова, что в обобщающей статье, открывающей новейший 4-томник по истории общественной мысли России (завершивший, в свою очередь, известный многотомный проект), отечественные научные наработки в сфере интеллектуальной истории не акцентируются⁶, при том, что точки пересечения имеются. Общественная мысль понимается в коллективном труде в широком смысле, включая массовое, обыденное сознание⁷, с учетом фактора «национальной почвы»⁸, что свидетельствует о связи с интеллектуальным субстратом социума. Для осмысления феномена общественной мысли применяются также понятия: интеллектуальный трансфер⁹, интеллектуальное пространство / процесс / среда / ландшафт, интеллектуальные направления / сообщества / элиты¹⁰. Кроме того, переход авторов труда от направленного к проблемно-ориентированному структурированию предмета исследования существенно сближает подходы истории обще-

² Опёнкин 2020: 6–50.

³ Леонтьева 2012.

⁴ Тимофеев 2015; Тимофеев 2018.

⁵ Воробьева 2019: 234–235.

⁶ Опёнкин 2020.

⁷ Данилевский 2020: 52.

⁸ Опёнкин 2020: 49.

⁹ Каменский 2020: 11.

¹⁰ Шелухаев 2020: 6–10.

ственной мысли с интеллектуальной историей, в рамках которой аналогичный поворот происходит уже с начала 2000-х гг.

Все это свидетельствует о том, что связь между историей общественной мысли и интеллектуальной историей естественна и может быть весьма перспективной. Однако практика такова, что инструментарий интеллектуальной истории, развиваемый Центром интеллектуальной истории (с привлечением коллег из других научных центров), применяется преимущественно при разработке сюжетов всеобщей, мировой истории, нежели истории общественной мысли России. И наоборот, практика, выработанная при изучении общественной мысли, более тесно связана с отечественной историей. Данное расхождение не плодотворно, так как ограничивает возможности исследователей, а потому, полагаем, следует (в интересах углубления познания отечественной и зарубежной интеллектуальной истории) сближать, соединять, взаимообогащать концептуальные наработки и практики двух научных областей – всеобщей истории и российской истории.

Яркой чертой эволюции интеллектуальной истории в России в течение 2000-х гг. стало переосмысление ее классических оснований, которое, как подчеркнула Л.П. Репина, вело «к существенному расширению проблемного поля» и исследовательского вопросника (как и почему те или иные идеи в чередe конкретно-исторических контекстов возникали, менялись, распространялись, воздействовали, взаимодействовали и т.д.). В результате, «постоянно расширяющийся круг вопросов стягивает в неразрывный узел “внешние” и “внутренние” аспекты интеллектуальной истории»¹¹. Но, вот что характерно – данная тенденция присуща и сфере истории общественной мысли. Именно на «расширение проблемного поля» указал В.В. Шелохаев во введении к коллективному труду по изучению отечественной общественной мысли XIX – начала XX в.¹²

В первую очередь, как известно, расширение проблемного поля интеллектуальной истории происходило за счет включения в предмет исследования проблематики различных дискурсов и структур, отношений и контекстов. В западной историографии рубежа веков произошла своего рода «всеобщая контекстуализация»¹³. Однако следует иметь в виду, что учет исторических обстоятельств и контекстов был шагом вперед только для чистой истории идей, либо для радикального лингвистического постмодернизма. В рамках же отечественной исторической науки контекстуальность, как практический фактор, по сути, никогда не упускалась. Само понятие «общественная мысль», не исчезавшее из отечественного научного пространства, свидетельствует об осознанной и акцентуруемой социально-значимой контекстности данного предмета.

Контекстный подход проявлялся в отечественной науке многообразно. Например, еще полтора столетия назад, в конце 1860-х – начале

¹¹ Репина 2008: 10–11.

¹² Шелохаев 2020: 7.

¹³ Репина 2008: 6.

1870-х гг. В.И. Герье защитил и издал докторскую диссертацию о Лейбнице, которую озаглавил «Лейбниц и его век»¹⁴. Эта работа, где фигура и труды Лейбница рассмотрены на европейском и российском историко-культурном и политическом фоне, яркое проявление контекстуального подхода (при изучении интеллектуальной истории). Однако данная особенность труда В.И. Герье не привлекла внимания исследователей. Впоследствии, в XX в. книги по типу «имярек и его время» стали одной из традиций отечественной научной культуры. С данной практикой перекликается и название современного альманаха интеллектуальной истории – «Диалог со временем» – ориентирующее не на описание идей самих по себе, а на историко-темпоральную контекстуальность.

Однако потенциал контекстности имеет свои пределы, так как контекст не может, разумеется, для исследователя заместить собой текст. Если представить, что определенный текст полностью утрачен, то только по контексту эпохи восстановить содержание утраченного проблематично. Напротив, реконструкция контекста с учетом сохранившегося текста не представляет сложностей. Не случайно, Л.П. Репина подчеркивает, что «первейшая задача интеллектуального историка – понять исторический текст». Для решения подобных задач и привлекаются контекстные сведения, которые варьируются в широком диапазоне «между полюсами личностного и глобального»¹⁵, а также духовного и материального. Следовательно, и ракурсы контекстно-ориентированного исследования могут быть различны.

В этой связи отметим значимость (для понимания содержания интеллектуальной истории) собственно интеллектуального контекста. Как отмечает Дж. Ливайн, «помещение мысли в контекст времени и установление связей с тем, что было до нее, и что пришло после» есть задача не только интеллектуальной истории, но и «истории вообще»¹⁶. Однако для конкретного сюжета истории мысли – то, что было «до нее» и «пришло позже» – это и есть интеллектуальный контекст. По утверждению Л.П. Репиной, интеллектуальная история «включила в свое исследовательское пространство изучение не только рождения идей, но и их распространения (как в синхронном, так и в диахронном измерении)». С другой стороны, продолжает историк, изучение персоналий ведет исследователя к сопоставлению результатов их (персон) деятельности «в разных интеллектуальных контекстах» – предшествующих, современных, последующих. Наконец, когда предметом исследования становится интеллектуальная традиция, «на первый план выходит проблема глубины исторической ретроспективы», «определения границ находящегося в процессе становления направления» и позитивного «восприятия предшественников»¹⁷. Или: «Концепции интеллектуалов обычно рассматри-

¹⁴ См.: Герье 2008.

¹⁵ Репина 2006: 18.

¹⁶ Ливайн 2005: 51.

¹⁷ Репина 2008: 10.

ваются в трех контекстах: как на них повлияли идеи предшественников; какое влияние они сами оказали на взгляды окружающих; какова роль их идейного наследия для потомков»¹⁸. И в этом плане общественная мысль (если рассматривать ее в пространстве исторической науки, а не философии) всегда контекстна: во-первых, по отношению к эпохе, ее общей культуре и социально-корпоративным структурам, во-вторых, по отношению к иным общественным идеям – как близким, так и тем, с которыми идет явная или имманентная полемика. И, в-третьих, по отношению к предшествующим и последующим «родственным» дискурсам.

Авторами издания «Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX в.» проделана большая работа по осмыслению крупной и сквозной «инвариантной» проблематики, среди которой такие фундаментальные темы как государство, общество, собственность, личность. Однако исследовательские возможности проблемно-ориентированного подхода не исчерпаны. Нуждается в продолжении и углублении исследований проблема историко-культурного своеобразия и идентичности большого российского исторического пространства – как пространства европейско-азиатского, западно-восточного.

В 3 томе проекта, посвященном общественной мысли России второй четверти XIX – начала XX в., данная тематика рассматривается, но в силу масштабности самой задачи – далеко не полностью. Авторское внимание в проблематике идентичности сосредоточено на аспекте Россия и Запад, Россия и Европа, тогда как аспект – Россия и Азия, Россия и Восток (применительно к воззрениям деятелей той эпохи) находится в тени и затронут весьма фрагментарно¹⁹. Однако для объемного, адекватного понимания проблемы историко-культурного своеобразия и идентичности (а тем самым и позиционирования), эволюционировавшей в отечественной общественной мысли второй половины XIX – начала XX в., необходима ее (мысли) разносторонняя, сбалансированная реконструкция. Следует обратить больше внимания на те интенции общественной мысли, которые выходили за пределы односторонне проевропейского дискурса, стремились к более взвешенному пониманию роли и места России в мире. При таком сбалансированном подходе, полагаем, и произойдет то ожидаемое «расширение проблемного поля», на которое указывают методологи как интеллектуальной истории, так и истории общественной мысли.

В качестве предмета интеллектуальной истории (в плане соотношения текста и контекста, пространства и времени) могут выступать, различные компоненты: персоналии и направления, школы и сообщества, «короткие» и «длинные» линии, традиции и новации, проблемы и тенденции. Представляется, что локальные исследования в области интеллектуальной истории, поставляющие «строительный» материал для

¹⁸ Репина 2013: 8.

¹⁹ Антоненко 2020: 39–94.

обобщений, не иссякнут. Однако для понимания хода интеллектуальной истории более значимы те исследования, которые сконцентрированы на выявлении общих, протяженных и объемных проблем. Имеем в виду предметы, которые могут быть обозначены понятием «интеллектуальная тенденция» (в мировой историографии при анализе как западной мысли, так и восточной используется также синонимичная формула «интеллектуальный тренд»²⁰). В изучении отечественной общественной мысли, подчеркивает Л.А. Опёнкин, необходим переход на новый уровень – уровень «выявления тенденций», реконструкции «длинных линий»²¹. Следовательно, имеется актуальная потребность в изучении не только и не столько локальных, идейно и темпорально ограниченных явлений, но именно интеллектуальных тенденций – разносторонних и многокомпонентных, складывающихся (в контексте меняющейся эпохи) из вариативных мыслительных элементов.

Одной из значимых «длинных линий» отечественной интеллектуальной истории (наряду со славянофильством, западничеством, почвенничеством, областничеством, народничеством) является евразийство. Евразийская тенденция общественной мысли, в классическом варианте существовавшая в 1920–1930-е гг., стала в последние десятилетия предметом академического изучения и, при том, как трансформированное и злободневное мыслительное явление, пережила определенный ренессанс. Однако любой крупный интеллектуальный процесс, имеет, как правило, не только классическую и позднейшую пост-стадию, но и свои истоки, ранний этап. Как подчеркнул в свое время Н.В. Рязановский, американский исследователь русского происхождения, специализировавшийся в области интеллектуальной истории: «Крайне интересен вопрос о происхождении или возникновении евразийства», и, хотя аналогичные вопросы «всегда сложны», но относительно евразийства поиск ответа представляет «особую трудность». Чтобы найти решение данного вопроса, по его представлению, необходимо наряду с событийными обстоятельствами рассмотреть влияние интеллектуального фактора, т.е. «развитие мысли как в России, так и вообще в Европе»²².

Надо заметить, что вопрос о причинах и истоках евразийского течения, выглядевшего на фоне традиционных, устоявшихся российских направлений общественной мысли весьма новационно, возник в русской эмиграции одновременно с самим евразийством – уже в начале 1920-х гг., о чем высказывались и сторонники, и противники евразийства²³. Но в 1920-х гг., в обстановке острой внутриэмигрантской борьбы данный вопрос не был и не мог быть закрыт. Если сфокусировать точки зрения, то вопрос в том, было ли евразийство исторически логичным, закономерным явлением отечественной интеллектуальной ис-

²⁰ Raaflaub 2002; Chang Woei Ong 2017.

²¹ Опёнкин 2020: 20, 48.

²² Riasanovsky 1967: 54–55.

²³ Селиверстов 2009: 91–102.

тории, либо ситуативным интеллектуальным зигзагом, обусловленным особыми обстоятельствами постреволюционного времени? Как отмечается в новейшем 4 томе «Общественной мысли», посвященном русскому зарубежью, концепция евразийцев «имела свои истоки в дореволюционной мысли, т.е. являлась частью интеллектуальной традиции русской мысли». В частности, кратко указано на Н.Я. Данилевского (теория культурно-исторических типов) и К.Н. Леонтьева (периодичность развития цивилизации), на Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, которые дали «дополнительные аргументы» сторонникам – как всемирности России, так и своеобразия²⁴.

С тезисом, что евразийство было частью дореволюционной «интеллектуальной традиции русской мысли», нельзя не согласиться. Более того, он нуждается, полагаем, во всестороннем обосновании и раскрытии. Но что по этому поводу сказано в предшествующем – 3 томе проекта, раскрывающем собственно тенденции общественной мысли второй четверти XIX – начала XX в.? Следует признать, что этот аспект (истоки евразийства в дореволюционной русской мысли) там не рассматривается. Да, в 3 томе (С.Г. Антоненко), как выше было показано, констатируется фундаментальная проблема российской идентичности – восприятие страны между Западом и Востоком (как в реальном, так и преимущественно в метафорическом смысле). Однако в проблематике западно-восточной идентичности абсолютно приоритетное внимание уделяется западному аспекту – Россия и Европа. Что касается более объемного ракурса: Европа – Россия – Азия (Запад – Россия – Восток), то он на материале общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. не освещается. Примечательно, что о Н.Я. Данилевском, К.Н. Леонтьеве утверждается как о «независимых мыслителях», но фактор Востока (в т.ч. российского) в их концепциях даже не затрагивается²⁵.

Однако, аккуратности ради, следует заметить, что в данном разделе коллективного труда и не утверждается о разрешении проблемы российской историко-культурной идентичности (через призму общественной мысли второй половины XIX – начала XX в.). Более того, отмечается, что проблема идентичности остается «в том числе и нерешенной», требующей постоянного переосмысления²⁶. И этот реалистичный тезис ориентирует на продолжение изучения общественной мысли соответствующего периода.

Полноценная реконструкция историко-культурного своеобразия и позиционирования России (в понимании интеллектуалов второй половины XIX – начала XX в.) предполагает раскрытие и европейских, и восточных, азиатских аспектов. Только так у современных исследователей появится возможность, полагаем, выявить связи до- и постреволюционной общественной мысли, в частности, – протянуть нить («длинную

²⁴ Березовая 2020: 352.

²⁵ Антоненко 2020: 83–86.

²⁶ Антоненко 2020: 44.

линию») от проевразийских идей второй половины XIX – начала XX в. (на которые указывается в 4 томе «Общественной мысли») к эмигрантской общественной мысли 1920-х гг. Например, отмечается (Л.Г. Березовая), что ключевым концептуальным положением евразийства был «своего рода полицентризм», ставший аргументом для обоснования «цивилизационной самостоятельности» России²⁷. Однако данный подход был изначально разработан, как известно, не в контексте классического евразийства, а во второй половине XIX века – Н.Я. Данилевским и В.И. Ламанским, что еще раз свидетельствует о необходимости изучения раннего этапа евразийской интеллектуальной тенденции.

Что касается диссертаций по различным аспектам классического евразийства 1920–1930-х гг. – историческим, философским, культурологическим, политологическим, – то в них сюжеты об истоках, предшественниках, генезисе евразийства освещаются ретроспективно, во вводных параграфах²⁸. Но концептуально и методологически такой вводный ретроспективный подход к раннеевразийской проблематике ведет к поверхностности и повторяемости. Задача всестороннего раскрытия процесса становления евразийской интеллектуальной тенденции в связи с контекстом эпохи второй половины XIX – начала XX в. требует анализа раннеевразийских / проевразийских явлений в качестве основного, а не прикладного предмета исследования. И основания для таких консолидированных штудий открывает интеллектуальная история России – важный сегмент отечественной и мировой истории.

Итак, полноценное раскрытие евразийской «длинной линии», особенно ее раннего этапа, остается в начале 2020-х гг. актуальной исследовательской задачей, предполагающей продолжение и углубление изучения интеллектуальной истории второй половины XIX – начала XX в. В общем потоке общественной мысли раннеевразийская тенденция является существенным содержательным компонентом, пронизывающим и связывающим дореволюционную и послереволюционную отечественную историю.

И здесь мы вновь выходим к фактору интеллектуального контекста, без которого невозможно понимание эволюции общественной мысли. Как отмечает Л.П. Репина, в современном анализе интеллектуальной истории имеет место переход от локальных идей «к более широким социокультурным контекстам, в которых эти идеи функционировали, воспроизводились, интерпретировались и модифицировались». При этом сохраняется интерес «к предпосылкам», которые «задавали импульс для изменений и инноваций»²⁹. Кроме того, современный взгляд на интеллектуальную историю акцентирует ее коммуникативную природу, включая обмен и обращение элементов интеллектуальной культуры³⁰.

²⁷ *Общественная мысль... 2020*: 136, 353.

²⁸ См.: Горяев 2003; Романова 2007; Никитенко 2011; Ибраев 2016.

²⁹ Репина 2013: 15.

³⁰ Репина 2013: 8.

Подобные общеметодологические суждения применимы к процессу становления ранней (доклассической) евразийской интеллектуальной тенденции, являвшейся не монолитным направлением, а подвижным историко-культурным пространством многих персоналий, идей и контекстов; не статичным, а коммуникативным процессом обогащения и обращения, восприятия и обмена.

К тематике истоков евразийской тенденции относят, как правило, весьма широкий круг представителей отечественной общественной мысли XIX – начала XX в. (Н.М. Карамзин, Ф.И. Тютчев, В.Ф. Одоевский, Н.Я. Данилевский, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, Г.Н. Потанин, Ч.Ч. Валиханов, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский, В.С. Соловьев, Д.И. Менделеев, И. Гаспринский, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.В. Бартольд, А.Н. Букейханов, Э.Э. Ухтомский и др.). Как видим, этот круг включает интеллектуалов разного происхождения, общественно-научной и национально-культурной ориентации. Чтобы исследование ранней евразийской тенденции могло встать на прочную системную основу, данный спектр необходимо дифференцировать и контекстуализировать.

Одного традиционного собственно русско-славянского контекста недостаточно. Следует расширить исследовательский подход и обозначить в пространстве общей интеллектуальной истории России ряд интеллектуальных контекстов, в которых (синхронно и диахронно) шли процессы генерации, накопления и обогащения явлений раннеевразийской тенденции. При том, интеллектуальные контексты должны быть соотносимыми по содержанию и значимости, а не качественно разнорядковыми. Чтобы избежать искусственного конструирования, следует учесть (с историко-культурной точки зрения), что содержание европейско-азиатских, западно-восточных, евразийских взаимоотношений и процессов на большом российском (и сопредельном) историческом пространстве неразрывно связано с масштабной славянской, тюркской и сибирской проблематикой. Исходя из сказанного, необходимо выделить следующие ключевые интеллектуальные контексты второй половины XIX – начала XX в. (в которых проявился процесс становления евразийской тенденции) – *славянский*, *туранский*, *сибирский*. При этом подчеркнем, – данные интеллектуальные контексты следует сгруппировать не только по происхождению их носителей, но с учетом содержательных, проблемных приоритетов, в них развиваемых.

Круг *славянского* интеллектуального контекста (относительно *туранского* и *сибирского*) на персональном уровне более известен, хотя и не без лагун. Например, в вопросах о «гурецких» компонентах раннеевразийских идей К.Н. Леонтьева или об эволюции раннеевразийских воззрений В.П. Семенова-Тянь-Шанского в связи со взглядами В.И. Ламанского. Что касается *туранского* и *сибирского* интеллектуальных контекстов, то здесь преобладают локальные, фрагментарные наблюдения. Понимая, что определение «точных» перечней в интеллектуальной

истории не всегда результативно, обозначим только ряд основных персоналий, свидетельствующих о многоаспектности проевразийского миропонимания: *туранский* контекст – Ч.Ч. Валиханов, И. Гаспринский, А.Н. Букейханов, Ю. Акчурин, *сибирский* контекст – Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, И.И. Серебренников, Г.Д. Гребенщиков.

Характерной чертой обозначенных контекстов было то, что раннеевразийские интеллектуальные компоненты располагались в пространстве, соответственно, русско-славянской, тюрко-мусульманской и сибирско-азиатской проблематики. В каждом из трех историко-культурных контекстов по-своему (с учетом национальных, культурных и региональных приоритетов) раскрывались и интерпретировались европейско-азиатские сюжеты – концептуальные и конкретно-исторические, локальные и глобальные. Поэтому, на наш взгляд, важно сосредоточить внимание не только на выявлении идентичных тезисов у разных авторов, но прежде всего на вариативности, параллелизме и взаимодополняемости раннеевразийских взглядов. Так, заслуживает внимания раскрытие концепта «трех миров» не только у В.И. Ламанского, смотревшего с русско-славянской точки зрения, но и у И. Гаспринского, наблюдавшего мировые процессы с учетом тюрко-мусульманского фактора.

Указанные интеллектуальные (историко-культурные по содержанию) контексты – *славянский*, *туранский*, *сибирский* – соотносимы по эпохе, интеллектуальной глубине и широте, сопредельны и диффузивны по макрорегиональной принадлежности и проблемному наполнению, – все это и создает потенциальную возможность раскрыть объемную, репрезентативную и вариативную панораму ранней евразийской тенденции. Таким представляется новый концептуальный подход к актуальной проблематике происхождения евразийской тенденции в отечественной общественной мысли второй половины XIX – начала XX в.

В заключение отметим ряд моментов. В общем плане целесообразна консолидация теоретических и практических подходов, достижений и инструментария интеллектуальной истории и истории общественной мысли, выработанных в научном пространстве всеобщей и отечественной истории. При этом история общественной мысли входит в более широкое поле интеллектуальной истории в качестве одного из базовых предметов исследования. Расширение поля интеллектуальной истории логично выдвинуло на первый план фактор многообразных контекстов. Особенно важны для познания общественной мысли собственно интеллектуальные контексты – предшествующие, сопутствующие, последующие. С другой стороны, в изучении общественной мысли России наряду с традиционной направленной тематикой в последние годы происходит проблемно-ориентированный поворот. И здесь приоритетное значение имеет рассмотрение фундаментальных и сквозных «длинных линий». В частности, актуальной остается проблема историко-культурной идентичности и своеобразия большого российского исторического пространства – как пространства европейско-азиатского, западно-вос-

точного, славяно-тюркского. Осмысление в общественной мысли такого рода объемной и протяженной во времени проблемы с полным основанием может быть обозначено понятием «интеллектуальная тенденция», а именно – евразийская интеллектуальная тенденция.

Особенно значима для понимания эволюции российской общественной мысли реконструкция раннеевразийского этапа данной интеллектуальной тенденции, относящегося ко второй половине XIX – началу XX в. и весьма многообразного по своему персональному и концептуальному содержанию. Систематизация историко-культурного пространства данной эпохи позволяет консолидировать ключевые раннеевразийские интеллектуальные контексты – *славянский, туранский, сибирский*. Именно через анализ этих контекстов возможна полноценная и объемная реконструкция процесса становления евразийской тенденции и, тем самым, приближение к разрешению фундаментального вопроса об историческом своеобразии, идентичности и позиционировании исторического пространства, охватывающего российский и сопредельный мир.

Наконец, через указанные «длинные» контексты шло накопление и обогащение той интеллектуальной «критической массы», которая уже в эпоху военно-революционных катаклизмов середины 1910-х – начала 1920-х гг. обеспечила интеллектуальный прорыв, приведший к формированию классического евразийства.

Таким образом, ретроспективный, «нисходящий» (в традиционной интерпретации) вопрос об истоках евразийства следует переформатировать в «восходящей» оптике и поставить как проблему раннеевразийской интеллектуальной тенденции. Первые практические подступы к решению задачи уже предпринимаются³¹, теперь пришло время для общего обоснования данного подхода. Посильная попытка такого обоснования и предпринята в настоящей статье.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Антоненко С.Г. «Россия – мир миров» [Глава 2] // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 3: Общественная мысль России второй четверти XIX – начала XX века / Отв. ред. В.В. Шелохаев. С. 39–94 [Antonenko S.G. «Rossiya – mir mirov»] [Glava 2] // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 3: Obshchestvennaya mysl' Rossii vtoroi chetverti XIX – nachala XX veka / Отв. ред. V.V. Shelokhaev. С. 39–94].
- Березовая Л.Г. Россия и Запад [Глава 8] // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 4: Общественная мысль Русского зарубежья / Отв. ред. В.В. Журавлев. С. 322–361 [Berezovaya L.G. Rossiya i Zapad] [Glava 8] // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 4: Obshchestvennaya mysl' Russkogo zarubezh'ya / Отв. ред. V.V. Zhuravlev. С. 322–361].
- Воробьева О.В. Эпистемологические основания и стандарты научности в российских диссертационных исследованиях 1995–2015 гг. // Историки в поисках новых перспектив / Под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 206–273. [Vorob'eva O.V. Epistemologicheskie osnovaniya i standarty nauchnosti v rossiiskikh dissertatsionnykh issledovaniyakh 1995–2015 gg. // Istoriki v poiskakh novykh perspektiv / Pod obshchei redaktsiei Z.A. Chekantsevoi. M.: Akvilon, 2019. S. 206–273.].

³¹ Селиверстов 2021: 298–304.

- Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. 807 с. [Ger'e V.I. Leibnits i ego vek. SPb.: Nauka, 2008. 807 s.].
- Горяев А.Т. Евразийская идея и проблема самоидентификации России: дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2003. 284 с. [Goryaev A.T. Evraziiskaya ideya i problema samoidentifikatsii Rossii: dis. ... d-ra filos. nauk. Volgograd, 2003. 284 s.].
- Данилевский И.Н. Введение // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 1: Становление общественной мысли допетровской Руси / Отв. ред. И.Н. Данилевский. С. 6–50. [Danilevskii I.N. Vvedenie // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 1: Stanovlenie obshchestvennoi mysli dopetrovskoi Rusi / Отв. red. I.N. Danilevskii. S. 6–50.].
- Ибраев М.У. Государственность в политическом учении евразийства (классическая традиция): дис. ... канд. полит. наук. М., 2016. 147 с. [Braev M.U. Gosudarstvennost v politicheskom uchenii evraziystva (klassicheskaya traditsiya): dis. kand. polit. nauk. M., 2016. 147 s.].
- Каменский А.Б. Введение // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 2: Общественная мысль России XVIII – первой четверти XIX в. / Отв. ред. А.Б. Каменский. С. 6–14. [Kamenskii A.B. Vvedenie // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 2: Obshchestvennaya mysl' Rossii XVIII – pervoi chetverti XIX v. / Отв. red. A.B. Kamenskii. S. 6–14.].
- Леонтьева О.Б. Интеллектуальная история России XIX – начала XX вв.: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. 428 с. [Leont'eva O.B. Intellektual'naya istoriya Rossii XIX – nachala XX vv.: ucheb. posobie. Samara: Izd-vo «Samsarskii universitet», 2012. 428 s.].
- Ливайн Дж. Интеллектуальная история как история // Диалог со временем. Вып. 14. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 37–51. [Livain Dzh. Intellektual'naya istoriya kak istoriya // Dialog so vremenem. Vyp. 14. M.: IVI RAN, 2005. S. 37–51.].
- Никитенко Е.В. Евразийство 1920-х гг.: история противостояния и сравнительный анализ идеологии и деятельности Пражского и Парижского (Клармарского) центров движения: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. 217 с. [Nikitenko E.V. Evraziystvo 1920-kh gg.: istoriya protivostoyaniya i sravnitel'nyi analiz ideologii i deyatel'nosti Prazhskogo i Parizhskogo (Klamarskogo) tsentrov dvizheniya: dis. ... kand. ist. nauk. Омск, 2011. 217 s.].
- Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 4: Общественная мысль Русского зарубежья / Отв. ред. В.В. Журавлев. 567 с. [Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 4: Obshchestvennaya mysl' Russkogo zarubezh'ya / Отв. red. V.V. Zhuravlev. 567 s.].
- Опёнкин Л.А. Предисловие. Вехи становления предмета изучения общественной мысли // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 1: Становление общественной мысли допетровской Руси / Отв. ред. И.Н. Данилевский С. 6–50 [Openkin L.A. Predislovie. Vekhi stanovleniya predmeta izucheniya obshchestvennoi mysli // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 1: Stanovlenie obshchestvennoi mysli dopetrovskoi Rusi / Отв. red. I.N. Danilevskii S. 6–50.].
- Репина Л.П. Введение I. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Иден и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2013. С. 7–19 [Repina L.P. Vvedenie I. Intellektual'naya kul'tura kak predmet issledovaniya // Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v Novoe vremya / pod red. L.P. Repinoi. M.: Akvilon, 2013. S. 7–19].
- Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 12–22 [Repina L.P. Intellektual'naya istoriya na rubezhe XX–XXI vekov // Novaya i noveishaya istoriya. 2006. № 1. S. 12–22.].
- Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25. С. 5–11 [Repina L.P. Konteksty intellektual'noi istorii // Dialog so vremenem. 2008. Vyp. 25. S. 5–11].
- Репина Л.П. Русская историческая школа пошла от христианства. 26 ноября 2018 г. // Научная Россия. [Repina L.P. Russkaya istoricheskaya shkola poshla ot khristianstva. 26 noyabrya 2018 g. // Nauchnaya Rossiya. URL: <https://scientificrussia.ru/partners/rossijskaya-akademiya-nauk/russkaya-istoricheskaya-shkola-shla-ot-hristianstva/>].

- Романова Е.А. Этнокультурная концепция основоположников евразийства: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2007. 175 с. [Romanova E.A. Etnokulturnaya kontseptsiya osnovopolozhnikov evraziistva: dis. ... kand. filos. nauk. Barnaul, 2007. 175 s.]
- Селиверстов С.В. «Восточное соглашение» И. Гаспринского: становление раннеевразийского концепта (1880–1890-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 298–304. [Seliverstov S.V. «Vostochnoe soglaschenie» I. Gasprinskogo: stanovlenie ranneevraziiskogo kontsepta (1880–1890-e gody) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 21. Vyp. 3. S. 298–304.]
- Селиверстов С.В. Истоки евразийства в представлениях российских эмигрантов 1920-х годов: интеллектуальная преемственность или ситуативная обусловленность? // Диалог со временем. 2009. Вып. 28. С. 91–102 [Seliverstov S.V. Istoki evraziistva v predstavleniyakh rossiiskikh emigrantov 1920-kh godov: intellektual'naya preemstvennost' ili situativnaya obuslovlennost'? // Dialog so vremenem. 2009. Vyp. 28. S. 91–102].
- Тимофеев Д.В. Методология «истории понятий» в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 116–138 [Timofeev D.V. Metodologiya «istoriya ponyatii» v kontekste istorii dorevolutsionnoi Rossii: perspektivy i printsipy primeneniya // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. S. 116–138].
- Тимофеев Д.В. Принципы инструментализации методологии «истории понятий» в исследованиях по истории общественного сознания России XVIII – первой четверти XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 184–191. [Timofeev D.V. Printsipy instrumentalizatsii metodologii «istorii ponyatii» v issledovaniyakh po istorii obshchestvennogo soznaniya Rossii XVIII – pervoi chetverti XIX veka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 436. S. 184–191.]
- Шелохаев В.В. Введение // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 3: Общественная мысль России второй четверти XIX – начала XX века / Отв. ред. В.В. Шелохаев. С. 6–10. [Shelokhaev V.V. Vvedenie // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 3: Obshchestvennaya mysl' Rossii vtoroi chetverti XIX – nachala XX veka / Otв. red. V.V. Shelokhaev. S. 6–10].
- Chang Woei Ong. Intellectual Trends in Imperial China // Oxford Research Encyclopedia. Published online: 20 November 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.197>
- Raaflaub K.A. Philosophy, Science, Politics: Herodotus and the Intellectual Trends of his Time // Brill's Companion to Herodotus. Leiden Boston: Brill, 2002. P. 149–186.
- Riasanovsky N.V. The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967. Vol. 4. P. 39–72.

Селиверстов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; профессор, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан; seliverst.sv@googlemail.com

Social Thought as a Subject of Intellectual History: on studying the early Eurasian tendencies in the second half of the 19th - early 20th century

The article is devoted to the relationship between intellectual history and the history of social thought as areas and subjects of research (in a situation of trend towards contextualization and cognition of problematic “long lines”). The state of knowledge of the origins of the Eurasian intellectual tendency is considered (through the problem of identity and originality of the historical Russian and adjacent space) in Russian social thought in the second half of the 19th–early 20th cc. The question of the need to study the problem of the formation and development of the early Eurasian intellectual tendency, taken in three parallel contexts – Slavic, Turanian, Siberian, is raised and substantiated.

Keywords: *intellectual history, identity, European-Asian space, West, Russia, East, intellectual context, early Eurasian tendency*

Seliverstov Sergey, Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher, L.N. Gumilyov Eurasian National University; professor, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan; seliverst.sv@googlemail.com

СЛАВЯНОФИЛЬСКИЕ ЗЕРКАЛА
(КРИТИКА В.И. ЛАМАНСКИМ ВОСПРИЯТИЯ
РОССИИ И СЛАВЯНСТВА В НЕМЕЦКОЙ НАУКЕ)¹

В статье рассматриваются взгляды крупнейшего отечественного слависта академика Владимира Ивановича Ламанского на немецкую науку. Ламанский относил себя к славянофильскому направлению в русской философии, был создателем учения о трех цивилизационных мирах, для него было характерно антагонистическое восприятие европейской культуры. Определение греко-славянского мира, частью которого является Россия, он дает через противопоставление романо-германскому миру или Европе. Показано формирование негативного образа европейской (немецкой) науки у Ламанского: от непосредственного знакомства с Германией во время научных командировок до несогласия с распространенной в Германии точкой зрения на Россию и славянство. Указаны основные моменты критики Ламанским немецких ученых: опровержение сравнения славян с женщинами, неграми, кельтами, рассуждения о туранстве русских, признание славян низшей расой и т.п. Делается вывод, что отрицательное отношение Ламанского к немецкой науке было вызвано политизацией славянского вопроса, стремлением немецких ученых обосновать неизбежность подчинения славян немцам, отказ славянам в возможности создать самобытную культуру.

Ключевые слова: славянофильство, Ламанский, немецкая наука, славянство, антагонизм, романо-германский мир, греко-славянский мир.

Критика германизма в русской науке и философии имеет давние корни. Еще ученый хорват Юрий Крижанич, которого В.С. Соловьев считал «первым истинным славянофилом»², приехав в Московское государство в середине XVII в., призывал царя Алексея Михайловича не доверять иностранцам, прежде всего, немцам. Стремясь выработать посредством «языковой sprawy» всеславянский язык, он ввел понятие *чужебесия*, вобравшее в себя негативные смыслы чрезмерного доверия ко всему иностранному и преклонения перед чужой культурой. Отрицательное отношение Крижанича к немцам дает пример конфессиональной критики, раскрывает неприятие католиком протестантского влияния в славянских землях. Главной целью его приезда в Москву была пропаганда церковной унии. Протестантизм, внося раскол в само западное христианство, лишь отдалял перспективу объединения церквей. Следующая заметная реакция на европеизм, на ученичество и подражание перед Западом относится к последней трети XVIII в., когда в контексте т.н. *просвещенного национализма* начинает формироваться русское национальное самосознание и национальная культура, национальная идентичность сменяет религиозную³. Полнее всего критическая философская рефлексия по отношению к европейской культуре была выражена в сла-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №21-18-00153, Санкт-Петербургский государственный университет).

² Бессчетнова 2019: 30.

³ См. подр.: Стенник 2004.

вянофильстве. Однако совершенно неверно представлять раннее славянофильство (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин) как антизападничество. Даже такой радикальный западник, как А.И. Герцен отмечал, что различие между оппонентами было лишь в деталях, оттенках, а не в принципах. Ранние славянофилы воспринимали Россию как часть Европы, более того, они мыслили Россию как во многом *подлинную Европу*, сохраняющую преданные забвению и поруганные в самой Европе ценности. Иное дело – т.н. «поздние славянофилы» (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский), которые старались осмыслить исторические и религиозные противоречия России и Европы в качестве цивилизационного антагонизма. Антагонизм этот во многом вырос из тех противоречий, которые фиксировали ранние славянофилы, из стремления мыслить крайними категориями, обостряя бинарную логику культурно-исторического анализа: вера и разум, иранство и кушитство, народы-домостроители и народы-завоеватели, романская (католическая) и германская (протестантская) Европа и т.д. В «Письмах из Риги» и «Украинах России» Ю.Ф. Самарин политизировал критику германизма, сделав ее внутренним фактором самой русской истории и культуры⁴. Такое восприятие немецкого влияния на Россию и славянство в целом получило дальнейшую разработку в учении крупнейшего отечественного слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914).

Борьба с немецким засильем в русской науке, критика взглядов немецких ученых на славянство, восприятие вековой борьбы германцев и славян как проявления цивилизационного противостояния греко-славянского и романо-германского миров, предсказание неизбежной войны с объединенной Германией стали сквозной темой научного и публицистического творчества Ламанского. В отличие от ранних славянофилов, которые по преимуществу были дилетантами, Ламанский был профессором славяноведения Петербургского университета, известным специалистом по славянской истории и филологии. Оценка Европы и ее отношения к славянству была следствием как его профессиональных занятий, так и жизненного опыта, приобретенного в научных командировках, личных контактов в России и за границей. Особенно заметно различие отношения к европейской истории и культурному наследию при сравнении учения Ламанского со взглядами А.С. Хомякова⁵.

Как и большинство его современников (С.М. Соловьев, М.П. Погодин, К.Н. Бестужев-Рюмин, М.О. Коялович.) Ламанский воспринимал историю как науку национального самопознания. Наиболее оригинальная часть его учения – концепция трех цивилизационных миров – разрабатывалась им с начала 1860-х и нашла законченное выражение в позднем трактате «Три мира азийско-европейского материка» (1892)⁶. Самоопределение России, по Ламанскому, дается через систему взаимных от-

⁴ См.: Скороходова 2013.

⁵ См. подр.: Куприянов 2018.

⁶ Робинсон 1997.

ражений и противопоставлений, на фоне которых обретается цивилизационная идентичность России. Ближайший из них – греко-славянский (или Средний) мир, частью которого является Россия, включает в себя как славянские народы, позволяющие России и русскому народу осознать свою силу и историческое предназначение, а также греков, связывающих Россию с наследием Античности и другие «этнографические стихии», привносящие в греко-славянский мир разнообразие и обогащающие его в культурном отношении. Особое место в греко-славянском мире занимает Польша, которая является проводником чуждых этому цивилизационному целому начал, демонстрируя перерождение национальной культуры под влиянием иных цивилизационных оснований. Отношение Ламанского к исторической Польше не было однозначным, но его нельзя считать строго отрицательным⁷. Романо-германский мир, или собственно Европа, представляет собой цивилизационного конкурента Среднего мира, и между ними идет непримиримая борьба. Европа является тем инобытием (границей, пределом), на фоне которого или от которого Средний мир получает свою собственную определенность. В отношении Европы и греко-славянского мира можно усмотреть историческую аналогию между романо-германским миром и классической древностью. Христианская Европа является одновременно и наследником, и антитезой языческой Античности. Так же и греко-славянский мир, принимая начала христианской цивилизации, приходит на смену Европе. Ламанский дополняет свои рассуждения указанием на различие исторического возраста романо-германских и славянских народов, подтверждая тем самым, что его цивилизационная концепция также исходит из представления об органической природе народов и их культуры, дополненного принципами географического детерминизма. Различием возрастов он объяснял и многие отрицательные явления в русской истории, которые будут преодолены по мере взросления исторического организма. Высказывания Ламанского находят параллели в рассуждениях Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, а позднее и О. Шпенглера о России как молодом, в сравнении с Европой культурно-историческом типе⁸.

Более примирительно он отзывался о романских народах, например, отмечая в магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) близость народного характера испанцев и славян. Более того, он полагал, что противоречия в Европе между романскими и германскими народами делают романцев (итальянцев и особенно испанцев) союзниками славян⁹. Еще один цивилизационный мир – это собственно Азия, абсолютная инаковость которой по отношению к Среднему миру, делает ее мало интересной для Ламанского.

Полнее всего в научном и философском наследии Ламанского раскрывается историческое противоборство славян и германцев, которое по

⁷ Саприкина 2013.

⁸ См., подр.: Тяпин 2019.

⁹ Ламанский 1860: 144.

прошеством веков никуда не исчезает, а лишь приобретает новые формы. В качестве одной из них он воспринимал засилье немецких ученых в Петербургской академии наук. Ламанский посвятил этому вопросу ряд исторических исследований и архивных публикаций (прежде всего, о М.В. Ломоносове и Академии наук в XVIII в.) и серию критических статей и научных опровержений (например, взглядов А.А. Куника, который, заметим, в целом согласился с критикой Ламанского). Не стоит думать, что его критика вытекала из ксенофобии или личной неприязни. В биографии Ламанского есть лишь один эпизод, когда он позволил себе высказать несогласие с «остзейской манерой» общения директора Публичной библиотеки барона М.А. Корфа с подчиненными, в которой тогда сам служил. После этого Ламанский покинул библиотеку. Его детство прошло в Петербурге скорее в полунемецкой, чем русской среде. Его ближайшим другом до конца жизни оставался историк русской литературы О.Ф. Миллер, впрочем, тоже примкнувший к славянофилам.

Оценка Ламанским германизма формировалась как под воздействием изучения исторической и современной литературы, так и личных впечатлений, полученных во время научных командировок, прежде всего, 1862–1864 и 1868–1869 гг. Проследить эти впечатления отчасти можно по его письмам. Наиболее содержательное из них – письмо министру народного просвещения А.В. Головнину – опубликовано, поэтому не нуждается в пересказе¹⁰. Первый раз посетив Берлин, Ламанский писал родителям 9/21 мая 1861 г.:

«Вообще пока Берлин мне не нравится, конечно. Относительно науки, образованности, его смешно сравнивать с Петербургом, но по наружности последний лучше Берлина. Зато чрезвычайно понравился мне Кёнигсберг, эта прусская Москва. Чрезвычайно оригинальный город. В нём сохраняется много старины, всего того, что живо воскресает в Вашей памяти старинный немецкий город не только какого-нибудь 16 в., но даже средних веков. Каких нагляделься я там чисто немецких типов и физиономий. Так вот и ходят перед вами портреты, картины Дюрера, Гольбейна, отчасти даже голландцев, тот же северо-немецкий тип. Мужчины уже в другой одежде, а женщин, старух торговок в особенности, и переодевать не надо. Не знаю, потерял ли бы что Кёнигсберг, если бы не было в нём вовсе военных, каких-то притом смешных, неуклюжих, хотя всё молодых, сильных, здоровых, но уверен, что для наблюдателей и туристов было бы гораздо приятнее не видеть этих гауптвахт, караулов. Кёнигсберг, по своему положению, играет в Пруссии и вообще в северной Германии, очень важную роль; его торговая деятельность с каждым годом возрастает. Дома все по большей части в три, четыре этажа, редко в два, зато очень часто в одном этаже не более трёх и даже двух окон. Улицы очень тесные, со множеством всяких переулков, Прегель – речка, протекающая через город, что-то вроде нашей Фонтанки или Мойки с миниатюрными мостами. С раннего утра, с 6-го до 10-го часа начинается движение в этом муравейнике; всюду толпится народ, каждый бежит с делом, с озабоченным видом, но чувство довольства и благосостояния написано на лицах, хотя всё совершается в каком-то строгом чине, всё точно, размерено, аккуратно. Русский может <...> всё найти прекрасным, но

¹⁰ Письма... 2009; Куприянов, Малинов 2020: 446–471.

чувствуется, однако, что всего этого ещё мало и если взять, например, несколько хороших лиц немецких и сравнить с таковыми же русскими, разумеется из народа, то вы сразу поймёте всю огромную разницу между немцами и нами. В лицах русских больше красоты, больше разума. На лице немца Вы не прочтёте той искренности и доброты, которой мы не замечаем или мало только потому, что привыкли к ней»¹¹.

Дальше он вновь обращается к внешности берлинских немцев:

«Любопытна очень молодёжь университетская, я рассматривал их лица, разговаривал с некоторыми. Лицо, тело – всё юношеское, а выражение глаз, лиц, телодвижений уже очень не молодое. Видно, что они все уже знают, чем они будут, как поведут свою жизнь. Нет в них ничего дерзкого, пылкого, отважного. Студенты тоже филистёры»¹².

В этом же письме Ламанский признавался, «в Берлине столько теперь иностранцев и особенно русских, что я толкался в три, четыре отеля, напрасно, нет ни одной свободной комнаты, наконец нашёл одну в Hôtel Zandhaus». «Стараюсь скорее выучится по-немецки, – писал он, – завожу беседу с немцами при каждом удобном случае, особенно в вагонах. Тут научаешься очень многому»¹³. Он посещает театры, оперу, ходит в библиотеку. По его словам, «что касается до Берлинской библиотеки, то во многих отношениях её и сравнивать нельзя с нашею»¹⁴.

«Вообще Берлин, – рассуждал Ламанский уже в письме из Будишина 16/28 мая 1862 г., – есть тот же Петербург, только немецкий дотла, без мужиков и всего того хорошего, что успело в него проникнуть русского. Разумеется, Берлин настолько же лучше немецкого Петербурга, насколько прусские и именно берлинские немцы лучше наших. Пруссаки любят хвастаться и гордиться своею свободою, но все эти их уверения должно принимать очень осторожно. Прусские немцы во многих отношениях такая же казна, как и наши»¹⁵.

Выводы Ламанского не случайны. Он всегда полагал, что в оторванном от народной почвы населении проступают, прежде всего, не лучшие черты его национального характера. С большей симпатией он относился к саксонским немцам. В цитируемом письме он делился еще одним наблюдением, намекающим на различие возрастов двух культур:

«Русский человек, знающий свою историю, может вообще без особенной зависти ходить по Берлину. Знаешь, видишь, что многого... хорошего у нас нет, но убеждён, что всё это будет у нас, только гораздо лучше, в более широких размерах. Вы чувствуете, что в них, этих учёных немцах нет вовсе той живости чувства и свежести понимания, той прекрасной доброты и непосредственности, горячей веры и любви, дерзости и отваги, которыми по счастью так богата одарена Россия. Был я и в Берлинском университете, впрочем слышал только две лекции Дройзена по истории, но студентов видел много. На вид юноши, а выражение лица чуть не старческое»¹⁶.

¹¹ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 8–8 об.

¹² СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 9.

¹³ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 9.

¹⁴ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 12 об. – 13.

¹⁵ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 12–12 об.

¹⁶ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 13.

Подводя итог своим заграничным наблюдениям, он писал в одной из статей, опубликованной вскоре после возвращения на родину:

«Много пользы и удовольствия извлекает для себя русский наблюдатель в городах и деревнях Германии, изучая немецкую науку, восхищаясь старую, великою музыкаю, любуясь довольством, чистотою и трудолюбием жителей. Но странные, нескончаемые агитации о шлезвиг-голштинском вопросе, о великом немецком флоте и единстве Германии, разные церемониальные Турн-Зенгер-Щюц-Ферейны, сердечная сухость и скаредность немцев наводят, под конец, страшную скуку. Таковую же тоску наводят славяне австрийские и турецкие своими жалобами, вздохами и стонами»¹⁷.

Первая заграничная командировка продлилась два с половиной года. Знакомство с европейской публицистикой и научной литературой значительно дополнило личные впечатления. Уже летом 1863 г. Ламанский писал родителям:

«Не бывши на Западе, трудно себе вообразить ту гадкую, подлую злобу и зависть, которую имеют европейцы к нам, русским. В разговорах с ними Вы замечаете, что они преисполнены самого высокого мнения о себе, самого жалкого о нас. Вы, напр[имер], гораздо образованнее и начитаннее его, Вы видите, что он во многих отношениях человек очень отсталый, и между тем он говорит с Вами покровительственным тоном, он Вас хвалит и одобряет, или начинает Вам учительски объяснять самые элементарные общественные или государственные понятия, напр[имер], о том, что в государстве должна быть свобода совести. Мы, русские, образованные люди, имеем всегда огромное преимущество перед образованными европейцами: мы знаем их неизмеримо лучше, чем они нас знают. Часто в разговорах с европейцами чувствуешь всю свою правоту и силу и щадишь их, ибо совестно, жалко раскрывать их тупость и невежество относительно их сведений и понимания России. Да к тому же отражая все нападки на Россию, пришлось бы указывать на такие мерзости и гадости их собственные, которые часто просто неисправимы. Иногда в осуждениях их нас с нравственной точки зрения раскрываешь не только умственную, но и нравственную грубость»¹⁸.

Австрийские и польские газеты «прямо говорят, что нас, русских, и особенно москалей следует просто стереть с лица земли. Они поучительнее Герцена, потому что, высказывая свою ненависть к нам, часто раскрывают причины её, свои страхи и опасения. Так для меня, для моих славянских занятий, разные австрийские брошюры и статьи о России, были очень полезны, указав на такие стороны восточного и славянского вопроса, на которые я и вообще русские мало или даже вовсе не обращали внимания»¹⁹.

Из этих и подобных наблюдений постепенно вызревал замысел докторской диссертации Ламанского. Впрочем, заграничные впечатления упали на подготовленную почву. Еще двумя годами ранее он писал (9 октября 1861 г.) в Москву И.С. Аксакову о том, что «надо ознакомить со взглядами Германии на нас не только наших дураков, но и других славян. Пусть они видят, что если их ценит Германия и боится, то только из-за русских. Надо сбить спеси с чехов, открыть глаза полякам»²⁰. Его возмущали те предрассудки и предвзятые мнения, которыми была

¹⁷ Ламанский 1865: 54.

¹⁸ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 93 об.

¹⁹ СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44: 94.

²⁰ Переписка... 1916: 93.

наполнена европейская, в первую очередь, немецкая публицистика и научная литература. В статье о М.В. Ломоносове он замечал:

«Едва ли в какой другой великой европейской литературе, кроме немецкой, отличается, например, ученая полемика такою резкостью тона. Едва ли есть в немецком обществе более сильный порок, чем его национальные предубеждения, часто в высшей степени темные и фанатические <...> и глубокая поныне вражда к славянам»²¹.

Обращение к Ломоносову не случайно. С него начинается борьба с иностранным засильем в русской науке, а по мысли Ламанского, и становление новой русской национальной культуры. Ламанский во многом мифологизирует Ломоносова, представляя его в качестве культурного героя, творца, равного политическому гению Петра I. Критика мнений европейцев о России и славянах, по Ламанскому, должна быть адресована не только русской образованной публике, но и самим славянам.

В итоге обзор взглядов европейских ученых на Россию и славянство лег в основу докторской диссертации Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871). В отклике на смерть Ламанского профессор Новороссийского университета И.А. Линниченко признавался, что диссертация ученого – «наименее научная из его работ»²². Планы Ламанского несколько раз менялись. Вначале он задумал написать диссертацию о «Законнике» Стефана Душана, затем увлекся историей ускоков и с целью сбора материалов о них полтора года проработал в итальянских архивах (1868–1869). Формально исследование Ламанского относилось к области славянской филологии – его основной научной специальности, но преобладающее содержание диссертации было посвящено проблемам историографии и философии истории. До выхода книги Ламанского в отечественной литературе не было столь подробного и откровенного описания европейской, главным образом немецкой, научной литературы по славянскому вопросу. С этой целью он привлек широкий круг авторов: В. Менцель, Г. Дитцель, Коль, Каттнер, Буддеус, Штриккер, Маттеи, Гарлес, К. Лемке, Кельм, Риль, Ю. Фребель, М.В. Геффтер, Нейманн, Пёлитц, Луден, Лудвиг, Гакет, Лео и др.

За многообразием частных исследований Ламанский вскрывает аксиоматику немецкой науки относительно славян. Он показывает, что в европейской ученой литературе славяне рассматриваются как низшая раса, подобная неграм, хамитам, туранцам; они пассивны, ленивы, грубы, невежественны, у них преобладают материальные интересы и проч. Например, подробно рассматривая взгляды немецкого историка Г. Лео, он заключал: «Общий смысл рассуждений Лео состоит в том, что славяне хотя и имеют много милого и любезного, даже некоторые преимущества перед немцами, все таки суть раса низшая, чем германцы»²³. Цивилизующая роль в истории славян принадлежит немцам. Сами же сла-

²¹ Ламанский 1863: 8.

²² Линниченко 1915: 245.

²³ Ламанский 1871: 72.

вяне не способны к самобытной политической жизни. Так, русское государство на протяжении своей тысячелетней истории держалось управлением норманнов и немцев. Все это, с точки зрения германской науки, оправдывает необходимость дальнейшего распространения немецкого элемента в землях славянских и немцев в русской администрации.

Ламанский воспроизводит ряд аргументов, которые используют европейские ученые, чтобы доказать подчиненное положение славян. Прежде всего, это сопоставление славян с женщинами, точнее убеждение в том, что германцы являются носителями в истории мужского начала, а славяне – женского. На это Ламанский остроумно парирует:

«На сравнении славян с женщинами, – так оно неудачно и странно, – было бы смешно долго останавливаться. Так как славянам приписывается природа женственная, сравнительно с германцами, немцами, которым усвоится характер мужественный, то естественно заключить, что славяне ниже, не способнее немцев-мужчин, и похожи собственно на немку. Но на кого же тогда будут похожи славянки? В субъективном отношении это сравнение любопытно, обнаруживая не слишком высокие и лестные взгляды некоторых немецких ученых на прекрасные их половины <...> Уподоблением славян женщинам ученые наши желали указать на служебную роль и необходимость подчинения славян немцам»²⁴.

Другое сопоставление сближает славян с неграми. Ламанский приводит мнения европейцев о неграх, очевидно, призванные оправдать практику работорговли. Он, в частности, цитирует президента лондонского антропологического общества Д. Ханта, утверждавшего: «негр, по своим физическим и духовным отличиям от европейца, образует особый, самостоятельный вид (species) в роде человеческого. У негра гораздо более, чем у европейца, сходства с обезьяною. Негры не имеют истории. Они не умеют бегать, не способны к военной службе. Они отвратительные работники. Негр развивается только до отрочества и потом останавливается в своем развитии»²⁵. «Сравнение славян с неграми, – отвечал в свою очередь Ламанский, – не имеет никакого научного значения и не обличает особенной критической прыткости и умственной бойкости. Оно основано лишь на предполагаемом сходстве весьма сомнительного психического признака, якобы общего славянам и неграм»²⁶.

«Гораздо любопытнее сравнение славян с кельтами, – продолжал Ламанский разбор немецких воззрений. – Говорят: славяне второе, исправленное, но более удобное к употреблению издание кельтов, – к употреблению, вероятно, германской расы. Уподобление любопытное, обличающее несколько библиотечарский взгляд на мир и его историю»²⁷. Высокомерное и во многом отрицательное отношение европейской науки к кельтам послужило основой для еще одной сомнительной исторической аналогии. «В немецкой ученой литературе давно уже состави-

²⁴ Ламанский 1871: 157.

²⁵ Ламанский 1871: 135–136.

²⁶ Ламанский 1871: 142.

²⁷ Ламанский 1871: 72.

лось убеждение, что кельты — раса несравненно низшая, чем германцы. Сравнение славян с кельтами, приятное в этом отношении, могло понравиться в Германии и как утешительное и отрадное указание на сходное с кельтским, ожидающее славян будущее»²⁸. Ламанский перечислял приписываемые кельтам черты: склонность к мистицизму, огромное общественное влияние касты жрецов-друидов, господство аристократического начала в политическом быте, пренебрежение земледелием. Подчеркивая несуразность сопоставления, он приводил особенности славянского быта: отсутствие в основном касты жрецов и сильной аристократии, занятие преимущественно земледелием. Все это ставит под сомнение продуктивность используемой аналогии. Более того, различие славян и кельтов он усиливает указанием на различие языков: славянский язык из всех индоевропейских языков менее всего сроден с языком кельтов. Сближение славян и кельтов видится немецким ученым в общности исторической судьбы двух народов: кельты были покорены римлянами и германцами; славяне, как и кельты, должны стать «такими же дрожжами для Германии», цитирует попутно Ламанский Т. Моммзена²⁹. На основании столь гадательной аналогии европейская наука выносит «приговор об исторической неспособности славян, о невозможности им создать свою самобытную образованность»³⁰; «...сравнение славян с кельтами, так же как с неграми и с женщинами, одинаково неудачно и даже неостроумно», — подводил Ламанский неутешительный итог многолетних усилий европейского славяноведения³¹.

К новейшим достижениям европейской науки относится попытка лишить русский народ славянских корней. Этой цели служит сравнение славян с туранцами. «Подобные сравнения могут быть правильны и уместны, если они служат к пояснению неизвестного и темного чем-нибудь известным и определенным», — делает Ламанский методологическое замечание, а затем продолжает: «Вообще сравнивая славян с туранцами, немецкие писатели руководятся больше и даже исключительно желанием похулить и унижить славян, а вовсе не желанием лучше себе выяснить их призвание и судьбы. <...> Германия знает туранцев еще несравненно менее [чем славян], имеет о них понятия еще более смутные, и даже еще более презирает их как людей низшей породы»³². «Общее европейское мнение о татарстве русских» или о «туранстве московитов»³³ приобрело наибольшую популярность во Франции благодаря «галлоцикации бедного Духинского»³⁴. Подробнее Ламанский останавливался на разборе мнений французских ученых. Он указывал на различие славян и туранцев в языке и религии, не позволяющее отождеств-

²⁸ Ламанский 1871: 72.

²⁹ Ламанский 1871: 161.

³⁰ Ламанский 1871: 179.

³¹ Ламанский 1871: 184.

³² Ламанский 1871: 211–213.

³³ Ламанский 1871: 142.

³⁴ Ламанский 1871: 142.

лять эти народы. В языковом и религиозном отношении славяне ближе романо-германским народам, чем монголам. Впрочем, многолетняя работа Ламанского в Русском географическом обществе (более четверти века он возглавлял Этнографическое отделение) и научные исследования убедили его в несправедливости пренебрежительного отношения европейцев к тюрко-монгольскому миру. Председательствуя в Этнографическом отделении, он всячески поддерживал экспедиции Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и др. по изучению Северной Азии; как редактор журнала «Живая старина» поощрял публикации результатов этих экспедиций, исследований и текстов по тюрко-монгольской этнографии и фольклору. Он был убежден, что все крупные нации (в т.ч. европейские) являются смешанными; метисация неизбежна у народа, населяющего большую территорию и активно контактирующего с другими этносами:

«Нет никакого разумного основания полагать, что финны, монголы, турки, с которыми мы так давно смешиваемся и еще Бог даст многие века будем смешиваться, ниже, мало способнее, слабее физически и нравственно всех не-арийских первобытных обитателей Европы и Америки, с которыми смешались европейцы у себя дома и продолжают смешиваться в Америке»³⁵.

Ламанский предложил программу развития инородцев, проживающих в России: изучение их истории и культуры, формирование национальной интеллигенции, распространение образования на национальных языках. Крайне отрицательно он относился к политике русификации. По верному замечанию М.А. Робинсона, Ламанский «придерживался в целом консервативных воззрений, но при этом позволял себе довольно резкую критику как внешней политики России, так и, в особенности, ее внутренних порядков и никогда не страдал политическим панславизмом и тем более панрусизмом»³⁶. Превосходство германцев над славянами, обосновываемое европейской наукой посредством сомнительных аналогий и сравнений служит оправданием их господства в славянском мире. Ламанский обнажает мифологическую подкладку европейского мышления, ведущую к выводам, пагубность которых для славян очевидна:

«И там и тут, – писал он в диссертации, – национальному германскому сознанию немецкий элемент является представителем высшего, доброго, светлого начала, а элемент славянский носителем начала низшего, злого и темного <...> И в России, как и в прочих славянских землях, немецкая стихия имеет высокое призвание разносить высшую культуру, цивилизовать и облагораживать простого *подзаконного* человека славянского»³⁷.

Согласно немецким ученым: «Только утверждение немецкой стихии в той или другой земле славянской сообщает ей всемирно-историческое помазание, только господство, власть или влияние немцев у того или другого народа славянского дает ему возможность принять подобие народа исторического»³⁸. Ламанский отмечает, что это утверждение для

³⁵ Ламанский 1871: 314–315.

³⁶ Робинсон 2004: 303.

³⁷ Ламанский 1871: 110.

³⁸ Ламанский 1871: 112–113.

самых немцев – «пошлый трюизм», «изношенная истина», стереотип, высказывающийся уже на протяжении нескольких веков. Однако такой же точки зрения придерживаются и немцы, проживающие в России. От них и русское образованное общество перенимает «немецкие воззрения на Россию». Ламанский признавал давность и бесполезность германского элемента в русской истории, но призывал его не абсолютизировать. Критике этого мнения, главным образом, и была посвящена его диссертация, которая должна была показать европействующей интеллигенции в России и других славянских землях, что на самом деле думают о них европейцы. Желая опровергнуть предвзятые мнения немецкой науки, Ламанский приводил не менее предвзятую подборку высказываний о славянах европейских ученых. Оппоненты упрекали его в том, что он сознательно игнорирует более «объективные» европейские исследования, замалчивает положительные отклики немцев о славянах (они есть в книге, но значительно уступают критикуемой точке зрения). Задача Ламанского состояла в другом: с одной стороны, показать преобладающее мнение немцев о славянах, а, с другой стороны, представить это мнение в крайней, даже гипертрофированной форме, чтобы, так сказать, предьявить идеальный тип западного славяноведения.

Ламанский признавал лидерство немецкой науки в современном ему мире. Более того, никто кроме немцев, уверял он, на протяжении тысячи лет контактировавших со славянами, не знает славянские народы лучше. Сам Ламанский во многом зависел от концепций немецких ученых и, в частности, в своем учении о языке опирался на идеи В. Гумбольдта. Однако это не мешало ему видеть недостатки немецкой науки, ее небеспристрастность и преследование политических целей:

«Эта невиданная и небывалая нигде прежде вера в силу и непогрешимость национального разума, – писал он о немецкой науке, – согревает многих и многих ученых в отдельности, незаметно обращаясь у них в веру в собственный единоличный разум. От этого быть может ни в какой другой европейской литературе, кроме немецкой, нельзя найти такую массу книг, в которых величайшие пошлости и нелепости излагались бы с таким серьезным тоном и с такою смешною уверенностью в глубине и премудрости»³⁹.

В мнении немцев о славянах он видит и конкретные опасения: объединение славян вокруг России – единственного славянского государства:

«Так можно заметить, что с нерасположением немцев к славянам западным, особенно чехам и словакам, соединяется больше презрения и пренебрежения, а к нерасположению их к русским скорее примешиваются страх и опасения <...> В этом страхе и опасениях Германии главной пружиной всегда была мысль о том, как бы различные славянские народности не отложили свои распри, не соединились между собою, не заключили общего оборонительного или наступательного союза против Германии. <...> Развитие славянской идеи в России и русских симпатиях славянских вполне справедливо считается немцами за наивернейшее средство для осуществления столь неприятной и противной им задаче»⁴⁰.

³⁹ Ламанский 1871: 223.

⁴⁰ Ламанский 1871: 109–110.

Не признавая равенства со славянами, Европа готова их принять только при условии их враждебности к России. Славяне нужны Европе лишь как средство борьбы с Россией. Иной ценностью (культурной, политической, этнографической и т.п.) славяне для Европы не обладают.

«Европа заявляет сверх всякого ожидания, что она стоит за свободу, независимость и самобытность славянских и других восточных народов единоверцев России, впрочем прибавляет: под единственным лишь условием, чтоб они были заодно с нею против России. <...> Подобного, впрочем, сочувствия Европы к славянам, как к этой презираемой ею расе, к этим белым неграм, не оберешься, начиная с Карла Великого, когда романо-германцы стали систематически покорять римскому папе и немецкому императору разбитые и разрозненные племена славянские. Бодричам, изменившим союзу полабских славян против франков, чехам, изменившим Моравии, лютичам, ненавидевшим поляков, полякам, подымавшимся на Россию с XVI в. до новейшего времени, сербам, недавно напавшим на Болгарию и болгарам, идущим теперь против России всегда было обеспечено сочувствие Европы»⁴¹.

Для славян последствия германизации имеют исключительно негативные последствия: ассимиляция славян в Восточной Германии, ослабление национального сознания у чехов и т.д. Германские государства (Австрия и Пруссия) намеренно поддерживают и развивают партикулярный славянский национализм, чтобы заглушить призывы к славянскому единству, возбудить среди славян вражду к России. Немецкая наука действует в том же направлении. Ламанский, в своем выступлении «Андрей Фрич Моджевский» в заседании Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета 14 февраля 1874 г., констатировал, что «за весьма редкими исключениями, сочинения ученых немецких о славянстве, особенно западном, всегда направлены к известной цели — доказать культурную необходимость скорейшей германизации западных славян, их умственную несостоятельность и малую оригинальность»⁴². Десятилетием ранее в исследовании о М.В. Ломоносове он отмечал: «Задача Германии относительно России была та же, что и относительно западных славян: селиться и колонизироваться в ней, вносить в нее свою образованность, подчинять ее своему просветительному началу»⁴³. Анализ европейской научной литературы, предпринятый Ламанским в докторской диссертации, служил предостережением для России, показывая, что под видом научных исследований и «объективных фактов» скрывается пропаганда «нового крестового похода Европы против России». Ламанский был убежден в неизбежности военного столкновения России с Германией, которое, учитывая противоречия в Европе, примет масштабы общеевропейской войны. Эти рассуждения, более определенно высказанные им в трактате «Три мира азийско-европейского материка» (1892), можно оценить как предсказание мировой войны. Именно так восприняли их современники. Не случайно книга Ламанского была переиздана в 1916 г.

⁴¹ Ламанский 1886: 558.

⁴² Первые... 1883: 265.

⁴³ Ламанский 1863: 78.

Сосредоточиваясь на обзоре немецкой научной литературы, которая во многих областях доминировала в Европе, Ламанский в то же время признавал значительный вклад романских народов в становлении новоевропейской науки и культуры. Более того, он указывал на зависимость европейской культуры от античного наследия и отмечал, что современная история западной Европы есть «прямое естественное развитие средних веков», но современная Германия неоднородна: «В самом специальном христианско-немецком мире и его образованности нельзя не признавать более или менее значительного участия двух инородческих стихий – западославянской и еврейской»⁴⁴. Несогласие с выводами немецких ученых не делало Ламанского германофобом. Он неоднократно положительно высказывался о немецкой культуре, ученом мире и самих немцах. В 1884 г. Ламанский писал о немецкой науке:

«Она создала много великого и прекрасного. Но она, как и все национальные культуры, все же во многих отношениях односторонняя и исключительная, как нередко исключительны и самые национальные интересы, ею представляемые. Тем не менее, это культура великая, сильная, богатая, хранящая в себе много сокровищ для всех народов, но далеко не вполне общечеловеческая. Потому уважать и изучать ее мы, русские, всегда будем, но прививать ее себе, подчиняться и следовать ей до утраты или ослабления народного нашего самосознания, до отрицания или искажения наших идеалов, мы не желаем и желать не можем»⁴⁵.

Ламанский писал И.С. Аксакову (вероятно в 1882 г.): «Немцы всё же самое сильное и здоровое племя на Европейском континенте. Земель мало, людей и капиталов довольно. Что же им делать? И что нам тут делать? Ведь не избивать же нам немцев? Помнить надо, что с немцами мы всегда будем соседями и соперниками»⁴⁶. Он отмечал благотворность немецкой колонизации в Америке, необходимость немецких колоний в Африке, полагая, что это направление внешней политики германских государств перспективнее, чем *Drang nach Osten*, поскольку иначе неизбежно приведет к конфликту между Австрией и Пруссией.

Ламанский, понимая неизбежность политического объединения немецких земель Пруссией, указывал, что в России аналогичный политический вопрос был положительно разрешен несколькими столетиями ранее. Своему ученику А.С. Будиловичу он признавался: «Мне кажется, на счастье нам и на беду немцев, Германия может быть объединена только Пруссией, а по своему географическому положению и всему историческому развитию Пруссия не может надолго и навсегда овладеть игемонией в Германии. Кроме того, протестантство только усиливает германский индивидуализм»⁴⁷. Вслед за объединением Германии и Италии настает время и для более тесного общения славянских народов, в связи с чем Ламанский рассуждал «о воспитательном значении объединения

⁴⁴ Ламанский 1871: 238–239.

⁴⁵ Ламанский 1884: 20–21.

⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1: 177 об., 180.

⁴⁷ Ламанский 1863: 78.

Германии для славянства»⁴⁸. Усиление Италии и Германии, вследствие их объединения, успехи в культуре и образовании, за ним последовавшие, должны послужить примером для западных и южных славян.

Критика европейских учений о славянстве, предпринятая Ламанским в диссертации, почти не встретила отклика в русской науке и публицистике, на нее не вышло рецензий, краткие отзывы в журналах лишь аттестовали ее как научный курьез, даже политический памфлет, а не серьезное исследование. Непонимание современников, конечно, огорчало Ламанского; его письма этой поры указывают, скорее, на состояние депрессии, в котором он пребывал. Для подтверждения своих взглядов он приступил к публикации архивных документов, собранных во время заграничной командировки. Работа продолжалась 15 лет. В 1884 г. в Петербурге вышел почти тысячестраничный том «Государственные тайны Венеции», содержащий архивные документы на итальянском и латинском языках и франкоязычные исследования самого Ламанского⁴⁹. Ученый считал этот сборник исследований и документов своей главной заслугой перед исторической наукой. Содержащий уникальные исторические свидетельства и факты сборник Ламанского должен был показать европейскому ученому миру, что все обвинения России в политических грехах (убийствах, отравлениях и т.п.) в гораздо большей степени принадлежат самой Европе. Негативные явления русской истории, в основной своей части, есть результат западноевропейских влияний, в то время как в Европе они являются неизбежным следствием ее религиозного и просветительного начала. Ламанский сторицей возвращает Европе ее упрёки и обвинения. В 1879 г. он предпринял еще одну попытку анализа европейской историографии и публицистики, опубликовав в «Русском вестнике» большую статью «Евреи и немцы в Привислянском крае», в которой показал антигуманистическую основу польских мнений о евреях и немцах. Он ограничился анализом польской литературы, однако цель его работы была такой же, как и в докторской диссертации – продемонстрировать как европейская наука и публицистика формирует нетерпимость в обществе и оправдывает антигуманную политику государств. Известно, что славянофильство было во многом направлением критическим, т.е. славянофилы часто формулировали свои взгляды, отвечая на критику в свой адрес, реагируя на выпады своих идейных противников. Историсофская и политико-географическая концепция Ламанского также возникла в качестве ответа и отражения взглядов европейских ученых на славянство и Россию.

Архивы

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 14.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.

⁴⁸ Ламанский 1892: 110.

⁴⁹ Куприянов, Малинов 2019; Малинов, Морозов, Тоноян 2019.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бессчетнова Е.В. Диалог В.С. Соловьева и А.А. Киреева о путях и характере христианского единства // Философский полилог Журнал международного центра изучения русской философии. 2019. № 2. С. 27–36. [Besschetnova E.V. Dialog V.S. Solov'eva i A.A. Kireeva o putyakh i karaktere xristianskogo edinstva // Filosofskij polilog Zhurnal mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii. 2019. № 2. S. 27–36.]
- Куприянов В.А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2 (58). С. 21–33. [Kupriyanov V.A. Rossiya i Evropa v rannem i pozdnem slavyanofil'stve (A.S. Homyakov i V.I. Lamanskij) // Solov'evskie issledovaniya. 2018. № 2 (58). S. 21–33.]
- Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с. [Kupriyanov V.A., Malinov A.V. Akademik V.I. Lamanskij. Materialy k biografii i nauchnoj deyatel'nosti. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2020. 560 s.]
- Куприянов В.А., Малинов А.В. Русский славянофил в поисках Европы: образы России и Европы в книге «Государственные тайны Венеции» В. И. Ламанского // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 3. С. 260–285 [Kupriyanov V.A., Malinov A.V. Russkij slavyanofil v poiskakh Evropy: obrazy Rossii i Evropy v knige «Gosudarstvenny'e tajny Venecii» V. I. Lamanskogo // Sociologicheskoe obozrenie. 2019. T. 18. № 3. S. 260–285.]
- Ламанский В.И. Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. Первые четыре главы. СПб.: в тип. А.А. Каревского, 1863. 102 с. [Lamanskij V.I. Mixail Vasil'evich Lomonosov. Biograficheskij ocherk. SPb.: v tip. A.A. Karevskogo, 1863. 102 s.]
- Ламанский В.И. Национальность итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб.: в типографии А.А. Краевского, 1865. 92 с. [Lamanskij V.I. Nacional'nosti ital'yanskaya i slavyanskaya v politicheskom i literaturnom otnosheniyax. SPb.: v tipografii A.A. Kraevskogo, 1865. 92 s.]
- Ламанский В.И. О положении болгарских славянских дел с точки зрения историка и слависта // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 12. С. 556–564. [Lamanskij V.I. O polozhenii bolgarskix slavyanskix del s točki zreniya istorika i slavista // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshhestva. 1886. № 12. S. 556–564.]
- Ламанский В.И. О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не бывало и быть не может. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1884. 51 с. [Lamanskij V.I. O tom, chto budto nemeckoj kul'tury` net, nikogda ne by`valo i by`t` ne mozhет. SPb.: Tip. E. Evdokimova, 1884. 51 s.]
- Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: Тип. Майкова, 1871. 316 с. [Lamanskij V.I. Ob istoricheskom izuchenii greko-slavyanskogo mira v Evrope. Spb.: Tip. Majkova, 1871. 316 s.]
- Ламанский В.И. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О Славянах в Малой Азии, Африке и в Испании» // Русская беседа. 1860. Кн. 19. № 1. С. 135–148 [Lamanskij V.I. Rech', proiznesennaya v S.-Peterburgskom universitete 31 yanvara 1860 g. pri publichnoj zashhite dissertacii na stepen` magistra: «O Slavyanax v Maloj Azii, Afrike i v Ispanii» // Russkaya beseda. 1860. Kn. 19. № 1. S. 135–148.]
- Ламанский В.И. Три мира Азийско-европейского материка. СПб.: Типо-хромолитография А. Траншеля, 1892. 132 с. [Lamanskij V.I. Tri mira Azijsko-evropejskogo materika. SPb.: Tipo-xoromolitografiya A. Transhelya, 1892. 132 s.]
- Линниченко И.А. Патриарх русского славяноведения (В.И. Ламанский) // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 244–253 [Linnichenko I.A. Patriarx russkogo slavyanovedeniya (V.I. Lamanskij) // Golos minuvshеgo. 1915. № 2. S. 244–253.]
- Малинов А.В., Морозов В.Н., Тоноян Л.Г. «...Я сделал лучшее дело моей жизни»: работа В.И. Ламанского в венецианских архивах // Вопросы истории. 2019. № 12. С. 275–287 [Malinov A.V., Morozov V.N., Tonoyan L.G. «...Ya sdelał luchshee delo moej zhizni»: rabota V.I. Lamanskogo v venecijskix arxivax // Voprosy` istorii. 2019. № 12. S. 275–287.]
- Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества (бывший Петербургский отдел славянского благотворительного комитета в Москве) по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1868–1883 гг. СПб.: тип. А.М. Котомина и К°, 1883. 862 с. [Pervy'e 15 let sushhestvovaniya S.-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshhestva (by`vshij Peterburgskij otdel slavyanskogo blagotvoritel'nogo komiteta v Moskve) po protokalam obshch sobranij ego chlenov, sostoyavshixsya v 1868–1883 гг. SPb.: тип. А.М. Котомина и К°, 1883. 862 с.]

- blagotvoritel'nogo komiteta v Moskve) po protokolam obshhix sobranij ego chlenov, sostoyavshisya v 1868—1883 gg. SPb.: tip. A.M. Kotomina i Ko, 1883. 862 s.].
- Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 83–114. [Perepiska dvux slavyanofilov // Russkaya my'sl'. 1916. Kn. XII. S. 83—114.].
- Письма В.И. Ламанского К.С. Аксакову, А.В. Головнину, О.Ф. Миллеру, В.М. Владиславлеву, Л.Н. Майкову // Вече. Журнал русской философии и культуры. Выпуск 19. СПб., 2009. С. 172–209. [Pis'ma V.I. Lamanskogo K.S. Aksakovu, A.V. Golovninu, O.F. Milleru, V.M. Vladislavlevu, L.N. Majkovu // Veche. Zhurnal russkoj filosofii i kul'tury'. Vy'pusk 19. SPb., 2009. S. 172–209.].
- Робинсон М.А. В.И. Ламанский и его трактат «Три мира азийско-европейского материка» // Славянский альманах. 1996. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. С. 90–106. [Robinson M.A. V.I. Lamanskij i ego traktat «Tri mira azijsko-evropejskogo materika» // Slavyanskij al'manax. 1996. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 1997. S. 90–106.].
- Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917–начало 1930-х годов). М.: Индик, 2004. 432 с. [Robinson M.A. Sud'by` akademicheskoj e'lity': otechestvennoe slavyanovedenie (1917–nachalo 1930-x g.). M.: Indrik, 2004. 432 s.].
- Саприкина О.В. Польская тема в научном наследии В.И. Ламанского (по материалам архивов Санкт-Петербурга) // Вестник РГГУ. 2013. Сер.: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. № 4/105. С. 93–96 [Saprikina O.V. Pol'skaya tema v nauchnom nasledii V. I. Lamanskogo (po materialam arxivov Sankt-Peterburga) // Vestnik RGGU. 2013. Ser.: Dokumentovedenie i arxivovedenie. Informatika. Zashhita informacii i informacionnaya bezopasnost'. № 4/105. S. 93–96].
- Скорородова С.И. Философия истории Ю.Ф. Самарина в контексте русской философской мысли XIX – первой четверти XX века. М.: Прометей, 2013. 432 с. [Skorodova S.I. Filosofiya istorii Yu.F. Samarina v kontekste russkoj filosofskoj my'sli XIX – pervoj chetverti XX veka. M.: Prometej, 2013. 432 s.].
- Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII—начала XIX века. СПб.: Наука, 2004. 277 с. [Stennik Yu.V. Ideya «drevnej» i «nojvoj» Rossii v literature i obshhestvenno-istoricheskoy my'sli XVIII—nachala XIX veka. SPb.: Nauka, 2004. 277 s.].
- Тяпин И.Н. Проблема исторического возраста России в концепции О. Шпенглера (в контексте влияния Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева) // Философский полилог. Журнал международного центра изучения русской философии. 2019. № 2. С. 37–45. [Tyapin I.N. Problema istoricheskogo vozrasta Rossii v koncepcii O. Shpenglera (v kontekste vliyaniya N.Ya. Danilevskogo i K.N. Leont'eva) // Filosofskij polilog. Zhurnal mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii. 2019. № 2. S. 37–45.].

Малинов Алексей Валерьевич, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, a.v.malinov@gmail.com

Slavophil Mirrors (V.I. Lamansky's Criticism of the Perception of Russia and Slavism in German Science)

The article examines the views of the largest Russian Slavist academician Vladimir Ivanovich Lamansky on German science. Notes that Lamanskii regarded himself a Slavophile trend in Russian philosophy, was the founder of the doctrine of the three worlds of civilization for which was typical of antagonistic perceptions of European culture. The definition of the Greco-Slavic world, of which Russia is a part, is given by him through opposition to the Romano-Germanic world or Europe. The formation of a negative image of European (German) science in Lamansky is shown: from direct acquaintance with Germany to disagreement with the point of view on Russia and the Slavs that is widespread in Germany. The main points of his criticism of German scientists are indicated: refutation of the comparison of the Slavs with women, Negroes, Celts, reasoning of the Russians' outrageousness, recognition of the Slavs as a lower race, etc. Substantiate the inevitability of the subordination of the Slavs to the Germans, the refusal of the Slavs to create an original culture.

Key words: Slavophilism, Lamansky, German science, Slavism, antagonism, Romano-Germanic world, Greco-Slavic world.

Alexey Malinov, D.Sc. (Philosophy), Professor, St. Petersburg State University, a.v.malinov@gmail.com

ВЕЧНЫЙ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЗАКОНЫ В ТРАКТАТЕ
ФРАНЦИСКО СУАРЕСА «DE LEGIBUS AC DEO LEGISLATORE»

Статья посвящена правовой концепции Ф. Суареса (1548–1617). Главной задачей Суареса было доказательство божественного происхождения всех законов. Он обобщил включение в предмет теологии вопросов права. При определении понятия закона Суарес разграничил моральный закон (закон в строгом смысле слова) от законов неживой и неразумной природы (законы в метафорическом смысле). Вечный закон пребывает в самом Боге. Вне он воплощен в божественном естественном законе и открывается человеку естественным светом разума. Обязательная сила естественного закона исходит из божественной воли. Материальным источником закона являются разум и воля.

Ключевые слова: *теология, природа, вечный закон, естественный закон, воля, разум*

Франсиско Суареса современники называли «превосходным доктором» (Doctor Eximius), царем метафизиков, якорем папистов (rex metaphysicorum, anchora papistarum)¹. Слава первого философа эпохи удерживалась за ним вплоть до начала XVIII в.², а влияние – до XIX в. Сегодня исследователи отмечают безусловную связь между его учением о праве и государстве с философскими учениями Нового времени, среди которых величайшие представители школы естественного права вплоть до Канта³. Профессор богословия Хосе Перейра настаивает на том, что Франсиско Суарес, магистр Europaе atque adeo orbis Universi, не просто стоит между созреванием схоластики и подъемом современной философии, но является завершителем первого и основателем второго, «киберийский гений является автором самого титанического предприятия, предпринятого каким-либо человеком в истории спекулятивной мысли»⁴. Даже в современных теологических трактатах его цитируют чаще, чем любого другого богослова, за исключением святого Фомы и святого Августина. Но своей правовой и политической философией Суарес не менее известен, чем теологическими и философскими трудами⁵.

Трактат «De legibus ac Deo legislatore in decem libros distributus» («О законах и о Боге-законодателе в десяти книгах» – главный труд Суареса, посвященный вопросам философии права. Этот трактат – «результат редактирования курсов, преподававшихся в Коимбрском университете между 1601 и 1603 годами»⁶. Но правовая проблематика не начинается и даже не заканчивается трактатом «De legibus», следует обратить внима-

*Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 21–011–44228 «Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность» и ГЗ ЮНЦ РАН № 122020100350-2.

¹ Чичерин 2006: 352.

² Дживелегов 1901: 868.

³ Mantovani 2018: 17; Franklin 2012: 2-24; Prieto 1986: 9-10.

⁴ Pereira 2006: 10.

⁵ Rommen 1948: 70, 71.

⁶ Coujou 2019.

ние и на такие сочинения Суареса, как «De Bello» и «Defensio Fidei»⁷. «De legibus» называют энциклопедией схоластической философии⁸, высшим достижением иезуитского учения о праве и законе⁹, «политическим манифестом испанской схоластики», а также попыткой синтеза «средневекового юридико-политического знания»¹⁰. Поль Жане утверждал, что в «De legibus» все мнения всех докторов найдены, собраны, обобщены, сопоставлены и объединены таким образом, что всякий, кто его прочитал, знает всю мораль, все законы природы и политику средневековья¹¹. Папа Римский Пий XII (1939–1958), говоря о доктрине естественного закона, указал, что в трудах святого Фомы и Суареса это учение достигло апогея¹². Лучано Перенья назвал трактат «О законах» ключевой работой в эволюции европейской мысли¹³. Критики Суареса указывали на эклектичность его учения, отсутствие подлинной оригинальности идей¹⁴. В русской политико-правовой науке такая оценка была дана уже в 1868 г. Б.Н. Чичериным, который считал, что «Суарес остается далеко позади своих великих средневековых предшественников. Из попытки сочетать различные схоластические теории выходит у него только эклектическая система, лишенная внутренней связи»¹⁵.

Библиография работ, посвященных Суаресу огромна. Можно назвать, в частности, доступные в интернете хронологический указатель работ, начиная с 1850 г., составленный Я. Шмутцем и обновленный С. Пеннером, а также систематическое описание публикаций, сделанное Ж.-П. Кужу¹⁶ на основе четырех, более ранних библиографических списков¹⁷. Общий обзор названных списков показывает, что вопросам правопонимания посвящена лишь незначительная часть исследований. Тем не менее в западной литературе политико-правовая концепция Ф. Суареса привлекает достаточно большое внимание.

Энциклопедический охват Суаресом морально-правовой проблематики и неоднозначность современных трактовок не дают возможности в рамках небольшой статьи сделать их критический обзор. В качестве примера разночтений можно привести дискуссии вокруг вопроса о соотношении вечного, божественного и естественного законов, соотношении воли, разума и природы (предписывающей способности природы) в создании закона. С одной стороны, утверждается, что естествен-

⁷ См.: Soujou 2019.

⁸ Дживелегов 1901: 868.

⁹ Чичерин 2006: 352.

¹⁰ Faraco, 2014: 148.

¹¹ Janet 1910: 153.

¹² Acta apostolicae sedis 1947.

¹³ Pereña 1971: XVII y XVIII.

¹⁴ См.: Вдовина 2007: 73.

¹⁵ Чичерин 2006: 352; Mahieu 1921: 506-524.

¹⁶ Soujou 2015.

¹⁷ Список доступных онлайн библиографий приведен также в публикации Мауро Мантовани. См. Mantovani 2018: 16.

ный закон относится к природе, понимаемой в нормативном смысле¹⁸, с другой – заявляется, что природа в целом имеет мало общего с естественным законом, поскольку закон – производное практического разума¹⁹. При этом, как отмечает С. Контрерас, сторонники обеих интерпретаций испытывают трудности с обоснованием своей позиции²⁰.

Единство правовой системы

Важнейшая задача, которую в начале XVII в. решает Суарес²¹ – доказательство божественного происхождения права (закона) в целом. Концепция единства происхождения права, выраженная им в формуле «право божественное, или же естественное, или же позитивное» (*ius divinum, sive naturale, sive positivum*)), была признана католической церковью и вошла в кодекс современного канонического права²².

Право как предмет теологии

Первое, что делает Суарес в предисловии к трактату «*De legibus*», – это обоснование включения в предмет теологии вопросов права и нравственности, вызванное жаркими спорами того времени²³. Главный аргумент Суареса состоит в том, что Бог является вселенским законодателем, либо через посредника, либо непосредственно. Следовательно, когда теология имеет дело с законами, она лишь «созерцает самого Бога как законодателя». Задача теологии – заботиться о душевной чистоте людей в этой жизни, а она основывается на соблюдении законов. Следовательно, «изучение закона как обязательного для совести будет также относиться к компетенции теолога»²⁴. Богословие исследует первоисточники законов и конечные цели, показывает, каким образом все законы являются стандартами человеческих действий по отношению к совести, и, таким образом, показывает, в какой степени законы способствуют заслугам или недостаткам для вечной жизни. Поэтому изучение права «имеет отношение к рассмотрению священной науки в той мере, в какой это касается как сущностной природы закона в целом, так и его разделения по всем основным принципам на различные виды»²⁵.

Lex et ius

Следующий вопрос, который необходимо было решить, прежде чем перейти к существу проблемы, – это правовая терминология, а именно соотношение понятий *lex* и *ius*. Чтобы не увязнуть в дискуссиях о достаточно сложной проблеме соотношения терминов *lex* (закон) и

¹⁸ Hittinger 1887: 225-230; McNerny 1982. 129 p.

¹⁹ Финнис 2012; George 2004: 229-251; Grisez 1983; May 1984: 409-423; Lee 2009: 45-54.

²⁰ Contreras 2017: 257.

²¹ См.: Coujou 2019.

²² Джероза 1996: 24.

²³ См. Rommen, 1948. S.75.

²⁴ Suárez 1872: 1. Здесь и далее ссылки на текст трактата «О законе и Боге-законодателе» даются по изданию: Francisco Suarez. Tractatus De legibus ac Deo legislatore in decem libros distributes. Pars Prima. Neapoli: Ex Typis Firbenianis. 1872. 378 p.

²⁵ Ibid: 2.

ius (право) в многообразии их значений, Суарес, рассмотрев в общих чертах дискуссию по этому поводу, а также этимологию обоих понятий, выбирает в своем трактате в качестве «рабочего» понятия одно значение термина ius, а именно, ius как синоним lex, т.е. использует термин ius в значении закона [De legibus I. 2.8].

Определение закона. Закон – это мера моральных поступков

В своей философии права Суарес следует за Фомой Аквинским²⁶, но «в вопросах, на которые, казалось бы, св. Фома дал исчерпывающий ответ, он часто находит новые аспекты; он перечисляет все возражения, которые выдвигались против определенной доктрины на протяжении веков, а затем тщательно пытается на них ответить»²⁷. Первое расхождение Суареса с концепцией Фомы Аквинского связано со стремлением испанского иезуита отделить моральный закон от законов неживой и неразумной природы. Поэтому определение закона, данное св. Фомой, он называет слишком широким и, что еще важнее, охватывающим не только обязательные предписания, но и советы. Вещи, лишённые разума, строго говоря, не подчиняются закону. Это значит, что следует отделить закон в строгом смысле (моральный закон) от закона в метафорическом смысле, т.е. от законов неживой и неразумной природы, а также естественных инстинктов и влечений, присущих человеку от природы независимо от разума (то, что Аквинат называет lex fomitis), поскольку название «закон» правильно применяется в абсолютном смысле к тому, что относится к моральному поведению [De legibus I.1.2].

Вывод о том, что закон – это моральная, а не физическая реальность, как отметил С. Контрерас, был сделан Суаресом уже в 1597 г. в «Метафизических рассуждениях»²⁸. В западной науке проблематика морального бытия активно прорабатывается немецким исследователем Тео Кобушем²⁹. В российской науке указанная проблема на материалах постсредневековой схоластики подробно рассмотрена в исследовании Г.В. Вдовиной. Как отмечает исследователь, под «esse morale» схоласты XVII в. понимали «*весь комплекс социальных установлений, которыми держится и в которых выражается общественная жизнь человека, единственно соответствующая его социальной природе*. Источник “esse morale” – человеческая воля, а именно, воля уполномоченного лица или лиц (короля, магистратов и т.д.), могущих как учредить “esse morale”, так и отозвать свое решение; а способ учреждения морального сущего – “denominatio extrinseca” (внешнее именование). ...Понятое таким образом, моральное бытие составляет третий род бытия»³⁰. В «De legibus» Суарес полагает необходимым сузить описание, данное св. Фомой, представив его следующим образом: «Закон – это определенная мера

²⁶ Чичерин 2006: 353.

²⁷ Rommen 1948: 73.

²⁸ Contreras 2017: 261.

²⁹ Kobusch 1987.

³⁰ Вдовина 2008: 132. См. также: Вдовина 2009: 289-291.

моральных поступков, в том смысле, что такие действия характеризуются моральной безупречностью через их соответствие закону, и порочностью, если они не соответствуют закону»³¹.

Совет не является правилом или мерой обоснованности действия. Он не навязывает моральную необходимость действия, тогда как закон побуждает к действию [De legibus. I.1.4]. Следовательно, разделение права на поучительное и обязательное является ненужной классификацией [De legibus. I.3.15]. Говорить о законе в строгом смысле слова можно, если он «налагает какое-либо обязательство» [De legibus. I.1.3].

Истинный смысл закона выражен в формуле: «только то, что является мерой нравственности, рассматриваемой абсолютно, и, следовательно, только то, что является правильным и добродетельным правилом, может быть названо законом»³². Несправедливое постановление причастно к названию закона лишь по аналогии.

Необходимость закона

Необходимость закона Суарес объясняет природой человека. Во-первых, пишет он, «интеллектуальное существо в силу самого факта, что оно является сотворенным существом, имеет начальника, чьему провидению и контролю оно подчиняется» [De legibus. I.3.3]. Во-вторых, в силу своей разумности человек «может быть подчинен моральному правлению...; и поэтому такому существу естественно и необходимо, чтобы оно подчинялось какому-то начальнику, который будет управлять им посредством приказа, то есть посредством закона» [De legibus. I.3.3]. В-третьих, существо, сотворенное из ничего, может быть склонно к добру или злу. Следовательно, человек «не только способен подчиняться закону, посредством которого он может быть направлен к добру и удерживаться от зла, но, кроме того, ему абсолютно необходим такой закон, чтобы он мог жить так, как положено его природе» [De legibus. I.3.3]. Даже дар благодати, благодаря которому разумная человеческая природа становится безупречной, не отрицает подчинения этой природы закону, а, напротив, заставляет ее непременно подчиняться закону [De legibus. I.3.3].

Закон по своей природе предполагает моральное обязательство, и только интеллектуальные существа способны нести такое обязательство. Но и это указание применимо только к тем действиям, когда человек действует свободно, поскольку «вся мораль зависит от свободы» [De legibus. II.2.9]. Таким образом, предметом регулирования вечного закона являются только моральные и социальные действия. И в этом смысле вечный закон «имеет истинную природу права» [De legibus. II.2.10].

³¹ “Propria ergo et absoluta appellatio legis est, quae ad mores pertinet; atque ita restringenda est d. Thomae descriptio, ut scilicet lex sit mensura quaedam actuum moralium, ita ut perconformitalem ad illam rectitudinem moralem habeant, et si ab illa discordent, obliqui sint” [De legibus I.1.2].

³² “sola illa, quae est mensura rectitudinis simpliciter et consequenter sola illa, quae est regula recta et honesta, potest lex appellari”. [De legibus I.1.3].

Необходимость человеческого (позитивного) закона основана на том, что человек – социальное животное, по самой своей природе требующее гражданской жизни и общения с другими людьми; поэтому необходимо, чтобы он правильно жил не только как частное лицо, но и как часть сообщества. Каждый человек должен сохранять мир и согласие в обществе, а это невозможно без соответствующих законов. Законы необходимы, чтобы указывать, в чем состоит общее благо, что следует делать ради него, и заставлять совершать такие действия [De legibus. I.3.14].

Пределы правового регулирования

Итак, «закон – это мера не всех действий вообще, но моральных поступков в отношении их абсолютной добродетели и нравственности, в силу чего закон побуждает человека совершать эти действия» [De legibus I.1.3]. Суарес задается также вопросом – все ли моральные или человеческие действия являются предметом вечного закона? В этом вопросе – одна из ключевых для философии права проблем – о пределах правового регулирования и уровне правовых притязаний. В том, что касается «злых действий», сомнений у Суареса нет – они все запрещены вечным законом. Некоторые сомнения возможны в отношении действий, безразличных с моральной точки зрения, поскольку они не запрещены и не предписаны, и, следовательно, не кажутся предметом какого-либо закона в разуме Бога. Еще большие сомнения – в отношении «добрых дел, которые не являются необходимыми для [конечной] цели [человека], но более превосходны, [чем их альтернативы]» [De legibus. II.2.11]. Суарес склоняется к тому, что в абсолютном смысле, что все моральные действия так или иначе подпадают под действие вечного закона, даже если последний задуман как строго предписывающий [De legibus. II.2.11]. «Мы не находим у Суареса формального и явного различия между тем, что является моральным, и тем, что является законным в рамках естественного права»³³.

Закон в метафорическом смысле.

О регламентации законом действий неразумных созданий можно говорить «только в общих чертах и метафорически» поскольку более точно это является «разновидностью естественной необходимости». Поэтому, строго говоря, действие закона нельзя распространять на иррациональные объекты [De legibus. II.2.10]. Бог управляет иррациональными созданиями не посредством своего интеллекта, а непосредственно через свою волю, «он управляет этими созданиями не словами, а действиями» [De legibus. II.3.5].

Вечный закон

Божественный закон, согласно Суаресу, может пониматься в двух смыслах: во-первых, «как пребывающий в самом Боге»; во-вторых, «как предписанное непосредственно самим Богом, хотя и пребывающее вне его существа». Вслед за Августином и другими теологами Суарес назы-

³³ Izquierdo 1943: 161.

вает закон, пребывающий в самом Боге, вечным законом. Существование вселенной невозможно как без божественного провидения, так и без этого «божественного и вечного закона» [De legibus. I.3.5]. Вечный закон нельзя считать неким образцом (моделью, архетипом), в соответствии с которым Бог создает свои творения. Вечный закон «является правилом человеческих действий и образцом всех других законов, существующих в умах людей или способных исходить из них» [De legibus. II.1.6]. Он является законом, которым управляются люди как разумные, моральные и социальные существа (члены общества) [De legibus. I.3.14].

Обоснование вечного закона Суарес находит в «Сумме теологии» Аквината: в самом Боге должен быть какой-то закон, и «этот закон не может быть другим, кроме вечного по своей природе» [De legibus. II.1.2]. Отвечая противникам, Суарес, «чтобы не заикливаться исключительно на терминологии», вводит различие между существованием закона в самом законодателе и существованием закона вовне, когда «закон устанавливается и публикуется для внешних субъектов». Закон, рассматриваемый в первом смысле, «является имманентным актом, поэтому он может существовать вечно в Боге» [De legibus. II.1.4].

Вечный закон не является правилом имманентных действий Бога, как и его свободных действий вовне [De legibus. II.2.2]. «Бог может игнорировать этот закон, используя свою абсолютную власть... потому что он не связан соблюдением закона. Ибо он – суверенный господь и не ограничен каким-либо порядком; так что его нельзя сравнивать ни с одним законодателем-человеком» [De legibus. II.2.4]. Ни разум, ни воля Бога (которые в нем фактически не различаются) не регулируется законом [De legibus. II.2.6]. Вечный закон «имеет природу закона в отношении того, что регулируется, но не по отношению к самому Богу или его воле» [De legibus. II.2.7]. Вечный закон «содержит в себе обязательную силу, если он в достаточной мере провозглашается и применяется». Остается вопрос – «связывает ли он напрямую, в силу своей собственной силы или опосредованно, через другие законы, источником которых он является»? [De legibus. II.4.1]. Следует иметь в виду, утверждает Суарес, что «в некотором роде каждый закон проистекает из вечного закона и получает от него обязательную силу». Любой закон существует благодаря участию в нем вечного закона, является следствием вечного [De legibus. II.4.3]. Вечный закон никогда не связывает напрямую, а, наоборот, делает это посредством какого-то другого закона [De legibus. II.4.6].

Из доктрины св. Фомы ясно, полагает Суарес, что обнаружение среди подданных «не является сущностью этого вечного закона, а напротив, достаточно, чтобы закон уже был принят законодателем, чтобы он вступил в силу в надлежащее время». Но обычно Бог связывает людей посредством других законов, которые представляют собой проявление вечного закона. «И таким образом, когда людям провозглашаются другие законы, вовне одновременно провозглашается и сам вечный закон» [De legibus. II.1.9].

Вечный и естественный законы

Вечный закон непосредственно воплощен в божественном законе. Обязательная сила последнего исходит от самой божественной власти [De legibus. II.4.3]. «Внешний божественный закон... является лишь знаком, указывающим на закон, имеющий первичную обязательную силу» [De legibus. II.4.6], то есть на сам вечный закон. Этот факт представляется Суаресу очевидным в случае, когда речь идет о положительных божественных законах (Ветхий и Новый завет). Но применительно к естественному закону требуются дополнительное пояснение. В человеческом мире вечный закон на самом деле проявляется только при посредничестве естественного закона.

Естественный закон

Разработка концепции естественного закона Суареса была ответом на принципиальную дискуссию об источнике указанного закона. В средневековой теологии существовало два основных ответа на вопрос относительно его источника³⁴. Как отмечал Б.Н. Чичерин, «идя чисто философским путем, Васкес³⁵ утверждал, что естественный закон есть сама разумная природа, или правый разум, ибо то, что согласно с последним, называется добром, что несогласно, то называется злом»³⁶. Об этом же пишет Себастиан Контрерас: Васкес не делал разницы между естественным законом и его основанием в природе, и сводил функцию интеллекта к чисто декларативной задаче: разум ограничивается предписанием того, что уже заранее предначертано природой³⁷. По оценке самого Суареса, обоснование этой концепции состояло в том, что «определенные действия настолько внутренне плохи по самой своей природе, что их порочность никоим образом не зависит от внешнего запрета... Точно так же и другие действия настолько хороши и справедливы по своей сути, что обладание ими этими качествами никоим образом не зависит от какой-либо внешней причины»³⁸.

Концепция Васкеса была достаточно рискованной, поскольку естественный закон оказывался не зависящим от Бога, а различие между добром и злом актуально, даже если бы не существовало Бога (Эту формулу Суарес приписывает Григорию из Римини и его последователям [De legibus. II.6.2.]). Подобный вывод позже озвучил Гуго Гроций:

³⁴ См.: Janet 1910: 155; Prieto 1986: 13.

³⁵ Габриэль Васкес (1551–1604) – выдающийся испанский богослов, автор комментариев к «Сумме теологии» Фомы Аквинского и ряда других произведений теологического, метафизического и морально-правового характера, последователь августинизма, сторонник молинистов, сформулировавший в полной мере доктрину пробабиллизма.

³⁶ Чичерин 2006: 357.

³⁷ Contreras 2017: 258.

³⁸ «Fundamentum est, quia sunt aliquae actiones ita intrinsece malae ex natura sua, ut nullo modo pendeant in malitia ex prohibitione extrinseca, nec ex iudicio, vel voluntate divina, et eadem ratione sunt aliae actiones ita intrinsece bonae et honestae, ut in hoc etiam non pendeant ex causa extrinseca» [De legibus. II.5.2].

«естественное право... столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим богом»³⁹. «Так как естественное право... вечно и незыблемо, то бог, которому чужда неправда, не мог предписать чего-либо противного этому праву»⁴⁰. Формула: мы должны жить в мире «etsi Deus non daretur» («даже если Бога и не было бы»), как отмечает А.В. Аполлонов, стала активно обсуждаться благодаря Дитриху Бонхёфферу⁴¹, который приписал ее Гроцию⁴². Вообще, сама по себе идея эта не нова. Уже у Платона «добродетель первична по отношению к богам, она представляет собой принцип (норму), которым сами боги руководствуются при оценке того или иного поступка»⁴³. Признание природы в качестве источника естественного закона фактически вело к деизму и секуляризации правопонимания в юснатурализме XVII века. (Г.Д. Гурвич первым шагом к секуляризации идеи справедливости называет теорию справедливости Аквината⁴⁴). Как отмечает мексиканский ученый И.К. Прието, «если считать разумную природу состоящей в чем-то, что существует само по себе, она полностью утратила бы связь с Вечным Разумом, положив начало релятивизации морали. Если мыслить разумную природу как нечто стоящее превыше познаваемого чувствами, это привело бы в итоге к обожествлению природы»⁴⁵ (что и было реализовано в пантеистической концепции естественного права Спинозы⁴⁶).

Для Суареса естественный закон является «своего рода характеристикой природы, и потому что сам Бог приложил этот закон к природе. Более того, в этом отношении естественный закон так же божествен, как если бы он был предписан непосредственно самим Богом» [De legibus. I.3.8]. Суаресу важно подчеркнуть непосредственное участие Бога в естественном законе, чтобы доказать обязательный характер закона. Поэтому Суарес вступает в полемику с Габриэлем Васкесом, который считал, что «рациональная природа, строго говоря, является самим законом природы» [De legibus. II.5.1], поскольку она предписывает хорошие поступки и запрещает плохие действия⁴⁷.

Суарес соглашается с тем, что утверждение о внутренней добродетельности или порочности действий содержит в себе определенную истину. «Естественный закон предполагает наличие в данном действии или объекте нравственности, которую он предписывает, или порочности, которую он запрещает», в отличие от других законов, предписания или запреты которых делают необходимым или праведным то, что предписывают [De legibus. II.7.1]. Тем не менее, продолжает превос-

³⁹ Гроций 1994: 72.

⁴⁰ Там же: 77.

⁴¹ Бонхёффер 1994: 264.

⁴² Аполлонов 2018: 64; См. также: Бродский 2016.

⁴³ Кессиди 1983: 20.

⁴⁴ Гурвич 2004: 286.

⁴⁵ Prieto 1986: 20.

⁴⁶ Батиев 2003: 170-182.

⁴⁷ Contreras 2017: 260.

ходный доктор, в отношении естественного права оно неприемлемо. Сама по себе рациональная природа в ее сущностном аспекте не приказывает и не делает очевидной правый или неправый характер чего-либо; она также не направляет, не освещает и не производит каких-либо других надлежащих действий закона. Хотя рациональная природа является основой объективной добродетели и нравственных действий людей, ее нельзя по этой причине называть законом. О природе можно говорить, как о стандарте, однако на этом основании неверно делать вывод о том, что это закон, поскольку «стандарт» – это термин более широкого применения, чем «закон» [De legibus. II.5.3].

Есть ошибочная идея, пишет Суарес о концепции Васкеса, выделить два аспекта рациональной природы: «один – это сама природа, поскольку она является основой соответствия или несоответствия человеческих действий ей самой; другой состоит в определенной способности, которой обладает эта природа, различать действия, гармонирующие с ней, и действия, не согласующиеся с ней, – силу, которую мы называем естественным разумом. Что касается первого аспекта, говорят, что рациональная природа является основой естественной нравственности; но что касается второго, то говорят, что это тот самый закон природы, который устанавливает приказы или запреты на человеческую волю в отношении того, что должно быть сделано в соответствии с естественным законом» [De legibus. II.5.5]. Закон есть прежде всего предписание, природа же ничего не предписывает и обязательной силы не имеет. Добродетель справедливости требует жить согласно разуму, а не природе⁴⁸. Но хотя природа является основой моральных предписаний, сама она, – согласно Суаресу, – не является предписанием [De legibus II,5,5]. Предписание – это практическое суждение, мандат воли [De legibus I,5,14]. «Закон (lex) в своем первом значении есть внешнее веление и знак предписывающего» [De legibus. I.5. Summarium].

Будучи временным и созданным Богом, естественный закон пребывает в человеке. Он не пребывает непосредственно в самой человеческой природе, или в его воле, поскольку закон не зависит от воли человека, а, напротив, связывает и (как бы) принуждает его волю. Следовательно, естественный закон обязательно должен находиться в разуме. Для закона характерно осуществление господства и функция управления, «в человеке эти функции должны быть приписаны правильному разуму, чтобы им можно было правильно управлять в соответствии с природой; следовательно, естественный закон должен быть конституирован в разуме, как в непосредственном и внутреннем правиле человеческих действий» [De legibus. II.5.8]⁴⁹. Таким образом, Суарес полагает, что «естественный закон в самом строгом смысле слова существует в действительном суждении ума» [De legibus. II.5.10]. Люди получают не

⁴⁸ Contreras 2017: 260.

⁴⁹ См.: Contreras 2017: 260-261.

только предписание, но и само (ментальное) просветление, в котором этот закон (как бы) написан постоянно [De legibus. II.5.10].

Согласно другому решению, естественный закон считается основанным на авторитете Бога. Но здесь мнения также разделялись – следовало выбрать разум или волю в качестве источника закона. «Утверждение примата воли над разумом привело к отрицанию того, что этические ценности могут иметь какое-либо основание, кроме навязывающей их воли Бога»⁵⁰. Такое решение означало, что только приказ вышестоящего устанавливает различие между добром и злом, и вело к признанию произвольности морали⁵¹. «Идея Бога как неограниченной и произвольной силы неявно сводила все моральные законы к неопостижимым проявлениям божественного всемогущества. Основа естественной системы этики была отброшена. Естественный закон перестает быть мостом между Богом и человеком. Он не свидетельствует о существовании вечного и неизменного порядка; он больше не является мерой человеческого достоинства и его способности участвовать в этом порядке, моделью добра и зла, предложенной всем разумным созданиям»⁵². Неудивительно, что Т. Гоббс, следуя волевой теории закона, утверждал: поскольку закон в собственном и строгом смысле «есть высказывание того, кто полноправно приказывает другим что-то делать или чего-то не делать, то тем самым законы природы, собственно говоря, не являются законами»⁵³. Место Бога занимает суверен, а место естественного закона – воля суверена, воплощенная в позитивном законе⁵⁴. Ганс Кельзен также предупреждал об опасности выведения естественного закона не из разума, а из воли Бога⁵⁵.

Суарес по этому поводу отмечал, что поскольку обязывающий закон не существует без акта воли со стороны законодателя, возникают также сомнения в соответствующей природе естественного закона: либо естественный закон – это «повеление, возложенное на человека им самим; что на самом деле не так», либо у естественного закона должен быть его создатель, который вправе издавать обязательные законы. Но естественный закон понимается как закон, который «диктует, что есть добро или зло, без ссылки на волю кого-либо из вышестоящих» [De legibus. II.6.1]. Это означает, по мнению Суареса, что «естественный закон не может быть должным образом назван божественным, не подразумевая, что он был дан Богом как законодателем» [De legibus. II.6.1].

Однако этого недостаточно. Одно дело сказать, что естественный закон «исходит от Бога как от действительной первопричины; и совсем другое дело – сказать, что от него исходит тот же закон, что и от законо-

⁵⁰ Чичерин 2006: 355.

⁵¹ Janet 1910: 155.

⁵² Чичерин 2006: 355; Prieto 1986: 12; Rommen 1950: 142.

⁵³ Гоббс 1991: 318-319.

⁵⁴ См.: Батиев 2014: 275-292.

⁵⁵ Prieto 1986: 12; Kelzen 1946: 17.

дателя, который повелевает и налагает обязательства» [De legibus. II.6.1]. Утверждение о том, что Бог является первопричиной всех хороших вещей в естественном порядке, наиболее достоверно и является вопросом веры. Но из этого как будто не следует, что Бог является его законодателем. Ведь «естественный закон не раскрывает, что Бог отдает приказы, а [просто] указывает, что само по себе является добром или злом»⁵⁶.

Применительно к позитивному закону (не вечному или естественному) Суарес не видит оснований для сомнений в том, что в законе присутствуют оба момента – и разум, и воля. Закон не только определяет нравственно верные или порочные действия, но и требует (предписывает) их совершения (или, напротив, воздержания от них).

Согласно Суаресу, «и интеллект, и воля вмешиваются в создание закона» (*ferendam legem intellectum et voluntatem intervenire*) [De legibus. I.4.6], «термин закон (*lex*) в его полном и адекватном смысле охватывает оба действия» [De legibus. I.5.11]. Во-первых, «происходит прямое вмешательство со стороны интеллекта посредством акта суждения, с помощью которого законодатель принимает решение и постановляет, что данное положение целесообразно», во-вторых, несомненно, «требуется, помимо этого акта суждения, действие со стороны воли, посредством которого князь соглашается, выбирает и желает, чтобы его подданные подчинялись тому, что его разум посчитал целесообразным» [De legibus. I.4.6]. Сложнее дело обстояло с естественным законом. Здесь Суаресу предстоял выбор в дискуссии между двумя трактовками естественного закона интеллектуалистами и волюнтаристами. «Многие авторы различают два аспекта права, один указующий, другой предписывающий, и считают, что естественный закон является законом в первом смысле, а не во втором» [De legibus. II.6. 2].

Первую позицию Суарес приписывает Григорию из Римини [De legibus. II.6.2] (Редакторы перевода «De legibus» на английский язык отмечают противоречивость интерпретации Суаресом идей Григория из Римини и подвергают сомнению точность интерпретации им идей Оккама⁵⁷). Согласно Григорию из Римини, естественный закон является законом в действительности не предписывающим, а скорее демонстративным. Он объясняет (ориентирует), что следует делать и чего следует избегать, что по своей природе является добрым и необходимым, а что – злом. Но он не является указанием воли какого-либо начальника, и соответственно, не обязывает [De legibus. II.6.2]. Второе мнение состоит в том, что «естественный закон целиком полагается в божественном повелении либо запрете, исходящих от воли Бога как создателя и прави-

⁵⁶ “Est ergo sine dubio Deus effector et quasi doctor legis naturae; non tamen inde sequitur, ut sit legislator, quia lex naturae non indicat Deum ut praecipientem, sed indicat, quid in se bonum vel malum sit, sicut visio talis obiecti indicat, illud esse album vel nigrum, et ut effectus Dei indicat Deum, ut auctorem suum, non tamen ut legislatorem; ergo censendum erit de lege naturali” [De legibus. II.6.1].

⁵⁷ Suárez 2014: 208, 209.

теля природы». А естественный закон, пребывающий в человеке, является суждением разума, который открывает ему волю Бога. Это мнение «приписывают Уильяму Оккаму... поскольку он говорит, что никакое действие не является злом, кроме как в той мере, в какой оно запрещено Богом, и что нет никакого действия, которое не могло бы стать хорошим поступком, если бы оно было предписано Богом; и наоборот...; откуда он предполагает, что весь естественный закон состоит в божественных заповедях, которые установлены Богом и могут быть отменены или изменены Им» [De legibus. II.6.3].

Средний путь

Суарес пытается примирить оба крайних решения⁵⁸. Он «одинаково чужд как рационализма, так и провиденциализма в их чистом виде и принимает в качестве генетических моментов естественного закона как человеческий разум, так и божественную волю»⁵⁹. Современные комментаторы также отмечают, что главной отличительной чертой «De legibus» было «примирение рационализма в отношении содержания естественного закона с волюнтаристской теорией его происхождения в божественной воле»⁶⁰. Суарес формулирует в трех тезисах «средний путь», который, по его мнению, отстаивал и св. Фома.

Во-первых, говорит он, «закон природы не только указывает, что есть добро или зло, но и содержит в собственном смысле запрет зла и предписание добра» [De legibus. II.6.4]. Поскольку все, что объявляется злом по естественному закону, запрещено Богом особым повелением, следовательно, естественный закон – «это действительно предписывающий закон, то есть закон, содержащий истинные предписания» [De legibus. II.6.5]. «Естественный закон в том виде, в каком он существует в человеке, не просто указывает, что есть зло, но фактически обязывает избегать его... он не просто указывает на естественную дисгармонию конкретного действия или объекта с рациональной природой, но также является проявлением божественной воли, запрещающей это действие или объект» [De legibus. II.6.8]. Обязательная сила естественного закона «исходит из божественной воли, которая предписывает, чтобы люди были обязаны подчиняться тому, что диктует правильный разум» [De legibus. II.6.6]. Но таким образом Суарес, как замечал Б.Н. Чичерин, впадает в логический круг. Сначала человек с помощью разума формулирует для себя естественный закон, а затем приписывает его Богу. «Очевидно, что в этом умозаключении воля Божия выводится из закона, а никак не закон из воли Божьей»⁶¹. Ясно, что такое доказательство может быть основано лишь на вере.

Во-вторых, «божественное желание в форме запрета или команды не является единственной причиной добра или зла, связанного с соблю-

⁵⁸ Чичерин: 358.

⁵⁹ Дживелегов 1901: 868.

⁶⁰ Pink 2014: XVIII.

⁶¹ Чичерин 2006: 358.

дением или нарушением естественного закона; напротив, он обязательно предполагает наличие определенной праведности или подлости в этих действиях и налагает на них особую обязанность, вытекающую из божественного закона. «Естественный закон запрещает то, что плохо само по себе; и этот закон есть истинный божественный закон и истинный запрет» [De legibus. II.6.7]. Чтобы обосновать свои выводы, Суарес задается вопросом: можно ли допустить, что Бог по своей воле воздержался от навязывания собственного закона, который «предписывает или запрещает то, что в любом случае подпадает под требование естественного разума?» [De legibus. II.6.12]. И отвечает на него отрицательно: Бог не может не запретить своим законом то, что по своей сути является злом. Надеясь человека разумной природой, Бог не мог не запретить человеку совершать действия, по своей сути злые, а также не мог «не предписать [для совершения этим существом] необходимые праведные действия. Ибо, как Бог не может лгать, так Он и не может управлять неразумно или несправедливо» [De legibus. II.6.15].

В-третьих, «естественный закон является истинным и собственно божественным законом, автором которого является Бог» [De legibus. II.6.8].

Заключение

Анализ ряда ключевых проблем, рассмотренных Суаресом в первых двух книгах трактата «De legibus» (I. О природе закона в целом. Его причины и следствия; II. О вечном и естественном законе и праве народов) подтверждает вывод о правовом теоцентризме⁶², который лежит в основании всей правовой концепции испанского схоласта. «Бог – не только цель, к которой стремятся все интеллектуальные существа, но и причина достижения этой цели» [Suárez 1872: 1]. Он направляет, сдерживает и побуждает их, в том числе своими законами.

В терминах учения о причинах концепция Суареса будет выглядеть следующим образом. Действенной причиной закона является лицо, обладающее всей полнотой власти, которое единственно может создавать обязательные для всех субъектов правила. Верховным создателем, правителем и, соответственно, первичным источником всех законов может быть только Бог. Естественный закон – фактически другая ипостась вечного закона. Неудивительно поэтому заявление современного французского исследователя о том, что «естественный закон в Суаресе парадоксальным образом не имеет ничего естественного»⁶³. Вообще, любой закон – не более чем участие в божественном законе. «Первоначальное происхождение каждого человеческого закона в определенном смысле восходит к вечному закону» [De legibus. I.3.13].

Материальную причину закона следует искать в соединении интеллекта и воли. Это относится как к Богу, так и к земным правителям,

⁶² См.: Prieto 1986: 10.

⁶³ Coujou 2019.

как к вечному, так и к естественному и положительному законам. «Разум дает указание, а воля движет и обязывает подвластных. Поэтому закон будет актом правой и прямой воли, которым высший обязывает низшего»⁶⁴.

Формальная причина закона включает в себя способы представления и обнародования закона. Вечный закон пребывает непосредственно в Боге и не требует обнародования: он вступает в силу уже потому, что был принят законодателем. Естественный закон пребывает в человеке и открывается им благодаря естественному свету разума. Этот естественный свет является достаточным провозглашением естественного закона. Он ясно демонстрирует внутреннее соответствие или несоответствие действий этому закону. А также делает известным человеку тот факт, что действия, противоречащие закону, открытому таким образом, неуютны создателю природы [De legibus. II.6.15].

Конечная (целевая) причина отождествляется с общим благом (высшая цель – Бог). Определение того, что является добром и злом в человеческих действиях, – прерогатива разума и воли Бога, который «предписывает, но не произвольно, а в силу того, что в предписанных действиях заключается нравственное добро или зло»⁶⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аполлонов А.В. «Etsi deus non daretur» («как если бы бога не было»): Гуго Гроций и схоластическая теология // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 77. С. 63-71. [Apollonov A.V. «Etsi deus non daretur» («как esli by boga ne bylo»): Gugo Grocij i skholasticheskaya teologiya // Vestnik PSTGU. Ser. I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie. 2018. Vyp. 77. S. 63-71. ORCID: 0000-0002-8140-1206].
- Батиев Л.В. Правовое учение Спинозы // Правоведение. 2003. (248). С. 170-182. [Batiev L.V. Pravovoe uchenie Spinozy // Pravovedenie. 2003. (248). S. 170-182.].
- Батиев Л.В. Эволюция правопонимания от античности до Нового времени. М.: Юрлитинформ. 2014. 472 с. [Batiev L.V. Evolyuciya pravoponimaniya ot antichnosti do Novogo vremeni. M.: YurLitinform. 2014. 472 s.].
- Бонхёффер Д. Сопrotивление и покорность. М.: Прогресс, 1994. 344 с. [Bonhyoffer D. Soprotivlenie i pokornost'. M.: Progress, 1994. 344 s.].
- Бродский А. Etsi Deus non daretur. Логические и теологические основания либерализма // Звезда. 2016. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2016/12/etsi-deus-non-daretur.html> [Brodskij A. Etsi Deus non daretur. Logicheskie i teologicheskie osnovaniya libera-lizma // Zvezda. 2016. № 12.]. Время доступа 28 декабря 2021.
- Вдовина Г.В. Метафизика Суареса в исследованиях последнего столетия // Франсиско Суарес Метафизические рассуждения. Пер. с лат. Г.В. Вдовиной. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 776 с. [Vdovina G.V. Metafizika Suaresa v issledovaniyah poslednego stoletiya // Fransisko Suares Metafizicheskie rassuzhdeniya. Per. s lat. G.V. Vdovinoj. M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2007. 776 s.].
- Вдовина Г.В. «Моральное бытие» и лингвистические знаки в постсредневековой схоластике // Вопросы философии 2008. № 12. С. 130-141. [Vdovina G. V. «Moral'noe bytie» i lingvisticheskie znaki v postsrednevekovoj sholastike // Voprosy filosofii 2008. № 12. S. 130-141.].
- Вдовина Г.В. Язык неочевидного. Учения о знаках в схоластике XVII в. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 648 с. [Vdovina G.V. YAzyk neochividnogo. Ucheniya o znakah v skholastike XVII v. M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2009. 648 s.].

⁶⁴ Чичерин 2006: 355.

⁶⁵ Там же: 357.

- Гоббс Т. Основ философии. Часть третья. О гражданине // Гоббс Т. сочинения в 2 т. Т. 1. М.: «Мысль», 1991. С. 270-506. [Gobbs T. Osnov filosofii. CHast' tret'ya. O grazhdanine // Gobbs T. sochineniya v 2 t. T. 1. M.: «Mysl'», 1991. S. 270-506.]
- Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с. [Grocij G. O prave vojny i mira: Reprint s izd. 1956 g. M.: Ladomir, 1994. 868 s.]
- Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избр. соч. СПб., Изд. дом СПб. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та С.Пб. гос. ун-та, 2004. С. 213-470 [Gurvich G.D. Yuridicheskij opyt i plyuralisticheskaya filosofiya prava // Gurvich G.D. Filosofiya i sociologiya prava: Izbr. soch. SPb., Izd. dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izd-vo yurid. f-ta S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. S. 213-470.]
- Джероза Л. Каноническое право в католической церкви. Пер. с ит. Г. Вдовина. М.: Христианская Россия, [1996]. 379 с. [Dzheroza L. Kanonicheskoe pravo v katolicheskoy cerkvi. Per. s it. G. Vdovina. M.: Hristianskaya Rossiya, [1996]. 379 s.] URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanonicheskoe-pravo-v-katolicheskoy-tserkvi/1_3_5
- Дживелегов А.К. Суарес // Энциклопедический словарь в 86 т. / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 31А. (62) Статика – Судостроительство. СПб.: Тип. акц. общ. «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1901. С. 473-954 [Dzhivelegov A.K. Suarez // Enciklopedicheskij slovar' v 86 t. / Izd. F.A. Brokgauz, I.A. Efron. T. 31A. (62) Statika – Sudoustrojstvo. SPb.: Tip. акц. obshch. «Izdatel'skoe delo», Brokgauz-Efron, 1901. S. 473-954.]
- Кессиди Ф.Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 8-37. [Kessidi F.H. Etycheskie sochineniya Aristotelya // Aristotel. Sochineniya: V 4-h t. T. 4. M.: Mysl', 1983. С. 8-37.]
- Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. 554 с. [Finnis J. Estestvennoe pravo i estestvennyye prava. M.: IRISJeN, Mysl', 2012. 554 s.]
- Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. 720 с. [Chicherin B.N. Istoriya politicheskikh uchenij. T. 1. SPb.: Izd-vo RHGA, 2006. 720 c.]
- Acta apostolicae sedis. Commentarium officiale. Annus XXXIX - SERIES II - VOL. XIV. № 1 С. 345. URL: <https://www.vatican.va/archive/aas/documents/AAS-39-1947-ocr.pdf>
- Contreras S. Suárez, Natural Law and Contemporary Criticism // Tópicos, Revista de Filosofía. 2017. № 53. PP. 255-272.
- Coujou J-P. Francisco Suárez, Theory of Law // Электронная энциклопедия Conimbricenses.org. URL: <http://www.conimbricenses.org/encyclopedia/suarez-francisco-theory-law/>
- Coujou J-P. Bibliografía suareciana, Cuadernos de Pensamiento Español – Pamplona: Servicio de publicaciones de la Universidad de Navarra. S.A. 2015. URL: <https://dadun.unav.edu/bitstream/10171/40195/1/201512-CPE-041-2010.pdf>
- Faraco C. Francisco Suárez (1548–1617) // Heliopolis. Culture Civiltà Política. 2014. № 2. P. 147-153.
- Franklin J. Science by Conceptual Analysis: The Genius of the Late Scholastics // Studia Neoscholastica. 2012. № 9/1. S. 3-24.
- George, R. Kelsen and Aquinas on The Natural Law Doctrine // St. Thomas Aquinas and the Natural Law Tradition: Contemporary Perspectives. Washington, DC: The Catholic University of America Press, 2004. XXIII, S. 229-251.
- Grisez G. The way of the Lord Jesus. Vol. 1: Christian Moral Principles. Chicago: Franciscan Herald Press, 1983. XXXIII + 971 pp.
- Izquierdo M.S. Suarez y la filosofia del derecho (la doctrina suareziana del derecho natural) // Revista Nacional de Educación. 1943. № 26-27. P. 157-66.
- Janet P. Historia de la ciencia política en sus relaciones con la moral. Madrid, 1910. Т. II. 510 p.
- Kobusch Th. Sein und Sprache. (Studien zur Problemgeschichte der antiken und mittelalterlichen Philosophie). Leiden-New York-København-Köln: E.J. Brill, 1987. XI, 603 p.
- Kelzen H. La Idea del Derecho Natural y otros ensayos. Buenos Aires: Editorial Losada, S.A, 1946, 286 p.
- Lee, P. Human Nature and Moral Goodness // The Normativity of the Natural: Human Goods, Human Virtues, and Human Flourishing. Dordrecht: Springer. 2009. X, 229 p. S. 45-54.
- Mahieu L. François Suárez: Sa Philosophie et les rapports qu'elle a avec sa théologie. Paris: Paris: Desclée, de Brouwer: A. Picard, 1921. 530 p.
- Mantovani M. «Metafísica jurídica» y «metafísica teológica»: su intrínseca conexión en Suárez // Revista Jurídica Digital UANDES. 2018. 2/1. P. 15-33.

- May W. The Natural Law Doctrine of Francis Suarez // *New Scholasticism*, 1984. № 58 (4). S. 409-423.
- Pereira J. Suárez: between scholasticism and modernity. Milwaukee, Wisconsin: Marquette University Press, 2006. 383 s.
- Pereña L. Estudio Preliminar // *De Legibus*. I. De Natura Legis. Madrid, 1971. P. XVII y XVIII.
- Pink T. Introduction // Suárez, Francisco: *A Treatise on Laws and God the Lawgiver* // *Natural law and enlightenment classics*. Editor Knud Haakonssen. Indianapolis: Liberty fund. 2014. S. IX-XVIII.
- Penner S. Bibliography of works on Francisco Suárez, 1850-present. Compiled by Jacob Schmutz and updated by Sydney Penner. URL: <https://sydneypenner.ca/bib.shtml>
- Prieto I.C. Cuestiones Jurídico-Políticas en Francisco Suárez. 1-a reimpr. Mexico: UNAM, 1986. 74 p. URL: <http://ru.juridicas.unam.mx:80/xmlui/handle/123456789/9384>
- Rommen H. De Legibus of Francisco Suarez // *Notre Dame Law Review*. 1948. Vol. 24. Iss. 1. S. 70-81. URL: <http://scholarship.law.nd.edu/ndlr/vol24/iss1/4>
- Rommen E. Derecho Natural. Historia-doctrina // México: Editorial Jus, 1950. 224 p.
- Suarez Francisco. *Tractatus De legibus ac Deo legislatore in decem libros distributes. Pars Prima*. Neapoli: Ex Typis Firbenianis. 1872. 378 p.
- Suárez Francisco. *A Treatise on Laws and God the Lawgiver* // *Natural law and enlightenment classics*. Editor Knud Haakonssen. Indianapolis: Liberty fund. 2014. P. 1-801.

Батиев Левон Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политологии и права, Южный научный центр РАН, batiev@ssc-ras.ru

Eternal and Natural Laws in Francisco Suarez's Treatise "De Legibus Ac Deo Legislatore"

The article is devoted to the legal concept of F. Suarez (1548-1617). The main task of Suarez was to prove the divine origin of all laws. He substantiated the inclusion of legal issues in the subject of theology. When defining the concept of law, Suarez distinguished between the moral law (law in the strict sense of the word) from the laws of inanimate and irrational nature (laws in the metaphorical sense). The eternal law is in God himself. Outside, he is embodied in the divine natural law and is revealed to man by the natural light of mind. The binding force of natural law comes from divine will. The material source of the law is mind and will.

Key words: *theology, God, nature, eternal law, natural law, will, reason.*

Batiev Levon Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political Science and Law, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: batiev@ssc-ras.ru

А.Ю. ВЯЗИНКИН

«ДРЕЙФ И МАСТЕРСТВО»: УОЛТЕР ЛИППМАН КАК ТЕОРЕТИК ПРОГРЕССИЗМА

В статье анализируется книга американского политического теоретика Уолтера Липпмана «Дрейф и мастерство» как диагностическая и одновременно политико-философская работа, призванная теоретически ответить на исторические вызовы, с которыми столкнулись США в Прогрессивную эру. Определены общие и различные черты политического мышления Липпмана и других теоретиков американского прогрессизма. Автор показывает, что культурно-политический проект Липпмана, описывающий и защищающий ключевые положения корпоративного либерализма, был ситуативной потребностью теоретика обосновать необходимость коллективистских форм организации нового социально-экономического порядка в США после распада традиционных институтов и разложения морали обычая.

Ключевые слова: Уолтер Липпман, Прогрессивная эра, новый либерализм, корпоративный либерализм, политическая философия.

Проблемы, которые стоят перед современным глобальным миром, конечно, несравненно сложнее тех, что возникали у человечества столетие назад. Тем не менее есть у этих исторических вызовов и много актуально общего. Болезненное разложение традиций (процесс длительный, всегда открытый для ремиссии и реверсивного движения), социальное неравенство, отчаянная алчность разнузданного капитализма, нравственная деградация, неблагоприятная эпидемиологическая ситуация... Таков неполный перечень наших общих проблем с поколениями, жившими в начале прошлого века. Можно сказать, что мы выступаем преемниками, своеобразными наследниками тех же трудноразрешимых проблем, повторяющихся исторических вызовов. Но при такой постановке вопроса мы скорее констатируем свою обреченность и рискуем впасть в апатию, нежели настраиваемся на решение. Накопленный за прошедшие десятилетия опыт человечества должен сослужить нам хорошую службу – такую, чтобы мы могли назвать себя не наследниками проблем, но прилежными учениками прежних поколений, выучившими все уроки истории и готовыми к ответу на любой вызов.

Этот драгоценный опыт лучше всего усваивается, конечно, интеллектуальным классом, учеными гуманитарной направленности. Именно они способны эффективнее других аналитически подойти к тем рецептам, которые предлагали политические мыслители, ученые и теоретики прошлого. Так и наша задача состоит в том, чтобы изучить опыт преодоления культурного кризиса американских интеллектуалов и политических теоретиков Прогрессивной эры. На примере работы Уолтера Липпмана «Дрейф и мастерство» мы исследуем теоретический проект реорганизации культурно-политической жизни американского общества в соответствии с установками нового либерализма.

«Дрейф и мастерство»: круг проблем

В 1914 г., накануне Первой мировой войны, из-под пера молодого сотрудника журнала «Нью Рипаблик», талантливого политического теоретика Уолтера Липпмана вышла вторая книга под названием «Дрейф и мастерство». Если первая книга Липпмана, опубликованная годом ранее, «Предисловие к политике» представляла собой введение в новую политическую теорию, то вторая книга стала своего рода опытом научной и политико-философской диагностики общественно-политической реальности США начала века, объяснения актуальности идей прогрессизма, наброском гипотетического политико-культурного проекта реорганизации общественной жизни. «Мастерство» в данной работе выступает в качестве синонима слова «управление», понимаемого как эффективный контроль и регулирование. Речь шла о необходимости вмешательства в представление о порядке вещей, который за последние десятилетия радикально изменился, с целью приближения к социальной гармонии. Между представлением об общественной жизни и самой общественной жизнью разверзлась бездна. Ситуацию, в которой оказались США, Липпман назвал «дрейфом»: он зафиксировал опасность общественной пассивности и инертности на фоне динамично изменяющейся социально-экономической реальности. Однако эта ситуация, считал он, не безнадежна. Социальный дрейф, согласно Липпману, можно преодолеть посредством вмешательства рациональных и научных технологий управления, опирающихся на «бескорыстие, строгость и метод»¹ и привлекающих на свою сторону ресурсы государства.

Книга создавалась в особой интеллектуальной атмосфере Прогрессивной эры. Многие из тезисов Липпмана стали реакцией на результаты мощного индустриального роста и на ускорение процесса урбанизации. Экономические возможности, которые привлекли население в города, основывались на определяющем влиянии корпораций и растущем социальном и экономическом расслоении. Это, в свою очередь, повлекло за собой распад общин и традиций. Не отставал и разогнавшийся беспощадный технический прогресс. В американской мысли начала XX столетия, где доминировал философский и культурный прагматизм, все прочнее утверждалось убеждение в том, что решение социальных проблем должно быть связано с привлечением новейших достижений позитивной науки.

Технологические утопии и политические теоретики Прогрессивной эры нередко работали на одну идею – выработку максимально эффективной организации производства, позволяющей сбалансировать опасные искажения в социальной структуре американского общества и несообразности в политическом влиянии капитала и трудящегося населения. В воздухе витала уверенность в том, что американская изобретательность сможет решить любую проблему, если у нее будет достаточно

¹ Haber 1964: 55.

времени и энергии. Прогрессивистский ответ на американскую индустриализацию был исполнен прагматистского, «научного» оптимизма.

Надежды теоретиков прогрессизма были обязаны теоретически обоснованному культурному оптимизму американских философов-прагматистов – Уильяма Джеймса и Джона Дьюи. Этот оптимизм был связан с тем, какие возможности для политического, социального, экономического и культурного экспериментирования открыл разум. Прогрессисты верили, что эти эксперименты могут подкреплять друг друга, в результате чего «индивидуальная жизнь станет несравненно разнообразнее, а общественная – невообразимо свободней»².

Одной из главных угроз для движения прогрессизма, в котором со временем политическое лидерство захватила «просвещенная элита»³, признавались консервативные элементы, которые не желали примиряться с новым экономическим порядком и тем замедляли темпы развития США. Историк Ричард Хофстедтер в книге «Эра реформ» отмечал, что помимо прочего, для фермерства, на которое опирались американские популисты, были свойственны провинциализм, нативизм, антисемитизм и антиинтеллектуализм⁴. Аграрной реакции и мракобесию либеральные прогрессисты нередко противопоставляли квазирелигиозную веру в колоссальные возможности своей страны, в неперенный успех эксперимента национального самосозидания, которая восходила к идеям выдающегося поэта Уолта Уитмена и уже упоминавшегося нами философа Уильяма Джеймса⁵. Мюррей Ротбард отмечал, что интеллектуалы и активисты Прогрессивной эры, устремившиеся не иначе как к спасению мира, защищали идеи расширения полномочий федерального правительства и социального контроля с тем же «евангельским рвением», что их отцы защищали прежний порядок⁶.

В такой атмосфере и вышла книга Липпмана «Дрейф и мастерство». Она произвела самое положительное впечатление на большинство прогрессистов. Бывший президент США и лидер Прогрессивной партии оставил о книге лестный отзыв, призвав ознакомиться с ней всех тех, кто желает изучить нынешнюю социальную, промышленную и политическую жизнь с целью направить свои мысли и действия на национальное улучшение в будущем⁷.

Один из идейных вождей поколения прогрессистов, радикальный мыслитель Рэндольф Борн писал, что работа Липпмана дает, наконец, понимание того, что делать освобожденным со своей свободой, а ради написания такой книги «можно было бы продать душу»⁸.

² Порги 1998: 33.

³ Согрин 2010: 303.

⁴ Hofstadter 1955.

⁵ Порги 1998: 18, 32.

⁶ Rothbard 2017: 421.

⁷ Roosevelt 1914.

⁸ Kloppenberg 1986: 318.

Непростая, местами парадоксальная, но яркая книга, «Дрейф и мастерство» стала ярким событием в интеллектуальной жизни США.

Круг проблем, затронутый в работе Липпмана, весьма обширен.

Именно в этой книге Липпман окончательно избавляется от раннего влияния социалистических идей и от симпатий к творчеству макрейкеров. Журналистика, разоблачающая коррупцию в высших эшелонах власти, с точки зрения Липпмана, не является ни реакционной, ни прогрессивной, а просто отражает недоумение общества по поводу меняющихся социальных и экономических договоренностей.

Коренные перемены в социально-экономических отношениях неизбежно должны повлечь за собой реформы в политической культуре и значительные перемены в гражданском сознании. Кризис политики *laissez faire*, по мнению Липпмана, требует пересмотра традиционных представлений американцев об экономических отношениях. Это означает, что антитрестовская политика не отвечает вполне требованиям эпохи. Напротив, управляемые монополии способны расширять сотрудничество. Управление на основе научного подхода может привести к установлению эффективного режима ведения бизнеса. Липпман лелеял надежду на то, что можно уничтожить традиционную американскую этику экономической конкуренции. Либерализм *laissez faire*, считал он как и большинство прогрессистов, исчерпал себя, ему на смену должен прийти новый уклад. Его форма – корпоративный либерализм, который следует понимать как сотрудничество между теми, кто обладает наибольшей военной мощью, и теми, кто обладает наибольшей промышленной мощью. Историк Джеффри Лустиг относит к теоретикам корпоративного либерализма целую группу мыслителей-прогрессистов, в том числе и самого Липпмана⁹.

Липпман обращает внимание на то, господство корпораций и беспрецедентное промышленное развитие сделали прежние определения собственности частью истории. Некоторые отрасли промышленности, например, угольную и нефтяную, считал он, необходимо национализировать. Крайний радикализм Липпмана выражается не столько в политической сфере, сколько в экономической. Он критикует традиционные для США идеи непреложности конкурентного капитализма и прав частной собственности как основ организации общественно-экономической жизни. Здесь экономический рационализм противопоставлен традиционализму: Липпман указывает, прежде всего, на неэффективность и расточительность рыночного уклада экономики в начале XX в. Этому направлению мысли способствовала и сама интеллектуальная атмосфера Прогрессивной эры. Экономист П.В. Усанов справедливо отмечает, что «в начале XX в. в США все основные школы экономической мысли сходились на том, что капитализм нужно чем-то заменить»¹⁰. Ричард

⁹ Lustig 1982.

¹⁰ Усанов 2018: 25.

Хофстедтер, во многом опираясь на позицию Липпмана, заметил, что именно в эпоху прогрессизма городской потребитель впервые шагнул вперед как «серьезный и самосознательный фактор американской социальной политики»¹¹. С точки зрения Липпмана, централизация бизнеса даст позитивный эффект и приведет к большей ее подотчетности потребителю. Не оставляет в стороне молодой теоретик и рабочий вопрос. Он видит ключ к решению проблемы в сильных профсоюзах, которые, с одной стороны, демократизируют промышленность, а с другой, способны гарантировать защиту рабочих от тиранического капитализма. Источником новых средств прогресса станет, по мнению Липпмана, влияние на бизнес интересов работника, потребителя и правительства. Новый менеджмент позволит организовать экономику так, что капиталист сосредоточится на эффективности промышленного производства, например, за счет сокращения отходов или наращивания сотрудничества.

Что касается политической направленности работы, то она содержала критику популярных в американском обществе политиков – популиста Уильяма Дженнингса Брайана и действующего президента Вудро Вильсона и их идей, как защищающих «деревенский взгляд на жизнь»¹² и ориентирующихся на мелких собственников, что, по мнению Липпмана, было губительно для экономики в эру корпораций.

Переориентация государства с поддержания в обществе порядка *laissez faire* на заботу о малоимущих и незащищенных в правовом отношении граждан также представляла собой важную составляющую политической теории Липпмана. В этой идее социальной справедливости отчетливо звучали нотки популярного в США социализма, с которым либеральным интеллектуалам приходилось считаться. Тем не менее принять вполне социалистические идеи Липпман отказывался. Забота о человеке, а не отправление его в свободное плавание, должно стать новой задачей государства: «создание минимального уровня жизни, ниже которого ни один человек не может упасть, является самой элементарной обязанностью демократического государства»¹³. Липпман считал, что именно научно-рационалистический, опирающийся на факты, подход к решению проблемы эффективного администрирования, а вовсе не – фантазийные подчас – социалистические теории, способен выработать путь преодоления антагонизмов, возникших в американском обществе в начале XX века.

Наконец, одним из важнейших диагностических тезисов книги, который Липпман сохранит, уточнит и использует во многих последующих своих работах, было утверждение о том, что мир стал «большим» и беспрецедентно усложнился. Прежние социальные институты были способны справиться с локальными проблемами общины, но теперь они не могут решать задачи, стоящие перед «большим» современным ми-

¹¹ Hofstadter 1955: 171.

¹² Lippmann 1914: 146.

¹³ Ibid: 254.

ром. Гражданин больше не способен самостоятельно разобраться со своими проблемами, потому что они изменились количественно и качественно, и вышли из круга его компетенций. Сельский житель не может понимать экономические процессы, связанные с развитием промышленного капитала и мировой торговли, капиталист не способен понимать требований времени в связи с необходимостью принятия эффективных решений в вопросах политического управления, определения национальных интересов и т.д. А, между тем все эти сферы жизни американского общества к началу века вступили в сложноорганизованные связи. Всюду требуются специалисты узкого профиля. Именно из этого тезиса вырастает прогрессистский общественно-политический идеал Липпмана, набросанный им в работе «Дрейф и мастерство», – технократический корпоративный либерализм.

«Новый национализм» и критика политических конкурентов

Оптимистические представления Липпмана о возможностях классового примирения встретили поддержку у интеллектуалов из журнала «Нью Рипаблик», особенно у мыслителя и публициста Уолтера Уэйла¹⁴. Оба, и Липпман, и Уэйл, «переболели» социалистическими идеями и теперь пытались обосновать возможность США избежать масштабных социальных потрясений и разрушительной классовой войны за счет реурсов, накопленных страной в своей демократической истории.

Журнал «Нью Рипаблик» был основан на средства инвестиционного банкира, реформатора и филантропа Уилларда Стрэйта, мечтавшего о прогрессивной Америке и новом либерализме. Одна из задач издания – трансляция социальных и политических идей «Нового национализма» Теодора Рузвельта. Публицисты журнала отвергали «опасные» и «реакционные» идеи президента Вильсона и призывали к реорганизации американской политической социальной политики¹⁵. Достойной альтернативой они считали именно «Новый национализм».

Этой политической платформе было дано название, аналогичное названию речи бывшего президента, произнесенной в городе Осаватомии, штат Канзас, 31 августа 1910 г. Пафос речи отсылал к необходимости правительственной защиты благополучия человека. Последнее ставилось Рузвельтом выше прав собственности. Гарантировать же социальную справедливость может только сильное федеральное правительство. Концентрация промышленного производства естественна и неизбежна, поэтому исполнительные органы должны получить право контроля над бизнесом. Как и большинство прогрессистов, Рузвельт декларировал необходимость жесткого ограничения свободы предпринимательства ради защиты интересов граждан. Социальная основа политической платформы «Нового национализма» подразумевала защиту рабочих, женщин и детей от эксплуатации. В программу входили такие вопросы как социальное страхование для престарелых, безработных и ин-

¹⁴ Печатнов 1994: 36.

¹⁵ Noble 1951: 393.

валидов, закон о минимальной заработной плате для женщин, восьмичасовой рабочий день и т. д. Эта повестка позволяла сочетать идеи левых прогрессистов с интересами рабочих и федерального правительства при компромиссных взаимоотношениях последнего с крупным капиталом.

Централизация власти обосновывалась не только глубиной и актуальностью существующих социальных проблем, но и амбициями нации. Национальная солидарность важна, подчеркивал Рузвельт, потому что интересы американцев, кем бы они ни были – рабочими, промышленниками или членами правительства, – общие и они широки как сам континент¹⁶. Можно согласиться с историком Генри Коммаджером в том, что курс Рузвельта представлял собой «полнокровный американизм»¹⁷. Некоторые исследователи считают, что он, в отличие от интеллектуалов и теоретиков нового либерализма из «Нью Рипаблик», был консерватором, использующим язык прогрессистов с целью национальной мобилизации граждан Америки¹⁸, или рассматривают «Новый национализм» как вынужденную в Прогрессивную эру модификацию «гражданского национализма» – ключевой установки политической философии Рузвельта, сформировавшейся еще в 1890-х гг.¹⁹ Действительно, цели и умонастроения интеллектуалов-прогрессистов и Рузвельта не были вполне идентичными. Тем не менее Липпман отзывался об энергичном и деятельном бывшем президенте с восторгом. Он сблизился с Рузвельтом в 1913–1914 гг. и практически стал его постоянным советником²⁰.

Главным источником «Нового национализма» Рузвельта стали идеи крупного американского интеллектуала Герберта Кроули, изложенные им в работе «Обещания американской жизни», опубликованной еще в 1909 г. Кроули провозгласил историческую исчерпанность конкурентного капитализма. Промышленная революция и урбанизация коренным образом изменили характер социально-экономических отношений в США, однако оживить американскую демократию в новых условиях можно. Для этого необходимо уравновесить власть капитала сильным федеральным правительством, что означало отказ от джефферсоновской идеи децентрализации и американского индивидуализма в пользу гамилтоновских средств управления и социального контроля. В качестве одного из таких средств Кроули предлагал создание федеральных регулирующих комиссий, укомплектованных экспертами, для надзора за крупными корпоративными предприятиями. Консенсусная, красивая и лаконичная формула нового либерализма Кроули для политиков звучала следующим образом: «гамилтоновские средства должны быть использованы для достижения джефферсоновских целей»²¹. Идея социальной

¹⁶ Roosevelt 1926: 19-20.

¹⁷ Коммаджер 1979: 210.

¹⁸ Ruddy 2016: XII.

¹⁹ Gerstle 1999: 1303.

²⁰ Печатнов 1994: 38-39.

²¹ Forcey 1961: 50.

ответственности, изложенная в книге, дополнялась ярко выраженным национализмом. Демократия понималась Кроули как национальный идеал американцев. Образцом политического лидера для него был Авраам Линкольн, творец и защитник гражданского национализма. Сам же национализм должен был стать скрепляющей идеей, которая позволила бы мобилизовать американцев на масштабные перестроения в общественной, политической и экономической жизни. Однако в работе Кроули национализм принимает скорее культурную форму, чем милитаристскую, на которую делал ставку Рузвельт²².

Прогрессистские идеи Кроули нередко подвергались критике как авторитарные, антидемократические. Действительно, новый либерализм, по Кроули, должен был организовать систему, в которой политические лидеры действовали бы решительно. Их действия должны быть направлены на формирование объединяющего чувства общности, на организацию «человеческого братства». Полковник Рузвельт, по мнению Кроули, в большей степени, чем другие был способен на это. Однако прежние демократические процедуры не могли способствовать формированию такой политической системы²³.

Для молодого Липпмана Кроули, который был старше на двадцать лет, – авторитетный политический философ, самый интересный и актуальный из интеллектуалов-прогрессистов. Неудивительно, что в работе молодого теоретика затрагивались те же темы, а проблемы часто решались в том же ключе, что и в «Обещаниях американской жизни».

Критические замечания в книге «Дрейф и мастерство» были направлены против политических соперников Рузвельта и антагонистов его идейно-политической платформы «Нового национализма». Политические идеи Брайана и Вильсона были названы Липпманом «деревенским взглядом на жизнь»²⁴. В условиях начала XX в., когда индустриализация достигла таких масштабов, «деревенское» мышление для прогрессистов было немыслимо. Политики должны были учитывать масштабные изменения в экономике и соотносить свои политические программы с новым влиянием бизнеса, промышленных корпораций. По мнению Липпмана, США уже вышли из эры «простой жизни прерий», когда мелкие торговцы и фермеры задавали тон в американской экономике.

Липпман писал о популистской платформе Брайана в связи с его знаменитой речью «Золотой крест»: «Он думал, что он борется с плутократией: на самом деле он боролся с чем-то гораздо более глубоким, чем это; он боролся с увеличением масштаба человеческой жизни»²⁵. Новый экономический порядок, пришедший вместе с индустриальным миром, разрушил дорогую Брайану Америку прошлого, расстроил частные амбиции и установил безличные отношения. С точки зрения Липпмана,

²² Ibid: 23.

²³ Nichols 1987: 35.

²⁴ Lippmann 1914: 146.

²⁵ Ibid: 129.

Брайан был выражением того, чем была Америка и чем она больше не является. Он – защитник народной традиции, которая уже разрушена новым экономическим порядком. Липпман признает, что у Брайана есть свои достоинства, но они принадлежат прошлому, как все его привычки и идеи. Брайан – Дон Кихот американской политики, потому что действует в мире, которого больше не существует²⁶. Липпман видел в Брайане, обычно аттестуемого в качестве радикала и левого популиста, бескомпромиссного консерватора, который непреклонно, хотя и тщетно, стоит на пути стремительно развивающейся Америки.

Действующий президент Вильсон и его политическая программа «Новая свобода» – гораздо более опасный соперник нового либерализма. С точки зрения Липпмана, «Новая свобода» подразумевает помощь правительства представителям малого бизнеса и фермерам в их борьбе с более масштабными промышленными организациями²⁷. Вильсон искал политическую опору в классе мелких собственников, поэтому заинтересован в сохранении конкурентной экономики свободного предпринимательства. Липпман считал, что это не решает проблемы «дрейфа», потому что «Новая свобода» это свобода мелкого коммерсанта, но не свобода для нации от «плохих стимулов, ограниченности мелкой конкуренции»²⁸. Липпман времен «Дрейфа и мастерства» видел Брайана и Вильсона людьми отсталыми, антитехнократичными аутсайдерами. От молодого и энергичного поколения, к которому и сам принадлежал, он ожидал большего, чем просто быть хозяевами мелких предприятий²⁹. Реализованные идеи Брайана и Вильсона смогут «отклонить дрейф», но не смогут стать доминирующими в развивающейся экономике. Америка будущего должна преодолеть «ограниченные» взгляды тех, кто хочет возвратиться к экономическому укладу прошлого. Для этого ей следует опереться на более современную стратегию развития, которую и предлагает новый либерализм. Липпман, подобно Кроули, возлагал надежды на сильное федеральное правительство, которое, регулируя экономическую эксплуатацию, гарантировало бы социальную справедливость и общественное благосостояние³⁰.

Освобождение от традиции: «дрейф» и его преодоление

Реформаторская смелость прогрессистов определялась совокупностью разрушительных тенденций, имевших место на рубеже веков. Промышленная революция, повлекшая за собой необратимые изменения в социальной, политической и культурной сферах жизни общества, по существу, разрушила вековые устои и расчистила путь для новых начинаний. Сам Липпман, в работе «Предисловие к политике» борющийся с традиционалистским мировоззрением, год спустя убеждал сво-

²⁶ Ibid: 130.

²⁷ Ibid: 136.

²⁸ Ibid: 137.

²⁹ Ibid: 141.

³⁰ Kim 2013: 249.

их читателей, что «скала времен» разрушена, а некогда непреложные истины – святость собственности, патриархальная семья, наследственная каста и повиновение авторитету – превратились в фикции³¹. Освобождение от традиционалистской модели мышления, от влияния некоторых традиционных институтов власти породило среди молодых интеллектуалов огромный энтузиазм. Находящиеся под влиянием философии прагматизма, творческого интуитивизма, дерзкого нищезанятия и пронизательного фрейдизма, они искали возможность соединить идеалы новой свободы с идеей социальной справедливости. В работе «Дрейф и мастерство» Липпман соединил эту надежду с культом своеобразной научности и «поэзией смысла», насколько это было возможно.

Идея новой свободы отталкивалась от тезиса о том, что люди, по преимуществу, избегают ответственности, не стремятся к самоуправлению и склонны надеяться на опекуна³². В условиях, когда люди освобождены от власти традиции, считал Липпман, они должны, наконец, обратиться к принципам самоуправления. В противном случае, «дрейф» никогда не прекратится. Америка начала века, считал теоретик, освобождена от прежней упорядоченности мира и теперь «дрейфует». «Дрейф», согласно Липпману, – проблема, прежде всего, культурная, она свидетельствует о слабости национального духа, неспособного адекватно реагировать на масштабные перемены в социальной и экономической жизни. Наступил тот исторический момент, когда американцы, лишённые прежней прочной опоры, могут и должны полагаться только на самих себя: «Именно с эмансипации начинаются реальные задачи, и свобода – это проблема поиска, поскольку она лишает опеки хозяина и утешения священника»³³. Революционный разрыв с обычаем и традицией мог травмировать нацию. Предки, писал Липпман, знали путь своей жизни «от рождения через всю вечность», современный же человек лишен этих непреложных и надежных жизненных маршрутов. Поэтому реальная задача интеллектуалов заключалась в том, чтобы придать позитивный импульс новому движению – «свободному плаванию» американской нации в океане истории, задать ему новые ориентиры и снабдить нацию оптимистической верой в свои силы в этой непростой, но многообещающей исторической ситуации.

Итак, по мнению Липпмана, одного героического преодоления сковывающих развитие американского общества традиций недостаточно. Новая реальность порождает новые проблемы. Разнообразие социальной жизни в такой ситуации неизбежно приводит к сложной организации общества, поэтому любая теория политического управления должна стремиться к рациональному уточнению целей. Интеллектуалы, как новая технократическая элита, должны быть в авангарде борьбы с «хаосом жизни», воцарившимся после освобождения от традиции.

³¹ Lippmann 1914: XVII.

³² Ibid: 189.

³³ Ibid: 196-197.

Опасность заключается, в первую очередь, в вероятности того, что нация не сможет перестроиться и упустит исторический шанс бурного развития и процветания. Главная угроза, по мнению Липпмана, таилась в возможной пассивности всех классов американского общества, которые станут цепляться за отжившие идеалы и потому не будут способны решать те проблемы, которые поставит перед ними тотальная модернизация. В этот переходный период «дрейфа» он возлагает ответственность за будущее нации на молодых и энергичных интеллектуалов, которые должны убедить политиков и население в необходимости выработки новых подходов к управлению страной. Переходный период, таким образом, ставит перед интеллектуалами задачу нахождения формулы стабильности и баланса в отсутствие порядка, основанного на традиции. Его решение – это использование научного ресурса в теории политического управления. Он призывает к экспериментальному предпринятию, которое позволит трансформировать «дрейф» в «мастерство». Экспериментальный проект призван рационально осмысливать проблемы для эффективного направления интеллектуальной мысли. Этой страстью к эксперименту Липпман, очевидно, «заразился» от Фридриха Ницше, сочинения которого активно штудировал в те годы³⁴.

Липпман не искал нового политического или культурного проекта реорганизации уклада американской жизни, требующего религиозного или квази-религиозного поклонения. Проект, о котором писал теоретик, вовсе не должен был стать догматической теорией управления, политическим открытием или идеалом, к которому следует стремиться вопреки разумным доводам, но только научной гипотезой: и «если эта гипотеза честная и живая, она немного осветит наш хаос». Липпман уравновешивает свой технократический оптимизм рациональным подходом, указывая на то, что из будущего действительно существует только наша мечта, а из прошлого – только наша память. Он утверждал, что подлинное творчество человек может и должен проявить только в разворачивающемся настоящем³⁵, и призывал быть смелее в экспериментировании. Ошибка в этом предприятии, с точки зрения Липпмана, имеет небольшое значение, потому что «мир не хрупок, а эластичен»³⁷.

«Мастерство»: демократия и коллективизм

Хотя Липпман не предложил никакого конкретного проекта, а только обозначил основные положения, на которых он должен основываться, тем не менее можно констатировать, что его гипотеза (или гипотетический проект) имела ярко выраженную космополитическую акцентуацию. Гипотетический проект в исторической перспективе должен был стереть расовые и национальные различия, установив «трансперсональный порядок», основанный на культуре всеобщего сотрудничества. Теоретик предполагал, что общая дисциплина станет той культурной

³⁴ Печатнов 1994: 28, 30; Steel 1999: 47.

³⁵ Lippmann 1914: XXII- XXIII.

³⁷ Ibid: 249.

силой, что объединит цивилизации и направит энергию людей со всей планеты, вне зависимости от их классовой, этнической, культурной и половой принадлежности, на созидательные цели.

Как уже было сказано, Липпман считал, что построение нового порядка должно опираться на современную науку, как на особый и максимально эффективный тип рациональности. Вместе с тем, теоретик с сарказмом отмечал, что речь идет не о той косной науке, которая утверждает, что «поцелуи негигиеничны», а «любовь – это разновидность безумия», но о типе учености, позволяющем человечеству открывать новые горизонты творческого мирозерцания³⁸.

«Критический дискурс» и «наука», в понимании Липпмана, это термины одного порядка. Он рассчитывал на творческую ученость, как на главный ресурс обновления мира. Поэтому и его норматив ученого – это не догматик, выступающий с единственно верными теориями, но прагматик, гибкий профессионал, который всегда готов модифицировать свои гипотезы, чтобы участвовать в совместном эксперименте по реорганизации общественной жизни. «Научный дух» в конкретном понимании Липпмана и есть аналог «мастерства»³⁹. Наука выступает у Липпмана как дисциплина, противостоящая «анархии отдельных темпераментов»⁴⁰. Она позволяет преодолеть «дрейф», т.е. экономический и социальный хаос, и выстроить международный порядок.

Наука, в понимании Липпмана, есть дисциплина демократии, которая не дает последней развоплотиться в анархию. Понимая, что источником анархических импульсов может являться само мировое многообразие, Липпман, тем не менее, не утверждал, что все необходимо привести к общему знаменателю. Напротив, он приветствовал существующий плюрализм, как отражение самой сложности организации мира. Созидание же порядка в данном случае требует коллективных творческих усилий, т.е. торжество демократического принципа, по Липпману, возможно при творческом соучастии классов и народов в организации внутрисударственных и международных отношений. Лидерство же в этом движении принимают на себя ученые, то есть гибкие профессионалы, способные решительно и эффективно реагировать на исторические вызовы.

По существу, в гипотетическом проекте Липпмана все навязчивые идеи американского прогрессизма, ориентированного на контроль и организацию экономики федеральным правительством, сочетались с его личным стремлением не утратить в новом корпоративизме демократических свобод. Его замысел – баланс эффективной функциональной организации и свободы выбора, фантазии. Липпман уповал на гибкость этой организации, но каковы должны быть механизмы ее реализации, он так и не сумел сформулировать.

³⁸ Hollinger 1977: 468-469.

³⁹ Kim 2013: 260.

⁴⁰ Lippmann 1914: 285.

Коллективистские акценты гипотетического проекта Липпмана стали следствием его увлечения наукоцентричной и технократичной моделью государственного управления экономикой. Эти устремления незамедлительно подверглись критике и были аттестованы некоторыми идейными противниками как «диктатура экспертов». Но наибольшее недовольство вызывало его пренебрежение классическим и ставшим традиционным для американского образа жизни культом самодостаточного индивидуализма. То, что Липпман и его коллеги, интеллектуалы-прогрессисты предлагали взамен, а именно идея коллективной идентичности как стимул совместного участия в развитии общества, напоминало оппонентам апологетику государственного социализма.

Липпман и сам понимал слабые стороны своей гипотезы. И на страницах его работы «Дрейф и мастерство» есть попытки превентивной реакции на возможную критику. Так, он утверждал, что его проектирование политической администрации в составе узких специалистов и интеллектуалов является не проявлением «диктатуры экспертов», а есть чаяние «научной цивилизации». То есть его надежды на то, что технократы справятся с любыми проблемами, которые ставит перед США исторический момент, явно перевешивали необходимость аргументированно объяснить, кто гарантирует отсутствие злоупотреблений со стороны элиты экспертов. Критиков же как раз интересовало последнее.

Липпман считал, что авторитетная и взвешенная деятельность элиты экспертов позволит избежать анархических тенденций децентрализованного управления, с одной стороны, и авторитарного режима, с другой. «Всесильный правитель», писал теоретик, не может управлять сложно организованным миром⁴¹. Хорошо осознавал Липпман и сложность обретения баланса между коллективизмом и индивидуальной свободой личности; он задавался вопросом о том, как будет «совмещаться народный контроль с административной властью?»⁴². Тем не менее Липпман не решил этих вопросов даже теоретически, компенсировав возникшие пробелы оптимистическими интонациями нового подхода к организации жизни на научных основаниях. Научно организованная демократия, считал он, дисциплинирует нацию и в то же время свидетельствует о широте кругозора свободного человека⁴³. И то, и другое, утверждал Липпман, поможет уйти от «дрейфа».

Предпринятая Липпманом попытка теоретически примирить скрытую напряженность между «идеалами самоуправления и тенденцией к централизации власти»⁴⁴, на наш взгляд была неудачной. Она осталась скорее философской надеждой, чем научно обоснованным проектом политической реорганизации общества, готовым к реализации. Экспериментальный характер коллективизма должен был, по

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid: 62.

⁴³ Ibid: 276.

⁴⁴ Kim 2013: 262.

мысли Липпмана, сделать его более демократичным. Возможно кое-какие аспекты его теории, изложенные в «Дрейфе и мастерстве», некоторые государства и общества опробовали на себе за минувшую сотню с лишним лет, но, очевидно, что на одном технократическом энтузиазме выйти из круговорота кризиса и подъема невозможно.

Заключение

Работа Липпмана «Дрейф и мастерство» во многом отражала типичные для американского прогрессизма идеи. Идея поиска социальной гармонии в индустриальном обществе, ориентация на корпоративный либерализм и расширение власти федерального правительства, стремление преодолеть устаревшие элементы рыночной экономики, «деревенского» мышления фермеров, мелких предпринимателей и их политических защитников – все это объединяло искания Липпмана с теориями таких прогрессистов как Герберт Кроули, Уолтер Уэйл, Рэндольф Борн и т.д. С другой стороны, идеи, изложенные в работе «Дрейф и мастерство», отличали творческий подход Липпмана, его попытку объединить в гипотетическом политико-культурном проекте реорганизации общественной жизни все новейшие достижения философской и научной мысли. В книге удачно сочетаются поиски политического мыслителя, амбиции творческого интеллектуала и энергия молодого и яркого публициста. Элегантный стиль, блестящие метафоры, афористическая манера – все вместе это, с одной стороны, лишало работу строгости академизма (на которую Липпман, впрочем, не претендовал), а с другой, соответствовало авторскому идеалу «творческой учености», что делало книгу привлекательной в среде политиков, интеллектуалов и богемы. Веса этой работе добавляет и то обстоятельство, что автор в свои двадцать пять лет стал одним из ближайших советников бывшего президента Теодора Рузвельта.

Тем не менее уязвимых мест в гипотетическом проекте реорганизации общественной жизни Липпмана было множество. По существу, как и другие теоретики нового либерализма, Липпман выступал в работе «Дрейф и мастерство» с бескомпромиссно антитрадиционалистских позиций. Пытаясь снизить уровень разрушительности своих взглядов, он утверждал, что традиции уже разрушена, и теперь страна и нация отправляются в «свободное плавание». Чтобы не погибнуть в штормах истории, Липпман предложил американцам коллективистские формы солидарной организации общества, что предполагает подчинение принципа прав собственности принципу прав личности и неизбежно приведет к разрыву с традиционным для США экономическим индивидуализмом. Черты корпоративизма и коммунитаризма, свойственные проекту Липпмана, в теории должны были быть сглажены неизбежностью идеи свободы личности и основополагающих принципов демократии. Но все это скорее декларировано, чем обосновано, продумано и подготовлено к реализации на практике.

Немало вопросов у современников вызывал и пока еще робко, но вполне ясно проявившийся в работе Липпмана технократический элитизм. Опасения критиков по поводу установления «диктатуры экспертов» были оправданы на историческом фоне все более радикализирующихся политических теорий – и левых, и правых – в начале XX века. Элитизм и укрепление федеральной власти рассматривались недоброжелателями нового либерализма как отход от классических индивидуальных свобод либеральной философии и постепенный переход к практике авторитаризма.

Со временем Липпман пересмотрит свои взгляды. В 1930-е годы он будет выступать против усиления роли федерального правительства при Франклине Делано Рузвельте. Его обновленные взгляды будут одобрены такими авторитетными защитниками рыночной экономики как Людвиг фон Мизес и Фридрих Август фон Хайек, и лягут в основу философии неолиберализма. А вот элитистские идеи экспертократии найдут свое продолжение в новых работах Липпмана.

Так или иначе, идейное наследие политического мыслителя и публициста Уолтера Липпмана заслуживает более пристального внимания со стороны отечественных исследователей. Его труды представляют собой неисчерпаемый ресурс нередко устаревших, но исторически значимых, а также вновь актуальных политических идей и теорий.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Коммаджер Г.С. Мечта о реформе // Литературная история Соединенных Штатов: в 3 т. М.: Прогресс, 1979. Т. III. С. 203-216. [Kommadzher G.S. Mechta o reforme // Literaturnaja istorija Soedinennyh Shtatov: v 3 t. M.: Progress, 1979. T. III. S. 203-216.]
- Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. М.: Международные отношения, 1994. 336 с. [Pechatnov V.O. Uolter Lippman i puti Ameriki. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1994. 336 s.]
- Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 127 с. [Rorti R. Obretaja nashu stranu: politika levyh v Amerike XX veka. M.: Dom intellektual'noj knigi, 1998. 127 s.]
- Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с. [Sogrin V.V. Istoricheskij opyt USA. M.: Nauka, 2010. 581 s.]
- Усанов П.В. Позолоченный век и Прогрессивная эра в США: уроки для современности: Препринт М-63/18. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 48 с. [Usanov P.V. Pozolochennyj vek i Progressivnaja era v USA: uroki dlja sovremennosti: Preprint M-63/18. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. 48 s.]
- Forcey Ch. The Crossroads of Liberalism: Croly, Weyl, Lippmann, and the Progressive Era, 1900-1925. New York: Oxford University Press, 1961. xix, 358 p.
- Gerstle G. Theodore Roosevelt and the Divided Character of American Nationalism // The Journal of American History, 86(3), 1999. P. 1280-1307.
- Haber S. Efficiency and Uplift: Scientific Management in the Progressive Era, 1890-1920. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1964. xiv, 181 p.
- Hofstadter R. The Age of Reform: from Bryan to F.D.R. N.Y.: Vintage Books, 1955. 328 p.
- Hollinger D.A. Science and Anarchy: Walter Lippmann's Drift and Mastery // American Quarterly, Vol. 29, No. 5, Special Issue: Reassessing Twentieth Century, 1977. P. 463-475.
- Kim I. From Revolt to Order: The Career of Walter Lippmann's Progressivism, 1913-1914 // American Studies 36(1), June 2013. P. 227-265.
- Kloppenberг J.T. Uncertain Victory: Social Democracy and Progressivism in European and American Thought, 1870-1920. Oxford University Press, 1986. 560 p.

- Lippmann W. *Drift and Mastery: An Attempt to Diagnose the Current Unrest*. New York: Mitchell Kinnerley, 1914. xxvi, 336 p.
- Lustig J.R. *Corporate Liberalism: The Origins of Modern American Political Theory, 1890-1920*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1982. xiii, 357 p.
- Nichols D.K. The Promise of Progressivism: Herbert Croly and the Progressive Rejection of Individual Rights // *Publius: The Journal of Federalism*, 17(2), 1987. P. 27-39.
- Noble D.W. The New Republic and the Idea of Progress, 1914-1920 // *The Mississippi Valley Historical Review*, 38(3), 1951. P. 388-400.
- Roosevelt T. Two Noteworthy Books on Democracy // *Outlook*, 108. Nov. 18, 1914. P. 648-651.
- Roosevelt T. *The Works of Theodore Roosevelt*. Vol. XVII: Social Justice and Popular Rule. New York: Charles Scribner's Sons, 1926. 425 p.
- Rothbard M. *The Progressive Era*. Auburn, Ala.: Mises Institute, 2017. 602 p.
- Ruddy D. *Theodore the Great: Conservative Crusader*. Washington, DC: Regnery History, 2016. 288 p.
- Steel R. *Walter Lippmann and the American Century*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1999. 689 p.

Вязинкин Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, кафедра «История и философия» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», vyazinkin@yandex.ru

«Drift and Mastery»: Walter Lippmann as the Theorist of Progressivism

The article analyzes the book of the American political theorist Walter Lippmann «Drift and Mastery» as a diagnostic and political and philosophical work, designed theoretically to respond to the historical challenges faced by the United States in the Progressive Era. The article task is analytical identifies the common and different features of the political thinking of Lippmann and other theorists of American progressivism. The author shows that Lippmann's cultural and political project, describing and protecting the key provisions of corporate liberalism, was a situational requirement of the theorist to justify the need for collectivist forms of organizing a new socio-economic order in the United States after the collapse of traditional institutions and the decomposition of custom morality.

Keywords: *Walter Lippmann, Progressive Era, new liberalism, corporate liberalism, political philosophy.*

Viazinkin Aleksei Yurievich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, the department of History and Philosophy, Tambov State Technical University, vyazinkin@yandex.ru

А.А. СМИРНОВ КАК КЕЛЬТОЛОГ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

В фокусе статьи находится кельтологический аспект деятельности известного филолога, переводчика, редактора Александра Александровича Смирнова (1883–1962). В отличие от исследований биографического вектора автор анализирует трансформацию теоретического базиса концепций Смирнова о классификации, дефиниции, особенностях кельтских литератур, их контактами с континентальной традицией. Отдельное внимание уделено внутренней рефлексии ученого относительно процессов глобальной кельтологии, достижений отечественных и зарубежных коллег.

Использованы данные из архивов РО ИРЛИ РАН, ЦГАЛИ СПб., фондов РНБ, материалов, предоставленных кельтологами Г.В. Бондаренко и проф. Т.А. Михайловой.

Ключевые слова: Смирнов А.А., кельтология, средневековая Ирландия, артуровский цикл, медиевистика

Роль Александра Александровича Смирнова (1883–1962) как основателя отечественной кельтологии неоднократно подчеркивалась коллегами и исследователями. Первые опыты историографической рефлексии зафиксированы в 1933–1963 гг., когда В.М. Жирмунский и З.И. Плавский подготовили краткие обзоры в честь юбилеев научной и преподавательской деятельности профессора в стенах Ленинградского университета, а позже – некролог с библиографией¹. Тогда осмысление деятельности А.А. Смирнова в научной хронике его коллег происходило сугубо в рамках марксистского методологического дискурса. Авторы сходились в оценках достижений ученого как твердого сторонника и теоретика «народных истоков национальных литератур», бескомпромиссного противника «антидемократических» концептуальных веяний зарубежной медиевистики 1945–1960-х гг.²

Впрочем, несмотря на коммеморативный характер первых историографических работ о Смирнове, имеется и ряд важных сообщений. Так, В.Ф. Шишмарев подчеркнул, что даже *научно-популярные* работы Смирнова представляли оригинальную научную ценность; другие коллеги отмечали среди достоинств широту кругозора и выход за пределы академической аудитории. З.И. Плавский сделал особый упор на «демократическую» основу и «народные истоки» западноевропейских литератур: по его мнению, Смирнов последовательно развивал данную мысль и на страницах «Ирландских саг», и на материале испанского эпоса. В.М. Жирмунский предпочитал простое обзорное повествование с указанием главных биографических вех своего друга и коллеги.

Примерно с 1980-х намечился новый виток интереса к жизни и деятельности А.А. Смирнова. Согласимся с Б.С. Кагановичем, что большинство авторов отдавали предпочтение изучению интеллектуальной и

¹ Жирмунский 1946: 123–125; 1963: 78–81; Плавский 1958: 172–175; Шишмарев 1965.

² Жирмунский 1946: 125; Плавский 1958: 173.

литературной среды Серебряного века сквозь призму биографии Смирнова, особенно его первых творческих опытов³. Много материала из эпистолярного наследия опубликовано, что, конечно, позволяет воссоздать более полную картину личных контактов. Эти данные оказались необычайно ценными и для глубокого понимания организации научной работы того времени, логики ее внешних процессов. Однако издателей в первую очередь интересовала жизнь интеллектуальных элит рубежа XIX–XX вв., в то время как для нашего предмета источники личного происхождения располагают важными, но только косвенными деталями. Фундаментальную работу проделал Б.С. Каганович, но, очевидно, из-за отсутствия специальных знаний, кельтологическая тематика раскрыта лишь на нескольких страницах и уходит в формальное перечисление работ в панораме общего научного пути ученого. Было выявлено множество деталей касаясь стажировок юного Смирнова в Париже, подготовки «Ирландских саг», контактов с зарубежными коллегами, но нет анализа непосредственно кельтологических концепций и теорий, их динамики, своеобразия, *узкопрофессиональной* оценки⁴.

Постепенно от биографических деталей и публикаций эпистолярной штудии об А.А. Смирнове переходят к изучению отдельных сфер его творчества, и кельтология не стала исключением. К сожалению, опыты рассмотрения вклада А.А. Смирнова профессиональными кельтологами все еще ускользают от взора его биографов⁵; полноценный диалог между двумя направлениями не налажен. Впрочем, и сами кельтологи не выходят за рамки краткого описания основных этапов его академической карьеры и главных трудов⁶. Наиболее полный обзор отечественных Celtic Studies представил Ш. МакМахуна, рассмотрев опыт Смирнова не изолированно, но сквозь призму интенсивной работы археологов, историков и лингвистов, начало которой было положено в 1910-х гг.

Таким образом, определенный прогресс очевиден, особенно в биографических и просопографических подходах к теме; в последнее время все большая заинтересованность к персоне А.А. Смирнова и со стороны самой кельтологической науки не вызывает сомнений. В настоящей статье мы отвлечемся от биографических деталей и попробуем проследить эволюцию *теоретического* базиса взглядов А.А. Смирнова как кельтолога и ирландиста. Конечно, необходимо также установить связь «смирновского» концептуально-теоретического фонда с глобальным течением мировой кельтологии.

³ См. переписку А.А. Смирнова с С. Делоне, М.А. Волошиным и Л.Н. Вилькиной в описании у Б.С. Кагановича: Каганович 2018: 8–9.

⁴ Каганович 2011; 2018.

⁵ Отсутствие ссылок на главные в данном вопросе статьи Ш. МакМахуны, Г.В. Бондаренко и Т.А. Михайловой в биографических работах. Б.С. Каганович, располагая наиболее полным на данный момент диапазоном литературы, указал только некоторые из них: Mac Mathúna 2006; Bondarenko 2010; 2013.

⁶ Bondarenko 2010; Mac Mathúna 2006.

Прежде чем приступить к детальному разбору, перечислим все известные на настоящий момент публикации профессора по кельтологии:

1. совместное издание с А. д'Арбуа де Жубенвилем «Похищения быка из Куальнге» (1907);
2. статья об ирландской «Смерти Муйрхертаха, сыне Эрк» (1915);
3. несколько статей на французском языке в *Revue Celtique* (1912, 1913);
4. несколько статей о кельтах и ирландцах в справочных изданиях: «Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», Большой советской энциклопедии, Литературной энциклопедии (ст. «Кельтская литература», «Ирландская литература» и др.);
5. издание переводов «Ирландские саги» (1929, 1933, 1961 и 1973 гг.);
6. статьи о кельтском эпосе в учебниках «История западноевропейской литературы» и «История зарубежных литератур» (1947, 1957);
7. перевод монографии Х. Педерсена и Г. Льюиса (1954)⁷.

1905 – 1929: формирование теоретического фундамента

Как А.А. Смирнов нашел себя на поле кельтологии? Есть гипотеза о влиянии А. Н. Веселовского, чьи курсы Смирнов посещал студентом⁸. Однако у нас имеются веские основания полагать, что молодой ученый впервые заинтересовался кельтами во время заграничных стажировок 1905–1908 гг. и особенно 1911–1913 гг. К этому подталкивали разные обстоятельства и причины. Во-первых, в начале XX века связи Артурианы с кельтским культурным базисом находились в центре дискуссий у филологов-медиевистов (т. н. проблема «кельтских корней»), поэтому нет ничего удивительного в том, что Смирнов как начинающий специалист по бретонскому циклу и *lais* Марии Французской, сам обратился к кельтской тематике. Во-вторых, молодой Смирнов установил прочные связи с парижской профессурой, среди которых был и А. д'Арбуа де Жубенвиль, в то время уже выпустивший свой монументальный многотомный труд *Cours de littérature celtique* и проводивший специальные семинары по медленному чтению и переводу древнеирландских текстов⁹. Наконец, переписка А. А. Смирнова с С. Делоне не оставляет нам никаких сомнений, что знакомство с кельтами произошло только в Париже в 1905 г., причем не столько с научными целями, сколько из-за соображений чисто художественного вкуса¹⁰. Гораздо позже, после сда-

⁷ См.: Jubainville, Smirnof 1907–1912; Smirnov 1912: 130–137; 1913: 287–289; 1913: 337–342; Смирнов 1915: 142–162; Ирландские саги 1929; Новый энциклопедический словарь 1914–1916 [указано издание с самыми полными версиями словарных статей]; История западноевропейской литературы 1947; Льюис, Педерсен 1954; Смирнов, Плавский 1957. Анализ опубликованных трудов дополнен данными из архивных материалов РО ИРЛИ РАН (личный фонд А.А. Смирнова Ф. 670) и ЦГАЛИ СПб. Мы благодарим сотрудников архивов за предоставленную возможность работы с фондами. Редкие печатные публикации, не размещенные в электронном доступе, были привлечены из фондов РНБ. Выражаем также благодарность Г.В. Бондаренко и Т.А. Михайловой за предоставление уникальной информации и содействие.

⁸ Bondarenko 2010: 139–140.

⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-371. Оп. 3-1. Д. 191; Каганович 2018: 32.

¹⁰ См. сообщения А.А. Смирнова в переписке с С. Делоне: «Ирландская и гаэльская поэзия поражают своеобразием и свежей примитивностью. Сюжеты и обработка

чи магистерских экзаменов и получения степени приват-доцента (1910) Смирнов разворачивает полноценную научную деятельность.

Переводческая практика и усердие на семинарах по кельтской филологии в Париже привели к первым результатам сначала с содействия профессоров, затем к самостоятельным успехам¹¹. В ранних работах Смирнов продемонстрировал владение средневековыми ирландскими источниками разных типов: генеалогическими и топографическими данными, информацией из анналов и памятников клерикальной литературы¹². В методологическом плане он применял компаративно-сюжетный анализ для выявления общих мотивов и сюжетов, а также сравнительно-источниковедческий анализ, однако не углубляясь в лингвистические детали (полагаясь на авторитетные работы К. Мейера, Г. Циммера, Э. Виндиша и др.). Оба метода тогда уже прочно вошли в методологический арсенал ведущих кельтологов, определенный опыт их применения был и у А.Н. Веселовского в свете фундаментальной «Исторической поэтики». Оторванность от главной источниковой базы, локализованной в странах и регионах кельтского происхождения, не позволяла Смирнову самому провести внешнюю критику источника, как это было сделано им со старофранцузскими парижскими рукописями. Активизировавшаяся практика изданий и переводов ирландских текстов служила в данной ситуации хорошим подспорьем. Реконструированная нами по архивным *Desiderata* библиография показывает, что в распоряжении у ученого были переводы из журналов *Revue Celtique*, *Zeitschrift für celtische Philologie*, *Zeitschrift für romanische Philologie* и др., отдельные издания на французском, немецком, английском языках¹³.

Параллельно с увлечением средневековой Ирландией основные усилия Смирнов сосредоточил на упомянутом выше вопросе о «кельтских корнях» артуровского цикла. Впервые он был затронут в рецензии на диссертацию М.И. Лот-Бородиной о семантике и образах любви в романах Кретьена де Труа (1909). Было обозначено несколько полярных

их до такой степени не похожи на известные нам эпосы: русский, германский, французский, что по этим последним нельзя составить о них ни малейшего понятия. Усталому и пресыщенному человечеству можно рекомендовать это чтение как освежающий ароматный напиток [письмо от 31 мая 1905 г.]. «Намерен приступить к кельтским языкам, что крайне заманчиво ввиду полной бесполезности и непрактичности этого времяпрепровождения [от 7/20 декабря 1905 г.]. «Конечно, я готов быть ученым филологом, каким-нибудь профессором кельтологии. Это – работа не грязная, не такая, от которой (как чиновничество, торговля и т.д.) я чувствовал бы себя замаранным. (...) Но это всегда будет моим внешним делом, которое я каждую минуту готов бросить [от 15 апреля 1906 г.]. Смирнов 2011: 121, 165, 197.

¹¹ Jubainville, Smirnov 1907–1912; Смирнов 2011: 336–337; Смирнов 1910: 83–130; Смирнов 1915: 142–162; Смирнов 1909: 437–464.

¹² В статье о Муйрхертах Смирнов сопоставлял информацию из повестей с данными анналов, генеалогий, топонимики, лирики. См. также описания *Acallam na senórach*, *Dinnshenchas*, *Fis Adamnain*, *Cóir Anmann*, *Saltair na rann* и др.: Новый энциклопедический словарь 1914, Т. 19: 649–650.

¹³ РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

точек зрения от чрезмерно преувеличенных оценок (G. Paris) до, наоборот, отрицания и даже уничтожения «кельтского» фактора (W. Förster, W. Golther)¹⁴. Сам Смирнов призывал к выработке некоей компромиссной позиции, где влияние культур с кельтским наследием на оформление рыцарской литературы очевидно, но далеко не всеобъемлюще. Здесь автор, как и Веселовский, неизменно подчеркивал, что, несмотря на определенный «кельтский» импульс, новое художественное осознание категории чувства, идея конфликта внутреннего мира героя с «долгом феодальной морали» были изобретены сугубо французским автором на совершенно новом уровне *индивидуального* мастерства.

Постепенно исследователь приходит к мысли о «трех факторах», определивших развитие *всей* средневековой западноевропейской литературы: античного наследия, христианской культуры и «народной основы». Еще в лекциях по истории всеобщей литературы в Таврическом университете (1919–1922), Смирнов говорил о трех ключевых элементах: варварской культуре (иберийцев, кельтов, германцев), христианстве и античном наследии¹⁵. Позже, в новых лекциях для Ленинградского университета (1927–1935 гг.) имеется подобная мысль о главенстве античной рецепции, церковной организации и доминировании рыцарской культуры как ментальности высших феодальных слоев.

Опубликована эта концепция была только в 1931 г., тогда Смирнов называл два фактора: доминат «военно-организованных феодалов-помещиков» и католичество. Схема развития средневековых жанров связана вовсе не с «народной основой», так часто упоминаемой в поздних трудах Смирнова, а именно с эволюцией *рыцарско-клерикальной* сферы. Среди жанров нет места «народной поэзии»: указан только «героический эпос с полностью феодальным мировоззрением», с XI в. преобладает любовная рыцарская лирика и рыцарский роман¹⁶. Постепенно Смирнов развивает идею противостояния «аскетического» и «оптимистического» течений в литературе, трактуя их взаимодействие как проявление классового антагонизма¹⁷. Под «оптимистическим» течением следует понимать отторжение христианского идеала аскезы и страдания в пользу изображения мирской жизни и чувственности. Ученый видел в нем стихийное творчество народных масс, не поддерживающих литературную традицию феодальных элит. Таким образом Смирнов пришел к концепции «народной поэзии».

Каковы ключевые проблемы конкретно древнеирландской литературной традиции? Рассуждая над этим вопросом, исследователь составил два плана, каждый пункт которых сопровождается примерами, главным образом, из уладского цикла. Первый план отрывочен и схе-

¹⁴ Смирнов 1909: 438.

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 62. Л. 10.

¹⁶ Смирнов 1931: 103–106.

¹⁷ См. лекции по истории зарубежной литературы, прочтенные в ЛИФЛИ в осенний семестр 1935 г.: РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 68. Л. 20–28; Там же. Д. 65. Л. 18–21.

матичен, с минимумом примеров и авторских пометок. Второй вставлен в текст статьи, с большим объемом пояснений и библиографических ссылок, но все еще в виде развернутого плана, а не целостного повествования. Согласно первой редакции, Смирнов выделял следующие проблемы: 1) отношение версий¹⁸, 2) вопрос «влияния» и «заимствования» в древнеирландском эпосе, 3) локальное происхождение, 4) областное происхождение¹⁹, 5) присутствие архетипов доарийской культуры, 6) и 7) легендарное и историческое в повести о Муирхертах. Структура второй версии почти идентична, за исключением незначительных деталей и более подробного ссылочного аппарата²⁰.

Некоторые пункты нашли свое воплощение в публикациях, например, пункты о Муирхертах повторяют мысль опубликованной статьи 1915 г. Кратко осветим только самую разветвленную и проработанную неопубликованную часть планов, а именно соображения Смирнова насчет сложного взаимодействия ирландской литературной традиции с инородными элементами; эти связи наблюдались через категории «заимствования» и «влияния». К т.н. «заимствованиям» ученый относил адаптации из античной культуры («античные» эпизоды из «Плавания Майль-Дуйна», например), германской и скандинавской, христианской традиций. Ранний план предполагал наличие и англосаксонских заимствований. «Влияния» подразумевали обратные рецепции ирландско-кельтского нарратива на континенте: романы артуровского цикла и роман о Тристане, репрезентации чистилища у Патрика и Данте, ирландско-скандинавские контакты. Идея об общем мотиве чистилища, несомненно, подчерпнута из монографий Ч. Босвелла и М. Додса, анализировавших репрезентации эсхатологических феноменов в раннесредневековых ирландских текстах и континентальной христианской мысли²¹.

Отдельно скажем и об отношении Смирнова к проблематике ирландской христианизации, наиболее полно освещенной в рамках его лекционного курса²². Здесь он согласен с общим выводом кельтологов о «легкости христианизации», хотя и предупреждает, что трактовать данный процесс в слишком однозначных или преувеличенных терминах не стоит. К гипотезе Г. Циммера о *больших* успехах христианства в Ирландии до 431 г. ученый также относится с долей скепсиса, но в то же время признает, что следы христианского мировоззрения, в *определенной* сте-

¹⁸ Трудно определить, что автор имел в виду, возможно, проблему отношения различных редакций и списков каждой древнеирландской *scél*. Рядом написана ссылка на Р. Турнейзена без указания конкретной работы.

¹⁹ Пункты 3 и 4 раскрывают теорию Смирнова о том, что повести – продукт не только общеирландского творчества, но и местных литературных традиций, которые учитывали политико-исторический фон своей области-«пятины» и даже кенела или туалта. В подтверждение этому часто приводится пример «Повести о кабане Мак-Дато» как отражении конфликтов внутри Коннахта и Ульстера.

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 36. Вторую версию плана см.: Там же. Л. 21–22.

²¹ Dods 1903; Boswell 1908.

²² РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 54. Л. 181–183.

пени, можно обнаружить на острове до прихода Патрика. Огромное влияние христианской картины мира на местную нарративную традицию, конечно, не ставится Смирновым под сомнение. Более того, взаимодействие «языческих» и христианских элементов в некоторых ирландских текстах становилось настолько неотъемлемой частью их герменевтической специфики, что Смирнов хотел даже провести отдельное исследование, которое, к сожалению, так и не было реализовано:

«Во всех этих сагах [Immgata] мы встречаем бок-о-бок языческие образы и другие образы, восход[ящие] к античн[ым] и христ[ианским] представлениям о земном рае. Исследователи определенно утверждают, что последние – наносного происх[ождения], интерполяции, наслоившиеся на древние языческие кельтские представл[ения] о стране фей. На этом основании они считают христ[ианские] строфы «Брана» христианской интерполяцией. Я не вполне в этом убежден <...> собираюсь посвятить специал[ьное] исследование»²³.

В качестве промежуточных выводов скажем, что период 1905–1929 гг. вряд ли можно охарактеризовать как «ранний», скорее, как «более продуктивный». Именно в это время А.А. Смирнов и накапливал готовый интеллектуальный опыт в области кельтологии и формулировал собственные тезисы, теоретический «костяк» которых, как правило, не менялся. Наконец, произошла трансформация от увлечений эстетического порядка до осознания необходимости серьезной научной деятельности, что, конечно, важно для понимания всей жизни ученого.

А.А. Смирнов в работе над «Ирландскими сагами»

В 1929 г. выходят в свет «Ирландские саги», сборник переводов средневековых ирландских *scéla* или, как их обозначает сам Смирнов, «повестей», над которыми он работал, как минимум, 15 лет. Еще при жизни Смирнова коллеги ценили данное издание, прежде всего с позиций актуализации демократического базиса ирландского (шире – кельтского) эпоса; их внимание привлекали тезисы об определении эпоса ирландцев в его социальном и бытовом аспектах, позиционировании в рамках формационной теории, а также акцент автора именно на народном начале в вопросах генезиса и бытования ирландской раннесредневековой словесности²⁴. Но в контексте всего научного пути Смирнова издание переводов ирландских текстов – результат как долгих теоретических изысканий, так и практических опытов работы с древне- и среднеирландскими языками, поэтому нельзя сказать, что ценность данного труда сводится к ценности одной какой-либо мысли, теории или метода.

При жизни Смирнова сборник выдержал два переиздания в 1933 и 1961 гг. Первые два издания состояли из предисловия, обширной вводной статьи «Древний ирландский эпос», примечаний, индекса, небольших справочных статей к каждому переводу и, собственно, переводов. Шесть частей вводной статьи содержат базовые сведения по пяти тематическим блокам: 1) средневековый ирландский эпос в свете ранних и

²³ РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 1. Л. 107.

²⁴ Шишмарев 1965: 206.

смежных литературных традиций, 2) проблематика генезиса саг в устном и письменном праксисе, описание профессиональных групп друидов, филидов и бардов, классификации повестей, 3) характеристика уладского цикла, 4) историко-бытовые реалии Ирландии II–VII вв., 5) религия и мифология. Основные тезисы Смирнова, выражаясь современным теоретическим языком кельтологии, можно назвать «нативистскими». Он видел прежде всего архаическую основу, настолько преобладающую над новшествами, «что практически можно считать эти саги отражающими состояние Ирландии языческой эпохи и разве что самого начала христианской, то есть примерно со II по V век нашей эры»²⁵.

«Нативистский взгляд» повлиял и на подход Смирнова к переводам – отрывки, которые он расценивал как поздние христианские интерполяции, изымались; тем не менее, перевод некоторых из них был приведен в примечаниях. В характеристике христианизации прослеживается прежний вектор: она «весьма умеренная» и слабая. Отмечена и «терпимость» ирландского монашества в вопросах сохранения и интерпретации «языческих» сюжетов с излюбленным примером Патрика и Кальте из «Беседы старцев»; в некоторых архивных записях он выдвигал ее в качестве одной из особенностей всей ирландской литературной традиции, но в итоге выбрал более умеренную и компактную формулировку с призывом не преувеличивать (!) толерантность ирландских монахов и обязательно учитывать роль светских интеллектуалов и школ, поддерживаемых ими на семейно-родовой основе, для сохранения и изучения древнего ирландского нарратива и языка²⁶.

В «Ирландских сагах» в расширенной форме нашел отражение и тот набор особенностей древнеирландской литературы, который Смирнов постоянно пытался обозначить как для аудитории и читателей, так и для личного пользования. Первые построения мы находим, как обычно, в конспекте вводного лекционного курса 1913 года. Смирнова поражала, прежде всего, способность кельтского гения к «синкретизму» как в художественном выражении, так и в историческо-реальном праксисе, где любимый пример – толерантность монашеской и в целом ирландской христианской культуры к языческому прошлому²⁷. Несколько позже, в докладе «Кельтский мир»²⁸ (1918) имеется похожее рассуждение о контрасте, «слиянии религиозного и светского начала», но главные признаки были обозначены более строго и формально: 1) сложение эпоса

²⁵ В издании 1933 г. А. Смирнов расширил хронологические рамки от II до VII вв. включительно. Ирландские саги 1929: 27.

²⁶ Ирландские саги 1933: 46.

²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 54. Л. 13.

²⁸ Доклад «Кельтский мир» был прочитан на 1-ом заседании РГКр. (аббревиатура нам не известна; романо-германский кружок?) в Харькове 16 декабря 1918 г. Сохранился текст еще одного доклада «Ирландские саги как эпос родового строя на европейской почве», прочтенного в Государственной академии искусствознания (ГАИС) 28 сентября 1933 года. Цитаты из него см. далее. Оба текста не опубликованы. Там же. Л. 139–140.

в прозе и 2) отсутствие драмы, за исключением бретонских «мистерий». В черновых сочинениях «Кельтский эпос» и «Ирландский эпос» (после 1918) особенностями отмечены «форма, стиль, сюжет» и «проза, древность, фантастика» соответственно²⁹. Уже более проработанную систему особенностей мы видим в «Основных проблемах изучения ирландского эпоса» (после 1918)³⁰: 1) приоритет прозы над стихом, 2) древность («древнейший из западно-европейских эпосов», VI–VII вв.), 3) сохранность, которая обеспечивалась активностью филидов и терпимостью церкви. И только в «Ирландских сагах» А.А. Смирнов, наконец, опубликовал полную теорию, вобравшую в себя критерии из всех перечисленных выше схем: 1) прозаическая основа ирландского эпоса, и *позже* – стихотворная; 2) «синкретизм» всех составляющих художественного творчества древних ирландцев, эклектичность; 3) насыщенность стиля фантастическими и романтическими элементами – актуально только для издания 1929 г.; 4) древность. Несмотря на знакомство с точкой зрения Ж. Дотена (G. Dottin) о приоритете поэтических форм, Смирнов придерживался концепции первоначального генезиса ирландского нарратива именно в прозе³¹.

Также из оригинальных положений Смирнова, безусловно, обращает внимание его классификация повестей в «Ирландских сагах» на два цикла: героический и фантастический. Архивные данные нам сообщают, что Смирнов прекрасно знал и разрабатывавшиеся в мировой практике классификации. Еще в лекциях от 1913 г. им представлено деление древнеирландского эпоса на два цикла: мифологический и героический. Героический, в свою очередь, делился на уладский и цикл Финна³². В записи «Об ирландской литературе» (скорее всего, черновике статьи для «Нового словаря» 1914 г.) мы находим общераспространенную в мировой кельтологии схему с делением на четыре цикла: мифологический, уладский, цикл Финна и четвертый цикл, по составу которого у исследователей не было единодушия³³. Четвертый цикл Смирнов обозначал как «смешанный», куда входили «легенды о королях» и «ряд

²⁹ Там же. Л. 68; там же. Д. 4. Л. 36.

³⁰ Далее «Основные проблемы изучения». До нас дошли два варианта статьи «Основные проблемы изучения ирландского эпоса», статья «Кельтский эпос», план под заголовком «Ирландский эпос», структура и содержание которых не соответствуют ни одной из опубликованных работ. По степени библиографического охвата, близости изложенных концепций к лекциям 1913 г. мы предполагаем датировку этих текстов не ранее 1918 г. и не позднее 1933 г. Причины, почему эти статьи не были опубликованы, не известны. Там же. Д. 4. Л. 21.

³¹ См. его выписку: «Кельт[ский] эпос. (Dottin, p. 52–119). Примесь стихов в ирл[андских] постеп[енно] уменьшается (архаизм), в начале м. б. было все стихи, проза – исключение (?)). РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 54. Л. 28.

³² Там же. Л. 12, 242. См. похожую схему в крымских лекциях (1919–1922): в героический цикл добавлена группа *Varia* или «смешанный» цикл. Там же. Д. 62. Л. 20–21.

³³ Часть исследователей выделяла т.н. «королевский цикл» (братья Рисы, М. Диллон). Классификация по библиографии Р. И. Беста показывает, что королевский цикл еще не успел закрепиться как общепринятая самостоятельная единица. Best 1913.

других романтических историй, например, поездки героев на «тот свет» или в «страну фей» (имеется в виду группа *Immrama* или «Плавания») ³⁴. Наконец, в докладе от 1933 г. есть не совсем ясное упоминание трех героических циклов (в т. ч. уладского) и мифологического ³⁵.

А.А. Смирнов работал над своими концепциями и между изданиями 1929 и 1933 гг., на что указывают результаты построчного сличения авторских текстов. Так, в общеметодологическом плане он дополнил свои рассуждения цитатами Ф. Энгельса о доминировании родового строя у кельтов и ирландцев ³⁶. Доклад от 1933 г. сохранил полностью идентичные ссылки и схожие авторские комментарии. Смирнов сам признавал, что в первом издании соображения Энгельса «недооценены» ³⁷. Таким образом, «вставка» об Энгельсе не была искусственной правкой редакции или кого-либо извне; вопрос о месте кельтских народов и Ирландии в историко-филологических работах марксизма действительно вызывал у ученого некоторый интерес, во всяком случае, достаточный для целого доклада. Детальное ознакомление с некоторыми работами Энгельса заставило Смирнова сменить прежнюю схему общественной системы кельтов: ирландцы находились на стадии родового строя, но не племенного ³⁸. Подобные смещения общеметодологической парадигмы отразились и на терминологии, подвергнутой существенной корректировке, впрочем, абсолютно справедливой и в отношении кельтологической специфики. Так, термин «класс», до этого используемый Смирновым в самом широком толковании, заменен на более приемлемые «слой», «разряд», в тех случаях, когда контекст развивался вне формационной семантики ³⁹.

Если роль А.А. Смирнова в подобных изменениях теоретико-методологического характера можно считать доказанной, то выяснить причины существенной корректировки, а местами и полного изъятия других положений нам не всегда удастся. Очевидно, например, что всякое замечание о влиянии средневекового ирландского наследия на современную культуру, особенно когда речь заходит о социальном и политическом аспектах, было либо изъято, либо тщательно отредактировано. Возможно, обширный фрагмент о «причинах древнего и упорного равнодушия образованной Европы» к кельтам, о «политике угнетения подвластных [английскому буржуазному правительству] нацменьшинств» и о формировании английскими властями стереотипа о низком культурном уровне кельтских народов, в частности ирландцев, был неуместен по политическим причинам или не вписывался в научно-просветитель-

³⁴ РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

³⁵ О характеристике документа см. ссылку 26. Там же. Д. 54. Л. 79.

³⁶ Ирландские саги 1933: 23–24.

³⁷ РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 54. Л. 76.

³⁸ Ирландские саги 1929: 28; Ирландские саги 1933: 24.

³⁹ См. примеры: «население распределялось на три *слоя*» (1933) вместо «в социальном отношении население распалось на три *класса*» (1929). Ирландские саги 1929: 30, 50; Ирландские саги 1933: 27, 40–41.

ский фон всего издания. Тексты ранних лекций Смирнова (1920-е) и наброски статей сохранили подобные тезисы в полной мере⁴⁰.

Поздние работы (1933–1962) и вклад А.А. Смирнова в свете мировой кельтологии

В работах после «Ирландских саг» Смирнов сохранил теоретическую основу при чисто внешних минимальных корректировках. Его типичный почерк все глубже скрывался за теоретизацией и максимальными обобщениями в рамках марксистско-ленинской парадигмы, достигшей пика в литературоведении в последние сталинские годы⁴¹.

Ядро кельтологической активности в данный период составили учебники и учебные пособия. В них мы видим те же тезисы и схемы, как например, о друидах, бардах, филидах или о «не особенно глубокой» христианизации саг. Среди наиболее важных изменений отметим смещение акцента с доминирования прозы на роль поэтических форм:

«С самого начала повести эти имели прозаическую форму... Но очень рано филиды, их обработавшие, стали вставлять в них стихотворные отрывки... Число таких поэтических вставок с течением времени изменялось, в большинстве случаев возрастая. Но даже прозаическая канва саги не всегда была вполне устойчивой... При переходе саг от филида к его ученику последним нередко заучивался не весь текст, а только схема... в соединительных же частях предоставлялась свобода для импровизации рассказчика»⁴²

Нет и упоминаний светских институтов, их значения для письменной фиксации и художественной обработки ключевых нарративов, что так сильно было подчеркнуто в «Ирландских сагах».

Тезисы о родовом строе кельтов получили свое продолжение в ключе более категорическом: теперь средневековая Ирландия не только сохраняла черты родового строя, но и позиционировалась как «отстающая», находившаяся «на более ранней ступени общественного развития» в течение *всего* I тыс. н. э. Авторы учебников располагали кельтов в общей формационной структуре на «наиболее архаичной ступени культуры»⁴³. Тем не менее, Смирнов старался отметить и некоторую условность столь односторонних трактовок, добавляя, что при прочном сохранении черт родового строя у кельтских народов прослеживались и позитивные сдвиги, ведущие к его разложению (напр., некое подобие форм собственности внутри «большой семьи» – *fine*).

Своеобразным проблеском кельтологии в позднем научном творчестве А.А. Смирнова можно считать перевод монографии Г. Льюиса и Х. Педерсена «Краткая сравнительная грамматика кельтских языков» (1954). А.А. Смирнов указан в библиографическом описании в качестве переводчика, однако трудно точно установить его роль в процессе подготовки издания. В архиве сохранился отзыв-рецензия А.А. Смирнова

⁴⁰ РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–4, 21.

⁴¹ Каганович 2018: 190–196.

⁴² История западноевропейской литературы 1947: 21.

⁴³ Там же: 19–20.

на английский оригинал от 25 мая 1952 года, из заключения которого достоверно известно, что он был инициатором проекта:

«В целом, работа представляет собою капитальный и вполне достоверный свод всего, что известно до сих пор в области кельтской филологии. Конечно, это касается главным образом фактического материала, а не осмысливания явлений, не во всем отвечающего передовым научным установкам современного советского языковедения. (...) Указанный изъятый работы может быть исправлен обстоятельным русским введением (предисловием) к книге (...) В этом же введении должны быть даны очерк развития кельтологии и характеристика общего положения кельтских языков среди других индоевропейских языков, – отсутствующие в английском издании (...) При полном отсутствии на русском языке обобщающих работ по кельтскому языку (по отдельным, частным вопросам др.-ирл. языка у нас дала работы только проф. В. Н. Ярцева), русский перевод этой книги явился бы ценным вкладом в нашу лингвистическую литературу. (...) Перевод представляет большие трудности, в частности, там, где надо будет передавать по русски значения предлогов, приставок и наречий (...) Поэтому, как бы ни был лингвистически квалифицирован переводчик, он должен быть знаком с материалом кельтских языков, а кроме того здесь должен будет произвести очень большую и сложную контрольную работу редактор данной книги. В общем, я очень рекомендовал издать эту книгу по русски (...)»⁴⁴.

Если роль Смирнова как инициатора бесспорна, то детали его участия в процессе перевода и подготовки издания выяснены далеко не окончательно. Так, профессор-кельтолог Т.А. Михайлова сообщает, что перевод был полностью выполнен ученицей Смирнова, выдающимся литературным критиком, филологом и переводчиком Н.Я. Рыковой:

«В один из моих приездов она [Н.Я. Рыкова] рассказала мне, что занималась ирландским языком со Смирновым, вспомнила, как они перевели «Повесть о свинье Мак Датто» и даже по памяти воспроизвела в оригинале поэтическую строфу (о Кримтане Ниа Найре и его отношении к женщинам). Потом она решилась признаться мне, что на самом деле перевод «Сравнительной грамматики» был выполнен целиком ею, но уже затем немного выправлен В.Н. Ярцевой. Смирнов же согласился поставить свою фамилию, потому что сама Рыкова в тот момент недавно была освобождена из лагеря и еще не была официально реабилитирована»⁴⁵.

Кельтологическое наследие А. А. Смирнова интересно не только в свете внутренней эволюции его теоретических концепций; важна (и исследователями совсем не раскрыта) связь ученого с кельтологией глобальной. Ниже мы кратко обозначим ряд важных наблюдений относительно тех теорий, которые привлекали исследователя в особенности.

В ранних рецензиях и лекциях 1910–1920 гг. А.А. Смирнов горячо приветствовал источниковедческий анализ, подчеркивал, что только обращение к оригинальным текстам может дать достоверное знание, осо-

⁴⁴ Отзыв не был опубликован. Мы опустили описание монографии Педерсена и процитировали только заключительную часть. РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 101. Л. 17–18.

⁴⁵ Сообщение от 5 сентября 2021 г. опубликовано с согласия информатора проф. Т. А. Михайловой. В архивных источниках мы пока дополнительной информации не находим, и наши изыскания об обстоятельствах перевода будут продолжены.

бенно когда речь заходила о таком сложном и специфическом предмете, как культура средневековых кельтских сообществ. Опыт анализа манускриптов из парижских библиотек позволял Смирнову проверять эту позицию на практике и при необходимости дополнять выводы коллег. Ему удалось идентифицировать источник⁴⁶, на основе которого Циммер строит гипотезу о существовании бардов в Бретани в X в. и ранее, и доказать ее несостоятельность. О необходимости обращения к оригинальным валлийским источникам ученый напоминал некоторым специалистам по куртуазной литературе и Артуруиане. Так он последовательно доказывал своеобразие валлийско-бретонских версий, различие реалий кельтской и старофранцузской поэтики (несмотря на всю общность сюжетов) на материале Мабиногиона, «Эрека и Эниды»⁴⁷, романах о Тристане и *lais*.

Красной линией сквозь все научное творчество Смирнова проходит его рефлексия относительно теорий Ж. Бедье, с которым он познакомился, будучи студентом в Париже. Теория Бедье о развитии старофранцузской литературы на примере *Chansons de geste* была отмечена с множеством положительных аспектов при умеренной критике деталей. В ревизии Ж. Бедье концепций раннего сложения французского нарратива в устной традиции с упором на тщательный источниковедческий анализ местных рукописей и монастырских библиотек Смирнов видел принципиально новый подход⁴⁸. Приветствовалось внимание и к таким неочевидным на первый взгляд деталям, как взаимосвязи литературно-эпической традиции с маршрутами паломничеств или политическими амбициями отдельных монастырей. Что касается легкой критики, то молодой специалист нашел реакцию Бедье на оппонентов слишком резкой и добавил, что ценность его исследований кроется прежде всего в прикладной стороне вопроса (например, вводе новых данных в научный оборот), в то время как сюжетно-компаративный анализ на более абстрактном уровне все еще не теряет своей актуальности. Впоследствии отношение Смирнова к взглядам учителя стало более критическим, возможно, не без влияния внешних обстоятельств⁴⁹.

В определенной степени рассуждения А.А. Смирнова были созвучны и с теоретическими построениями А.Н. Веселовского. Мы уже отмечали, что влияние Веселовского на кельтологические интересы Смирнова-студента было не очень значительным; тем не менее, как вспоминал сам ученый, именно Веселовский рекомендовал тему старофранцузской литературы и *lais* Марии Французской, которые впослед-

⁴⁶ Французское *lais du Lecheor* XIII века. А.А. Смирнов вполне справедливо замечает, что на основе такого позднего источника трудно говорить о существовании бардов в Бретани три столетия ранее. Smirnov 1913: 288.

⁴⁷ Smirnov 1912: 130, 136.

⁴⁸ Смирнов 1910: 129.

⁴⁹ См., например, изложение теории Ж. Бедье в лекционном курсе в ЛИФЛИ (дат. 1935 г.). Указано, что данные Бедье не опровергают существование ранней ступени народного развития эпоса, а справедливы только по отношению к завершающей стадии этого процесса. РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 69. Л. 25–32.

ствии стали поводом для обращения к кельтской тематике. В начале научной карьеры знания Смирнова о Веселовском оставляли желать лучшего, о чем свидетельствует замечание профессора Петербургского университета Д.К. Петрова в рецензии на дипломное сочинение: «Точно так же, говоря о характере и составе первоисточников бретонских *lais* (стр. 162 и след.) А.А. Смирнов мог бы принять к соображению и то, что, по <отмеченным?> вопросам говорил А.Н. Веселовский в «Трех главах»⁵⁰.

Смирнов прислушался к этому предложению и в дальнейшем обращался к концепциям учителя все чаще как в рамках педагогической деятельности, так и на страницах своих публикаций⁵¹. В архивных материалах творчество Веселовского предстает, с одной стороны, как иллюстрация уже вполне закономерного проникновения кельтологии в отечественный научный кругозор, с другой – как пример все еще ограниченного к ней внимания. В «Основных проблемах изучения» отмечено, что число ссылок на кельтологические работы в поздних трудах Веселовского выросло, но были задействованы, *по большей части*, пересказы, а не оригинальные тексты или даже переводы: «А.Н. Веселовский исключительно редко пользовался кельтским, спец[иально] ирландским материалом, за исключением работ последнего периода своей жизни»⁵².

К сожалению, многие интереснейшие и ценные опыты так и остались на страницах архивных дел. Один из них – обзор центров, кафедр, издательств, журналов, творчества коллег – в совокупности целая своеобразная рефлексия российского ученого на современное ему состояние мировых кельтологических штудий. На текущий момент тезисы доступны только в конспекте первой тетради лекционного курса (1913) и в «Основных проблемах изучения» (после 1918). В лекциях Смирнов, начиная с собственных воспоминаний о семинарах медленного чтения А. д'Арбуа де Жубенвиля в *College de France*, плавно переходил к описанию центров: всего им упомянуто 14 кафедр во Франции, Германии, Англии, Ирландии, Австро-Венгрии и Дании. В Италии, Англии и России возобладала тенденция деятельности энтузиастов-ученых, нежели организации мощных институтов. О перспективах данной науки в России Смирнов констатировал: «В России – ничего. Балабанова. Теперь отчасти Шахматов. <...> В виду всего этого, колебался прежде чем... Будут ли слуш[атели]? <...> Все же нас мало. Собира[лся] вести занятия интимно. Не *conferences*, *Vorträge*, а *causeries*»⁵³.

Особое внимание Смирнова привлекли идеи Э. Ренана и М. Арнольда о «сущности кельтского духа», сравнительный анализ которых

⁵⁰ Там же. Д. 144. Л. 1.

⁵¹ Смирнов 1915: 154; Бедье 1938: 9; История западноевропейской литературы 1947: 19–21.

⁵² РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8, 21.

⁵³ Фамилия Е.В. Балабановой написана с ошибкой. РО ИРЛИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 54. Л. 3–4.

был представлен в лекциях и в рамках доклада в 1918 г. в Харькове⁵⁴. Лиризм Ренана, его видение кельтской расы как изолированной, склонной к семейно-родовому, «глубоко женственному» идеалу и смирению, сопоставлялись с журнализмом Арнольда, который выделял в кельтском менталитете «отсутствие трезвого чувства реальности», предпочтение иррациональной картины мира, сентиментальность. Смирнов резонно замечал, что, при всей заманчивости подобных попыток идентификации «кельтского духа», оба теоретика весьма далеки от источниковой базы и не знают древних языков. В целом, концепция Арнольда выглядит более взвешенной и объективной, притом имеющей большое значение относительно подъема в ней острых вопросов национальной идентичности.

Какой итог можно подвести в конце нашего исследования, еще далеко не окончательного? А.А. Смирнова, безусловно, привела к кельтологии тесно связанная с ней, но все же несколько иная научная работа – в области старофранцузской филологии. Тем не менее, Celtic Studies довольно быстро заинтересовали ученого сначала в плане теоретических изысканий, затем в формате практических задач: переводов и редактуры средневековых текстов. Постепенно формировался теоретический базис, отчасти основанный на достижениях старших коллег (с долей умеренной критики), отчасти на оригинальных выводах самого Смирнова.

Круг затрагиваемых вопросов и дискуссий Смирнова-кельтолога был весьма обширным, даже в рамках сугубо ирландистики: процессы и значение христианизации, взаимодействие различных культурных традиций, классификация и особенности раннеирландской литературы. Та форма, которую получили некоторые концепции в «Ирландских сагах» – не первая и, конечно, далеко не полная, как показали нам архивные материалы. После 1933 года взгляды Смирнова подвергаются все большей теоретизации, двигаются в сторону марксистского методологического дискурса, однако фактология и специфическая информация претерпевают минимум изменений.

В заключение также отметим, что А.А. Смирнов сохранял интерес к кельтологии на протяжении всей своей жизни и никогда не терял контакта с профессиональным сообществом. Еще В.М. Жирмунский на юбилейном заседании объявлял, что профессор был приглашен на первый международный кельтологический конгресс 1959 года⁵⁵. Однако из-за плохого состояния здоровья А.А. Смирнов, к сожалению, не смог принять участие в конгрессе. Сохранилось и любопытное письмо известного кельтолога М. Диллона от 17 июля 1961 года, в котором он благодарит Смирнова за присланное им третье издание «Ирландских саг» и сообщает о своем приезде в Ленинград 16 сентября⁵⁶. Состоялась ли эта поездка, мы не знаем.

⁵⁴ Там же. Л. 14–18, 139.

⁵⁵ Каганович 2018: 208.

⁵⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 670. Оп. 1. Д. 178. Л. 2.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бедье Ж. Роман о Тристане и Изольде / Общ. ред., пред. и прим. А.А. Смирнова, пер. и вст. статья А.Н. Веселовского. Л.: Гослитиздат, 1938. 228 с. [Bédier J. Roman o Tristane i Izol'de. L.: Goslitizdat, 1938. 228 s.]
- Жирмунский В. М. 35 лет научной деятельности профессора А. А. Смирнова // Вестник ЛГУ. 1946. № 2. С. 123–125. [Zhirmunskij V. M. 35 let nauchnoj dejatel'nosti professora A. A. Smirnova // Vestnik LGU. 1946. № 2. S. 123–125.]
- Жирмунский В. М. Памяти А.А. Смирнова // Известия Академии наук СССР. Отдел литературы и языка. 1963. Вып. 1. С. 78–81. [Zhirmunskij V. M. Pamjati A. A. Smirnova // Izvestija Akademii nauk SSSR. Otdel literatury i jazyka. 1963. Vyp. 1. S. 78–81]
- Ирландские саги / Пер., прим. и статья А.А. Смирнова. Л.: Academia, 1929. 375 с. [Irlandskie sagi / Per., prim. i stat'ja A. A. Smirnova. L.: Academia, 1929. 375 s.]
- Ирландские саги / Пер., прим. и статья А. А. Смирнова. М.: Academia, 1933. 369 с. [Irlandskie sagi / Per., prim. i stat'ja A. A. Smirnova. M.: Academia, 1933. 369 s.]
- История западноевропейской литературы. Раннее Средневековье и Возрождение / В.М. Жирмунский и др. М.: Госучпедгиз, 1947. 616 с. [Istorija zapadnoevropejskoj literatury. Rannee Srednevekov'e i Vozrozhdenie. M.: Gosuchpedgiz, 1947. 616 s.]
- Каганович Б.С. А.А. Смирнов – исследователь кельтской культуры // Санкт-Петербург – Ирландия: Люди и события. СПб.: Европейский Дом, 2011. С. 109–130. [Kaganovich B. S. A. A. Smirnov – issledovatel' kel'tskoj kul'tury // Sankt-Peterburg – Irlandija: Ljudi i sobytija. SPb.: Evropejskij Dom, 2011. S. 109–130].
- Каганович Б. С. Александр Александрович Смирнов. 1883–1962. СПб.: Европейский Дом, 2018. 240 с. [Kaganovich B. S. Aleksandr Aleksandrovich Smirnov. 1883–1962. SPb.: Evropejskij Dom, 2018. 240 s.]
- Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков / Ред., предисл. и примеч. проф. В.Н. Ярцевой, пер. А. А. Смирнова. М.: Изд-во иностр. лит., 1954. 534 с. [Lewis H., Pedersen H. Kratkaja sravnitel'naja grammatika kel'tskih jazykov. M.: Izd-vo inostr. lit., 1954. 534 s.]
- Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типография АО «Брокгауз-Ефрон», 1914–1916. 31 т. [Novyj jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. SPb.: Tipografija AO «Brokgauz-Efron», 1914–1916. 31 t.]
- Плавский З. И. А. А. Смирнов (К 75-летию со дня рождения) // Вестник ЛГУ. 1958. № 20. Вып. 4. С. 172–175. [Plavskij Z. I. A. A. Smirnov (K 75-letiju so dnja rozhdenija) // Vestnik LGU. 1958. № 20. Vyp. 4. S. 172–175.]
- Смирнов А. А. Myrtha Borodine. La femme dans l'oeuvre de Chrétien de Troyes, thèse pour le doctorat d'Université // ЖМНП. Новая серия. 1909. Т. 24. С. 437–464. [ZhMNP. Novaja serija. 1909. T. 24. S. 437–464.]
- Смирнов А. А. Ирландская сага о смерти короля Муйрхертаха, сына Эрк // Записки Неофилологического общества. 1915. Вып. 8. С. 142–162. [Smirnov A. A. Irlandskaja saga o smerti korolja Muirhertaha, syna Jerk // Zapiski Neofilologicheskogo obshhestva. 1915. Vyp. 8. S. 142–162.]
- Смирнов А. А. Письма к Соне Делонэ. М.: НЛО, 2011. 520 с. [Smirnov A. A. Pis'ma k Sone Delonje. M.: NLO, 2011. 520 s.]
- Смирнов А. А. Французская литература // Литературная учеба. 1931. № 7. С. 103–116. [Smirnov A. A. Francuzskaja literatura // Literaturnaja ucheba. 1931. № 7. S. 103–116.]
- Смирнов А. А., Плавский З. И. История зарубежных литератур. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. 44 с. [Smirnov A. A., Plavskij Z. I. Istorija zarubezhnyh literatur. L.: Izd-vo LGU, 1957. 44 s.]
- Смирнов Александр Александрович // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-371. Оп. 3-1. Д. 191. [Smirnov Aleksandr Aleksandrovich // CGALI SPb. F. R-371. Op. 3-1. D. 191.]
- Смирнов А. А. Новая теория происхождения старофранцузского эпоса // Записки Неофилологического общества. 1910. Вып. 4. С. 83–130. [Smirnov A. A. Novaja teorija proishozhdenija starofrancuzskogo jeposa // Zapiski Neofilologicheskogo obshhestva. 1910. Vyp. 4. S. 83–130.]
- Смирнов, Александр Александрович. Личный фонд // РО ИРЛИ РАН. Ф. 670. Оп. 1. Д. 1–205. [Smirnov, Aleksandr Aleksandrovich. Lichnyj fond // RO IRLI RAN. F. 670. Op. 1. D. 1–205.]
- Шишмарев В. Ф. О научных трудах А. А. Смирнова (1933) // Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева в Архиве АН СССР. М.-Л.: Наука, 1965. С. 205–207. [Shishmarev V. F. O

- nauchnyh trudah A. A. Smirnova (1933) // Rukopisnoe nasledie V. F. Shishmareva v Arhive AN USSR. M.-L.: Nauka, 1965. S. 205–207.]
- Best R. I. Bibliography of Irish philology and of printed Irish literature to 1912. Dublin: Stationery Office, 1913. 307 p.
- Bondarenko G. Alexander Smirnov and the beginnings of Celtic studies in Russia // *Studia Celto-Slavica*. 2010. Vol. 5. P. 139–148.
- Bondarenko G., Mikhailova T., Tsvetoukhina M. The Ulster Cycle in Russia // *Emania*. 2013. Vol. 21. P. 5–13.
- Boswell C. S. An Irish Precursor of Dante. London: David Nutt, 1908. 262 p.
- Dods M. Forerunners of Dante. Edinburgh: T. & T. Clark, 1903. 275 p.
- Jubainville H. d'A. de, Smirnof A. A. Táin Bó Cúalnge. Enlèvement du taureau divin et des vaches de Cooley. Paris: H. Champion, 1907–1912. 3 vols.
- Mac Mathúna S. The history of Celtic Scholarship in Russia and the Soviet Union // *Studia Celto-Slavica*. 2006. Vol. 1. P. 3–41.
- Smirnov A. A propos d'un prétendu témoignage sur des réunions de bardes en Bretagne au Xe siècle // *Revue Celtique*. 1913. T. 34. P. 287–289.
- Smirnov A. A. C. L. Brown, On the independent character of the Welsh Owain // *Revue Celtique*. 1913. T. 34. P. 337–342.
- Smirnov A. R. Edens Erec-Geraint, Der Chrétienische Versroman und das wälsche Mabinogi // *Revue Celtique*. 1912. T. 33. P. 130–137.

Богданова Анастасия Алексеевна, аспирант, ТюмГУ. *bognastia1996@gmail.com*

A.A. Smirnov as a Celtic Scholar in the light of his theoretical contribution

The article focuses on the celtological oeuvre of the famous philologist, translator and editor Alexander Alexandrovich Smirnov (1883–1962). Aside from the well-known prosopographical approach, the author concentrates on the analysis of Smirnov's theoretical basis in Celtic Studies: his views related to classification, definition, features of the Celtic Literatures and their connotations with the Old French tradition. The connections between A. Smirnov and international Celtic schools are also thoroughly examined.

The author gives special gratitude to the National Library of Russia, the Institute of Russian Literature in the Russian Academy of Sciences and the Literature and Arts Central State Archive of St. Petersburg for an opportunity to work and consult with their funds and record series. Some sources are kindly provided by G. Bondarenko, PhD, and T. Mikhailova, PhD, Dr.habil., Prof.

Keywords: *Smirnov Alexander, Celtic Studies, Early Ireland, Arthurian legend, Medieval Studies*

Bogdanova Anastasia Alekseevna, post-graduate student, Tyumen State University. *bognastia1996@gmail.com*

А.В. ХРЯКОВ

НЕМЕЦКИЕ ИСТОРИКИ НА СТРАЖЕ «ГРАНИЦ ИСТОРИИ» несостоявшийся диалог с исторической беллетристикой

Статья посвящена рассмотрению противостояния профессионального сообщества немецких историков и одного из наиболее популярных исторических беллетристов первой половины XX века – Эмиля Людвига. Демонстрируется как устоявшиеся нормы профессионального сообщества в новых исторических условиях «кризиса историзма» предопределили поведение ученых-историков. Анализируется специальный номер «Исторического журнала» целиком посвященный диффамации популярной исторической биографии и писателей-беллетристов. Автор считает, что профессиональные историки в конкурентной борьбе за монополию на интерпретацию немецкой истории упустили прекрасный шанс вернуть к себе внимание массового читателя и начать разговор о назревших теоретико-методологических переменах.

Ключевые слова: Эмиль Людвиг, «Исторический журнал», историческая беллетристика, Веймарская республика, историческое сообщество, кризис историзма

Развитие в последние годы книгопечатного рынка, появление новых средств массовой информации, а также стремительный рост сетевых платформ обострили традиционную для науки в целом и историков в частности проблему взаимоотношения профессиональных ученых и читающей публики. В борьбе за читателя академическая наука оказалась в невиданной прежде конкурентной ситуации. Буквально на наших глазах происходит плюрализация памяти – все большее количество групп общества претендуют на собственную историю. Это привело к самому значительному за последние годы расширению того что можно считать «историей». Открыты не только новые темы, но также новые формы исследования, обработки материала и способы репрезентации. Возросшая потребность в историческом понимании настоящего, очевидно, находит широкий отклик в популярных исторических форматах, и современные авторы исторического нон-фикшн лучше всех использовали возможности цифровизации и глобализации знаний, участвуя в удовлетворении интенсивного интереса к прошлому и претендуя на формирование новой культурной памяти¹.

Глобальные политические, социально-экономические и культурные процессы сыграли значительную роль в этом расширении и привели к медленному, но верному вытеснению традиционной национально-государственнической парадигмы, в рамках которой с начала XIX века развивались профессиональные исторические исследования. Запросы на формирование новых идентичностей сегодня поставили под сомнение исключительное право академического сообщества на работу с прошлым. Хотя необходимо признать, что, несмотря, на рост в послед-

¹ Буллер, Линченко 2021.

нее время напряженности в отношениях между профессионалами и дилетантами сама проблема не является новой и существует с того самого момента как занятие историей стало считаться наукой. Это напряжение сформировало и продолжает формировать нормы поведения историков, регламентирующих их взаимоотношения внутри собственного сообщества, а также определяющих их позицию по отношению ко всем не включенным в него². Сегодня в условиях вызова со стороны непрофессиональных авторов будет любопытно взглянуть на первые примеры подобного противостояния. Это позволит нам понять, каким образом внутренние принципы организации научного сообщества определяют не только форму взаимоотношения (границы истории), но и содержание производимого знания. Представляется, что лучше всего это сделать, обратившись к немецким историкам, которые согласно общепризнанному мнению являлись в прошлом лидерами в формировании академического профессионального сообщества.

Действительно, борьба и противостояние составляли неотъемлемую часть существования немецкой историографии. В первой половине XIX в., борясь за свои права в качестве самостоятельной университетской дисциплины, история провозгласила свою автономию по отношению к филологии и теологии, а чуть позже – философии истории³. Но даже с осуществлением формальной институализации этот процесс размежевания не прекратился. Уже в первом выпуске «Исторического журнала» – центрального печатного органа историков Германии, вышедшего в 1859 г., – выдающийся медиевист Георг Вайц (1813–1886) заявил, что «история, как ни одна другая наука, страдает от дилетантизма»⁴. Собственно понятие «дилетант», восходит к XVIII в. и является отражением просветительского мировоззрения, с его преклонением перед фигурой «гения»⁵. Представления о дилетантизме и необходимости противостояния ему довольно рано стали неотъемлемой частью профессионального исторического дискурса. Среди «ложных направлений» исторической науки знаменитый ученик Ранке на первое место поставил дилетантов от истории, объединившихся вокруг «провинциальных исторических объединений» (Vereine). По его мнению, они, несмотря на свою полезную источниковедческую деятельность, были неспособны подняться на уровень тех научных проблем, что решает академическая университетская наука⁶. Признавая возможность сосуществования разнообразных научных направлений, Вайц, тем не менее, решительно выступил «против того чтобы оправдать все возможные пути... Не все что носит наименование науки и имеет внешний облик науки может быть дей-

² Тоштендаль 2014: 3–27.

³ О литературном измерении немецкой историографии в XIX веке, см: Fulda 1996; Süßmann 2000.

⁴ Waitz 1859: 18.

⁵ Lütteken, Brakensiek 2005: 1021.

⁶ Waitz 1859: 18.

ствительно к ней причислено». Поэтому, одной из важнейших задач журнала, должна быть открытая, решительная и беспощадная борьба с разнообразными «болезненными и пагубными» направлениями. При этом Вайц, не ограничивает себя в допустимых средствах борьбы с теми, кого он назвал «дилетантами», предлагая новому журналу «ударить мечом», «выполоть сорняки», использовать «огонь»⁷. Бросается в глаза, что текст немецкого историка, выполненный в форме обращения к главному редактору, был опубликован в первом номере только что основанного журнала, вслед за статьей В. Гизебрехта о современном состоянии немецкой исторической науки⁸. С первых дней существования редакция нового печатного органа очертила поле своих интересов, пытаясь установить осязаемые границы допустимого в историографии, которыми не могли пренебрегать ни профессионалы, ни дилетанты.

В действительности, граница между специалистами и «полуобразованными» (*Halbkundigen*)⁹, о которых говорил Вайц, была довольно размытой, и определялась в первую очередь формальными требованиями – наличие или отсутствие профессионального университетского образования. С этого момента учителей школ и гимназий, архивариусов, библиотекарей, музейщиков, а также писателей – всех тех, кто взял на себя, в момент становления современной исторической науки, миссию формирования положительного отношения общества к новой дисциплине – стали рассматривать как «полузнатоков», «дилетантов» и врагов истории. А вместе с ними из исторической теории фактически были вытеснены эвристика и топка, невзирая на то, что в основополагающем для эпохи профессионализации труде Дройзена «Историка» им отведено существенное место¹⁰.

Уже в XIX в. возникло своеобразное разделение труда, при котором дилетантам позволялось рассматривать такие области прошлого, которыми пренебрегали академические исследователи, например повседневная жизнь «маленьких людей» и личная жизнь «больших», т.е. все то, что не подтверждено источниками. Субъективный исторический опыт, сфера повседневности, эмоциональная сторона человеческого поведения воспринимались историками как второстепенные, ведь все это не влияло на суть глобальных исторических процессов. Основой такой «дилетантской» формы познания прошлого являлась интуиция – совершенно особый акт индивидуального видения, своеобразное искусство целостного восприятия, которому невозможно научить в университетских аудиториях. Наука же рассматривалась как рациональное занятие, основанное на общенаучных методах и предполагающее все более усиливающуюся специализацию. Было выработано общее мнение – занятие исторической наукой состоит в том, чтобы реконструировать историю

⁷ Ibid: 19.

⁸ Giesebrecht 1859.

⁹ Waitz 1859: 21.

¹⁰ Дройзен 2004.

как на индивидуальный процесс, выходящий за рамки чисто «личного». При этом, данная позиция характеризовала как представителей немецкого идеалистического историзма XIX века, так и его критиков из числа сторонников «исторической социальной науки» конца XX в. Вне зависимости от теоретико-методологических пристрастий, профессиональные историки признавали необходимость высоких барьеров доступа к занятиям историей, оберегая свое монопольное право в этом вопросе.

Аналогичная ситуация сложилась и на уровне репрезентации. По тем же причинам, что и в случае с методологией, академическая историография стремилась отличить себя демонстративной респектабельностью от конкурентов, пишущих на темы прошлого. И если в домодерную эпоху не существовало четкого разделения между историей и литературой, то вместе с приобретением статуса науки, историкам пришлось пожертвовать многим из того, что составляло суть *Ars Historica*. Сознательно сухое, подчас «скучное» повествование стало синонимом академичности и профессионализма. Несмотря на отдельные исключения, историки не признавали за художественным стилем изложения самостоятельного значения, пренебрежительно воспринимая процесс письма лишь как поверхностную «шлифовку», не имеющую отношения к сути научного творчества – занятия в чьи задачи входит не излагать, а объяснять в соответствии с правилами формальной логики¹¹.

Со временем, данное разделение усиливалось, и историки все дальше отходили от литературы, забывая обстоятельства своего происхождения. Сделав очень много для попадания в число университетских, признанных государством, дисциплин, историкам пришлось очень многим пожертвовать, и прежде всего интересами массового читателя. Полученный статус приходилось оберегать, чутко реагируя на любые попытки подорвать монопольное положение на рынке прошлого и нервничать каждый раз когда кто-то пытался усомниться в нем.

В начале XX в. появились новые угрозы и как следствие новые пространства размежевания, на этот раз вместе с нарождающимися социальными науками, с одной стороны, и популярной историографией, с другой. По всей видимости, обострение традиционного противостояния профессионалов и непрофессионалов является характерным признаком наличия кризисных явлений в самой исторической науке. Стремление профессионального сообщества как можно точнее установить «границы истории» говорит об усиливающемся среди историков чувстве неуверенности и тревоги, прежде всего, за собственный статус «учителей нации». Университетские профессора неустанно заботились о своем академическом габитусе, позволявшем им выступать в роли единственных экспертов в событиях прошлого, знание которых востребовано государством. Отвечая на вызовы конкурентов, академическая историческая наука реагировала, используя хорошо описанную стратегию внеш-

¹¹ Подробнее см.: Мегилл 2007: 199–254.

него и внутреннего «замыкания», аналогичную той, что придерживались ремесленные цеха в позднесредневековой Европе. Данная стратегия касалась не только процедуры пополнения и функционирования профессионального сообщества историков, но и требовала от профессионалов противодействия массовой исторической культуре, формируемой популярной историографией. Постоянная апелляция к истине и собственной «аполитичности» возвышала их над мирскими проблемами и давала эксклюзивное право наделять актуальные политические события смыслом, формируя с помощью исторических аргументов желаемый облик нации. По их мнению, подобное право мог получить только тот, кто с честью прошел все необходимые этапы профессиональной социализации и, выдержав испытания, доказал приверженность духовным идеалам «мирской аскезы». Только тот, кто возвысился над частными материальными интересами, может говорить от имени немецкой нации.

Немецкие историки видели залог успеха в борьбе за высокий статус и ресурсы в демонстрации единства, что обеспечивалось беспрекословным соблюдением корпоративных норм каждым членом профессионального сообщества – цеха историков. Это проявилось в повсеместной практике «выдавливания» из профессии политических оппонентов и представителей религиозных меньшинств, в первую очередь католиков, евреев и социал-демократов¹². Сознательная ориентация на внутрицеховое единство, проявлялась в постоянной демонстрации собственной сплоченности, в т.ч. идейно-теоретической, и маргинализации тех, кто угрожал внутренней идиллии и спокойствию. Такие разные историки первой трети XX в. как Г. фон Белов, Д. Шефер, Г. Онкен, Ф. Мейнеке, Г. Дельбрюк, невзирая на принципиальные политические разногласия, сообща трудились над формированием имиджа «сплоченного» сообщества профессионалов, противостоящего массовой исторической культуре. По словам Мейнеке, существование «корпоративного единства» профессиональных историков стало возможным благодаря «идентичному научному воспитанию и общим великим традициям»¹³.

Но становление общества Модерна, стремительно ускорившееся после 1871 г., изменило восприятие публичной политики, а вместе с ним и положение университетского сословия в обществе. Распространение средств массовой информации, формирование литературного рынка, распространение грамотности – все это уничтожило те преимущества академической известности и репутации, которыми обладали люди науки в традиционном мире. На публичную арену вышли новые действующие лица – партийные лидеры, журналисты, публичные интеллектуалы, писатели – все те, для кого чуткая ориентация на запросы масс и их удовлетворение превратились в профессиональную деятельность. В период с 1882 по 1892 г. число профессиональных писателей и журнали-

¹² Raphael 1990: 359.

¹³ Meinecke 1908: 3.

стов в Германской империи выросло более чем на 50% и составило около 5000 чел.¹⁴ Благодаря динамичному развитию издательского рынка, беллетристы, пишущие на исторические темы, значительно увеличили свое влияние и серьезно потеснили академических историков в конкуренции за внимание читающей аудитории.

По мнению Вольфганга Хардтвига, беллетристике лучше, чем профессиональной историографии, удастся затронуть уровни личной памяти и, таким образом, реализовать претензию на более аутентичное, гуманное и критическое по отношению к власти повествование¹⁵. Беллетрист подкупает читателя возможностью сопричастности. Описывая мелкие детали повседневности: погода, местность, эмоции – он создает иллюзию реального присутствия, вызывая тем самым эффект узнавания. Принципиального для историзма «остранения» прошлого не происходит. Оно больше не является чужим и далеким, напротив, в сочинениях беллетристов утверждается его значимость для настоящего, для каждого читателя. Прошлое больше не пугает – вместе с современностью оно образует неразрывный тандем, участвуя в наделении настоящего смыслом. Однолинейная повествовательная конструкция беллетристов, предложенные ими образцы интерпретации исторических связей были весьма доступны и не требовали особых интеллектуальных усилий. Любой читатель с легкостью поймет мотивы действий Цезаря, Наполеона или Бисмарка, ведь он поступил бы так же!

При этом популярные писатели с особой виртуозностью используют приемы репрезентаций, прежде присущие научной историографии. В погоне за «точностью» – неотъемлемым атрибутом науки – историки, по словам Э. Трельча, исследовали «все более мелкие и безразличные предметы, чтобы с помощью верного, равного естественным наукам метода получить строгое знание, собственно науку»¹⁶. Это привело к невиданной прежде специализации, как следствие, к потере целостного видения истории. Все тот же Трельч в своей великой книге писал: «Специальная историческая наука в Германии отвернулась начиная с 50-х годов от великой, всеохватывающей исторической картины мира, которая еще стояла перед духовным взором Ранке, и отчасти разделила историю на специальные науки, изучающие различные регионы и периоды»¹⁷. В результате синтеза становятся все реже и реже в руках историков и попадают в руки дилетантов. На рубеже веков немецкие историки не замечали всей грандиозности проблемы и не реагировали на вызовы таких одиночек как Х.С. Чемберлен и Ю. Лангбен, даже несмотря на их презрительное отношение к профессиональной науке и декларируемый отказ от исторической правды. События Ноябрьской революции 1918 года и установление нового демократического Веймарского государства за-

¹⁴ Hübinger 2000: 30–44.

¹⁵ Hardtwig 2002: 99–123.

¹⁶ Troeltsch 1922: 578.

¹⁷ Трельч 1994: 12.

ставили их осознать масштаб опасности и обратиться против угрозы в лице авторов популярных исторических сочинений и прежде всего исторических биографий.

Одним из самых востребованных немецких писателей Веймарской республики был Эмиль Людвиг (1881–1948), сыгравший важную роль в формировании исторических представлений немецкого общества первой трети XX в. Даже непримиримые критики из лагеря националистов признавали Людвигу, наряду с Т. Манном, К. Майем, Р. Герцогом и Э. Уоллесом, самым популярным писателем Германии своего времени¹⁸. К 1931 г. общий тираж книг Людвигу, в т.ч. переведенных на иностранные языки, составлял 1 млн. 809 тыс. экз. И если за границей самой популярной была биография Наполеона, переводы которой более чем втрое превосходили немецкое издание: 636 000 к 189 000 соответственно; то немецкие читатели предпочитали сюжеты, посвященные событиям национальной истории: книги «Вильгельм II» и «Июль 14» проданы количеством в 200 тыс. и 140 тыс. экземпляров, соответственно¹⁹. Именно вокруг фигуры немецкого писателя развернулся спор, участием в котором отметились не только многие выдающиеся немецкие историки, но и признанные веймарские интеллектуалы: Курт Тухольский, Зигфрид Кракауэр, Карл фон Осецкий и др.

Эмиль Людвиг родился во Вроцлаве в семье еврейского врача-офтальмолога Германа Кона²⁰. Будучи сторонником идей научного прогресса, отец будущего писателя, стремился к практическому улучшению мира с помощью медицины. Благодаря контактам отца ребенок познакомился со многими представителями науки Германии конца XIX в., в т.ч. Р. Вирховым и Р. Кохом. Пытаясь защитить своих детей от антисемитских нападок, Герман Кон добился высочайшего императорского позволения сменить фамилию своих детей на Людвиг. Это, впрочем, помогло не сильно – в антисемитских кругах постоянно подчеркивали еврейское происхождение писателя, называя его Эмиль Кон (Людвиг). Мать будущего писателя была сестрой крупного еврейского угольного магната, в фирме которого Людвиг работал недолгое время после получения юридического образования. В августе 1914 года вместе с другими представителями немецкого бюргерства Э. Людвиг приветствует начавшуюся войну. Но из-за своей крайней близорукости он не был призван в армию, а работал корреспондентом сначала в Вене, а затем в Афинах и Константинополе. Однако уже в ходе войны будущий писатель изменил свое отношение к мировому конфликту, превратившись в пацифиста и резкого критика политической системы империи.

После революции, Людвиг, несмотря на республиканские взгляды, знакомство со многими немецкими политиками-демократами, активное

¹⁸ Hansen 1930: 9.

¹⁹ Waas 1931: 177.

²⁰ Ludwig 1931.

участие в продвижении нового образа миролюбивой Германии, покинул родину и проживал в Швейцарии на озере Лаго-Маджоре. Слава писателя вышла далеко за пределы Центральной Европы, а небывалый успех и популярность среди читателей обеспечили Людвигу внимание политических лидеров многих стран мира. В декабре 1931 года он взял интервью у Сталина, а уже в марте-апреле 1932 года – у писателя состоялось 18 бесед с Муссолини.

Нападки на писателя со стороны националистических и антисемитских кругов Германии начались еще до прихода Гитлера к власти. Его имя обсуждалось не только в газетных и журнальных публикациях, но и в кабинетах немецких посольств, а также на заседаниях немецкого Рейхстага. В декабре 1928 года немецкий посол в Копенгагене Ульрих фон Хассель демонстративно отказался присутствовать на лекции Людвига. На следующий год посол в Риме, будущий министр иностранных дел в кабинете Гитлера барон фон Нейрат проигнорировал приезд Людвига, получившего аудиенцию у итальянского короля, Папы Римского и Муссолини²¹. Недостойное поведение германского посла стало поводом для разбирательств в Рейхстаге. Учитывая, что Людвиг являлся одним из самых популярных немецких авторов в мире, министр иностранных дел Густав Штресеман назвал его «представителем немецкого духа», осудив при этом поступок фон Нейрата как недопустимый. Это заявление министра вызвало недовольство национал-социалистов, которые на заседании Рейхстага 24 июня 1929 года выступили с откровенными антисемитскими выпадами в адрес министра и поддерживаемого им писателя. Стенограмма парламентских слушаний сообщает, что депутат от НСДАП граф фон Ревентлов назвал Э. Людвига «литературным массовым фабрикантом», который «сбывает по дешевке немецких деятелей больших, средних и малых и делает на этом огромный денежный гешефт для себя – тем лучше для еврея! Мы же напротив, хотели бы назвать господина министра иностранных дел доктора Штресемана представителем еврейского духа, [возбуждение] хотя только усыновленным, но тем лучше. [Очень хорошо! У национал-социалистов]». В завершении, нацистский депутат и вовсе обвинил министра в бесплатной рекламе сочинений Людвига, заявив, что Штресеман танцует перед писателем «как Давид перед ковчегом Завета. [Большое веселье]»²².

Практически сразу же после установления в Германии власти Гитлера, Э. Людвиг был объявлен антинемецким писателем и врагом режима. Его книги были запрещены к продаже и изъяты из библиотек, а 10 мая 1933 года его имя вместе с именами Фрейда, Маркса, Манна, звучало на печально известной акции по сожжению книг²³. К счастью Людвиг избежал трагической участи – еще в 1932 г. он принял гражданство Швейцарии. Через восемь лет, по просьбе швейцарского пра-

²¹ Schieder 2013: 71–85.

²² 94. Sitzung, 24. Juni 1929: 2859.

²³ Die Bücherverbrennung 1983.

вительства, опасавшегося политических последствий из-за слишком резкой антигерманской риторики писателя, Людвиг был вынужден переехать в США. После окончания Второй мировой войны, писатель-эмигрант занял одну из самых радикальных позиций в отношении своей поверженной родины. Его заявления о необходимости сурового обращения с немцами и требования коренного перевоспитания бывших соотечественников вызвали недовольство не только новых властей страны, но и многих известных эмигрантов. В Германию он так и не вернулся, закончив жизнь в доме на озере Лаго-Маджоре.

Литературную деятельность Э. Людвиг начал довольно рано, еще до мировой войны опубликовав небольшие стихи, фельетоны, пьесы, а также исторические драмы. Но первый настоящий успех и мировое признание пришли вместе с биографией Гете, вышедшей в 1920 г. Уже здесь Людвиг представил собственный историко-биографический «метод», которому был верен всю жизнь. Его суть состояла в развенчании «мифов», сформировавшихся вокруг реальных исторических персонажей, и «нормализации» их биографий. Сосредотачиваясь прежде всего на описании психологии своих героев, характеризуя не только светлые, но и темные стороны личности, Людвиг старался придать им более «человечный» облик. Уже название книги о Гете – культурном герое немецкой нации – должно было предопределить дальнейшее восприятие жизни великого классика: «Гете. История человека»²⁴. А вот как Людвиг объясняет замысел книги о Наполеоне: «Постоянно вглядываться во внутренний мир этого человека, объяснять его поступки и страдания, его фантазии и расчеты, следить за чередой его чувств – было моей целью»²⁵. Схожими мотивами он руководствовался, обращаясь к «психологии» Бисмарка: «создать портрет побеждающего и заблуждающегося борца. Бисмарк дан здесь как характер, исполненный гордости, мужества и ненависти, – ими продиктованы все его поступки»²⁶.

Этот «психологический метод» был не только удобным способом организации и репрезентации биографического материала. Внутрличностное напряжение, заставлявшее людей манихейским образом выбирать между добром и злом в своей душе, являлось для Людвига главной движущей силой в истории. Как подавляющее большинство современных ему историков, он совершенно пренебрегал социально-экономическими условиями исторического процесса, но в отличие от них, полностью игнорировал идейную сторону жизни, сводя политическую борьбу к психологии отдельных личностей. За таким довольно наивным теоретико-методологическим подходом скрывалась ясная просветительская цель. В работе «Гений и характер» Людвиг так формулирует общую

²⁴ Ludwig 1920. К сожалению, в русском издании этот подзаголовок отсутствует, что затрудняет понимание общего замысла автора, см.: Людвиг 1965.

²⁵ Людвиг 1998: 575–576.

²⁶ Людвиг 1999: 7. Русский перевод названия книги, также упускает весьма симптоматичный подзаголовок, присутствующий в немецком издании, см.: Ludwig 1926.

направленность своих сочинений: «Наша образовательная цель состоит в том, чтобы показать всем читателям, и особенно молодежи, что великие люди – не боги, что они подвержены тем же человеческим страстям, испытывали угнетение и на их пути встречались препятствия, как и у всех других смертных, и что они боролись за свои идеалы. Таким образом, человека необходимо побудить свести к минимуму все недостатки и потребовать от себя максимально полного применения своих сил»²⁷.

Немецкий писатель создал биографии самых разных персонажей: исторических деятелей прошлого (Христос, Бисмарк, Линкольн); современных политиков (Вильгельм II, король Эдуард VIII, Сталин, Муссолини); ученых и художников (Рембрандт, Микеланджело, Эдисон, Шлиман). Но несмотря на данное разнообразие героев, во всех его произведениях присутствует один и тот же неизменный биографический канон, от которого он практически не отступал. Во многом, благодаря именно этому канону немецкий писатель нашел дорогу к читателям послевоенной Европы, прежде всего, выходцам из буржуазной среды и в гораздо меньшей степени рабочей. По данным библиотечной статистики в Германии в 1931 г. среди читателей Людвиг бесспорно лидировали представители буржуазии, на долю которых приходилось около 76%, количество читателей-рабочих оценивалась в 20 %. Но что самое примечательное – доля молодых читателей, родившихся после 1914 г., составляла всего 7%²⁸. Таким образом, предпочтение его книгам отдавали представители довоенного поколения, более других пострадавшие в результате кризиса общества Модерна и краха гуманистической идеи единства и автономии уникальной личности. Обращение к биографиям выдающихся деятелей прошлого стало своего рода терапией для тех, кто пережил крах «золотого века надежности» (С. Цвейг), а произведения Людвиг выступали в качестве исцеляющего средства.

Вне всякого сомнения, именно война и ее катастрофические последствия способствовали колоссальному росту популярности биографического жанра во всем мире. Мода на биографии захватила в свой водоворот множество авторов, писавших практически на всех европейских языках: англичанин Литтон Стрейчи, австриец Стефан Цвейг, француз Андре Моруа. В Германии ситуация усугублялась крахом имперского государства и установлением новой республики. Иронизируя над биографическим безумием, охватившим литературный мир, известный немецкий социолог Зигфрид Кракауэр утверждал, что для объяснения этого явления необходимо искать «немодные причины в событиях мировой истории за последние полтора десятилетия»²⁹. Историческая биография попала в поле зрения Кракауэра наряду с кино и детективной литературой в качестве наиболее востребованного жанра массовой культуры послевоенных лет. По его словам, «нельзя не признать,

²⁷ Ludwig 1927: 8–9.

²⁸ Waas 1931: 183.

²⁹ Кракауэр 2019: 59.

что мировая война с ее последствиями, политическими и общественными изменениями, а также не в последнюю очередь новые технические открытия всколыхнули и сломали будничную жизнь так называемых культурных народов». Но нужно учитывать, что все признаки грядущей катастрофы были налицо еще на рубеже веков, а сама война являлась не столько триггером кризиса, сколько ее самым масштабным проявлением. Поэтому причины популярности исторической биографии не в войне – они лежат несколько глубже. По мнению немецкого социолога, биография в качестве формы новобуржуазной литературы является свидетельством «бегства» или «уклонения» современной буржуазии от проблем современности, ее нежелания признавать новую онтологическую реальность. Это форма инвентаризации всего, что осталось от ее былого величия. Подобно эмигранту, который «собирает свои пожитки, буржуазная литература собирает предметы домашнего обихода, которые скоро лишатся старого жилища»³⁰. В условиях усиливающейся непрозрачности мира, где доминируют коллективные и анонимные социально-экономические силы, традиционные представления об исторически могущественном индивиде и рационально управляемом ходе истории все больше и больше утрачивали доверие. В таком случае, популярность жанра исторической биографии среди представителей буржуазной среды стала ответной реакцией на формирование современного массового общества.

Но Кракауэр отметил еще один момент, способствовавший росту популярности биографии в новых условиях – кризис классической формы романа. Вне всякого сомнения, роман переживал кризис вместе со своим главным потребителем – буржуа, утратив традиционные для него стабилизирующие и компенсаторные функции. В новых условиях, историческая биография превратилась в главного конкурента традиционного романа. Даже если не в социальной реальности, а только на страницах биографических произведений, ход истории снова стал предсказуемым, а потерянные обществом системы координат – восстановлены. Перефразируя название нашумевшей работы Теодора Лессинга, можно констатировать, что историческая биография после мировой войны стала способом придания смысла бессмысленному³¹. С помощью присущих исторической биографии нарративных стратегий репрезентации, в новый обезличенный мир массового общества возвращалась осмысленность, а вместе с ней и бывшая власть человека над ним. По всей видимости, Кракауэр еще в 1920-е гг. обратил внимание на те особенности биографического жанра, которые Пьер Бурдьё через несколько десятилетий назовет «биографической иллюзией», поставив под сомнение саму возможность биографии в качестве историографической формы³².

³⁰ Там же: 62.

³¹ Lessing 1919.

³² Бурдьё 2002: 75–84.

Таким образом, для опустошенного войной и революцией мира форма исторической биографии явилась возвращением и кристаллизацией былого господства над временем. Это сделало принципы биографического повествования универсальными, а биологические процессы – рождение, старение, смерть – адекватными понятиями, в т.ч. для описания социального организма. С этой позиции О. Шпенглер осмыслил характер минувшей войны, которая, по его словам, не была набором случайных фактов, а представляла собой *«тип исторического стыка времен, занимавшего биографически предопределенное в ходе столетий место в точно установленных границах большого исторического организма»*³³. При этом, как ни странно, принципы биографического повествования ставили под сомнение основные принципы историзма: индивидуализм и развитие. Личные судьбы людей, в т.ч. столь любимых Людвигом гениев определялись их психологическими чертами, заложенными от рождения и потому неизменными. Траекторию их жизни задавали не внешние изменяемые обстоятельства и социальное окружение, а константный набор личностных качеств. В гениях его интересовали не индивидуальные особенности, а типические черты их характеров. Ориентация беллетристов на вечные, природные и потому понятные большинству принципы бытия, несомненно, была проявлением антиисторической революции и связанным с ней кризисом исторического сознания³⁴.

Но далеко не у всех данная антиисторическая оптика встретила понимание и одобрение. В то время как массовый читатель был готов следовать нарративной логике авторов историко-биографических произведений, профессиональные историки выступили категорически против распространения биологических аналогий на мир человеческой истории. И если раньше университетские профессора-историки пренебрежительно смотрели на увлечение биографическим жанром, не принимая всерьез творчество популярных дилетантов, то в новых социально-политических условиях претензии любительской историографии на особую миссию и стремительный рост популярности их произведений стали ощущаться как угроза. Произведения Людвига и других популярных авторов практически сразу же становились объектами рецензий ведущих немецких и мировых изданий. Первые отклики профессиональных историков были довольно благожелательными, отмечали наглядный и живой характер произведений Людвига, его несомненное знакомство с источниками и умение вплести их содержание в блистательно выстроенное повествование³⁵. Молодому историку Вайту Валентину даже пришлось оправдываться перед коллегами за то, что он внес одну из книг Людвига в список литературы своей биографии Бисмарка³⁶. Кроме того,

³³ Шпенглер 1998: 184–185.

³⁴ Об антиисторической революции, прежде всего в немецкой теологии подробнее см.: Nowak 1987: 133–171; Graf F.W. 1997: 217–244.

³⁵ Emil Ludwig im Urteil 1928: 15.

³⁶ Valentin V. 1925: 947–948.

«Исторический журнал» – центральный орган немецких историков, – оперативно реагировал на публикацию сочинений Людвиг. В 1926 г. один из самых уважаемых немецких историков Ганс Дельбрюк посвятил свою рецензию биографии Вильгельма II, изданной в том же году.

Но в 1928 г. редакция «Исторического журнала» пошла на беспрецедентный шаг – отдельным изданием были выпущены ранее опубликованные рецензии на исторические сочинения Людвиг и других популярных беллетристов Германии. В дальнейшем этот сборник рецензий под общим названием «Историческая беллетристика» неоднократно переиздавался³⁷. Общая критическая направленность и уничижительный тон рецензий были настолько очевидны, что известный публицист, будущий лауреат Нобелевской премии К. фон Осецкий констатировал: «Историки серьезно разошлись»³⁸. Примечательно, что автором вводной статьи и редактором сборника выступил известный своими консервативными взглядами историк Вильгельм Шюсслер, а не главный редактор журнала республиканец Ф. Мейнеке. Именно редактор придал изданию общую консервативно-оборонительную направленность.

Нужно признать, что сами авторы популярных сочинений дали много поводов для обвинений. Найти фактические ошибки в их сочинениях не составляло труда. Пожалуй, наибольшее рвение в этом вопросе проявил Г. Дельбрюк, посвятив ему значительную часть своей рецензии. «Я не хочу дальше продолжать список этих случайно попавшихся свидетелей невежества автора. Приведенного уже достаточно. После этого нет необходимости спорить с суждениями писателя, который даже не знает фактов, о которых он пишет»³⁹. Критика затрагивала и методологические недочеты беллетристов. Вне зависимости от своих политических пристрастий, критики сходились во мнении, что данные произведения не соответствуют традиционному для историографии жанру исторической биографии. Профессиональные историки ни в коем случае не ставили под сомнение биографию как форму историографической репрезентации. Они только считали недопустимым превращение биографии в апофеоз великих личностей, увлечение их психологией и игнорирование историко-политического контекста, обязательного для понимания поступков данных исторических деятелей. Так, например, В. Моммсен в своей рецензии на книгу Людвиг о Бисмарке замечает, что, несмотря на хорошее знакомство автора с высказываниями немецкого канцлера и его современников, он совершенно лишен представлений об общем политическом контексте, в котором Бисмарк рос и действовал⁴⁰. Аналогичным образом высказывался и Генрих фон Србик применительно к пониманию Наполеона. По его словам, такой «человек действия» (Tatenmensch), не может быть адекватно понят без учета его «постоян-

³⁷ Historische Belletristik 1929.

³⁸ Ossietzky 1928: 877–879.

³⁹ Delbrück 1929: 43.

⁴⁰ Mommsen 1929: 35.

ного живого переплетения со своей эпохой, с ее отдельными событиями, которые он создает и которые в свою очередь воздействуют на его мышление, чувства и волю в каждый меняющийся момент»⁴¹.

В то же время историки признавали, что несмотря на явные недостатки, позволяющие аттестовать рецензированные работы не иначе как «халтура» (Machwerk), они пользовались колоссальной популярностью. Особенно эмоционально об этом высказался Шюслер: «Старые генералы за столами завсегдаев (Stammtisch), литераторы в кафе, объединения подружек всех возрастов, бизнесмены и академики – в восторге. Наконец-то появилось то, что давно искали: читабельные (lesbare) исторические произведения. Утомительно? Да нет же! И это главное! У кого сегодня есть время и силы на серьезное чтение? Как скорость машин, так и скорость духовного восприятия растет. Люди избалованы кино. Думать обременительно, рефлексировать – это отнимает время»⁴². Но, как заметили наиболее проницательные современники, менее всего историки готовы были винить себя в таком положении. К. фон Осецкий отметил: историки «сами виноваты» в том, что «дилетанты проникли в священные сферы». Рассмотрев список последних публикаций «Исторического журнала», он к своему удивлению не обнаружил в нем статей хоть как-то связанных с современной историей Германии, и это позволило ему саркастически заметить: «ученые господа еще не достигли настоящего. Когда они наконец коснутся Германской республики, легкомысленные беллетристы наверняка обратят внимание на Вильгельма Одиннадцатого»⁴³. Пожалуй, только В. Моммзен нашел мужество высказаться о проблемах профессиональной историографии. В отличие от коллег, он не стал сваливать вину на «всеядного читателя» и эффективную писательскую технику беллетристов, заимствованную из кинематографа. Заявив, что «внешний успех еще не является масштабом внутренней ценности»⁴⁴, он тем не менее признал, что успех «литературы а ля Людвиг» связан с ее проникновением в «существующую брешь»⁴⁵. Он во многом солидаризируется с фон Осецки: «широкие круги нашего народа ожидают от историографии того, чего не находят у нее, и поэтому ищут замену в суррогатах (Surrogaten)...»⁴⁶. По его мнению, современные историки в отличие от своих предшественников утратили «тесную связь между исторической наукой и современной политической жизнью». Как и в XIX в. историография «должна быть больше, чем специализированная наука, она должна выполнять национальную функцию».

Необходимо признать, что если после 1918 г. среди немецких историков призывы к пересмотру основ исторического ремесла встреча-

⁴¹ Srbik 1929: 11.

⁴² Schüßler 1929: 6.

⁴³ Ossietzky 1928: 878.

⁴⁴ Mommsen 1930: 7.

⁴⁵ Ibid: 17.

⁴⁶ Ibid: 18.

лись довольно часто, то к началу 1930-х стали не просто редкими, а воспринимались как посягательство на нормы профессии. Залогом своего успешного существования в новых демократических условиях немецкие историки считали сохранение верности старым профессиональным нормам и ценностям. Прежний статус «воспитателей нации» можно было сохранить, лишь демонстрируя свое неприятие всего нового – как в сфере политики, так и науки. При этом новые власти не стали ниспровергать традиции замкнутого профессионального сообщества историков, фактически сохранив за ординарной профессурой монопольное положение в университетах.

Очередное противостояние с дилетантами закончилось победой профессиональной исторической корпорации. Термин «историческая беллетристика» вошел в словари с исключительно негативными коннотациями, приобретенными в данном споре⁴⁷. В дальнейшем никто из историков не осмеливался высказываться об уместности популярной исторической литературы. Возобладал заданный «Историческим журналом» критический тон. Особенно усердствовали в этом националисты всех мастей, совершенно не скрывая своих антисемитских мотивов⁴⁸. Но даже такой демократический автор как Э. Кер в статье «Новый Плутарх» был вынужден признать, что «история не есть *vita intima* действующих лиц, она есть коллективное событие»⁴⁹.

Сегодня представляется, что данная победа профессионального сообщества историков являлась пирровой. Показательная демонстрация единства лишь способствовала исчезновению пространства для дискуссий – неотъемлемой части историографии. Маргинализация всех несогласных, как внутри, так и вне исторического цеха, в конечном итоге обрекла немецкую науку на провинциализацию. Ориентированная на единство стратегия привела к теоретико-методологическому упрощению и выдавливанию всех тех вариантов историографии, что угрожали традиционному и понятному профилю науки, делая немецкую историческую науку пленницей устаревших подходов. При всех недостатках исторической беллетристики диалог с ней вполне мог напомнить историкам об их прежнем статусе *Ars Historica* и вернуть в их репертуар традиционные для историографии литературные приемы, демонстрируя вместе с этим свою способность к переменам.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Буллер А., Линченко А.А. Медиа и история: дискурс исторической ответственности в изменяющемся мире // Диалог со временем. 2021. Вып. 77. С. 61–77. [Buller A., Linchenko A.A. Media i istoria: discours istoricheskoy otvetstvennosti d izmenyayushemcya mire // Dialog so vremenem. 2020. Вып. 70. S. 23–40].
- Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль, 2004. [Droyzen I.G. Istorika. Lekcii o enciklopedii i metodologii istorii. SPb: Vladimir Dal', 2004].

⁴⁷ Der Große Brockhaus 1931: 536.

⁴⁸ Westphal 1930.

⁴⁹ Kehr 1970: 269–278.

- Кракауэр З. Биография как форма искусства новой буржуазии // Кракауэр З. Орнамент массы. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 59–62. [Krakauer S. Biografiya kak forma iskusstva novoj burzuasii // Krakauer S. Ornament massy. M.: Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva “Garaz”, 2019. S. 59–62].
- Людвиг Э. Гёте. М.: Молодая гвардия, 1965 [Lyudvig E. Goete. M.: Molodya gvardiya, 1965].
- Людвиг Э. Наполеон. М.: Захаров, Вагриус, 1998. [Lyudvig E. Napoleon. M.: Zakharov, Vagrius, 1998].
- Людвиг Э. Бисмарк. М.: Захаров, АСТ, 1999. [Lyudvig E. M.: Zakharov, AST, 1999].
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. [Megill A. Istoricheskaja epistemologija. M.: «Kanon+», ROOI «Reabilitazija», 2007].
- Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М.: Новый хронограф, 2014. [Toshtendal R. Professionalism istorika i istoricheskoe znanie. M.: Novyj Hronograf, 2014].
- Трельх Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. [Trel'ch. E. Istorizm i ego problem. M.: Yurist, 1994].
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. [Shpengler O. Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii. T. 1. Geshtalt i dejstvitel'nost', 1998].
- Delbrück H. Wilhelm der Zweite. Von Emil Ludwig // Historische Belletristik. Ein kritischer Literaturbericht / Hrsg. von der Schriftleitung der Historischen Zeitschrift. 3. Aufl. München, Berlin: Oldenbourg, 1929. S. 37–43.
- Der Große Brockhaus. Bd. 8. Leipzig, 1931. S. 536.
- Emil Ludwig im Urteil der deutschen Presse. Berlin: E. Rowohlt, 1928.
- Fulda D. Wissenschaft aus Kunst. Die Entstehung der modernen deutschen Geschichtsschreibung 1760–1860. Berlin, New York: de Gruyter, 1996.
- Giesebrecht W. Die Entwicklung der modernen deutschen Geschichtswissenschaft. Habilitationsrede gehalten zu Königsberg am 19. April 1858 // Historische Zeitschrift. Bd. 1. 1859. S. 1–17.
- Graf F.W. Geschichte durch Übergeschichte überwinden. Antihistoristisches Geschichtsdenken in der protestantischen Theologie der 1920er Jahre // Geschichtsdiskurs. Bd. 4: Krisenbewußtsein, Katastrophenerfahrungen und Innovationen 1880–1945 / Hrsg. von W. Küttler, J. Rüsen, E. Schulin. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1997. S. 217–244.
- Hansen N. Der Fall Emil Ludwig. Oldenburg i.O.: Stalling, 1930.
- Hardtwig W. Fiktive Zeitgeschichte? Literarische Erzählung, Geschichtswissenschaft und Erinnerungskultur in Deutschland // Verletztes Gedächtnis. Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt / Hrsg. von K.H. Jarausch, M. Sabrow. Frankfurt am Main: Campus, 2002. S. 99–123.
- Hübinger G. Die politischen Rollen europäischer Intellektueller im 20. Jahrhundert // Kritik und Mandat. Intellektuelle in der deutschen Politik / Hrsg. von G. Hübinger, Th. Hertfelder. Stuttgart: Deutscher Verlags-Anstalt, 2000. S. 30–44.
- Kehr E. Der neue Plutarch. Die »historische Belletristik«, die Universität und die Demokratie // Kehr E. Der Primat der Innenpolitik. Gesammelte Aufsätze zur preußisch-deutschen Sozialgeschichte im 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. u. eingel. von Hans-Ulrich Wehler mit einem Vorw. von Hans Herzfeld. 2. Aufl. Berlin: de Gruyter, 1970. S. 269–278.
- Ludwig E. Goethe. Geschichte eines Menschen. Bd. 1-3. Stuttgart, Berlin: Gotta, 1920.
- Ludwig E. Bismarck. Geschichte eines Kämpfers. Berlin: E. Rowohlt, 1926.
- Ludwig E. Genius and character / Transl. by Kenneth Burke. New York: Harcourt, Brace and Company, 1927.
- Ludwig E. Geschenke des Lebens. Ein Rückblick. Berlin: E. Rowohlt, 1931.
- Lütteken L., Brakensiek St. Dilettant // Enzyklopädie der Neuzeit. Bd. 2: Beobachtung-Dürre / Hrsg. von Fr. Jaeger. Stuttgart, Weimar, 2005. Sp. 1021–1025.
- Meinecke Fr. Geleitwort zum 100. Bande der Historischen Zeitschrift // Historische Zeitschrift. Bd. 100. 1908. S. 1–10.
- Mommsen W. «Legitime» und «Illegitime» Geschichtsschreibung. Eine Auseinandersetzung mit Emil Ludwig. München, Berlin: Oldenbourg, 1930.
- Mommsen W. Bismarck. Geschichte eines Kämpfers. Von Emil Ludwig // Historische Belletristik. Ein kritischer Literaturbericht / Hrsg. von der Schriftleitung der Historischen Zeitschrift. 3. Aufl. München, Berlin: Oldenbourg, 1929. S. 30–37.
- Mussolinis Gespräche mit Emil Ludwig. Berlin, Wien, Leipzig: Paul Zsolnay, 1932.

- Nowak K. Die antihistoristische Revolution. Symptome und Folgen der Krise historischer Weltorientierung nach dem Ersten Weltkrieg in Deutschland // *Umstrittene Moderne: die Zukunft der Neuzeit im Urteil der Epoche Ernst Troeltschs* / Hrsg. von H. Renz, F.W. Graf. Gütersloh, 1987. S. 133–171.
- Ossietzky C. von Die Historiker sind ernstlich böse // *Die Weltbühne*. 24. 1928. S. 877–879.
- Schieder W. Mythos Mussolini. Deutsche in Audienz beim Duce. München: Oldenbourg, 2013. S. 71–85.
- Schüßler W. Zur Einleitung // *Historische Belletristik. Ein kritischer Literaturbericht* / Hrsg. von der Schriftleitung der Historischen Zeitschrift. 3. Aufl. München, Berlin: Oldenbourg, 1929. S. 5–8.
- Srbik R. von E. Ludwig, Napoleon. W. Hegemann, Napoleon oder Kniefall vor dem Heroes // *Historische Belletristik. Ein kritischer Literaturbericht* / Hrsg. von der Schriftleitung der Historischen Zeitschrift. 3. Aufl. München, Berlin: Oldenbourg, 1929. S. 9–19.
- Süßmann J. Geschichtsschreibung oder Roman? Zur Konstruktionslogik von Geschichtserzählungen zwischen Schiller und Ranke (1780–1824). Stuttgart: Steiner, 2000.
- Troeltsch E. Die Krisis des Historismus // *Die neue Rundschau*. XXXIII. 1922. S. 572–590.
- Valentin V. Wilhelm II. // *Die Weltbühne*. 21. 1925. S. 947–948.
- Waas A. «Historische Belletristik». Eine kritische Auseinandersetzung mit Emi Ludwig // *Hefte für Bücherwesen*. / Hrsg. von der Deutschen Zentralstelle für volkstümliches Bücherwesen. XV. Bd. 1931. S. 177–189.
- Waitz G. Falsche Richtungen. Schreiben an den Herausgeber von Georg Waitz // *Historische Zeitschrift*. Bd. 1. 1859. S. 17–28.
- Westphal O. Feinde Bismarcks. Geistige Grundlagen der deutschen Opposition 1848–1918. München, Berlin: Oldenbourg, 1930.
94. Sitzung, 24. Juni 1929 // *Verhandlungen des Reichstags*. IV. Wahlperiode 1928. Bd. 425. Stenographische Berichte von der 77. Sitzung am 5. Juni 1929 bis zur 98. Sitzung am 28. Juni 1929. Berlin: Druck und Verlag der Reichsdruckerei, 1929.

Хряков Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, департамент истории НИУ «Высшая школа экономики» (СПб), akhryakov@hse.ru

German Historians on Guard of the «Borders of History» a Failed Dialogue with Historical Fiction

The article is devoted to the confrontation between the professional community of German historians and one of the most popular historical fiction writers of the first half of the XX century – Emil Ludwig. It is demonstrated how the established norms of the professional community in the new historical conditions of the "crisis of historicism" predetermined the behavior of historians. A special issue of the "Historical Journal" devoted entirely to the defamation of popular historical biography and fiction writers is analyzed. The author believes that professional historians in the competition for the monopoly on the interpretation of German history missed a great chance to regain the attention of the mass reader and start a conversation about the overdue theoretical and methodological changes.

Keywords: *Emil Ludwig, "Historical Journal", historical fiction, Weimar Republic, historical community, crisis of historicism.*

Alexander Khryakov, PhD, Associate Professor, Department of History, HSE University, Saint Petersburg, akhryakov@hse.ru

А.В. ДЬЯКОВ

ИСТОРИЗМ ПОСЛЕ ИСТОРИИ: АНГЛОСАКСОНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ПОСТМОДЕРН (Памяти Алана Манслоу)¹

Статья обращается к творчеству Кита Дженкинса и Алана Манслоу, с именами которых связана имевшая значительный резонанс программа реформирования академической историографии. Идеи этих авторов получили широкое распространение и долгое время представлялись потенциально революционизирующими благодаря эффективному сочетанию актуальных теоретических демаршей и академической практики, привлекающей молодых исследователей, стремящихся к отходу от идеологически окрашенной традиции историописания. Вместе с тем, принятие идей, исповедуемых Дженкинсом и Манслоу, в пространстве британской исторической науки объясняется сочетанием двух существенных факторов: во-первых, значительным сходством ряда постмодернистских установок, касающихся дискурсивных стратегий и вообще языка историка, с концепциями «лингвистического поворота» и деятельностью таких авторов, как Х. Уайт, а во-вторых, политической конъюнктурой в Великобритании рубежа тысячелетий, обеспечившей благоприятную почву для принятия «французской теории». Объясняя причины критической реакции на теоретическую и практическую деятельность Дженкинса и Манслоу в последнее десятилетие, автор выдвигает тезис об имплицитном принятии британской исторической наукой ряда привнесенных ими установок, сделавшихся частью ассоциирующегося с традицией теоретического дискурса, показывая, что за отказом от тех идей, которые пропагандировали эти авторы, в действительности скрывается их частичное усвоение, что открывает новую перспективу в истории историографии.

Ключевые слова: *историзм, историография, Кит Дженкинс, Алан Манслоу, постмодернизм, историческая эпистемология.*

Алан Манслоу принадлежит к числу тех авторов, что в значительной мере определяют интеллектуальный климат в области исторических и, шире, гуманитарных наук в последние десятилетия. Вместе с тем, отсутствие переводов в нашей стране преуменьшает масштабы его значения, а количество публикаций, так или иначе касающихся различных аспектов его творчества, непропорционально мало. Манслоу в каком-то смысле тал для исторической науки столь же важной фигурой, какой для развивающейся в рамках философских наук исторической эпистемологии был Мишель Фуко. Сравнение представляется вполне оправданным, поскольку этот британский историк практиковал постмодернистский подход, применяемый к историографии, и даже настаивал на необходимости деконструкции истории².

Странным образом после нескольких десятилетий уничтожающей критики историзма и видимого торжества релятивизма мы обнаруживаем насущную потребность в истории и исторической рефлексии. Еще более странным на первый взгляд может показаться, что самая критика

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ (проект № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук»).

² Munslow 2006.

истории не привела к полной аннигиляции историзма, но, напротив, создала новые ниши для его существования и, быть может, подготовили его новое явление в интеллектуальном пространстве.

«Французская теория», пришедшая к нам не столько из Франции, сколько из Америки, где она получила подлинное признание, тогда как для французской академической среды ее главные представители так и остались маргинальными фигурами, в англо-саксонском интеллектуальном пространстве виделась желанной альтернативой пост-позитивизму. Многие интеллектуалы обратились к ней с таким энтузиазмом, что порой создавалось впечатление, будто постмодернистский способ рассуждать о вещах был чем-то абсолютно новым и прежде невиданным. Однако, хотя этому интеллектуальному тренду и пришлось встретить определенное сопротивление, вскоре выяснилось, что, если не обращать внимание на его отдающий фельетоном стиль, он вырастает из довольно старой научной традиции и, стало быть, может прижиться в академическом пространстве в качестве новой нормы, позволив даже этому пространству принять более соответствующий сегодняшней конъюнктуре облик. Впрочем, все это уже можно считать оставшимся позади, ибо постмодернизм в исторической науке стал постоянным компонентом, которому больше не приходится бороться за место под солнцем.

Постмодернистская историография М. Фуко получила такую популярность во многом благодаря тому, что опиралась на большую предшествующую традицию исторической эпистемологии и, в сущности, была ее частью Фуко, имея за спиной авторитет П. Дюэма, Л. Брюнсвика, Э. Мейерсона, Ж. Кавайе, А. Койре, Г. Башляра и Ж. Кангийема, мог свободно маневрировать, обращаясь к истории мысли, к политической истории, истории экономической и т.д., пользуясь при этом иммунитетом представителя философских наук от критики со стороны историков, но при случае заявляя, что философией не занимается. Та гибридная дисциплина, которую он утверждал в Коллеж де Франс и которую не очень удачно назвал «историей систем мысли», была скорее исторической, нежели философской, однако историки во Франции не слишком возражали, поскольку мало интересовались подобным ракурсом темы. Сам Фуко привлек даже считать, что в лице поздних представителей Школы Анналов имеет естественных союзников и был немало удивлен, когда оказалось, что они, со своей стороны, так не считают. К примеру, Ле Руа Ладюри, с которым они, кстати, вместе учились в лицее, нашел его книгу «Я, Пьер Ривьер...» чересчур узкой, к большой его обиде.

Британский неопозитивизм представлял собой традицию совершенно иного рода. Постоянное внимание к научному знанию приводило здесь к усердным поискам универсального языка науки, к разработке общих методологических оснований, но всегда оставалось по сути позитивистским, а не историцистским. Пристальный интерес к вопросам истории в англо-саксонской философии возникает сравнительно поздно

и носит спорадический характер. При таком положении вещей постмодерн просачивался в британскую философию медленно и приживался довольно плохо. Совсем иная ситуация сложилась в исторических науках, где тенденции, называемые на континенте постмодернистскими, издавна присутствовали, обходясь без этого наименования.

Кит Дженкинс³ в определенном смысле сделал постмодернистскую историографию если не академической нормой, то постоянным элементом исторической науки в Британии⁴. Именно с его именем связывают тенденцию воспринимать историю как разновидность литературы, для критического анализа которой самой приемлемой является исследовательская методология литературоведения⁵. Дженкинс солидаризировался со взглядами Ж.-Ф. Лиотара, характеризовавшего постмодерн как ситуацию общего недоверия к метанарративам, и Ж. Бодрийяра, который еще в 1980-е гг. заявил об «остановке истории» и о симулятивном характере любых происходящих после этой остановки событий. Британский историк, в свою очередь, заговорил о невозможности и дальше сохранять иллюзию исторического развития и какой бы то ни было телеологизм в истории, в силу чего опыт истории больше не может служить источником общественных ценностей или сообщать нам что-либо относительно законов общественного развития. В исторической науке Дженкинс выделил два регистра – верхний, составляемый великими мессианскими идеями (в терминологии Лиотара – метанарративами), и нижний, представляющий собой историческую науку в традиционном смысле (как соответствующую критериям позитивного научного знания). И то, и другое вызвали у него неприятие и представлялись ему архаичными и реакционными; студентам он говорил, что первым делом следует выяснить, чьи интересы отражает то или иное сочинение по истории, а уже потом задаваться вопросом о том, в какой мере оно отражает истинное положение дел. Авторы XIX столетия маскировали свою идеологическую ангажированность; современные историки тоже склонны прятаться за объективистскими штампами, которые необходимо разоблачить. И, поскольку совершенно устранить идеологическую составляющую из деятельности историка невозможно, нужно прибегнуть к прагматической иронии в духе Р. Рорти, что позволило ему не путать прошлое с создаваемой им самим картиной прошлого⁶.

В практическом отношении Дженкинс опирался на деконструктивизм Деррида, находя в нем пригодный для историка инструмент распознавания бинарных оппозиций (варварство/цивилизация и т.п.), при помощи которых идеологически ангажированный интеллектual выстраи-

³ Jenkins 2003.

⁴ Finney 2013, Icke 2013.

⁵ Lindenfeld 2003.

⁶ Jenkins 1995.

вает иерархию ценностей⁷. Обратившись таким образом к проблеме языка историописания, Дженкинс находит себе естественных союзников в лице Х. Уайта и Ф. Анкерсмита. В самом деле, анализ «конфликта интерпретаций» ему незачем было искать у француза П. Рикера, поскольку его соотечественник Уайт уже написал о том, что выбор тропов неизбежно определяет оценочные суждения историка и самый его взгляд на исторический процесс. Что же касается Анкерсмита, этот голландский исследователь дал детализированное описание прошлого как конструкта, существующего исключительно в пределах нарратива и обретающего некоторое правдоподобие только в историческом тексте.

Анкерсмит полагает, что мышление историка всецело нарративно, хотя мы и требуем от него видимого соответствия критериям «научного» знания. Другими словами, историк – это, скорее, литератор, чем исследователь естественнонаучного образца, что, с одной стороны, освобождает его от многих штампов академизма, но с другой – налагает на него ответственность за те выразительные средства, которыми он пользуется. Этот освободительный демарш Анкерсмита Дженкинс считал необходимым средством от академической косности. Но, быть может, в большей степени он ориентировался на Р. Рорти, который в рамках философского дискурса выдвинул ряд положений, на взгляд Дженкинса, весьма полезных историкам, ищущим пути освобождения от старых рамок, выработанных в идеологической системе старого капитализма.

Рорти во многом солидаризовался с воззрениями, высказанными в пространстве исторической эпистемологии, но, принадлежа к традиции прагматизма, наиболее пристальное внимание уделял логике пропозиций: всякий исторический период имеет собственные правила построения суждений, и никакого универсального свода правил или единственно правильного дискурса не существует. Да и человеческое мышление вообще тяготеет не к умозаключениям, а к метафорам. То, что мы называем истиной, есть лишь чересчур буквально понятая метафора. Постмодерн со свойственными ему скептицизмом и иронией разрушает метафоры, освобождая интеллектуала от мифов о строгой науке и открывая перед ним перспективы прагматического выбора. Вслед за Рорти Дженкинс говорит, что необходимо создать «эмансипированную историю», в которой нет места претензиям раскрыть реальность прошлого, зато есть прагматическая оценка деятельности историков.

Идеи Дженкинса, конечно же, не были немедленно приняты научным сообществом, но уже в 1990-е стали чем-то привычным, а его призыв отказаться от претензий историка на достоверную репрезентацию событий, независимую от идеологических комплексов и конъюнктуры, выглядели вполне основательными. А. Макфи заметил даже, что существует круг идей, относительно которых согласны между собой и традиционалисты, и постмодернисты, хотя если каждый из них додумает

⁷ Егоров 2021.

свою мысль до логического конца, окажется, что думают они все-таки по-разному⁸. Вместе с тем, тотальный релятивизм постмодерна и его отказ от какой бы то ни было нормативной регуляции научного дискурса хоть и были привлекательны для студентов, в академическом пространстве не могли занять место новой идеологии. Реакция на постмодернистские декларации, заявления о том, что иронический демарш против науки не имеет будущего, и просто остался в прошлом, не заставили себя ждать. В последнее десятилетие многие авторы склонны воспринимать Дженкинса как фигуру ушедшей эпохи, преодолеваемой под девизом «пошалили – и хватит, теперь давайте вернемся к серьезной науке».

Однако, несмотря на любимые постмодернистами заявления о том, сколь ничтожна роль личности в истории, если эта личность не венчает собой мощную волну, постмодернистские идеи в британской исторической науке отнюдь не утратили своей популярности благодаря тому, что место отошедшего от Дел Дженкинса занял Алан Манслоу. Манслоу начал с того же, на чем остановился его предшественник, вместе с которым они издавали журнал «Rethinking History: The Journal of Theory and Practice». Манслоу вновь заявил об актуальности идей Х. Уайта, однако его скептицизм носит вполне умеренный характер. Он признает существование действительно имевшего место прошлого, о котором историки могут иметь более или менее достоверное знание. Таким образом, он не столь радикально, как Дженкинс, отрицает постижимость прошлого характеризуя свою позицию как «множественный скептицизм», призванный преодолеть целую историческую традицию, основанную на предрассудках прошлого. Несмотря на то, что историческая наука находит вполне достоверные единичные факты из прошлого, всякая попытка включить их в единый нарратив приводит к созданию ложной картины минувшего, основанной к тому же на вере в то, что это минувшее, само по себе уже обладает некоторым интеллигибельным смыслом. Так возникают условные конструкции, заменяющие нам картину прошлого и не имеющие отношения к исторической действительности. Традиция эмпиризма, а за ней и аналитическая философия сформировали определенный тип мышления, от которого истории никак не удастся избавиться, а именно, ретроспективный взгляд, накладывающий на картину прошлого опыт существования историка в рамках определенного нарратива.

Нужно сказать, что Дженкинс и Манслоу выбрали весьма эффективный путь пропаганды своих идей: не полагаясь на долгий путь публикации монографий, десятилетиями дожидаящихся своего читателя, они транслировали свои идеи, во-первых, на страницах собственного журнала, быстро ставшего довольно известным в Великобритании, а во-вторых, преподнося их *ex cathedra* студенческой аудитории, что позволило им быстро обзавестись многочисленными учениками и последователями. Слабой стороной такой стратегии мог бы оказаться уход авто-

⁸ MacFie 2010.

ров с академической работы, однако, когда Дженкинс закончил свою академическую карьеру, его место немедленно занял Манслоу, что обеспечило возможность передачи идей этих авторов в академическом пространстве на протяжении нескольких десятилетий. Во все времена успех того или иного ученого зависит от его умения обзаводиться союзниками и учениками, но столь же значима готовность аудитории к восприятию его взглядов. В данном случае постмодернистские идеи упали на благодатную и хорошо взрыхленную почву. Кроме того, в 1990-е теоретическая деятельность Дженкинса и Манслоу представлялась революционизирующей и, естественно, привлекала внимание всех, кто подустал от атмосферы традиционности. Когда же постмодернизм сам сделался привычным предметом академической обстановки, стала исчезать и его привлекательность для молодых исследователей. Все это стоит учитывать, когда мы говорим об успехе Дженкинса и Манслоу: их идеи обладали значительной новизной, но не были чем-то совсем уж неведомым для исторической науки, и в то же время, попытки их критики обусловлены не столько их предполагаемой теоретической слабостью, сколько вполне естественной реакцией на доктрину, некогда обладавшую реформистским потенциалом, но затем ставшую своего рода нормой.

Идеи «лингвистического поворота», на рубеже тысячелетий сделавшиеся привычной составляющей университетской науки, сами по себе не могли дать запал для новой критики традиционной истории. Манслоу опирался на них как на привычную составляющую англосаксонского академического дискурса, дополняя их «французской теорией», все еще сохранявшей, да и теперь еще не вполне утратившей свой маргинальный статус. Вместе с тем, идеи этой последней оказались созвучны тем, что уже приобрели хождение в англосаксонской историографии благодаря деятельности Х. Уайта. С одной стороны, «французскую теорию» и все, что она могла дать историкам, удавалось представить не как разрыв с традицией, но как течение, имеющее аналоги на британской почве и потому в целом приемлемое, с другой, будучи в значительной степени корпусом идей, импортируемых из континентальной традиции, она давала степень новизны, необходимую для того, чтобы считаться чем-то существенно новым.

«Лингвистический поворот» сделал для интеллектуалов привычной мысль о том, что язык всегда непрозрачен, действует по собственным закономерностям и всегда заранее задает если не направление и способ мысли, то, во всяком случае, определенные пресуппозиции, ведущие к определенной идеологической позиции. Однако это движение, развивавшееся в рамках неопозитивистской программы, было ориентировано на методологию естественных наук, тогда как науки гуманитарные интересовали его в последнюю очередь. «Французская теория» изначально была ориентирована на осмысление политической истории и несла в себе радикальный потенциал преобразования историографии.

Высказывая во многом созвучные англосаксонским идеи, она непосредственно обращалась к проблемам историографии и языка истории, имея своим потенциальным союзником знаменитую «школу Анналов».

Дженкинс и Манслоу пошли еще дальше, добавив взрывной третий компонент, связавший воедино анализ языка и историческую эпистемологию и направивший получившийся микс в новом направлении. Этим третьим элементом стала политическая критика, представившая традиционную историю едва ли не служанкой буржуазной идеологии, которую по ошибке или в силу конъюнктурных соображений поддерживают и многие «левые». Таким образом, предложенная этими авторами ревизия исторического дискурса приобрела несколько провокационный характер. Многие исследователи творчества Дженкинса и Манслоу впоследствии небезосновательно упрекали их в стремлении представить научные дискуссии (к тому же, большей частью уже оставшиеся в прошлом) как радикальную борьбу с выраженным политическим оттенком. Возможно, здесь и впрямь было некоторое преувеличение, порожденное стремлением Манслоу представить историю историографии как противостояние двух неизменно присутствующих в научном мире тенденций – эмпирической и нарративистской⁹.

Разрушительный пафос деятельности Дженкинса и Манслоу можно назвать несколько запоздалой реакцией на происходившее в 1960-1970-е гг. в континентальной традиции. Запоздалой, во-первых, в теоретическом отношении: на континенте пик моды на постмодернистский тип мышления пришелся на 1980-е годы, когда его стала принимать и Британия в лице таких авторов, как Т. Иглтон¹⁰, С. Хит, Э. Истоуп¹¹ или Р. Уильямс. Во-вторых, запоздалым было распространение постмодернистских тенденций в исторических науках: даже во Франции историки в значительной мере игнорировали невиданный успех таких фигур, как М. Фуко или Ж. Бодрийяр, полагая, вероятно, что ничего радикально нового тем, кто знаком с идеями «Школы Анналов» они не несут, а напротив, могут лишь черпать из этого источника. И если в 1970-е интерес к постмодернизму подогревался его общественно-политической актуальностью, то на рубеже тысячелетий такой опоры у него уже не было, и попытка представить эти уже довольно привычные идеи революцией в гуманитарных науках могла иметь лишь ограниченный успех. Тем не менее, деятельность столь ярких личностей, как Дженкинс и Манслоу, сама по себе привлекала внимание интеллектуалов, стремящихся к реформированию исторических наук.

Самым интересным в этой истории, на наш взгляд, являются не идеи, проповедуемые Дженкинсом и Манслоу – их источники и даже прямые формулировки у других авторов обнаружить несложно, – а техническая сторона того успеха, который они снискали в академиче-

⁹ Munslow 2000.

¹⁰ Eagleton 1984.

¹¹ Easthope 1988.

ских кругах, и особенно та критика, которой их теоретическая деятельность подвергается сегодня. Пафос этой критики направлен на преодоление двух десятилетий релятивизма и постмодернистского стиля в историографии, отказ от которых должен вернуть историческую науку к прежним формам, которые мы привычно считаем строго научными и достойными принятия в академическом пространстве в качестве общего ориентира. В то же время, опыт постмодернистской метанойи не мог пройти бесследно, и сколь угодно уничижительная критика идей Дженкинса и Манслоу не может скрыть того обстоятельства, что англосаксонская историография эти идеи учла, усвоила и сделала столь привычной своей составляющей, что отныне уже не нужно затевать революции для их утверждения в чьем-либо сознании. Таким образом, нам открывается весьма интересная и теоретически важная картина функционирования историографии, пережившей опыт постмодерна, приобретшей, быть может, определенный иммунитет к нему, и вместе с тем, обогащенной его продуктивной интервенцией.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Егоров Д.И. Эмансипация истории по К. Дженкинсу // Вестник Московского государственного областного университета. История и политические науки. 2021. № 2. С. 139-148. [Egorov D.I. Emansipaciya istorii po K. Dzhenkinsu // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Istoriya i politicheskie nauki. 2021. № 2. S. 139-148.]
- Соколова Л.Ю. Историческая эпистемология во Франции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. [Sokolova L.YU. Istoricheskaya epistemologiya vo Francii. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1995.]
- Eagleton T. Literary Theory: An Introduction. Oxford, 1983; Eagleton T. The Function of Criticism. L., 1984.
- Easthope A. British post-structuralism since 1968. L.; N.Y., 1988.
- Finney P. Keith Jenkins and the Heroic Age of British Postmodern Theory // Rethinking History. 2013. Vol. 17. № 2. P. 172-190.
- Icke P. Keith Jenkins: A Very Particular Perspective // Rethinking History. 2013. Vol. 17. № 2. P. 211-221.
- Jenkins K. On «What Is History?»: From Carr and Elton to Rorty and White. L.: Routledge, 1995.
- Jenkins K. Refiguring History: New Thoughts on an Old Discipline. L.: Routledge, 2003.
- Lindenfeld D. The Twists of the Linguistic Turn: A commentary on Graf and Jenkins // Rethinking History. 2003. Vol. 7. № 3. P. 403-412.
- MacFie A. On the Defence of (my) History // Rethinking History. 2010. N 14. P. 210.
- Munslow A. The Routledge Companion to Historical Studies. London; N.Y.: Rutledge, 2000.
- Munslow A. Deconstructing History. Taylor & Francis, 2006.

Дьяков Александр Владимирович, доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, кафедра онтологии и теории познания, a_diakoff@mail.ru

Historicism after the History: Anglo-Saxon Historiography and Postmodern (In Memory of Alun Munslow)

The article refers to the oeuvre of Keith Jenkins and Alun Manslow, whose names are associated with a program of reforming academic historiography that had a significant resonance. The author demonstrates that the ideas of these two authors have become widespread in academic circles and have long been considered potentially revolutionary due to the effective combination of topical theoretical demarches and academic practice that attracts young researchers seeking to move away from the ideologically charged tradition of historical writing. At the same time, the author explains the acceptance of the ideas professed by Jenkins and Munslow in the space of British historical science by a combina-

tion of two significant factors: firstly, a significant similarity of a number of postmodernist attitudes regarding discursive strategies and the historian's language in general, with the concepts of the "linguistic turn" and the activities authors such as H. White, and secondly, the political situation in Great Britain at the turn of the millennium, which provided fertile ground for the adoption of the "French theory". Explaining the reasons for the critical reaction to the theoretical and practical activities of Jenkins and Munslow in the last decade, the author puts forward the thesis about the implicit acceptance by British historical science of a number of attitudes introduced by them, which have become part of the theoretical discourse associated with tradition, showing that behind the rejection of those ideas that were propagated these authors, in fact, hides their partial assimilation, which opens up a new perspective in the history of historiography.

Key words: *historicism, historiography, Keith Jenkins, Alan Manslow, postmodernism, historical epistemology*

Dyakov Alexandr Vladimirovich, *Dr. of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, Professor of the Department of Ontology and Gnoseology, a_diakoff@mail.ru*

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИОГРАФИИ – НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ДАННОСТЬ¹

В статье рассматривается эволюция историографии и методологии истории медицины от антропологического поворота прошлого века до эпидемиологического поворота современности. История медицины долгое время писалась врачами-«труэнтами». В 1970-е гг. в связи с антропологическим поворотом появляются «новая история медицины» и «медицинская антропология», происходит расширение «профессиональной базы» историков медицины: помимо медиков на эту область исследований стали все больше претендовать в широком смысле «антропологи», в т.ч. археологи, социологи, философы, этнологи, демографы, культурологи, психологи, литературоведы, феминистки и журналистки. Со временем и историки подключились к исследованиям по социальной истории медицины. История эпидемий долгое время рассматривалась как составная часть истории болезней или (еще шире) истории медицины. Но именно антропологическое измерение истории демонстрирует особенности изучения истории эпидемий. Публикации последних двух-трех лет в отечественной историографии свидетельствуют о всплеске интереса к исторической эпидемиологии и формировании в ее русле нескольких пересекающихся тематических полей.

Ключевые слова: История медицины, историческая эпидемиология, антропологический поворот, пандемия, историография и методология

Сегодня как в научной, так и научно-популярной сферах мы можем констатировать «бум» на публикации по эпидемиологической проблематике. Связано это однозначно с COVID-19: представители самых разнообразных общественных наук спешат продемонстрировать свою способность быть реально актуальными в своих исследованиях и откликаться на «запросы общества». Как выразился главный редактор одного солидного международного периодического издания, «темы нам диктует жизнь»². По принципу «территория того, кто первый ее застолбит», представители различных ветвей знания спешат расставить свои флажки на вновь открытых исследовательских полях³.

Историки, не дожидаясь философской концептуализации и объявления «новых исследовательских парадигм», проявили оперативность и подключились к процессу освоения территории⁴. Но ради справедливости следует отметить, что популяризацию проблематики эпидемий начали не ученые, а СМИ. Напуганные люди ищут спасения в достижениях

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).

² Чудинов 2021(а): 5-8.

³ Харитоновна 2020.

⁴ С одной стороны, мы имеем дело с произошедшим за последние два десятилетия «историческим поворотом в общественных и гуманитарных науках»: на место структуралистским моделям приходит исторический подход с его вниманием к контексту. С другой стороны, в данном случае речь идет о так называемых «собственно историках» или «практикующих историках». Выборочный обзор предшествующей историографии эпидемий см. в статье: Slack 1992: 1-20.

науки и, одновременно, в опыте прошлого: популярность историков растет, СМИ активно приглашают их поучаствовать в разнообразных мероприятиях популяризаторского характера, где речь идет о том, как пандемии повлияли на историю человечества⁵. Эпидемиологический «поворот» в историографии – сегодняшняя необъявленная данность.

Эпидемии прошлого традиционно рассматривались как составная часть истории медицины или – в более узком смысле – истории болезней. Правда, может показаться, что на протяжении XIX в. и большей части XX в. медицинская история «больше походила на эпос», повествуя о выдающихся врачах, научных открытиях и техническом прогрессе. Этот рожденный в недрах западной историографии «эпический» образ истории медицины XIX и первой половины XX вв. уже, кажется, начал приживаться в сознании и наших исследователей⁶. Это замечание относительно «эпичности» историографии можно, на мой взгляд, отнести лишь к части публикаций, рассчитанных на студентов или широкую публику, в которых излагается история развития медицинских знаний, история деяний и открытий. Но экстраполировать его на всю историографию было бы несправедливо, или же мы тогда будем должны скорректировать свое понимание предмета «истории медицины».

Сегодня часто приходится читать и слышать о произошедшем после Второй мировой войны «повороте» в изучении истории медицины. Исследователи иногда противопоставляют «традиционную историю медицины», и «новую историю медицины» (по аналогии с «новой экономической историей» и т.п.). В самых общих чертах, объясняя это изменение проблематики исследований, пишут о том, что ранее изучали главным образом взгляд на медицинскую историю врача, а теперь стали исследовать взгляд пациента. История медицины/болезней была помещена в широкий социокультурный контекст. В результате антропологизация истории медицины⁷ появились «социальная история медицины» и «медицинская антропология» с соответствующими обществами и специализированными изданиями. Появились они прежде всего в США и Великобритании, и процесс их «отпочкования» от «традиционной истории медицины» происходил не всегда безболезненно⁸. В принципе это направление больше было призвано помочь медикам в преодолении «культурных барьеров» с пациентами, в более глубоком понимании по-

⁵ Бергер, Уваров 2020: 7.

⁶ См.: Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины 2008: 9; Афанасьева 2011: 423. «Традиционная история медицины была сосредоточена на описании биографий известных врачей и развития медицинских институтов и представляла собой хронику прогрессивного движения Запада в борьбе с разнообразными недугами». См.: Афанасьева 2016: 487.

⁷ На антропологизацию истории медицины повлияли идеи М. Мерло-Понти («Феноменология восприятия», 1945), М. Фуко («Рождение клиники. Археология врачебного взгляда», 1963) и др. авторов, которые в неклассической парадигме занялись философским анализом медицины в контексте культуры. См.: Кириленко 2008: 52–59.

⁸ По этому вопросу см.: Михель 2009: 295–312; 2012.

требностей больных, в гуманизации некоторых отраслей медицинской практики. Собственно историкам здесь было не место. Изменению облика традиционной истории медицины соответствовало изменение облика исследователя. Вплоть до 1960-х гг. большинство работ по истории медицины было написано врачами. Историк (в душе) и гинеколог (по образованию) в одном лице – нормальное явление того времени⁹. При этом и обновленной версией истории медицины поначалу занимались преимущественно врачи. Но только поначалу. Стремление преодолеть дисциплинарные границы и обогатить знание междисциплинарным подходом привело к расширению «профессиональной базы» историков медицины. На эту область исследований стали все больше претендовать не только медики, а в широком смысле «антропологи»: среди них мы найдем и археологов, и социологов, и философов, и этнологов, и демографов, и культурологов, и психологов, и литературоведов, и феминисток, а в пост-постмодернистском мире и журналисток¹⁰. При этом повороте «традиционные» историки медицины, врачевания и болезней никуда не исчезли, а продолжали (и продолжают) плодотворно трудиться.

Историки все же со временем подключились к социальной истории медицины. Независимо от «медицинской антропологии» с ее акцентированием личностного опыта на новый уровень вышло осмысление роли эпидемий в истории человечества. В первую очередь интерес к эпидемиям проявили демографы и «цивилизационщики».

1970-е гг. были отмечены в истории эпидемий «поворотом к теории». Абдель Рахим Омран в 1971 г. выступил с теорией «эпидемиологического перехода» через этапы эволюции «структуры смертности»¹¹. В 1976 г. издал книгу «Эпидемии и народы» американский макроисторик Уильям Мак-Нил¹². Его книгу «Эпидемии и народы» сегодня иногда называют хрестоматийной. Но заслуга Мак-Нила состоит в первую очередь в систематизации истории эпидемий и попытке их представить как один из важнейших факторов, определивших ход истории.

В 1970–1980-е гг. появилась «история смерти» (работы Арьеса, Вовеля и Ле Гоффа)¹³. Одновременно с болезнями и смерть стала рассмат-

⁹ Врачей, занимавшихся «не своим делом», с подачи британского хирурга Бёркли Мойнигана с 1936 г. стали называть трузэнтами (прогульщиками), хотя они отдавали себя искусству, политике, спорту или науке часто без отрыва от врачебной практики. Тысячи врачей прославились своей немедицинской деятельностью. – Зильбер 2013.

¹⁰ Пример – американская журналистка из семьи врачей-эмигрантов из Индии Соня Шах. Этот бакалавр журналистики отметилась научно-популярными (причем более популярными, чем научными) книгами «Лихорадка: Как малярия царствовала на земном шаре 500 тыс. лет» (2010) и «Пандемия: Всемирная история смертельных вирусов» (2016). В последнем случае никакой «всемирной истории» эпидемий в книге нет, она почти полностью посвящена холере и вызванным ею эпидемиям в разные годы в разных городах (в основном в Нью-Йорке): 8 глав из 10.

¹¹ Омран 2019: 177–216.

¹² McNeill 1976; МакНил 2021.

¹³ Арьес 1992; Vovelle 1983; Гуревич 1984: 114. Сегодня за рубежом в рамках антропологии уже существует направление «Death studies», адепты которого изучают

риваться как «один из коренных параметров коллективного сознания», как «компонент картины мира». А. Гуревич расценил это увлечение как явление того же рода, что и мода на изучение болезней, как поворот в сторону изучения социальных ментальностей и народной культуры.

В конкретно-исторических исследованиях антропологизация истории медицины началась с изучения эпидемий XIV в., с которыми по количеству исследований может сравниться разве что история «испанки» начала XX в. Много спорили о хронологии циклов чумы в Европе, о факторах, повлиявших на начало и конец чумной пандемии. И в ходе этих споров уже возник вопрос о необходимости существенной корректировки данных о «жертвах эпидемий»: «Черная смерть ничего не изменила <...> Социально-экономический и культурно-политический ландшафт менялись лишь постепенно»¹⁴. Требование междисциплинарности привело к появлению понятия «патогенный комплекс», соединяющий биологический и социальный аспекты исследования объекта¹⁵.

Антропологизация истории медицины (по крайней мере, какой-то ее части) дала новый толчок исследованиям в этой области¹⁶. Совершенствовалась источниковая база исследований, расширился сам круг источников: стали привлекаться не только письменные, но и материальные, изобразительные, этнографические источники. Все шире используются естественнонаучные методы исследований (биоанализ человеческих остатков и др.). Расширился и круг изучаемых вопросов: от истории гомеопатии и родовспоможения до психиатрии на фронтах Первой мировой войны и медицинских экспериментах нацистов, от истории колониальной медицины до роли стетоскопа и компьютерной томографии, от истории отдельных медико-фармацевтических фирм до мотивов использования «альтернативной медицины» и методов лечения призывников-уклонистов в духе историй бравого солдата Швейка.

С нового ракурса стали смотреть и на историю эпидемий¹⁷. Американский историк П. Болдуин на общеевропейском материале проследил связь теорий патогенеза с различными общественными реакциями и поведенческими паттернами во время холерных эпидемий¹⁸. Схожая отчасти проблематика взаимосвязи этнической принадлежности инфицированных и социальной реакции на эпидемии рассмотрена в книге

мортальные представления. Основные теоретические подходы в изучении мортальных представлений, начиная с ранних эволюционистов и до эпистемиологического кризиса 1970-х гг., рассмотрены в статье С.В. Мохова. См.: Мохов 2016.

¹⁴ Бергер, Уваров 2020: 15.

¹⁵ Прокопенко 2018: 10.

¹⁶ См.: Lane 2001.

¹⁷ Как и в целом в истории медицины, в исследованиях по эпидемиям очерковая научно-популярная тенденция сохранилась. Например, Дж.Н. Хайес, в книге «Эпидемии и пандемии: их влияние на историю человечества» (2005), подтверждая давно уже не требующий подтверждения тезис Мак-Нила о роли эпидемий в истории человечества, предлагает читателю ряд подобранных на свой вкус сюжетов и очерков от Античности до современности. См.: Hayes 2005.

¹⁸ Baldwin 1999.

Х. Маркел «Карантин!». Речь здесь идет об эпидемии сыпного тифа и холеры в 1892 г. в Нью-Йорке, когда подозреваемые в распространении эпидемии еврей-эмигранты из России были изолированы на близлежащих островах. Автор обращает внимание не только на поведение американских врачей и чиновников, но и на восприятие эпидемии глазами самих эмигрантов¹⁹. Новые подходы к статистическим источникам позволили на примере начавшегося в Санкт-Петербурге и распространявшегося по Западной Европе в 1889-1890 гг. «русского гриппа» установить примерную скорость наступления эпидемий: 300 км. в неделю²⁰. Шарлотта Хенце рассмотрела такие вопросы, как влияние эпидемий на общественную модернизацию, распределение власти и ответственности, роль медицинской экспертизы в России XIX в., конфликт и контаминации миазматической, контагиозной и бактериологической теорий, реакцию провинциального общества на кризисные ситуации²¹.

В год открытия COVID-19 вышла в свет книга Марка Хонигсбаума «Век пандемии: сто лет паники, истерии и высокомерия»²², в которой автор рассказывает как о знаменитых, так и малоизвестных пандемиях XX века: от испанского гриппа 1918 г., вспышки легочной чумы в Лос-Анджелесе в 1924 г., пандемии «попугайной лихорадки» 1930 г., до недавних эпидемий атипичной пневмонии, лихорадки Эбола и Зика. И опять-таки помимо истории науки или медицинской социологии мы встречаем в этой книге описания того, как страх перед болезнями часто обостряет расовую, религиозную и этническую напряженность.

В том же году вышла работа почетного профессора истории из Йельского университета Фрэнк М. Сноудена, уже известного книгами по истории эпидемий в Италии: «Покорение малярии: Италия, 1900–1962 гг.» и «Неаполь во время холеры 1884–1911 гг.». Новое исследование Сноудена²³ посвящено проблеме воздействия эпидемий на эволюцию обществ от Черной смерти до наших дней – как болезни изменили искусство, религию, интеллектуальную историю или войну. В этом сравнительном исследовании медицинской и социальной истории эпидемий затрагиваются такие темы, как эволюция медицинской терапии, связь болезней и социального положения, эпидемии и массовая истерия, ставится вопрос о готовности мира к следующему поколению болезней.

В современной российской историографии после упомянутой выше статьи А. Гуревича 1995 г., посвященной изучению «смерти» французскими историками, стали появляться работы как общего характера (по «психическим эпидемиям»²⁴, по «истории тела»²⁵), так и конкретно-

¹⁹ Markel 1999.

²⁰ Valleron 2008.

²¹ Henze 2010.

²² Honigsbaum 2019.

²³ Snowden 2019.

²⁴ Доктор медицины из Брянска И.И. ЩигOLEV обратился к истории кликушества, хлыстовства, различных фобий и психопатологий. См.: ЩигOLEV 2001.

²⁵ Доктор философии из Саратова Д.В. Михель обратился к историко-

исторические исследования (например, о санитарно-гигиенической деградации жилого пространства и распространения эпидемий в годы Гражданской войны на Урале или по истории эпидемий в Поволжье на рубеже XIX-XX вв.)²⁶. Но, пожалуй, знаковой для утверждения антропологического взгляда на изучение болезней в российской историографии стала монография Ю.Е. Арнаутовой²⁷, которая с первых же строк своей книги декларирует различие подходов у историков медицины и «просто историков-медиевистов». Арнаутова констатирует наличие трех аспектов целительных практик: «теургического» (религиозного), «этнографического» и «собственно медицинского». Антропологическое измерение целительных практик Средневековья, по Арнаутовой, состоит в их оценке не с высоты нашего научного мировоззрения, а «изнутри» – со стороны субъективного их восприятия средневековым человеком. Но, пожалуй, самое главное в методологических позициях автора – стремление взглянуть на проблему широко и рассматривать «модель» отношения общества к болезни как составную часть культуры этого общества²⁸. Такой контекстуальный подход, соединяющий в себе принципы историзма и междисциплинарности, породил в середине 2000-х гг. ряд публикаций по «медицинской культуре», авторами которых могли быть и культурологи, и философы, и филологи²⁹.

Между тем, представители медико-биологического знания продолжают в духе традиционной истории медицины создавать «Очерки» истории эпидемий³⁰. Как следует из аннотации к книге М.В. и Н.С. Супотницких «Очерки истории чумы», предлагаемая читателю работа «будет интересна не только профессиональным медикам, эпидемиологам, ученым, специалистам МЧС и организаторам здравоохранения, «в чьи задачи входит противодействие эпидемическим болезням и актам биотеррора», но и более широкой аудитории. Видимо, такие публикации все же рассчитаны в первую очередь на студентов, изучающих историю медицины (как это и было 100-150 лет назад)³¹.

Отечественные историки, с одной стороны, констатируют тенденцию расширительно толковать главную задачу «новой истории медицины», понимая ее как новую возможность «объяснять индивидуальные и коллективные действия людей прошлого через обращение к распространенным представлениям о здоровье, болезни, рождении и смерти»³².

антропологическому анализу анатомических практик на Западе. См.: Михель 2000.

²⁶ Нарский 2001: 255-259; Михель, Михель, Сироткина 2004: 113-139.

²⁷ Арнаутова 2004.

²⁸ Арнаутова 2004: 8.

²⁹ Например: Богданов 2005; Гуляева 2006; Михель 2007: 17-40.

³⁰ Супотницкий, Супотницкая 2006.

³¹ С другой стороны, работы, которые по своей тематике могли бы быть сочтены вполне как «исторические», защищаются как кандидатские диссертации медицинских наук. Например: Складова 2002. Подробный анализ тенденций в современной истории медицины см.: Афанасьева 2016.

³² Афанасьева 2016: 487.

А, с другой стороны, они сетуют, что эта тенденция в большей степени до последнего времени была характерна в первую очередь для зарубежной историографии³³. Проблема отечественной историографии конца XX – начала XXI в. совсем недавно виделась в том, что в постсоветской исторической науке появилось крайне мало новых исследований по истории медицины, а достижения западной историографии, где помимо многостраничных монографий давно уже издаются тематические выпуски специализированных журналов, в массе своей оставались неизвестными или малоизвестными российским читателям³⁴. Что изменилось в этом отношении за последние 10-15 лет, если принять за аксиому тезис, что «в настоящий момент новая история медицины принадлежит к числу наиболее популярных областей исторического знания»³⁵?

Современная историография истории медицины в расширительно-обновленном толковании ее предмета труднообозрима³⁶. Поэтому упомянем лишь некоторые тенденции, направления, сборники и наиболее активно разрабатывающих околоэпидемиологическую проблематику современных исследователей.

У нас наконец-то институализировалась «медицинская антропология» (пусть и с опозданием от Запада на 50 лет). Функционируют Ассоциация медицинских антропологов России (с 2013 г.) и Центр медицинской антропологии ИЭА РАН. С 2011 г. издается журнал «Медицинская антропология и биоэтика», авторы которого, с одной стороны, позиционируются рядом с физической/биологической антропологией, а с другой отдают предпочтение этнологии/этнографии, под которой ими на практике понимается изучение опыта народной медицины³⁷.

Помимо обобщающих очерков по «истории медицины» появились прекрасные примеры того, как можно с привлечением новых архивных документов написать «медицинскую историю», например, Крымской войны, а именно – описать деятельность военной администрации по подготовке и развёртыванию военно-медицинских служб³⁸.

По предложенному Арнаутовой для истории Запада пути пошли исследователи различных медицинских практик России. При этом вновь звучит призыв к взаимному опылению: «Антропологию болезни необходимо рассматривать в контексте не только истории медицины, но прежде всего в контексте истории культуры»³⁹. Это даже не призыв, а констатация свершившегося, но без оценки эффективности проделанного. Историко-культурный подход временами превращается в философско-культурологический, предваряемый сетованиями, что в истори-

³³ Портер 2008: 41-72.

³⁴ Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины 2008: 32.

³⁵ Афанасьева 2016: 487.

³⁶ Реннер 2011; Яковенко 2021: 31-44.

³⁷ Добкин де Риос, Раковски 2012. О состоянии современной медицинской антропологии см.: Харитонова 2011: 3–10.

³⁸ Наумова 2010.

³⁹ Медведь 2017: 260; Медведь 2018: 222.

ческих исследованиях «по-прежнему мало внимания уделяется вопросам медицины и болезни»⁴⁰.

Помимо контекста «медицинской культуры» или культурно-исторического подхода, эпидемиологическая проблематика успешно развивается под сенью социальной истории⁴¹. Появился ряд работ в той или иной степени затрагивающих проблематику исторической эпидемиологии в рамках социально-экономической истории и исторической демографии. В этом русле исследований иногда акцентируется хорошо уже известная идея о социальной обусловленности эпидемий⁴². Более перспективным представляется синергетический взгляд на эпидемии как на «сложное явление, в котором тесно переплетаются как природно-биологические, так и социальные факторы»: от санитарной культуры населения до материальных условий жизни, от физиологических свойств возбудителя до доступности медицинской помощи⁴³.

Понятно, что сегодня работы, пишущиеся *априори* в междисциплинарном ключе, проблемно классифицировать даже, наверное, самим их авторам. И медицинская/эпидемиологическая проблематика, как параллельная вселенная с иными измерениями, позволяет свободно, не замечая междисциплинарных швов, перетекать мысленно от проблем культуры к вопросам социально-экономической истории, а от них – к интеллектуальной истории⁴⁴. Пример – работы Е.А. Вишленковой, которую интересует широкий спектр вопросов – от медико-биологического объяснения конкретных социальных проблем до концептуализации медицинской географии, от институциональной истории русских врачей первой половины XIX в. до исследования их самосознания⁴⁵.

Еще на излете объявленного антропологического поворота в истории медицины, где-то в 1980-е гг., сложилось новое исследовательское направление – история колониальной медицины. Связано это было даже не столько с антропологизацией истории медицины, сколько с изменениями в области изучения империй: исследовательский интерес сместился от событийной истории к осмыслению факторов жизнестойко-

⁴⁰ Медведева 2013: 10. Ср.: Пироговская 2018.

⁴¹ Например, об эпидемии сыпного тифа в Сибири см.: Познанский 2007.

⁴² Бояркина 2020.

⁴³ Например, основанное на впервые вводимых в научный оборот архивных данных исследование В.А. Исупова, который видит первопричину вспышки и очаг эпидемии сыпного тифа в Сибири в наплыве спецпереселенцев и приходит к выводу, что «вклад болезней и собственно голода в сверхсмертность разделить невозможно». См.: Исупов 2018: 138-150. Ту же идею о влиянии переселения спецконтингента на ухудшение эпидемической ситуации развивают в статье по истории здравоохранения и ликвидации эпидемий на Урале в 1930-е гг. Д.Л. Островкин и М.В. Попов. См.: Островкин, Попов 2018: 109-113.

⁴⁴ См.: Вишленкова, Затравкин 2019: 284-297. Авторы, в какой-то степени продолжая проблематику интересующегося финансовой стороной врачебной помощи А. Дигби, демонстрируют, как рост медицинской культуры пациентов создал новые условия на рынке медицинских услуг. Ср.: Digby 1994.

⁴⁵ Вишленкова 2011 (а): 41-82; 2011(б): 37- 66; 2017: 212-245; 2019: 924-929.

сти империй вообще и имперского сознания, в частности. А поскольку медицина была призвана служить не только практическим, но и символическим целям имперского строительства, она и стала объектом отдельного внимания историков. В этой области нашла лауну в отечественной историографии А.Э. Афанасьева, занимающаяся как теоретическими вопросами «новой истории медицины», так и вполне частными сюжетами колониальной истории медицины⁴⁶.

Чтобы дополнить картину современного состояния отечественной историографии изучения эпидемий, укажем еще на три недавно увидевших свет издания.

Во-первых, это опередивший «историко-эпидемиологический бум», появившийся в 2018 г., сборник статей «Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде». В традиции, восходящей к Мак-Нилу, редакторы и авторы ведут речь о методиках «междисциплинарного исследования, раскрывающих процессы взаимодействия человека, природы и общества», выясняют влияние фактора пандемий и климатических изменений на общественно-политическое и социокультурное развитие общества⁴⁷. Но при этом они занимаются вполне конкретно-историческими сюжетами – пандемией чумы как фактора государственного кризиса в улусе Джучи (И.Л. Измайлов и Т.Ф. Хайдаров).

Во-вторых, это изданный в ИВИ РАН сборник документов, дающих представление об эпидемической ситуации в Европе XIV–XVI вв. Здесь опубликованы свидетельства современников, большая часть которых впервые переведена на русский язык⁴⁸. Показателен подбор источников (сам по себе акт субъективный и отражающий методологические позиции публикаторов): записки хронистов, летописи монахов, трактаты хирургов, размышления гуманистов, философов, богословов, мемуары священника, – дают возможность не только дополнить фактологические данные об эпидемиях или оценить уровень медицинских знаний, но и получить представления о формировании профессиональной этики врачей, охарактеризовать эмоциональное состояние и поведение населения в условиях эпидемии.

В-третьих, это «Французский ежегодник» за 2021 год, основная тема которого аннотирована как «Эпидемии в истории Франции». Семь статей российских и зарубежных авторов⁴⁹ демонстрируют, с одной стороны, стремление исследователей на конкретно-историческом материале закрасить «белые пятна» в истории эпидемий, а с другой – акцентировать «человеческое измерение» пандемии.

⁴⁶ Афанасьева 2007: 78-81; Afanasyeva 2013: 489-512; Афанасьева 2019: 298-306; Афанасьева 2020: 99-113.

⁴⁷ Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде 2018.

⁴⁸ Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV-XVI вв. 2020.

⁴⁹ Уваров 2021: 9-42; Форрест 2021: 43-62. Чудинов 2021(б): 63-90. Гладышев 2021(а): 91-144. Таньшина 2021: 145-166; Де Болливье, Линькова 2021: 167-180. Наумова, Фалалеев 2021: 181-212. См. также: Гладышев 2021(б).

Наконец, обратим внимание на коллективную монографию исследователей из ИГИТИ им. А.В. Полетаева ВШЭ и Мюнхенского университета Людвиг Максимилиана, посвященную разнообразным аспектам истории медицины: от теоретического осмысления болезней в прошлом до вполне частных вопросов практики борьбы с заболеваниями⁵⁰.

Какие вопросы ставятся в современной истории эпидемий? Сегодня антропологически ориентированных историков больше интересуют не истории тех или иных болезней как таковых, а реакции на них властей и населения. Действующие лица исторической эпидемиологии не только врачи и микробиологи, но и фармацевты, медсестры, священники, администраторы различных уровней и, конечно, народ. Одно из популярных направлений исследований по истории борьбы с эпидемиями и их последствиями – выявление алгоритмов действий властей: от констатации начала эпидемии до принятия соответствующих мер.

Дошедшие до нас решения правительств, протоколы заседаний муниципалитетов или комиссий содержат сведения по коммунально-организационным аспектам контроля над эпидемиями и их социальными последствиями. Какие экстраординарные меры принимались властями, когда эпидемия превышала ожидаемые масштабы (например, введение новых должностей типа «санитарного прево»)? Какова была эволюция механизмов привлечения к работе «эпидемиологического персонала» (замена смертной казни службой в похоронной «чумной команде», снижение профессиональных требований к докторам, сбор средств на оплату врачей, аптекарей и вспомогательного медперсонала и т.п.)? Как решались вопросы о выделении зданий под размещение заразных больных, об организации питания и ухода за больными, как менялись при резком росте смертности похоронные практики (братские могилы, кремация, отказ от отпевания и колокольного звона и т.п.)? Как в целом была организована работа коммунальных служб (вывоз мусора, чистка канализации и т.п.) и снабжение городов в условиях карантина/блокады, как поддерживались общественный порядок и дисциплина (изгнание «лишних ртов»), динамика цен, борьба со спекуляцией в условиях угрозы голода, грабежами, поджогами и т.п.)?

В связи с изучением эпидемиологической политики властей ставятся и вопросы общего порядка. Как власти варьировали политику принуждения и поощрения при борьбе с эпидемиями: с одной стороны, эпидемии являлись поводом для введения различных ограничительных мер, с другой – в условиях паники и социальной дезориентации власти пытались через широкий спектр законодательных инициатив повысить общественную нравственность, напомнить о христианском или общественном долге, сформировать новую концепцию бедности и заботы о бедных. Актуальным остается вопрос о связи эпидемии, бизнеса и политики: как интересы бизнеса или политики влияют на эпидемиологическую

⁵⁰ Афанасьева, Вишленкова, Гатина, Затравкин, Лисицына, Реннер, Яковенко 2021.

обстановку? Как алчность и коррупция ведут к обходу карантинных мер и последствия этого. Каковы пределы в борьбе с эпидемией, на которые могут пойти власти, не разрушив бизнеса? Чем они готовы пожертвовать ради спасения?⁵¹ Как, наконец, эпидемии выявляют структурные недостатки политических режимов и систем администрирования, и чрезвычайная медицинская ситуация перерастает в полнейший хаос.

Опыт, приобретаемый во время эпидемий, привел к существенным изменениям в поведенческих установках и формах их выражения. Вторая группа стоящих перед исторической эпидемиологией задач касается исследования поведения населения. Каково было психологическое воздействие эпидемий на население с учетом особенностей места и времени, какие преобладали типы поведенческих практик (бегство из зараженной местности, выполнение своего долга, самоизоляция и т.п.), какую роль играли разные формы благотворительности в борьбе с эпидемиями? (С этой точки зрения помощь больным со стороны окружающих – свидетельство отношения общества к феномену болезни, маркер культуры общежитности, отношения к ближнему, к человеку страдающему). Как менялось в обыденном сознании отношение к эпидемиям и насколько далеко в этой эволюции мы ушли от наших предков? Как дремлющая культурная память о великих эпидемиях прошлого и первобытные инстинкты выживания возродились в, по выражению А. Форреста, «чумной психологии», каковы механизмы возникновения паники, которая охватывала население? Поиски виновных, охота на «клозов отпущения» – частый и повсеместно встречающийся феномен, но, кто именно и почему становился этой жертвой в атмосфере страха, беспомощности и подозрительности? И порождение паники – слухи об отравителях, волнения и бунты. В какой степени отношение населения к противоэпидемиологическим мерам, предлагаемым властями, является (и является ли?) маркером общего недоверия власти? Какова мотивация «антиваксеров» (религиозная, обыденная, политическая)?

Третья группа вопросов касается взаимодействия и взаимовосприимчивости в треугольнике «медики – власти – население». Это могут быть проблемы профессиональной медицинской этики: и вполне частные (как при дефиците медсестер быть с вспомогательным персоналом, который в условиях блокады города ворует предназначенное больным мясо?), и более концептуальные (на что готовы пойти врачи и, кем конкретно пожертвовать ради спасения остальных). Это может быть тема эволюции медицинских знаний, которая переплетается с изучением представлений о борьбе с болезнями: какова была результативность применяемых некогда «хирургами-цирюльниками» методов борьбы с конкретной эпидемией, как медицинские знания коррелировались с народным врачеванием? Как споры между медицинскими школами осложняли поиски

⁵¹ И 200 лет назад, и сейчас «общество и власти прекрасно осознавали <...> к каким ужасающим последствиям для экономики может привести локдаун». См.: Форрест 2021: 59.

действенных путей для борьбы с заразой? Каков был социальный статус лекарей и, как наставления медиков воспринимались на практике властями (например, военным командованием) и населением?

В-четвертых, эпидемии вынуждали людей пересматривать не только социальные, но и религиозные поведенческие установки. Как эпидемия отразилась на состоянии церкви как социального и политического института? Насколько перед лицом смерти усиливаются религиозно-мистические настроения? Какова была эсхатологическая реакция (религиозная экзальтация) населения на эпидемии? Как проявлялись религиозные приоритеты при уходе за больными? Как святые «покровители» превращались в «защитников»? Какие появились новые формы почитания святых и как эпидемии подталкивали людей к осознанию, что они сами ответственны за свое спасение? Как эволюционировали представления об «избирательности» болезней: эпидемии – кара Божья, но пощадит ли она добродетельных или существует коллективная ответственность за грехи? Как в этой связи в условиях видимой неэффективности лечения приходилось искать новые и, с точки зрения современников, по своему «рациональные» стратегии? Как церковная терапия и терапия магическая сосуществовали в прошлом и сосуществуют сейчас с научной медициной? Как воспринимались эпидемии в различных религиях?

Наконец, еще одно направление исследований – эпидемии и войны/революции. В его рамках как аккумулируются выше обозначенные вопросы, так и ставятся оригинальные задачи. Речь в данном случае идет не только о соотношении боевых и не боевых потерь, но и о наложении в сознании людей эффектов стрессовых ситуаций. Как эпидемии влияли на боевые качества и моральные установки солдат (на их боевой дух), а также на образ войны в общественном сознании?

Перефразируя высказывание А. Гуревича относительно изучения историками смерти, можно сказать, что восприятие и переживание людьми эпидемии – неотрывный ингредиент социально-культурной системы, и наши установки в отношении этого биологического феномена обусловлены сложным комплексом социальных, экономических, демографических (добавим – политических) отношений, преломленных общественной психологией, идеологией, религией и культурой⁵².

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ариес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Изд. группа «Прогресс» - «Прогресс-Академия», 1992 [Aries F. Chelovek pered licom smerti. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» - «Progress-Akademiya», 1992].
- Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века. СПб.: Алетейя, 2004. [Arnautova Yu.E. Kolduny i svyatye: Antropologiya bolezni v Srednie veka. SPb.: Aletejya, 2004.].
- Афанасьева А.Э. Тело, медицина и культура: «антропологические» ракурсы новой культурной истории // Науки о культуре в новом тысячелетии. М.; Яр.: ЯГПУ, 2007. С. 78-81. [Afanas'eva A.E. Telo, medicina i kul'tura: «antropologicheskie» rakursy novoj kul'turnoj istorii // Nauki o kul'ture v novom tysyacheletii. M.; Yar.: YaGPU, 2007. S. 78-81.].

⁵² Гуревич 1984: 133.

- Афанасьева А.Э. История медицины как междисциплинарное исследовательское поле // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы: Сборник статей / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Librokom, 2011. С. 419-437. [Afanas'eva A.E. Istoriya mediciny kak mezhdisciplinarnoe issledovatel'skoe pole // Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy: Sbornik statej / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Librokom, 2011. S. 419-437].
- Афанасьева А.Э. Новая история медицины в начале XXI века: основные тенденции развития // Преподаватель в XXI веке. 2016. С. 486-499 [Afanas'eva A.E. Novaya istoriya mediciny v nachale XXI veka: osnovnyye tendencii razvitiya // Prepodavatel' v XXI veke. 2016. S. 486-499].
- Афанасьева А.Э. «Инструмент империи»? Медицина в европейской колониальной истории // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 298-306 [Afanas'eva A.E. «Instrument imperii»? Medicina v evropejskoj kolonial'noj istorii // Dialog so vremenem. 2019. № 69. S. 298-306].
- Афанасьева А.Э. Исследовательская программа и проблемное поле «новой истории медицины» в начале XXI века // Профессия – историк. Вып. 1. М.: Аквилон, 2020. С. 99–113 [Afanas'eva A.E. Issledovatel'skaya programma i problemnoe pole «novoj istorii mediciny» v nachale XXI veka // Professiya – istorik. Vyp. 1. M.: Akvilon, 2020. S. 99–113].
- Афанасьева А.Э., Вишленкова Е.А., Гатина З.С., Затравкин С.Н., Лисицына Е.А., Реннер А., Яковенко В.А. История медицины и медицинской географии в Российской империи / Ред. Е.А. Вишленкова, А. Реннер. М.: Шико, 2021 [Afanaseva A.E., Vishlenkova E.A., Gatina Z.S., Zatravkin S.N., Lisicyna E.A., Renner A., Yakovenko V.A. Istoriya mediciny i medicinskoj geografii v Rossijskoj imperii / Red. E.A. Vishlenkova, A. Renner. M.: Shiko, 2021].
- Бергер Е.Е., Уваров П.Ю. Болезни, грехи и врачи // Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XVI вв. Сб. док / под ред. Е.Е. Бергер, П.Ю. Уварова. Приложение к журналу Средние века. Вып. 11. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 7–23 [Berger E.E., Uvarov P.Yu. Bolezni, grekhi i vrachi // Kazn' Gospodnya. Epidemii v Evrope XIV–XVI vv. Sbornik dokumentov / pod red. E.E. Berger, P.Yu. Uvarova. Prilozhenie k zhurnalu Srednie veka. Vyp. 11. M.: IVI RAN, 2020. S. 7–23].
- Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005. [Bogdanov K.A. Vrachy, pacienty, chitateli: Patograficheskie teksty russkoj kultury XVIII–XIX vekov. M.: OGI, 2005].
- Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмба, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Алетейя, 2008. [Bolezni i zdorov'e: novye podhody k istorii mediciny / Red. Yu. Shlyumbom, M. Hagner, I. Sirotkina. SPb.: Evropejskij universitet v SPb., 2008.].
- Бояркина С.И. Социальное структурирование эпидемического (не)благополучия в истории западноевропейских обществ XIV–XX веков // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. N 2(20). [Boyarkina S.I. Social'noe strukturirovanie epidemicheskogo (ne)blagopoluchiya v istorii zapadnoevropejskih obshchestv XIV–XX vekov // Medicinskaya antropologiya i bioetika. 2020. N 2(20).].
- Вишленкова Е.А., Затравкин С.Н. Врачебный текст в свете интеллектуальной истории: Ковно, 1827 год // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 284-297. [Vishlenkova E.A., Zatravkin S.N. Vrachebnyj tekst v svete intellektual'noj istorii: Kovno, 1827 god // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 69. S. 284-297.].
- Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011 (a). № 2. С. 41–82. [Vishlenkova E.A. «Vypolnyaya vrachebnye obyazannosti, ya postig duh narodnyj»: samoznanie vracha kak prosvetitelja Rossijskogo gosudarstva (pervaya polovina XIX veka) // Ab Imperio. 2011 (a). № 2. S. 41–82.].
- Вишленкова Е.А. Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // История и историческая память: сб. ст. / Под ред. А.В. Гладышева. 2011 (b). Вып. 4. С. 37–66. [Vishlenkova E.A. Mediko-biologicheskie ob'yasneniya social'nyh problem Rossii (vtoraya tret' XIX veka) // Istoriya i istoricheskaya pamjat': sb. st. / Pod red. A.V. Gladysheva. 2011 (b). Vyp. 4. S. 37–66.].
- Вишленкова Е.А. Время хаоса или время строительства?: Организация российской медицины в начале XIX века // Профессия - историк. М.: Аквилон, 2017. С. 212-245. [Vishlenkova E.A. Vremya haosa ili vremya stroitel'stva?: Organizacija Rossijskoj mediciny v nachale XIX veka // Professiya - istorik. M.: Akvilon, 2017. S. 212-245.].

- Вишленкова Е.А. Историческое исследование медицинской географии в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27. № 5. С. 924-929 [Vishlenkova E.A. Istoricheskoe issledovanie medicinskoj geografii v Rossii // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2019. T. 27. № 5. S. 924-929].
- Гладышев А.В. Прошальный «дар» Великой армии: эпидемия тифа в Европе 1813–1814 гг. // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021 (а). С. 91–144. [Gladyshev A.V. Proshchal'nuy «dar» Velikoj armii: epidemiya tifa v Evrope 1813–1814 gg. // Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii. T. 54. M.: IVI RAN, 2021 (a). S. 91–144.].
- Гладышев А.В. Чума в Египте 1834–1835 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021 (b). Т. 12. Вып. 7 (105) [Gladyshev A.V. Chuma v Egipte 1834-1835 gg. // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2021 (b). T. 12. Vyp. 7 (105)].
- Гуляева Е.Ш. Развитие древнерусской медицинской культуры: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Волгоград, 2006. [Gulyaeva E.Sh. Razvitiye drevnerusskoj medicinskoj kul'tury: Avtoref. diss. na soisk. uch. st. kand. ist. nauk. Volgograd, 2006.].
- Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. М., 1984. С. 114–135. [Gurevich A.Ya. Smert' kak problema istoricheskoy antropologii: o novom napravlenii v zarubezhnoj istoriografii // Odissey. M., 1984. S. 114-135.].
- Де Болливье М., Линькова Е.В. Холера во французской армии в Крыму 1854–1855 гг. // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 167–180. [De Bolliv'e M., Lin'kova E.V. Holera vo francuzskoj armii v Krymu 1854–1855 gg. // Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii. T. 54. M.: IVI RAN, 2021. S. 167-180.].
- Добкин де Риос М., Раковски Т. Медицинская антропология как научное направление в России и на Западе // Медицинская антропология и биоэтика. 2012. № 1 (3). [Dobkin de Rios M., Rakovski T. Medicinskaya antropologiya kak nauchnoe napravlenie v Rossii i na Zapade // Medicinskaya antropologiya i bioetika. 2012. № 1 (3).].
- Зильбер А.П. Врачи-труэнты: Очерки о врачах, прославившихся вне медицины. СПб.: Арка, 2013. [Zil'ber A.P. Vrachy-truenty: Ocherki o vrachah, proslavivshihsia vne mediciny. SPb.: Arka, 2013.].
- Исупов В.А. Социальные и природные факторы демографической катастрофы в Западной Сибири (начало 1930-х гг.) // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 138–150. [Isupov V.A. Social'nye i prirodnye faktory demograficheskoy katastrofy v Zapadnoj Sibiri (nachalo 1930-h gg.) // Istoricheskij kur'er. 2018. № 1. S. 138–150.].
- Казнь Господня. Эпидемии в Европе XIV–XVI вв. Сборник документов / под ред. Е.Е. Бергер, П.Ю. Уварова. Приложение к журналу Средние века. Вып. 11. М.: ИВИ РАН, 2020. [Kazn' Gospodnya. Epidemii v Evrope XIV-XVI vv. Sbornik dokumentov / pod red. E.E. Berger, P.Yu. Uvarova. Prilozhenie k zhurnalu Srednie veka. Vyp. 11. M.: IVI RAN, 2020.].
- Кацнельбоген А.Г. Общественная медицина в России (вторая половина XVIII – начало XIX веков. Волгоград : «Перемена», 1994. [Kacnel'bogen A.G. Obshchestvennaya medicina v Rossii (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX vekov. Volgograd : «Peremena», 1994.].
- Кириленко Е.И. Тема медицины в гуманитарном дискурсе // Вестник Томского государственного ун-та. 2008. № 316. С. 52–59 [Kirilenko E.I. Tema mediciny v gumanitarnom diskurse // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 316. S. 52–59.].
- МакНил У. Эпидемии и Народы. СПб.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2021. [MakNil U. Epidemii i Narody. SPb.: Izd-vo Universiteta Dmitriya Pozharskogo, 2021.].
- Медведева Л.М. Болезнь в культуре и культура болезни. Волгоград: Изд. ВолгГМУ, 2013 [Medvedeva L.M. Bolezni v kul'ture i kul'tura bolezni. Volgograd: Izd-vo VolgGMU, 2013].
- Медведь А.Н. Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. [Medved' A.N. Bolezni i bol'nye v Drevnej Rusi: ot «rudometa» do «dohtura». Vzglyad s pozicij istoricheskoy antropologii. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 2017.].
- Медведь А.Н. Эпидемии XIV–XV вв. в церковной литературе и жизни православной Церкви // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. Казань: Институт истории им.

- Ш. Марджани АН РТ, 2018. [Medved' A.N. Epidemii XIV–XV vv. v cerkovnoj literature i zhizni pravoslavnoj Cerkvi // Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoj Orde i na sopredel'nyh territorijah (XIII–XVI vv.). Sbornik nauchnyh statej. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018.].
- Михель Д., Михель И., Сироткина И. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925) // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 113–139. [Mihel' D., Mihel' I., Sirotkina I. Medicina protiv epidemij v Povolzh'e: social'no-istoricheskij kontekst (1890–1925) // Vestnik Evrazii. 2004. № 3. S. 113–139.].
- Михель Д.В. Воплощенный человек. Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов: Изж-во СГУ, 2000. [Mihel' D.V. Voploshchennyj chelovek. Zapadnaya kul'tura, medicinskij kontrol' i telo. Saratov: Izzh-vo SGU, 2000.].
- Михель Д.В. Оспа в контексте истории // Логос. 2007. № 6 (63). С. 17–40. [Mihel' D.V. Ospa v kontekste istorii // Logos. 2007. № 6 (63). S. 17–40.].
- Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 295–312. [Mihel' D.V. Social'naya istoriya mediciny: stanovlenie i problematika // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2009. T. 7. № 3. S. 295–312.].
- Михель Д. Хэзел Вейдман и возникновение медицинской антропологии в США (к пятидесятилетию образования Общества медицинской антропологии) // Медицинская антропология и биоэтика. 2012. № 2 (4). [Mihel' D. Hezel Vejdman i vzniknovenie medicinskoj antropologii v SSHA (k pyatidesyatiletiju obrazovaniya Obschestva medicinskoj antropologii) // Medicinskaya antropologiya i bioetika. 2012. № 2 (4).].
- Мохов С.В. Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 3 (86) [Mohov S.V. Smert' kak problema issledovaniya v social'noj i istoricheskoy antropologii: genезis idej // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2016. T. XIX. № 3 (86).].
- Нарский И.В. Канализация хаоса и хаос в канализации: санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917–1922 гг. // Человек и война (Война как явление культуры). Сб. статей / Под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой. М.: АИРО-XX, 2001. С. 255–259 [Narskij I.V. Kanalizacija haosa i haos v kanalizacii: sanitarno-gigienicheskoe sostoyanie ural'skih gorodov v 1917–1922 gg. // Chelovek i vojna (Vojna kak yavlenie kul'tury). Sb. statej / Pod red. I.V. Narskogo, O.Yu. Nikonovoj. M.: AIRO-XX, 2001. S. 255–259].
- Наумова Н.Н., Фалалеев П.И. Пандемия COVID-19 и ее влияние на политическую ситуацию во Франции (весна лето 2020 г.). // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 181–212 [Naumova N.N., Falalееv P.I. Pandemiya COVID-19 i ee vliyanie na politicheskuyu situaciyu vo Francii (vesna leto 2020 g.). // Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii. T. 54. M., 2021. S. 181–212].
- Наумова Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: Русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010. [Naumova Yu.A. Ranenie, bolezni i smert': Russkaya medicinskaya sluzhba v Krymskuyu vojnu 1853–1856 gg. M., 2010.].
- Омран А.Р. Теория демографического перехода: взгляд 30 лет спустя // Демографическое обозрение. 2019. № 1. С. 177–216. [Omran A.R. Teoriya epidemiologicheskogo perekhoda: vzglyad 30 let spustya // Demograficheskoe obozrenie. 2019. № 1. S. 177–216.].
- Островкин Д.Л., Попов М.В. Эпидемическое состояние уральского региона и борьба с эпидемиями на Урале в 1930-е годы // Вестник Удмуртского ун-та. 2018. Сер. «История и филология». Т. 28. Вып. 1. С. 109–113. [Ostrovkin D.L., Popov M.V. Epidemicheskoe sostoyanie ural'skogo regiona i bor'ba s epidemiyami na Urале v 1930-e gody // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2018. Seriya «Istoriya i filologiya». T. 28. Vyp. 1. S. 109–113.].
- Пироговская М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. СПб., 2018. [Pirogovskaya M. Miazmy, simptomty, uliki: zapahi mezhdru medicinoj i moral'yu v russkoj kul'ture vtoroj poloviny XIX veka. SPb., 2018.].
- Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007 [Poznanskij V.S. Social'nye kataklizmy v Sibiri: golod i epidemii v 20–30-e gody XX v. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2007].
- Портер Р. Взгляд пациента. История медицины “снизу” // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Ред. Ю. Шлломбом, М. Хагнер, И. Сироткина. СПб.,

2008. С. 41-72. [Porter R. Vzgl'yad pacienta. Istoriya mediciny «snizu» // *Bolezn' i zdorov'e: Novye podhody k istorii mediciny*. SPb., 2008. S. 41-72.]
- Прокopenko С.А. «Чёрная смерть» в историографии: общая характеристика // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. [Prokopenko S.A. «Chyornaya smert'» v istoriografii: obshchaya karakteristika // *Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoj Orde i na sopredel'nyh territoriyah* (XIII–XVI vv.). *Sbornik nauchnyh statej*. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018.]
- Реннер А. Исследования по истории медицины XVIII - XIX веков на Западе: новые подходы и перспективы // Медицина России в годы войны и мира. Новые документы и исследования / Отв. ред. и сост. Л.А. Булгакова. СПб.: Нестор - История, 2011. [Renner A. Issledovaniya po istorii mediciny XVIII - XIX vekov na Zapade: novye podhody i perspektivy // *Medicina Rossii v gody vojny i mira. Novye dokumenty i issledovaniya* / *Otv. red. i sost. L.A. Bulgakova*. SPb.: Nestor - Istoriya, 2011.]
- Склярова Е.К. Становление системы общественного здравоохранения в Великобритании (конец XVIII в. - 1854 г.): Дисс. ... канд. мед. наук. Ростов-на-Дону, 2002 [Sklyarova E.K. Stanovlenie sistemy obshchestvennogo zdravoohraneniya v Velikobritanii (konec XVIII v.–1854 g.): *Diss. ... kand. med. nauk*. Rostov-na-Donu, 2002.]
- Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. В 2-х т. Т. 1. Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. [Supotnickij M.V., Supotnickaya N.S. Ocherki istorii chumy. V 2-x t. T. 1. Chuma dobakteriologicheskogo perioda. M.: Vuzovskaya kniga, 2006.]
- Таньшина Н.П. Эпидемия холеры 1832 г. в Париже // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 145-166. [Tan'shina N.P. Epidemii holery 1832 g. v Parizhe // *Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii*. Т. 54. М.: IVI RAN, 2021. С. 145-166.]
- Уваров П.Ю. Чума 1580-х годов во Франции: взгляд из столицы и взгляд из провинции // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 9–42. [Uvarov P.Yu. Chuma 1580-h godov vo Francii: vzglyad iz stolicy i vzglyad iz provincii // *Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii*. Т. 54. М.: IVI RAN, 2021. С. 9–42.]
- Форрест А. Пережить эпидемию: опыт великой марсельской чумы 1720 года // Французский Ежегодник. 2021. Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: РОСПЭН, 2021. С. 43–62. [Forrest A. Perezhit' epidemiyu: opyt velikoj marsel'skoj chumy 1720 goda // *Francuzskij Ezhegodnik*. 2021. М.: ROSPEN, 2021. С. 43–62.]
- Харитонов В.И. Медицинская антропология на Западе и в России // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 3–10. [Haritonova V.I. Medicinskaya antropologiya na Zapade i v Rossii // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2011. № 3. С. 3–10.]
- Харитонов В.И. COVID-19: новая тема медицинской антропологии // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. N 1 (19). С. 5–27 [Haritonova V.I. COVID-19: novaya tema medicinskoj antropologii // *Medicinskaya antropologiya i bioetika*. 2020. № 1 (19). С. 5–27.]
- Чудинов А.В. Чума в Восточной армии Наполеона 1798–1801 гг. // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН, 2021 (а). С. 63-90. [Chudinov A.V. Chuma v Vostochnoj armii Bonaparta 1798–1801 gg. // *Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii*. Т. 54. М.: IVI RAN, 2021 (а). С. 63-90.]
- Чудинов А.В. Темы нам диктует жизнь // Французский ежегодник 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021 (b). С. 5-8. [Chudinov A.V. Temy nam diktueta zhizn' // *Francuzskij ezhegodnik 2021: Epidemii v istorii Francii*. М., 2021 (b). С. 5-8.]
- Щиголов И.И. Психические эпидемии в России. Брянск: Изд-во БГУ, 2001. [Shchigolev I.I. *Psichicheskie epidemii v Rossii*. Bryansk: Izd-vo BGU, 2001.]
- Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. [Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoj Orde i na sopredel'nyh territoriyah (XIII–XVI vv.). *Sbornik nauchnyh statej*. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018.]
- Яковенко В.А. История советской медицины: обзор новейших исследований // Cahiers du Monde Russe. 2021. Т. 62. № 4. Р. 31–44. [Yakovenko V.A. Istoriya sovetskoj mediciny: obzor novejshih issledovanij // *Cahiers du Monde Russe*. 2021. Т. 62. № 4. С. 31–44.]

- Afanasyeva A. Quarantines and Copper Amulets: the Struggle against Cholera in the Kazakh Steppe in the Nineteenth Century // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 2013. Vol. 61. №. 4. P. 489-512.
- Baldwin P. Contagion and the State in Europe, 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Digby A. Making a Medical Living: Doctors and Patients in the English Market for Medicine, 1720–1911. Cambridge, 1994.
- Hayes J.N. Epidemics and Pandemics: Their Impacts on Human History. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2005.
- Henze Ch.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia Life and Death on the Volga, 1823-1914. London: Routledge, 2010.
- Honigsbaum M. The Pandemic Century: One Hundred Years of Panic, Hysteria, and Hubris. New York: W.W. Norton, 2019.
- Disease, Medicine and Empire: Perspectives on Western Medicine and the Experience of European Expansion / Eds. R. MacLeod, M. Lewis. London: Routledge, 1988.
- Lane J. A Social History of Medicine. Health, Healing and Disease in England, 1750–1950. London, New York: Routledge, 2001.
- Markel H. Quarantine!: East European Jewish Immigrants and the New York City Epidemics of 1892. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.
- McNeill W.H. Plagues and Peoples. New York: Doubleday, 1976;
- Slack P. Introduction // *Epidemics and Ideas: Essays on the Historical Perception of Pestilence* / Eds. T. Ranger, P. Slack. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–20.
- Snowden F.M. Epidemics and Society: From the Black Death to the Present. New Haven, CT: Yale University Press, 2019.
- Starr P. Medicine, Economy and Society in Nineteenth Century America // *Journal of Social History*. 1977. №. 10. P. 588–607.
- Valleron A.J. Historical Analysis of the 1889–1890 Pandemic in Europe // *International Journal of Infectious Diseases*. 2008. T. 12. Supplement 1.
- Vovelle M. La mort et l'Occident de 1300 a nos jours. Paris: Gallimard, 1983.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; Gladav2002@mail.ru

The Epidemiological Turn in Historiography is an Undeclared Given

The article examines the evolution of historiography and methodology of the history of medicine from the anthropological turn of the last century to the epidemiological turn of the present. For a long time, the history of medicine has been written by «truant» doctors. In the 1970s, due to the anthropological turn, the "new history of medicine" and "medical anthropology" appeared. The "professional base" of medical historians was expanding: in addition to physicians, "anthropologists", including archaeologists, sociologists, philosophers, ethnologists, demographers, culturologists, psychologists, literary scholars, feminists and journalists began to apply for this field of research. Over time, historians also joined in research on the social history of medicine. The history of epidemics has long been regarded as an integral part of the history of diseases or (even more broadly) the history of medicine. But it is precisely the anthropological dimension of history that demonstrates the peculiarities of studying the history of epidemics. The publications of the last two or three years in Russian historiography indicate an outbreak of interest in historical epidemiology and the formation of several intersecting thematic fields in its mainstream.

Keywords: *history of medicine, historical epidemiology, anthropological turn, pandemic, historiography and methodology.*

Andrey Gladyshev, Dr. Sc. (History), Professor at Department of Modern History, Chernyshevsky Saratov State University; Gladav2002@mail.ru

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Р.А. МИХНЕВА, Е.С. КИРСАНОВА

НИКОЛАЙ КАРЕЕВ, «СТАРЕЙШИНА РУССКИХ ИСТОРИКОВ», ИЛИ У ИСТОКОВ БОЛГАРСКОЙ НОВИСТИКИ. Часть 2

На примере деятельности российских историков – преподавателей новой и новейшей истории Софийского университета в конце XIX – первой половине XX в. авторы прослеживают зарождение и особенности болгарской новистики. Связующим звеном в поисках уточнения пространственно-временных характеристик русской исторической школы стала личность Николая Кареева. В фокусе внимания авторов – круг его учеников, соратников, друзей, а также болгарские коллеги и общественные деятели.

Ключевые слова: *Н.И. Кареев, Э.Д. Гримм, В.А. Мякотин, П.М. Бицилли, Софийский университет, Петербургский университет, новистика, историческая наука, историческое образование*

Сразу после драматических событий 1917–1920 гг. в России, начиная с 1919 г., Софийский университет принял на разные должности свыше 40 университетских преподавателей из России – историков литературы, специалистов по экономической истории, социологов, юристов, медиков. Их многочисленность привела к тому, что было принято решение Академического совета Софийского университета разрешить чтение лекций на русском языке¹. После П.Н. Милукова, в начале 1920-х гг. другой известный деятель кадетской «профессорской партии» начинает преподавательскую деятельность. Но в университете появляются и известные российские академические персонажи – слависты, филологи, литераторы, археологи: Н.П. Кондаков – ординарный профессор археологии и истории средневекового искусства (1920–1922); М.Г. Попруженко – ординарный профессор истории болгарской и славянской литературы (1920–1944); кн. Н.С. Трубецкой – ординарный доцент и по кафедре сравнительного языкознания (1920–1922); К.В. Мочульский – ординарный доцент, преподаватель истории литературы (1920–1922). Трубецкой и Мочульский, преподавали на отделении романских языков; И.П. Созонович – сравнительное литературоведение (1921–1922); Н.М. Дилевский – ординарный доцент, потом профессор русского языка, классик болгарской русистики, преподавал историческую грамматику русского языка (1934–1984). На Юридическом факультете – не только юристы, но и ряд преподавателей социологии, политической экономии, экономической истории, истории экономических учений: В.Н. Раненкампф (1920–1925); И.Г. Кинкел (1920–1930); С.С. Демостенов (1921–1947)².

Обучение историков начинается сразу по окончании войны. Учебный процесс в 1918/1919 и 1919/1920 гг. идет по плану от 1910 г.³ После

¹ Илчев, Колев, Баева, Калинова 2018: 87.

² Подробнее о них см. Алманах, по алфавитному перечню, даты и преподавательская нагрузка указаны по договорам каждого из них.

³ Илчев, Колев, Баева, Калинова 2018: 85.

Милюкова лекции по новой истории Европы до 1911 читает Д. Агура.⁴ С 1921 г. студенты слушают лекции по тематическим направлениям (кафедрам): „История Болгарии”, „История Восточной Европы” (Византия, Турция, Балканские народы, Маджарско [sic!], Польша и Россия), отдельно работает семинар по „Археологии” и „Истории искусств”. Но появляются и новые дисциплины. Впервые в 1921 г. Министерством народного просвещения для „Всеобщей истории” обособлены три направления: „Истории восточных и классических народов”, „Средняя история” (sic!), и отдельно в ст. 292 указывается, что создается и новый лекционный цикл или „кафедра” по „Новой и новейшей истории”. Первым начинает читать лекции по этой тематике проф. Э.Д. Гримм⁵.

Новое хронологическое и тематическое размежевание лекционных курсов вызвано осознанием необходимости освещать вопросы новой и новейшей истории, давая их анализ с позиций научного историзма. Профессор Милюков вспоминает: «Курсы новой, а особенно новейшей истории у нас казались почему-то обязательно ненаучными, и я помню наше общее неодобрение, когда такой курс (история XIX в.) начал читать в Петербурге профессор Кареев»⁶. Кареев начал читать такой курс по идее Герье в Московском университете после своего возвращения из стажировки во Франции. На самом деле это был первый курс по новейшей истории в университетском образовании.

После кровавых событий начала века всеобщую историю, понимаемую прежде всего как историю Античности и Средних веков, перестают воспринимать как единственную „настоящую” историю. «Наше время, время грандиозного культурного перелома, не менее значительного и содержательного, нежели, скажем перелома VI в. или XIV–XV вв. и предъявляет нам, историкам, соответствующие требования. Нам должно быть стыдно, что за нас делают нашу работу публицисты (Wells), математики (Spengler) и прочие – работу осмысления истории, создания нового исторического синтеза», – поделится своими мыслями П.М. Бицилли весной 1933 г. в письме своему молодому коллеге Ивану Дуйчеву, проходившему стажировку в Италии⁷. И необходимость в осмыслении вызовов времени осознаётся как важная задача историков не только профессором Бицилли. Военные годы и революции в России изменили многое, в том числе и в университете. В то же время в преподавании новой и новейшей истории, включая историю России, продолжала доминировать российская школа, представленная Гриммом, Бицилли и Мякотиным. О последнем Милюков напишет: «С Мякотиным меня ско-

⁴ Алманах 1988: 3.

⁵ К сожалению, понятие «кафедра» приводит многих исследователей к неверному мнению, что речь идет о структуре «кафедра», которой Гримм руководит. Кафедра, как структура, появляется лишь в 1951/1952 г. г., копируя советский опыт организации высших учебных заведений. Тогда и выражение «занимает кафедру» заменяется «заведовать кафедрой». Петров 2015: 180-187.

⁶ Милюков 1991: 118.

⁷ Петкова, Галчева 2011: 8, письмо от 5.IV.1933.

ро соединила искренняя дружба, которую оба мы сохраняли до его случайной кончины в Праге, куда он приехал для занятий в качестве профессора Софийского университета в Болгарии...»⁸. Когда в конце 1920-х во Франции отмечали юбилей Миллюкова, один из авторов специально подготовленного сборника был его старинный друг В.А. Мякотин⁹.

Первым приехал в столицу Болгарии из Константинополя Эрвин Давидович Grimm. Его путь в Софию шел, как и у многих других эмигрантов, через Крым. В мае 1920 г. он уже в Болгарии. Для нас важно, что Э.Д. Grimm не только последний ректор Петербургского университета, но один из „птенцов” семинария – „учебной лаборатории” Н.И. Кареева¹⁰. Его тут же назначили ординарным профессором по „Новой и новейшей истории”. В этой ипостаси Grimm пребывает с 1.09.1920 г. по 20.06.1923 г., он первым вернулся на Родину. Недолгий период пребывания Grimm в Болгарии все еще ожидает серьезного исследования, на данный момент, однако, можно сказать, что его присутствие в аудиториях университета дало сильный толчок развитию новистки в Болгарии в межвоенный период. Уже одни названия спецкурсов, формирующих пакет лекций по “Новой и новейшей истории”, высвечивают его стремление понять современность и ответить на рожденные Временем вопросы. Курсы, которые слушают его болгарские студенты, либо уже читались им в Петербурге, либо являлись их хронологическим продолжением. Так обстоят дела с курсом „История Англии в XVII–XVIII вв.”, продолжение его же курса „Истории Англии до XVI в.”, который он читал в России в 1900/1901 и 1907 гг. Лекции „Старый режим и революция во Франции” – это его курс „История Франции XVI–XVII вв.”, представленный студентам в России в 1908/1909 уч.г. Курс „Эпоха Возрождения в Италии” он читал в Петербурге в 1910/1911 уч.г. Появляются новые курсы по новейшей истории: „Эпоха европейского империализма”, „История первой болгарской конституции”, а также „История Европы в первой половине 19 века», которую он читал в 1914/1915 уч.г., но теперь – по второй половине века. Таким образом, в Болгарии, как лектор, он полностью переходит к новой и новейшей истории. В ежегоднике Софийского университета за эти три года опубликованы три его работы на русском языке: «Три стадии культурного развития народов» (1918–1920), «История и идейные основы проекта Органического устава, внесенного в Тырновское Учредительное собрание 1879 г.» (1920–1921) и «Эпоха Священного союза» (1921–1922).

К сожалению, в новоопубликованных работах российских коллег „Софийский период” и вклад Grimm в развитие университетского образования в Болгарии и в направление новистки вообще игнорируется. Авторы обращают прежде всего внимание на его политическую активность до и после возвращения в СССР. Между тем, Grimm в течение

⁸ Илчев, Колев, Баева, Калинова 2018: 41.

⁹ Миллюков 1991: 11.

¹⁰ Кареев 1990: 34.

своего короткого „болгарского периода”, включая новые, современные темы в свои лекции, задал тон преподаванию новейшей истории. Трудное постреволюционное время и поиски смыслов эмигрантского существования ставили перед ученым и человеком вопросы, на которые он искал ответы, обращаясь к прошлому и современности, и рассуждениями об этих поисках и их результатах историк наполняет свои лекции для студентов. Отсутствие информации о работе профессора Гримма в Болгарии, вероятно, позволяет утверждать, что он отошел от того круга тем, которым интересовался Н.И. Кареев¹¹. Это – тема Французской революция, русско-польских отношений и вопросов философии истории, по сути, доминирующие сюжеты в творчестве Н.И. Кареева.

Тематика же спецкурсов Гримма в Софийском университете говорит о новой для него проблематике, но в рамках тем Кареева. У Гримма чисто гамлетовская проблема – в условиях социальных катаклизмов он решает ту же проблему, что и герой Шекспира – «Вре́мён порвалась связующая нить. Как мне её соединить!». Интересом к устранению разрывов в историческом времени, к сохранению связей с прошлым и возможности их восстановления, объясняется круг его занятий в Софии – этапы и характер трансформации в английском обществе, идеи парламентаризма, путь Франции к революционным переменам конца XVIII в., европейский империализм и болгарский конституционализм как пример сосуществования монархии и парламента. Похожие „метания” между прошлым и настоящим в поисках ответа на экзистенциальные вопросы бытия и повседневности, желание дойти до новой исторической сути, нового исторического синтеза, – всё это чуть позже появляется и в письмах коллеги П.М. Бицилли молодому Ивану Дуйчеву.

Размышления же самого Гримма в поисках ответа на вопрос о возможности сосуществования разных типов цивилизации, религий, государств приведут в этот болгарский период его творчества к одной из тем его учителя и соратника по партии Кареева, проблеме империализма¹². Начав разрабатывать эту тему в Болгарии, Гримм продолжит ею заниматься уже в СССР. В 1933 г. он подготовит сборник документов «Международная политика эпохи империализма»¹³.

Год спустя после драматического отъезда проф. Гримма на Родину в 1924 г. его место занимает П.М. Бицилли в качестве ординарного профессора по новой и новейшей истории. Как известно, областью специальных научных интересов Бицилли была медиевистика. Работая над диссертацией, защищенной в 1917 г. в Петроградском (в то время) университете, он находился под сильным влиянием П. Милукова, Н. Кареева, И. Гревса. Оказавшись в эмиграции с 1920 г. на Балканах, в Скопье (с. РСМакедония), в весьма ограниченной для интеллектуального общения и научных исследований среде, Бицилли в 1924 г. без колебания

¹¹ Беляева 2011: 199.

¹² Кареев.

¹³ Брачов, 20.

принимает приглашение профессора В. Златарского, который ходатайствует за него перед руководством Софийского университета. В Софии он становится ведущим преподавателем по дисциплинам, связанным с новой и новейшей историей, вплоть до увольнения в 1949 г.¹⁴

Ученик Бицилли, профессор Христо Гандев в своих воспоминаниях подчёркивает, что в Болгарии: «В его научном творчестве начинался самый плодотворный период, внесший ценный вклад в болгарскую историческую науку»¹⁵. Именно здесь вскоре по приезду в Софию П. Бицилли изложил свои основные идеи об исторической науке в «Очерках по теории исторической науки» (1925). В 1927 г. была опубликована книга «Введение в изучение новой и новейшей истории (Опыт периодизации)», в которой Бицилли демонстрирует возможности новых подходов к решению уже конкретных историографических проблем, адресуя свои идеи читателям, уже знакомым с учебниками для гимназии¹⁶. Его труды по философии истории и методологические подходы больше всего приближаются в идейном отношении к Н.И. Карееву и тем параметрам российской школы новистки, которые он задает, полагая необходимым для исследователя опираться на синтез исторического, социологического и психологического знания. Бицилли читает курсы «Новая и новейшая (политическая и социальная) история Западной Европы», «История европейской культуры», „Философия истории”, «Политические теории», «Социальная утопия», «Историческая терминология» (упомянем труд Н.И. Кареева «Исторические номенклатура и терминология»)¹⁷. В этом он тоже следует методологическим идеям Кареева.

Своей научной работой и преподаванием Бицилли вносил серьезный вклад в формирование будущих историков Болгарии, но он всё-таки, по его словам, оставался в какой-то мере чужаком для части своих коллег. Эта инаковость ощущалась в несовпадении теоретико-методологических интересов – болгарские историки были сосредоточены на позитивистских методах изучения источников, разрабатывая историческую конкретику, которая нужна была молодому государству и его образовательным институтам. Беспокойство вызывала и всегда висевшая над Бицилли опасность потерять преподавательское место, что стало реальной угрозой, когда ушел из жизни Васил Златарский. Экономический кризис начала 1930-х вынуждал университетские власти экономить средства – контракты с русскими профессорами продолжали подписыва-

¹⁴ Бирман 2018. pass. Димитрова.

¹⁵ Гандев 1980. №2: 61.

¹⁶ Петкова, Бицилли 2017: 133.

¹⁷ См. Бирман 2018: 325-329. Перечень т.н спецкурсов П.М. Бицилли, основан на данных Г.Петковой. Анализ этого списка пока не входит в цели нашей работы. В определенной мере он уточняет содержание общих лекционных курсов, которые вписаны в Алманах 1988: 58. Автор считает, что речь идет от „спецкурсах”, однако удивляет продолжительность многих из них (от 2 до 4 ч.). На данный момент нам кажется, что список Г. Петковой и М.А. Бирмана представляет перечень тематических единиц лекций, а не спецкурсов.

ваться, но на более короткий срок. Была и попытка уволить Бицилли, но коллеги сумели договориться с ректором о продлении его договора¹⁸.

Традиции обучения в Софийском университете, как мы уже отметили в самом начале, предполагала в рамках лекций по новой и новейшей истории и чтения по истории России. В конце 1920-х гг., пару лет спустя после появления в Софийском университете П. Бицилли, “кафедра” “История России” досталась проф. В.А. Мякотину, одному из ближайших соратников и учеников Н.И. Кареева¹⁹. Мякотин занимал эту должность до самой своей кончины. В процессе чтения лекций у Мякотина вызрела и идея написать учебник по истории России IX–XVIII вв., который оказался первым учебником подобного рода в Болгарии. Учебник был опубликован в 1937 г. После него учебное пособие по русской истории издается еще раз после войны в 1947 г. профессором Бицилли²⁰.

Не меняя полностью свою тематику, В.А. Мякотин, как и другие его коллеги из России, обратил более пристальное внимание на современность. Таким образом, кроме классических знаний по истории России, устройству империи, историографии России и др., Мякотин готовил для болгарских студентов лекции по политической и экономической истории России с 1881 по 1914 г., по истории российского общества в канун войны. В Софии он возвращается и к своей любимой до войны „польской тематике”, близкой Н.И. Карееву. Три курса Мякотина посвящены Гетманской Малороссии в XVII–XVIII вв., Украине XVII–XIX вв. и русско-польским отношениям в XVIII–XIX вв.²¹.

Даже поверхностное ознакомление с учебными планами межвоенного времени позволяет сделать вывод, что преподавание новой и новейшей истории в течение четверти века оставалось делом выходцев из российских университетов. В обособленной новой учебной дисциплине сохранилась как тематическая преемственность исторической проблематики, так и философский подход, широта взглядов, присущая творчеству Н.И. Кареева, что проявлялось в интерпретационных подходах, не смотря на новые акценты, связанные с новейшей историей. И, что очень важно – в Болгарии преподавали представители двух российских школ, при всей условности их разделения – Московской и Петербургской. Сам Кареев, ученики которого преподавали в Болгарии, объединял в себе традиции этих двух ведущих направлений. В Московском университете создавалась школа более социологическая и близкая к философии истории, а Санкт-Петербургская была более конкретной и близкой к источнику и фактам, а также менее зависимой от историографической традиции²². Принято считать, что это “размежевание” территории впервые

¹⁸ Тесля. pass.

¹⁹ Подробнее об отъезде В.А.Мякотина из России и его назначение в Софийском университете см. Новикова 2018: 314-319; Галчева, Голубович, Павлова 2014: 130.

²⁰ Петкова 1947.

²¹ Алманах 1988: 398.

²² Ростовцев 2000: 106.

было сделано Милюковым в его «Воспоминаниях»²³. Специфика каждого из этих направлений оказала свое влияние на облик двух направлений исторической науки Болгарии в конце XIX – первой половине XX в. Специалисты и преподаватели (обычно эти занятия совпадали) по археологии, античной истории, истории средних веков, византистике, балканистике, которые разрабатывали корпус знаний по “национальной истории”, были преимущественно выпускниками или преподавателями Петербургского и немецких университетов – В. Златарский, П. Ников, П. Мутафчиев, Б. Филев и др.²⁴ Трудно установить, чье влияние было определяющим, особенно в том, что касается новой и новейшей истории.

Определить каким образом происходил симбиоз между болгарскими реалиями и академическим опытом и традициями разных российских университетов на данный момент является задачей, состоящей по большей части из “неизвестных”. Тем более что вместе с идейно-образовательной составляющей воспринимался и тот человеческий и идейно-политический опыт, который характеризовал весь российский академический корпус в Болгарии и, в частности, в университете. Этот видимый “русский след” отчасти объясняет и тот кадровый погром исторического образования, который произошёл после 1945 г. После увольнения Петра Бицилли кафедра переходит в руки его ближайшего ученика Христо Гандева, но в дальнейшем автоцензура стала частью любого исследовательского проекта и влияла на содержание его лекций. В них уже нет того широкого разброса исторических тем и постановок проблем, присущих Бицилли. Гандев постарался работать на поле национальной истории, хотя оставался ведущим профессором и по новой истории.

Политический опыт и идеи профессоров-историков из России не вписывались в новые идеологические каноны. Ещё до политических перемен в 1944 г. болгарские власти опасались их личного авторитета, революционного опыта и опыта участия в политической жизни России, и процесс сокращения того интеллектуального пространства, которое завоевали русские профессора своей преподавательской работой и научными достижениями, стал набирать скорость. В 1950 г. в журнале «Исторически преглед» была опубликована статья молодого ассистента Исторического факультета Петра Петрова, которую можно назвать завершающим актом борьбы с „буржуазно-националистическим уклоном” исторической науки и кадровой чистки факультета. Статья была посвящена к тому времени уже усопшему патриарху болгарской медиэвистики академику Петру Мутафчиеву. Среди перечня его буржуазно-идеалистических и немарксистских прегрешений автор указал и на то, что Мутафчиев в некрологе о кончине Мякотина, названного Петровым «старым политическим грешником», не упомянул, что русского профессора изгнали из СССР, и поделом, за антисоветскую деятельность²⁵.

²³ Ростовцев 1999: 416.

²⁴ Алманах 1988: 396,411-412,627-628.

²⁵ Петров 1950/1951: 396-397.

В.А. Мякотина знали не только как историка, но и как человека с политическим стажем. За его спиной была революционная деятельность, аресты и “знакомство” с тюремным казематом Петропавловской крепости²⁶. Широко известна акция 8 января 1905 г., в которой Мякотин и Кареев вместе с другими представителями интеллигенции предприняли попытку предотвратить кровопролитие 9 января²⁷. К моменту выхода статьи прошло 10 лет со дня смерти историка, но “тень” его влияния казалась более “видимой”, чем этого хотелось новым властям.

В Софийский университет преподаватели из России внесли, по воспоминаниям их студентов и жителей города, струю демократичности и раскрепощенности, непривычную как для города, так и для университетского сообщества. Э.Д. Grimm приехал в Болгарию без семьи, он работал – писал, консультировал и просто общался со студентами и коллегами в корчме «У Спаса»²⁸, которой сегодня нет, она находилась на одной из небольших центральных улиц города, которая называлась “Граф Игнатъев”, последний его адрес в Софии – на улице Христо Белчев неподалеку. Он вел долгую переписку с руководством университета по поводу своих жилищных условий и удаленности его первой квартиры от университета, располагавшейся в районе Княжево, где жили многие русские. Это создавало проблемы, особенно трудно было для общения со студентами²⁹. На программах лекционных курсов, которые они получали в начале учебного года, отмечался домашний адрес преподавателя, куда студенты могли к нему приходиться для консультации. Grimm не мог похвастаться ни своим домашним кабинетом, ни личной библиотекой. По воспоминаниям современников профессор из России быстро завоевал популярность. Бытовое неудобство компенсировалось близостью балканской традиции студенческих „чаепитий” в корчме “У Спаса” традициям родной для Grimma Альма-матер³⁰. При чем тут не идет речь о каких-то чрезвычайных явлениях – работа со студентами, молодыми коллегами в неформальной среде была типичной для интеллектуальной жизни университета вообще, не только в России. Таким общительным и внимательным к молодым коллегам профессор Grimm остается и для своих коллег из института в Ленинграде перед арестом³¹.

Поведение Grimma не было необычным. Бицилли, например, консультировал будущего медиевиста академика Ивана Дуйчева во время его длительной стажировки в Италии³². Гуляя по улицам и скверам Софии, он вел длинные разговоры со своим учеником профессором Гандевым, которому открыл дорогу в круг русских интеллектуалов и ученых

²⁶ Гапон 2019: 119.

²⁷ Минцлов 2016: 166.

²⁸ Спас – болгарское мужское имя.

²⁹ Михнева, Грозев, Рупчева 2016: 141.

³⁰ Сильвин 1982: 25-26.

³¹ Брачев 2019: 21-22.

³² Петкова, Галчева 2011.

в Праге³³. Интересные и обаятельные собеседники, русские историки формировали вокруг себя круг молодых историков³⁴. Атмосфера послевоенного времени в единственном болгарском университете, куда вернулись с фронта студенты и преподаватели, предрасполагала к идейным и интеллектуальным поискам и дискуссиям. Туда перекочевал дух профессорской и студенческой корпорации российских университетов, что настораживало власти как до 1944 г., так и после него. До – потому что со студентами стали общаться люди с серьезным политическим опытом, а после – потому что их считали антисоветскими элементами.

Общение со студентами давалось не всегда просто, университетская повседневность требовала усилий с обеих сторон – студентов и профессоров. Так, П.М. Бицилли, например, хотя и плохо, но читал на болгарском, а В.А. Мякотин – нет. Студенты часто его не понимали, но в то же время следили за тем, чтобы в аудитории всегда присутствовало не менее двух студентов, в противном случае при обнаружении отсутствия студентов в аудитории с проф. Мякотиним могли бы расторгнуть контракт. Очень часто студенты вступали в дискуссии с профессором, его политические идеи были им известны. После 1944 г. эти дискуссии «старого политикана», как он будет назван, войдут в перечень идеологических «упущений» проф. Мутафчиева, о чем шла речь выше. Христо Гандев запомнил и описал его как мягкого, благодушного старика, который очень хорошо все объяснял. Он знакомил студентов с идеями западноевропейских авторов, о которых в то время знали в Болгарии единицы из образованных людей, а местные библиотеки не баловали изобилием изданий. Мякотин в своих рассуждениях не останавливался только на авторах исторических сочинений. Гандев утверждает, что так вел себя и Бицилли, от которого он узнал о сочинениях Маркса и марксизме. Сравнивая атмосферу общения русских преподавателей со студентами и их поведение с той манерой общаться со студентами болгарских преподавателей, Гандев называет последних «чорбаджиями»³⁵ – юность бывает иногда слишком категоричной, но часто справедливой³⁶.

После революции и Гражданской войны связи с российской академической традицией ослабели. Историки, которые находились у истоков основных концепций истории болгарского государства, такие как профессор Васил Златарский, ученик В.И. Ламанского и В.Г. Васильевского, его молодые последователи – историки, археологи – уже стажировались и общались активно с представителями ведущих западноевропейских исследовательских центров, как части международной академической сети. Труды В. Златарского, П. Никова, Г. Кацарова, П. Мутафчие-

³³ Хр. Гандев 1980: 27.

³⁴ Корзун 2012: 101.

³⁵ Богатый человек, деревенские староста, представители купечества, до Освобождения в 1878 г. связанные с османской администрацией богатые городские или деревенские жители.

³⁶ Велева: 21-26.

ва, Б. Филова, И. Снегарова, И. Дуйчева и др., отвечавшие общественному интересу к национальной истории, отличались скрупулезным анализом источников, педантичной историографической осведомленностью, но также отказом от некоего полета фантазии, характерного для Кареева, оставались полностью в рамках классического позитивизма. Эта линия, в отличие от тематики, связанной с историей нового и новейшего времени, смогла быстрее приспособиться к идеологическому повороту после 1944 г. и вписаться в востребованное перевоспитание населения.

В 1946 г. *пятичленка*³⁷, проводившая инспекцию идейного состояния преподавательского корпуса Историко-филологического факультета, объявила академическому и партийному руководству неутешительные результаты. В докладе утверждалось, что корпус преподавателей состоит из: «непереубежденных фашистов – 3, сторонников Отечественного фронта – 9, оппозиционеров – 3, колеблющихся – 9». Вследствие этого до конца 1940-х гг. часть профессоров и доцентов были отстранены от преподавания. Справиться с таким кадровым коллапсом было не просто. Лишь в 1951/1952 г., когда были созданы структуры нового Философско-исторического факультета, появилась, уже как структурное подразделение, кафедра «Общей истории» (всеобщей истории), но только один преподаватель получил допуск для занятий со студентами – Христо Гандев. Ему пришлось вести курсы по средним векам, новой и новейшей истории и истории России. В тот же год были опубликованы «Списки запрещенной литературы». В первом из них *«I списък на фашистка, упадъчна, религиозна, опортюнистическа, реакционна и малоченна литература, издадена в периода от 1944 до 1951 г., подлежаща на изземване»* вошли три работы П.М. Бицилли, одна из которых: *«История на Русия от началото на XIX в. до втората революция 1917 г. Вътрешна политика и обществени движения»* (С., 1947)³⁸.

Постепенно кафедра создавала свои кадры, но отсутствие академической и профессиональной среды не позволило добиться серьезных научных результатов. Работать над этой проблематикой означало проводить поиски в иностранных архивах и библиотеках и строго соблюдать „идеологическую” дисциплину. Лишь на фоне некоторого послабления партийного контроля на “историческом фронте” в годы влиятельного присутствия Л. Живковой³⁹ и в связи с начавшейся кампанией по поводу важной даты – 1300-летия болгарского государства в 1981 г.⁴⁰ – в Ин-

³⁷ Комиссия из пяти членов, проводившая обследование в конкретном случае идейного состояния преподавательского состава историко-филологического факультета.

³⁸ <http://www.savedarchives.net/ru/article/oderzhimiyi-beshenoi-belogvardeiskoi-zloboi>

³⁹ Людмила Живкова (1941–1981), историк, к.и.н., дочь первого секретаря БКП Тодора Живкова, член Политбюро БКП и министр культуры. Ее имя связано с первым периодом демократизации научной и культурной жизни Болгарии в 1970-е гг., активизацией международного культурного обмена, созданием новых трансдисциплинарных научных направлений (фракология), инновативных молодежных проектов.

⁴⁰ С начала 1970-х в МИД и КГБ Болгарии были созданы специальные отделы, занимавшиеся поисками исторических документов по истории Болгарии за границей.

ституте истории БАН была сформированна секция “Новая и и новейшая история”⁴¹. Всё вышеизложенное в какой-то мере объясняет последующий системный кадровый дефицит, характерный для этого научно-образовательного направления. Подготовка специалистов и изучение новой и новейшей истории на долгие годы оставались на задворках академической науки и университетского образования Болгарии.

Итак, что же именно способствует формированию академического характера болгарской традиции преподавания новой и новейшей истории, а уже после 1944 г. – кризису этого направления? Прежде всего это интеллектуальная среда университетской России, как неделимой части общеевропейской научно-исследовательской атмосферы, духовное наследие ведущих российских университетов, в первой очереди Московского и Петербургского. Составляющими этой интеллектуальной среды были и общая Альма-матер, и схожие социально-политические взгляды русской профессуры – либерализм, и их в определённой степени совпадающие методологические принципы исторического познания. Все они разделяли идею научности исторического знания, были уверены в высоком назначении исторической науки – просвещать и наставлять народы, опираясь на опыт прошлого, и, наконец, то, что усваивались эти идеи большинством из них именно на семинариях Н.И. Кареева, а затем и воплощались в конкретных исследованиях⁴².

В то же время, следует подчеркнуть, что задачи, стоявшие перед исторической наукой Болгарии в конце XIX – начале XX века, решались не только этими подходами. Российская академическая матрица в лице преподавателей, близких к Н.И. Карееву, оказалась востребованной для организации и кадрового развития направления „Всеобщей истории” и, точнее „Новой и новейшей истории”. Она придавала национальной исторической науке Болгарии широкий историко-филологический контекст, позволяющий осмысливать сложную, наполненную социальными потрясениями реальность, видеть исторические горизонты, понимать современные процессы, улавливать тенденции в их развитии, формируя таким образом и историческое сознание болгарского общества.

Проявлением этой близости выступает тот факт, что лекционные курсы по новой и новейшей истории с 1920 по 1948/1949 г. содержали в себе то, что можно назвать *невидимым присутствием Кареева*. Болгарские студенты и сообщество историков в целом соприкасались с передовыми для того времени методологическими подходами гуманитарного познания. Нельзя не согласиться с утверждением тех исследователей, которые подчёркивают, что из преподавателей историко-филологического факультета Петербургского университета – центра формирования одной из ведущих научных школ гуманитарного знания, один из тех, кто оставил свой след в русском академическом зарубежье был профес-

⁴¹ Марков. pass.

⁴² Оболенский 2015: 297, 351; Павлова: 130; Олесич 2015.

сор Н.И. Кареев и его ученики⁴³. Их присутствие в Болгарии и есть основной фактор успешного старта сложного междисциплинарного направления новистики в Болгарии.

Архив на БАН, ф. 9К „Васил Златарски“, оп.1-2, а.е.122. София, 22 май 1914. Н. Кареев до В. Златарски [Arhiv na BAN, f. 9K „Vasil Zlatarski“, op.1-2, а.е.122. Sofiya, 22 maj 1914. N. Kareev do V. Zlatarski].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Агура Д. Новейша (sic!) история от френската революция до днешно време. Състав. (по записки на професора Григоровича) Димитър Д. Агура. София, 1892. 265 стр. [Agura D. Novejsja (sic!) istoriya ot frenskata revolyuciya do dнешno vreme. S"stav. (po zapiski na profesora Grigorovicha) Dimit'r D. Agura, 1892. 265 str.].
- Алманах на Софийския университет „Климент Охридски“.1888-1939. С., УИ „Климент Охридски“, 1988. С. 305. [Almanah na Sofijskiya universitet „Kliment Ohridski“.1888-1939. S., UI „Kliment Ohridski“, 1988. S. 305.].
- Атанасов Н. Т.Г. Влайков // <https://liternet.bg/publish5/natanasov/tvlaikov.htm> [Atanasov N. T.G. Vljakov // <https://liternet.bg/publish5/natanasov/tvlaikov.htm>].
- Беляева О.М. Э.Д. Гримм в Петербургском университете путь к профессорскому званию // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 198-220. [Belyaeva O.M. E.D. Grimm v Peterburgskom universitete put' k professorskomu zvaniju // Dialog so vremenem. 2011. Vyp. 36. S. 198-220.].
- Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.: Материалы из собрания проф. протоиерея Ф.И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В.И. Ульяновский]. Т. 2, Киев, КДА, 2015; Т. 3, Киев, КДА, 2019. [Biograficheskiy slovar' vypusknikov Kievskoj duhovnoj akademii: 1819–1920-e gg.: Materialy iz sobraniya prof. protoiereya F.I. Titova i arhiva KDA : v 4 t. / [sost. V.I. Ulyanovskij]. T. 2, Kiev, KDA, 2015; T. 3, Kiev, KDA, 2019.].
- Бирман М.А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с. [Birman M.A. P. M. Bicilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo. M.: Vodolej, 2018. 444 s.].
- Бицилли, П. Очерки по теории исторической науки. Прага, 1925, 230 с. [Bicilli, P. Ocherki po teorii istoricheskoy nauki. Praga, 1925, 230 s.].
- Бицилли П. Увод в изучаването на новата и най-новата история. Опыт за периодизация. 1927. (изд. 1993, С., АИ „Марин Дринов“, 342 с.) [Bicilli P. Uvod v izuchavaneto na novata i naj-novata istoriya. Opit za periodizaciya. 1927. (izd. 1993, S., AI „Marin Drinov“, 342 s.)].
- Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Исследования, статьи, рецензии. Москва-Берлин, DirectMEDIA, 2019, 487-490. [Bicilli P.M. Tragediya russkoj kultury. Issledovaniya, stat'i, recenzii. Moskva-Berlin, DirectMEDIA, 2019, 487-490.].
- Брачев В.С. Профессор Э.Д.Гримм (1870–1940) и его «дело» // Общество. Среда. Развитие. 2019, N 1. С. 19–25. [Brachev V.S. Professor E.D.Grimm (1870–1940) i ego «delo» // Obshchestvo. Sreda. Razvitiye. 2019, No. 1. S. 19–25].
- Велева М. Предизвиканите спомени на проф. д-р Христо Гандев. Разговори за живота и науката. С., УИ „Св. Климент Охридски“, с. 21-26. [Veleva M. Predizvikanite spomeni na prof. d-r Hristo Gandeve. Razgovori za zhivota i naukata. S., UI" Sv. Kliment Ohridski", s.21-26].
- Владимирский И.П. Состав. Историческая записка о 40-летию женской классической гимназии С.Н. Фишер. Москва, 1912, 99 с. [Vladimirskiy I.P. Sostav. Istoricheskaya zapiska o 40-letii zhenskoy klassicheskoy gimnazii S.N. Fisher. Moskva, 1912, 99 s.].
- Вострякова В.В. Теория заимствования в интерпретации российских либералов начала XX века [Vostryakova V.V. Teoriya zaimstvovaniya v interpretacii rossijskih liberalov nachala XX veka. URL: <https://www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/13.html>]
- Галчева Т.Н., Голубович И.В. Письма П. М. Бицилли к Н. И. Астрову о В. А. Мякотине // Славяноведение. 2014. №4, с. 48-56 [Galcheva T.N., Golubovich, I.V. Pis'ma P. M. Bicilli k N.I. Astrovu o V. A. Myako-tine. // Slavyanovedenie. 2014. №4, s. 48-56].
- Гандев Х. Проф. Петър М. Бицилли // Векове, 1980, № 2, 38-42 [Gandev X. Prof. Pet'r M. Bicilli // Vekove, 1980, № 2, 38-42].

⁴³ Ростовцев, Баринов 2003: 36.

- Гапон Г.А. История моей жизни. М., Юрайт, 2019, 154. [Gapon G.A. Istoriya moej zhizni. M., YUrajt, 2019, 154].
- Генов Р. Професор Димитър Д. Агура и началото на преподаванията по нова и най-нова история // Димитрова Цв., Л.Зидарова. Димитър Агура – първостроителът, ученият, човекът. С., УИ „Св. Кл.Охридски“, 2004, 40-49. [Genov R. Profesor Dimit'r D. Agura i nachaloto na predpovaniyata po nova i naj-nova istoriya // Dimitrova Cv., L.Zidarova. Dimit'r Agura – p'rvostroitel't, ucheniyat, chovek't. S., UI „Sv. Kl.Ohridski“, 2004, 40-49].
- Григорович И.И. Очерки новейшей истории (1815–1883). IV изд. СПб, типография Ф. Павленко, 1883 [Grigorovich I.I. Ocherki novejshej istorii (1815–1883). IV-e izd. SPb, tipografiya F. Pavlenko, 1883].
- Димитрова П. Познатият и непознатият Бицилли // Исторически бъдеще, 1997, № 2, 182-184 [Dimitrova P. Poznatiyat i nepoznatiyat Bicilli // Istoricheski b'deshche, 1997, № 2, 182-184].
- Димитрова Цв., Л.Зидарова. Димитър Агура – първостроителът, ученият, човекът. С., УИ „Св. Кл.Охридски“, 2004 [Dimitrova Cv., L.Zidarova. Dimit'r Agura – p'rvostroitel't, ucheniyat, chovek't. S., UI „Sv. Kl.Ohridski“, 2004].
- Долгова Е.А. „Общая методология гуманитарных наук“ и Н.И. Кареев (1850–1931) // Историческая психология и социология наук. 2013.Т.6, 2, 185-198. [Dolgoва E.A. „Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk“ i N.I. Kareev (1850–1931) // Istoricheskaya psihologiya i sociologiya nauk. 2013.T.6, 2, 185-198].
- Думиника, И. Организация церковной жизни болгар Южной Бессарабии (1856-1878 гг.) // Дриновский сборник, т. 4. 2011, Изд. ХНУ им. В.Н. Каразина, 451-459. [Duminika, I. Organizatsiya cerkovnoj zhizni bolgar YUzhnoj Bessarabii (1856-1878 gg.) // Drinovskij sbornik, t.4. 2011, Izd. HNU im. V.N.Karazina, 451-459].
- Займова Р., Русо - Крачунов или за един български прочит // Природа и общество, Нови изследвания за Жан-Жак Русо. Nature et Societe, Nouvelles etudes rousseauistes. Съст. и ред. Р. Займова и Н. Аретов. С., „Краллица Маб“, 2010, с. 167-178 [Zaimova R., Ruso – Krachunov ili za edin b'lgarski prochit // Priroda i obshchestvo, Novi izsledvaniya za Zhan-Zhak Ruso. Nature et Societe, Nouvelles etudes rous-seauistes. S"st. i red. R. Zaimova i N. Aretov. S., „Kralica Mab“, 2010, s. 167-178].
- Илчев И., В. Колев, И.Баева, Е.Калинова, Цв.Тодорова. Софийски университет „Св. Климент Охридски – първите 130 години“. С., УИ „Св. Климент Охридски“, 2018. [Ichev I., V. Kolev, I.Baeva, E.Kalinova, Cv.Todorova. Sofijski universitet „Sv. Kliment Ohridski – p'rvite 130 godini“. S., UI „Sv. Kliment Ohridski“, 2018].
- Каравелова Е. Спомени. София, Отечествен фронт, 1984 [Karavelova E. Spomeni. Sofiya, Otechestven front, 1984].
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое/Подготовка текста, авт. вступ. ст. и комментариев В.П. Золотарев. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1990. 384 с. [Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe/Podgotovka teksta, avt. vstup. st. i kommentari-ev V.P. Zolotarev. L.: Izd. Leningradskogo universiteta, 1990. 384 s.].
- Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории: Т. 1-3. Москва: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883–1890. [Kareev N.I. Osnovnye voprosy filosofii istorii: T. 1-3 / Moskva: tip. A.I. Mamontova i K°, 1883–1890.].
- Кареев Н.И. Политическая история на Европа от Френската революция до днес. Прев. Цв. Маринов. София, „Знание“. Без дата, 292 с. [Kareev N.I. Politicheska istoriya na Evropa ot Frenskata revolyuciya do dnes. Prev. Cv. Marinov. Sofiya. „Znanie“. Bez data, 292 s.].
- Кареев Н.И. // Биография [Kareev N. I. // Biografika] <https://bioslovhist.spbu.ru/person/376-kareyev-nikolay-ivanovich.html>
- Кирсанова Е.С. Современные споры о модернизации методологии исторической науки и методологические дискуссии в русской историографии второй половины XIX – начала XX в. // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильнического и др. М.: ИВИ РАН 2004. С. 80-85 [Kirsanova E.S. Sovremennye spory o modernizacii metodologii istoricheskoy nauki i metodologicheskie diskussii v russkoy istoriografii vtoroj poloviny XIX – nachala HKH vv. // Mezhdisciplinarnyj sintez v istorii i social'nyh teorii: teoriya, istoriografiya i praktika konkretnykh issledovanij / Pod red. B.G. Mogil'nickogo i dr. M.: IVI RAN 2004. S. 80-85].
- Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского государственного университе-

- та, 2012, 16 (270). История. Вып. 99-109. [Korzun V.P. Nauchnye soobshchestva istorikov Rossii: praktiki antropologicheskogo opisaniya (iz lekcionnogo opyta) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, 16 (270). Istoriya. Vyp. 99-109].
- Кулов В., Д. Тодоров. Проф. Д. Михалчев [Kulov V., D. Todorov. Prof. D. Mihalchev // <http://www.philosophybg.com/2017/06/15/%D0%B0%D0%8A%D0%B0%D0%B4-%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%82%D1%8A%D1%80-%D0%BC%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%BB%D1%87%D0%B5%D0%B2/>
- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX-первой четверти XX вв. М., Индрик, 2012 [Lapteva L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v konce XIX – pervoj chetverti XX v. M., Indrik, 2012].
- Марков Г. Половин век институт за исторически изследвания при БАН [Markov G. Polovin vek institut za istoricheski izsledvaniya pri BAN] URL: http://www-old.ihist.bas.bg/nachalo_istorija.htm].
- Милоков П. Воспоминания. М., Политиздат, 1991 [Milyukov P. Vospominaniya. M., Politizdat, 1991].
- Минцлов С.Р. Петербург в 1903–1919 годах / Под ред. Л.М. Суриса. Москва-Берлин, DirectMEDIA, 2016, 367 с. [Minclov S.R. Peterburg v 1903-1919 godah / Pod red. L.M. Surisa. Moskva-Berlin, DirectMEDIA, 2016, 367 s.].
- Михнева Р., К. Грозев, Г. Рупчева. Малката Русия на жълтите павета. С., Камея Груп, 2016 [Mihneva R., K. Grozev, G. Rupcheva. Malkata Rusiya na zh'ltite paveta. S., Kameya Grup, 2016].
- Мутафчиева В., В. Чичовска (ред.). Съдът над историците. Българската историческа наука. Документи и дискусии. 1944–1950. С., АИ „Марин Дринов“, 1995. [Mutafchieva V., V. Chichovska (red.). S'd't nad istoricite. B'lgarskata istoricheska nauka. Dokumenti i diskusii. 1944–1950. S., AI „Marin Drinov“, 1995].
- Мякотин В.А. История на IX до XVIII век. С., Придворна печатница, 1937, 362 с. [Myakotin V.A. Istoriya na IX do XVIII vek. S., Pridvorna pechatnica, 1937, 362 s.].
- Новикова Е.А. Вдали от Родины. К 150-летию В.А. Мякотина // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 314-319 [Novikova E. A. Vdali ot Rodiny. K 150-letiyu V.A. Myakotina // Dialog so vremenom. 2018. Vyp. 63. S. 314-319].
- Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Москва-Берлин: DirectMEDIA, 2015. 766 с. [Obolenskij V.A. Moya zhizn'. Moi sovremenniki. Moskva-Berlin: DirectMEDIA, 2015. 766 s.].
- Олесич Н.Я. Особенности психологии устойчивости отчизнолюбия питомцев Санкт-Петербургского государственного университета в эмиграции // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2015. Вып. 3, 102-105 [Olesich N.YA. Osobnosti psihologii ustojchivosti otchiznolyubiya pitomcev Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta v emigracii // Vestnik SPbGU. Ser. 16. 2015. Vyp. 3, 102-105].
- Павлова Т.В. Российское высшее образование на рубеже XIX–XX веков: семинарии Н.И. Кареева и формирование научной школы по новистике [Pavlova T.V. Rossijskoe vysshee obrazovanie na rubezhe XIX-XX vekov: seminarii N.I. Kareeva i formirovanie nauchnoj shkoly po novistike. URL <http://www.gramota.net/materials/3/2016/1/33.html>].
- Петкова Г. Литературоведският проект на П.М. Бицили между Салимбене и Пушкин. [Petkova G. Literaturovedskiyat proekt na P.M. Bicilli mezhdru Salimbene i Pushkin. URL: <https://liternet.bg/publish10/gpetkova/proekt.htm>
- Петкова Г. Пётр Бицилли – Янко Янев: возможная встреча // (Мних Р. отв. ред.). Петр Бицилли – диалог на перекрестке культур. OPUSCULA SLAVICA SEDLCENSIA. Tom XIV, Siedlce, 2017, 133-144 [Petkova G. Pyotr Bicilli – YAnko YAnev: vozmozhnaya vstrecha // (Mnih, R. отв. red.). Petr Bicilli – dialog na perekrestke kul'tur. OPUSCULA SLAVICA SEDLCENSIA. Tom XIV, Siedlce, 2017, 133-144].
- Петкова Г. Пётр Михайлович Бицилли. Библиография. [Petkova G. P'otr Mihajlovich Bicilli. Bibliografiya. URL: https://liternet.bg/publish10/gpetkova/bicilli_bibl.htm].
- Петкова Г., Т. Галчева. Писма на проф. П.М. Бицили до акад. Иван Дуйчев // Годишник на СУ Св. Климент Охридски, Център за славяно-византийски проучвания „Иван Дуйчев“, т. 97 (16), 2011, 337–355 [Petkova G., T. Galcheva. Pisma na prof. P.M. Bicilli do akad. Ivan Dujchev // Godishnik na SU Sv. Kliment Ohridski, Cent'r za slavyano-vizantijski prouchvaniya „Ivan Dujchev“, t. 97 (16), 2011, 337–355].

- Петров П. Буржоазно-идеалистическите и реакционно-фашистки възгледи на проф. Петър Мутафчиев // Исторически преглед, г.VII, 1950/1951, 393-425 [Petrov P. Burzhoazno-idealistschekite i reakcionno-fashistki v"zgleди na prof. Pet'r Mutafchiev // Istoricheski pregled, g.VII, 1950/1951, 393-425].
- Петров П. Със справочниците – компетентно и отговорно: Исторически факултет 1888–2008: алманах. Пропелер. С., 2015. 191 [Petrov P. S"s spravochnicite – kompetentno i otgovorno: Istoricheski fakultet 1888–2008: almanah. Propeler. S., 2015. 191].
- Попова Т.Н. Кафедралные корпорации: проблемы изученности // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века. Т. 1. Казань, Изд. Казанского университета, 2020, 130-134 [Popova T.N. Kafedral'nye korporacii: problemy izuchennosti // Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka. T. 1. Kazan', Izd. Kazanskogo universiteta, 2020, 130-134].
- Радева М. Училището историческо образование в България (1878–1944). Методико-исторически анализ, С., ИК „Гутенберг“, 2008, 243 с. [Radeva M., s. 284. Uchilishchoto istorichesko obrazovanie v B"lgariya (1878–1944). Metodiko-istoricheski analiz, S., IK „Gutenberg“, 2008, 243 s.].
- Репина Л.П., Г.П. Мягков. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмурдского университета, 2014. Сер. „История“, вып.3, 137-142 [Repina L.P., G.P. Myagkov. Intellektual'naya kul'tura i nauchnye kommunikacii. // Vestnik Udmurtskogo universiteta, 2014. Seriya „Istoriya“, vup.3, 137-142.].
- Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношения в среде Петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв.// Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. No 4, 105-121 [Rostovcev E.A. N.I. Kareev i A.S. Lapro-Danilevskij: iz istorii vzaimootnosheniya v srede Peterburgskih uchenyh na rubezhe XIX–XX vv.// Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2000. Tom III. No 4, 105-121].
- Ростовцев Е.А., Д.А. Баринов. Историко-филологический факультет Петербургского университета в дореформенный период: проблемы коллективной биографии (1819–1917). Кlio, 2013, 36-41. [Rostovcev E.A., D.A. Barinov. Istoriko-filologicheskij fakultet Peterburgskogo universiteta v doreformennyj period: problemy kolektivnoj biografii (1819–1917). Klio, 2013, 36-41].
- Ростовцев Е.А. Термин „Петербургская историческая школа“ в историографических источниках // Петербургские чтения 98-99. СПб., 1999, 415-418. [Rostovcev E.A., Termin „Peterburgskaya istoricheskaya shkola“ v istoriograficheskikh istochnikah.// Peterburgskiya chteniya 98-99. SPb., 1999, 415-418].
- Сильвин М.П. На революционной работе // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1982. Т. 2: Петербургский–Ленинградский университет. 1895–1917. С. 25–26 [Sil'vin M.P. Na revolyucionnoj rabote // Leningradskij universitet v vospominaniyah sovremenikov: v 3-h tt. / Pod red. V.V. Mavrodina. L., 1982. T. 2: Peterburgskij–Leningradskij universitet. 1895–1917. S. 25–26].
- Танев Др. Тристахиладна София и аз между двете войни“, София, Български писател, 1997, с. 116-119 // [Tenev Dr. Tristahiyadna Sofiya i az mezhdru dvete vojni“, Sofiya, B"lgarski pisatel, 1997, s. 116-119.
URL // http://www.omda.bg/public/biblioteka/dragan_tenev/stara_sofia_d_mihalchev.htm]
- Тесля А. Жизнь русского энциклопедиста в эмиграции и одиночестве [Teslya A. Zhizn' russkogo enciklopedista v emigracii i odinochestve].
URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2548571.html>].
- Тодорова Цв. Димитър Агура – първостроителят, ученият, човекът [Todorova Cv. Dimit'r Agura – p"rvostroitel'yat, ucheniyat, chovek"t] URL: <https://www-it.fmi.uni-sofia.bg/recipe/files/documents/pub/ResNight2008.pdf>
- Трибунский П.А. П.Н. Милоков в Болгарии и Македонии (1895–1897 гг.) // Новая и новейшая история, 2002, 4, 151-168 [Tribunskij P.A. P.N. Milyukov v Bolgarii i Makedonii (1895–1897 gg.)// Novaya i novejšhaya istoriya, 2002, 4, 151-168].
- Цацаров Д. Димитър Михалчев – формирането на философа (1903–1904). С., Авангард Прима, 2019, с. 50 [Cacarov D. Dimit'r Mihalchev – formiraneeto na filosofa (1903–1904). S., Avangard Prima, 2019, s. 50].
- Чеканцева З.А. (общ. ред.) Историки в поисках новых перспектив. М., Аквилон, 2019, 416 с. [Сhekanceva Z.A. (obshch. red.) Istoriki v poiskah novyh perspektiv. M., Akvilon, 2019, 416 s.].

Чеканцева З.А. Проблема времени в исторической культуре Антропоцена // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века. Сб. ст. Т. I. Казань, 2020, 12-15 [Chekanceva Z.A. Problema vremeni v istoricheskoy kul'ture Antropocena // Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka. Sb. st. T. I. Kazan', 2020, 12-15].

Янков-Вельовски Я.Н. Политически и правни учения (Основи на политикоправния генезис). Т. 5. Средновековие. Книга 2. Русия. С., «Янус», 2007 [Yankov-Vel'ovski YA.N. Politicheski i pravni ucheniya (Osnovi na politikopravniya genezis). T. 5. Srednovekovie. Kniga 2. Rusiya. S., «YAnus», 2007].

Михнева Румяна Ангелова, доктор исторических наук, профессор, Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Варна, Болгария; r.mihneva@vfu.bg

Кирсанова Екатерина Семёновна, кандидат исторических наук, доцент, Северский технологический институт, Московский Национальный исследовательский университет «МИФИ» (СТИ НИЯУ МИФИ); zavkir@mail.ru

Nikolay Kareev "the Elder of Russian Historians" or at the Origins of the Bulgarian Modern History Studies

Using the example of the activities of Russian historians, university lecturers on “New and Contemporary History” at Sofia University in the late 19th and early 20th century, the authors trace the origins and features of Bulgarian novistics. The connecting link in the search for clarification of the spatio-temporal characteristics of the Russian historical school is the personality of Nikolai Kareev, his students, associates, friends, Bulgarian colleagues and public figures.

Keywords: *N.I. Kareev, E. D. Grimm, V.A. Myakotin, P.M. Bitsilli, Sofia University, St. Petersburg University, Novistika, historical science, historical education*

Rumiana Anghelova Mihneva, Dr. in History, Professor, Varna Free University "Chernorizet Hrabar", Varna, Bulgaria; r.mihneva@vfu.bg

Kirsanova Ekaterina Semyonovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Seversk Institute of Technology, Moscow National Research University "MEPhI" Seversk, Tomsk region; zavkir@mail.ru

ИСТОРИКИ ИЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО В СОВЕТСКОЙ ДИССЕРТАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ¹

Статья посвящена становлению советской диссертационной системы (1930-е гг.). В основе авторской гипотезы находится представление о том, что советская диссертационная система выросла из дореволюционного опыта присуждения ученых степеней. Апробация гипотезы осуществлена на примере диссертационных историй М.Д. Присёлкова и А.И. Андреева – историков, чье вхождение в научное сообщество началось в досоветский период, а достижение высшей ученой степени доктора наук произошло на рубеже 1930–1940-х гг. Научные пути историков позволяют не только оценить степень преемственности/разрыва советской диссертационной системы по отношению к дореволюционному опыту, но и проследить формирование и обновление научных концепций историков в области источниковедения.

Ключевые слова: советская историческая наука, М.Д. Присёлков, А.И. Андреев, докторская диссертация, диспут, источниковедение

Предмет исследования и ретроспективный взгляд на персоналии

Предметом статьи являются защиты докторских диссертаций хорошо известных в историографии петербургских/ленинградских историков – Михаила Дмитриевича Присёлкова (1881–1941) и Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959). Цель статьи состоит в изучении персонального опыта защит диссертаций в довоенный период существования советской диссертационной системы. Реализуя целевые установки, авторы не могут обойтись без вхождения в предваряющую тему, характеризующую траектории научных путей этих ученых, которые формировались в контексте дореволюционной научной культуры, а завершали научную деятельность в советский период российской истории защитами докторских диссертаций. Оба историка получили профессиональную научную подготовку и специализацию под руководством виднейших дореволюционных ученых Петербургского университета, заложивших основы источниковедческих исследований. Присёлков по окончании им университета в 1903 г. был, по университетской терминологии, «оставлен для подготовки к профессорскому званию» С.Ф. Платоновым по кафедре русской истории. Но, испытывая интерес к церковно-политической истории и историческим источникам средневековой Руси, он стал учеником филолога-лингвиста и историка русского летописания академика А.А. Шахматова².

А.И. Андреев в силу ряда жизненных обстоятельств поступил в университет в 1909 г. и формировался как ученый в школе русской дипломатики частных актов академика А.С. Лаппо-Данилевского. Вто-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00557 «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920-1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых».

² Лурье 1996: 5.

рым своим учителем он считал А.Е. Преснякова, утвердившего методологический принцип приоритета источника как основы концептуальных построений историка. После окончания университета оба выпускника выбрали путь научной деятельности. Герои представляемой статьи глубоко чтили своих учителей, безвременно ушедших из жизни в революционное лихолетье, и были последователями их научных идей.

Публикации первых научных статей Присёлкова, посвященных истории Александро-Невской лавры во времена Петра I и описанию ее архива, относятся к 1903 г. Но будучи нацеленным на создание магистерской диссертации, историк в последующие годы сосредоточивается на ее подготовке. В 1913 г. он публикует, а в 1914 г. защищает свой труд, будучи уже в 33-хлетнем возрасте³.

Его первая диссертация «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв.», затрагивавшая историю Киево-Печерского монастыря и русско-византийские отношения, имела некоторый источниковедческий подтекст, впрочем – имплицитно выраженный. Диссертационный диспут проходил в форме бурной дискуссии⁴. Вскоре по совету Шахматова Присёлков исследовал коллекции ханских ярлыков, включенных в тексты летописей, представив их анализ как исторических источников в монографии «Ханские ярлыки русским митрополитам» (СПб., 1916). Эта работа усилила его источниковедческую специализацию. С 1917 г. Присёлков работал в Петроградском университете доцентом, потом – профессором и оставался активистом в поле научно-исследовательской и публикационной деятельности до конца 1920-х гг.

Путь в науку Андреева, участника известного студенческого кружка по дипломатике частных актов, начался с 1913 г., когда он по рекомендации А.С. Лаппо-Данилевского был включен в археографическую деятельность Постоянной исторической комиссии Академии наук, готовившей к публикации сборники актовых источников⁵. В этом же году он вошел в группу студентов, оказывавших помощь американскому историку и архивисту Ф.А. Голдеру (1877–1929). Голдер приехал в Россию для сбора архивных материалов о В.И. Беринге и его знаменитых Камчатских экспедициях, положенных потом в основу его двухтомного исторического труда⁶. На эту работу Голдера Андреев будет не раз ссылаться в докторской диссертации. Воспроизводя его фамилию как «Гольдер», Андреев позднее писал – уже готовя к изданию вторую часть своей докторской диссертации: «Сотрудники проф. Гольдера, студенты-историки Петербургского университета проделали в 1913-1914 гг. большую работу по обследованию петербургских архивных хранилищ того времени». Он подчеркнул, что результаты обследования

³ Присёлков 1913.

⁴ Магистерский диспут 1914: 133-139; Лурье 1996: 8-9; Вовина-Лебедева 2011: 303-308.

⁵ Сербина 1985: 357.

⁶ Golder 1922-1925.

«дали ценные сведения для “Путеводителя”», составившегося Голдером. Одновременно Андреев отметил, что многие документы, в силу отсутствия в архивах того времени необходимых описей и каталогов, в «“Путеводитель” американского историка не вошли»⁷. Участие Андреева в поисковой работе архивных материалов, стало, по-видимому, стартовым моментом, оказавшимся впоследствии актуальным опытом для разработки им самим проблем истории освоения Сибири.

А.И. Андреев окончил университет лишь в 1916 г. – в 29-летнем возрасте. Его научный дебют в виде солидной рецензии на публикацию одного из сборников актовых источников состоялся в ЖМНП в 1915 г. В год окончания университета он опубликовал две статьи в сборнике, посвященном А.С. Лаппо-Данилевскому. Одна, основанная на свидетельствах самого Андреева, была посвящена истории кружка по дипломатике, созданного Лаппо-Данилевским. Другая – анализу коллекции отступных грамот, её содержание свидетельствовало о высоком профессионализме молодого историка, прошедшего школу основательной источниковедческой выучки⁸. Активно работая в кружке Лаппо-Данилевского, непререкаемый научный авторитет которого для Андреева был очевиден, он одним из первых встал на путь сохранения научного наследия учителя, подготовив к изданию и выступив редактором его рукописного труда «Очерки русской дипломатики частных актов» (1920).

Творческая активность историка не прерывалась до конца 1920-х, в течение которых появляются отдельные статьи, уже отмеченные «сибирским» акцентом в их научной проблематике⁹.

Д.М. Присёлков и А.И. Андреев в контексте советских политических реалий довоенного времени

Оба историка пережили в конце 1920-х–1930-е гг. политические репрессии (лагерь и ссылку), но нашли в себе силы продолжить научную и преподавательскую деятельность. Оба вернулись в Ленинград в середине 1930-х гг. Погружение в атмосферу исследовательской работы нередко спасало ученых тех лет от суровых обстоятельств бытия. Каждый из них по-своему перенес тяготы репрессий и их психологические последствия.

Известно, что Присёлков, впервые переживший кратковременный арест еще в 1922 г., в 1930 г. был отправлен по первоначальному приговору в Соловецкий лагерь на 10 лет. На совет Д.С. Лихачева, отбывавшего срок здесь же, идти работать в лагерьный музей Присёлков ответил: «Я попал за занятия историей и больше ею заниматься не буду»¹⁰. Впоследствии первичный приговор был заменен 5-летней ссылкой.

Присёлков лишь после 10-летнего молчания, начавшегося с конца 1920-х г., возобновил публикационную деятельность, издав в 1938 г.

⁷ Андреев 1965: 56-57.

⁸ Андреев 1916: 1-7; 131-181.

⁹ Преображенский 1979; Сербина 1985: 357-363; Медушевская 2008а: 312-326.

¹⁰ Лихачев 1993: 45; Лурье 1996: 12.

учебное пособие «Курс русской палеографии» и ряд статей. Длительный перерыв в научной работе Присёлкова объясняется не только удрученным психологическим состоянием историка, но и пропажей рукописных текстов научных работ при его аресте. Наряду с рукописным вариантом книги о Троицкой летописи, исчезла и рукопись задуманной им докторской диссертации. Историк вынужден был писать ее заново¹¹.

В 1930-е гг. основные силы Присёлкова были положены на восстановление текста диссертации по истории русского летописания. Ослабленное лагерем и ссылкой здоровье не позволило реализовать всех творческих планов. Вскоре после защиты диссертации – в январе 1941 г. он ушел из жизни. Защита докторской диссертации стала для Присёлкова финалом творческого пути. С.Н. Валк, являвшийся одним из его оппонентов, отметил в некрологе, что историк «умер в расцвете творческих сил». Некролог Валка являлся не только первым откликом на смерть ученого, но и отличался глубиной и точностью аналитических оценок его научного творчества. Личность и деятельность Присёлкова с учетом идей защищенной им докторской диссертации, оцененной как «выдающееся произведение советской историографии», были представлены Валком в контексте истории Санкт-Петербургской/Ленинградской ветви русской историографии¹².

Научная деятельность Андреева, судя по списку его публикаций¹³, также приостановилась на время ссылки – с 1930 по 1935 г. Но Андреев, обладая твердым и непримиримым характером, имея большой опыт преодоления жизненных невзгод, быстрее адаптировался к ситуации, никогда не собираясь порывать с наукой. Проблемы Русского Севера, как предтеча темы будущей диссертации, занимает уже с 1922 г., когда он публиковал две статьи в сборнике «Очерки по истории колонизации Севера». Можно полагать, что обстоятельства сибирской ссылки историк сумел использовать в своих интересах. Работая в первой половине 1930-х гг. в различных учреждениях г. Енисейска, в т.ч. в Енисейском районном музее, он, вероятно, сформировал очертания своего научного замысла по изучению Сибири. О.М. Медушевская, ученица Андреева, прямо свидетельствовала, что именно в ссылке у него возникла идея создания будущих «Очерков по источниковедению Сибири»¹⁴.

Находясь в Сибири, А.И. Андреев пытался погрузиться в проблемы освоения этого региона, интересуясь и современным состоянием его природных ресурсов. Весной 1935 г. им в газете «Красноярский рабочий» был опубликован материал о полезных ископаемых в Енисейском районе. По возвращении в Ленинград Андреев в октябре этого же года продолжил эту тему, опубликовав в газете «За большевистские темпы» статью «Поиски полезных ископаемых в Енисейском районе», подго-

¹¹ Вовина-Лебедева 2011: 322.

¹² Валк 1941: 156.

¹³ Список 1958: 496а–501.

¹⁴ Медушевская 2008-а: 314.

товленную, как следует из пояснения к ней – «по данным ленинградских архивов». Тему «полезных ископаемых», вероятно начатую еще в ссылке, он по собственной инициативе завершал «на свободе», подкрепив свой материал архивными документами. Как ни парадоксально, сибирская ссылка и газетные заметки стали своеобразной точкой опоры для его возвращения в науку и окончательного научного самоопределения.

Симптоматично обращение Андреева к изучению деятельности В.Н. Татищева – вскоре после возвращения. Уже в 1936 г. он публикует в «Советской этнографии» статью «Труды и материалы о Сибири В.Н. Татищева». Известный историк А.А. Преображенский, сам изучавший процесс освоения Урало-Сибирского региона, также высказал предположение, что, находясь в Енисейске, Андреев собирал материалы по истории Сибири. Этим объяснялся «стремительный взлет исследовательского таланта» историка после его возвращения в Ленинград¹⁵.

Будучи знатоком фондов различных архивов, А.И. Андреев работал очень интенсивно, погружившись, прежде всего, в изучение документальных архивных коллекций. Главным делом для него становилась тема освоения Сибири, которую он начал исследовать сквозь свой оригинальный источниковедческий окуляр. Очевидно, основные усилия он предпринимал для разработки архивных фондов и изучения источников XVII – первой половины XVIII вв. (прежде всего, картографических материалов), позволяющих исследовать поистине монументальную историю географических открытий и одновременного процесса изучения и освоения восточных территорий Большой России. Но изначально его интерес был сосредоточен на результатах деятельности конкретных личностей, причастных к исследованию Сибирского региона.

Уже в 1937 г. он вместе с С.В. Бахрушиным, также вернувшимся из ссылки (1931–1933 гг.), начинает реализовывать часть «сибирского проекта» в виде публикации «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. Для 1 тома этого издания Андреевым был написан очерк «Труды Г.Ф. Миллера о Сибири», дан обзор рукописей историка, составлена существенная часть примечаний к публикуемому труду. В 193–1939 гг. появляются его статьи о С.У. Ремезове и С.П. Крашенинникове. Эти и подобные публикации составляли отдельные «детали» обширного по хронологии и сюжетным линиям замысла, который он частично реализовал в докторской диссертации.

В 1940–1950-е гг. Андреев продолжил поиски архивных документов, уточняя детали сибирских экспедиций и расширяя хронологический диапазон исследования. В частности, потрясающе выглядит реализованный им проект по изучению «русских открытий» в Тихом океане и Северной Америке. Он полагал, что «очередной задачей исторической науки в этой области» является «выявление и обзор сохранившихся материалов, относящихся к истории островов Тихого океана,

¹⁵ Преображенский 1979: 116.

Аляски, Калифорнии и Северо-Западной Америки». Обрисовывая контуры своего обширного плана, Андреев особо подчеркивал потенциал информационных ресурсов отечественных архивов¹⁶. Часть архивных документов на заданную тему Андреев опубликовал в исследовании о русских открытиях, что не могло не привлечь внимания за рубежом: в английском переводе книга была издана в США¹⁷.

Работа над усовершенствованием и переизданием уже защищенной докторской диссертации продолжалась до конца жизни Андреева. Но в целостном виде задуманный им проект, ориентированный на изучение документальной основы истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII – XIX вв. до конца реализовать не пришлось. Это особо подчеркивал В.К. Яцунский при переиздании первой части диссертации Андреева, отмечая наличие целого блока рукописей историка, которые могли бы лечь в основу издания отдельного сборника его неопубликованных статей. Яцунский полагал, что в него могли быть включены и ранние работы Андреева, «рассеянные по многочисленным периодическим изданиям»¹⁸.

Докторские защиты М.Д. Присёлкова и А.И. Андреева: диссертации соискателей и оппоненты

Защита диссертации М.Д. Присёлкова «История Русского летописания XI-XV вв.», была организована 17 июня 1939 г. советом исторического факультета Ленинградского университета¹⁹. Защита диссертации А.И. Андреева «Очерки по источниковедению Сибири» состоялась 4 октября 1940 г. в Институте истории АН в Москве. Присёлков к защите представил машинописный текст диссертации, вскоре изданной им в виде книги (1940), а много позднее переизданной по инициативе С.Я. Лурье – его ученика и редактора нового издания²⁰. Андреевым к 1939 г. была опубликована первая часть диссертации в виде отдельной книги по XVII веку²¹. Машинописная часть диссертации, посвященная первой половине XVIII в., дорабатывалась им длительное время в целях издания, и была опубликована уже после смерти автора²².

Докторская защита М.Д. Присёлкова

Несмотря на пережитые потрясения, Присёлкову удалось вернуться к научной деятельности. На момент защиты в составленном им списке научных трудов значилось 40 работ. В список, кроме того, вошло 10 рукописей (среди них указывался и труд по реконструкции Троицкой летописи, сданный им в 1938 г. в Институт истории АН СССР)²³.

¹⁶ Андреев 1948: 6-7.

¹⁷ Яцунский 1960: 9.

¹⁸ Яцунский 1960: 12.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 1-33.

²⁰ Присёлков 1996.

²¹ Андреев 1939/1940. Заметим, что на обложке издания значится 1940 г., а на внутреннем титуле – 1939.

²² Андреев 1965.

²³ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 6-8 об.

Диссертационное дело, кроме стандартных документов биографического характера о соискателе и стенограммы защиты содержит рукописный текст его тезисов по диссертации²⁴. Но классический формат «тезисов», принятый еще в практике дореволюционных диспутов и сохраненный в опыте защит диссертаций 1930-1940-х гг., в его случае был специфичным. Присёлков, по сути, представил не тезисы, а целостное изложение неких итогов изучения истории русского летописания с акцентами на вклад А.А. Шахматова в этот процесс и на собственные представления о летописной традиции изучаемого им периода. Текст тезисов напоминал скорее речь соискателя на защите диссертации²⁵.

В стенограмме зафиксировано официальное выступление Присёлкова, открывавшее защиту. Отметим, что и оно выходило за границы принятого канона презентации содержания диссертации. Присёлков не стал излагать свои идеи и выводы по заявленной теме, полагая, вероятно, что основная часть присутствовавших на защите лиц (в том числе, многочисленных студентов) знакома с ними по его лекционному курсу.

Выступление соискателя было выполнено в автобиографическом жанре и проникнуто ностальгическим настроением. Главным героем речи стал А.А. Шахматов. На основе ее текста можно уточнить время первых контактов Присёлкова с Шахматовым: 1905 год становится рубежом в научной биографии историка. Именно тогда соискатель при подготовке к магистерскому экзамену обратился к Шахматову с вопросами по теме «Повесть временных лет как исторический источник». Шахматов не только «очень охотно» обсуждал с ним вопросы по истории ПВЛ и дал «нужные указания», но и снабдил Присёлкова отписками своих статей на эту тему²⁶. Восхищаясь научной целеустремленностью, высокой самодисциплиной и работоспособностью Шахматова, его личностными качествами как человека и ученого с самой высокой репутацией, Присёлков позиционировал себя как его ученика и продолжателя научного метода. Особо он подчеркнул тот факт, что именно по «указанию и совету» учителя приступил к реконструкции Троицкой летописи.

С душевным подъемом и метафоричностью Присёлков характеризовал особенности этого памятника. Троицкая летопись предстала «мощным водоемом, куда стекались все реки местного русского летописания XIV в.». Он подчеркивал значение воссоздания им утраченной летописи: «Только взявшись за эту работу, я вошел в подлинное изучение летописных текстов, усвоил приемы этого изучения...»²⁷, отсюда следовала мысль, что его собственная книга-диссертация о русском летописании вытекала именно из опыта реконструкции Троицкой летописи. Расставляя акценты относительно особенностей научных задач, решаемых Шахматовым и им самим в изучении летописания, Присёлков

²⁴ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 9-14.

²⁵ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 35-41 об.

²⁶ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 35 об.-36

²⁷ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 37об.

определил различавшиеся роли своему учителю и себе, как его ученику. По его версии, Шахматов, исходивший из цели установления первоначального текста «Повести временных лет», подчинил данный источник своей «грандиозной задаче <...> изучения и анализа всех известных летописных текстов». Совокупный итог трудов Шахматова преподносился Присёлковым как «первоклассный материал для опыта построения истории русского летописания, т.е., для трактовки летописных текстов как исторического источника». Подчеркивал он текстологические и литературоведческие цели учителя при работе с летописями: «...у А.А. Шахматова вопросы текста и истории текста составляли основную и главную задачу изучения, а построения по истории летописания носили литературоведческий уклон...»²⁸.

Свою собственную задачу Присёлков формулировал иначе – как интерпретацию, по его словам – «трактовку» летописей, относимых им к памятникам «политической жизни древности». Одновременно он подчеркивал использование текстологического и литературоведческого подходов к их изучению. Презентацию собственного опыта историк завершил самокритичным признанием: «Совершенно открыто и искренне считаю свой опыт далеким от безупречности <...>. Много здесь и недоработано, и далеко не безукоризненно»²⁹.

Отдельным сюжетом речи Присёлкова на защите стали вопросы «о неудовлетворительном использовании летописных текстов как исторического источника в дворянской и буржуазной историографии». Определяя новые пути изучения летописей Присёлков затронул политически актуальную тогда тему о «несчастных ошибках М.Н. Покровского»³⁰. Этот, несколько неожиданный для проблематики защищаемой диссертации поворот выступления Присёлкова, можно расценивать по-разному. Учитывая пережитый им репрессивный опыт, Присёлков этим пассажем и фактом своей докторской защиты как бы дополнительно реабилитировал себя. Ссылаясь на «известную» работу Покровского «История с древнейших времен»³¹, Присёлков обвинял его в неприемлемых методах толкования древнерусской истории, основанных на эклектичном заимствовании идей и фактов из наследия дореволюционной исторической науки. Указанный труд Покровского (и не только его, замечал диссертант) в понимании Присёлкова создавался по определенной схеме: автор/авторы «использовали результаты старой дворянской и буржуазной историографии... как дело весьма легкое и простое: стоит только взять <...> курс Ключевского и тома «Истории» Соловьева и перестроить их изложение по-марксистски»³². Критикуя метод Покровского,

²⁸ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 38об-39.

²⁹ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 39.

³⁰ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 39.

³¹ Так в тексте его выступления. Вероятно, имелась в виду «Русская история с древнейших времен».

³² ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 39об.

Присёлков не считал его самостоятельным ученым-исследователем, в лучшем случае оставляя за ним амплу популяризатора истории.

В то же время в выступлении на защите не обошлось без попыток Присёлкова встроиться в новый политический контекст бытования науки. Трудно сказать, насколько искренно, не принимая линию Покровского, Присёлков говорил о «коренной задаче» современной ему историографии источниковедения, утверждая: «пересмотр источников с точки зрения марксистско-ленинской методологии непременно заставит источники заговорить по-новому, заставит их дать нам новые факты и наблюдения, углубит их понимание»³³.

Основная часть выступления Присёлкова завершалась коротким историографическим пассажем о вкладе дореволюционных историков Петербургского университета в изучение летописей – И.И. Срезневского, К.Н. Бестужева-Рюмина, А.Е. Преснякова. Назвал он и имена современников, с кем связывал перспективы развития этой области источниковедения. К ним он отнес Н.Ф. Лаврова и своего ученика А.Н. Насонова³⁴. Заметим при этом, что Лавров являлся критиком методов Шахматова. Насонов, который в 1944 г. защитит докторскую диссертацию по летописанию XI-XVIII вв., не по всем позициям будет разделять взгляды своего учителя³⁵. В эмоционально окрашенном заключительном слове Присёлков подчеркнул «традицию нашего факультета в деле изучения исторического источника вообще и в деле изучения летописных текстов как исторического источника, в частности...». Он выражал надежду, что «нам, уходящим» придут на смену «молодые советские кадры», которые будут, «талантливее, ярче и лучше нас продолжать это изучение». Перед большой аудиторией, существенную часть которой составляли студенты, Присёлков объявил, что свой докторский труд он посвящает студенчеству исторического факультета Ленинградского университета³⁶. Выступление завершилось под «бурные продолжительные аплодисменты».

Оппонентами историка выступили его коллеги – историки С.Н. Валк, Б.Д. Греков, филолог-лингвист С.П. Обнорский. Последний из них, как и сам Присёлков, представлял школу Шахматова. В определенной мере назначение оппонентов в это время соответствовало еще дореволюционной практике: среди них не было приглашенных специалистов из других научно-образовательных учреждений.

Все оппоненты Присёлкова имели причастность к источниковедческой проблематике, но никто из них не был непосредственным специалистом в изучении летописания. Отзывы Валка (машинопись) и Обнорского (рукопись) представлены в деле отдельными текстами. Обнорский на защите по каким-то причинам не был. Греков предварительного текста выступления не представлял. В стенограмму вошли

³³ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 39об.

³⁴ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 40-40об.

³⁵ Вовина-Лебедева 2011: 545-584; 680-737.

³⁶ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 40об.

выступления Грекова и Валка. Отдельные замечания от Обнорского и Грекова не касались основной концептуальной версии Присёлкова, Валк также не стал погружаться в детали «спорных мест» диссертации, заметив, что характерные для изучения летописей гипотетические построения могут получить уточнение только в результате дальнейших исследований. Не посчитал он серьезным изъяном и «основания» используемой Присёлковым периодизации истории русского летописания³⁷. Греков сосредоточил внимание лишь на тех деталях, которые его интересовали лично как исследователя, но не касались основного предмета диссертации. Обнорский, будучи специалистом в истории русского языка и лексикографии, существенное внимание уделил сюжетам диссертации, которые связаны с попытками Присёлкова опереться на лингвистические методы при изучении летописных текстов. Без всяких сомнений со стороны оппонентов Присёлков был признан достойным продолжателем А.А. Шахматова и рассматривался как ведущий на тот период историк в области изучения летописей.

После оппонентов в соответствии с традициями еще дореволюционных диспутов «из публики» выступил антиковед и знаток эпиграфики, историк С.А. Жебелёв. Он еще в 1935 г. написал известную записку о досоветском опыте защит диссертаций³⁸. Историк выразил радость по поводу возвращения старых университетских норм сложившегося ритуала защиты, с досадой подчеркивая, что многие сверстники диссертанта получили ученую степень «не по диспуту», а по «совокупности трудов». Намекая на случаи, когда диссертации проходили и «всякими незаконными способами», он признавал защиту Присёлкова как «отраднейший факт в жизни нашего университета и жизни советской науки»³⁹. Его ключевые слова сопровождалось «бурными аплодисментами».

После объявления положительных результатов голосования с поздравлением Присёлкова от кафедры истории СССР выступил Б.Д. Греков, а от студентов с букетом в руках и словами благодарности Присёлкову взял слово «от научного студенческого кружка» – «студент, тов. Альшиц». Впоследствии, пройдя войну, в 1947 г. Даниил Натанович, оставаясь в пространстве изучения русской летописной традиции, защитил кандидатскую диссертацию о приписках к лицевым летописным сводам XVI в. По драматическому сценарию схождения научных интересов и жизненных ситуаций двух ученых разных поколений сложится послевоенная судьба этого историка. И его не минует «исправительный лагерь», но уже послевоенного времени.

Докторская защита А.И. Андреева

Состав личного фонда историка, в котором отложились материалы, связанные с защитой диссертации историка, позволяет раскрыть общий сценарий диссертационного события и основное содержание оппонент-

³⁷ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 20.

³⁸ Жебелёв 2002.

³⁹ ЦГА СПб. Ф.7240. Оп. 12. Д. 1193. Л. 58об.

ских выступлений. Источниковедческая по характеру заявленной темы диссертация Андреева (а иной она у ученика Лаппо-Данилевского не могла быть по определению!) требует специального погружения в понимание смысла ее названия и некоторой «расшифровки» авторской позиции относительно задач и методов предложенного научного проекта. В отличие от диссертации Присёлкова, проблематика которой уже на рубеже XIX–XX вв. прочно вошла в контекст российского источниковедения, докторский труд Андреева был обращен к слабо разработанной в то время истории Сибири, абсолютно не изученной с источниковедческой точки зрения. Несомненно, Андреев выступал первопроходцем заданной им проблематики, вполне осознавая эту свою роль.

Название защищаемой работы сейчас вызвало бы некоторые вопросы. Уже отнесение ее к жанру «очерков» может смутить. Почему не имелось в виду «исследование» или «монография»? Следующие вопросы – к словосочетанию названия диссертации – «...по источниковедению Сибири». Может быть, точнее было бы «...по источниковедению *истории* Сибири»? Предстоит понять автора в его источниковедческом замысле и способах его реализации.

Содержание диссертации предстает в виде сложной конструкции, при помощи которой автор стремился решить систему задач. Но в небольшом предисловии изданной первой части диссертации (1939/1940) он обосновывает свой подход довольно лаконично. Во-первых, связывает его с необходимостью «осветить по-новому историю народов СССР». Во-вторых – с задачами «полного учета исторических источников, необходимых для составления истории народов [Сибири] в изучаемый им период, <...> которыми до 1917 г. почти совсем не занимались»⁴⁰. В этой позиции просматривается опыт археографических занятий историка. Заметим: в его диссертации нет каких-либо специальных пассажей относительно обоснования методологии источниковедения или обобщения особенностей основного комплекса источников, составившего базис его работы. Машинописный текст второй части диссертации был сдан в набор в 1940 г., но подписан к печати в июле 1941 г., не был издан в ситуации начавшейся войны⁴¹.

Из краткого авторского Предисловия следует, что в связи с «не разобранностью» архивных фондов по истории Сибири (прежде всего – «Сибирского приказа») ему пришлось использовать лишь доступные для исследователя материалы. Характерно первое предложение Предисловия: «Архивные материалы о Сибири XVIII в. малоизвестны»⁴².

В центре его внимания оказалась документальная коллекция по истории Второй Камчатской экспедиции, отложившаяся в архивохранилищах Москвы и Ленинграда. Предметом изучения стала деятельность когорты выдающихся участников академической группы экспе-

⁴⁰ Андреев 1939: 3-4.

⁴¹ Андреев 1965: 3-5.

⁴² Андреев 1965:8-10.

диции, отдельные очерки о которых появлялись еще до защиты диссертации. Научные материалы экспедиционных отрядов по географии, истории и этнографии Сибири, собранные «почтенными работниками» Академии наук, их переписка, составили основу источникового комплекса. Но базовую группу источников, несомненно, образовали картографические материалы (по терминологии Андреева – «географические источники»), активно создававшиеся с различными целями представителями административных и академических структур.

Географическая карта этой эпохи, попадая в жесткое поле научной и политической конкуренции, становилась объектом особого внимания не только представителей ведомств и ученых их создававших, но также оказывалась в пространстве внешнеполитических интересов стран, граничивших с Россией. Аспекты подобных наблюдений Андреева актуализируются свидетельствами о деятельности зарубежных ученых, работавших в Российской академии наук.

Представленные Андреевым тезисы диссертации позволяют уточнить структуру тематических линий диссертации, акцентировать аспекты, связанные с определением ее задач и выявить оценочные суждения историка относительно различных групп источников⁴³. Подчеркивая значение «географических источников» Андреев зафиксировал: «Из источников XVII века следует, прежде всего, остановиться на источниках географических, из них наибольшее значение имеют чертежи и росписи к ним». По его наблюдениям основу изучения географии Сибири применительно к XVII в. составляли, кроме того – писцовые, дозорные и ясачные книги. Отдельную группу источников представляли сибирские летописи. Имеющиеся на то время версии происхождения и интерпретаций их содержания он рассматривал как еще не решенную, но предстоящую для глубокого изучения отдельную задачу. Проблемно-тематический блок сибиреведения дополнялся им трудами по географии Сибирского региона, созданными Ю. Крижаничем, Н.Г. Спафарием, С.У. Ремезовым. Один из основных выводов Андреева об изучении освоения сибирского региона XVII в. был сформулирован отдельным пространственным тезисом: «...в течение всего XVII в. велась русскими силами работа по изучению обширного края, присоединяемого к Московскому государству, причем изучение происходило на довольно высоком для того времени уровне науки; результаты изучения составили русский вклад в мировую науку по изучению Северной Азии и проливают новый свет на “открытия” по географии, этнографии и истории Сибири, сделанные в первой половине XVIII в.»⁴⁴. Таким образом, автор в качестве предмета изучения определил деятельность ученых людей, исследовавших историю, этнографию и географию Сибири. Эту линию Андреев продолжил на материалах XVIII в. В частности, он подчеркивал значение и результаты работы «пленных шведов» начала XVIII в. по созда-

⁴³ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 15-17.

⁴⁴ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 16.

нию географических карт, деятельность и труды В.Н. Татищева. В тексте диссертации по первой половине XVIII в. изучены маршруты академических экспедиций и представлена монументальная картина результатов деятельности ученых-академиков Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, Г.В. Стеллера, И.Э. Фишера, Я.И. Линденау на поприще разработки картографических материалов.

А.И. Андреев своей новаторской диссертацией открывал совершенно не изученные до него аспекты освоения Сибири, а также предложил научному сообществу фактически новый тип источниковедческого исследования. По логике автора ученые-первопроходцы XVII-XVIII вв., выступая акторами изучения Сибири, становились деятельными участниками современных им процессов и событий этой российской окраины. Фиксируя их доступными им способами, они, если использовать научную лексику от О.М. Медушевской⁴⁵, создавали совокупность «интеллектуальных продуктов», формировавших «информационную картину» современной им сибирской окраины. Предполагаем: именно эта «информационная картина» и воспринималась автором как предмет его «источниковедения Сибири».

Экспертами диссертации Андреева выступила большая группа ученых-современников. В их состав вошли, прежде всего, официальные оппоненты, а также авторы отзывов о научных трудах Андреева. По всей вероятности, в Институте истории, как академической структуре, подобные отзывы являлись обязательными для организации докторской защиты. Отзывы о его трудах были составлены каждым из оппонентов. Кроме того, отзывы поступили от С.Н. Валка и С.Н. Чернова, входивших в группу учеников Лаппо-Данилевского.

К 1939 г. Андреевым было уже опубликовано более 60-ти научных работ различного жанрового профиля. Все авторы отзывов высоко оценили его научную активность. С.Н. Чернов, в частности, отметил, что сам «список научных работ А.И. Андреева дает любопытнейший очерк его личной ученой биографии». Подчеркнул он и то, что автор диссертации, работая «под непрерывным и суровым руководством покойного А.С. Лаппо-Данилевского» формировался «как источниковед и историк-географ», что требовало от него «огромной выдержки воли, весьма больших и очень разнообразных вспомогательных знаний и совершенной точности работы»⁴⁶.

Оппонентами выступили крупнейшие историки того времени – С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, Б.Д. Греков. Все они представляли Институт истории АН СССР. Их общая оценка диссертации Андреева опиралась на признание его первооткрывателем темы истории и источниковедения Сибири. Бахрушин, в частности, отмечал, что «в отношении источниковедения XVII в. А.И. Андреев в сущности не имеет предшественников <...> его работы в этой области открывают совершенно но-

⁴⁵ Медушевская 2008-б: 348, 349.

⁴⁶ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 49.

вые страницы»⁴⁷. Все подчеркивали безукоризненное знание им архивных фондов и тщательнейшая, скрупулезная его работа с источниками.

Первым оппонировал С.В. Бахрушин, представлявший московскую школу историков. Его собственные интересы в области сибирской истории позволяют полагать, что он задавал тон обсуждению диссертации соискателя. Не случайно, Андреев, выступая после защиты перед коллегами Института народов Севера о ее результатах, особо подчеркнул, что «наиболее сильным по содержанию и наиболее длительным» было именно его выступление. «Это и понятно, – резюмировал он, так как Бахрушин – сибиревед»⁴⁸. Бахрушин высоко оценил достоинства труда историка, когда писал в отзыве: «В итоге кропотливой и безукоризненно четкой работы над текстами автору удалось составить чрезвычайно ценный труд, который дает возможность поставить широко такие актуальные проблемы, как история народов Сибири, этнография Сибири и историческая ее география»⁴⁹.

Но у основного оппонента были и претензии к автору диссертации. В отзыве акцентировались недостатки источниковедческого анализа, связанные с историей происхождения изучаемых им источников: «он не делает попытки изучаемые им памятники связать с эпохой, с явлениями, характерными для того исторического периода, к которому тот или иной источник принадлежит», в некоторых случаях ограничивается «формальным изучением текстов»⁵⁰. Но завершающая оценка вклада Андреева в рассматриваемую им проблематику у Бахрушина была самой высокой: «Работа А.И. Андреева кладет конец несколько кустарным и иногда неряшливым приемам изучения исторических текстов, вводит предельную точность в ряд вопросов, связанных с ними, и с большим знанием и убедительностью разрешает существующие в литературе неясности. Каждое утверждение автора покоится на детальном изучении, грандиозного архивного материала»⁵¹.

Второй оппонент Ю.В. Готье также не мог не оценить научного таланта диссертанта. В отзыве он писал, что работа Андреева «носит печать большой солидности, в ней видна давно выработанная привычка к исследовательскому труду, вдумчивому, серьезному и глубокому, останавливающемуся только тогда, когда все препятствия преодолены и поставленная цель достигнута»⁵². Вместе с тем автор отзыва упрекнул Андреева за склонность к подробностям и излишней детализации изучаемых явлений, доводящей работу до форм «микроскопического» исследования. Привлекательным пассажем отзыва Готье является замечание, близкое нашему взгляду на специфическую жанрово-видовую

⁴⁷ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 52об.

⁴⁸ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 72.

⁴⁹ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 52об.

⁵⁰ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 54.

⁵¹ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 54.

⁵² ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 55об.

принадлежность диссертации Андреева. «Основные линии сибирского источниковедения» с учетом сосредоточенности автора на деятельности «составителей и собирателей» памятников по истории Сибири, давали основание оппоненту предложить корректировку заглавия диссертации понятным словосочетанием «историография Сибири»⁵³.

В оппонентском выступлении Готье подчеркнул не только «глубину» исследования Андреева, но его чрезвычайно «ясные выводы» и «четкие положения». Опыт оппонирования Готье, складывавшийся с дореволюционных времен, научил его воспринимать исследовательскую натуру ученого с позиций научной этики. Диссертацию Андреева он назвал «честным» трудом⁵⁴.

Третьим оппонентом являлся Б.Д. Греков, возглавлявший Институт истории. Его выступление на защите Андреева по характеру и заданному им ракурсу было выполнено в манере, знакомой по докторской защите Присёлкова. В данном случае им была актуализирована тема об А.С. Лаппо-Данилевском как учителе диссертанта. Греков особо акцентируя внимание на его фигуре, предлагал свою версию переоценки научного наследия ученого. Выделив методологическую составляющую его интересов, он поставил под сомнение первостепенную значимость этой стороны научного творчества Лаппо-Данилевского: «жизнь показала <...>, что его методологические труды уже забыты»⁵⁵.

В то же время он подчеркнул востребованность его опыта в области источниковедения. Именно с этой сферой интересов Лаппо-Данилевского он связывал формирование вокруг него круга учеников, выделив среди них двух основных последователей – Валка и Андреева. Для его выступления характерен политический акцент в оценке их научного облика: «эту сторону деятельности Лаппо-Данилевского они продолжают развивать дальше, переводя ее на рельсы уже современной марксистско-ленинской методологии». Не преминул он напомнить и то, что «ученики А.И. Андреева работают уже в нашем Ленинградском отделении Института и работают очень успешно»⁵⁶. Очевидно, Греков имел виду известную ученицу Андреева – К.Н. Сербину. Ее биографы подчеркивают особую роль Грекова в ее судьбе. Он был причастен к освобождению Сербиной вскоре после ее ареста в 1938 г. Он же содействовал принятию ее сотрудником Института истории⁵⁷.

Вполне возможно, что подчеркнутый нами политико-методологический поворот выступления Грекова мог иметь маскировочный характер, предупреждающий возможные претензии, как к диссертанту, так и ко всем участникам защиты. Послевоенная полоса преследований Андреева и Сербиной станет выражением реализации этих его предчувствий.

⁵³ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 56.

⁵⁴ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 480. Л. 15.

⁵⁵ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 480. Л. 16.

⁵⁶ ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 480. Л. 16об.

⁵⁷ Алексеев, Семенова 1992: 91; Ананьев 2010: 464.

- ЦГА СПб. Ф.7240 (Присёлков Михаил Дмитриевич). Оп. 12. Д. 1193. [CGA SPb. F.7240 (Prisyolkov Mikhail Dmitrievich). Op. 12. D. 1193].
- ПФА РАН Ф. 934 (Андреев Александр Игнатьевич). Оп. 2. Д. 6, Д. 480. [PFA RAN F. 934 (Andreev Aleksandr Ignat'evich). Op. 2. D. 6, D. 480].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алексеев Ю.Г., Семенова Л.Н. Ксения Николаевна Сербина (1903-1990) // Отечественная история, 1992. №3. С. 81-91 [Alekseev Yu.G., Semenova L.N. Kseniya Nikolaevna Serbina (1903-1990) // Otechestvennaya istoriya, 1992. №3. S. 81-91].
- Ананьев В.Г. Письма К.Н. Сербиной А.И. Андрееву военного времени как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXI, 2010. С. 456-476 [Anan'ev V.G. Pis'ma K.N. Serbinoy A.I. Andreevu voennogo vremeni kak istoricheskij istochnik // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. T. XXXI, 2010. S. 456-476].
- Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939 (перепечат: 1940). 184 с. [Andreev A.I. Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. XVII vek. L.: Izd-vo Glavsevmorputi, 1939 (pereplet: 1940). 184 s.].
- Андреев А.И. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. и со вступ. статей доктора ист. наук А. И. Андреева. М., 1948, 383 с. [Andreev A.I. Russkie otkrytiya v Tihom okeane i Severnoj Amerike v XVIII veke / Pod red. i so vstup. stat'ej doktora ist. nauk A. I. Andreeva. M., 1948, 383 s.].
- Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Изд. 2, испр. и доп. Вып. I: XVII век. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1960. 280 с. [Andreev A.I. Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. XVII vek. Izd. 2-e, ispr. i dop. Vyp. I: XVII vek. M.-L.: Izd. AN SSSR, 1960. 280 s.].
- Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. II: XVIII век (первая половина). М.: Л.: Наука, 1965. 368 с. [Andreev A.I. Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. Vyp. II: XVIII vek (pervaya polovina). M.: L.: Nauka, 1965. 368 s.].
- Андреев А.И. Краткий очерк деятельности Кружка по составлению каталога частно-правовых актов до-Петровской Руси // Сборник статей, посвященный Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Петроград: Типография М.М. Стасюлевича, 1916. С. 1-7. [Andreev A.I. Kratkij ocherk deyatelnosti Kruzha po sostavleniyu kataloga chastno-pravovyh aktov do-Petrovskoj Rusi // Sbornik statej, posvyashchennyh Aleksandru Sergeevichu Lappo-Danilevskomu. Petrograd: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1916. S. 1-7].
- Андреев А.И. Отступные грамоты (к истории крестьянского землевладения на севере в XVI в.) // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. С. 131-181. [Andreev A.I. Otpstupnye gramoty (k istorii krest'yanskogo zemlevladieniya na severe v XVI v.) // Sbornik statej, posvyashchennyh Aleksandru Sergeevichu Lappo-Danilevskomu. Petrograd: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1916. S. 131-181].
- Валк С. Проф. М.Д. Присёлков (некролог) // Историк-марксист, 1941. №4. [Valk S. Prof. M.D. Prisyolkov (nekrolog) // Istorik-marksist, 1941. №4].
- Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. СПб: «Дмитрий Буланин», 2011. 928 с. [Vovina-Lebedeva V.G. Shkoly issledovaniya russkih letopisej: XIX-XX vv. SPb: «Dmitrij Bulanin», 2011. 928 s.].
- Жебелёв С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. Сост. А.А. Формозов. Публикация текста и комментарии И.В. Тункиной. М., 2002. С. 146-194. [Zhebelyov S.A. Uchenye stepeni v ih proshlom, vozrozhdenie ih v nastoyashchem i grozyashchaya opasnost' ih vyrozhdeniya v budushchem // Ocherki istorii otechestvennoj arheologii. Vyp. III. Sost. A.A. Formozov. Publikaciya teksta i kommentarii I.V. Tunkinoj. M., 2002. S. 146-194].
- Лихачев Д.С. Беседы прежних лет // Наше наследие, 1993. № 27. [Lihachev D.S. Besedy prezhnih let // Nashe nasledie, 1993. № 27.].
- Лурье Я.С. Предисловие // М.Д. Присёлков. История Русского летописания XI-XV вв. СПб, 1996. С. 5-29. [Lur'e Ya.S. Predislovie // M.D. Prisyolkov. Istoriya Russkogo letopisaniya XI-XV vv. SPb, 1996. S. 5-29].
- Магистерский диспут М.Д. Присёлкова в С-Петербургском университете // Научный исторический журнал, 1914. Т.2. Вып. 1 (3). С. 303-308. [Magisterskij disput M.D. Prisyolkova v S-Peterburgskom universite // Nauchnyj istoricheskij zhurnal, 1914. T.2. Vyp. 1 (3). S. 303-308.].

- Медушевская О.М. История науки как динамический процесс. К 120-летию со дня рождения А.И. Андреева // Вестник РГГУ, 2008а. №4. С. 312-328. [Medushevskaya O.M. Istoriya nauki kak dinamicheskij process. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Andreeva // Vestnik RGGU, 2008-a. №4. S. 312-328].
- Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: Изд. центр РГГУ, 2008-б. 358 с. [Medushevskaya O.M. Teoriya i metodologiya kognitivnoj istorii. M.: Izd. centr RGGU, 2008-b. 358 s.].
- Преображенский А.А. Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева // Археологический ежегодник за 1978. М., 1979. С. 113-121 [Preobrazhenskij A.A. Tvorcheskij put' Aleksandra Ignat'evicha Andreeva // Arheologicheskij ezhegodnik za 1978. M., 1979. S. 113-121].
- Присёлков М.Д. История Русского летописания XI-XV вв. / В.Г. Вовина, подготовка текста, указатели: Я.С. Лурье, предисловие, примечания. СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. 325 с. [Prisyolkov M.D. Istoriya Russkogo letopisaniya XI-XV vv. / V.G. Vovina, podgotovka teksta, ukazateli; YA.S. Lur'e, predislovie, primechaniya. SPb: Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 1996. 325 s.].
- Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII в. // Записки историко-филологического факультета Императорского С-Петербургского университета. Часть CXVI. СПб.: Типография М.И. Стасюлевича, 1913. 414 с. [Prisyolkov M.D. Oчерki po cerkovno-politicheskoj istorii Kievskoj Rusi X-XII v. // Zapiski istoriko-filologicheskogo fakulteta Imperatorskogo S-Peterburgskogo universiteta. CHast' CXVI. SPb.: Tipografiya M.I. Stasyulevicha, 1913. 414 s.].
- Сербина К.Н. А.И. Андреев – ученый и педагог (из воспоминаний об учителе) // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1985. Т.17. С. 357-363. [Serbina K.N. A.I. Andreev – uchenyj i pedagog (iz vospominanij ob uchitele) // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. M., 1985. T.17. S. 357-363.].
- Список печатных работ А.И. Андреева // Археографический ежегодник за 1957. М.: Наука, 1958. С. 496–501. [Spisok pechatnyh работ A.I. Andreeva // Arheograficheskij ezhegodnik za 1957. M.: Nauka, 1958. S. 496–501.].
- Ялунский В.К. Краткий очерк жизни и научной деятельности // Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Изд. 2-е, испр. и доп. Вып. I: XVII век. М.-Л., 1960. С. 3-15 [Yacunskij V.K. Kratkij oчерk zhizni i nauchnoj deyatelnosti // Andreev A.I. Oчерki po istochnikovedeniyu Sibiri. XVII vek. Izd. 2-e, ispr. i dop. Vyp. I: M.-L., 1960. S. 3-15.].
- Golder F.A. Bering's Voyages. An account of the Efforts of the Russians to Determine the Relation of Asia and America. N.Y., 2 v.1922-1925.

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России и зарубежных стран, ФГБОУ ВО «ЧелГУ», vhist@mail.ru

Гришина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, декан, историко-филологический факультет, ФГБОУ ВО «ЧелГУ», natalyagrishina@mail.ru

Historians of Pre-Revolution Period in the Soviet Dissertation System M.D. Prisyolkov (1939) and A.I. Andreev (1940) Defending the Doctoral Dissertations

The article describes the formation of the Soviet dissertation system (the 1930s). The authors propose a hypothesis that the Soviet dissertation system goes back to the pre-revolution practice of granting a degree. The hypothesis is approved on the dissertation experience of M.D. Prisyolkov and A.I. Andreev. The historians started their scientific career in the pre-revolution period while being granted a doctoral degree at the turn of the 1930s-1940s. Their academic tracks allow the authors not only to evaluate the continuity/discontinuity level of the Soviet dissertation system and the pre-revolution practice but also to trace the formation and updating of historical scientific conceptions in source studies.

Keywords: *Soviet dissertation system, M.D. Prisyolkov, A.I. Andreev, doctoral degree, dispute, source studies*

Natalia N. Alevras, DSc. (History), Professor, Chelyabinsk State University; vhist@mail.ru
Natalia V. Grishina, PhD (History), Dean, Faculty of History And Philology, Chelyabinsk State University, natalyagrishina@mail.ru

**АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРИ ЦК КПСС
И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
второй половины 1940-х – 1950-х гг. к постановке проблемы¹**

Статья посвящена анализу деятельности Академии общественных наук при ЦК КПСС по производству и трансляции исторического знания в 1940–1950-е гг. На примере работы кафедр истории СССР и всеобщей истории показаны специфика и механизмы изучаемого процесса.

Ключевые слова: Академия общественных наук при ЦК КПСС, советская историческая наука, подготовка историков, аспирантура, отечественная история, всеобщая история, история коммунистического и рабочего движения

Академия общественных наук при ЦК КПСС в системе советских учреждений исторического профиля и в памяти научной корпорации

В августе 1946 г. в системе советских научно-образовательных учреждений появилась новая институция: по решению ЦК ВКП(б) в Москве на базе Высшей партийной школы была создана Академия общественных наук (АОН) – «учебное заведение, готовящее кадры теоретических работников для центральных партийных учреждений, ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП(б), а также квалифицированных преподавателей высших учебных заведений, теоретических работников научно-исследовательских учреждений и научных журналов»². В этом отношении новая институция должна была стать достойной «преемницей и наследницей»³ Института красной профессуры (ИКП), «кузницы марксистских кадров», ликвидированной на волне очередного «поворота» партийного курса в 1938 г.⁴ По своему характеру АОН являлась своеобразным «институциональным гибридом». В основе организационной структуры учреждения лежало традиционное для высших учебных заведений деление на кафедры, однако по своим функциям оно было ближе к академическим институтам: здесь должны были проводиться научные исследования и осуществляться подготовка кадров высшей квалификации. В результате, получалось, что АОН оказывалась как бы между академическим и вузовским секторами советской исторической науки, продолжая, к тому же, традиции большевистского партийного образования 1920–1930-х гг. Более того, данный «институциональный гибрид» обладал особым статусом и привилегиями: АОН подчинялась напрямую Центральному Комитету партии, что освобождало ее от бюрократических проволочек при оформлении заграничных

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект № МК-309.2020.6.

² От Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) 1946: 1; Коммунистическая партия 1985: 46.

³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 745. Л. 78.

⁴ Долгова 2020: 308.

командировок, избавляло от финансовых трудностей при публикации научных трудов (выпуск которых, к тому же, осуществлялся в короткие по советским меркам сроки) и, в условиях тотального дефицита, гарантировало доступ к необходимым товарам и услугам.

Принимая в расчет специфику работы АОН и ее близость к партийному начальству, не вызывает удивления, что многие представители научно-исследовательских институтов Академии наук СССР (АН СССР) воспринимали выпускников и сотрудников АОН с известной долей недоверия. К примеру, А.М. Некрич, работавший в 1950-е гг. в секторе новейшей истории Института истории АН СССР, так вспоминал о бывших аспирантах АОН: «Аоновцы, которые попали к нам в сектор, жаждали ... но не знаний, а постов, положения привилегированных. Их мало интересовала или вовсе не интересовала история как наука, а лишь как один из способов благополучного существования. Недостаток профессиональных знаний они восполняли привычными аргументами административного характера»⁵. Любопытно, что в схожих красках выпускников АОН оценивал и сотрудник Института марксизма-ленинизма, сам работавший в области истории партии, Ф.И. Фирсов, отмечавший такие черты, своих коллег по академии, как умение «чутко реагировать на малейшие сдвиги в партийной конъюнктуре» и ставить на первое место не интересы науки, а «партийный долг»⁶.

Отсутствие специальных исследований по истории АОН и ее роли в развитии советской исторической науки (даже в условиях введения в оборот нового материала источников⁷) на протяжении долгого времени не позволяло определить степень достоверности и справедливости подобных суждений, способствуя их «нормализации» и закреплению в историографии. Именно поэтому мы полагаем, что предпринятый нами анализ научной работы АОН в области изучения и преподавания отечественной и всеобщей истории является своевременным и актуальным и может позволить определить место академии в системе производства и трансляции исторического знания в СССР. При этом отметим, что хронологические рамки нашего исследования были ограничены периодом второй половины 1940-х–1950-х гг., когда, как мы постараемся показать, шло оформление организационной структуры АОН и становление механизмов работы ее подразделений.

АОН во второй половине 1940-х–1950-е гг.: особенности организации научно-образовательного процесса

Выполняя важную функцию подготовки кадров «теоретических работников», АОН уделяла серьезное внимание проблемам организации образовательного процесса. К своим будущим аспирантам АОН предъявляла весьма серьезные формальные требования: в ее стенах могли обучаться лишь члены ВКП(б)/КПСС в возрасте до 40 лет, получившие

⁵ Некрич 1979: 82.

⁶ Фирсов 2013: 26.

⁷ См., напр.: Крапова 2006; Мамонтова 2017; 2021.

законченное высшее образование, имевшие обязательный опыт административной, педагогической или литературной работы и успешно прошедшие вступительные испытания в рамках избранной специализации⁸. В то же время, насколько мы можем судить, опираясь на отчеты экзаменационных комиссий, общий уровень знаний будущих слушателей был невысок. И даже в период обучения они нередко демонстрировали неграмотную речь и недостаточное знакомство с историческими источниками и научной литературой по предмету⁹, при этом, впрочем, обнаруживая глубокие познания в области марксистско-ленинской теории¹⁰.

Изначально в АОН готовили специалистов по политической экономии, теории государства и права, истории СССР, всеобщей истории, литературоведению, истории философии, психологии и др. Однако со временем этот список был расширен, и в программы академии была введена специализация по истории международного коммунистического и рабочего движения, национально-освободительного движения и др. Каждая специальность была закреплена за отдельной кафедрой, представлявшей собой основное научно-образовательное подразделение АОН и функционировавшей по образцу кафедр советских вузов. Во главе каждой кафедры стоял заведующий, осуществлявший общее руководство данной структурой и отчитывавшейся о ее работе перед ученым советом и ректоратом АОН. В первые годы работы, в АОН широко практиковалось совместительство, что позволяло привлечь в академию ведущих специалистов по той или иной теме. Однако в дальнейшем эта практика была существенно ограничена, и в середине 1970-х гг. в АОН преподавали преимущественно ее выпускники, составлявшие, к примеру, по словам Л.С. Гапоненко, 75% членов ее Ученого Совета¹¹.

Программа аспирантской подготовки АОН была первоначально рассчитана на 3 года, однако в 1954 г. срок обучения слушателей был увеличен до 4 лет¹². Типовой учебный план предполагал, что в отведенное время аспиранты получат знания в области общих теоретических и специальных дисциплин, освоят иностранный язык в объеме, необходимом для эффективной организации научной работы, подготовят и представят к защите диссертацию и, наконец, пройдут необходимую практику в партийно-правительственных и научных учреждениях и общественных организациях СССР (к примеру, в отделах ЦК КПСС, Министерстве иностранных дел, журнале «Международная жизнь», редакции газеты «Правда», Институте востоковедения и др.¹³). Основной объем учебной нагрузки был связан с самостоятельной работой слушателей над избранной научной темой. Недаром, согласно типовому учебному плану

⁸ От Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)1946: 1.

⁹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 715. Л.37.

¹⁰ Там же. Л.36.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 745. Л. 79.

¹² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 748. Л. 4.

¹³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 754. Л. 12.

1954 г. на первом курсе аудиторная нагрузка составляла 560 час., тогда как на самостоятельную работу отводилось 1600 час., а на втором и третьем курсах объем часов, отводимых на работу в аудитории и вовсе снижался до 360 и 208 час. соответственно (что не затрагивало только изучение иностранного языка, для освоения которого на отдельных кафедрах выделялось до 800 час. в течение 3 лет¹⁴) при сохранении прежнего объема времени, выделяемого на самостоятельную учебную деятельность¹⁵. Правда, несмотря на подобные диспропорции в распределении аудиторной и внеаудиторной нагрузки аспиранты АОН все же могли рассчитывать на регулярные консультации научных руководителей, которые в конце 1940-х гг., в период известных идеологических кампаний, и вовсе были обязаны еженедельно встречаться со своими учениками и даже проверять у них конспекты¹⁶.

Общие и специальные учебные курсы в АОН предполагали проведение лекционных и семинарских занятий. С конца 1940-х их содержание подлежало обязательному контролю со стороны профильной кафедры, что предполагало как предварительное обсуждение и утверждение основных тезисов¹⁷, так и посещение учебного занятия преподавателем заведующим кафедрой и другими сотрудниками (которые могли весьма резко высказаться в адрес лектора, постановив, к примеру, как это было в 1958-1959 учебном году в отношении Л.С. Гапоненко, что его выводы «носили поверхностный, беглый характер, отличались нестройностью, а главное не раскрывали существа поставленных вопросов»¹⁸). Практически все учебные курсы в АОН завершались экзаменом, засчитывавшимся слушателю в качестве кандидатского минимума. Кроме того, работа в семинаре требовала от аспиранта подготовки 1 или 2 специальных докладов, которые надлежало представить для обсуждения на занятии.

Наряду с учебной деятельностью, все кафедры АОН должны были вести научную работу. Ее формы были вполне традиционны для СССР: сотрудникам кафедр было необходимо проводить регулярные научные заседания, участвовать в подготовке научно-исследовательской и учебной литературы, проводить научные конференции и научные сессии, приуроченные к тем или иным юбилейным датам, и, наконец, обсуждать кандидатские и докторские диссертации, представленные к защите бывшими слушателями АОН. Причем, заметим, что последние также привлекались к научной работе своих кафедр, и с середины 1950-х гг. даже регулярно выезжали в зарубежные научные командировки¹⁹.

Оставляя без внимания качественную сторону данного вопроса, укажем, что с точки зрения количественных показателей деятельность

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 748. Л. 56.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 229. Л. 7.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 747. Л. 36.

¹⁷ Там же. Л. 30; РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 759. Л. 1.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 742. Л. 136.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 759. Л. 7.

АОН может быть признана весьма успешной: согласно официальным данным, к середине 1970-х гг. только кафедру истории СССР окончило 400 аспирантов, из которых 40 чел. стали докторами наук, 1 – членом-корреспондентом, 22 – секретарями обкомов и 2 – заместителями председателя Совета министров. Однако, принимая в расчет приведенные нами ранее оценки коллег, мы все же можем выразить известные сомнения относительно вклада выпускников АОН в развитие советской исторической науки и, с этой точки зрения, считаем необходимым более детально представить работу кафедр академии, связанных с изучением и преподаванием отечественной и всеобщей истории.

Изучение и преподавание отечественной истории в АОН во второй половине 1940-х – 1950-е гг.

Кафедра истории СССР была образована в АОН в 1946 г. Ее возглавила видный советский историк, член ВКП(б) и член-корреспондент АН СССР, исследователь истории рабочего движения А.М. Панкратова. После ее смерти в 1957 г. эту должность занимали З.А. Астапович (1957–1958) и М.В. Нечкина (1958–1960). Причем, если верить документам, то последняя была освобождена от этой должности в августе 1960 г. по «личной просьбе», совпавшей по времени с постановлением Секретариата ЦК КПСС «Об укреплении кафедр АОН при ЦК КПСС преподавательскими кадрами», налагавшим ограничения на совмещение работы в нескольких научных и образовательных учреждениях²⁰. Однако, вне зависимости от причины последующего увольнения, сам факт назначения беспартийной М.В. Нечкиной, сравнительно недавно добившейся реабилитации репрессированных родственников, на статусную должность заведующего кафедрой в партийном учреждении и нередко получавшей высокие оценки коллег за свою организационно-педагогическую работу²¹, на наш взгляд, является примечательным, и иллюстрирует «дыхание оттепели». В 1960 г. новым руководителем кафедры стал П.А. Жилин, специалист по истории Отечественной войны 1812 года, имевший неоднозначную репутацию среди коллег²². Ранее он занимался научной работой в Генеральном штабе ВС СССР и выполнял обязанности заместителя главного редактора «Военно-исторического журнала». В АОН его карьера быстро пошла в гору, и уже в 1961 г. он был назначен проректором академии.

Изначально на кафедре преподавали «генералы» советской исторической науки: Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, П.Н. Третьяков, А.Л. Сидоров и др. Затем им на смену пришли выпускники АОН, недавно защитившие кандидатские и докторские диссертации, а также выходцы из других учреждений, стремившиеся сделать карьеру в историко-партийной науке и нередко обладавшие сомнительной научной репутацией²³.

²⁰ Курапова 2007: 37.

²¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 742. Л.109 – 110.

²² См., напр.: Троицкий 2013: 40–45; Земцов 2013; Шенин И.А. 2013.

²³ См., напр.: Ковалев 2021.

Обучение аспирантов на кафедре истории СССР строилось в традиционном ключе: лекции чередовались с семинарскими занятиями и индивидуальными консультациями с научными руководителями. В первые несколько лет лекции по истории СССР посвящались преимущественно «острым» проблемам отечественной истории. Однако в 1949-1950 уч.г. в организации лекционного курса произошел поворот: материал стал преподноситься в историографическом и/или источниковедческом ключе. Сами преподаватели объясняли эти изменения необходимостью «познакомить аспирантов с литературой вопроса, с источниками и привить им умение критически подходить к изучаемой литературе»²⁴, что, как мы уже говорили ранее, далеко не всегда удавалось обнаружить у слушателей при сдаче кандидатского минимума. В результате, в историографо-источниковедческие «одежды» облачились вопрос о происхождении славян (П.Н. Третьяков), проблемы образования русского централизованного государства и Всероссийского рынка (Л.Н. Черепнин), движение Шамиля и народничество (М.В. Нечкина), революция 1905-1907 гг. и Первая мировая война (А.Л. Сидоров) и др.

Однако, несмотря на то, что такому принципу организации учебного материала кафедры истории СССР оставалась верна в течение долгих лет, само понимание принципов историографического анализа в интересующий нас период серьезно отличалось у различных преподавателей АОН. Так, М.В. Нечкиной, проявившая интерес к историографическим сюжетам еще на заре своей научной карьеры и в конце 1950-х гг. возглавившая в комиссии по истории исторической науки Института истории АН СССР и научный совет по историографии²⁵, рассматривала историографию как одну из вспомогательных исторических дисциплин, таких как источниковедение, нумизматика и сфрагистика²⁶. Однако именно историография представлялась ей «самой крупной» и «самой значительной» из них, поскольку именно она изучала историю исторической науки в широком социально-культурном контексте²⁷, и, следовательно, должна была выполнять важные идеологические функции. Недаром, в лекции, прочитанной М.В. Нечкиной в ноябре 1957 г., она даже остановилась на отдельных сюжетах из истории данной дисциплины, подвергнув критике «немарксистскую» «Русскую историографию» Н.Л. Рубинштейна, в работе которого историографический процесс, по ее словам, был представлен как движение «от историка к историку»: «Карамзин сдал свои полномочия Полевому, Полевой был

²⁴ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 715. Л.50.

²⁵ Нечкина 1922; Она же 1923; Она же 1930.

²⁶ Уже через несколько лет, на «историографической среде» научного совета по проблеме «История исторической науки» 4 января 1961 г., Милица Васильевна и большинство присутствующих назовут историографию самостоятельной исторической дисциплиной со своим предметом и методами исследования. См. об этом: Стенограмма заседания Комиссии по истории исторической науки, посвященного вопросу предмета и метода исторической науки // ИА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.10а. Д. 20.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 725. Л. 81.

сменен Погодиным, от Погодина владычество в русской историографии перешло к Соловьеву, от Соловьева к Ключевскому и т.д. и т.д.»²⁸.

Для коллег М.В. Нечкиной по АОН был характерен еще более утилитарный подход к историографии, которая уже в 1960-е гг. традиционно начиналась с изложения позиций классиков марксизма-ленинизма. Так, например, в лекции по историографии Отечественной войны 1812 года, прочитанной 2 марта 1964 г., П.А. Жилин начинает с того, что перечисляет основные упоминания данного события в трудах классиков. Далее он представляет сведения о публикации исторических документов о войне в XIX веке и, наконец, переходит непосредственно к историографии вопроса и изложению официальной советской концепции²⁹.

Ориентируясь при разработке лекционного курса на решения ЦК и постановления Политбюро, преподаватели кафедры все же обладали определенной свободой в построении материала, что было особенно заметно в первые годы работы АОН. Так, если мы сравним две лекции по «Историографии Киевской Руси», прочитанные в апреле 1947 г. академиком Б.Д. Грековым и в феврале 1964 г. будущим ректором Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС Г.В. Шараповым³⁰, то окажется, что первый из названных историков более деликатен в оценках своих предшественников: в основе его лекции – последовательное знакомство слушателей с их взглядами, с необходимыми отсылками к историческим источникам³¹. В то же время, Г.В. Шарапов стремился показать актуальность столь далекого от современности сюжета для текущей «идеологической борьбы» и акцентировал внимание слушателей на «ошибках» предшественников³².

Отдельные исторические проблемы слушатели АОН прорабатывали и в рамках семинарских занятий, обращаясь, как правило, к сюжетам, актуальным с идеологической точки зрения. В частности, на протяжении долгого времени М.В. Нечкина руководила семинаром по истории революционно-демократического движения в России в середине XIX в. (1840–1860 гг.), а А.М. Панкратова – по истории российского пролетариата. Работа слушателей в рамках названных семинаров была выстроена вокруг подготовки и обсуждения учебно-научных докладов. Как вспоминала позднее ученица А.Л. Сидорова, специалист по истории империализма в России Т.Д. Крупина, обучавшаяся в АОН в 1950-е гг., «регламент» работы семинара А.М. Панкратовой был логически и тематически продуман: каждый аспирант готовил доклад по одной из предложенных тем, затем печатал его гектографе, представлял коллегам и «защищал» на одном из занятий³³. Сложность состояла в том, что Пан-

²⁸ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 725. Л. 84.

²⁹ РГАСПИ.Ф. 606.Оп. 1.Д. 713. Л.65

³⁰ РГАСПИ.Ф. 606.Оп. 1.Д. 713. Л. 114 – 144.

³¹ Мамонтова 2017.

³² РГАСПИ. Ф. 606.Оп. 1. Д. 713. Л. 116, 125

³³ Крупина 2000: 157.

кратова давала малоизученные или вовсе неизученные научные проблемы, но, как сообщает Крупина, весьма строго оценивала полученный результат, выдвигая в качестве основных критериев оценки «новизну в подходе», «оснащение проблемы источниками» и «доказательность»³⁴.

Однако, с точки зрения самих преподавателей, проводимые ими семинарские занятия имели много недостатков. В частности, М.П. Ким, в 1953/54 уч.г. проводивший семинар по теме «СССР в период постепенного перехода от социализма к коммунизму», отмечал низкое качество докладов аспирантов, отличавшихся «непродуманной композицией», «наличием повторов», «отсутствием ссылок», «наличием опечаток», «нелогичными рассуждениями», «абстрактным, декларативным характером» размышлений³⁵. Ситуация не изменилась и в следующем году, когда участники семинара, посвященного проблеме формирования социалистических наций в СССР, по мнению М.П. Кима, продемонстрировали в своих докладах «отсутствие исследовательского элемента» и игнорирование архивных источников³⁶. Вероятно, ввиду подобных оценок в 1954/55 уч.г. на кафедре истории СССР была введена обязательная архивная практика, которую слушатели проходили в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции, Центральном государственном историческом архиве, в редакции «Вопросов истории» и др.³⁷

Научная жизнь кафедры истории СССР такого партийного учреждения, каким являлась АОН не могла не зависеть от колебаний партийного курса. В период послевоенных идеологических кампаний ее сотрудники организовали широкое обсуждение «ошибок космополитов», и на заседании, длившемся три дня (11, 14 и 16 марта 1949 г.), были не только «разоблачены» И.И. Минц, Н.Л. Рубинштейн, О.Л. Вайнштейн и Г.А. Деборин, но прозвучала также критика в адрес научных институтов Академии наук СССР (сотрудниками которых, впрочем, как справедливо отмечает В.В. Тихонов, в тот период являлось большинство историков АОН³⁸). Отдельным заседанием в 1949 г. кафедра отметила 70-летие И.В. Сталина. На нем с докладами выступили Б.Д. Греков («Товарищ Сталин и русская историческая наука»), А.М. Панкратова («Указания товарища Сталина по вопросам преподавания истории и их роль в развитии исторической науки») и М.П. Ким («Товарищ Сталин – теоретик и строитель советского многонационального государства»)³⁹. После XX съезда КПСС историки АОН приступили к борьбе с «культом личности», и уже 13 марта 1956 г. организовали соответствующее заседание, поручив А.М. Панкратовой сделать основной доклад на эту тему⁴⁰. Од-

³⁴ Там же. С. 158.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 742. Л.17.

³⁶ Там же. Л.47.

³⁷ Там же. Л. 51.

³⁸ Тихонов 2016: 207.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 715. Л. 38.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 742. Л. 71.

новременно в АОН началась проверка представленных к защите кандидатских диссертаций, списков литературы, рекомендованной для подготовки к сдаче кандидатского минимума, и учебных и научных планов работы подразделений на оставшиеся месяцы учебного года.

Вероятно, своеобразной реакцией на борьбу с «культом личности» и одновременно логичным «поворотом» в деятельности кафедры, получившей нового руководителя, стало развитие в стенах АОН историографических исследований. Так, в 1959 г. кафедра истории СССР, возглавляемая М.В. Нечкиной, организовала специальную конференцию, посвященную критике фальсификации истории СССР в зарубежной буржуазной литературе⁴¹, а сама Нечкина представила на одном из секционных заседаний доклад «Критика зарубежной литературы по истории советской исторической науки». В дальнейшем, развивая деятельность в данном направлении, Нечкина прочитала аспирантам кафедры лекцию, посвященную проблемам периодизации советской исторической науки⁴². Однако дальнейшее развитие историографических исследований в АОН, как мы и говорили ранее, оказалось связано с деятельностью уже других специалистов и организаторов советской науки, стремившихся усилить не аналитическую, а «боевую» составляющую советской историографической традиции.

Изучение и преподавание всеобщей истории в АОН

Разработка проблем всеобщей истории в АОН также началась сразу после открытия данной институции, когда в ее составе была создана специализированная кафедра⁴³. Во второй половине 1940-х ее сотрудниками являлись ведущие советские ученые, занимавшиеся разработкой древней, средневековой, новой и новейшей истории, среди которых – Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, Б.Ф. Поршнев, Ф.В. Потемкин и др. Их приглашению в АОН, вероятно, содействовал первый ректор академии А.В. Мишулин, выполнявший, наряду с ректорскими обязанностями, функции заведующего сектором древней истории в Институте истории АН СССР и еще в довоенные годы преподававший в некоторых вузах Москвы⁴⁴. В результате, обладая необходимыми связями в ЦК ВКП(б) и одновременно чувствуя себя «своим» в сообществе столичных ученых-историков, А.В. Мишулин, специалист по восстаниям рабов в древности и истории древней Иберии, постарался максимально расширить учебный план кафедры всеобщей истории АОН и включить в него весьма далекие от современности сюжеты из истории древнего мира и средневековья. Так, в 1948/49 уч.г. А.Г. Бокшанин читал аспирантам курс по истории революционных движений в древности, Б.Ф. Поршнев знакомил их с основными чертами феодального способа производства и особенностями революционных движений крепостных крестьян, Е.А. Кос-

⁴¹ Там же. Л. 141.

⁴² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 732. Л. 195 – 244.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 747. Л. 1, 4.

⁴⁴ Профессор Александр Васильевич Мишулин (некролог) 1948.

минский останавливался на проблемах Английской революции середины XVII в.⁴⁵ Более того, как и преподаватели кафедры истории СССР, антиковеды и медиевисты АОН уделяли немало внимания историографическим сюжетам и выступали со специальными лекциями, посвященными историографии древней и средневековой истории (а также состоянию современной английской, французской, немецкой, итальянской «буржуазной» науки)⁴⁶, одновременно объясняя слушателям базовые принципы организации научно-исследовательской работы⁴⁷.

Наряду с преподаванием, во второй половине 1940-х гг. члены кафедры всеобщей истории старались вести активную научную работу, регулярно выступая перед коллегами с научными докладами, осуществляя подготовку к изданию кафедральных сборников статей и своих лекций. И хотя научная продукция сотрудников АОН несла на себе печать идеологических кампаний тех лет и нередко была связана с борьбой с «космополитизмом» или с конструированием взглядов В.И. Ленина–И.В. Сталина по тому или иному вопросу (на одном из заседаний кафедры А.В. Мишулин представил доклад «Развитие исторической науки Лениным и Сталиным», а Б.Ф. Поршневу – «Развитие Сталиным вопроса о коренном различии между буржуазной и социалистической революцией»⁴⁸), ее научный уровень, в целом, соответствовал общему уровню развития советской исторической науки того времени.

Однако к началу 1950-х гг. ситуация в АОН начала меняться. На это повлияли как кадровые трансформации, обусловленные смертью А.В. Мишулина (1948) и привлечением к работе бывших выпускников академии (к 1956 г. из 7 доцентов кафедры 5 окончили аспирантуру АОН), так и общие изменения в работе АОН, стремившейся оправдать статус партийного учреждения и соотнести общие требования к аспирантам с исходным уровнем их подготовки. И, полагаем, что последнее обстоятельство во многом оказалось решающим, так как отчеты экзаменационных комиссий кафедры свидетельствовали о том, что хуже всего ее слушатели были осведомлены о событиях древней и средневековой истории и поэтому практически никогда не выбирали темы диссертаций, связанные с этими историческими периодами. В качестве исключения, можно назвать тему одного из аспирантов А.В. Мишулина «Публий Корнелий Сципион Африканский Старший как носитель новой тенденции в римской политике»⁴⁹, однако мы не располагаем данными о ее защите и должны учитывать, что многие коллеги ректора АОН нередко руководили исследованиями по темам, весьма далеким от проблематики их собственных научных изысканий. Так, Е.А. Косминский, специалист по средневековой аграрной истории Англии, руково-

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 747. Л. 15.

⁴⁶ Там же. Л. 17.

⁴⁷ Там же. Л. 11.

⁴⁸ Там же. Л. 12.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 747. Л. 5.

дил диссертацией на тему «Роль К. Маркса и I Интернационала в борьбе английских рабочих за избирательную реформу 1867 г.», а его коллега по цеху, С.Д. Сказкин курировал диссертацию по теме «Социал-демократическая рабочая партия Германии в 1869–1872 гг.»⁵⁰.

В результате, к 1954 г. основной специализацией кафедры стала новая и новейшая история, что, безусловно, повлияло не только на учебные планы и планы работы данного подразделения, но и на само его название, кафедра всеобщей истории стала кафедрой новой истории. Как писал известный советский японовед Е.М. Жуков, возглавлявший кафедру в указанный период, «основным предметом специальности нашей кафедры поставлен предмет новой истории», а «смежными предметами» стали «международные отношения и международное рабочее движение в послеоктябрьский период (1918–1954 гг.)»⁵¹. В соответствии с этой установкой был изменен учебный план кафедры, и если в 1954 г. ее аспиранты еще слушали небольшие курсы лекций по древней и средневековой истории (общий объем – 14 час.) и знакомились с историографией Английской революции (Е.А. Косминский), то в дальнейшем перечень учебных предметов был существенно сокращен (как, впрочем, и объем лекционных курсов), а их тематика существенно изменена и актуализирована. В 1955 г. в учебных планах были указаны лекции И.С. Галкина «Германская социал-демократия», И.Н. Дворкина «Лейбористская партия Англии», Р.С. Варфоломеевой «Социалистическая партия Франции», Л.И. Зубока «Основные проблемы рабочего движения в США в конце XIX – начале XX века» и др.⁵². Поворот в учебной работе отразился и на научной деятельности кафедры: при сохранении прежних форм организации исследовательского труда произошли заметные изменения в его тематической направленности. В результате, и научные доклады сотрудников кафедры, сделанные ими на ее заседаниях, и издательская продукция подразделения (сборники статей, курсы лекций, учебные пособия и др.), и научные сессии и дискуссии теперь были посвящены актуальным сюжетам мировой истории последних ста лет.

Впрочем, этот «поворот» в работе кафедры оказался недолгим. В феврале 1959 г. Е.М. Жуков обратился в ректорат АОН с просьбой реорганизовать кафедру новой истории, которой, по замыслу ее сотрудников, предстояло стать кафедрой истории международного коммунистического и рабочего движения⁵³. Эта инициатива получила поддержку руководства АОН, и в мае 1959 г. по решению ЦК КПСС кафедра изменила профиль своей деятельности, сосредоточив усилия сотрудников на разработке таких проблем, как коммунистическая партия в борьбе за единство рабочего класса в капиталистических странах, братское сотрудничество и взаимопомощь стран социалистического лагеря и про-

⁵⁰ Там же. Л. 6–7.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 748. Л. 53.

⁵² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 750. Л. 29.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 763. Л. 1–23.

блемы перехода от социализма к коммунизму, перспективы развития несоциалистических государств Азии и Африки, национально-освободительная борьба в странах Латинской Америки против господства империализма США и др.⁵⁴. Одновременно были обновлены учебные планы кафедры, из которых были исключены лекции вузовского типа, а им на смену пришли научные доклады и групповая работа аспирантов над избранной темой, разработка которой в идеале должна была завершаться подготовкой монографии⁵⁵.

Причины трансформации кафедры новой истории, на наш взгляд, были связаны с общими изменениями в работе АОН, которая, в силу специфики поставленных перед ней как перед научным учреждением при ЦК КПСС задач, должна была ориентироваться на изучение актуальных в условиях построения социализма и коммунизма тем и сюжетов. Тем более, что на рубеже 1950–1960-х гг. она располагала необходимыми для этого научными кадрами – бывшими выпускниками АОН, приглашенными после защиты диссертации для работы в ее структурах.

Завершая статью, мы не претендуем на серьезные обобщения, которые могут быть сделаны лишь после дальнейшего изучения научно-исследовательской и учебной деятельности АОН. Однако представленные нами материалы могут стать важным шагом на этом пути. И уже сейчас мы можем сказать, что во второй половине 1940-х – 1950-е гг. АОН ориентировалось на те же практики и механизмы работы, что и другие советские учреждения академического или вузовского секторов. Ее сотрудники готовили проблемные лекции, руководили подготовкой диссертаций и участвовали в их последующей защите, выступали с докладами на различных заседаниях и конференциях, писали научные статьи и монографии. Но, в то же время, начиная с 1950-х гг. основное внимание членов АОН было приковано к узкому набору сюжетов, имевших или историографическую и методологическую направленность, или политико-идеологическую актуальность. На наш взгляд, это было обусловлено тем, что представители академии, находившейся при ЦК КПСС, должны были не просто проводить научные исследования и готовить научную смену (с этим справлялись Академия наук СССР и советские вузы), но откликаться на «партийный заказ» и формулировать общие методологические позиции, вручая своим выпускникам – своего рода «партийной элите» того времени – «методологические ключи» к постижению прошлого. Если же говорить о качестве подготовки аспирантов, то мы не рискуем бы повторять оценки А.М. Некрича и его коллег, полагая, что в контексте советской науки диссертации аспирантов АОН, обучавшихся в 1940–1950-е гг. у настоящих мэтров и признанных руководителей «исторического фронта» в СССР, были вполне адекватны тем

⁵⁴ Там же. Л. 8–9.

⁵⁵ Там же. Л. 1.

критериям, которые предъявлялись к подобного рода трудам (опора на архивные материалы, знакомство с новейшими достижениями отечественных и зарубежных коллег и др.). Однако только проведение дальнейших исследований в этом направлении позволит реконструировать целостную картину деятельности АОН в 1960–1980-е гг.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Академия общественных наук при ЦК КПСС [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 606. Akademiya obshchestvennyh nauk pri CK KPSS].
 Научный архив Института российской истории Российской Академии наук (НА ИРИ РАН). Ф. 1. Институт истории АН СССР. [Nauchnyj arhiv Instituta rossijskoj istorii Rossijskoj Akademii nauk (NA IRI RAN). F. 1. Institut istorii AN SSSR.].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 471 с. [Dolgova E.A. Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920–1930-e gg. M.: RGGU, 2020. 471 s.].
- Земцов В.Н. Отечественная война 1812 г.: 200 лет поиска истины // «И вечной памятью двенадцатого года...»: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 175–187 [Zemcov V.N. Otechestvennaya vojna 1812 g.: 200 let poiska istiny // «I vechnoj pamjat'ju dvenadcatogo goda...»: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 200-letiju Otechestvennoj vojny 1812 g. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. S. 175–187].
- Ковалев М.В., Груздинская В.С. (Москва) «Вы делаете бессмертно нужное дело – и в профессиональном смысле, и в гражданском»: письма М.Я. Гефтера к Н.А. Троицкому (1972–1980) // Историографический сборник. Вып. 28. Саратов: СГУ, 2021. [Kovalev M.V., Gruzdinskaya V.S. (Moskva) «Vy delaete bessmertno nuzhnoe delo – i v professional'nom smysle, i v grazhdanskom»: pis'ma M.Y.A. Geftera k N.A. Troickomu (1972–1980) // Istoriograficheskiy sbornik. Vyp. 28. Saratov: SGU, 2021.].
- Крупина Т.Д. Педагог и научный руководитель // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М.: Изд-во РУДН и Изд-во «Мосгорархив», 2000. С. 157–159. [Krupina T.D. Pedagog i nauchnyj rukovoditel' // Istorik i vremya. 20–50-e gody ХХ века. А.М. Pankratova. М.: Izd-vo RUDN i Izd-vo «Mosgorarhiv», 2000. S. 157–159].
- Курапова Е.Р. «Что интересного в Академии общественных наук?». Письма бывших аспирантов к М.В. Нечкиной. 1949–1971 гг. // Исторический архив. 2006. № 3. С. 30–59. [Kurapova E.R. «Сhto interesnogo v Akademii obshchestvennyh nauk?». Pis'ma byvshih aspirantov k M.V. Nechkinoj. 1949–1971 gg. // Istoricheskij arhiv. 2006. № 3. S. 30–59].
- Мамонтова М.А. «Историография Киевской Руси»: лекция Б.Д. Грекова в Академии общественных наук (22 апреля 1947 года) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 3. С. 457–471. [Mamontova M.A. «Istoriografiya Kievskoj Rusi»: lekcija B. D. Grekova v Akademii obshchestvennyh nauk (22 aprelya 1947 goda) // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2017. № 3. S. 457–471].
- Мамонтова М.А. М. В. Нечкина о предмете историографии в курсе лекций для слушателей Академии общественных наук // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 3. С. 217–221. [Mamontova M.A. M.V. Nechkina o predmete istoriografii v kurse lekcij dlya slushatelej Akademii obshchestvennyh nauk // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2021. T. 8. № 3. S. 217–221.].
- Некрич А.М. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон: Overseas Publications Interchangelto, 1979. 414 с. [Nekrich A.M. Otreshis' ot straha. Vospominaniya istorika. London: Overseas Publications Interchangelto, 1979. 414 s.].
- Нечкина М.В. Взгляд В.О. Ключевского на роль «идей» в историческом процессе // Красная Новь. 1923. № 5. С. 174–203. [Nechkina M.V. Vzglyad V.O. Klyuchevskogo na rol' «idej» v istoricheskom processe // Krasnaya Nov'. 1923. № 5. S. 174–203.].

- Нечкина М.В. В.О. Ключевский // Русская историческая наука в классовом освещении. М., 1930. Т.2. С. 217–350. [Nechkina M.V. V.O. Klyuchevskij // Russkaya istoricheskaya nauka v klassovom osveshchenii. M., 1930. T. 2. S. 217–350.]
- Нечкина М. В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань: Гос. Изд-во, 1922. 204 с. [Nechkina M.V. Russkaya istoriya v osveshchenii ekonomicheskogo materializma. Kazan': Gos. Izd-vo, 1922. 204 s.]
- От Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) // Правда. 1946. 30 августа. С. 1. [От Akademii obshchestvennyh nauk pri SK VKP(b) // Pravda. 1946. 30 avgusta. S. 1.]
- Коммунистическая партия Светского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. / под ред. А. Г. Егорова и др. 9-е изд. Т.8. М.: Политиздат, 1985. 542 с. [Kommunisticheskaya partiya Svetskogo soyuza v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov SK (1898–1988): v 16 t. / pod red. A. G. Egorova i dr. 9-e izd. T.8. M.: Politizdat, 1985. 542 s.]
- Профессор Александр Васильевич Мишулин (некролог) // Вестник древней истории. 1948. № 4. С. 137–138. [Professor Aleksandr Vasil'evich Mishulin (nekrolog) // Vestnik drevnej istorii. 1948. № 4. S. 137–138.]
- Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 гг.). М.; СПб: Нестор-История, 2016. 424 с. [Tihonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-h – 1953 gg.). M.; SPb: Nestor-Istoriya, 2016. 424 s.]
- Троицкий Н. А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб.: Полторацк, 2013. 186 с. [Troickij N.A. Skazaniya o pravde i krivde v istoricheskoy nauke. SPb.: Poltorack, 2013. 186 s.]
- Фирсов Ф. 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. М.: АИРО-XXI, 2013. 479 с. [Firsov F. 34 goda v Institute marksizma-leninizma. Vospominaniya istorika. M.: AIRO-XXI, 2013. 479 s.]
- Шейн И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: Научно-популярная книга, 2013. 462 с. [Shein I.A. Vojna 1812 goda v otechestvennoj istoriografii. M.: Nauchno-populyarnaya kniga, 2013. 462 s.]

Груздинская Виктория Сергеевна, канд. ист. наук, научный сотрудник, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, vik11910314@yandex.ru

Метель Ольга Вадимовна, канд. ист. наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, olgametel@yandex.ru

Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU and development of Soviet historiography in the second half of the 1940s – 1950s

The article is devoted to the analysis of the activities of the Academy of Social Sciences under the CPSU Central Committee for the production and transmission of historical knowledge in the 1940-1950s. The specificity and mechanisms of the process under study are shown on the example of work of departments of the history of the USSR and world history.

Key words: *Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, Soviet historical science, training of historians, graduate school, national history, general history, history of the communist and workers' movement.*

Victoria S. Gruzdinskaya, PhD in Historical Sciences, Researcher, Dostoevsky Omsk State University; vik11910314@yandex.ru.

Olga V. Metel, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, Dostoevsky Omsk State University; olgametel@yandex.ru

В.В. ТИХОНОВ

ВЗАИМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ И ОТТАЛКИВАНИЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИСТОРИКИ И ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х-1970-Е ГГ.

Работа подготовлена на основе как опубликованных, так и ранее не вводившихся в научный оборот источников. Впервые привлекаются документы обсуждения весной 1968 г. П.И. Якира в Институте истории АН СССР, отложившиеся в Научном архиве ИРИ РАН. Указывается, что грань между профессиональными историками и диссидентами часто была размытой и подвижной. В статье предлагается скорректировать «диссидентский миф», разделяющий историков на «официальных» и «независимых». Признавая возможность применения концепции «идеология профессионализма» для понимания проблемы, делается вывод, что «идеология профессионализма» включала различные компоненты, актуализируемые учеными в зависимости от их личных качеств и мировоззренческих установок. Также она мешала налаживанию тесных контактов между историками-шестидесятниками и историками-диссидентами, поскольку первые выставляли «профессиональный барьер», требующий владения арсеналом навыков научного исследования.

Ключевые слова: советская историческая наука, диссидентское движение, «идеология профессионализма», В.П. Данилов, П.И. Якир

Диссидентское движение не было оторвано от остального советского общества¹. Оно являлось ответом (относительно радикальным) на «проклятые вопросы, волновавшие многих представителей интеллектуальной элиты. Его состав был пестрым и включал почти все страты советского общества. В этом контексте правомерно исследовать диссидентство в связи с другими явлениями позднесоветской эпохи, в частности, шестидесятничеством. В данной статье будет предпринята попытка продемонстрировать, что «диссидентские» историографические проекты можно рассматривать как часть общего процесса пересмотра «сталинского исторического нарратива», начавшегося в советском обществе с середины 1950-х гг. и развернувшегося с начала 1960-х гг.

Историю «историографического» шестидесятничества и диссидентское историописание принято рассматривать в отрыве друг от друга. И это не случайно. Несмотря на множество точек соприкосновения, они, действительно, развивались во многом параллельно и редко пересекались. В чем же причина? В героическом «диссидентском мифе» присутствует разделение на т.н. «официальных историков» и независимых историков, являвшихся частью диссидентского движения². Причем нередко под «официальными историками» подразумевались профессиональные историки вообще. Но такое разделение выглядит чрезмерно ради-

¹ См.: Алексеева 1992; Буббайер 2010; Сергеев 2012: 98-103; Будрайтскис 2017; и др.

² Например: Исторический сборник «Память»: 212, 245, 342 и др.

кальным. Во-первых, «официоз» был относительно подвижным. При Хрущеве критика Сталина носила вполне официальный характер, а при Брежневе предпочитали ее избегать, опасаясь, что это ударит и по престижу всей партии. Во-вторых, немало историков выступали с критикой ряда догматических установок, оставаясь частью профессионального цеха. Централизованная советская историческая наука, действительно, выстраивалась в форме вертикали, на вершине которой находились лидеры направления исследований, в идеале должны были транслировать официальные установки. Но часто сами лидеры были заинтересованы в постепенном раздвижении рамок дозволенного, хотя и стремились подавить конкурентов. Кроме того, динамичное экстенсивное развитие советской науки привело к появлению относительно независимых научных центров, в т.ч. в регионах, которые играли все более самостоятельную роль. Видимо, уместнее говорить об «официальном» образе прошлого, а не об «официальных историках», подразумевая под этим всех профессионалов. Действительно, «официальный» историк оказывался в большей зависимости от руководства и цензуры, чем «неофициальный». Однако границы были подвижны, ряд профессиональных историков тесно соприкасался с диссидентской средой, а некоторые активные участники диссидентского движения когда-либо имели официальное место работы в НИИ (братья Медведевы, П.И. Якир, М.Я. Гефтер).

Часто в качестве ответа на поставленный выше вопрос о мотивах поведения профессиональных историков отмечается страх потери карьеры или культивация аполитичности. Не отрицая и этих мотивов, можно указать, что нежелание большинства «ученой братии» (впрочем, в обсуждениях на Ученых советах и открытых заседаниях, по крайней мере в 1960-е гг., вовлекался не один десяток человек) участвовать в бурных дебатах отражает, скорее, уровень их общественного темперамента, а не некую демонстративную позицию. Сказывалось отсутствие в СССР полноценного «публичного пространства». Среди советских ученых можно выявить установку, согласно которой ученый должен в первую очередь выполнять свой профессиональный долг, а не увлекаться политикой, мешающей и ставящей под удар выполнение его прямых профессиональных обязанностей. Многие считали, что именно так можно сделать мир немного лучше (это напоминало теорию «малых дел»). Иронично такую позицию описал в самиздатовой поэме «Евгений Стромынкин» (написана в 1949-1956 гг., является пародией на поэму А.С. Пушкина «Евгений Онегин») физик-диссидент Г. Копылов: «Науку двигая свою, / Я больше обществу даю, / Чем тыча пальцами в прорехи. / Я приближаю новый век, / Не разрушая ветхих вех». Но эта же позиция рождала установку на то, что любое дело нужно делать профессионально.

Для осмысления указанных установок используется концепция «идеология профессионализма». По мнению Н. Копосова, «...советская

историография культивировала идеал члена сражающегося коллектива... В 1960–1970-е годы он уступил место образу аполитичного эксперта, которому соответствовала идеология профессионализма. Отказ от теории во имя фактографии скрывал как неприятие склеротической идеологии, так и неготовность выступить против нее»³. Думаю, что нарисованная широким мазком картина сильно упрощает реальность. Можно ли назвать В.П. Данилова, А.М. Некрича, М.Я. Гефтера и их оппонентов «аполитичными экспертами»? Неслучайно перечисленные историки вписаны как в академическую историю науки, так и в диссидентский нарратив. Вообще, по меткому наблюдению Б. Мартин, политическая заостренность исторических текстов диссидентов была во многом следствием открытой политизированности советской историографии⁴. То есть аполитичность – не тот термин, который позволяет прояснить ситуацию. Вряд ли можно считать удачными и концепции «академического диссидентства»⁵ или «системного диссидентства»⁶, поскольку они оказываются, во-первых, размытыми, так как любое несогласие с курсом власти трактуется как диссидентство (что является огромным преувеличением), а во-вторых, сконструированы потсфактум, когда диссидентами стало модно называться и бывшим членам Политбюро.

Думаю, что на проблему нелишне взглянуть глазами самих носителей «идеологии профессионализма». Это позволит лучше понять причины их действий. Кроме того, концепция «идеологии профессионализма» излишне акцентирует пассивность профессионалов и, как следствие, подчеркивает пассионарность диссидентов. То есть мы опять возвращаемся к героическому «диссидентскому мифу».

В данной статье я попробую доказать, что «идеология профессионализма» играла важную роль в выстраивании взаимоотношений между диссидентами и историками-шестидесятниками. Я считаю недостаточным для понимания ситуации трактовку «идеологии профессионализма» как демонстративной аполитичности, пассивности и неготовности противостоять официозу. Факты говорят о стремлении многих историков-профессионалов выступить против лакировки прошлого и поставить общественно-значимые проблемы. Но важно учитывать, что «идеология профессионализма» требовала от потенциального соратника необходимой эрудиции и владения арсеналом источниковедческого анализа. Только это позволяло выносить экспертное суждение о прошлом, в т.ч. по самым злободневным вопросам. Такой «профессиональный барьер», выставляемый учеными перед дилетантами, объективно мешал, хотя и

³ Копосов 2011: 192. Об этом же писал В. Шлапентох в отношении ученых в целом: Shlapentokh 1990: 93-98. Позиция Н.Е. Копосова была поддержана А.В. Свешниковым: Исторический сборник «Память». 2017: 165.

⁴ Исторический сборник «Память»: 50.

⁵ Безбородов 1999: 54-108.

⁶ Буббайер 2010: Глава 8.

не являлся непреодолимым, плодотворному сотрудничеству с диссидентами, среди которых типичной фигурой был историк-непрофессионал.

Одной из особенностей диссидентской повестки являлось обращение к истории, в которой искали ответы на ключевые мировоззренческие, политические и культурные вопросы окружающей реальности. Во многом этот интерес был спровоцирован общей интеллектуальной атмосферой послевоенного советского общества. Являясь попыткой воплощения «проекта Просвещения» в индустриальную эпоху⁷, советское общество рассматривало историю как «учительницу жизни». Хорошо эту установку передает один из издателей нелегального альманаха «Память» (выходил в 1976–1982) Д.И. Зубарев: «...Я, как любой гражданин, еще интересовался и исторической проблематикой, поскольку у нас в СССР история была одной из самых главных наук»⁸. Большую роль в росте интереса к истории сыграли XX и XXI съезды, на которых не только произошла переоценка роли Сталина, но и прозвучал призыв поновому изучать историю партии и страны⁹. Но обращение к прошлому имело и вполне инструментальные основания. «Историческое воображение» советской эпохи выстраивалось на идеях исторической закономерности и телеологичности, которые, в свою очередь, оказывались благодатной почвой для выстраивания многочисленных исторических аллюзий. Поэтому в диссидентских текстах и публичных выступлениях так много прямых аналогий из прошлого. Участники движения сравнивались с декабристами, народниками¹⁰, национальными борцами против царизма¹¹, революционерами¹² и т.д. Можно говорить о том, что советское историческое образование сформировало и укоренило данную линейку образов. Любопытно, что такое историческое воспитание обернулось против действующей власти, когда усвоенные исторические паттерны вступили в противоречие с окружающей реальностью¹³.

⁷ См.: Хоффман 2018: 16–20; Дэвид-Фокс 2020: 90–93.

⁸ Исторический сборник «Память»: 175.

⁹ Участники движения за реабилитацию жертв сталинских репрессий активно использовали официальные риторические конструкции, озвученные XX и XXI съездами: Kozlov 2013: 176–230.

¹⁰ М.Я. Гефтер во второй половине 1970-х гг., после ухода на пенсию и начала открытого сотрудничества с диссидентскими кругами, подготовил антологию народничества. См.: Гефтер 2021.

¹¹ Так, знаменитый лозунг демонстрантов на Красной площади в августе 1968 г., выступивших против ввода войск в Чехословакию, – «За нашу и вашу свободу» – использовался польскими повстанцами в 1863–1864 гг. См.: Буббайер 2010: 135.

¹² Козлов 2017: 153–177

¹³ Такую же роль сыграла и культивируемая в советской школе русская литература второй половины XIX в., воспевающая борьбу с несправедливостью мира. См.: Амальрик 1991: 40.

Диссидентское движение не отличалось единством. Формально его объединяло идейное противостояние с действующей властью¹⁴. Можно воспользоваться упрощенным, но в целом действенным делением диссидентского движения в России на три идейных направления: левые («настоящие» коммунисты-ленинцы), либералы-западники и неопочвенники. Представители всех течений черпали в истории необходимые им аргументы, рассматривали исторический процесс в качестве объяснительной модели для современности. Так, левые диссиденты особое внимание уделяли «искажениям» коммунистических идей, отказу от «ленинского» наследия. Особый интерес для них представляла история партии и идейных альтернатив сталинизму. Неопочвенники увлекались до-революционной Россией и русской традиционной культурой, рассматривая коммунистический проект как безусловное зло. Либералы-западники в меньшей степени были зависимы от исторических паттернов, но и они находили в прошлом аргументы для обоснования неверности социалистического пути. История превратилась в квазиполитическую площадку, на которой разворачивались дискуссии. По сути, это были споры о настоящем и будущем советского государства и общества.

Особое внимание диссидентов к прошлому во многом вписывалось в общую тенденцию «исторического поворота» советского социума в 1950-70-е гг.¹⁵ Критика «культы личности», прозвучавшая на XX съезде, стала не только отправной точкой рождения феноменов и шестидесятничества, и диссидентства, но породила особый запрос на осмысление недавнего прошлого. Считается, что шестидесятники стремились, сохраняя за собой позиции в советской системе, изменить ее изнутри. Диссиденты, наоборот, оказывались к ней в оппозиции. В реальности границы были достаточно подвижны, и известно немало примеров перехода из одного качества в другое¹⁶. Впрочем, оказавшись открытым диссидентом, вернуть прежние позиции было почти невозможно.

Под влиянием новых веяний начали работу известные в будущем диссиденты: А.В. Антонов-Овсеенко, подготовивший ряд биографических работ о своем репрессированном отце В.А. Антонове-Овсеенко, и братья Жорес и Рой Медведевы. Жорес интересовался в первую очередь историей науки и подготовил книгу о влиянии «культы личности» и связанных с ним репрессий на развитие биологии. Рой начинает собирать материал о сталинских репрессиях и готовит книгу «К суду истории»¹⁷. Основой их методологии в условиях недоступности архивов стал сбор устных свидетельств. Это было возрождением традиций советской историографии 1920-1940-х гг., когда реализовывался ряд масштабных исто-

¹⁴ Даниэль 1998: 112.

¹⁵ См.: Kozlov 2001: 577-600.

¹⁶ Martin 2019: 110.

¹⁷ Подробнее: Martin 2019: 11-30.

рико-документальных проектов (истпроф, история Гражданской войны, Комиссия по истории Великой Отечественной войны и др.) целью которых было инициативное документирование, в т.ч. сбор устных свидетельств. Учитывался ли этот опыт в диссидентском историописании?

Во флагмане советской исторической науки – Институте истории АН СССР исследования также активизировались. В 1960-е гг. Институт играл противоречивую роль. С одной стороны, он оставался «цитаделью» советской историографии, подспудно выполняющим и контрольно-координирующие функции. Контролирующими инстанциями Институт рассматривался как «идеологическое» учреждение, т.е. находящееся на важном участке «идеологического фронта». Немало среди сотрудников было сталинистов и консервативно настроенных ортодоксов. Но, с другой, именно здесь наиболее ярко наблюдалось стремление поставить научную объективность на первый план перед общественно-политической целесообразностью, пересмотреть или хотя бы скорректировать идеологические догмы в области истории. Тем более, что первоначально это поощрялось на официальном уровне. В 1962 г. Всесоюзное совещание историков подтвердило курс на десталинизацию и демократизацию исторической науки¹⁸. Все это отражалось на настроениях сотрудников Института. «Именно тогда, а не после XX съезда, – вспоминал работавший в Институте А.П. Ненароков, – мы впервые поверили в то, во что не смогли верить ранее. Нам вдруг запоздало почудилась “оттепель” среди первых осенних заморозков. Мы приняли все за чистую монету... решили, что наступила необратимая стадия десталинизации»¹⁹. Особенно активными были дискуссии по истории Великой Отечественной войны и роли в ней И.В. Сталина.

Но ситуация менялась. После смещения в 1964 г. Н.С. Хрущева ряд высокопоставленных идеологов, в частности П.Н. Поспелов и С.П. Трапезников, заявили, что неправильно преувеличивать значение культуры личности в советской истории. Этой тенденции объективно противостояла книга А.М. Некрича «1941. 22 июня» (1965), где вина за провальное для советских войск начало войны возлагалась на Сталина. Материалы закрытого обсуждения издания попали за рубеж (а также в самиздат), что привело к изъятию книги из библиотек, а самого автора исключили из партии и вскоре он был вынужден эмигрировать²⁰.

В январском номере за 1966 г. газеты «Правда» вышла статья «Высокая ответственность историков», подписанная тремя известными историками – Е.М. Жуковым, В.Г. Трухановским и В.И. Шунковым. Авторы выступали против «немарксистского» термина «период культа личности», ведущего, якобы, к умалению роли народа и партии в исто-

¹⁸ Всесоюзное совещание 1964.

¹⁹ Ненароков 2009: 207.

²⁰ Отрешившийся от страха 1996; Martin 2019: 75-81.

рии. В ответ в адрес Л.И. Брежнева появилось т.н. «письмо 25-ти» (подписано известными учеными (П.Л. Капица, С.Д. Сказкин, И.М. Майский, М.А. Леонтович, А.Д. Сахаров) и представителями творческой интеллигенции (О.Н. Ефремов, К.Г. Паустовский, И.М. Смоктуновский, М.М. Хуциев и др.), в котором говорилось о недопустимости «частичной или косвенной реабилитации И.В. Сталина»²¹. Жанр открытого письма в данном случае не случаен и отражает широко распространенную тактику влияния на власть, взятую на вооружение интеллигенцией. Для диссидентов она вообще являлась главной во второй половине 1960-х гг.²² Впрочем, был и существенный нюанс. Влиятельные и известные деятели науки и культуры обладали весомым статусом и, как следствие, определенным политическим иммунитетом, в отличие от мало известных диссидентских активистов, в гораздо большей степени рисковавших подвергнуться серьезным преследованиям.

Отчетливую антисталинскую позицию занимал партком Института истории АН СССР, возглавляемый крупным специалистом по аграрной истории В.П. Даниловым. В 1964 г. цензура запретила совместную статью В.П. Данилова и С.И. Якубовской «О фигуре умолчания в исторической науке», подготовленную для «Нового мира». В статье выражался протест против существования в советской историографии исторических фигур, упоминания которых запрещены. Такая практика прямо связывалась с наследием сталинского времени, которое следует преодолеть. Партком выступал за демократизацию управления Институт истории, введение выборности руководящих должностей. В своей деятельности партком вступил в конфликт с МГК. Была образована комиссия, которая провела проверку деятельности парткома и подготовила в целом негативный отчет²³. Раздел Института истории в 1968 г. на Институт всеобщей истории и Институт истории СССР подвел черты под работой «мятежного парткома».

Ярким историографическим явлением стало «новое направление». Традиционно к нему относят А.М. Анфимова, М.Я. Гефтера, И.Ф. Гиндина, К.Н. Тарновского, А.Я. Авреха, П.В. Волобуева и др. историков, обосновывавших тезис о многокладном характере российской экономики, что, по их мнению, позволяло рассматривать Россию как страну второго эшелона капиталистического развития. Своеобразным институциональным центром неформального историографического движения стал Институт истории СССР АН СССР, возглавляемый П.В. Волобуевым. В противовес «новому направлению» группа историков, включавшая В.И. Бовыкина, В.Я. Лавёрычева и П.Г. Рындынского, отстаивала

²¹ Реабилитация: как это было. 2003: 486-488.

²² Буббайер 2010: 134-135.

²³ См.: Курносов 2006: 363-389; Партийная организация Института истории АН СССР. 2007. № 12; 2008. № 1-2.

положение о высоком уровне развития капитализма в России как предпосылки социалистической революции. Критики увидели в концепциях «нового направления» попытку пересмотра истории Октябрьской революции, даже отрицание ее закономерности. Считается, что ключевую роль в «разгроме» сыграл Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС во главе с С.П. Трапезниковым. Волобуев был снят с должности директора Института как «не справившийся с работой»²⁴. Как показывают современные исследования, деятельность «нового направления» и его разгром стали объектом внимания со стороны диссидентских кругов²⁵.

В 1964 г. в Институте начал работу Сектор по разработке вопросов методологии истории во главе с М.Я. Гефтером, человеком высокого общественного темперамента в сочетании с особым интересом к методологии и философии истории. Поддержку Гефтеру оказывал академик Е.М. Жуков²⁶. Сотрудники сектора и участники его методологических семинаров опубликовали коллективную монографию «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969), в которой содержался призыв к новому, неортодоксальному прочтению марксистско-ленинской теории. По указанию Отдела науки ЦК КПСС, сектор расформировали. «В 1970 г. сектор был закрыт по требованию ЦК партии, – вспоминал Гефтер, – а я за нежелание "признать ошибки" разжалован в рядового сотрудника и наказан по партийной линии. С этого же времени – "запрещенный автор", ни одной публикации в официальных изданиях, ни единого упоминания имени. В 1976 году по собственной воле ушел из Академии наук, стал пенсионером. Продолжал интенсивно работать дома. Сюжеты: декабристы, Чаадаев, Пушкин, спор Герцена с Чернышевским, путь народников к террору, биография мысли Ленина, Октябрьская революция и феномен сталинизма... Множество рукописей»²⁷. Действия властей фактически вытолкнули Гефтера в диссидентскую среду²⁸.

В круговерти описанных событий складывалось взаимодействие между профессиональной средой и диссидентским движением. Разумеется, в первую очередь точки соприкосновения возникли между диссидентами и сторонниками десталинизации в Институте истории. Определенную роль играли и личные связи, возникшие нередко еще со студенческой скамьи. Так, П.И. Якир и его дочь Ирина окончили Историко-архивный институт и были знакомы со многими сотрудниками Института истории, окончившими тот же вуз. Сотрудник Института А.П. Ненароков, выпускник МГПИ им. В.И. Ленина, был другом других известных участников диссидентского движения – Ю. Кима и И. Габая.

²⁴ Поликарпов 1996: 349-400; Markwick 2001; Шепелева 2002: 219-256.

²⁵ Русина 2018: 96-109; Киселев 2020: 343-354.

²⁶ Шейнфельд 2010: 324.

²⁷ Цит. по: Высочина 2000: 85.

²⁸ Чеботова 2010: 87-91.

Но, несмотря на известный потенциал сотрудничества между диссидентами и частью профессиональных историков в борьбе против реабилитации сталинизма, взаимоотношения на личностном уровне складывались непросто. Так, известен конфликт между В.П. Даниловым и Р. Медведевым из-за «книжного дела» (1972), когда Р. Медведев поспособствовал Данилову в доступе (вполне законном, как тому казалось) к списанной литературе из фондов Библиотеки им. Ленина, а затем он оказался фигурантом дела о «воровстве» книг, вплоть до угрозы уголовного преследования. В дальнейшем В.П. Данилов негативно отзывался о Медведеве, даже намекая на его провокаторскую роль и связи с КГБ²⁹. Потенциальный «альянс» одного из лидеров историков-шестидесятников и представителей диссидентского движения не состоялся.

Активные «диссидентские» историки (братья Медведевы, Антонов-Овсеенко) нередко рассматривались как непрофессионалы, не владеющие азами исследования, но готовые делать громкие заявления. Например, вдова В.П. Данилова оставила в целом негативные воспоминания о Р. Медведеве (во многом из-за «книжного дела»), но показательно, что целится она в первую очередь в его профессиональные навыки: «Хотя Данилов немало слышал о братьях Медведевых, лично знаком с ними не был. И вдруг (без звонка и даже без ссылки на чью-то рекомендацию) Р.А. Медведев неожиданно явился к нему на квартиру с просьбой прочесть его рукопись о крестьянстве сталинского времени и дать на нее отзыв. Рукопись носила научно-популярный характер, содержала массу фактических ошибок и разного рода несуразностей, в общем, была совершенно не пригодна к изданию. Через некоторое время Медведев принес подправленный экземпляр, но также далеко не готовый к печати. Несколько раз он посещал Данилова в Институте для получения научных консультаций... На Данилова Медведев производил впечатление человека, активно рвущегося к признанию в среде ученых и прогрессивной интеллигенции»³⁰. Подобное культивирование «профессионализма» было не только реакцией профессионала на дилетантизм. Оно в определенном смысле было выстрадано, поскольку продвижение в дискуссиях новых идей требовало максимально возможного уровня аргументации: обеспеченности массивом фактов, логичности и убедительности, хорошего знания исторического контекста и т.д.

Наиболее ярким и известным сотрудником Института истории, ставшим участником диссидентского движения, является П.И. Якир, сын расстрелянного в 1937 г. командарма И.Э. Якира. Он оказался в заключении еще в детстве и провел по лагерям и ссылкам в общей сложности 17 лет. После реабилитации сумел поступить в Историко-архив-

²⁹ См. версию событий Л.В. Даниловой: Данилов 2013: 339-341. См. также: Martin 2019: 137-138.

³⁰ Данилов 2010: 339.

ный институт, который окончил с отличием и стал, будучи уже немолодым человеком, аспирантом Института истории. Здесь он подготовил диссертацию на тему «Перевод Красной Армии на мирное положение, 1921–1923 гг.», которую рекомендовали к защите (защищена так и не была). Он получает хорошие характеристики от заведующего сектором истории Революции и Гражданской войны П.Н. Соболева (считавшегося сторонником ортодоксальных взглядов) и Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции»³¹ и с 1 января 1966 г. зачисляется в Научный совет на должность младшего научного сотрудника³². Это не могло обойтись без санкции руководителя совета – академика И.И. Минца, знавшего отца Якира. Но в том же году Якир-младший начинает активную общественную деятельность (что, видимо, затормозило доведение диссертации до защиты). Он активно выступает против ресталинизации и участвует в «подписных» кампаниях. В январе 1968 г. П. Якир, Ю. Ким и И. Габай выступили с обращением «К деятелям науки, культуры, искусства», в котором выражался протест против ресталинизации и преследования инакомыслящих. Видимо, это стало последней каплей для контролирующих органов, на Якира началось давление на работе. Прошло по меньшей мере два собрания, на которых его деятельность подверглась осуждению. Поводом стало письмо рабочих завода «Красный пролетарий», возмущенных, якобы, антисоветской позицией «подписантов».

Доступен протокол первого собрания 28 марта 1968 г., собравшего сотрудников Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», а также сотрудников других секторов и групп. Председателем являлся Г.А. Трукан, присутствовало 52 человека. Открывая собрание, председатель указал: «на повестке... вопрос о политически безответственном поведении младшего научного сотрудника Научного совета П.И. Якира»³³. Говорилось, что подписанные Якиром воззвания стали орудием в руках антисоветской пропаганды за рубежом (в частности, были зачитаны на «Голосе Америки»). Помимо этого, распространяя их, он нарушал производственную дисциплину. Неожиданно выступил «старый большевик» А.П. Кучкин, предложивший выслушать обсуждаемого. Трукан раздраженно подчеркнул, что «важнее оценить действия Якира и документы, подписанные им». Далее протокол отразил следующий диалог:

«Якир: Я не знаю, о чем мне говорить.

Кучкин: Что заставило Вас подписать антигосударственное письмо, что за сообщники, что толкнуло Вас к этому. Потом будем решать как с Вами поступать.

Якир: Мои друзья – честные советские люди и документ – тоже [честный].

³¹ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Личное дело П.И. Якира. Л. 17-18.

³² Там же. Л. 27.

³³ Там же. Л. 21.

Меня никто никогда не толкал. Считаю, что правильно поступил, это голос совести. Писал не для «Голоса Америки», а для советских людей. Как оно туда попало – не знаю. Подписал этот документ, т.к. это мой гражданский долг. Не раскаиваюсь в этом»³⁴.

Вскоре выяснилось, что мало кто знает о содержании обращения «К деятелям науки, культуры, искусства». Трукан вновь напомнил, что обсуждается не письмо, а поведение Якира, поэтому выяснять содержание обращения не надо. Его поддержал И.И. Минц, сказав, что письмо уже передавали по «Голосу Америки» и ВВС 15 раз (видимо, намекал, что кому надо – тот уже мог давно ознакомиться). Но большинство участников продолжало настаивать на оглашении документа. Трукан зачитал письмо, после чего И.И. Минц выступил в том духе, что нельзя врагам Советского Союза давать повод давления на страну, а Якир именно это и сделал³⁵. Интересно, что Минц напирал на «долг профессионализма»: историк должен заниматься своей работой, «завоевать право называться научным работником»³⁶. Ему вторил Д.А. Коваленко: «Научным трудом надо исправлять ошибки прошлого. Вместо этого Вы помогаете заполнять эфир злобными антисоветскими измышлениями»³⁷. В том же духе выступили В.Ф. Миллер, Б.Н. Казанцев, С.С. Хесин. Кучкин заявил, что Якир не раскаялся. В русле новых веяний он говорил:

«Чем объяснить, что Якир стал на такой путь. У него произошел психологический срыв, это мы понимаем. Никто не оправдывает нарушение демократии периода культа Сталина, но нельзя десятки лет муслировать это и тем самым лить воду на мельницу наших врагов. Ненависть Якира к Сталину может перерасти у Вас в ненависть к советскому строю, социализму, бойтесь этого... Я что-то теряю веру в то, что он может в нашем коллективе исправиться. Не стоит ли сделать то же, что сделали в Польше с частью студентов – послали на производство для оздоровления. Вам надо увидеть, чем дышит рабочий класс, тогда Вы поймете свою ошибку»³⁸.

Компромиссную позицию занял М.П. Ким, предложив ответить на обвинения самому Якиру. Тот сказал: «Сожалею, что письмо передано по иностранному радио. 17 лет работал токарем, в шахте и в лесу. Сбор подписей не отнимает времени. С диссертацией – затянул, сейчас она на внешней рецензии. Сам хочу ускорить ее завершение, конечно, какое-то время упустил»³⁹. Выступивший следом М.П. Ким делал упор на необходимости перевоспитания Якира в коллективе Института истории, а не увольнение его или «высылку к рабочим». Но выступавший потребовал, чтобы тот отрекся от своих «клеветнических писаний». Заявление Якира

³⁴ Там же. Л. 22.

³⁵ По воспоминаниям А.П. Ненарокова И.И. Минц держал Якира в Научном совете столько, сколько позволяли обстоятельства: Ненароков 2009: 235.

³⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Личное дело П.И. Якира. Л. 23.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 24-25.

³⁹ Там же. Л. 25.

о то, что он не считает содержание письма ошибочным и «обещает подумать, может быть и изменить мнение» вызвало шум и протесты собрания. Единогласно была принята резолюция, осуждающая поведение Якира. Пожалуй, на данном примере можно хорошо увидеть, что «идеология профессионализма» (разумеется, в усеченном виде) могла использоваться в качестве инструмента давления и контроля. Апелляция к ней позволяла вывести политику за рамки профессионального долга.

Согласно справке, представленной 29 августа 1972 г. в следственный отдел КГБ (т.е. во время следствия по делу «Якира-Красина») и подписанной заместителем директора Г.А. Труканом, 10 апреля 1968 г. прошло собрание отдела истории советского общества Института (т.е. собрание секторов, входивших в отдел), на котором присутствовало 68 чел. Выступило 8 человек, включая академика И.И. Минца и член-корр. М.П. Кима. На собрании вменялось и нарушение трудовой дисциплины, «недобросовестное отношение к служебным обязанностям». Якир на собрании «вел себя неискренне, а на прямой вопрос: будет ли он продолжать участвовать в составлении антисоветских воззваний и заявлений, он ответил: “Не будет, если советское правительство своей политикой не принудит его к этому”»⁴⁰. Собрание приняло резолюцию, в которой осудило деятельность Якира и отметило «несовместимость этих действий с дальнейшим пребыванием в идеологическом учреждении»⁴¹.

После разделения Института истории на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории⁴² Якир был уволен и переведен на должность библиографа в ИНИОН. В эти годы он становится одним из лидеров диссидентского движения. В 1972 г. его и В. Красина арестовали и после давления оба публично покались, что произвело тяжелое впечатление в диссидентских кругах. Близко знавший Якира сотрудник Института А.П. Ненароков вспоминает, что во время посещения Якира в рязанской ссылке тот сказал ему: «Ну не мог я еще раз сидеть, ни месяца, ни недели. Когда объявляли приговор, несмотря на все уверения, что его заменят [на более мягкий], меня трясло»⁴³.

Процесс Якира-Красина подвел черту под первым этапом диссидентского движения. В 1970-е гг. на первый план вышло правозащитное движение, но и поиск исторической правды продолжался. Крупнейшим памятником того времени стал «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, начавшего издаваться за рубежом в конце 1973 г. В самиздате книга ходила и в СССР. Ее основу составляли многочисленные

⁴⁰ Там же. Л. 19.

⁴¹ Там же. Л. 20.

⁴² Часто разделение Института связывают именно со стремлением уволить П.И. Якира. Скорее всего это не так, причин было немало и доминировали общеорганизационные соображения. См.: Пивоваров, Тихонов 2020: 173-184.

⁴³ Ненароков 2009: 236.

воспоминания бывших заключенных. Несмотря на зыбкость собранного материала для выстраивания полномасштабной картины сталинской карательной системы, он производил неизгладимое впечатление на читателей, скептически относящихся к официальным конструкциям советской истории 1920-1940-х гг.⁴⁴ Участники диссидентского сборника «Память» называли «Архипелаг ГУЛАГ» «главной книгой в то время». Один из них, В.Н. Сажин, вспоминал, что это была «книжка, вокруг которой все мысли вертелись»⁴⁵.

Если взаимоотношения в 1960-е гг. между профессионалами и историками-диссидентами были непростыми, но последние все же стремились к контактам, то уже участники сборника «Память» (С.В. Дедюлин, Д.И. Зубарев, А.Ю. Даниэль, А.Б. Рогинский, В.Н. Сажин, А.С. Коротав и др.) в целом скептически относились к «официальным историкам». Это отражало общий скепсис нового поколения к советской действительности в целом. Если предыдущее поколение стремилось исправить реальность, то новое предпочитало ее просто игнорировать. В определенном смысле они жили в положении «внеаходимости»⁴⁶.

Большую роль здесь сыграло и то, что в конце 1960-х – начале 1970-х гг. происходит форменный разгром реформаторских направлений в советской исторической науке: исследований историков-аграрников во главе с В.П. Даниловым, «нового направления» и т.д. Абсолютно доминировали только догматические и беспроблемные подходы, лакирующие прошлое. Разумеется, это вызывало отторжение нового поколения, все больше дистанцирующегося от официоза.

Советская историческая наука получила уничижительные характеристики. С.В. Дедюлин так оценивал советские научные журналы: «...Советские исторические журналы – это было еще много хуже, чем еда, которую подают в “Макдональде”, то есть имитация настоящего питания»⁴⁷. Также уничижительно оценивались и профессиональные историки: «Ясное дело, как все профессионалы-историки, они [знакомые историки А. Рогинского] были оппортунисты: помочь соглашались, но большого участия в этом замысле [издание неподцензурного сборника «Память»] принимать не собирались»⁴⁸. В.Н. Сажин:

«...У меня было самое общее представление: от нас скрывается подлинная история. По крайней мере история, относящаяся к революционному движению и к советской внутренней политике, история [Великой Отечественной – В.Т.] войны... Видимо, мы понимали, что есть люди [имеются в виду ис-

⁴⁴ Подробнее см.: Martin 2019: 85-94.

⁴⁵ Исторический сборник «Память»: 246.

⁴⁶ Понятие, введенное А. Юрчаком и описывающее осознанное игнорирование окружающей советской реальности. См.: Юрчак 2014. Этот феномен применительно к диссидентской историографии описала Б. Мартин: Исторический сборник «Память»: 55.

⁴⁷ Исторический сборник «Память»: 202.

⁴⁸ Исторический сборник «Память»: 212.

торики – В.Т.] сугубо оппозиционные, а есть находящиеся посерединке, которые, конечно, в своем кругу могут говорить какие-то оппозиционные вещи, но работают как советские ученые. Со временем я узнал, к кому можно обращаться, но все-таки мы смотрели в сторону тех, кто безусловно находится в оппозиции к официальной истории, историографии»⁴⁹.

А.Ю. Даниэль:

«Очень скептически [относились к официальным историкам – В.Т.], конечно. Особенно к историкам советской эпохи. Было понятно, что работа советского историка – это работа под конвоем. Шаг влево, шаг вправо – считается побегом! И что совершенно невозможно быть официальным историком советской эпохи и работать сколько-нибудь свободно»⁵⁰.

Тем не менее, для издателей сборника огромным авторитетом обладал М.Я. Гефтер, к тому времени вышедший на пенсию и, как бы, потерявший в их глазах статус «официального историка»⁵¹. Для них он выступал «неофициальным консультантом». А.С. Коротаяев вспоминает, что Гефтер был для них «учителем жизни, неким гурью»⁵².

Но, не принимая одну сторону «идеологии профессионализма», издатели сборника «Память» восприняли другую – источниковедческий анализ и тщательную верификацию фактов⁵³. Их уже не удовлетворял пафосный, но дилетантский подход предшественников. В этом смысле, отрицая «официальных историков», они сделали серьезный шаг в сторону профессиональной исторической науки. Проект издания «Памяти» был закончен с арестом в 1981 г. его главного идеолога А.В. Рогинского.

Диссидентская историография оказалась востребована в годы перестройки в качестве альтернативы лакированному и беспроblemному нарративу официальной версии прошлого⁵⁴. Историки-шестидесятники также нашли свою нишу, включившись в бурные бои за историю. Проблема «идеологии профессионализма» остро встала и в этой ситуации. Общество требовало сиюминутных ответов на все вопросы, а профессиональные историки, даже если они и были готовы к публичной деятельности, не могли их дать, тщательно не проработав проблемы.

Итак, представленный материал позволил по-новому взглянуть на проблему взаимоотношения диссидентской историографии и профессиональных историков. Ключевой в данном контексте концепт «идеология профессионализма» следует разделить на несколько компонентов: 1) профессиональный (базовый) «барьер», предполагающий признание историком только специалиста, владеющего на должном уровне арсеналом исследовательских навыков. Отсутствие их становилось препятствием во взаимодействии с непрофессионалами; 2) «башня»

⁴⁹ Там же: 245.

⁵⁰ Там же: 342.

⁵¹ Там же: 193.

⁵² Там же: 277.

⁵³ Там же: 76, 94-98.

⁵⁴ Шерлок 2014; Martin 2019: Ch. 8.

профессионализма, т.е. дистанцирование от «злости дня», когда любая общественная активность рассматривается как помеха выполнению долга профессионала. На примере «дела Якира» хорошо видно, что она могла использоваться в качестве контролирующих рамок; 3) «идеология» профессионализма отнюдь не обязательно предполагала аполитичность, но позитивистский идеал историка-объективиста подспудно культивировался в научной среде, особенно в относительно деидеологизированных направлениях исследований древнейших периодов. Совершенно не обязательно перечисленные компоненты брались профессионалами в комплексе. Во многом выбор носил индивидуальный характер. Впрочем, первый барьер, базовый, был обязателен.

Натыкаясь на описанные установки, непрофессиональные историки-диссиденты не получали признания со стороны профессионалов и сотрудничество с ними не носило устойчивого характера. Их дистанция от диссидентских кругов была обусловлена не только страхом за карьеру, но непризнанием их «настоящими историками». С диссидентской стороны это компенсировалось маркировкой «официальных историков» в качестве «подневольных ученых». Впрочем, профессиональная среда породила феномен «выхода» из нее в диссидентскую сферу.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.-Вильнюс: Весть, VIMO, 1992. 348 с. [Aleksееva L. Istorija inakomyслиja v SSSR. Novejšij period. M.-Vil'njus: Vest', VIMO, 1992. 348 s.]
- Амальрик А. Записки диссидента. М.: Ардис, 1991. 431 с. [Amal'rik A. Zapiski dissidenta. M.: Ardis, 1991. 431 s.]
- Безбородов А. Б. Академическое диссидентство в СССР // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 1. С. 54-108. [Bezborodov A. B. Akademicheskoe dissidentstvo v SSSR // Russkij istoricheskij zhurnal. 1999. T. 2. № 1. S. 54-108.]
- Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в советской России. М.: РОССПЭН, 2010. 364 с. [Bubbajer F. Sovest', dissidentstvo i reformy v sovetskoj Rossii. M.: ROSSPJeN, 2010. 364 s.]
- Будрайтскис И. Диссиденты среди диссидентов. М.: Свободное марксистское издательство, 2017. 152 с. [Budrajtskis I. Dissidenty среди dissidentov. M.: Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo, 2017. 152 s.]
- Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря 1962 г. М.: Наука, 1964. 291 с. [Vsesojuznoe soveshhanie o merah uluchshenija podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov po istoricheskim naukam. 18–21 dekabrja 1962 g. M.: Nauka, 1964. 291 s.]
- Высочина Е.И. Михаил Яковлевич Гефтер (1918–1995) // Историки России: Послевоенное поколение. М.: АИРО-XXI, 2000. С. 79-114 [Vysochina E.I. Mihail Jakovlevich Gefter (1918–1995) // Istoriki Rossii: Poslevoennoe pokolenie. M.: AIRO-XXI, 2000. S. 79-114].
- Гефтер М. Антология народничества. СПб.: Нестор-История, 2021. 688 с. [Gefter M. Antologija narodnichestva. SPb.: Nestor-Istorija, 2021. 688 s.]
- Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Ч. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 863 с. [Danilov V.P. Istorija krest'janstva Rossii v XX veke. Ch. 1. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2013. 863 s.]
- Даниэль А.Ю. Диссидентство: культура, ускользящая от определения? // Россия/Russia. Вып. 1: Семидесятые как предмет истории русской культуры. М.: ОГИ, 1998. С. 111-124. [Danijel' A.Ju. Dissidentstvo: kul'tura, uskol'zajushhaja ot opredelenij? // Rossija/Russia. Вып. 1: Semidesjatye kak predmet istorii russkoj kul'tury. M.: OGI, 1998. S. 111-124].

- Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: Модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: НЛО, 2020. 464 с. [Djevid-Foks M. Peresejajka granicy: Modernost', ideologija i kul'tura v Rossii i Sovetskom Sojuze. M.: NLO, 2020. 464 s.]
- Исторический сборник «Память»: Исследования и материалы / сост., комм. Б. Мартин, А. Свешников. М.: НЛО, 2017. 398 с. [Istoricheskij sbornik «Pamjat'»: Issledovanija i materialy / sost., komm. B. Martin, A. Sveshnikov. M.: NLO, 2017. 398 s.]
- Киселев М.А. К вопросу о принципах публикации текстов советского самиздата: несколько критических замечаний // Историческая экспертиза. 2020. № 2(23). С. 343-354. [Kiselev M.A. K voprosu o principah publikacii tekstov sovetskogo samizdata: neskol'ko kriticheskikh zamechanij // Istoricheskaja jekspertiza. 2020. № 2(23). S. 343-354.]
- Козлов Д.С. Две революции, две составные части политической инкомомыслия эпохи «оттепели» // Социология власти. 2017. № 29 (2). С. 153-177 [Kozlov D.S. Dve revoljucii, dve sostavnye chasti politicheskogo inakomyslija jepohi «ottepeli» // Sociologija vlasti. 2017. № 29 (2). S. 153-177.]
- Копосов Н. Память строгого режима: История и политика России. М.: НЛО, 2011. 320 с. [Koposov N. Pamjat' strogogo rezhima: Istorija i politika Rossii. M.: NLO, 2011. 320 s.]
- Курносов А.А. Об одном из эпизодов разрома исторической науки 1960–1970-х гг. (По материалам Центра хранения современной документации) // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 363-389. [Kurnosov A.A. Ob odnom iz jepizodov razgroma istoricheskoj nauki 1960–1970-h gg. (Po materialam Centra hranenija sovremennoj dokumentacii) // Voprosy obrazovanija. 2006. № 4. S. 363-389.]
- Ненароков А.П. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Кн. 1. Вдаль к началу. М.: Новый хронограф, 2009. 288 с. [Nenarokov A.P. V poiskah zhanra. Zapiski arhivista s dokumentami, kommentarijami, fotografijami i posvjashhenijami. Kn. 1. Vdal' k nachalu. M.: Novyj hronograf, 2009. 288 s.]
- Отрешившийся от страха: памяти А.М. Некрича. Воспоминания, статьи, документы / сост. М.С. Альперович, Я.С. Драбкин, Д.Г. Наджафов, Л.П. Петровский. М.: ИВИ РАН, 1996. 214 с. [Otreshivshijsja ot straha: pamjati A.M. Nekricha. Vospominanija, stat'i, dokumenty / sost. M.S. Al'perovich, Ja.S. Drabkin, D.G. Nadzhafov, L.P. Petrovskij. M.: IVI RAN, 1996. 214 s.]
- Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями / Публ. Л. В. Даниловой // Вопросы истории. 2007. № 12; 2008. № 1-2. [Partijnaja organizacija Instituta istorii AN SSSR v idejnom protivostojanii s partijnymi instancijami / Publ. L. V. Danilovoj // Voprosy istorii. 2007. № 12; 2008. № 1-2.]
- Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В. "Штагов – избылье, порядка снова нет": к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. // Российская история. 2020. № 3. С. 173-184 [Pivovarov N.Ju., Tihonov V.V. "Shtatov – izobil'e, porjadka snova net": k istorii razdelenija Instituta istorii AN SSSR v 1968 g. // Rossijskaja istorija. 2020. № 3. S. 173-184.]
- Поликарпов В.В. «Новое направление» 50-70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 349-400. [Polikarpov V.V. «Novoe napravlenie» 50-70-h gg.: poslednjaja diskussija sovetskikh istorikov // Sovetskaja istoriografija. M., 1996. S. 349-400.]
- Реабилитация: как это было: документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 2.: Февраль 1956 – начало 80-х годов. М.: МВФ, 2003. 503 с. [Reabilitacija: kak jeto bylo: dokumenty Prezidiuma CK KPSS i drugie materialy: v 3 t. T. 2.: Fevral' 1956 – nachalo 80-h godov. M.: MVF, 2003. 503 s.]
- Русина Ю.А. Следы «нового направления» в советской исторической науке на страницах самиздата // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. №3 (178). С. 96–109. [Rusina Ju.A. Sledy «novogo napravlenija» v sovetskoj istoricheskoj nauke na stranicah samizdata // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki. 2018. T. 20. №3 (178). S. 96–109.]
- Сергеев В.Н. К вопросу об идеологии группы Краснопевцева-Ренделя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 3. С. 98-103 [Sergeev V.N. K voprosu ob ideologii grupy Krasnopevceva-Rendelja // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki. 2012. № 3. S. 98-103.]

- Хоффман Д. Вращивание масс: Современное государство и советский социализм. 1914-1939. М.: НЛЮ, 2018. 424 с. [Hoffman D. Vrashivanie mass: Modernoe gosudarstvo i sovetskij socializm. 1914-1939. M.: NLO, 2018. 424 s.].
- Чеботова Е.С. Историк М.Я. Гефтер в диссидентском движении // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 1. С. 87-91 [Chebotova E.S. Istoriik M.Ja. Gefter v dissidentskom dvizhenii // Izvestija vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. 2010. № 1. S. 87-91.].
- Шейнфельд М.Б. Михаил Яковлевич Гефтер // История и историки: историографический вестник. 2008. М.: Гриф и К, 2010. С. 318-335 [Shejnfel'd M.B. Mihail Jakovlevich Gefter // Istorija i istoriki: istoriograficheskiy vestnik. 2008. M.: Grif i K, 2010. S. 318-335].
- Шепелева В.Б. Историографическая судьба «нового направления» // Мир историка. XX век. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 219-256. [Shepeleva V.B. Istoriograficheskaja sud'ba «novo-go napravlenija» // Mir istorika. XX vek. M.: IRI RAN, 2002. S. 219-256].
- Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 321 с. [Sherlok T. Istoricheskie narrativy i politika v Sovetskom Sojuze i postsovetskoj Rossii. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2014. 321 s.].
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 661 с. [Jurchak A. Jeto bylo navsegda, пока не konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. M.: NLO, 2014. 661 s.].
- Kozlov D. The historical turn in late Soviet culture: retrospectivism, factography, doubt, 1953-91 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. T. 2. № 3. P. 577-600.
- Kozlov Den. Remembering and explaining the terror during the Thaw: Soviet readers of Erenburg and Solzhenitsyn in the 1960s. // The Thaw Soviet society and culture during the 1950s and 1960s. Toronto, 2013. P. 176-230.
- Markwick R.D. Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography 1956-74. Macmillan, 2001. 245 p.
- Martin B. Dissident histories in the Soviet Union: From De-Stalinization to Perestroika. London: Bloomsbury Academic, 2019. xv, 293 pp.
- Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power. Princeton: Princeton University Press, 1990. XIV, 330 pp.

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН; tihonovvitaliy@list.ru

Mutual Attraction and Repulsion: Professional Historians and the Dissident Movement in the Second Half of the 1950s-1970s

The work is prepared on the basis of published and previously not introduced into scientific circulation sources. The documents of the discussion in the spring of 1968 by P.I. Yakir at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, deposited in the Scientific Archive of the IRI RAS, are involved first time. It is pointed out that the line between professional historians and dissidents was often blurred and mobile. The article proposes to abandon the «dissident myth» that divides historians into «official» and «independent». Recognizing the possibility of applying the concept of «ideology of professionalism» to understand the problem, it is concluded that the «ideology of professionalism» included various components actualized by scientists depending on their personal qualities and ideological attitudes. It also hindered the establishment of close contacts between historians of the sixties and dissident historians, since the former exposed a «professional barrier» requiring possession of an arsenal of scientific research skills.

Key words: *Soviet historical science, dissident movement, “ideology of professionalism”, V.P. Danilov, P.I. Yakir*

Tikhonov Vitaliy Vitalievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

А.А. МИТРОФАНОВ

ИДЕЯ «ПЬЕМОНТСКОЙ НАЦИИ» В ИТАЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ. ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ 1799 ГОДА

Статья посвящена рассмотрению концепта «нации» в политической франко-итальянской публицистике Пьемонта периода Французской революции и французской оккупации. Анализ публицистики 1799 - начала 1800-х гг. показывает, что в дискуссии о судьбе Пьемонта активно участвовали как радикальные, так и умеренные республиканцы, члены различных клубов и обществ. Идея французского правительства и части итальянских республиканцев о присоединении Пьемонта к Французской республике вызвала мощное сопротивление среди интеллектуалов. «Патриоты» 1799 г. рассматривали создание особой Пьемонтской республики как часть проекта будущего объединения Италии. Они обосновывали суверенитет «пьемонтской нации» или «субальпийского народа», апеллируя к чувству местного патриотизма, национальному характеру, языку, истории, традициям и вере. Анализируется влияние, которое оказали пьемонтские интеллектуалы конца XVIII в. на становление традиций политического партикуляризма и местного национализма в революционный период. Отмечается, что идея особой «пьемонтской нации» получила развитие и в публицистике эпохи Наполеоновского господства в Италии.

Ключевые слова: национальное строительство, нация, Пьемонт, Италия, Французская революция, республиканцы, якобинизм, патриотизм.

На протяжении XVIII в. сравнительно небольшое Сардинское королевство заметно выделялось на фоне других государств Апеннинского полуострова, находившихся в упадке, под сильным влиянием Рима или Габсбургов, под началом вырождавшихся династий или увядающего патрициата республик. Сардинское королевство располагало развитой государственной системой бюрократии и судов, хорошо организованной армией, но развивалось по особому пути, впитывая опыт государственного строительства соседней Франции и элементы аналогичного опыта других государств, например, Пруссии в деле усовершенствования военно-административной системы¹. Вместе с тем Савойская монархия воспринималась как неотъемлемая часть итальянского политического и культурного пространства². Это династическое государство объединяло очень различные в географическом, этническом, социальном и политическом отношении регионы: о. Сардинию, Пьемонт, Савойю и регион Ниццы. Данные факторы в значительной степени предопределили перспективы существования и трансформации этого государства в бурную эпоху Французской революции. Крушение Старого порядка и приход французов радикально изменили не только весь расклад сил в Альпийском регионе и Италии, но и основы политико-культурной самоидентификации элит и населения королевства.

¹ Канделоро 1958: 115,121,123.

² Waquet 2008: 171-178.

В лингвистическом отношении земли королевства характеризовались плюрализмом из-за близости Франции. Как отмечают П. Бьянки и А. Мерлотти «двуязычие казалось заложенным в самой природе» Савойского государства. «В последние десятилетия XVIII в. в Пьемонте развивалось политико-культурное движение, которое должно было придать Савойскому государству национальную идентичность пьемонтскую и итальянскую. Дж. Галеани Напионе, в этом отношении, один из наиболее значимых примеров. Конструирование истории пьемонтской «нации» и принятие итальянского как «национального» языка, служили, в этом смысле, общим целям»³. Но процесс языковой трансформации был долгим, и к моменту прихода революционных армий туринский королевский двор, в основном, говорил на языке своих завоевателей⁴. Один за другим выходили в 1770–1790-е гг. исторические труды, доказывавшие особый характер истории Пьемонта, излагавшие биографии его выдающихся деятелей⁵. Появлялись и отдельные памфлеты, где Пьемонт изображался как подлинный экономический центр государства, источник его процветания⁶. Как заметил Дж. Рикуперати, в эти десятилетия «произошли большие перемены в пользу итальянского выбора, который затрагивал государство, чиновников, правящие классы в целом и все процессы восемнадцатого века, что трактовалось националистической историографией как предвосхищение Рисорджименто»⁷.

Немало исследований посвящено проблеме становления национального самосознания, в частности, национализма и республиканизма в итальянских государствах на рубеже XVIII–XIX вв.⁸ Однако, применительно к Пьемонту таких работ значительно меньше. В центре внимания историков конца XX – начала XXI в. находится вопрос о сложном пути конструирования национальной идентичности в рамках процесса государственного строительства в эпоху Наполеона⁹ и Рисорджименто, в частности, об их демифологизации.

Современная историография совершила поворот от идеализации роли радикальных республиканцев, «итальянских якобинцев», к исследованиям истории умеренного течения, в среде которого и формировалась национальная идея. События революции 1848–1849 гг. принесли победу умеренным, и, таким образом, после объединения Италии стало легче создать миф о Рисорджименто, якобы удаленном от примера 1789 года, исключительно в рамках итальянской политической традиции, которая мало чем была обязана принципам Французской революции и сильно пострадала от наполеоновского господства. Но, как замечает А. де Франческо, напротив, культурные основы итальянского умерен-

³ Bianchi, Merlotti 2017: 58.

⁴ Ibid: 59.

⁵ Galeani Napione 1773; Piemontesi illustri 1781-1787; Tenivelli 1784-1792.

⁶ Lanzon 1787.

⁷ Ricuperati 1987: 149.

⁸ Criscuolo 1994; 2006; Di Rienzo 2000; Francesco 2003; Guerci 1999; Rao 1992.

⁹ Broers 1997; Banti 2020.

ного направления были заложены сразу после 1796 года, и основные его черты – это итальянская специфика: отказ от простого повторения французского революционного примера, воля к политической независимости, осуждение чрезмерно сильной исполнительной власти¹⁰.

8 декабря 1798 года король Сардинии Карл Эммануил IV, по требованию командующего французской Итальянской армией генерала Б.К. Жубера, подписал акт о передаче всей власти в Пьемонте французскому командованию и новому правительству, которое должно быть создано. Сардинская армия с этого момента объявлялась частью французской армии. На следующий день королевская семья под военным эскортом была выслана в Парму, чтобы затем отбыть на Сардинию¹¹. Как полагал Игнацио Таон де Ревель, те из числа его окружения, кто подтолкнул короля к отречению, были всерьез напуганы судьбой Людовика XVI и полагали, что все потеряно¹².

Несмотря на царившие в столичном обществе республиканские настроения, 12 декабря в Турине французами создается первое временное правительство. Но вопрос о судьбе и статусе Пьемонта был подвешен в воздухе. Неожиданно для французского командования пьемонтская политическая элита почти сразу раскололась по основному вопросу: о будущем Пьемонта, его государственном устройстве и отношениях с Францией. Вопрос о возвращении Савойи, Ниццы и Сардинии в политическую орбиту метрополии после свержения монархии даже не ставился. Одни выступали за независимость «пьемонтской нации» («*nazione piemontese*»), другие – за объединение с Францией, третьи – за союз с Лигурийской республикой, и меньшинство – за союз с Цизальпинской республикой. 9 декабря 1798 г. республиканец Джованни Антонио Ранца, выступая перед «Конституционным обществом» Генуи, заявил, что лигурийский и пьемонтский народы «созданы самой природой, чтобы стать единым целым». Это вызвало поток негодующих откликов и в Генуе, и в Турине, хотя с 1796 г. Ранца был известен своей приверженностью делу создания республики в Пьемонте и объединения всей Италии в виде федерации. А уже 10 января 1799 г. Ранца уже выступил в поддержку объединения Пьемонта с Францией. По мнению В. Крискуоло, этот оппортунизм Ранца был вызван не внезапным порывом, а именно его желанием добиться конченной цели любыми средствами¹³.

Пьемонтцы, верные духу партикуляризма и еще сохранявшие вековые государственные традиции, демонстрировали отсутствие интере-

¹⁰ Francesco 2016: 101

¹¹ Митрофанов 2019: 96.

¹² Thaon de Revel: 404-407. Некоторые представители высшей аристократии в декабре были интернированы в Гренобль в качестве заложников. В марте 1799 г. из Кальяри король опубликовал протест против собственного акта отречения от престола и действий французов в Пьемонте. Карл Эммануил IV отрекся от трона в пользу Виктора Эммануила I только в июне 1802 г. См.: Ruggiero 2018: 27.

¹³ Crisculo 1989: 870-871.

са к общеитальянскому объединению. Французское же командование в лице генерала Жубера, а затем Груши, очень настороженно относилось к радикальным республиканцам, больше рассчитывая на умеренных. Если контролировать из Парижа еще одну «дочернюю республику» было допустимо, то управлять фракционной борьбой в пьемонтской элите, начавшейся после распада монархии и полной французской оккупации не представлялось возможным¹⁴. Даже французские гражданские чиновники в Турине, похоже, вначале не поддерживали проект аннексии. 18 февраля 1799 г. министр иностранных дел Ш.-М. Талейран приказал гражданскому комиссару при правительстве Пьемонта Эймару действовать с особой осторожностью, поскольку Директория решила «через некоторое время обновить решение по такому важному вопросу», как присоединение Пьемонта к Франции. Талейран высказал сомнения относительно действительной «воли» самого Пьемонта; и, действительно, в Париже сохранялись очень сильные опасения, что присоединение может усилить сопротивление и спровоцировать дальнейшие волнения. В то же время, сама Франция, уже занимавшаяся делами на Востоке, имела крайне ослабленные позиции в Италии. Поэтому проект присоединения 1799 г. следует связывать, главным образом, с инициативой пьемонтских политиков из числа членов временного правительства и их окружения. Они осознавали финансовое положение страны, которая не могла бы избежать полного разорения, не жертвуя своей независимостью в пользу создания единого экономического и политического пространства с Францией¹⁵.

В феврале 1799 г. во всех коммунах Пьемонта был наскоро организован плебисцит по вопросу о вхождении в состав Франции. Несмотря на то, что широкую агитацию против поддержки вопроса, поставленного на плебисците, вели пьемонтские и цизальпинские республиканцы, члены тайного республиканского «Общества лучей», большинство голосов (125 000) было все же подано за присоединение¹⁶. При этом сельское население было настроено по отношению к французам подчеркнута враждебно, а эмиссары Цизальпинской республики открыто агитировали в городах голосовать против присоединения¹⁷. По мнению Дж. Ваккарينو, ряд членов правительства (Кавалли, Черизе, Ботта и др.), направленные в провинции для агитации в пользу присоединения к Франции, намеренно демонстрировали свою преданность Франции, что не исключало их участия в заговоре сторонников независимости. Французский представитель и руководитель Генеральной администрации Пьемонта Мюссе сообщал в июне 1799 г., что часть пьемонтских политиков

¹⁴ Outram 1976: 612.

¹⁵ Vaccarino 1989. Т. II: 517- 523.

¹⁶ Ruggiero 2018: 109.

¹⁷ Генерал Груши в письме Талейрану от 8 февраля 1799 г. насчитал 10 настроенных против присоединения членов правительства из 25, причем некоторые были весьма решительно настроены и в целом «против французов». Vaccarino 1989. Т. II: 520.

создали «Тайный комитет сопротивления французскому угнетению», который был частью «Общества лучей». Поэтому представители республиканской оппозиции вели себя по-разному: группа оппозиционеров в составе правительства из политической целесообразности скрывала свое истинное мнение, а группа вне состава правительства решительно выступала за автономию – пьемонтскую или в виде объединения из нескольких итальянских республик. Среди последних ярче всего выступали Ф. Бонджоанни и его единомышленники из «Патриотического общества». Груши в нарушение указаний Директории поддерживал сторонников присоединения, закрыл республиканский клуб («Circolo costituzionale») и приказал заключить в цитадель самых активных оппозиционеров – Фантони, Бонджоанни, Ри-кетту, Стуру, Феррари и Черелли¹⁸.

В таких обстоятельствах и развернулась первая в истории Пьемонта открытая дискуссия о судьбе страны. Первым с ответом на декабрьскую и январскую речи Дж.А. Ранца в Турине выступил адвокат и бывший начальник департамента внутренних дел при временном правительстве Феличе Бонджоанни (1770–1838). В своем памфлете «Замечания о присоединении Пьемонта к Франции» он призывал соотечественников к осторожности в оценках при обсуждении вопроса о выгодах для Пьемонта от его союза с Францией, предлагая исходить из географического положения, интересов страны и ее традиций, а не из абстрактных лозунгов и постулатов.

«Свобода стоит слишком дорого, чтобы ее можно было получить даром или по незначительной цене. Само географическое положение Пьемонта предполагает, что это Италия, а не Франция. Очень высокие и опасные горы отделяют его от Франции, протяженные и почти недоступные в течение полугода. Поэтому Пьемонт, объединившийся с Францией, только с большим трудом мог бы пользоваться всеми преимуществами, которыми пользуются все другие департаменты. Вдали от Директории, вдали от Законодательного корпуса, от правительства, одним словом, его голос доходил бы до Парижа только усталым и бесплодным, даже когда речь шла бы о каком-либо важном деле. А местопребывание созданной здесь центральной власти является источником жизненных сил и, я бы сказал, едва ли не сердцем социального тела»¹⁹.

Не скрывал от читателей Бонджоанни и того, что нещадная эксплуатация французами Пьемонта и прочих земель Италии мало чем отличается от аналогичной практики дома Габсбургов, которым нет дела до «интересов народов»²⁰. В своем дальнейшем рассуждении о пьемонтцах и французах Бонджоанни обозначил две проблемы. «Субальпийцы» по своим традициям и «качествам» не похожи на французов, большинство народа не готово принять идею о присоединении или союзе. Из-за проекта присоединения в обществе уже углубляется раскол. Просвещенное меньшинство, не только готово, но и приближает всеми силами слияние соседних народов в один, что не сулит ничего хорошего:

¹⁸ Sforza 1906: 121-168.

¹⁹ Bongioanni 1799: 2.

²⁰ Ibid.

«Мы не похожи на французов по нравам и по духу. Француз милее, непри-
нужденнее, приветливее и искреннее. Наши обычаи более жесткие, грубые
и, признаем это к нашему стыду, более скрытные. Француз проворен и
предприимчив, Субальпиец более медлителен и задумчив. Могут ли два
народа быть объединены и этим взаимно смягчить пороки обоих? Но сам
дух обоих наших народов отталкивают нас. Это дух, который делает их
совместимыми только по прошествии длительного времени и после многих
бедствий. Когда я говорю, что дух пьемонтский не согласен с французским,
я вовсе не хочу говорить о меньшей и более здоровой части народа. Она
сформировала свой характер вместе с великими авторами, создавшими
Францию, она сопровождала всю Французскую революцию с нарастающим
интересом, соответствует природе и характеру великой нации, любит ее,
восхищается ей и обладает исключительной способностью ей подражать»²¹.

Важным критерием самосознания «пьемонтской нации» Бонджо-
анни считал итальянский язык. В новом большом государстве он ока-
жется под большой угрозой, французский язык заполнит собой все, что
приведет к нравственной и духовной деградации «субальпийцев» и по-
догреет будущий конфликт:

«Французский язык в Пьемонте, за исключением коммуны Турина, пони-
мают немногие и очень немногие на нем говорят и пишут. Итак, сколько же
времени вам понадобится, чтобы сделать его универсальным, адаптирован-
ным к разуму и повсеместному привычному использованию? Теперь, в этом
временном промежутке, вы хорошо видите, граждане, насколько медлен-
ным будет прогресс человеческого духа. Каждый из вас хорошо знает,
насколько прогресс в науке зависит от наличия родного языка, с помощью
которого его можно развивать, какие тесные и необходимые отношения бы-
ли между словами и идеями, между речью и мышлением. Опыт многих ве-
ков хорошо показывает, как готический обычай обучать молодых людей
иностранному языку в значительной степени способствовал замедлению
прогресса разума. Способствовал настолько, что можно не без основания
подозревать, что это входило в объединенный план тиранов, чтобы держать
людей в неведении и угнетении. И теперь, когда мы объединяемся с Фран-
цией, законодательство, которое никогда не должно выходить за пределы
возможностей народа-суверена, только добавило бы нам «тайн», в том же
смысле, в каком это относится к церковным обрядам и молитвам»²².

Наконец, важной характеристикой пьемонтского народа остается
его приверженность христианству. Туринский адвокат, не отличаю-
щийся особым пиететом по отношению к религии, предостерегает по-
литический класс Пьемонта от резких шагов. Передовые идеи уходяще-
го века чужеродны в этих краях, для реформы в религиозной сфере
Пьемонта еще не пришло время:

«После долгой череды событий, бедствий, резни и ужасов, опустошивших
ее земли во имя религии, Франция на своем болезненном опыте научилась
принимать полностью философический план. Но будет ли такая система
целиком приспособлена к нашему Пьемонту? Вот в это я не верю. Пье-
монтцы не только еще совсем не философы, но еще и не поколебали даже
грубых и благочестивых предрассудков, искажающих чистоту культа еван-

²¹ Ibid: 6

²² Ibid: 8-9.

гельских времен. Пышный внешний церемониал церковных служб по-прежнему вызывает радость у толпы. Действительно, он подменяет им саму сущность религии. Как же тогда нужно действовать мудрому правителю? Не задевайте и не оскорбляйте мнение народное, поступайте с величайшей осмотрительностью и осторожностью, помните, что вы не можете и не должны делать все сразу, мгновенно, что полезная пища должна приниматься осторожно, а величайшая гордость состоит не только в том, чтобы делать добро, но и в том, чтобы уметь совершать его в нужное время»²³.

Два устойчивых понятия находятся у Бонджоанни в конкуренции друг с другом. «Субальпийский народ» тождественен «пьемонтской нации» и одновременно находится к ней в явной оппозиции. Бонджоанни отчетливо излагает черты пьемонтской идентичности во всех сферах жизни, что напоминает памфлеты и мемуары савойских политиков начала 1790-х²⁴. В его представлении, присоединение Пьемонта к Франции является наихудшей альтернативой и потому он старается показать, что, несмотря на свою отсталость, известную косность, провинциальность, субальпийский народ является самостоятельной политической нацией, с которой Франция должна действовать как с равной.

Обращение к «нации» в январе-феврале становится почти особым жанром для пьемонтских республиканцев, оказавшихся в оппозиции к временному правительству. В конце января 1799 г. «друзьям народа» адресовал свой обширный памфлет «Интересы Пьемонта в сочетании с интересами соседних стран и свободы в целом» Карло Рикати²⁵. Надвигающееся присоединение Пьемонта к Франции Рикати рассматривает почти как неизбежное, но предостерегает от того, чтобы превращать родину в приграничный военный округ, где рано или поздно полнота власти может оказаться в руках «новых римских проконсулов»²⁶. Заметим, что в начале 1799 г. контуры будущей французской системы интеграции Пьемонта уже были хорошо видны, и, хотя имя Наполеона не появляется на страницах памфлета Рикати, но силуэт некоего честолюбивого полководца просматривается вполне отчетливо.

Рикати все же поддерживает Францию и полагает, что «союз с ней всегда будет в интересах Субальпийской республики», поскольку сама логика событий, ее размеры и промежуточное географическое положение требуют от нее следовать за доминирующей державой. Но, по мере анализа политической ситуации, Рикати излагает ряд опасностей, которые нависают над народом Пьемонта в связи с неопределенностью и большой вероятностью того, что он полностью не примет французов и новый революционный порядок. Пьемонтскую «нацию» он конструирует в сопоставлении с «великой нацией» - французской, которая, однако, может и отказаться от своих республиканских порывов, в пользу создания гигантской империи. Публицист не желает верить в такие

²³ Ibid: 10.

²⁴ Doppet 1791.

²⁵ Riccati Interessi...1799; [Riccati] Osservazioni... 1799; Vaccarino 1989. Т. II: 522.

²⁶ Riccati Interessi...1799: 17.

перспективы, но предрекает широкое сопротивление, если Франция будет увлечена одной только идеей экспансии:

«С другой стороны, если Франция пренебрежет такими принципами и начнет подражать амбициям Александров и тщеславию конкистадоров, если она докажет это в данный момент, учитывая, что судьба Пьемонта представляет такой интерес для независимости [всей] Италии, как ее неотъемлемой части, позволите мне сказать, что я чувствую сердцем своим приговорные несчастья, которые окажутся печальными, роковыми и смертоносными событиями для дела свободы. Народы, скованные рабскими цепями, которые все еще стонут и пребывают в унынии, увидят в Великой Нации только гордую и превосходную завоевательницу, чьи дела, по их мнению, направлены на то, чтобы содержать [его] армии за их же счет. Они увидят в таком возрождении жестокий удар, фатальный для общественного спокойствия и подлинного блага. Идеи о добродетели, свободе и равенстве будут для них химерическими и иллюзорными сказками, которые изобретены воображением праздных философов, филантропию будут всячески поносить. Им никогда не удастся убедить себя в том, что те, кто пересекали Альпийские преграды, пренебрегая определенными самой природой границами, столь мощными препятствиями, что они никогда не попытаются пересечь Пиренеи, Рейн и господствовать на морях. Мечта о всеобщей монархии еще не стерта из их сознания и в умах врагов Свободы не будет недостатка в аргументах, чтобы разбудить этот призрак и протрубить начало битвы против зарождающихся республик»²⁷.

Рикати во многих фрагментах своего памфлета обращается к воображаемой Италии и «силе судьбы». В этих сентенциях отчетливо слышен скептицизм убежденного патриота, сторонника пьемонтской независимости и свободы для всей Италии, которую он трактует как понятие не столько географическое, сколько потенциально политическое:

«Италия, Италия! - моя родина. Разве Пьемонт в долгу и в вечной благодарности перед другой нацией за просвещение, тогда как его дети будут вынуждены принести себя в жертву и проливать кровь на западных берегах Океана, терять там жизни? Заставят ли нас отказаться от священных обязанностей, которые налагает на нас родина и природа, и разве это не то же самое, что наложить на нас ярмо хуже рабства, которое может кончиться смертью тирана?»²⁸.

В своих призывах отстаивать независимость, Рикати обращается исключительно и только к «пьемонтцам», взывая к чувству «патриотизма» и памяти о «героических» предках античной древности²⁹.

Идея Джованни Антонио Ранца о создании федеративного итальянского государства или, для начала, союза Пьемонтской и Лигурийской республик, также нашла отражение в публицистике 1799 г. Но в центре внимания сторонников такого союза оказались соображения экономические и финансовые. Например, туринец Карло Морино, юрист и чиновник финансового ведомства, подписывавшийся под своими работами на

²⁷ Ibid: 27-29.

²⁸ Ibid: 30-31.

²⁹ Ibid: 74.

французский манер как «Шарль Морэн», опубликовал два памфлета³⁰, доказывая, что независимость и процветание Пьемонта можно обеспечить только после его объединения с Лигурией в единую республику, где первый останется центром аграрного производства, а вторая – центром морской коммерции: «Пьемонтцы и лигурийцы, суть один народ, который состоит из друзей и братьев, и они ждут только подходящего момента, чтобы заключить друг друга в объятия»³¹. Интересно, что главным «Другим» для Морино выступают именно соседние народы – «лигурийцы» и «цизальпинцы», а вовсе не французы, так как с последними, как отмечал туринский финансист, пьемонтцы вообще имеют немного общего. По мнению Морино, народ Пьемонта «храбрый, пылкий и доблестный» пока еще разделен на «просвещенных» граждан и «ослепленных священниками рабов тирании», но в интересах торговли, промышленности, возрождения финансовой сферы, объединение с Лигурией будет наилучшим выходом. Две родственные нации сближает их воодушевление идеями свободы, равенства и патриотизма³². Морино рисовал воображаемую картину идеального общества:

«Свободный Пьемонт – это одна из прекраснейших стран мира [...], она богата добродетелями и добрыми нравами. У Пьемонта, если судить по его размеру и протяженности, больше гениев-хранителей, чем у других народов, и Пьемонт уже готов преподнести уроки мудрости Европе. Пьемонтцы! Если вы независимы, значит и свободны в этой изобильной стране. Но всякий раз помните, что лучше быть свободными в нищей стране, чем зависимыми, но свободными только на словах, пребывая среди богатств и роскоши. Пьемонтцы! Чтобы стать подлинно свободными и счастливыми, необходимо быть добрыми союзниками Французской республики, но независимыми от нее»³³.

Франция в текущих обстоятельствах, полагал Морино, обязана сохранить независимость Пьемонта и быть последовательной в своей политике создания «дочерних» республик, ведь северо-итальянские народы вполне достойны создать государство подобное, например, Гельветической республике³⁴.

Заметим, что в рассуждениях Морино понятия «нация» и «народ» едва различимы и взаимозаменяемы, он не старается установить какие-либо критерии и определения, апеллирует к финансовым выгодам текущего момента, а не к исторической памяти соотечественников или ценности родного языка. В политической и экономической концепции Морино – это достойный наследник Ф. Буонарроти. Пьемонт, по его мнению, является подлинным центром революции на Апеннинском полуострове и только на него может возлагать свои надежды остальная Италия³⁵. При всей оригинальности тезисов Морино, его тексты имели

³⁰ Morino Adresse... 1799; Idem Réplique... 1799.

³¹ Morino Réplique...1799: 8.

³² Ibid: 7.

³³ Ibid: 15-16.

³⁴ Ibid: 14.

³⁵ Saitta 1955: 258-270.

слабую аргументацию, автор копировал стиль и лексику французских памфлетов периода якобинской диктатуры.

Неожиданная реакция пьемонтских «патриотов» на идею присоединения Пьемонта встревожила Директорию. В начале февраля 1799 г. в Париже увидел свет, вероятно, не без покровительства властей, памфлет «Послание о Пьемонте или ответ на наблюдения одного пьемонтца о присоединении этой страны к Французской республике», автором которого был пьемонтский республиканец, поэт и интеллектуал Франческо Бонафиде³⁶. Основными своими целями автор «Послания», опубликованного, как и в случае Морино, на французском языке, видел доказательство необходимости скорейшего присоединения Пьемонта к Франции и детальное опровержение постулатов Феличе Бонджоанни.

Вступая в заочную полемику с Бонджоанни, Бонафиде признавал, что он умелый оратор, но желает стереть из памяти соотечественников «благодарный энтузиазм по отношению к нации-освободительнице»³⁷. Дабы опровергнуть выводы Бонджоанни, Бонафиде предлагает свою краткую типологию национальных характеров. В представлении Бонафиде, отличия в характере пьемонтского и французского народов несущественны, гораздо важнее идея общей политической нации, что должна их объединить. Публицист объяснял известную грубость и даже «лицемерие» своих соотечественников не обстоятельствами «почвы и климата», но результатами воспитания в атмосфере деспотического угнетения. Теперь пьемонтцы вполне достойны называться гражданами возрожденной Франции, ведь между парижанами и жителями других исторических ее провинций также множество различий:

«...Если бельгиец самоуверен и флегматичен, житель берегов Рейна по всей протяженности его течения хладнокровен, бретонец горд, обитатель берегов Гаронны блистателен, провансалец стремительный и живой, марселец пылок, то не имеют ли все они между собой, а равно с остроумным и утонченным парижанином такого же сильного различия в характере, как с нравами и характером народа Пьемонта?»³⁸.

В политико-антропологической концепции Бонафиде Пьемонт под французским влиянием в прошлом уже пережил «золотой век», когда жители этой страны более всего демонстрировали истинные черты своего характера: трудолюбие, скромность, естественность, веселье, энергичность, храбрость, которые одинаково свойственны им и французам:

«Бодрость, жизнерадостность, - качества, исключаящие притворство, не всегда изгонялись из Пьемонта. В те далекие времена, когда деспотизм еще не давил на народ своей железной дланью, Пьемонт представлял довольным взорам путешественников забавную картину деревень, жилищ, населенных трудолюбивыми людьми, радостными и довольными своей судьбой. За скромными обеденными столами мирных жителей этих плодородных земель царили откровенность и веселье. Их застолья заканчивались

³⁶ Bonafide VII (1799).

³⁷ Ibid: 6.

³⁸ Ibid: 14-17.

танцами, грубыми, но выразительными крестьянскими песнями, облегчающими бремя полевых работ. Все источало ликование, легкость и удовольствие. В те далекие времена половина Пьемонта принадлежала Франции, а правители другой половины щадили людей, поскольку катастрофическое политическое равновесие Европы еще не давало им права угнетать все, поработать всех и подменять законы своей деспотической волей. Это и есть подлинный национальный характер пьемонтцев, который деспотизм не имел ни сил, ни необходимости изменить и исказить. Это те же самые черты характера, которыми и французская нация отличается в высшей степени, - энергия и храбрость»³⁹.

Но народ Пьемонта сбит с толку идеями из времен повергнутой тирании, отмечал Бонафиде, только введение французских порядков и институций, изучение и внедрение французского языка значительно искорит уход «предрассудков» в прошлое и переход к эре свободы⁴⁰. Остановившись Бонафиде и на вопросе о языке и культурных особенностях народа Пьемонта. Характерно, что едва ли не впервые в тексте памфлета используя понятие «Италия» в географическом смысле, он не включает в него, собственно, территорию Пьемонта. По мнению республиканца-франкофила, язык его родины не более чем говор, наречие, который чрезвычайно схож с французским языком:

«Обычный язык (*language habituel*) жителей Пьемонта представляет не больше препятствий для его воссоединения с Францией, раз французское правительство сочло целесообразным предоставить нам это преимущество, чем различные языки представляют в случаях присоединения департаментов, расположенных вдоль Рейна. Пьемонтский говор (*jargon*) со всей очевидностью соприкасается со всеми диалектами южных департаментов Франции и с французским языком. Чего нельзя сказать о немецком, корсиканском, фламандском и голландском языках. Скажу даже больше. Если кто-то пожелает добросовестно изучить его ударения, диакритику, произношение слогов, перергласовку, то он согласится, что у этого говора более точное соотношение, более явная аналогия с французским языком, чем с итальянским языком»⁴¹.

Под влиянием начавшихся в провинциях Пьемонта антифранцузских восстаний, Бонафиде поднимает и вопрос о религии. Даже не упоминая о реалиях времен якобинской диктатуры и Фрюктидора, он утверждал, что во Франции все конфессии равны в правах, а правительство бережно относится к вере и чувствам граждан⁴². Если не решить вопрос о равноправии при отправлении культа для всех конфессий и о светской власти римского первосвященника, полагает Бонафиде, учреждение «свободного правления» в государствах Италии останется только «химической надеждой»⁴³. Только касаясь этой самой чувствительной темы, Бонафиде, как и Бонджоанни, начинает рассуждать о некоем «общественном теле» пьемонтского народа, которое он сравнивает с телом человеческим. Опыт гражданской войны в Вандее и шуанерии

³⁹ Ibid: 17.

⁴⁰ Ibid: 17-18.

⁴¹ Ibid: 26.

⁴² Ibid: 29-30.

⁴³ Ibid: 32.

показал, что резкие и неоправданно жёсткие меры в отношении церкви приведут только к новым бедствиям:

«Социальное тело имеет свои немощи, как и тело человеческое. Есть болезни, которые напрямую не создают помех для жизни, и требуют бережного, длительного и длительного лечения. Есть и другие - жестокие, ужасные, смертоносные, которые требуют самой помощи и врачевания самого скорого, где только насильственные средства лечения могут гарантировать их эффективность! Я не скрываю того опасного влияния на простых жителей деревни, что оказывают на них служители культа. Знаю, как они могут злоупотреблять этим и вредить в своих корыстных интересах новым учреждениям, вводить совесть в заблуждение, тревожить набожность простаков, ужасать боязливость слабых, доводить до фанатизма народ, раздувать дух восстания и ярости. Но, позвольте нам остеречься, мой друг, того, чтобы судить о них с такой неблагоприятной стороны. После стольких примеров, стольких попыток, сделанных, дабы их просветить, поостережёмся верить, что они способны разжигать беспорядки, во время которых, в конце концов, они же и станут первыми жертвами»⁴⁴.

Анализ текста Бонафиде показывает, что основным «Другим», то есть народом, с которым он постоянно сравнивает пьемонтцев, как и для Рикати, и Бонджоанни, остаются именно французы. В своем стремлении показать важность присоединения родного края к Франции, Бонафиде ясно обозначает факторы, которые в его понимании и определяли национальную идентичность: национальный характер, культура, религия и родной язык. Интересен образ «Субальпийской нации» в изображении Бонафиде. Здесь есть место культурным аналогиям, историко-антропологическим зарисовкам, сравнительному анализу языков. Таким образом, очень стремительно, спор о политическом будущем Пьемонта перерос в дискуссию о национальном характере, культуре его народа.

Заметим, что ни франкофил Бонафиде, ни оппоненты идеи присоединения Пьемонта к Франции, такие как Бонджоанни, Рикати и Моринно, вовсе не уделяют внимания событиям на юге Италии. Несмотря на то, что к концу января 1799 г. в Неаполе уже была провозглашена Партенопейская республика, опыт неаполитанцев и их пример словно бы не интересовали пьемонтских публицистов⁴⁵.

Тем временем, с 26 марта 1799 г. на территории Северной Италии начались бои французов с австрийцами. В Италию прибыл фельдмаршал Суворов, принявший на себя командование австро-русскими силами. После первых поражений французская армия начала стремительно отступать. 27 апреля она вышла из Милана, а 3 мая австро-русская армия уже вступила в Пьемонт. Скорому продвижению вглубь территории способствовало массовое вооруженное сопротивление – Инсордженца: население коммун, разоренное французами, восставало против оккупантов. Итальянские «патриоты», ранее поддерживавшие французов, повсеместно преследовались. Французское командование отвечало жестокими репрессиями. Охватившие пьемонтские города и села в декабре вос-

⁴⁴ Ibid: 32-33.

⁴⁵ Чудинов 2016: 25-41; Ambrosini 2014; Davis 2006; Rao 1997.

стания разгорались в апреле-мае с новой силой. В Северном Пьемонте было создано народное ополчение – «Христианское воинство» под началом Бранды де Лучиони. Пьемонт находился в состоянии полного хаоса, анархии и гражданской войны с начала апреля, пока австро-русское командование не приняло мер по наведению порядка⁴⁶.

26 мая войска Суворова вошли в Турин и почти сразу же здесь было создано монархическое временное правительство во главе с генералом, маркизом К.Ф. Таон де Ревелем⁴⁷. Так началась «Первая Реставрация» в Пьемонте. Но уже в июне 1800 г., после победы при Маренго, Бонапарт воссоздаст республиканское временное правительство, так и не провозгласив независимой Пьемонтской республики. Окончательно территория военного округа – 27-й армейской дивизии, как официально именовали Пьемонт с 1801 г., будет присоединена к Франции только 22 сентября 1802 г. После учреждения в Турине второго республиканского правительства под протекторатом французов, тема присоединения страны к Франции снова выходит на первый план. Даже когда Наполеон колебался и рассматривал вариант возвращения в Турин свергнутого монарха, умеренные республиканцы активно поддерживают идею присоединения⁴⁸. Это соответствовало и целям Первого консула⁴⁹. В памфлете «Краткое изложение истории Савойского дома и Пьемонта, обращенное к генералу Журдану» (1802), Карло Ботта более уверенно разделял интересы Савойского дома и народа Пьемонта, поддерживал «порядок вещей, сложившихся под французским влиянием» и выражал благодарность французскому правительству за мир и «спокойствие умов» обеспеченных, наконец, для его родины⁵⁰. Соратник Ботты по правительству Карло Босси в многочисленных речах и докладах, направлявшихся в Париж, выступал как самый последовательный пьемонтский франкофил⁵¹. Профранцузских позиций придерживались и представители религиозного меньшинства – вальденсов. Так, бывшего полковника Жака Маранду, рисовавшего картины «деградации» «пьемонтской нации» в последние годы монархии, интересовала более всего именно судьба единоверцев – протестантской общины Пьемонта⁵².

В период французского господства дискуссия о национальной идентичности, истоках и корнях пьемонтской культуры не остановилась полностью, но приобрела иную форму. На смену политикам и памфлетистам пришли историки и лингвисты. Свой вклад внес и академик, а затем личный библиотекарь Наполеона, Карло Денина (1731–1813), ак-

⁴⁶ Cavallo 2015: 168-173.

⁴⁷ Thaon de Revel 1871: 411.

⁴⁸ Чарторийский 1800. Л. 45-52.

⁴⁹ После Маренго французы, желая придать своему новому режиму видимость легитимности и стабильности, они начинают искать поддержку не только у умеренных республиканцев, но и среди старой пьемонтской знати. См.: Outram 1976: 612.

⁵⁰ Botta 1802: 121, 124.

⁵¹ Boyer 1969: 44-57.

⁵² Maranda XI (1802): 1, 158-234.

тивно занимавшийся историей итальянских государств. В частности, он предсказывал Пьемонту блестящее будущее в составе Франции, но увязывал эту перспективу, в известной степени, с отказом «пьемонтской нации» от части культурной идентичности. Он писал в январе 1803 года:

«Я не сомневаюсь, дорогой племянник, что присоединение Пьемонта к Франции и появившийся позднее приказ об использовании французского языка вместо итальянского в государственных документах, также должны рано или поздно изменить и литературный язык страны. Легко могу себе представить, что это изменение вызовет сожаление у большинства членов вашего общества «Единомушных» и всех наших соотечественников, которые привыкли к письму на итальянском языке, а еще намного большее [сожаление] у тех, кто считает, что итальянский язык лучше французского»⁵³.

Но, по мысли Денины, французская политика культурной интеграции будет только способствовать развитию традиций и достижению компромисса или культурного плюрализма:

«...В веке девятнадцатом, в который мы только что вступили, Турин во многих отношениях станет тем же, чем Страсбург стал за последние сто лет, а Пьемонт тем, чем стал Эльзас. У нас будут и писать, и говорить во всеуслышание на итальянском и на французском, как в Страсбурге на французском и немецком, однако, с тем преимуществом, что итальянский и пьемонтский имеют гораздо больше родства друг с другом, чего не имеет эльзасский диалект. Те, кто пожелают быть читаемыми или услышанными в Италии, или только в Пьемонте, будут сочинять на итальянском или на пьемонтском, а те, кто захотят стать известными по ту сторону Альп, станут писать на французском»⁵⁴.

События 1814 г. поставили точку в истории наполеоновского имперского проекта. Кризис наполеоновского режима, растущее недовольство в последние годы продемонстрировали пределы этой системы. Эксплуатация и постоянное вмешательство Парижа ослабили возможности итальянских государств расширить или продолжить программу реформ⁵⁵. На региональном уровне возобладал экспансионизм: Савойя, Ницца были возвращены Савойской династии, а Лигурия была присоединена к Пьемонту на Венском конгрессе, но вошла в этот новый «союз» не без сопротивления⁵⁶. Однако, несмотря ни на что, при Реставрации Савойская монархия оставались государством со сложной структурой, для ее базовых основ принцип национальности был важнее, чем до эпохи 1796-1814 гг., но оставался в значительной степени чуждым. В результате этого разрыва «пьемонтцы, лигурийцы и сардинцы регулировали отношения в соответствии с совершенно разными юридическими нормами», что оценивается как слабость в глазах современного государства, но, на самом деле, было крайним проявлением плюрализма, типичного для композитарной монархии⁵⁷.

⁵³ Denina 1803: 1.

⁵⁴ Ibid: 53.

⁵⁵ Italy 2000: 49.

⁵⁶ Broers 2013: 41-52, 50.

⁵⁷ Bianchi, Merlotti 2017: 61-62.

Анализ итальянской и французской публицистики 1799 – начала 1800-х гг. показывает, что конструирование образа собственной политической нации лишь на очень короткий период становится темой, открыто обсуждавшийся в публичном пространстве. Радикальные и умеренные республиканцы – участники дискуссии 1799 года обосновывали суверенитет «пьемонтской нации» или «субальпийского народа», апеллируя к чувству местного патриотизма, «национальному характеру», языку, традициям и вере. Опыт Савойи, Ниццы, Рейнских земель откровенно пугал пьемонтских «патриотов». Это течение сосуществовало с двумя другими, выступавшими за скорое присоединение Пьемонта к Франции, или за создание единого и независимого Итальянского государства. Наполеоновская политика «культурного империализма» уже не давала возможности обсуждать тему собственной нации в политическом контексте, что существенно не остановило, но все же замедлило процесс строительства нации в Пьемонте в первые два десятилетия XIX века.

Чарторыйский А. – Павлу I. 7/18 октября 1800 г. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Сардинией. Оп. 85/2. Д. 154. Л. 45-52.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Канделоро Д. История современной Италии. Истоки Рисорджименто 1770-1815. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 520 С. [Kandeloro D. Istoriya sovremennoj Italii. Istoki Risordzhimento 1770-1815. M.: Izdatelstvo inostrannoj literatury, 1958. 520 s.].
- Митрофанов А.А. Протестные движения в Пьемонте периода Итальянской кампании Бонапарта (по донесениям русских дипломатов) // Французский ежегодник. 2019. М., 2019. С. 75-99. [Mitrofanov A.A. Protestnye dvizheniya v Piemonte perioda Italyanskoj kampanii Bonaparta (po doneseniyam russkih diplomatov) // Francuzskij ezhegodnik. 2019. M., 2019. S. 75-99.].
- Чудинов А.В. Солдаты свободы или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798 - 1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 18. N. 2 (151). 2016. С. 25-41. [Tchudinov A.V. Soldaty svobody ili smertelnyi vrag? Francuzy v Yuzhnoj Italii 1798 - 1799 gg. // Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. T. 18. N. 2 (151). 2016. S. 25-41.].
- Ambrosini F. L'albero della Libertà. le Repubbliche giacobine in Italia 1796-99. Torino: Capricorno, 2014. 319 p.
- Bianchi P., Merlotti A. Storia degli Stati sabaudi (1416-1848). Torino: Morcelliana, 2017. 287 p.
- Banti A. M. The nation of the Risorgimento: kinship, sanctity, and honour in the origins of unified Italy. Abingdon, Oxon. New York: Routledge, 2020. 210 p.
- Bonafide F. Lettre sur le Piémont, ou Réponse aux observations d'un Piémontais, sur la réunion de cette contrée à la République Française, par F. Bonafide. Paris: l'Imprimerie de Rabaut le jeune, an VII [1799]. 35 p.
- Bongioanni F. Osservazioni sopra l'unione del Piemonte alla Francia in seguito al discorso del Cittadino Ranza. Torino, s.d. [1799]. 19 p.
- Botta C. Précis historique de la maison de Savoie et du Piémont, adressé au général Jourdan. Paris: Imprimerie de Marchant, 1802. 127 p.
- Boyer F. Carlo Bossi et le Piémont // Rassegna Storica del Risorgimento. 1969. LIX. P. 44-57.
- Broers M. Transformation and Discontinuity from the old order to the modern state in the Piedmontese and Ligurian Départements of Napoleonic Italy // Napoleonsche Expansionspolitik. Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2013. P. 41-52.
- Broers M. Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773-1821: state building in Piedmont. Lewiston [New-York]: Edwin Mellen Press, 1997. 582 p.
- Cavallo G.E. La tirannia della libertà. Il Piemonte dai Savoia a Napoleone. Torino: Chiaramonte, 2015. 240 p.

- Criscuolo V. Riforma religiosa e riforma politica in Giovanni Antonio Ranza // *Studi Storici*. 1989. Anno 30. № 4. P. 825-872.
- Criscuolo V. L'idée de république chez les jacobins italiens // *Annales historiques de la Révolution française*. 1994. №. 296. P. 279-296.
- Criscuolo V. Albori di democrazia nell'Italia in rivoluzione 1792-1802. Milano: Angeli, 2006. 512 p.
- Davis J.A. Naples and Napoleon: Southern Italy and the European Revolutions, 1780–1860. Oxford: Oxford University Press, 2006. 372 p.
- Denina C. Dell'uso della lingua francese. Discorso in forma di lettera diretto ad un letterato piemontese. Berlin: Ludovico Quien, 1803. 54 p.
- Di Rienzo E. Neogiacobinismo e movimento democratico nelle rivoluzioni d'Italia (1796-1815) // *Studi Storici*. 2000. № 2. P. 403-431.
- Doppet A. Etat moral, physique et politique de la Maison de Savoie. P.: Chez Buisson, 1791. 210 p.
- Francesco A. De. Costruire una identità nazionale: politica culturale e attività editoriale nella seconda Cisalpina // *Universalismo e nazionalità nell'esperienza del giacobinismo italiano*. Ed. L. Loti e R. Villardi. Roma-Bari: Laterza, 2003. P. 339-354.
- Francesco A. de. Storie dell'Italia rivoluzionaria e napoleonica (1796-1814). Milano, Torino: Bruno Mondadori, 2016. 260 p.
- Galeani Napione G. F. Saggio sopra l'arte istorica. Torino, 1773. 304 p.
- Guerci L. Istruire nelle verità repubblicane: la letteratura politica per il popolo nell'Italia in rivoluzione 1796-1799. Bologna: Il Mulino, 1999. 376 p.
- Italy in the Nineteenth Century 1796-1900. Ed. by Davis J.A. Oxford: O.U.P., 2000. 300 p.
- Lanzon C. Sguardo sul Piemonte dell'avvocato Carlo Lanzon da Fossano. Torino: Stamperia reale. 1787. 89 p.
- Maranda J. Tableau du Piemont sous le régime des Rois. Turin: l'imprimerie Guaita, an XI (1802). 244 p.
- Morino C. Adresse du Piémont au peuple Français. Turin: Benfa et Ceresola, 1799. 15 p.
- Morino C. Réplique à la Réponse à l'Adresse du Piémont au peuple français. Turin: Benfa et Ceresola, 1799. 24 p.
- Outram D. Education and Politics in Piedmont 1796-1814 // *The Historical Journal*. Vol. 19. № 3. 1976. P. 611-633.
- Piemontesi illustri. 5 vol. Torino: Presso Giammichele Briolo stampatore e libraio della Regia Accademia delle Scienze, 1781-1787.
- Rao A.M. Esuli. L'Emigrazione politica italiana in Francia 1792-1802. Napoli: Guida, 1992. 615 p.
- Rao A.M. La repubblica napoletana del 1799. Napoli: Fedoa Press, 2021. 140 p.
- Riccati C. Interessi del Piemonte combinati con quelli delle nazioni limitrofe, e della libertà in generale. Opuscolo. Torino: Stamperia del cittadino Denasio, 1799. 77 p.
- Riccati P. Osservazioni d'un amico della libertà sul discorso del repubblicano Ranza sopra l'unione del Piemonte alla Francia. Torino, s.e. 1799. 77 p.
- Ricuperati G. Cultura di frontiera e identità italiana nelle vicende del Piemonte settecentesco // *La frontiera da stato a nazione: il caso Piemonte*. Roma: Bulzoni, 1987. P. 147-170.
- Ruggiero M. La carnagnola. La rivoluzione francese in Piemonte. Torino: Neos Edizioni, 2018. 200 p.
- Saitta A. Il robespierrismo di Filippo Buonarroti e le premesse dell'unita Italiana // *Belfagor*. Vol. 10. No. 3 1955. P. 258-270.
- Sforza G. Contributo alla vita di Giovanni Fantoni (Labindo) // *Giornale storico e letterario della Liguria*. VII. 1906. P. 121-168.
- Thaon de Revel I. Mémoires sur la guerre des Alpes et les événements en Piémont pendant la révolution française tirés des papiers du comte Ignace Thaon de Revel de Saint-André et de Pralungo. Turin, Rome, Florence: L'Imprimerie Royale, Bocca Freres, 1871. 504 p.
- Tenivelli C. Biografia piemontese. 5 vol. Torino: Presso Giammichele Briolo stampatore e libraio della Regia Accademia delle Scienze, 1784-1792.
- Vaccarino G. I giacobini piemontesi (1794-1814). 2 vol. Roma: Ministero per i beni culturali e ambientali, 1989.
- Waquet J.C. Un état exceptionnellement peu italien? // *Il Piemonte come eccezione? Riflessioni sulla «Piedmontese exception»*. Ed. Bianchi P. Torino: Centro Studi Piemontesi, 2008. P. 171-178.

Митрофанов Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Института всеобщей истории РАН; paxgallica@gmail.com

The Idea of the «Nazione Piemontese» in Italian-French political thought. Patriotic discussion of 1799

The article is devoted to the consideration of the concept of «nation» in the political thought of Piedmont during the French Revolution and French occupation. Analysis of political writings of 1799 – early 1800s. shows that both radical and moderate Republicans, members of various clubs and societies, actively participated in the discussion about the fate of Piedmont. The idea of the French government and part of the Italian republicans to annex Piedmont to the French Republic provoked strong resistance among intellectuals. The Patriots of 1799 saw the creation of a special Piedmont republic as part of the project for the future unification of Italy. They substantiated the sovereignty of the «Piedmontese nation» or «subalpine people» by appealing to the feeling of local patriotism, national character, language, history, traditions and faith. The influence of the intellectuals of Piedmont in the late 18th century is analyzed on the establishment of traditions of political particularism and local nationalism in the revolutionary period. It is noted that the idea of a special «Piedmont nation» was also developed in the political literature of the era of Napoleonic rule in Italy.

Keywords: nation-building, nation, Piedmont, Italy, French Revolution, republicans, Jacobinism, patriotism.

Andrey Mitrofanov, Ph.D. (History), senior researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; paxgallica@gmail.com

Н.А. АНТИПИН

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ АЛЕКСАНДРА II В САМАРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ ИМПЕРСКОГО КОММЕМОРАТИВНОГО НАРРАТИВА¹

В статье исследуются процесс мемориализации императора Александра II в Самаре в 1880-е гг. На основе документов Центрального государственного архива Самарской области выявлены инициаторы и их мотивы, выделены этапы создания «места памяти» и реконструировано содержание коммеморативного нарратива. Открытие памятника состоялось в 1889 г. и было вписано в общероссийский процесс мемориализации Александра II. Коммеморативный нарратив включал сюжеты социально-экономического развития России и региона, укрепления государства и армии, расширения границ империи, а также идеи панславизма. Сооружение памятника стало попыткой локального сообщества выйти на общеперский уровень и создать мемориал всероссийского значения.

Ключевые слова: Александр II, памятник, Самара, коммеморация, коммеморативный нарратив, «места памяти», история памяти

В начале 2020 г. в средствах массовой информации Самары появились сообщения, что в городе обсуждается вопрос о восстановлении памятника императору Александру II, снесенного в 1918 г. Инициаторами выступили «представители общественности», предложение обсуждалось на заседании комитета по культуре, спорту и молодежной политике Самарской губернской думы. В качестве поводов для восстановления было названо сразу три юбилея 2021 г. – 160-летие отмены крепостного права, 150-летие визита Александра II в Самару, 30-летие возвращения городу исторического имени (переименование Куйбышева в Самару). Впервые идея восстановления памятника была озвучена в 2002 г. и с тех пор неоднократно дискутировалась². Фигура Александра II вписана в историю Самары. В 1871 г. император в сопровождении сыновей Александра и Владимира посетил город³. Этот визит оставил след в памяти горожан⁴. Монарх принимал представителей самарского общества, обещал «скорое утверждение Оренбургской железной дороги», что должно было способствовать развитию экономики города и губернии. Вскоре после визита в Самаре реальное училище было названо Александровским, а в 1880 г. имя монарха получила женская ремесленная школа и публичная библиотека, где планировалось открыть музей имени императора⁵.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (государственное задание № FENU-2020-0021 «Изучение региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гуманитаристики (на примере Челябинска и Челябинской области)»).

² Самара решила вернуть памятник... 2021; Установка памятника Александру II... 2021; Памятник Александру II... 2021.

³ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 382. Л. 1.

⁴ Тюрин 2007: 102–106.

⁵ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 643.

Таким образом, еще до трагической гибели Александра II в Самаре началось формирование мемориального дискурса, поддерживаемого городскими властями.

Убийство императора подвело итог предшествующему этапу и открыло новый. Историография практик мемориализации Александра II в дореволюционный период весьма ограничена. Первые попытки каталогизации памятников монарху были предприняты в начале XX века. В 1911 г. С.А. Педашенко собрал краткие сведения о 87 памятниках Александру II в своей брошюре⁶. Однако это далеко не полные данные, мемориализация императора Александра II в России представляла масштабный и уникальный процесс: к 1917 г. было открыто около 3 тыс. памятников. Большую работу по систематизации сведений провел К.Г. Сокол, который опубликовал справочники, а в своей диссертации и связанных с ней статьях, предпринял попытку анализа географического распределения памятников по территории Российской империи⁷. Истории создания мест памяти, посвященных Александру II, в т.ч. в Самаре, посвящены отдельные публикации⁸. Самара стала пятым губернским городом Российской империи, где открылся масштабный памятник Александру II. Вместе с ним в 1880-е гг. скульптуры монарха появились в Астрахани, Петрозаводске, Пскове, Ченстохове. Сооружение памятника в Самаре стало актом коммеморации, который воспроизвел коммеморативный нарратив, или, согласно определению Я. Зерубавеля, «рассказ о тех или иных исторических событиях, объясняющий причины, по которым общество в ритуализированной форме вспоминает об этом эпизоде прошлого, и заключающий в себе нравственный урок членам данного социума»⁹. В связи с этим интересно рассмотреть вопрос строительства памятника императору Александру II, выявить мотивы его установки и смысловое содержание «места памяти».

Инициаторы и мотивы коммеморации

Сразу по получении известия о смерти императора Александра II в Самаре 2 марта 1881 г. состоялось экстренное заседание городской думы, на котором были выражены верноподданнические чувства¹⁰. Вскроме 26 марта гласные вновь собрались, чтобы обсудить план увековечения памяти монарха в Самаре, он состоял из нескольких пунктов: 1) установка памятника на Алексеевской площади; 2) изготовление лампы для размещения ее в храме на месте покушения в Санкт-Петербурге; 3) установка в зале заседаний городской думы бюста императора с «завещанием потомству о вечном почитании блаженной памяти царя-мученика»; 4) приобретение иконы небесного покровителя Александра II святого благоверного князя Александра Невского в серебряной позолоченной ри-

⁶ Памятники императору Александру II... 1911.

⁷ Сокол 2007; Сокол 2009; Сокол 2021: 96–191.

⁸ Фролова 2017; Печёнкин 2011; Мудров 2012; Двинских 2019; Антипин 2021.

⁹ Зерубавель 2004.

¹⁰ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 97. Д. 7. Л. 16–16 об.

зе с лампадой для размещения в зале заседаний думы; 5) ежегодно в день открытия Самарской городской думы 3 февраля по Городскому положению 1870 г. намечалось совершать вселенскую панихиду об упокоении монарха¹¹. В качестве мотива увековечения гласные думы обозначили благодарность за «преобразование городского общественного самоуправления согласно с современными требованиями». Депутаты упомянули «ряд благотворительных реформ», но для представителей городских сословий, прежде всего предпринимателей, чиновников и интеллигенции, прочие преобразования имели второстепенное значение¹². Интенсивности коммеморации способствовала память о высочайшем визите в Самару в 1871 г., что проявилось еще в 1880 г., когда отмечалось 25-летие царствования Александра II. Трагический повод усилил стремление городского общества к увековечиванию памяти монарха и расширил варианты форм коммеморации. В плане коммеморации выделяется несколько направлений: во-первых, создание публичного «места памяти» в Самаре, во-вторых, «корпоративное» увековечивание (в стенах думы) и, наконец, декларация сопричастности общероссийскому (общеимперскому) поминовению в виде строительства храма в Санкт-Петербурге.

Важно отметить, что журнал заседания городской думы 26 марта 1881 г. зафиксировал дискуссию. Из текста видно, что первоначально гласные исходили из более скромных планов: оставление в зале заседаний портрета, изготовление памятной таблички, приобретение иконы и совершение ежегодных панихид – все это не требовало существенных материальных затрат. Некоторые гласные предлагали открыть благотворительное заведение, больницу, ночлежный приют, ремесленное училище, что при более высоких затратах имело явную функциональность и общественную полезность. После этого на заседании выступил гласный Л.Н. Яценко, который, видимо, имел заготовленную пространную речь, исполненную на высоком риторическом уровне. Он призвал «отцов города» не пользоваться трагическим поводом для решения очередной потребности города, а «отдать долг строителю земли русской». Далее он весьма эмоционально, не без пафоса сказал:

«Чтобы вполне уяснить себе то, что именно следует нам совершить в этот исторический для нас день вечного памятования усопшего отца-отчества, попытаемся возвыситься над временем и перенестись в XX, в XXI столетия и очами того будущего взглянем на мартовские дни и четверть столетия предшествующую им, и пред нами предстанет величественный образ царя-реформатора в ореоле мученической смерти... В памятнике должна быть история, а следовательно подумаем не о памятнике чести в виде присвоения тому или другому благотворительному учреждению имени в бозе почившего государя, а о памятнике ему и его царствованию...»¹³.

Яценко привел примеры столиц: Санкт-Петербург начал строить часовню с последующим обращением ее в величественный храм, а в Москве

¹¹ Там же. Л. 145–151.

¹² Там же. Л. 145 об.

¹³ Там же. Л. 147 об. – 148.

в Кремле, где родился монарх, уже решили установить памятник. О своих инициативах Самарская городская дума сообщила губернатору для принятия требуемых решений и согласований, информирования Министерства внутренних дел и получения поддержки Александра III, который соизволил в июне того же года «благодарить от души за сие Самарскую городскую думу»¹⁴.

Гласные сформировали специальную комиссию, двигателем которой стал П.В. Алабин. Петр Владимирович Алабин (1824–1896) родился в Подольске, происходил из дворян Рязанской губернии, окончил Петербургское коммерческое училище, после чего был принят на военную службу. Участвовал в Венгерском походе 1849 г. и Крымской кампании, в 1857 г. вышел в отставку и служил чиновником в Вятке и Самаре. Во время Русско-турецкой войны 1877–78 гг. был уполномоченным Красного Креста, заведовал госпиталями в Болгарии, был главным агентом Московского и Санкт-Петербургского славянских обществ и короткое время исполнял обязанности губернатора Софии. После войны вернулся в Самару, был гласным городской думы, в 1884–1891 гг. городским головой¹⁵. Именно благодаря его энергии, личной заинтересованности, целеустремленности этот многолетний проект увенчался успехом. Работы по созданию памятника активизировались, когда П.В. Алабин стал градоначальником. Завершив сбор пожертвований, он направил недостающие средства из городского бюджета, организовал подготовку проекта памятника и его реализацию.

Размышления гласных Самарской городской думы вписываются в губернский коммеморативный контекст. Вскоре после получения известия о гибели монарха самарский губернатор получил вал телеграмм с выражением «верноподданнических чувств», затем последовали инициативы увековечивания памяти убитого императора, требовавшие материальных вложений: жители с. Тимошкина, с. Коровина и Мелекеского посада, Сорочинское торговое общество намеревались построить часовни, Николаевская городская дума – храм, Сергиевское сельское общество – двухклассное мужское училище имени покойного императора, Бузулукская городская дума – установить в зале заседаний бюст царя и учредить стипендию для бедных учеников, крестьяне с. Кануевки просили разрешить установить памятник, крестьяне с. Малой Быковки – присвоить местному училищу наименование «Александровского», многие другие крестьянские общества направили свои пожертвования на строительство храма в Санкт-Петербурге¹⁶. Как видно, крестьяне стремились к функциональному воплощению своей памяти о монархе.

Однако коммеморативный нарратив губернского города должен был выделяться, о чем и говорил гласный Яценко на заседании 26 мар-

¹⁴ Там же. Л. 143–144; Д. 32. Л. 118.

¹⁵ Алабин... 1905; Московский 1999; Жаравин 2005.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 97. Д. 32. Л. 56, 66 – 66 об., 72, 74 – 74 об., 82, 84 – 84 об., 91 – 91 об., 105, 135, 139, 142, 163–166, 197, 217, 218 – 218 об., 223–224, 243, 246.

та 1881 г. В качестве примера представлялся памятник Петру I в Санкт-Петербурге, установленный Екатериной II. Таким образом, самарское общество ставило перед собой амбициозную задачу создания «места памяти», выделяющегося из провинциального мемориального ландшафта, сопоставимого со столичными памятниками, эта же задача повлияла и на содержание коммеморативного нарратива.

Сооружение памятника предполагалось, как общее дело всех сословий, для чего требовалось как можно шире оповестить население. Журнал заседания городской думы 26 марта 1881 г. был отпечатан в типографии тиражом четыре тысячи экземпляров, кроме того, выпущено воззвание тиражом три тысячи экземпляров¹⁷. В сентябре 1881 г. Самарская городская дума направила обращения с призывом принять участие в сооружении памятника земским и городским управам, волостным правлениям и сельским обществам¹⁸. Обращаясь к волостным правлениям, дума просила оказать содействие и разъяснить крестьянам значение общего дела. В обращении к сельским обществам Самарская городская дума напомнила «только о некоторых главнейших его деяниях: освобождение крестьян, гласный суд, земские учреждения и общая воинская повинность, то и этого будет совершенно достаточно для убеждения в том, что с первых дней восшествия на престол и до конца дней своих, все помыслы покойного государя императора были посвящены улучшению народного быта, и что для осуществления своих предначертаний он не щадил ни сил, ни здоровья, ни жизни»¹⁹. Подписные листы получили почти все учреждения губернии, например, казенная палата, удельная контора, губернское правление, государственный банк, духовная консистория, мещанская управа, почтовая контора и другие²⁰.

Масштабная кампания и широкое адресное обращение дали свои результаты. Сбор пожертвований занял около пяти лет: к ноябрю 1886 г. в распоряжении комитета имелось около 45 тыс. руб.²¹ Правда, не всегда настойчивость Самарской городской думы давало результаты. Так, Самарская уездная земская управа в 1881 г. пообещала пожертвовать 2000 руб., однако и в 1886 г. П.В. Алабин безуспешно пытался получить эти деньги, направляя письма в управу с просьбой исполнить обещание. Подобная ситуация сложилась и с Новоузенским уездным земским собранием, планировавшим в 1881 г. пожертвовать 1000 руб.²²

Сооружение памятника

Сооружение памятника распалось на несколько задач, которые П. В. Алабин, как председатель комиссии и городской голова, решал одновременно. Для начала был выбран скульптор – им стал художник,

¹⁷ Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 651. Л. 2–6 об.; Д. 654. Л. 10 об.; Ф. 3. Оп. 97. Д. 32. Л. 152–153.

¹⁸ Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 654. Л. 13–17, 26–26 об.

¹⁹ Там же. Л. 14–14 об.

²⁰ Там же. Л. 27–27 об.

²¹ Там же. Ф. 3. Оп. 206. Д. 22. Л. 1а.

²² Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 654. Л. 23, 39, 45–45 об., 46.

архитектор и скульптор В.О. Шервуд (1832–1897). Он был автором проекта здания Исторического музея в Москве на Красной площади, часовни-памятника героям Плевны, работал в псевдорусском стиле и выражал в своем творчестве национальные тенденции²³.

14 сентября 1886 г. в Самаре по случаю приезда В.О. Шервуда состоялось заседание комиссии по сооружению памятника. Художник представил рисунки памятника²⁴. Комиссия выбрала вариант, согласовала детали проекта и 20 сентября того же года городская управа заключила с Шервудом контракт, который предполагал разработку проекта памятника, скульптуры монарха, угловых скульптур на постаменте и канделябров, за что автору первоначально полагалось вознаграждение 16 тыс. руб., но в итоге он получил 25 тыс. руб. (за эту сумму скульптор обязался составить чертежи, проект монумента, а также изготовить модели и фигуры, орнаменты в глине и гипсе)²⁵. Оплата совершалась частями по мере продвижения работ. В конце октября 1886 года Шервуд представил измененный проект памятника с учетом пожеланий комиссии: аллегорические скульптуры Веры, Мудрости, Мужества и Любви вокруг постамента были заменены конкретными образами – Крестьянина, Болгарки, Черкеса и Азиатки. Шервуд, в свою очередь, скорректировал пожелания заказчиков, предложив выразительно представить тексты на постаменте памятника в специальных щитах. К ноябрю 1886 г. проект памятника был принят заказчиком²⁶.

Согласно циркулярному письму Техническо-строительного комитета Министерства внутренних дел 10 февраля 1883 г. проекты памятников, храмов, часовен, посвященных Александру II и его мученической кончине, требовалось представлять в министерство для последующего утверждения лично Александром III²⁷. 12 февраля 1887 г. самарский городской голова направил губернатору на утверждение пакет документов: проект памятника, проект надписей на пьедестале, фотографии, план местности. 16 апреля 1887 г. проект памятника был представлен императору и утвержден²⁸. Внимание уделялось как художественной части, так и содержанию, поэтому в письме, полученном самарским губернатором из Техническо-строительного комитета, были точно сформулированы тексты, согласованные для размещения на постаменте²⁹.

Далее перед П. В. Алабиным встала задача выбора подрядчиков для каменных работ и отливки металлических элементов памятника. Городской голова взял на себя ответственность по поиску исполнительных работ и их согласования. На первом этапе весной 1887 г. требова-

²³ Династия Шервудов... 2017.

²⁴ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 651. Л. 22

²⁵ Там же. Л. 27–29, 291 – 293 об.

²⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 206. Д. 22. Л. 1а, 1а об., 2; Ф. 153. Оп. 36. Д. 651. Л. 42–43, 62 – 62 об., 65.

²⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 206. Д. 22. Л. 3–5.

²⁸ РГИА. Ф. 1293. Оп. 169. Д. 1781.

²⁹ ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 206. Д. 22. Л. 6 – 6 об., 9–10.

лось подготовить фундамент, чтобы зимой 1887–1888 гг. он дал необходимую усадку³⁰. Весной 1886 г. начались работы по созданию сквера вокруг будущего монумента: огорожено место, началась заготовка земли, а весной 1887 г. планировалось посадить живую изгородь³¹.

В сентябре 1886 г. П.В. Алабин обратился в Екатеринбург с предложением поставить розовый мрамор для постамента, но получил ответ, что розового мрамора нет, поставщик Д. Лобанов предлагал заменить его желтым, голубым, зеленым, темным серым мрамором или яшмой³². Это не устроило заказчика, поиски материала для постамента продолжались в Москве и Санкт-Петербурге. В октябре 1886 г. ответ пришел из Петербурга от Г.М. Гельфрейха, который мог поставить лабрадорский мрамор из месторождения при станции Фастовской Черкасского уезда Киевской губернии³³. О подряде также хлопотали екатеринбургский купец И. Н. Лагутяев и крестьянин Мраморского завода Екатеринбургского уезда Иван Пермикин. Последний сообщал, что имеет опыт подобных работ – он участвовал в строительстве памятников в Ирбите и Нижнеисетском заводе, «к тому же сочувствуя такому народному энтузиазму как бывший отпущенник из мастеровых царя-освободителя»³⁴.

Между тем, Алабин думал и об удешевлении проекта. Так 24 октября 1886 г. в газете «Новое время» он прочитал, что в здании Царско-сельского лицея установлен памятник Александру I, изготовленный из «аллюминольной бронзы». Скульптор не поддержал идею, а рекомендовал идти традиционным проверенным путем³⁵. В.О. Шервуд помог найти в Москве основных подрядчиков для сооружения памятника³⁶.

«Товарищество фабрики металлических изделий А.М. Постникова» в Москве предложило выгодные условия: изготовление скульптуры монарха за 7000 руб., за четыре боковые скульптуры по 2500 руб., а всего 17 тыс. руб. с доставкой и установкой (позднее сумма контракта увеличится). Действительно, это были приемлемые цены: так, фабрикант Ф. Шопен из Петербурга тот же объем работ готов был выполнить за 29060 руб., а петербургский купец А.П. Моран просил 28800 руб. (он изготавливал статуи Александра II для Петрозаводска)³⁷. Весной 1887 г. Моран предложил вариант удешевления: статую изготовить из бронзы, а остальное из бронзирванного чугуна, что позволит сократить смету до 20 тыс. руб.³⁸ Получив официальное утверждение проекта в апреле 1887 г. Алабин решил заключить контракт с фабрикой Постникова³⁹.

³⁰ Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 651. Л. 32

³¹ Там же. Л. 42–43

³² Там же. Л. 18, 20, 35, 36–37.

³³ Там же. Л. 44 – 45 об., 46.

³⁴ Там же. Л. 77 – 77 об.

³⁵ Там же. Л. 57.

³⁶ Там же. Л. 67.

³⁷ Там же. Л. 93, 97–98, 103–104.

³⁸ Там же. Л. 137 – 137 об.

³⁹ Там же. Л. 169.

В эти дни вокруг самарского подряда разгорелись нешуточные страсти. Моран не жалел денег на телеграммы в Самару, убеждая Алабина заключить договор: «Согласен отлить весь памятник и украшения из бронзы, сделать позолоченные буквы с установкой всего за шестнадцать тысяч девятьсот рублей, что и имею честь сим подтвердить». На предложение приехать и лично обсудить вопрос городской голова ответил категорично: «Отложить невозможно, приезд бесполезен»⁴⁰. По договору фабрика Постникова изготавливала: «колоссальную фигуру императора Александра II вышиною около 5 аршин», четыре боковые фигуры, 12 гирлянд вокруг нижней части пьедестала, 12 венков на нижних тумбах, четыре венка с инициалами наверху пьедестала, четыре гирлянды между венками, четыре щита по одному на каждой стороне памятника. Имелось примечание: «Все выше означенные работы, кроме букв, должны быть оксидированы в цвет памятника Пушкина в Москве»⁴¹.

Первоначальная смета каменных работ выходила чрезмерной – 36 тыс. руб. Скульптор В.О. Шервуд предложил обратиться к услугам московского купца А.А. Захарова, который исполнял мраморные работы при строительстве Храма Христа Спасителя. Он согласился взяться за сооружение постамента для памятника в Самаре за 18 тыс. руб.: «Цвета будут отвечать проекту: верх красный с белыми пятнами (этот цвет держится на воздухе хорошо), середина из серого мрамора, а тумбы и под аркой – серый гранит – все это полированное. Весь низ, как плиты под памятником, ступени и тумбы – все из красного финляндского гранита, но неполированное, и, кроме того, самые нижние две ступени вышиной останутся в восемь вершков, но выступать будут только на шесть вершков, а не на восемь, как проектировано, равно и тумбы будут вершка на два поуже», – писал Шервуд Алабину 2 ноября 1886 года⁴². Весной 1887 г. сумма выросла до 22 тыс. руб.⁴³ Шервуд начал изготовление моделей еще до высочайшего утверждения проекта, в январе 1887 г. он уже изготовил фигуру из глины и приступил к деревянной модели⁴⁴. Отливку начали со второстепенных фигур, в мае 1887 г. Шервуд сдал на фабрику Постникова модель крестьянина. Заводчик сообщал: «Вполне уверены, что артистической работой надеемся оправдать Ваше лестное к нам доверие»⁴⁵. Уже 8 июня скульптор писал в Самару: «У Постникова статуя крестьянина почти кончена. Я осматривал отливку прямо из формы в черне и потом чеканку отливки и чеканка превосходная, что меня крайне порадовало»⁴⁶. В другом письме весной 1888 г. он отмечал: «Между прочим, могу сообщить, что работа отлитых фигур и украше-

⁴⁰ Там же. Л. 171, 172.

⁴¹ Там же. Л. 476 – 476 об.

⁴² Там же. Л. 67 – 68 об.

⁴³ Там же. Л. 174, 176–177.

⁴⁴ Там же. Л. 125–126.

⁴⁵ Там же. Л. 186 – 186 об.

⁴⁶ Там же. Л. 192 – 192 об.

ний для памятника очень хороша – чеканка великолепная, каждый листочек отделан, что меня очень радует»⁴⁷. 22 ноября 1887 г. Шервуд телеграммой сообщил в Самару, что статуя монарха готова для осмотра⁴⁸. Алабин лично принимал работу и 17 июня 1888 г. Самарская городская дума утвердила акт осмотра статуи императора⁴⁹.

В июне 1888 г. глава фабрики Д.А. Постников посетил Самару, чтобы посмотреть место и определить план работы, но оказалось, что А.А. Захаров не выполнил своих обязательств, фабрикант восклицал в письме к городскому голове: «Каково было мое изумление, когда я ничего не нашел!»⁵⁰. Закладка памятника состоялась 8 июля 1888 г. Желая придать этому событию всероссийскую огласку, П.В. Алабин направил сообщения в редакции петербургского «Нового времени» и «Московские ведомости»⁵¹. По договору с Захаровым сооружение пьедестала должно было закончиться к 5 августа 1888 г., однако к этому времени работы находились в самом разгаре, к тому же еще не все фрагменты были доставлены из Москвы, подрядчик убеждал, что к 15 сентября пьедестал будет готов, отставание от графика он объяснил несколькими причинами: длительным утверждением контракта городской управой, стремлением добросовестно исполнить договор, изготовлением элементов из больших кусков (а не составных), нехваткой материала и длительной доставкой на место по реке Волге⁵². По договору за неисполнение условий исполнитель платил неустойку – 5000 руб. А.А. Захаров получил сумму в полном объеме, но сверх договора занимался монтажом боковых скульптур и прочих украшений⁵³.

В момент закладки памятника стало очевидно, что в 1888 г. его невозможно будет завершить и открыть, хотя к августу в Самару уже были доставлены скульптура императора, крестьянина и болгарки, но по дополнительному договору с фабрикой решено монтажные работы перенести на май – июль 1889 г., тогда же доставить оставшиеся фигуры черкеса и азиатки⁵⁴. Приемка городской думой бронзовых частей памятника, установленных на свои места, состоялась 2 июля 1889 г.⁵⁵

Смета расходов постепенно росла. Первоначально предполагалось израсходовать не более 60 тыс. руб. В итоге расходы на строительство памятника составили 75 тыс. руб., из них 45 тыс. руб. были пожертвования, а остальная сумма – 30 тыс. руб. средства городского бюджета⁵⁶. 25 тыс. руб. было заплачено скульптору В.О. Шервуду, 19 тыс. руб. –

⁴⁷ Там же. Л. 319.

⁴⁸ Там же. Л. 135.

⁴⁹ Там же. Л. 221.

⁵⁰ Там же. Л. 222–223.

⁵¹ Там же. Л. 231 – 231 об., 238.

⁵² Там же. Л. 246 – 246 об., 247–248.

⁵³ Там же. Л. 405, 409.

⁵⁴ Там же. Л. 251 – 252 об.

⁵⁵ Там же. Л. 278.

⁵⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 206. Д. 22. Л. 56 об.

отливка бронзовых скульптур, 3 тыс. руб. – отливка бронзовых герба и girлянд; 22 тыс. руб. – материал и изготовление пьедестала, 6 тыс. руб. – строительство фундамента и благоустройство сквера (в сквере вокруг памятника были высажены боярышник, сирень, георгины)⁵⁷.

Амбициозность комиссии по сооружению памятника и П.В. Алабина подчеркивает и такой факт. В январе 1889 г. скульптор Шервуд обратился в Самарскую городскую думу с просьбой разрешить использовать модель самарской скульптуры Александра II для памятника в одном из губернских городов (вероятно, речь шла о Казани, управа заказала Шервуду скульптуру императора для памятника, открывшегося в 1895 г.). Городские власти отклонили эту просьбу, мотивируя тем, что памятник сооружается на средства всей губернии, а потому городское управление не является собственником памятника⁵⁸.

Что же стало с другими пунктами увековечения памяти императора Александра II, обозначенными в плане Самарской городской думы 26 марта 1881 г.? В том же году городские власти заказали лампаду стоимостью 1200 руб., ее изготовили в 1883 г. и передали в Самару. Она представляла собой державу, с прикрепленным к ней скипетром и пальмовой ветвью, на лицевой стороне лампы образ святого князя Александра Невского, а на оборотной – образ святой мученицы Евдокии, со всех сторон кресты, сверху лавровый, а через всю лампаду положен терновый венок. В 1898 г. лампада передана в храм Воскресения Господня в Санкт-Петербурге, строящийся на месте гибели монарха⁵⁹.

В 1884 г. икона святого князя Александра Невского с другой лампадой стоимостью 1220 руб. 27 коп. были установлены в зале заседания городской думы, на иконе был размещен текст: «Самарские граждане соорудили сию св. икону с неугасимою пред нею лампадою на вечную память о в Бозе почившем императоре Александре Николаевиче, даровавшем городское положение 1870 года, и постановили совершать пред сею иконою ежегодно вселенскую панихиду за упокой почившего государя в день открытия Самарской городской думы 3 февраля»⁶⁰.

Одновременно в Самаре продолжались работы, начатые в 1880 г., когда в честь 25-летия царствования императора Александра II городская дума решила «соорудить приличное здание для существующей уже в Самаре публичной библиотеке и в том же здании устроить публичный музей, который имел бы общеобразовательный характер и вместе служил бы средством изучения Самарского края в отношении естественном, сельскохозяйственном, промышленном, техническом и историческом»⁶¹. Автором идеи выступил гласный думы П.В. Алабин (он же стал заведующим музея), аргументируя свое предложение, он говорил о до-

⁵⁷ Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 651. Л. 285–286; Д. 705. Л. 1 – 8 об.; Д. 713; Оп. 37. Д. 16.

⁵⁸ Там же. Д. 651. Л. 266 – 266 об.

⁵⁹ Там же. Д. 655. Л. 9 – 9 об., 11 – 11 об., 15–17, 22, 25–27.

⁶⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 97. Д. 7. Л. 7–8, 10, 11, 12, 14.

⁶¹ Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 643. Л. 6.

стоинствах развития знаний, чему должна была послужить специально построенная библиотека и увеличение ее книжного фонда. В проектируемом здании предполагалось устроить особый зал в честь императора Александра II, где сосредоточить сочинения о царствовании, а зал предназначить для ученых работ, публичных актов, лекций, чтений, концертов. После обсуждения городские власти решили ассигновать на проект 35 тыс. руб.⁶² В 1880 г. торги на строительство здания прошли безуспешно, формально публичная библиотека получила новое наименование Александровской, были выделены средства на приобретение книг об Александре II и специального шкафа для их хранения, но к строительству не приступили и в 1882 г., что объяснялось дефицитом бюджета города⁶³. Любопытно, что был разработан тематико-экспозиционный план будущего музея, отражающий основные вехи и события жизни и царствования Александра II⁶⁴. Для будущего музея собирались книги, плакаты, фотографии, великий князь Константин Константинович пожаловал книги своих стихотворений, великий князь Георгий Михайлович передал нумизматическую коллекцию из 432 монет времен царствования Александра II, в коллекции были портреты и пять бюстов монарха, модель гипсового памятника царя в Кишиневе, П.В. Алабин передал семена огурцов сорта «Император Александр II», ценные сувениры присылал московский купец 1-й гильдии А. П. Бахрушин⁶⁵.

Открытие памятника

Первоначально открытие памятника предполагалось провести 30 августа 1888 г.⁶⁶, но работы затянулись и дату перенесли на 30 августа 1889 г. 30 августа дата символическая, она привязана к визиту Александра II в Самару, высочайший визит произошел 29 августа 1871 г. В этом проявилась личная память членов комиссии и П.В. Алабина, участвовавших в организации и во встрече монарха⁶⁷. Вероятно, визит произвел на них глубокое впечатление, что и было одним из мотивов приурочить открытие монумента к очередной годовщине, другой мотив – включение в коммеморативный нарратив локального содержания. Самарские власти внимательно подошли к вопросу организации открытия памятника, которое должно было увенчать завершение большого дела, создать ощущение всеобщего праздника и не допустить незапланированных выступлений. Городские власти разработали церемониал и согласовали его с губернатором, а тот с Министерством внутренних дел⁶⁸.

Переписка городского головы П.В. Алабина с губернатором А.Д. Свербеевым накануне открытия памятника указывает на то, что губернатор опасался превращения мероприятия в политическую акцию,

⁶² Там же. Л. 7 об. – 8, 17.

⁶³ Там же. Л. 35, 36, 37, 62.

⁶⁴ Там же. Л. 154 об. – 157.

⁶⁵ Там же. Л. 87, 99, 143 об., 144 об., 172, 173, 307.

⁶⁶ Там же. Д. 651. Л. 131 – 131 об.

⁶⁷ Там же. Оп. 9. Д. 382. Л. 3, 15.

⁶⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 206. Д. 22. Л. 20, 29 – 29 об.

именно поэтому был составлен подробный церемониал мероприятия. Однако за пять дней до открытия 25 августа 1889 г. губернатор направил городскому голове предостережение: ему стало известно, что на открытии планируется поднесение адресов и произнесение речей, содержание которые невозможно было подвергнуть предварительной цензуре. Поэтому губернатор заявил, что «таковые и не могут быть допущены» и пригрозил Алабину ответственностью⁶⁹. Кроме того, губернатор потребовал представить список тех, кто планировал возложить венки к подножию памятника и обязательно указать надписи на венках. Подобный список был подготовлен городской управой: 63 венка от учебных заведений, мещанских обществ городов губернии, банков, управлений железных дорог, редакции «Самарской газеты», врачей, присяжных поверенных, земств. Например, студенты университетов написали на своем венке: «Александру II царю-освободителю, творцу судебных уставов 1864 г. Студенты императорских университетов – самарцы»⁷⁰.

Несмотря на предостережение, городской голова вновь обратился к губернатору с просьбой, чтобы тот спросил разрешение у Министерства внутренних дел на произнесение речей на открытии и памятном завтраке, ведь «отсутствие речей лишит акт открытия памятника надлежащей торжественности»⁷¹. Накануне события губернатор получил телеграмму министра внутренних дел И.Н. Дурново: «Разрешение произнести речи на завтраке по поводу открытия памятника покойному государю зависит от вашего усмотрения»⁷². Таким образом, на губернатора возлагалась вся ответственность за последствия.

Для участия в открытии памятника были приглашены почетные граждане Самары, управляющие отдельными частями в Самаре, уездные предводители дворянства губернии, председатели земских уездных управ, городские головы, по два волостных старшины с уезда по назначению уездных предводителей дворянства, участники сооружения памятника, гласные городской думы, попечительницы и попечители учебных заведений⁷³. Открытие монумента прошло по сценарию. 30 и 31 августа город украсили флаги и иллюминация, было потрачено 1742 руб. 77 коп.⁷⁴ О событии писали газеты, вышла брошюра, заметка появилась в журнале «Исторический вестник»⁷⁵. Корреспондент сообщал:

«30 августа Самара с утра приняла праздничный вид, принарядилась и расцвятилась флагами; не только самый город, но и вся набережная с пароходными пристанями и стоящими у берега судами – представляла живописное зрелище. По окончании богослужения в городском кафедральном соборе крестный ход с иконами и хоругвями последовал на место торжества – на

⁶⁹ Там же. Л. 38 – 38 об.

⁷⁰ Там же. Л. 50 – 54 об.

⁷¹ Там же. Л. 41–42.

⁷² Там же. Л. 44.

⁷³ Там же. Л. 19 – 19 об.

⁷⁴ Там же. Л. 12 – 12 об., 15, 18 – 18 об., 35; Ф. 153. Оп. 36. Д. 705. Л. 14–15.

⁷⁵ Памятник в бозе почившему императору... 1889; Открытие памятника... 1889.

Алексеевскую площадь; во главе духовной процессии находился Серафим, епископ самарский и ставропольский. Здесь на площади было совершено молебенствие, а затем последовало провозглашение вечной памяти покойному государю; в это время завеса, скрывававшая памятник, упала и толпы зрителей увидели величественный монумент. К подножию памятника была возложена целая масса венков... Памятник покойного императора особенно высоко почитается в Самаре, так как именно в период 26-летнего царствования Самара сделала большие успехи и разрослась до нынешних размеров. Многие учреждения посвящены Александру II – собор Александра Невского, городская Александровская библиотека, ремесленное училище и проч.»⁷⁶.

Организаторы рассчитывали на широкий резонанс и получили его. В докладе Самарской городской управы в сентябре 1889 г. сообщалось:

«Открытие памятника в бозе почившему императору Александру II в гор. Самаре вызвало живейшее участие и сочувствие Самарскому городскому обществу не только в отечестве нашем, но и за его пределами, от многих относящихся с благоговением к великой памяти царя-освободителя, между которыми своим высоким положением особенно выдаются его светлость Николай, владетельный князь Черногорский и высокопреосвященный Михаил, митрополит Сербский»⁷⁷.

Приветствия по случаю открытия памятника поступили из соседних губернских городов, из Белграда, Санкт-Петербурга, Одессы, Кишинева, от славянских обществ. В конце 1889 г. городской голова П.В. Алабин получил высочайшую благодарность Александра III за активное участие в сооружении памятника⁷⁸, а на надгробной плите Алабина в Иверском монастыре в 1896 г. сооружение памятника Александру II в Самаре было перечислено в ряду важнейших трудов.

Когда 30 августа 1889 года пелена спала с монумента, горожанам предстал насыщенный образами, символами и смыслами памятник. Скульптура императора высотой пять сажен (10,65 метра) была установлена на высоком постаменте. Фигура монарха – в фуражке, мундире и накинутой на плечи шинели была выполнена в энергичной позе – левая нога выдвинута вперед, таким образом создавалось впечатление движения вперед, император предстал в образе смелого лидера, победителя.левой рукой он поддерживал висящую на поясе саблю. Постамент получился сложной формы, его верхний ярус был украшен бронзовыми щитами, увенчанными коронами, драпированными мантиями и гирляндами. На каждом щите помещался текст, на переднем: «Александру II Царю-Освободителю 1889», на заднем – герб Самары, на боковых перечислялись деяния императора: на левом – «Городовое положение 1870 г. Всесословная воинская повинность 1874 г. Присоединение Карса и Батума 1878 г. Сооружение 21221 версты сети железных дорог и Александровского моста через р. Волгу близ г. Сызрани», на правом – «Присоединение Приамурского края 1858 г. Отмена телесного наказания 1863 г. Земские учреждения 1864 г. Гласное судопроизводство 1861–1864 гг.».

⁷⁶ Открытие памятника Александру II... 1889.

⁷⁷ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 705. Л. 16–17.

⁷⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 206. Д. 22. Л. 58 – 58 об.; Оп. 175. Д. 98. Л. 1 – 3 об.

На углах постамента помещались четыре бронзовых венка с вензелем царя, соединенные гирляндой. Нижний более широкий ярус постамента одновременно являлся фонтаном. В четырех его гранях устроены арочные ниши, из которых каскадом спадала вода. На углах нижнего яруса постамента были установлены четыре бронзовые аллегорические фигуры, также символизирующие главные свершения монарха: Крестьянин, осеняющий себя крестным знаменем (он держал свиток с текстом: «Освобождение крестьян 19 февраля 1861 г.»); Болгарка с разорванной цепью на руках, попирающая турецкое знамя (под ней помещались даты «1877–1878 гг.»); Черкес, ломающий шашку о колено (ниже даты «1858–1864 гг.»), Азиатка, кладущая к ногам императора восточную корону и отводящая с лица чадру (под ней надпись: «Ташкент 1865. Бухара 1868. Хива 1873. Коканд 1875–1876. Ахал-Теке 1881»). Все это сооружение было окружено 12 каменными тумбами, увенчанными бронзовыми венками и соединенными бронзовыми гирляндами.

Установка памятника Александру II в Самаре вписывается в общероссийский процесс мемориализации, начатый еще при жизни монарха, ознаменованный открытием масштабных по форме, уникальных по содержанию памятников в 1881–1911 гг. и массовой установкой «дешевых» монументов в связи с 50-летием отмены крепостного права, что было прервано революционными событиями 1917 года (в Самарской губернии к 1917 г. установлено по меньшей мере 17 памятников Александру II). Однако мемориализация имела региональные особенности. В создаваемых «местах памяти» воспроизводилась локальная интерпретация значения Великих реформ и военных побед времен Александра II, а также субъективное восприятие и личный опыт инициаторов и организаторов сооружения памятника. Например, в коммеморативном нарративе, сложившемся в процессе сооружения памятника в Златоусте Уфимской губернии, главной темой стала отмена крепостного права, обязательного труда на заводе и посещение завода цесаревичем в 1837 г.⁷⁹

«Места памяти», согласно П. Нора, имеют материальное, символическое и функциональное наполнение⁸⁰. В случае Самары была выбрана современная форма увековечения памяти в виде скульптурного портрета, что в провинциальном контексте стало новым явлением, ведь традиционной формой памяти до сих пор выступали часовни или храмы. Преодоление этого традиционного опыта явилось попыткой локального общества (и его лидеров) выйти на общеимперский уровень. Создание уникального, дорогостоящего, не лишённого художественного значения памятника – это способ преодоления провинциальных границ.

Символическое содержание монумента также свидетельствует об амбициозных задачах заказчиков. Авторы памятника, а к их числу следует причислить не только скульптора В.О. Шервуда, но и главного

⁷⁹ Антипин 2021.

⁸⁰ Нора 1999.

вдохновителя проекта П.В. Алабина, вышли за пределы локального дискурса. Если в начале дела, в момент формулировки проекта в марте 1881 г., в основе лежала идея благодарности за преобразования, и прежде всего, за реформу городского самоуправления, давшего новые основания для развития городов, в том числе и Самары, то в итоге в памятнике нашли воплощения идеи и смыслы, далекие от локального контекста. Несмотря на то, что к сбору пожертвований были привлечены крестьяне Самарской губернии, тема отмены крепостного права не стала доминирующей. Крестьянская реформа названа среди прочих преобразований Александра II: введения Городового положения 1870 г., замены рекрутского набора всеобщим призывом в армию, отмены телесных наказаний, учреждения земств и гласного судопроизводства – все это, безусловно, повлияло и на развитие Самарской губернии. Локальную специфику подчеркивает упоминание о строительстве 21221 версты железных дорог и Александровского моста через реку Волгу близ Сызрани, что повлияло и на развитие Самары и всей губернии. Пожалуй, равнозначно наряду с внутренними преобразованиями Александра II выглядят его военные победы и расширение границ России. Авторы памятника предстали широкою геополитическую проблематику александровской эпохи, имперский дискурс акцентируется за счет упоминания присоединения территорий на Дальнем Востоке, в Средней Азии, по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., усмирения Кавказа и освобождения Болгарии. Вероятно, военная проблематика и панславянская тематика в какой-то мере выражала личный опыт Алабина.

Функционально монумент стал центром коммеморативных практик повторяющихся акций поминовения погибшего императора и трансляции образа монарха с включением региональной специфики. Этим объясняется и текстовая насыщенность постамента памятника, ставшего конспектом коммеморативного нарратива, включавшего сюжеты социально-экономического развития, укрепления государства и армии, расширения границ империи. Таким образом, установка самарского памятника Александру II, как и трех тысяч других по всей России до 1917 г., возможно рассматривать как часть процесса формирования национальной идентичности и маркирования ядра национального государства.

После революции и установления советской власти в Самаре памятник претерпел существенные изменения. В 1918 г. скульптура была скрыта за деревянным коробом, позже ее демонтировали вместе с другими фигурами и бронзовыми элементами. 7 ноября 1927 г. на прежнем постаменте был открыт памятник В.И. Ленину работы М.Г. Манизера, сохранившийся до сих пор.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 9. Д. 382; Оп. 36. Д. 643, 651, 654, 655, 705, 713; Оп. 37. Д. 16.
ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 97. Д. 7, 32; Оп. 175. Д. 98; Оп. 206. Д. 22.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 169. Д. 1781.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алабин (Петр Владимирович, 1824–1896) // Энциклопедический словарь / под ред. Проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1905. Доп. т. I. С. 66. [Alabin (Petr Vladimirovich, 1824–1896) // Enciklopedicheskij slovar' / pod red. Prof. I.E. Andreevskogo. SPb.: F.A. Brokgauz, I.A. Efron, 1905. Dop. t. I. S. 66].
- Антипин Н.А. Памятник императору Александру II в Златоусте: пример провинциальной коммеморации в дореволюционной России // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4 (55). С. 28–38. [Antipin N.A. Pamyatnik imperatoru Aleksandru II v Zlatouste: primer provincial'noj kommemoracii v dorevolucionnoj Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. 2021. № 4 (55). S. 28–38].
- Двинских Л. Музей имени Александра II в Екатеринбурге, или О чем молчали архивы // Урал. 2019. № 1. С. 195–199. [Dvinskih L. Muzej imeni Aleksandra II v Ekaterinburge, ili O chem molchali arhivy // Ural. 2019. № 1. S. 195–199].
- Династия Шервудов в истории и культуре России / авт.-сост. Е.А. Лукьянов, Ю.Р. Савельев. М.: Кучково поле, 2017. 504 с. [Dinastiya Shervudov v istorii i kul'ture Rossii / avt.-sost. E.A. Luk'yanov, Y.U.R. Savel'ev. M.: Kuchkovo pole, 2017. 504 s.].
- Жаравин В.С. Петр Алабин – почетный гражданин города Вятки. Киров: Правительство Кировской области, 2005. 130 с. [Zharavin V.S. Petr Alabin – pochetnyj grazhdanin goroda Vyatki. Kirov: Pravitel'stvo Kirovskoj oblasti, 2005. 130 s.].
- Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Ab imperio. 2004. № 3. С. 71–90. [Zerubavel' YA. Dinamika kollektivnoj pamjati // Ab imperio. 2004. № 3. S. 71–90].
- Московский О.В. Летопись жизни Петра Алабина (1866–1896). Самара: Самарский госуниверситет. педагогический ун-т, 1999. 260 с. [Moskovskij O.V. Letopis' zhizni Petra Alabina (1866–1896). Samara: Samarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 1999. 260 s.].
- Мудров Ю. Храм-реквием // Мир музея. 2012. № 4. С. 8–10. [Mudrov YU. Hram-rekviev // Mir muzeja. 2012. № 4. S. 8–10].
- Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимезх Ж., Винок М. Франция – память. СПб., 1999. С. 17–50. [Nora P. Mezhdu pamjat'ju i istoriej. Problematika mest pamjati // Nora P., Ozuf M., Pyuimezh ZH., Vinok M. Franciya – pamjat'. SPb., 1999. S. 17–50].
- Открытие памятника Александру II в Самаре // Исторический вестник. 1889. № 10. С. 232–233. [Otkrytie pamyatnika Aleksandru II v Samare // Istoricheskij vestnik. 1889. № 10. S. 232–233].
- Памятник Александру II планируют открыть в Самаре // Известия. URL: <https://iz.ru/1116849/2021-01-27/pamiatnik-aleksandru-ii-planiruiut-otkryt-v-samare> [Pamyatnik Aleksandru II planiruyut otkryt' v Samare // Izvestiya. URL: <https://iz.ru/1116849/2021-01-27/pamiatnik-aleksandru-ii-planiruiut-otkryt-v-samare>]
- Памятник в бозе почившему императору Александру Николаевичу в г. Самаре. Самара: Тип. И.П. Новикова, 1889. 48 с. [Pamyatnik v boze pochivshemu imperatoru Aleksandru Nikolaevichu v g. Samare. Samara: Tip. I.P. Novikova, 1889. 48 s.].
- Памятники императору Александру II / сост. С.А. Педашенко. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1911. 30 с. [Pamyatniki imperatoru Aleksandru II / sost. S.A. Pedashenko. M.: T-vo tip. A. I. Mamontova, 1911. 30 s.].
- Печёнкин И. «Императору Александру II любовь народа» // Наука и жизнь. 2011. № 3. С. 20–24. [Pechyonkin I. «Imperatoru Aleksandru II lyuboviu naroda» // Nauka i zhizn'. 2011. № 3. S. 20–24].
- Самара решила вернуть памятник царю // Победа.РФ. URL: <https://pobedarf.ru/2021/01/26/samara-reshila-vernut-pamyatnik-czaryu/> [Samara reshila vernut' pamyatnik caryu // Pobeda.RF. URL: <https://pobedarf.ru/2021/01/26/samara-reshila-vernut-pamyatnik-czaryu/>]
- Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Ситипринт, 2021. 504 с. [Sokol K. G. Monumental'nye pamyatniki Rossijskoj imperii. Katalog. Izd. 2-e, dop. i ispr. M.: Sitiprint, 2021. 504 s.].
- Сокол К.Г. Памятники Александру II: географические особенности различных периодов мемориализации // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. 2007. № 5. С. 73–78. [Sokol K. G. Pamyatniki Aleksandru II: geograficheskie osobennosti razlichnyh periodov memorializacii // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser.5. Geografiya. 2007. № 5. S. 73–78].

- Сокол К.Г. Российские монументальные памятники конца XVIII – начала XX в. как объекты исторической географии: дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2009. 187 с. [Sokol K.G. Rossijskie monumental'nye pamyatniki konca XVIII – nachala XX vv. kak ob'ekty istoricheskoi geografii: diss. ... kand. geogr. nauk. M., 2009. 187 s.].
- Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков. Самара: Самарский университет, 2007. 202 с. [Tyurin V.A. Vlast' i gorodskoe samoupravlenie v Srednem Povolzh'e: opyt vzaimodejstviya na rubezhe XIX–XX vekov. Samara: Samarskij universitet, 2007. 202 s.].
- Установка памятника Александру II в Самаре обойдётся в 50 млн рублей // Аргументы и факты. [Ustanovka pamyatnika Aleksandru II v Samare obojdyotsya v 50 mln rublej // Argumenty i fakty. URL: https://samara.aif.ru/society/details/ustanovka_pamyatnika_aleksandru_ii_v_samare_oboydyotsya_v_50_mln_rublej].
- Фролова К. В. Сохранение памяти об Александре II и отмене крепостного права в дореволюционной Самаре // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: мат-лы V Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. С. В. Соловьёвой. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2017. С. 88–94. [Frolova K. V. Sohranenie pamyati ob Aleksandre II i otmene krepostnogo prava v dorevolucionnoj Samare // Nacional'noe kul'turnoe nasledie Rossii: regional'nyj aspekt: mat-ly V Versos. nauch.-prakt. konf. / pod red. S. V. Solov'evoj. Samara: Samarskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2017. S. 88–94.].

Антипин Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет; antipin87@mail.ru

Memorialization of Alexander II in Samara Provincial Experience in Creating an Imperial Commorative Narrative

The article examines the process of memorialization of Emperor Alexander II in Samara in the 1880s. On the basis of the documents of the Central State Archive of the Samara Region, the initiators and their motives are identified, the stages of creating a “place of memory” are highlighted and the content of the commemorative narrative is reconstructed. The opening of the monument took place in 1889 and was included in the all-Russian process of memorialization of Alexander II. The commemorative narrative included plots of the socio-economic development of Russia and a separate region, the strengthening of the state and the army, the expansion of the borders of the empire, as well as the ideas of Pan-Slavism. The construction of the monument was an attempt by the local community to reach the general imperial level and create a memorial of all-Russian significance.

Keywords: *Alexander II, monument, Samara, commemoration, commemorative narrative, “places of memory”, history of memory.*

Antipin Nikolai Aleksandrovich, PhD in History, Associate Professor, Department of Russian and Foreign History, South Ural State University; antipin87@mail.ru

ОБРАЗ РОССИИ, КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ (1920–1930-е гг.)

Автор рассматривает роль образа России в построении национальной идентичности у молодёжи эмиграции «первой волны» (1920–1930-е гг.). Данный образ рассматривается, как с позиции детей, так и со стороны педагогов, пытавшихся направлять процесс конструирования идентичности у своих подопечных. На основе анализа педагогических и публицистических изданий эмиграции «первой волны» и сочинений самих детей выявлены ключевые аспекты восприятия России детьми русского зарубежья (золотой век – позор и разорение – возвращение и возрождение). Сделан вывод, что эффективность образа России в конструировании национального самосознания определялась тем, что он апеллировал одновременно и к прошлому, и к будущему нации.

Ключевые слова: национальная идентичность, национальное воспитание, русская эмиграция, белое движение, школа, скаутинг, В.В. Зеньковский

Одной из функций воспитания является конструирование групповой идентичности воспитуемых (сословной, классовой, этнической, религиозной). С рубежа XVIII–XIX вв., с распространением «национального государства», возникает новый тип идентичности, которую требовалось возвращать у молодёжи – нация. В Российской империи к началу XX в. сложилось несколько представлений о русской нации, преобладающей же была имперская трактовка этого понятия (Э. Смит такой тип называет «официальным национализмом»¹). Эта трактовка русскости основывалась на общности культуры и подданства, но не предполагала гражданских прав для членов нации, что является критически важным для гражданских наций. Также в рамках «официального национализма» этническое происхождение не является значительным фактором, иначе сложно было бы объяснить то, что правящая династия и непропорционально большую часть элиты составляют немцы. Отечественная педагогика воспроизводила этот тип идентичности вплоть до революции². Отправившись в эмиграцию, русские педагоги пытались работать по старому, но вскоре стало понятно, что изменившиеся обстоятельства требуют изменения системы воспитания. Эта задача становится понятнее, если на неё взглянуть через призму теории Майкла Биллига о «банальном национализме»³. Этим термином Биллиг описывает те символы и элементы повседневности, которые не требуют специального осмысления, но подчеркивают принадлежность к нации и государству. Противоположностью «банального национализма» является «горячий национализм». В эмиграции практически все элементы банального национализма переходили в разряд горячего, т.е. требующего осмысления и во-

¹ Смит 2004: 20.

² Bulatov, Kovaleva 2020: 854–862.

³ Billig 1995.

левого усилия. Не избежало этой участи и представление о Родине, которая представлялась чем-то само собой разумеющимся и стабильным в России, и перешедшая в разряд мифа в отрыве от неё.

При этом образ России стал важной частью национального фундамента, наравне с религией, языком, культурой и таким новым маркером идентичности белой эмиграции, как антикоммунизм. Важным представляется, что в тот момент именно с потерянной Родиной увязывалось национальное прошлое и будущее. Один из основоположников изучения наций, Эрнест Ренан писал, что для формирования нации требуется чувство солидарности, складывающееся на основе жертв, принесенных в прошлом, и готовности принести их в будущем⁴. Суть нации во многом определяется тем, какие жертвы прошлого лягут в её основу, и во имя чего будут принесены жертвы в будущем. Это видно при сравнении эмиграции первой волны с выстраиваемой в то же время советской идентичностью. Красные и белые прославляли разных героев прошлого, а когда даже одних и тех же, то делали акцент на разные аспекты биографии, по сути, превращая реального человека в двуликого Януса. Ещё радикальнее был разрыв в отношении будущего. Для большевиков советский народ был авангардом мировой революции. Для белой эмиграции будущее русского народа было в освобождении России от коммунистов и работе на её благо⁵. В силу этого эмигранты ощущали своё состояние, как временное и растили детей, как будущих граждан России. При этом детям транслировалось три разных образа:

- 1) Сказочная, идеальная страна (прошлое);
- 2) Образ попранной, униженной России (настоящее);
- 3) Потребность вернуться, спасти и работать над возрождением утерянной Родины (будущее).

Что касается источников формирования образа России, то мы можем разделить их на 5 групп: 1) собственные воспоминания – они присутствовали только у старших детей и как правило делились на две части: беззаботное детство / трагедия гражданской войны; 2) беседы со взрослыми – самый трудноуловимый источник, так как такие рассказы редко фиксировались, и, как правило, мы о них узнаём из детских воспоминаний, где они ссылаются на слова старших; 3) программы школ и кадетских корпусов; 4) мероприятия детско-юношеских движений (скауты, разведчики, мушкетеры, соколы и т.п.) и других общественных организаций (религиозных, политических, профессиональных, взаимопомощи) – это могли быть проповеди, лекции, концерты или детские лагеря, где практиковались нравоучительные беседы у костра; 5) периодика и публицистика – в эмиграции издавалось огромное количество национально ориентированной литературы для детей, от рукописных газет, выпускаемых в эмигрантских школах или скаутских отрядах, до

⁴ Renan 1992.

⁵ Кудряшова 2004: 149.

прекрасно оформленных журналов с которыми сотрудничали лучшие писатели и художники русского рассеяния.

Россия как сказочная идеальная страна

Для детей русского зарубежья было характерно идеализированное восприятие Родины. При этом в сознании создавался разрыв, между старой, сказочной страной и советской действительностью⁶. Сказочность дореволюционной России проявляется в детских сочинениях на тему «Мои воспоминания», которые были написаны в 1923 и 1924 гг. в русских эмигрантских учебных заведениях Европы и впоследствии обобщены в сборнике «Дети эмиграции»⁷. Вот как вспоминает потерянную Родину одна из девочек в своём сочинении: «помню, как сладко мне было жить у моих родителей, я тогда не знала, что такое труд и горе, что такое быть голодным»⁸. Идеалистическое отношение к старой России отмечает и воронежская исследовательница Ю.Ю. Тереня на основе анализа детских рукописных журналов. Про журналы, издаваемые старшеклассниками, она пишет: «Все написанное о России выдержано в лирических, часто приподнятых тонах, наполнено описанием родной природы, картинками русского быта»⁹. Ещё более восторженно смотрели на далекую Россию дети, никогда её не видевшие. Это отмечал, например, Н.В. Федоров, работавший с детьми в рамках Русского студенческого христианского движения (РСХД), а в 1934 г. возглаговавший детскую организацию «Витязи». Про ребят, покинувших Россию в самом раннем возрасте, он писал: «Их любовь к ней, любовь к чему-то сказочному; они не могут ощущать своей родины»¹⁰. Ещё одна иллюстрация такого отношения – статья «Два Рождества», опубликованная в 1938 г. в скаутском журнале «Мы», издававшемся в Сараево: «...Старшие будут интересно рассказывать – и о России будут говорить, а от этих рассказов о Ней будет теплее на сердце. Но будет ещё обиднее, что мы от России так далеко. Как бы хотелось жить в этой, для нас сказочной стране»¹¹. Мечты о России занимали умы многих детей, которые росли в национально активном окружении. В фашистской газете «Наш путь» существовала рубрика «Переписка юных друзей». Дети под псевдонимами присылали в редакцию короткие послания для публикации. Постепенно между ними завязывалась активная переписка, начинались споры, кто-то знакомился в реальной жизни. И вот в этом предвестнике интернета мы находим следующие слова мальчика под псевдонимом Маг: «Люблю, как и ты, помечтать о Родине: о той далекой, в смысле расстояния, но близкой сердцу и душе, природе, о которой я знаю только из рассказов и книг»¹².

⁶ Славинский 2012: 1179.

⁷ Первоначально сборник был издан в 1925 г. в Праге, позднее он несколько раз переиздавался. В статье приводятся цитаты по изданию 2019 г.

⁸ Дети эмиграции 2019: 148.

⁹ Тереня 2012: 110.

¹⁰ Федоров 1926: 20.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 101. Оп. 2. Д. 25. Л. 5.

¹² Переписка 1934.

Романтизированный взгляд на старую Россию был характерен и для взрослой эмиграции. Е.С. Бабкина это объясняет тем, «что психоаналитики называют реверсией и относят к средству психологической защиты: воссоздавая образ горячо любимой и вынужденно покинутой ими России, эмигранты подсознательно вкладывали в него то, в чем так остро нуждались сами»¹³. Ещё одной причиной подобного отношения к Родине, может служить необходимость в поддержании собственного достоинства через принадлежность к чему-то большему. Ф. Фукуяма называет часть души, ищущую признания «тимосом» (свою трактовку этого понятия он раскрывает в книгах «Конец истории» и «Идентичность») и основывает на нём свою теорию идентичности, выделяя два пути получения признания: через утверждение индивидуальных прав личности и через утверждение групповой идентичности¹⁴. Национализм, согласно Фукуяме, является одной из наиболее распространенных форм обретения собственного достоинства через принадлежность к группе. Таким образом создавая и поддерживая идеализированный образ старой России, эмигранты частично удовлетворяли свою жажду признания, и соответственно передавали эти взгляды своим детям. Исключением не были и педагоги, которые сами были под очарованием прошлой жизни, но также и умышленно рисовали красочные образы прошлого для подопечных. Так видный педагог русского зарубежья В.В. Зеньковский видел свою задачу в том, чтобы младших школьников «заражать чувством родины, а при работе со старшими главным образом наблюдать, чтобы это чувство не приняло нежелательного направления»¹⁵. Как характерную иллюстрацию таких попыток «заразить чувством родины» можно упомянуть послание епископа Китайского и Пекинского Виктора к скаутам: «То было великое, незабвенное время. В ослепительном блеске, и силе, и славе предстояла Великая Православная Россия далеко впереди всех других мировых держав»¹⁶.

Образ сказочной России воплощался на страницах многих журналов, в которых активно сотрудничали выдающиеся писатели и художники русской эмиграции. Например, в журнале для детей «Зеленая палочка» (издавался в Париже в 1920-1921 гг.) была специальная рубрика «Крепко помни о России», в которой воспроизводились образы далекой Родины. В том же журнале выходила повесть А.Н. Толстого «Детство Никиты», в которой описывалась жизнь ребёнка в пасторальных декорациях помещицкой усадьбы. Характерно, что в 1922 г. автор выпустил это произведение под названием «Повесть о многих превосходных вещах: (Детство Никиты)»¹⁷. Уместно тут вспомнить и такие популярные в эмиграции книги, как «Лето Господне» И.А. Шмелёва, в котором с по-

¹³ Бабкина 2015: 51.

¹⁴ Фукуяма 2019: 84-85.

¹⁵ Дети эмиграции 2019: 150.

¹⁶ Епископ Виктор 1934: 3.

¹⁷ Гладышева 2019: 91.

зиции ребёнка рассказывается про православные праздники дореволюционной России, и фантастическую утопию П.Н. Краснова «За чертополохом», в которой рисуется идеал развития православной и монархической России. Не отставал от «Зеленой палочки» журнал «Жар-птица». Н.В. Михаленко отмечает, что для концепции журнала было характерно: «создание образа родной страны как земли обетованной, память о которой должна объединить русских на чужбине дать духовный ориентир для жизни в изгнании»¹⁸. Помимо литературы, рисующей образ России, той же цели служили и прекрасные иллюстрации этого журнала. Изданием открыток «Великая Россия» с русскими пейзажами в начале 1920-х занималось издательство «Детинец»¹⁹. При создании идеализированного образа России не обошлось и без «важнейшего из искусств». Дети посещали исторические фильмы, например «Россия в прошлом величии», показ которого состоялся в 1932 г. в Париже²⁰.

Россия в разрухе

На контрасте со сказочной страной рисовался образ разрушенной современной России. «На родной земле позор и горе. Но мы не отличимы от России: её позор – наш позор, её муки – наши муки»²¹. Такими словами передал свои ощущения автор с инициалами В.Б. в статье, вышедшей в 1938 г. в скаутском журнале «Мы». Он был не одинок в таком взгляде на Россию. Священник Георгий Шумкин, комментируя обещание, даваемое детьми при вступлении в организацию «Витязи», отметил, что как нельзя отвернуться от своей матери из-за того, что она в недуге и бедности, так нельзя отказаться и от Родины, «безмерные страдания которой превзошли все до того бывшие»²². При этом молодёжь зачастую персонифицировала источник страданий, как покинутой Родины, так и собственных: «За этот срок меня 4 раза пороли шомполами за то, что я не хотел называть Лейбу Троцкого благодетелем земли русской и не хотел отказаться от своего отца...»²³; «Я горел желанием отомстить большевикам за поруганную родину»²⁴; «Большевики все больше и больше забирали русскую землю»; «Я понял, что при большевиках, как они себя называли, нам, русским, хорошо не будет»²⁵.

Особенно показательно противопоставление русских, русской земли большевикам, которые выглядят в сочинениях скорее, как иноземные завоеватели, степняки из былин, пришедшие на русскую землю извне. Русское самосознание у детей и подростков вполне развито, и Россия воспринимается, как историческая земля, что важно для формирования национальной идентичности. Э. Смит пишет, что нации укоренены на

¹⁸ Михаленко 2019: 104.

¹⁹ Базанов 2014: 77.

²⁰ Камнева 2009: 42.

²¹ РГАСПИ. Ф. 101. Оп. 2. Д. 25. Л. 3.

²² Шумкин 1929: 59.

²³ Дети эмиграции 2019: 88.

²⁴ Там же: 85.

²⁵ Там же: 46.

определенной местности, а именно на «исторической Родине». Это «почва, на которой “наши праотцы и праматери” жили и работали, сражались и умирали, и где “наши герои, святые и мудрецы” расцветали»²⁶. Подтверждение такой привязанности к земле можно найти и в детских сочинениях: «Многие старые люди, уезжая, прежде чем погрузиться на пароход, целовали землю и брали кусочек ее. Я очень жалею, что не исполнила совета моей старой няни сделать то же самое»; «Когда полк проходил мимо церкви, к брату подъезжали казаки, прося его: «Ваше благородие, отпустите у храма землицы взять»»²⁷.

Идеализация потерянного дома и чувство горечи от современных событий, усиливали в детях также чувство любви к Родине: «Оторванный от родной земли, я здесь полюбил ее так горячо, как не любил никогда. Я полюбил ее, эту обездоленную страдальицу – Россию»²⁸. И эта любовь постепенно перерастала практически в религиозную веру в Россию, что помогало маленьким эмигрантам приспособливаться к жизни за границей и не давало сломаться под валом бед: «Только твердая вера в Россию и русский народ удерживала меня от отчаяния»; «У меня ничего нет собственного, кроме сознания, что я русский человек»; «Любовь и вера в Россию – это все наше богатство. Если и это потеряем, то жизнь для нас будет бесцельной»²⁹.

Любовь к Родине находила отражение и в детской периодике. Показательна статья «Родина-мать», размещенная в первом же выпуске рукописной газеты русских скаутов в Маньчжурии «Белый медведь». Статья начинается так: «Свою Родину скаут должен любить так же, как и свою родную мать»³⁰. Схожие мысли мы находим на другом конце света – в Нью-Йорке, где также в рукописной форме выходит брошюра полковника О.И. Пантюхова «Первые шаги скаута (о волчатах)», предназначенная волчатам, младшей ветви скаутского движения, включавшей в себя ребят 6-11 лет. Завершается книга следующим напутствием: «Любите всей душой нашу страдальицу матушку Россию и верьте, что Господь Бог спасёт её, если каждый из нас исполнит свой долг...»³¹. Этим долгом было вернуться на Родину и трудиться на её благо.

Возвращение в Россию

Многие исследователи отмечают, что одной из первейших задач русской педагогики в рассеянии было поддержание стремления вернуться в Россию и трудиться на её благо³². В апреле 1923 года прошёл Съезд Деятелей Средней и Низшей Русской Школы за границей в резолюции которого дважды упоминалось, что педагогическая деятельность

²⁶ Smith 2001: 443-444.

²⁷ Дети эмиграции 2019: 136.

²⁸ Там же: 137.

²⁹ Там же: 138.

³⁰ Родина-мать 1923: 1.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-5976. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

³² Caroli 2015: 532; Klimovich, Kovaleva 2019: 58; Бабкина 2015: 234.

ведётся с прицелом на возвращение в Россию³³. Это было и задачей скаутского движения: «Целью Русского Скаутского Движения является... воспитание гармонично развитого человека достойного своей Родины – России и самоотверженного борца за её будущее»³⁴. За 10 лет до этого Старший Русский Скаут О.И. Пантюхов в брошюре «Цели организации союза “Русский скаут”» пишет: «И мы верим, что все ладьи соберутся в своё время в родные гавани матери России и все молодые силы будут направлены на воссоздание разрушенной, опозоренной Родины»³⁵. И многие дети, охваченные национальным воспитанием, искренне принимали это устремление. В 1937 г. в Харбине был выпущен однодневный рождественский журнал 3-го Никольск-Уссурийского отряда русских скаутов³⁶. Внизу каждой страницы помещался девиз. Из них девять были посвящены России, а семь были про активность и дружбу. Из всех девизов четыре являлись официальными кличками харбинских отрядов, три из которых были про Россию: «Наша цель – спасти Россию», «Каждый день для России» «Родина-Россия прежде всего». Близкая к РОВС Национальная организация русских разведчиков (НОРР), первоначально принявшая девиз «Помни Россию», в 1933 г. сменила его на: «За Россию». Как никак многие разведчики России уже не могли помнить. Другая русская скаутская организация, возглавляемая В.А. Богуславским, девизом выбрала «Не посрамим Земли Русской!», а в гимне пели про победоносное возвращение на Родину³⁷. Гимнастическое движение «Сокол» в своей работе также мотивировалось образом России, что нашло отражение в девизе: «В мышцах сила, в сердце – отвага, в мыслях – Родина»³⁸. Это было отражено и в гимне организации, в котором в форме обращения к Богу звучали такие слова: «Пусть над Русскою Державой / Реет снова Русский флаг!». Не будет преувеличением сказать, что подавляющее большинство движений, работавших с русскими детьми за границей, закрепляли в своих девизах, гимнах и присягах идею о необходимости вернуться в Россию.

Дети веру в скорое возвращение на Родину перенимали у старшего поколения и в меру своих сил готовились к нему. Князь Долгорукий, суммируя прочитанные детские сочинения, делал следующий вывод об их авторах: «они почти все стремятся вернуться в Россию, быть ей полезными и работать над ее воссозданием»³⁹. Сами дети это формулировали следующим образом: «Я только и думаю о возвращении на родину и надеюсь, что это в скором времени случится. Эта мысль только и поддерживает меня и заставляет работать, чтобы в будущем как можно боль-

³³ Бюллетень Педагогического Бюро 1923: 14, 16.

³⁴ Национальная Организация 1934: 19.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-5976. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

³⁶ За Россию будь готов 1937.

³⁷ Максимов 1933: 36.

³⁸ Гарецкий 1932: 21.

³⁹ Дети эмиграции 2019: 145.

ше пользы принести людям»⁴⁰. В детской переписке в харбинской газете «Наш путь», уже упомянутый мальчик под псевдонимом Маг пишет: «А это будущее для нас – РОССИЯ. Мы должны, мы обязаны готовиться, чтобы стать за честь Нашей Великой, закабаленной РОДИНЫ!»⁴¹.

Детское желание послужить России направлялось взрослыми по-разному. В самом простом варианте это была установка на получение образования необходимого для работы на благо Родины. В обычной ситуации ребёнок получает образование, чтобы впоследствии стать специалистом, получить работу и устроиться в жизни. В русском зарубежье к этому всегда добавлялась сверхзадача: вернуться в возрождённую Россию и работать на её благо. И дети чутко откликались на эту сверхзадачу: «У меня сознание, что я должна хорошо окончить образование, чтобы помочь папе и нашей дорогой Родине всем тем, чем я смогу»; «для будущей России нужны образованные люди, которые помогли бы ей стать на прежней высоте»⁴²; «смысл и счастье нашей жизни – в работе над собой и в борьбе за Россию»⁴³. Даже в сочинениях о будущей профессии дети не могли избежать упоминания России. Так восьмилетний Шурик Карлштрем пишет: «Я буду стараться, когда вырасту, выучиться и сдать экзамен на летчика. А если поеду в Россию, то буду военным летчиком»⁴⁴. Поддерживали желание учиться на благо России и педагоги. Так на уже упоминавшемся Съезде Деятелей Средней и Низшей Русской школы заграницей А.Ф. Новицкий следующим образом сформулировал тему своего доклада по, казалось бы, нейтральному вопросу технического обучения: «О необходимости распространения технических знаний в беженской среде для надобностей восстановления России в будущем и улучшения быта беженцев в настоящем»⁴⁵.

Более беспокойные натуры, став взрослее, для удовлетворения потребности в служении Родине присоединялись к Национальному союзу нового поколения (НСНП, позднее сменят название на НТС – Народно-трудовой союз), Младороссам и фашистам или примыкали к военизированным организациям, таким как Петровский Союз, или популярные на Дальнем Востоке «мушкетеры», а в рамках этих объединений уже могли отправиться на курсы диверсантов. Менее политизированные юноши могли поступить на военно-училищные курсы и стать «белыми офицерами». Мотивацией для трёх лет дополнительного обучения, параллельного с учебой в иностранной школе и работой, была мечта пройти парадом «на Красной площади в Кремле»⁴⁶.

Под политическую и военную подготовку подводилась теоретическая база. Видный эмигрантский философ И.А. Ильин, в своих работах

⁴⁰ Там же: 138.

⁴¹ Переписка 1934.

⁴² Дети эмиграции 2019: 146.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 101. Оп. 2. Д. 25. Л. 3.

⁴⁴ Цит. по: Бабкина 2015: 89.

⁴⁵ Бюллетень Педагогического Бюро 1923: 11.

⁴⁶ С.Р. 1933.

много внимания уделял национальному воспитанию, связывая его с борьбой с денационализацией и необходимостью вернуться в Россию. В статье «Основная задача грядущей России»⁴⁷ он пишет, что освобожденная от коммунистов Россия будет больше всего нуждаться в новой элите, и дальше перечисляет качества этой элиты. Хотя прямо этого не говорится, но понятно, что воспитание таких качеств у юношей и девушек русского зарубежья и является, на его взгляд, целью русской педагогики. Сходным образом на будущее смотрели и организации старшей молодёжи: религиозные, политические и военизированные. Например, «мушкетёры», члены молодёжной полувоенной организации в Маньчжурии, видели себя в «Грядущей России» аналогом комсомола, который будет стоять на «защите исконных идеалов России»⁴⁸. Союз Младороссов намеревался возглавить грядущую национальную революцию и в дальнейшем работать «в завтрашней молодой России»⁴⁹. Готовились к работе с молодёжью в России и в Русском студенческом христианском движении (РСХД), готовя в эмиграции кадры и приобретая опыт для работы на Родине⁵⁰, с тем, чтобы в будущем заменить «Красных пионеров» и «Комсомол»⁵¹. Старшие скауты (и одновременно члены НСНП) из Югославии с началом Великой Отечественной войны отправились в Советский Союз, избегая контактов, как с нацистами, так и с коммунистами, для работы на благо национальной России. Их поступок был результатом национального воспитания у скаутов и НТС.

В статье «Скауты-разведчики» (вышла в 1934 г. в газете «За Россию», официальном органе партии НСНП) хорошо запечатлена данная установка: «“Белая борьба это воспитание десятков тысяч юношей-сынов будущей России в сознании долга перед Родиной”. Эти слова ген. Врангеля лучше всего определяют пути воспитания русской молодёжи. Наш долг – создать кадры людей, преданных России, готовых к жертвенному служению Родине...»⁵². Ещё один любопытный пример использования образа Родины в пропагандистских целях находим в харбинской фашистской газете «Наш путь», где утверждалось, что русские девушки превосходят иностранок, так как «мысль о Национальной России отталкивает их от иностранщины с её фокстротом (выражением узости духовных интересов)»⁵³. И само собой в дальнейшем такие девушки увлекли юношей на спасение «своей родной страны». Читая газету «Наш путь» середины 1930-х гг., может сложиться впечатление, что у русских фашистов тогда было три главных врага: большевики, масоны и фокстрот.

Победа Советского Союза в войне заставила многих русских эмигрантов разочароваться в идее о возвращении в «освобождённую» от

⁴⁷ Ильин 2008: 373-387.

⁴⁸ Майдуб 1936: 3.

⁴⁹ Тезисы 1930: 3.

⁵⁰ Н.Ф. 1928: 28.

⁵¹ Бахрушин 1929: 29.

⁵² Васильев 1934: 4.

⁵³ Н.К. 1934: 2.

коммунистов Россию. Однако оставались и те, кто сохранил эту веру. Среди них были и выросшие в эмиграции русские скауты. В 1948 г. под Мюнхеном прошёл первый съезд совета Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР), на котором была принята декларация. Заключительные пункты этой декларации особо показательны: «В основе идеологии разведчества лежит: г). Воля к возрождению свободной, национальной России... предоставляя своим взрослым членам право и свободу изыскания, путей личного участия в борьбе за Россию»⁵⁴.

Эмиграция, как «Россия вне России»

Ещё одним модусом восприятия Родины был взгляд эмиграции на себя как на «Россию вне России». Временами предпринимались попытки обустроить пространство в соответствии с этой идеей. Так, центр дальневосточной эмиграции – Харбин 1920-х – описывался, как русский город, который «вырвали из какого-то далекого дореволюционного российского захолустья»⁵⁵. Но Харбин был уникальным явлением, в других местах клочками России становились церкви, школы, кадетские корпуса, дома русской культуры, а в тех случаях, когда детей не удавалось охватить организациями (или в дополнение к ним), устраивались летние лагеря и колонии. По данным П.Е. Ковалевского, во Франции в школы с «русскими предметами» ходило несколько сот детей, а в лагеря ездили тысячи⁵⁶. Традиционный летний лагерь организации «Витязи» назывался «Русь», и его организаторы хотели «чтобы лагерь был для мальчиков по бытовому и внутреннему укладу как бы клочком России»⁵⁷. Более поэтично описывался лагерь Национальной организации русских разведчиков (НОРР), выступавший, как напоминание «о прошлом, о славе славы, о вечно живой – величайшей из всех стран земных, России»⁵⁸. Лагерь витязей, как правило были тематическими и посвящались или выдающимся людям (А.В. Суворов А.П. Чехов), или России (например XIX в.), или отдельным регионам (Крым, Сибирь, Украина, Санкт-Петербург)⁵⁹. Неудивительно, что типичным описанием таких лагерей в прессе было выражение «Уголок России»⁶⁰. Помимо витязей лагеря проводили скауты, разведчики (НОРР), сокола, РСХД и другие организации. Иногда они работали совместно, так в 1952 г. скауты, витязи и сокола в Париже устроили посвященную 250-летию Санкт-Петербурга выставку, для которой в течение года делали макеты известных зданий, готовили альбомы и рисунки⁶¹. Это позволяло детям не просто посмотреть на изображение далекой России, но проникнуться духом, на протяжении долгого времени работая над проектами.

⁵⁴ Декларация Первого съезда совета ОРЮР 1948: 2.

⁵⁵ Полевой 1930: 5.

⁵⁶ Ковалевский 2019: 67.

⁵⁷ Лагерь мальчиков 1930: 30.

⁵⁸ Лагерь 1934: 17.

⁵⁹ Ковалевский 2019: 69.

⁶⁰ Максимов 1933: 36

⁶¹ Ковалевский 2019: 69-70.

Русские организации как суррогат Родины

Завершая разговор про связь образа России с воспитанием молодёжи в эмиграции нужно вкратце сказать о том авторитете, который приобретали эмигрантские организации в глазах детей. В статье о педагогике В.В. Зеньковского, С.К. Кудряшова и Е.В. Кирдяшова верно отмечают, что в эмиграции изменился статус школы. Она стала не просто образовательным учреждением, но кусочком России. Сами дети писали об этом такими словами: «Тем более мы оценили свою школу: это... для нас как бы островок родины и, если Россия уходит в даль, – наша школа не дает совсем оторваться от прошлого»⁶². Далее авторы статьи развивают свою мысль: «В силу этого воспитательные возможности школы стали в эмиграции значительно больше и шире, чем они были раньше»⁶³. Однако следует пойти дальше и распространить это новое отношение на все русские организации. Они становились кусочком России на чужбине, что поднимало их статус в сравнении с дореволюционным периодом. Эту привязанность к суррогатам России отмечает и В.В. Зеньковский: «Эти-то “мистические” связи с родиной и остаются без всякого питания в эмиграции, и душа ищет как бы суррогата этого питания, болезненно привязывается ко всему, что хоть отчасти удовлетворяет потребность души в родине»⁶⁴. Этим пользовался даже РОВС, привлекая в полковые объединения молодёжь, «желающую получить почетное звание солдата Великой России»⁶⁵. Таким образом, авторитет русских школ, скаутского отряда или политической партии (для старших возрастов) был несравнимо выше и оказывал больше влияния, чем те же организации в обычное время. И достигалось это через приобщение к образу России.

Образ России выстраивался при участии личных воспоминаний детей, работы педагогов и общей атмосферы русского зарубежья. Со временем появлялось всё больше детей, не имевших личных впечатлений о России. Но педагоги, старшие родственники и публицистика заполняли эту лауну. Р.В. Полчанинов, вспоминая о детстве в Сараево, говорит про свой скаутский патруль: «хотя... все, кроме меня, родились уже в Югославии, никто из нас не сомневался, что наша Родина – это Россия»⁶⁶. Спустя 30 лет в 1960 г. русский скаутский руководитель в Австралии задаётся вопросом, что же считать Родиной русским скаутом, никогда не видевшим России. Ответ он даёт однозначный: «Только Россия является нашей Родиной, ваша преданность должна быть только Ей, а лояльность тому государству, где вы живёте»⁶⁷.

Образ России существовал в трёх временах. В прошлом это была прекрасная, сказочная страна. В настоящем – разоренное и униженное государство, где русские люди страдали от притеснений большевиков.

⁶² Дети эмиграции 2019: 27.

⁶³ Кудряшова, Кирдяшова 2011: 22.

⁶⁴ Дети эмиграции 2019: 123.

⁶⁵ Тарусский 1930: 3.

⁶⁶ Полчанинов 2015: 163.

⁶⁷ Руководитель 1960: 7.

В будущем – цель приложения сил молодых эмигрантов. Требовалось вернуться, освободить и принять участие в возрождении: хозяйственном и духовном. По сути, складывалась простая и универсальная мобилизационная схема: золотой век – позор и разорение – возвращение и возрождение. Для достижения последней цели педагоги русского зарубежья давали качественное образование, философы, такие как И.А. Ильин, формулировали идейную концепцию возрождения России, а внешкольные организации, готовили будущих вожаков, которые возглавят работу на благо новой России. Таким образом идентичность русских детей имела подпорки в прошлом и будущем. Они знали откуда они пришли (и гордились принадлежностью к великому прошлому) и знали куда идут. Принадлежность к русскому сообществу выводило их за рамки общества потребления, давало цель и смысл существования.

ИСТОЧНИКИ

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5976. Оп. 1. Д. 20, 21.
 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 101. Оп. 2. Д. 25.
- Бахрушин Г. Религиозно-национальная программа для работы с русскими мальчиками // Вестник РСХД. 1929. № 4. С. 28-31. [Bahrushin G. Religiozno-nacional'naya programma dlya raboty s russkimi mal'chikami // Vestnik RSKHD. 1929. № 4. S. 28-31.]
- Бюллетень Педагогического Бюро по делам средней и нижней русской школы за границей. №1. Прага, 1923. 48 с. [Byulleten' Pedagogicheskogo Byuro po delam srednej i nizshej russkoj shkoly zagranicej. №1. Praga, 1923. 48 s.]
- Васильев А.М. Скауты-разведчики // За Россию. 1934. № 25. С. 4. [Vasil'ev A.M. Skauty-razvedchiki // Za Rossiyu. 1934. № 25. S. 4.]
- Гарецкий. «Родина» — вот их девиз // Часовой. 1932. № 78. С. 20-21. [Gareckij. «Rodina» - vot ih deviz // CHasovoj. 1932. № 78. S. 20-21.]
- Декларация Первого съезда совета ОРИОР // Опыт. 1948. №8. С. 2. [Deklaraciya Pervogo s"ezda sojeta ORYUR // Opyt. 1948. №8. S. 2.]
- Дети эмиграции: сборник статей / Под ред. В.В. Зеньковского. М., Берлин: Директ Медиа, 2019. 205 с. [Deti emigracii: sbornik statej / Pod red. V.V. Zen'kovskogo. M., Berlin: Direkt Media, 2019. 205 s.]
- Епископ Виктор. К русским скаутам // Под стягом св. Георгия Победоносца. Юбилейный сборник / отв. ред. Г.В. Радецкий-Микулич. Шанхай, 1934. С. 3. [Episkop Viktor. K russkim skautam // Pod styagom sv. Georgiya Pobedonosca. YUbilejnyj sbornik / отв. red. G.V. Radeckij-Mikulich. SHanhaj, 1934. S. 3.]
- За Россию будь готов. Харбин, 1937. 23 с. [Za Rossiyu bud' gotov. Harbin, 1937. 23 s.]
- Ильин И.А. Возвращение. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2008. 480 с. [Il'in I.A. Vozvrashchenie. Minsk: Belorusskaya Pravoslavnaya Cerkov', 2008. 480 s.]
- Лагерь, лагерь, лагерь // Часовой. 1934. № 128. С. 17-18. [Lager', lager', lager' // CHasovoj. 1934. № 128. S. 17-18.]
- Лагерь мальчиков «Русь» // Вестник ХСМЛ. 1930. № 5. С. 30. [Lager' mal'chikov «Rus'» // Vestnik HSML 1930. №5. S. 30.]
- Майдуб. Под знамя слушай на кра-ул! // Мушкетер. 1936. №1. С. 3-5. [Majdub. Pod znamy slushaj na kra-ul! // Mushketer. 1936. №1. S. 3-5.]
- Максимов Н. Уголок России // Часовой. 1933. № 110-111. С. 35-36. [Maksimov N. Ugolok Rossii // CHasovoj. 1933. № 110-111. S. 35-36.]
- Национальная Организация Русских Скаутов-Разведчиков // Под стягом св. Георгия Победоносца. Юбилейный сборник. / отв. ред. Г.В. Радецкий-Микулич. Шанхай, 1934. С. 19. [Nacional'naya Organizaciya Russkih Skautov-Razvedchikov // Pod styagom sv. Georgiya Pobedonosca. YUbilejnyj sbornik / отв. red. G.V. Radeckij-Mikulich. SHanhaj, 1934. S. 19.]
- Н.К. Будущее России - в руках молодёжи // Наш путь. 1934. №7 (93). С. 2. [N.K. Budushchee Rossii - v rukah molodyozhi // Nash put'. 1934. №7 (93). S. 2.]

- Н.Ф. Страница юношеского отдела // Вестник РСХД. 1928. № 7. С. 28-29. [N.F. Stranica yunosheskogo otdela // Vestnik RSKhD. 1928. № 7. S. 28-29.].
- Переписка юных друзей // Наш путь. 1934. №41 (127). С. 7. [Perepiska yunyh druzej // Nash put'. 1934. №41 (127). S. 7.].
- Полевой Е. По ту сторону китайской границы. Белый Харбин. М.-Л., 1930. [Polevoj E. Po tu stranu kitajskoj granicy. Belyj Harbin. M.-L., 1930.].
- Полчанinov P.B. Мы, сараевские скауты-разведчики. Югославия. 1921-1941. М.: Посев, 2015. [Polchaninov R.V. My, saraevskie skauty-razvedchiki. YUgoslaviya. 1921-1941. M.: Posev, 2015.].
- Родина-мать // Белый медведь. 1923. №1. С. 1 [Rodina-mat' // Belyj medved'. 1923. №1. S. 1].
- Руководитель. Служить России // В разведку. 1960. №5. С. 7. [Rukovoditel'. Sluzhit' Rossii // V razvedku. 1960. №5. S. 7.].
- С.Р. Производство 1933 г. // Часовой. 1933. № 98. С. 24. [S.R. Proizvodstvo 1933 g. // SHasovoj. 1933. № 98. S. 24.].
- Тарусский Е. Молодёжь, - под знамена! // Часовой. 1930. № 26. С. 3. [Tarusskij E. Molodyozh', - pod znamena! // SHasovoj. 1930. № 26. S. 3.].
- Тезисы открытого собрания Союза Младороссов по вопросу об общем фронте // Младоросс. 1930. №5. С.3. [Tezisy otkrytogo sobraniya Soyuza Mladorossov po voprosu ob obshchem fronte // Mladoross. 1930. №5. S.3.].
- Федоров Н.Ф. О детской колонии // Вестник РСХД. 1926. № 11. С. 19-21. [Fedorov N.F. O detskoj kolonii // Vestnik RSKhD. 1926. № 11. S. 19-21.].
- Шумкин Г. Комментарий к тексту обещания // Вестник РСХД. 1929. № 1-2. С. 59-60. [SHumkin G. Kommentarij k tekstu obeshchaniya // Vestnik RSKhD. 1929. № 1-2. S. 59-60.].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бабкина Е.С. Эпоха русского рассеяния на страницах детского журнала. М.: Фланта, 2015. 92 с. [Babkina E.S. Epoha russkogo rasseyaniya na stranichah detskogo zhurnala. M.: Flinta, 2015. 92 s.].
- Базанов П.Н. Издательства герцога Г. Н. Лейхтенбергского «Град Китеж» и «Детинец» // Вестник СПбГУКИ. 2014. №3. С. 72-78. [Bazanov P.N. Izdatel'stva gercoga G. N. Lejhtenbergского «Grad Kitezh» i «Detinec» // Vestnik SPbGUKI. 2014. №3. S. 72-78.].
- Гладышева С.Н. Журнал для детей «Зеленая палочка» (1920-1921) в социокультурном пространстве русского зарубежья // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 3 (33). С. 90-95. [Gladysheva S.N. Zhurnal dlya detej «Zelenaya palochka» (1920-1921) v sociokul'turnom prostranstve russkogo zarubezh'ya // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2019. № 3 (33). S. 90-95.].
- Камнева Г.П. Историко-культурные проекты в системе воспитания детей и юношества российской эмиграции в XX веке // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. №3. С. 40-45. [Kamneva G.P. Istoriko-kul'turnye proekty v sisteme vospitaniya detej i yunoshstva rossijskoj emigracii v XX veke // Vestnik associacii vuzov turizma i servisa. 2009. №3. S. 40-45.].
- Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия 1920-1970. М.: Черная сотня, 2019. 624 с. [Kovalevskij P.E. Zarubezhnaya Rossiya 1920-1970. M.: SChernaya sotnya, 2019. 624 s.].
- Кудряшова С.К. Педагоги российского зарубежья о проблеме формирования национального самосознания молодежи // ЦИТИСЭ. 2015. № 2. С. 30. [Kudryashova S.K. Pedagogi rossijskogo zarubezh'ya o probleme formirovaniya nacional'nogo samosoznaniya molodyozhi // CITISE. 2015. № 2. S. 30.].
- Кудряшова С.К. Российская эмиграция «первой волны»: социокультурные, педагогические и социально-психологические факторы национального воспитания детей и подростков // Научный журнал КубГАУ. 2012. №82. С. 1173-1186. [Kudryashova S.K. Rossijskaya emigraciya «pervoj volny»: sociokul'turnye, pedagogicheskie i social'no-psihologicheskie faktory nacional'nogo vospitaniya detej i podrostkov // Nauchnyj zhurnal KubGAU. 2012. №82. S. 1173-1186.].
- Кудряшова С.К., Кирдяшова Е.В. В.В. Зеньковский о факторах формирования личности в меняющихся условиях дореволюционной России и российского зарубежья // Гуманитарные науки и образование. 2011. № 4 (8). С. 21-23. [Kudryashova S.K., Kirdyashova E.V. V.V. Zen'kovskij o faktorah formirovaniya lichnosti v menyayushchihsvya usloviyah dorevolucionnoj Rossii i rossijskogo zarubezh'ya // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2011. № 4 (8). S. 21-23.].

- Михаленко Н.В. Мифологизация России в журнале «Жар-птица» (религиозно философский аспект) // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2019. № 31. С. 96-105. [Mihalenko N.V. Mifologizaciya Rossii v zhurnale «ZHar-ptica» (religiozno filosofskij aspekt) // Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskij al'manah. 2019. № 31. S. 96-105.]
- Славинский М. Эмиграция и Россия // Искра. № 80. 1985. С. 9. [Slavinskij M. Emigraciya i Rossiya // Iskra. № 80. 1985. S. 9.]
- Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с. [Smith A. Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma. M.: Praksis, 2004. 464 s.]
- Тереня Ю.Ю. Журналы для детей как средство национального воспитания в русском зарубежье 1920-1940-х гг. // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1(32). С. 109-111. [Terenya Yu.Yu. Zhurnaly dlya detej kak sredstvo nacional'nogo vospitaniya v russkom zarubezh'e 1920-1940-h gg. // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2012. № 1(32). S. 109-111.]
- Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с. [Fukuyama F. Identichnost'. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya. M.: Al'pina Pablisher, 2019. 256 s.]
- Billig M. Banal Nationalism. London: SAGE Publications, 1995. pp. 208.
- Bulatov I., Kovaleva D. Construction of the Imperial Identity in the Youth Organizations of the Russian Empire at the beginning of the 20th century // Bylye Gody. 2020. Vol. 56. Is. 2. P. 854-862.
- Caroli D. Russian Schools Abroad: National Identity, Soviet Reforms and Cosmopolitan Education by Sergey I. Hessen (1887–1950) // History of Education & Children's Literature. 2015. № X (1). P. 527–553.
- Klimovich L.V., Kovaleva D.N. A social and cultural profile of the younger generation of the Russian emigration in the 1920-1930s based on the documents of the archive of Yugoslavia // Балканистичен форум. 2019. № 2. С. 46-59.
- Renan E. What is a Nation? // Translated by E. Rundell. Paris, Presses-Pocket, 1992. URL: http://ucparis.fr/files/9313/6549/9943/What_is_a_Nation.pdf
- Smith A. Authenticity, antiquity and archaeology // Nations and Nationalism, 2001. № 7(4). P. 443-444.

Булатов Иван Александрович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра «Истории и культурологии», Саратовский Государственный Технический Университет им. Ю.А. Гагарина; bulatovivan64@gmail.com

The Image of Russia as an Element of National Education in the Russian Emigration of the 20s-30s of the XX century

The article examines the role of the image of Russia in the construction of national identity among the youth of the emigration of the "first wave" (1920s-1930s). This image is considered both from the perspective of children and from the side of teachers who tried to guide the process of constructing identity in their wards. The main sources of the work were pedagogical and journalistic publications of the emigration of the "first wave", as well as the writings of the children themselves. The main results of the study include the identification of key aspects of the perception of Russia among children of the Russian diaspora (the golden age – shame and ruin – return and rebirth). On the basis of this, the thesis is proposed that the image of Russia was effective in constructing national consciousness for the reason that it appealed both to the past and to the future of the nation.

Keywords: national identity, national education, Russian emigration, white movement, school, scouting, V.V. Zen'kovskij.

Ivan Aleksandrovich Bulatov, Candidate of History, Associate Professor, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov; bulatovivan64@gmail.com

PERSIAN HISTORICAL NOVEL AND NATIONAL IDENTITY

The present article discusses how terrains of belonging are constructed and articulated textually through historical novels which bring the past into the present, and link the national identity of people to memories of their ancestors, to their nation's glorious past. The rise of the historical novel in Iran was concomitant with Iran's Constitutional Revolution of 1906, which was hailed by many a critic and historian as a major time of sociopolitical awakening which contributed to protecting the cultural legacies of the past and keeping aglow the propitious light of belonging and nationhood. Historiography has been a fecund ground for Iranian fiction-writers in which to retrieve a sense of national identity. This article aims at showing how Persian historical novels foreground the symbiotic relationship between remembering and belonging, and open up texts to their national significances.

Keywords: *Persian historical novel, the nation, the Constitutional Revolution, historiography*

1. Introduction

The power and appeal of nationhood as a cultural force has begun to be examined by scholars from different disciplines since the 1960s, following the era of decolonization¹. Not long after the end of the World War II decolonization struggles started openly. Colonized states in Asia, Africa, the Caribbean, and the Pacific islands began declaring their independence. Posterior to the decline and fall of empires and the ensuing decolonization, and following the massive rush of immigration from formerly colonized peripheries to imperial centers, there emerged a growing anxiety of belonging which encouraged, or rather compelled, people of different countries to rethink their national identity.

Nationhood is plainly the most forceful collective identity in our time; it unites people and secures "a social bond between individuals and classes by providing repertoires of shared values, symbols and traditions."² It is however important to notice that national identity usually calls upon history and the national past. Although historical fiction does not claim to be considered equal to historiography, it surely reflects aspects of national belonging. The historical novel is a mirror of the past of a nation. Such novels depict the stories, customs and habits, intellectual and moral developments of nations. Historical fiction teaches national characteristics by delight. One may learn more of a nation's past by reading a historical novel than they might learn by perusing blunt, serious historiographical pieces. This defines the purpose of the present

¹ Particularly in Britain in the late 1960s and the 1970s a group of political theorists (including, most famously, Tom Nairn and Perry Anderson) began to question British national culture and criticize it for its theoretical inertia. Anderson in "Components of the National Culture" (1968) and Nairn in *The Break-up of Britain* (1977) argued a need for English nationalism. Nairn noticed "the symptom of an *absence* of popular nationalism among the English" (282).

² Smith, *National Identity*: 16.

article. Historical fiction is the narration of nation which, according to Homi K. Bhabha, takes shape through *imagiNation*³. Mineke Schipper in "National Literatures and Literary History" (1987) argues that literature has contributed to the development of national feelings⁴. Therefore, novels, like many other literary or artistic forms, can strengthen or undermine national identity.

In Persian literature, the novel is a young genre that has received serious attention since its emergence, which was approximately at the time of the Constitutional Revolution between 1905 and 1911. During these years, the Iranian nation strived to bring about constitutional reforms; however, with the outbreak of World War I, Iran became a stage of externally imposed and unwanted conflicts, which resulted in nationwide famine, epidemics, poverty and corruption. Thus the fulfillment of constitutional reforms lagged behind their initial promise. Moreover, the post-Revolutionary states always moved in opposition to the wishes of the people and became more and more corrupt as they transmogrified into a plaything of colonial powers. The historical novel appeared in this critical period as the most prominent literary genre, and they artistically celebrated the great men and women who once served their country and were 'saviors' of Iran at one point in history. *Dāstān-e Bāstān* [A Story of the Ancient Times] (1920) by Mirzā Hasan Khān Badi' (1872-1937) and *Salahshūr* [The Warrior]⁵ (1924) by Abdul-hoseyn San'ati-zade Kermānī (1895-1973) are two such novels; the former depicts the life and deeds of Cyrus the Great (d. 530 BC), the founder of the Achaemenid Empire, and the latter describes the heroic exploits of Ardashīr Bābakān (d. 242 AD), the founder of the Sasanian Empire.

2. The Rise of the Persian historical novel

In Europe the rise of the historical novel followed the decline of the traditional feudal system, the rise of the middle class, and the emergence of nationalism; the beginning of the historical novel is linked to the emergence of nation-states and the awakening of national(-ist) sentiments, which are intrinsically aftermath of the late 18th-century social turmoils, particularly the 1789 French Revolution, that made history, for the first time, a mass experience. This increasing historical awareness reached its peak after the fall of Napoleon (1814). It is no accident that Scott's *Waverley*—usually considered the first [English] historical novel—appeared right about the time, when Britain was a victorious [imperial] nation.⁶

In the same vein, the rise of the historical novel in Iran was concomitant with Iran's Constitutional Revolution of 1906, which was hailed by many a critic and historian as a major time of sociopolitical awakening.⁷

³ Bhabha, *Nation and Narration*: 1.

⁴ Schipper: 282.

⁵ The preface to this novel is worthy of attention as it is a short manifesto of socialist novels. It argues in favor of the revolutionary and reformist function of the novel.

⁶ Farahmandfar and Ilkhani: 48.

⁷ Edward Granville Browne (1862–1926) effectively described it as "an Iranian awakening – drawing explicit comparisons with the Italian Risorgimento" (Ansari: 1).

In the years leading up to the Constitutional Revolution (1905–1911), at the very beginning of the twentieth century, many literary circles emerged in different corners of Iran, and modern authors, firmly opposed to court poets who were given to translating the ideology of feudal aristocracy, tried their hands at writing novels—the new literary genre whose audience were the working-class people, not the nobility. These novelists were the main activists of the 'literary revolution,' and their first task was to break away from the usual feudal themes and the old hackneyed forms and subjects. They also tried to create a distinct, more relaxed language for their own work, a language which had nothing to do with the grandiloquent, archaic language of the elite. It was not possible to introduce new themes using the old literary language. The language of classical literature, with its rigorous formulations, could not be used by novel-writers. They sought for a vernacular language in order to let the masses read and imagine themselves as members of a national community.

The historical novel should also be seen as a result of the cultural efforts of Dār al-Fonūn and its teachers. Dār al-Fonūn was the first modern academy or institution of higher learning in Iran which was established in 1851 by Mirzā Taqī Khān Amīr Kabīr (1807–1852), grand vizier to Nāseruddin Shāh (r. 1848-1896) of the Qajar Dynasty. Among the disciplines taught in the polytechnic academy of Tehran were history and foreign languages. The latter helped many scholars to embark on translating artistic and scientific books into Persian and thus paving the way of modernization.

The establishment of Dār al-Fonūn was a turning point in the history of modern Iran. During the Qajar era (1789–1925), efforts were made to establish a central and inclusive government in the country, and in some respects, relative calm and peace prevailed in the socio-political sphere. Nonetheless, the Iranian pre-modern society had simultaneously turned into a scene on which the expansionist struggle of the growing empires of Russia, Britain, and France was acted out: a drama which led to Iran's confrontation with the West. Increasing contacts with the outside world led to the familiarity of the elites with the different dimensions of the developed civilization and culture of the West, and culminated in their awareness of backwardness in various aspects of the social life in Iran. Part of the Qajar political structure realized the need to familiarize with the industrialized and developed West for the purpose of imitation and reform, and Abbās Mirzā, the crown prince of Fath-Ali Shāh, made great efforts in this respect. The printing industry entered Iran and groups of Iranian students were sent to England and then France. Dār al-Fonūn, the first modern Iranian educational institution, was also founded in this period. Such communications were first established for the purpose of benefiting from Western technology, but they also resulted in acquaintance with Western (mainly, Russian, French, and English) cultures. The growing process of contact with the Western world with the motivation of gaining awareness and modernization of the traditional Iranian community, gradually led to the confrontation and familiarity of the Iranians with the modern

worldview. This change in worldview necessarily culminated in the transformation of the language, in such a way that the entire nine-hundred-year-old transformations of Persian prose appear very insignificant compared to the changes resulting from the inculcation and instilment of the modern ideology.

An important source of the modern culture's influence on the Persian prose was translation. Four groups were involved in translation. 1. Those who had the order and support of the king and the court; 2. Modern schools including Dār al-Fonūn; 3. Intellectuals and the political opposition; 4. Finally, freelance translators who translated works according to their personal taste (Balay, 1999, p. 41). Translation changed the nature of Persian prose significantly; it developed a simple and clear style in prose-writing and also introduced modern literary forms and genres, such as plays and novels, which had no precedent in Persian prose. As we know, these two literary forms, especially the novel, address a general readership. The historical fiction dealt with the issues favorable to the ordinary readership. As Georg Lukács has once mentioned studying historical fiction leads to "[an] understanding of national history" (p. 25).⁸ Moreover, the historical novel is an outcome of sociopolitical events. Historical fiction is a narrative that uses imagination to refashion the spirit of a particular time in the past of a nation. The rise of the historical fiction was a very fortunate phenomenon in Persian literature redeeming the fledgling prose genre from the excesses of pre-modern romances and sentimental fiction.

Therefore, the very first pieces of Persian historical fiction reflect the prime role of translation and the influence of translated literary pieces on the novelistic experiments of Iranian writers. The Iranian writers come to know the stylistic rules, forms, and manners of fiction-writing through studying and emulating the translated western novels. Among the first examples of historical fiction which were translated into Persian and influenced Iranian writers were Alexandre Dumas' *The Three Musketeers* and *The Count of Monte Cristo* (trans. Muhammad Tāher Mirzā [1834–1900]), Alain Rene Lesage's *Gil Blas* (trans. Mirzā Habīb Esfahānī [1835–1893]), Francois Fenelon's *The Adventures of Telemachus* (trans. Mirzā Āgha Khān Kermānī [1854–1896]), Bernardin de Saint-Pierre's *Paul and Virginia* (trans. Ebrāhīm Neshāt), George W. M. Reynolds' *The Virgin's Kiss* (trans. Seyyed Hoseyn Sadr al-Ma'ālī Shīrāzī [d. 1917]), and Jurji Zaydan's *Egyptian Armansura* and *Battle of Karbala* (trans. Abdul-Hoseyn Mirzā).⁹

European-style short stories and novels had no precedent in Iranian literature until 130 or 140 years ago, when Western culture found its way into Iran via translation. One has to wait until 1895, the year Zeyn-al-'Ābedīn Marāghe'ī (1839–1910) published *The Travel Diary of Ebrāhīm Beyg* in Is-

⁸ Lukács' monograph *The Historical Novel* (1989 [1937]) offers an anatomy of the genre. He examines nineteenth century historical novels from a sociological perspective, and tries to explore in them "the awakening of national sensibility and with it a feeling and understanding for national history" (25).

⁹ Parsa-Nasab: 111-112.

tanbul, to speak of the first pseudo-novel in Persian literature. A decade later, *Masālek al-Mohsenīn* [The Ways of the Charitable] by Mirzā Abdul-Rahīm Talibov (1834–1911) was published. The authors of these novels provided historical information while also producing interesting literary stories. The popularity of this kind of fictional pieces encouraged more writers to try their hand at composing historical novels which reflected an archaic nationalism.

The years following the Constitutional Revolution (1905–1911) witnessed a rapid growth in the composition and publication of Persian historical fiction. It was a time of literary transition from mythological love stories and moral tales to modern-day novels. Iranian intellectuals strived to relate to national history in order to promote shared national sentiments among the common folk.

3. The Historical Novel and National Identity

Representations of the past and rewritings of history are of great moment in establishing and propagating a sense of national identity and belonging: "Historical novels are not only the legitimate progeny of a nation's becoming conscious of its own identity, they also contribute to fortify that nationalist discourse."¹⁰ The writing of historical pieces is a manner of contemplating upon contemporary issues and conveying "*sentiment de l'existence*" of an era, "the feeling of how it was to be alive in another age." According to Avram Fleishman, historicism, and studying of the path of the past, is a "peculiarly national affair."¹¹ There is thus a reciprocal relationship between history and the nation. On one side, history reveals national identity and its distinctive features and identifications in various epochs, and on the other side, the nation owns its survival and continuation to history for remembering and protecting the sense of belonging and nationhood.

Historical novels help bring to the fore characteristics and qualities shared by all members of a society (e.g. language, religion, myths, tradition, values). These elements are internalized by the members of a society who are usually not conscious of them.

The nation is a lived experience, and the historical novel is indeed a narration of such a rich experience where the "scraps, patches, and rags of daily life must be repeatedly turned into the signs of a national culture, while the very act of the narrative performance interpellates a growing circle of national subjects."¹² The nation is a form of identification; the production of the nation as narration in historical novels provides the writers with such a plenteous cultural repository from which to draw their material.

The historical novel in Iran could well be categorized with reference to two historically influential revolutions: the Constitutional (1905–1911) and the Islamic (1979). The first type is usually informed and inspired by archaic nationalism, and the very first instances measure up more to romance than to

¹⁰ Farahmandfar and Ilkhani: 46.

¹¹ Fleishman: 18-19.

¹² Bhabha: 297.

proper novels, although every now and then some novels of character come into view, such as *Dāstān-e Bāstān* by Muhammad-Hasan-Khān Badī. In these historical novels of pre-modern era the emphasis is upon the events or adventures that the hero undertakes on their historical quest. They reflect, through heroic romances, the glories of a nation's past.

The rise of realism (and later on naturalism) as a movement in Iranian literary scene – which was reflected mostly in fiction-writing – impeded the development of historical novels. The economic austerity and sociopolitical crises led many writers to commit to social causes; they had to address the dire reality of everyday life and had thus no time for historical romances.

When we move on to the modern era and consider the modernist style of narration, we witness a meaningful shift in approaching history. Modern historical novels are not about history *per se* but the consciousness of history. The writers of these historical novels did not put their pens to paper with this idea in mind of creating a detailed historiographic piece. They treated history as it was received in the minds of their characters. This type of historical novels were written mostly after the Islamic Revolution, and some of them even touch on the postmodern literature and draw on historiographic metafiction. Moniro Ravānīpour's *Del-e Fūlād* [*Heart of Stone*] (1990), Hamādrezā Shāhābādī's *Dilmāj* [*The Interpreter*] (2006), Qāsem Shokrī's *Mārmūlak-i ke Māh rā Bal'īd* [*The Lizard Who Swallowed the Moon*] (2009), Hoseyn Sanāpūr's *Shamāyel-e Tārīk-e Kākh-hā* [*Dark Shades of Palaces*] (2009), and Mahdī Yazdānī Khorram's *Man Manchester United rā Dūst Dāram* [*I Love Manchester United*] (2012). These novels also evince historical and cultural dimensions of Iranian national identity, though the focus of this article is on the first category of historical novels, namely, historical romances.

Shams and Toghrā (1905) is considered to be the first historical novel in Persian literature; it is written by Muhammad Bāgher Mirzā Khosravī (1847–1919). The author, who was a forerunner of modern Persian prose, wrote the novel when his city of origin (Kermānshāh) was occupied by Russian forces. He thus desired to write a story which showed that the night of oppression would be ended by the twilight of peace and independence. He tries to introduce himself as a historian, not a novelist, in order to make his narrative more believable. The novel is a story of love and adventure which pictures the tumultuous period of Mongol rule over Iran. The Atabakans were a dynasty of monarchs in Fars, founded by Salghar. Shams al-Din, the hero of the novel, is an Iranian prince who marries Toghrā, the daughter of a powerful Mongol ruler. The novel ends with the death of Arghun Khān and his sinister vizier Sa'd al-Dowleh who was Jewish and hated Iranian Muslims. Finally, peace is restored, and the light of hope wins over the darkness of tyranny.

Another of the earliest Persian historical novels was *Love and Kingship or the Conquests of Cyrus the Great* by Sheikh Musa Kabūdar-Āhangī (1881–1953), which was published in Hamadan in 1919. The author has attempted to create a historical and educational novel which relates the exploits

of King Cyrus of the Achaemenid dynasty. The historical information is based on the narratives of the Greek historian Herodotus.

Another historical novel is *The Ensnarers, or the Avengers of Mazdak*, written by Homāyūn San'atizāde Kermānī in two volumes. The first volume was published in Mumbai in 1882, and received the attention of Edward Browne, the famous British orientalist, and the second volume was published in Tehran in 1887. The main purpose of this story was to show that the ethos and habits of Iranians in the late Sassanid era were so corrupted that they were on the road to decline. In this novel, the author briefly takes us to the reign of Khosrow Anūshīrvān and then describes the painful fate of the Mazdakites; he later regrets the sad period of Yazdgerd's reign, the incompetent last Sasanian monarch who lost the crown of Persia to Arab invaders.

In another historical novel, *Mazālem-e Torkān Khātūn* (1927), Heydar-Ālī Kamālī (1869-1936) describes the Mongol invasion of Iran which resulted in barbaric oppression and bloodshed. The novel regretfully pictures the final years of the reign of Sultan Muhammad II of Khwārazm (ca. 1220). It shows how his mother (Torkān Khātūn) interfered in the affairs of the state and decided for his son, which ultimately led to the downfall of the country. Kamālī's second historical novel, *Lāzīkā* (1931), is a description of conflicts and wars between the Romans and Anūshīrvān in a region called Lazika on the Black Sea coast. In this historical novel, Kamālī depicts the last years of the Sassanid rule.

Muhammad-Hoseyn Roknzādeh Ādamīyat (1899–1973) wrote the very famous classic novel *Dalīrān-e Tangestān* [Braves of Tangestān] (1931) in order to describe the events that had taken place during the First World War in southern Iran and published it serially in *Kūshesh*. The novel eulogizes the bravery of the people of southern Iran – Tangestān, in Būshehr province – who sacrificed their lives to expel the trespassing British colonizers from Iranian soil.

Shahrbānū (1931), written by Ālī-Asghar Rahīmzāde Safavī, was another serialized historical novel which was published in installments in *Setāre-ye Iran* newspaper. The novel laments the doomed transition of power from the Sassanid rulers to the incompetent Samanid kings who finally surrendered to the invasion of the Arabs.

Between 1930 and 1937, Zeyn al-Ābedīn Mo'tamen (1914–1989) wrote the novel *The Eagle's Nest* and published it serially in several installments in *Shafagh* newspaper. The adventures of this thousand-page novel are based on the rivalry between Khwaja Nezām al-Molk (1018–1092), vizier of the Seljuk Empire, and Hasan Sabbāh (1050–1124), founder of the Neẓārī Īsmāīlī state, for the power grab at the court of a Seljuk King. *The Eagle's Nest* is a true example of a popular story during the reign of Rezā Shāh. In this novel, the lawless rebels are hated as enemies of the nation who have tried to ruin the status quo.

4. Conclusion

The Persian literary and linguistic system has not been an immutable structure. Persian prose underwent some changes from the beginning, that is, from the second half of the 10th century CE (the date of the composition of the "Introduction" to Abu-Mansouri Shahnameh) up to the middle of the 19th century CE; however, these changes are negligible with regard to the slow pace of developments throughout the pre-modern world.

Throughout the pre-modern era, a very small number of Iranians were literate, and the readership of prose, even compared to the audiences of poetry, were generally the elite. The tendency towards using a very ornate and difficult prose style and the unbridled employment of Arabic in Persian added to this problem. In addition to the elitism of Persian prose (especially from the 12th century CE onwards), the lack of the printing industry and the general economic conditions of the people and the mode of production did not lead to the popularity of prose. A major change, however, occurred during the Qajar era; the growing confrontation and familiarity of the Iranians with the west led to the modernization of the nation. Translation played a very significant role in this process by introducing new forms and genres (such as the novel) into the literary atmosphere of Iran.

Persian historical novel with its popularity helped familiarize Iranian readers with the new genre of the novel, and paved the way for subsequent novelistic experiments. Also, with the advent of the historical novel, the language of contemporary prose became simpler and closer to everyday language. It proved that ordinary language could well be used in creating serious works of literature, and liberated literature from grandiloquent and pompous style of the Qajar era. More importantly, the historical novel contributed to protecting the cultural legacies of the past and keeping aglow the propitious light of belonging and nationhood. Overall, historical fiction had been a fecund ground for Iranian fiction-writers in which to retrieve a sense of national identity.

Historical fiction justifies and perpetuates specific social and national beliefs and thus reinforces emotional attachment to a place, to the native country. Through reading historical novels, we learn about the social and political history of the Iranian people and their lifestyle, food, clothing, weapons, speech, ethics, customs, habits, intellectual and moral developments, celebrations and culture, agriculture and commerce.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ansari, Ali M., ed. (2016) *Iran's Constitutional Revolution of 1906: Narratives of the Enlightenment*. London: Gingko Library.
- Balay, Christophe (1999) *La Genese de Roman Persian Modern*. Trans. Mahvash Ghavimi and Nasrindokht Khattat. Tehran: Moein and L'Institut Français de Recherche en Iran Publishers.
- Bhabha, Homi K., ed. (1990) *Nation and Narration*. New York: Routledge.
- Farahmandfar, Masoud and Sarah Catherine Household-Ilkhani (2017) "In Search of Englishness: A Study of the Historical Novel during the Victorian Era," *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, vol. 9, No. 1, pp. 46-55.

- Fleishman, Avrom (1971) *The English Historical Novel: Walter Scott to Virginia Woolf*. Baltimore and London: The Johns Hopkins Press.
- Lukács, Georg (1989) *The Historical Novel*. Trans. Hannah and Stanley Mitchell. London: Merlin Press.
- Parsa-Nasab, Muhammad (2011) *Persian Historical Novel: Theory and Criticism*. Tehran: Cheshmeh.
- Schipper, Mineke (1987) "National Literatures and Literary History," *Research in African Literatures*, vol. 18, No. 3, pp. 280-292.
- Smith, Anthony D. (1991) *National Identity*. New York: Penguin.

Masoud Farahmandfar, Assistant Professor of English literature, Allameh Tabataba'i University, Iran; farahmand@atu.ac.ir

Musa Abdollahi, Assistant Professor of Russian, Allameh Tabataba'i University, Iran

Персидский исторический роман и национальная идентичность

В статье обсуждается, как идентичности конструируются и текстуально артикулируются через исторические романы, которые переносят прошлое в настоящее и связывают национальную идентичность людей с воспоминаниями о предках, со славным прошлым своего народа. Возникновение исторического романа в Иране совпало с иранской Конституционной революцией 1906 года, которую многие критики и историки приветствовали как важное время социально-политического пробуждения, которое способствовало защите культурного наследия прошлого и подъему национального самосознания. Историография предоставила иранским писателям плодородную почву для восстановления чувства национальной идентичности. Цель данной статьи – показать, как в персидских исторических романах выдвигаются на первый план симбиотические отношения между памятью и идентичностью, и раскрыть национальное значение этих текстов.

Keywords: персидский исторический роман, нация, Конституционная революция, историография

Masoud Farahmandfar, Assistant Professor of English literature, Allameh Tabataba'i University, Iran; farahmand@atu.ac.ir

Musa Abdollahi, Assistant Professor of Russian, Allameh Tabataba'i University, Iran

А.В. КАРГАЛЬЦЕВ

“ВЕСЬМА ЧАСТО БЫВАЕТ ГРАД, КОТОРЫЙ ВСЕ УНИЧТОЖАЕТ” ХРИСТИАНЕ КАК ВИНОВНИКИ ГОРОДСКИХ БЕДСТВИЙ

Статья посвящена реакции городской среды на христиан в период эпидемий и бедствий. В частности, предпринята попытка связать эпидемию середины III в., известную как Чума Киприана, с усилившимися антихристианскими преследованиями. Автор обращает внимание на городские конфликты, которые разгораются в разных городах Империи, и делает предположение что обострившиеся нападки язычников на христиан были спровоцированы подозрением в виновности перед богами, насылающими бедствия. При этом очевидно, что имперские власти и власти городские преследуют разные цели. Последние ориентированы в большей степени на умиротворение городской среды через осуждение «безбожных» христиан, в то время как имперское правительство вынуждено ориентироваться на экономическую эксплуатацию верующих и конфискации дабы возместить потери, которые принесла эпидемия. В этой ситуации Церковь демонстрирует лояльность именно на местном уровне, помогая жителям городов и демонстрируя любовь к ближнему.

Ключевые слова: Римская империя, христианство, Северная Африка, эпидемия, Киприан Карфагенский

В сочинении «Семь книг против язычников», составленном в самом начале IV в. после Великого гонения Диоклетиана, апологет Арнобий приводит многочисленные примеры обвинений христиан в том, что по их вине «заразительные повальные болезни губят род человеческий» (*Arn. Adv. nat. I. 3*). Это, пожалуй, самое обширное свидетельство в христианской апологетической литературе подобного рода. Очевидно, такие нападки не были ни единичными, ни случайными и были связаны с реальными страхами, возникающими в языческой среде в период бедствий и эпидемий. Арнобий же приводит развернутую аргументацию, доказывая, что Христос – единственный Бог, который никого из людей не наказывал болезнями, но напротив исцелял их своей собственной силой (*Arn. Adv. nat. I. 43–48*). Подобные примеры мы можем обнаружить у Юстина, который сообщает, что Христос «исцеляет всякие болезни» (*Just. Apol. I. 48*), или в «Апологетике» Тертуллиана, что «если случился голод или эпидемия; то тотчас кричат: христиан ко льву» (*Tert. Apol. 40*). Однако, как представляется, за общими свидетельствами об обвинениях христиан стояла более сложная и комплексная картина. С одной стороны, подобные обвинения поддерживала политика римских властей, преследовавших христиан, с другой, недовольство рождалось на местном уровне и обострялось в периоды бедствий и эпидемий. Так, например, Евсевий пишет, что «в семнадцатый год царствования императора Антонина Вера, когда в некоторых областях вспыхнуло страшное гонение на нас: по городам поднялся на нас народ» (*Euseb. HE. V. 1*). Он же приводит свидетельство Дионисия Александрийского о гонении

Деция: «Преследование у нас началось не с царского указа, а на целый год раньше, когда какой-то пророк и виновник бедствий этого города – кто бы он ни был – стал возбуждать и натравливать на нас языческую толпу, разжигая их родное суеверие» (*Euseb.* HE. VI. 41). Подобные случаи имели место и в других регионах. Цель нашего небольшого исследования – рассмотреть различие общеимперской политики и реального положения дел в отдельном городе. Наиболее информативной в этом случае является эпидемия середины III в., получившая название Чума Киприана, и реакция на нее в городах Северной Африки.

В последние десятилетия интерес к Чуме Киприана в историографии значительно вырос. Здесь следует отметить многочисленные работы К. Харпера, который довольно подробно исследовал характер болезни, хронологические рамки ее распространения, состояние источниковой базы¹. Однако можно выделить и более ранние работы. Чума Киприана анализировалась при изучении трактата «О смертности»², традиционно рассматривалась применительно к гонениям Деция и Валериана³, была предметом внимания в контексте кризиса III в.⁴, равно фигурировала и в общих работах по истории Ранней Церкви⁵. Точка зрения К. Харпера занимает здесь особое место, поскольку, по мнению ученого, эпидемия носила более продолжительный и масштабный характер, чем было принято считать ранее⁶. Хотя выдвинутые им аргументы были последовательно оспорены⁷, и мы также согласны с тем, что т.н. «чума», пришлось в основном на 252–253 гг., однако влияние ее на настроение римского общества и, как следствие, на характер антихристианских гонений заслуживает отдельного рассмотрения, тем более, что свидетельства об этом можно обнаружить в агиографических источниках, которые, как правило, редко привлекаются при изучении данного сюжета.

Чума Киприана получила название по имени карфагенского епископа потому, что наиболее подробно описана в его трактате «О смертности». Киприан приводит подробные симптомы болезни, охватившей Римскую империю в 50-х гг. III в.: «расслабление желудка отнимает у нас телесные силы, что жар изнутри, перешедший в гортанные язвы, растревляет их, что непрерывная рвота потрясает внутренность, прилив крови делает воспаление в глазах, что у некоторых отсекаются руки и другие члены вследствие заразительного гниения, что от расслабления тела происходит дрожание в ногах, заграждается слух, повреждается зрение» (*Cypr. De mort.* 14). В исследовательской литературе идет дискуссия о характере болезни и природе ее возбудителя. По всей видимости, речь идет не о чуме, а о разновидности геморрагической лихорадки

¹ Harper 2015; 2016; 2017.

² Scourfield 1996: 23.

³ Keresztes 1975: 81–82.

⁴ Shaw 1996: 115.

⁵ См., напр.: Monceaux 1902: 303; Harnack 1958: 365.

⁶ По мнению К. Харпера, эпидемия продлилась с 249 по 270 гг.: Harper 2015.

⁷ Huebner 2021.

вирусного происхождения⁸. Этим, в частности, объясняется довольно непродолжительный период распространения пандемии, а также отсутствие упоминаний о массовом вымирании отдельных городов и регионов, что было бы характерно для эпидемии чумы. Киприан, который в это время активно проповедует, также не приводит случаи массовой гибели участников христианских собраний. Тем не менее даже такая эпидемия стала тяжелейшим ударом для Империи. Мы поддерживаем точку зрения исследователей, которые полагают, что болезнь была не периферийным событием на фоне разгорающегося кризиса III в., но явилась одной из важнейших его причин⁹. Подобно тому, как за несколько десятилетий до этого Чума Антонина положила конец блестящей эпохе великих императоров, Киприанова чума обострила экономические, социальные и военные проблемы в III в., которые в полной мере проявились в эпоху Галлиена. Можно заметить, что в условиях рабовладельческого ведения хозяйства жертвами эпидемий становились те, кто жил в наиболее скученных условиях, т.е. рабы, основные производительные силы государства, быстро их восполнить можно было лишь новыми завоеваниями, сил на которые у Империи уже не было. Признаки кризиса мы можем обнаружить также и по другим свидетельствам. Так, например, отмечено усиление экономической эксплуатации христиан, которых вместо казней, массово отправляли на рудники, о чем пишет Киприан Карфагенский (*Cypr. Ep.* 79).

При этом реакция населения римских городов и провинций, лишенного к тому же привычных форм наказания виновных в виде «предания зверям», несомненно, отличалась большей остротой, что должно было приводить к самостоятельному поиску и наказанию виновных в бедствиях. Следы подобной реакции можно обнаружить в агнографических памятниках времени гонения Валериана. Отметим, что Валерианово гонение 257–258 гг. стоит особняком в числе антихристианских преследований. Это было, пожалуй, первое общеимперское гонение, напрямую направленное против Церкви¹⁰. Одной из загадок этого преследования, которая, на наш взгляд, так и не получила убедительного разрешения в научной литературе, является установление причины его начала. Первые годы правления Валериана действительно были временем сравнительной веротерпимости. Рассказ же Евсевия о кознях главы египетских магов Макрина (*Euseb. HE. VII. 10. 4*), который и побудил императора возобновить гонения, признается исследователями если и достоверным, то явно недостаточным¹¹. Если в предшествующее гонение Деция 249–251 гг. преследование христиан объективно было спровоцировано их отказом от общеимперских жертвоприношений, имевших впервые обязательный характер для всех граждан, то здесь мы имеем первое

⁸ Stathakopoulos 2004: 179–182.

⁹ Подробнее аргументацию см.: Harper 2017.

¹⁰ Keresztes 1975: 85; Каргальцев 2012: 124–130.

¹¹ Frend 1965: 315.

упоминание о христианах в императорских эдиктах. И хотя существует множество свидетельств об избирательности государственной политики, направленной прежде всего против клириков и руководителей церкви, однако ситуация на местах могла носить иной характер, и здесь в полной мере проявлялись и народные настроения, и поведение отдельных наместников провинций. Так, в «Мученичестве Мариана и Иакова», посвященном событиям в Нумидии в 258 г., говорится, что «в то время из-за того, что огромная толпа язычников пребывала в слепой ярости, вздымались словно волнения мира силы гонений, которые проводили военные власти, и для испытания веры праведников ярость дьявола бешеного разверзлась» (Pass. Marian. et Iac., 2, 2). Трудно сказать, была ли эта ярость спровоцирована внешними событиями, в частности набегом кабиллов, разорвавших провинцию с 253 г. (CIL VIII. 2615)¹², но берберские племена и ранее нередко беспокоили африканские провинции, что не приводило к немедленному преследованию христиан. Обострение же общественных настроений в период эпидемии представляется в данном случае достаточно вероятным. Более того, в «Мученичестве» особо отмечается, что реакция властей была спровоцирована именно общественными настроениями. В «Мученичестве Монтана и Луция», посвященном событиям в Карфагене в конце 258 г. или начале 259 г., последовавшим вскоре после казни епископа Киприана, содержится аналогичное свидетельство: «После народного волнения, когда обезумевший наместник (ferox vultus praesidis)¹³ подстрекал к убийству, через несколько дней последовало беспощаднейшее преследование» (Pass. Mont. et Luc. 2. 1). Далее мы узнаем, что наместник собрался сжечь христиан живьем без всякого суда, и только внешние обстоятельства умилили его гнев.

Имело ли негодование язычников реальные основания? Деятельность Киприана в Карфагене в этот период эпидемии нашла отражение в составленном Понтием «Житии» епископа. Биограф епископа придает эпидемии особое значение, говоря, что «было бы злодеянием пройти мимо того, что делал посреди этого понтифик Христа и Бога» (*Pont. Vit. Сурр. 9. 5*). Рассказывая о вспышке «ужасной болезни, дьякон указывает, что «в то время по всему городу лежали не тела, а бесчисленные трупы (cadavera), которые вызывали сострадание прохожих» (*Pont. Vit. Сурр. 9. 3*). Трудно сказать, в какой мере сам Понтий был свидетелем этих событий. Комментаторы справедливо отмечают, что сведения о деятельности

¹² Подробнее см.: Christol 2003: 143.

¹³ По мнению П. Франчи де Кавальери, корректным вариантом чтения фрагмента quem ferox vultus praesidis in necem является quem ferox vulgus in necem praesidis (Franchi De' Cavalieri 1909: 15). Последний вариант поддержан и в критическом издании Ф. Дольбо (Dolbeau 1983: 68). Таким образом, появляются иные причины, побудившие наместника арестовать христиан: они могли быть обвинены в подготовке бунта. В этом случае объясняется лицемерие выдвинутых против них обвинений, а также угроза сжечь их, которую за день до ареста, т.е. в день, когда и произошли народные волнения, в гневе озвучил наместник. Подробнее об этом фрагменте см.: Barnes 2010: 89–90.

карфагенского епископа в этот период почерпнуты автором «Жития» из его же трактатов¹⁴. В данном случае источником для Понтия могло выступить то же сочинение «О смертности», но детали, которые он приводит, содержат интересные подробности. В частности, он пишет, что Киприан «наставлял собранный вместе народ о благах милосердия и учил примерам из Священного Писания» (*Pont. Vit. Supr. 9. 6*). Как отмечает М. Дорнеман, болезнь, по мнению Киприана, призвана явить лучшие качества человека¹⁵. Очевидно, речь идет в первую очередь о христианской общине города, хотя вероятно, что к ней могли присоединяться язычники, но в данном случае отсутствует упоминание о каких-либо напаках или конфликтах между верующими и городским населением. Здесь следует согласиться с Понтием, что «никого ничего не интересовало» (*Pont. Vit. Supr. 9. 4*). Однако справедливо было бы предположить, что в указанных условиях Киприан мог проповедовать более свободно и открыто, чем ранее. Активное участие прихожан в жизни города, организация ухода за больными в целом делали деятельность церкви более заметной, что, конечно, не могло не раздражать наиболее убежденных язычников, которые проявили себя, когда эпидемия закончилась.

Тема гонений вновь возникает во время поместного собора 253 г. как раз в разгар эпидемии (*Supr. Ep. 57*). Верующие встретили 253 год с предчувствием нового антихристианского преследования (*Supr. Ep. 57*). Казалось бы, христиане проявили себя самым лучшим образом в период эпидемии и нападки на них должны прекратиться, но в обращении Киприана к верующим Тибариса прямо говорится о скором пришествии антихриста (*Supr. Ep. 58. 1*). Существует точка зрения, что опасения были связаны с восшествием на престол Валериана, однако, как уже отмечалось выше, гонения, начатые Децием, прекратились, что и позволило Киприану вернуться в Карфаген и уже несколько лет находиться в безопасности и даже провести поместные соборы в 251 и 252 гг., а новый император, Требониан Галл, хотя и отмечен Евсевием как гонитель (*Euseb. HE. VII. 1*), не спешил в полной мере возобновлять репрессивную политику своего предшественника. Вряд ли изгнание из Рима епископа Корнелия могло быть поводом для тревожного ожидания нового гонения. Можно предположить, что Киприан учитывал скорее широкие общественные настроения, которые по мере ослабления эпидемии требовали поиска и наказания безбожников. Христиане всерьез могли опасаться того, что они в очередной раз станут «козлами отпущения» в случае, если понадобится искать виновников гнева богов. Таким образом, собор, состоявшийся весной 253 г., проходил в напряженной обстановке. Это было наименее представительное собрание из всех прошедших при Киприане – на нем присутствовал только 41 епископ, в основном из Проконсульской Африки, и нет никакого указания на участие клириков и мирян. Ученые по-разному объясняют это обстоятельство. Сторонни-

¹⁴ Kitzler 2009: 245.

¹⁵ Dörmemann, 2003: 172–173.

ки идеи патронажа указывают, что Киприан смог собрать только тех предстоятелей, которые лично зависели от него. Й.А. Фишер предположил, что епископы отказывались путешествовать из-за распространения чумы¹⁶. По мнению Д.Д. Данна, существовала угроза нападения со стороны язычников на епископов во время путешествия последних¹⁷.

Таким образом, деятельность Церкви не могла остаться незамеченной. Какой бы малой группе не проповедовал Киприан, поведение христиан разительно выделялось на общем фоне. К восхищению смелостью верующих, проявляющих заботу о ближнем, вероятно, примешивался и страх, что сами христиане являются виновниками болезни. Озлобленность, порожденная бедствием, выливалась на тех, кто вел себя отлично от общепринятого. Вероятно, это имело далеко идущие последствия. Когда болезнь отступила, и государство объявило о начале новой антихристианской кампании, на местах началось массовое избиение верующих.

Подводя итог, отметим, что события середины III в. указывают на расхождение в поведении римских властей и рядовых жителей империи. Правительство Валериана в свете убыли населения и очевидных экономических трудностей не было заинтересовано в организации новых массовых гонений, стараясь действовать избирательно, предпочитая конфискацию имущества верующих и их экономическую эксплуатацию. Не случайно Киприан упоминает о заключении христиан в шахтах (*Сурр.* Ер. 79), а агиографические памятники полны примеров того, как потенциальных мучеников власти грозят лишить «венца славы», следуя эдикту осуждать лишь клириков. Однако на уровне городского пространства, ситуация могла значительно отличаться, поскольку гонения на христиан провоцировались страхами рядового населения, которое наместники на местах должны были учитывать. Более того и сами они, вероятно, были несвободны от антихристианских предрассудков, и в каждом отдельном случае антихристианские эдикты правительства дополнялись местными эмоциями. Таким образом, реакция на эпидемию должна рассматриваться как сложный комплекс факторов, который подробно может быть изучен только на большом источниковом материале. Несомненным является лишь то, что наместникам провинций приходилось учитывать весь комплекс проблем, лавируя между законными требованиями императорских эдиктов и желаниями толпы, приводящими к погромам и беспорядкам.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-78-10001, <https://rscf.ru/project/18-78-10001/>

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Каргальцев А.В. Гонения Валериана и мученичество Киприана Карфагенского // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 4. 2012. С. 124–130. [Kargal'cev A.V. Gonenija Valeriana i muchenichestvo Kipriana Karfagenskogo // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. 4. 2012. S. 124–130.].
- Barnes T.D. Early Christian Hagiography and Roman History. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. 457 p.

¹⁶ Fischer 1981: 17.

¹⁷ Dunn 2004: 677–678.

- Christol M. Les gouverneurs de Numidie sous Valérien et Gallien et l'histoire militaire de la province entre 253 et 260 // *L'Antiquité classique*. 72. 2003. P. 141–159.
- Dolbeau F. La Passion des saints Lucius et Montanus. Histoire et édition du texte // *Revue des Études Augustiniennes*. 29. 1983. P. 39–82.
- Dörnemann M. Krankheit und Heilung in der Theologie der frühen Kirchenväter. Tübingen: Mohr Siebeck, 2003. XIII, 380 S.
- Dunn G. D. Cyprian and the Episcopal Synod of 253 // *Latomus*. 63. 2004. P. 672–688.
- Franchi De' Cavalieri P. Nuove osservazioni critiche ed esegetiche sul testo della Passio sanctorum Montani et Lucii // *Note agiografiche*. 3. 1909. P. 1–32.
- Fischer J. A. Das Konzil zu Karthago im Frühjahr 253 // *Annuario Historiae Conciliorum*. 13. 1981. P. 12–26.
- Frend W. H. C. *Martyrdom and Persecution in the Early Church*. Oxford: Blackwell, 1965. 625 p.
- Harnack A., von. *Geschichte der althristlichen Literatur bis Eusebius* / 2. erw. Aufl. Tl. II. Bd. 2: Die Chronologie der Literatur von Irenäus bis Eusebius. Leipzig: Hinrichshs, 1958. 565 S.
- Harper K. Pandemics and passages to Late Antiquity: Rethinking the plague of c. 249–70 described by Cyprian // *Journal of Roman Archaeology*. 28. 2015. P. 223–260.
- Harper K. People, plagues, and prices in the Roman world: The evidence from Egypt // *The Journal of Economic History*. 76. 2016. P. 803–839.
- Harper K. *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. 440 p.
- Huebner S. R. The "Plague of Cyprian": A revised view of the origin and spread of a 3rd-c. CE pandemic // *Journal of Roman Archaeology*. 34. 2021. P. 1–24.
- Keresztes P. Two Edicts of the Emperor Valerian // *Vigiliae Christianae*. 29. 1975. P. 81–95.
- Kitzler P. *Příběhy raně křesťanských mučedníků*. T. I. Praha: Vyšehrad, 2009. 395 s.
- Monceaux P. *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe*. T. 2: Saint Cyprien et son temps. Paris: E. Leroux, 1902. 390 p.
- Scourfield J.H.D. The De Mortalitate of Cyprian: Consolation and Context // *Vigiliae Christianae*. 50. 1996. P. 12–41.
- Stathakopoulos, D. *Famine and pestilence in the Late Roman and Early Byzantine empire*. Aldershot: Routledge, 2004. 429 p.

Каргальцев Алексей Витальевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; akargaltsev@herzen.spb.ru

"Very Often There Is Hail, Which Destroys Everything" Christians as the Culprits of Urban Calamities

The article analyses the view of the urban environment on the Christians during the period of epidemics and disasters. In particular, an attempt is made to link the epidemic of the middle of the third century, known as the Plague of Cyprian, with the intensified anti-Christian persecution. Attention is drawn to the urban conflicts that flare up in different cities of the Empire, and it is suggested that the aggravated attacks of the pagans on Christians were provoked by suspicion of their guilt before the gods sending disasters. At the same time, it is obvious that the imperial authorities and the city authorities pursued different goals. The latter were focused more on pacifying the urban environment through the condemnation of "godless" Christians, while the imperial government was forced to act more cautiously, focusing on the economic exploitation of believers and confiscations in order to compensate for the losses caused by the epidemic. In this situation, the Church demonstrated loyalty at the local level, helping residents of cities and demonstrating love for their neighbors.

Keywords: Roman Empire, Christianity, North Africa, epidemic, Cyprian of Carthage

Kargaltsev Aleksey Vitalievich, PhD in History, Senior Lecturer, Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen, St. Petersburg, Russia, akargaltsev@herzen.spb.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН ВО ФЛОРЕНЦИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIV – НАЧАЛЕ XV ВЕКА

В статье идет речь об особенностях восприятия социально-политических перемен флорентийскими гражданами в последней четверти XIV – начале XV в., когда была свергнута диктатура партии гвельфов, поставлен предел режиму младших цехов, и городское общество вернулось к республиканским порядкам, достигнув относительного равновесия участвующих в управлении структур – старших и младших цехов, а также вернувшихся в город архигвельфов. Это отразилось в восприятии граждан, как достижение социумом относительной гармонии в процветающем, добившемся значимых внешнеполитических успехов городе. Далее исследуется «цена победы»: ограничение норм флорентийской демократии в пользу формирующегося олигархического строя.

Ключевые слова: республика Флоренция, партия гвельфов, цехи, Парламент, Балли

Вторая половина XIV в. для Флорентийской республики характеризовалась долгими и мучительными социально-политическими кризисами: засилье в коммунальном обществе партии гвельфов (1358–1378) завершилось свержением партийной диктатуры в 1378 г., что спровоцировало выступление городских низов (восстание чомпи), которое окончилось установлением режима младших цехов. Падение последнего в результате вооруженных столкновений февраля – марта 1382 г. дало начало новым гражданским распрям между вернувшимися из изгнания «архигвельфами» – активными партийными функционерами, жаждущими реванша, и противостоящим им большинством гражданского социума.

Упорная борьба всех слоев общества против диктаторских поползновений архигвельфов привела в середине 1390-х к установлению относительного равновесия: город, избавился, с одной стороны, от угрозы возврата партийной диктатуры, а с другой, от контроля над коммунальными органами правления цеховых корпораций. Партия гвельфов с XIII в. являлась значимым фактором сплочения коммунального социума, ибо ремесленники младших цехов гордились своей гвельфской ориентацией не менее, чем представители высоких социальных страт¹. Широкий доступ

¹ Практически во всех мемуарах и семейных хрониках этого периода авторы подчеркивали партийную принадлежность своих предков, гордясь гвельфскими корнями. Бонаккурсо Питти, скорее отрицательно относившийся к партии, не преминул указать: «мы, Питти, являясь гвельфами, были изгнаны из Симифонте гибеллинами, которые там правили» (Хроника 1972: 7). Его современник Джованни Морелли несколько назойливо повторял о своей лояльности партии, отождествляя ее с верностью католической церкви: «Особенно с великим благоговением я жажду обнять святую католическую Партию гвельфов, которую поддерживает Господь, которой покровительствует Святая Церковь» (Morelli 1956: 127). Торговец шелком Грегорио Дати идентифицировал гвельфизм с преданностью «святой матери нашей Церкви» и коммунальной свободой: «...Гибеллины по духу служат императорам и синьорам, а гвельфы привержены к Святой Церкви и свободе. Поэтому флорентийцы принадлежат к гвельфской партии». Он объединял в одно целое верность церкви, гвельфизм и

граждан к выборным структурам коммунального управления, включая и младших ремесленников, был оплотом флорентийского народовластия, обеспечивая мощную динамику развития города более двух столетий.

Итак, в 1380–1390-е гг. в коммунальном обществе вновь стали усиливаться выборные республиканские институты, и наибольшие полномочия власти как будто бы концентрировались в руках коммунального правительства – Синьории. Гражданам удалось, подавив социальные потрясения 1382–1387 гг., постепенно нейтрализовать действие механизма политической вендетты, когда после очередного государственного переворота, приводившего к власти оппозиционную группировку, в город возвращались изгнанники, требуя предоставления им давно проданного коммуной или конфискованного партией гвельфов имущества, желая возмещения как материального, так и морального ущерба, т.е. отстранения от управления проигравших противников, которые, в свою очередь, одержав реванш, сводили счеты. Флоренция продолжала сохранять в качестве политической основы республиканскую систему правления и во многом утвержденные демократическими устоями ментально-политические установки. Кроме того, не стоит преуменьшать значение победы над двумя республиканскими режимами с широкой системой народовластия, но с диктаторскими способами управления – партии гвельфов и младших цехов, в связи с чем правомерно думать о позитивных переменах в социально-политической сфере города на данном этапе. О достигнутой гармонии в развитии Флорентийской республики и кульминации торжества республиканского строя Флоренции современники часто писали с 1400 по 1434 г. В первую очередь следует назвать выдающегося гуманиста Леонардо Бруни, который в «Похвале городу Флоренции» уподобил свою республику гармоничной симфонии совершенного инструмента:

«Собственно как струны звучат, посредством которых, когда их заставляют вибрировать, рождается гармония различных звуков, точно так же и этот опытнейший город управляется всеми его внутренними властями таким образом, что получается определенный комплекс сил, логичный в себе самом. В нем нет ничего беспорядочного, неопределенного, диссонирующего. Каждый занимает свое место, которое не только для него одного определено, но также находится в гармоничном отношении с другими»².

Не только идеологи-гуманисты отмечали величие, красоту и гармонию своего города, но также и граждане. В ряду хроник и семейных книг этого периода выделяется «История Флоренции» купца и изготовителя шелка Грегорио Дати (1362–1435), в которой воспевалась победа Флоренции в войне с миланским герцогом Джан Галеаццо Висконти, а отдельная глава была посвящена демонстрации гордости политическим устройством Флоренции. Характеризуя первый этап войны с Миланом (1388–1391), автор предсказывал будущий триумф своей республики:

коммунальную идентичность, олицетворявшую свободу и единство сообщества: «Флорентийские фамилии едины, все они рождались и жили с гвельфским духом более, чем в каком-либо городе Италии» (Dati 1904: 120-121).

² Бруни 2004: 180; О том же см.: Ugolini 1971: 356.

«Теперь начала Коммуна Флоренция протягивать руки к великим делам, ибо известны флорентийцы духом, нетерпимым к тирану, теперь следуют они прекрасным порядкам... и творят великолепные деяния»³.

Хроника составлена в виде диалога автора со своим сыном, который интересовался: «Скажи мне: как могло быть, чтобы горожане охотно уплачивали такие деньги, или... их принуждали»? Автор отвечал:

«Любовь к отечеству и стремление сохранить свободу побуждали их делать это охотно, ибо они понимали: если... пойдут под синьора, то утратят все, и платили, что требовалось. Но также имелись добрые установления: каждый платил сообразно своим возможностям, а неимущие не платили ничего, за исключением обычных габелл».

Так Дати подчеркивал справедливость законов по налогообложению⁴. Он прославлял энергию и предприимчивость своих соотечественников, как причины экономического процветания города-государства:

«Они всегда старались обеспечивать жизнь ремеслом (*industrie*), и для этого выходили за пределы своей земли искать других провинций и стран, где видели возможность добыть средства, и так... узнавали они обычаи других наций мира, и привыкали к странствиям, собирая со всех сторон цветы (прибыли). И росло их великое желание видеть и приобретать... потому что тот не есть купец, кто не ищет по миру, не видит людей чужих наций, не возвращается в отечество с нажитым, нет ему тогда славы... обогащаясь, они приобретали практику и добрые нравы, которым нет равных в мире... а их богатство... творит благие дела: милосердие, любовь к бедным, и праведность в почитании Церквей Божьих...»⁵.

Много места Дати отводил описанию праздничных торжеств, желая показать великолепие, богатство, могущество, щедрость своей коммуны. Во всех подробностях он описывал празднование «Дня святого патрона Флоренции Джованни Баттиста (Иоанна Крестителя)»:

«... все цехи выставляют наружу свои богатые изделия: сколько драпов из золота и шелка демонстрируется там, которые бы украсили 10 королевств, сколько драгоценностей и вещей из золота и серебра, и ковров, и расписных столов, с чудесной резьбой...»⁶.

Еще две хроники подтверждают сходство настроений их авторов. «Дневник флорентийского анонима» (1382–1401)⁷ начинался с описаний

³ Dati 35: 37.

⁴ Ibid. 45: 43. Дати пояснял: «Граждане не теряли деньги, даже если ссужали их на нужды Коммуны, потому что во время мира и благополучия, они снова получали их, не затрачивая усилий, а также не теряли и времени, потому что имели каждый год приток 5% на 100, как если бы вложили их в землю, и выплаты были гарантированы».

⁵ Dati 70: 59-60.

⁶ Ibid.: 90-96: 117-133; 118: 91. Затем следовали описания процессов «людей в одеждах из тафты, затканых золотом и драгоценными камнями...». Ibid. 121-132: 92-96. Дати не уставал описывать достопримечательности своего города: площадь Синьории, часовня Ор Сан Микеле, церкви Санта Репарата и Санта Мария дель Фьоре.

⁷ *Alle bocche della piazza*. 1986. Далее: *Diario di Anonimo fiorentino*. Об авторе ничего не известно, кроме того, что он был непосредственным участником описываемых событий, о чем свидетельствует краткая преамбула от первого лица, в которой он заявляет о своем намерении изложить их (*Diario*: 17. 1). Аноним не следовал историко-политической мысли Флоренции 1380–1390-х гг., труд его находится в рамках традиционного историописания. См.: A. Molho e F. Sznura. *Introduzione*: XXVIII.

вооруженных гражданских столкновений в 1382 г., когда свергали «режим младших цехов», в город возвращались сосланные в 1378 г. «архигвельфы», одержимые настроениями политического реванша. Описаниям вооруженных попыток государственных переворотов 1382–1384 гг. посвящена примерно третья часть дневника Анонима⁸ По мере стабилизации общественной жизни, стало проявляться видение других событий: грандиозные празднества по случаю присоединения к флорентийскому доминиону г. Ареццо в ноябре 1384 г., непрерывно идущие несколько суток⁹. Аноним писал: «18 ноября... канцлер сер Колюччо (Салютати) объявил о взятии Ареццо коммуной Флоренцией и уходе оттуда гибеллинов. Затем зазвонили колокола, и по ночам было светло как днем для большого веселья». Далее шли описания «синьоров с оливковыми венками на головах», возглавлявших многолюдные процессии, а также джостр и состязаний. Торжества имели место и по поводу включения Сиены в сферу влияния Флоренции в 1385 г., в 1392 г. отмечали создание лиги «многих коммун» против герцога Миланского: союзниками Флоренции стали Болонья, Феррара, Падуя, Фаэнца, Урбино, Имола, Кортоня, Фриуль¹⁰.

Представитель старого флорентийского рода Филиппо Ринуччини (1392–1462)¹¹, составил хронике, охватывавшую период 1282–1458 гг.

⁸ Diario di anonimo fiorentino: 17-54.

⁹ Ibid.: 49-55. 60-61. Справедливости ради следует отметить, что внутренние противоречия все же давали о себе знать. Для состязаний юноши из именитых семей образовали три бригады: те, что были под руководством Альбици, разодетые в желтые драпы с переливающимся солнцем на груди и золотыми поясами, второй отряд возглавляли Каstellани, наряженные в пурпурно-желтые драпы, третий составляли Альберти в бледно-голубых драпах, украшенных бубенчиками. Хотя автор подчеркивал, что Альберти сражались, ломая копыя не хуже других, их отстранили от состязания: сказалось недовольство представителями этой фамилии в кругах формирующейся элиты. (Ibid.: 55-56). В 1386 г. праздновали коронацию Карла III Венгерского: в джостре снова участвовала бригада Альберти в белых драпах, расшитых коронками из золота, но на третий день состязаний их отстранили, запретив выставить гербы своего дома (Ibid.: 61-63, 66). Возможно, причиной была ненависть вернувшихся в 1382 г. архигвельфов к Бенедетто дель Альберти, одному из заправил режима «тощего» народа.

¹⁰ Ibid: 58-59; 137-139. 140-141. Даже похороны выдающихся лиц давали повод автору представить великолепие своего города, о чем свидетельствует торжество при погребении рыцаря и выдающегося кондотьера Джованни Агуто (18 марта 1394 г.): «...тело его стояло всю ночь на возвышении в Сан Джованни, и там же находился стол с большим количеством мехов и драпов, и постоянно горели 300 канделябров... на площади Синьории на огромном столе стоял гроб, убранный множеством мехов, а вокруг стола разостлали ковры и развесили украшенные золотом драпировки. И весь клир собрался в Санта Мария дель Фьоре в количестве 200 священников и монахов...». Ibid: 168-169.

¹¹ Краткие сведения о нем соощал биограф святого Ринуччини Д. Аяччи (Ricordi storici... 1840: 137-138. Филиппо был членом старшего цеха торговцев специями и медиков, его брак с представительницей рода Веттори, входившего в правящую элиту, доказывал высокий социальный статус фамилии Ринуччини. Филиппо имел задолженность в Монте на очень крупную сумму в 60000 флоринов, которую выплачивал до конца своей жизни. Его участие в управлении Коммуной не было активным. Он с гордостью вспоминал, как в 1418 г. его отправили в Ломбардию приветствовать папу Мартина V, хотя он был не послом, а лишь членом свиты при посольстве. В 1450 г. его избрали Капитаном партии Гвельфов, о чем он не упоминал в своей хронике.

Его краткие аннотации до 1390-х гг. несли довольно сухую информацию о событиях¹². Записи становились гораздо более пространственными и содержательными с 1390-х гг., когда автор стал современником событий¹³. Из описаний проступают две противоположные тенденции «золотого века флорентийской олигархии»¹⁴: с одной стороны, восхищение богатством и могуществом Флорентийской республики, ставших следствием с трудом достигнутого к концу 1380-х гг. относительного социально-политического равновесия¹⁵. С другой, тревога и опасение по поводу потрясений, порождаемых новшествами, угрожающими флорентийской демократии.

Начиная с 1390-х гг. рубрики хроники наполняются оптимистическими картинами процветания и благополучия Флоренции. Автор повествует о торжественном возвращении флорентийских послов, удостоившихся возведения в рыцарское звание королем Неаполя (январь–февраль 1415). Хронист, которому тогда было около 23-х лет, присутствовал на пиру в честь этого события в качестве помощника и с восторгом описывал «прекрасный ужин в большом монастырском дворе Санта Мария Новелла»: «скатерти тонкого полотна с богатыми вышивками на столах», куда пригласили всех должностных лиц Флоренции и глав монастырей, вкуснейшую еду». Он писал: «Это было прекрасным и изысканным жестом, ... и не было еще видано столь красивого обычая во Флоренции»¹⁶. В том же ряду и пронизанные умилением сцены празднования Св. Троицы: процессии, торжественные акты милосердия в монастыре Санто Спирито: «Столы, уставленные сладостями для каждого приходящего, отличным требьяно, другими яствами», пиры в церкви Санта Кроче: «Всех принимали с лучшими блюдами и драгоценнейшими винами»¹⁷.

В 1417 г. ему самому довелось участвовать в посольстве коммуны в Рим: «Было послано блестящее посольство к папе Мартину V: всех послов и их фамилии (свиты) нарядили за счет коммуны. Послов – в кармазинный велюр¹⁸, юношей свиты (в их числе находился автор) – в розовый велюр, других представителей свиты – в цвет «скарлаттино» (желто-коричневый), и все они были прекрасными наездниками, имея 62 коней и 12 мулов навьюченных тюками, в которых находились дары...»¹⁹. В таком же возвышенном тоне Филиппо описывал визиты пап во Флоренцию

¹² Ricordi storici: XXXV-XL. Все записи лаконичны за исключением пространного панегирика, озаглавленного «Жизнь и смерть Данте Алигьери», который Филиппо посвятил самому почитаемому им персонажу флорентийской истории. Ibid: XI-XIX.

¹³ Их высоко оценивали современники, о чем свидетельствует то, что их, с разрешения наследников, скомпилировали для официальной летописи Флоренции, хранящейся в Палаццо Синьории (Aiazzi 1840: 138).

¹⁴ Гвиччардини 2004. 109: 82; Брагина 2004: 10-12; Jorcin 1969: 48-49.

¹⁵ О социально-политическом равновесии в этот период см.: Anzilotti 1912: 6-22.

¹⁶ Ricordi storici: LIII-LIV. Послами являлись представители олигархических фамилий старых и почитаемых родов: Лоренцо Ридольфи, Палла ди Нюффри Строчи, Маттео ди Микеле Каstellани, молодой Аньоло ди Якопо Аччайуоли.

¹⁷ Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini: LXXIV.

¹⁸ Очень дорогой бархат, окрашенный в алый, вишневый, пурпурный тона.

¹⁹ Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini: LV.

и торжества по поводу «дарования ими золотых роз». Автор повествовал о богатом антураже встречи папы Мартина V в 1418 г.: прекрасные штандарты партии гвельфов из шелка, подбитого горностаями, складчатые балдахины, затем дары: 2 верховые породистые лошади, богато украшенные, великолепный табернакль (дарохранительница) для золотой розы, дарованной им Синьорией²⁰. Из этих описаний предстает почти идиллический образ богатого, щедрого, великолепного города.

Две другие хроники очень отличаются от рассмотренных выше, они как бы фланкировали «Диарио» Анонима и «Хронику» Филиппо Ринуччини. Им предшествовала «Флорентийская хроника»²¹ их старшего современника Маркьонне ди Коппо Стефани (1336–1385), который во второй части своего сочинения описывал непосредственно наблюдаемые им события. Амедео де Вичентис, современный исследователь творчества Стефани писал: «После 1348 г., когда Маркьонне непосредственно представляет историю только на основе собственного видения фактов, его тон постепенно становится мрачным, обрисовывая политическую жизнь Флоренции крайне пессимистично, рассказ о фактах насыщается негативными пояснениями: о внутренних насилиях, ставших уже привычными... о неспособности граждан управлять общественными финансами, об их соглашательстве и разделении на секты»²². Вторая хроника вышла из-под пера сына Филиппо – Аламанно ди Филиппо Ринуччини (1426–1499), гуманиста, автора широко известного «Диалога о свободе»²³. Аламанно совсем не был склонен к описанию праздничных церемоний и ликований граждан. В сообщениях о торжественных приемах высокопоставленных лиц этот республиканец был взволнован прежде всего тем, какое место в них занимает Синьория, как традиционная основа народного режима. Повествуя о прибытии в город миланского герцога Галеаццо Мария Висконти с супругой в 1471 г., он удовлетворенно отмечал, что главную роль в торжественной встрече играли Синьория и Гонфалоньер Справедливости, несмотря на то, что поместились визитеры в палаццо Лоренцо Медичи²⁴. Празднества в честь визита 15-летнего кардинала Джованни ди Лоренцо Медичи вызвали у Аламанно неприкрытый скепсис: «10 марта

²⁰ Ibid: LVI-LVII. Евгений IV (1431–1447) преподнес Золотую Розу собору Санта-Мария дель Фьоре. В 1451 г. явился император Фридрих III, король Германии, со свитой в 3000 всадников: «Ему оказали величайшие почести: коммуна оплатила все его издержки пока он двигался по всей нашей территории, как и всей его свиты, около 20000 флор.». На обратном пути он еще раз посетил Флоренцию, и снова все его издержки на земле флорентийского доминиона были оплачены коммуной» (Ibid: LXXVI-LXXVIII). Автор восхищался щедростью коммуны, проявленной при погребении канцлера Леонардо Бруни в 1444 г., упоминал «прекрасную речь», произнесенную Джанозцо ди Бернардо Манетти над прахом его (Ibid: LXXIII).

²¹ Marchionne di Coppo Stefani. 1903.

²² De Vicentiis A. Scrittura storica e politica cittadina: la cronica fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani // Rivista di storia italiana. 1996. CVIII. Fasc 1: 278.

²³ См.: Брагина 1983: 92-119.

²⁴ Rinuccini A. Continuazioni di Alamanno (P. LXXXIX-CLXII) e Neri suoi (Filippo) figli fino al 1506: CXV-CXVI.

1491 г. явился во Флоренцию мессер Джованни ди Лоренцо Медичи, как кардинал... и устроили публичный праздник, так что это кардинальство обошлось нашему городу в 200000 флор. ...Синьория, когда он находился в доме своего отца на официальном обеде, прислала ему почти 1000 ливров и драгоценных украшений на сумму в 15000-20000 флор.»²⁵. Его не интересовали описания торжеств и увеселений на фоне с тревогой фиксируемого им постепенного упадка республиканских порядков.

Сквозь канву описания успехов, празднеств, торжественных пиров и шествий в «Диарио» и у Филиппо Ринуччини проступали настораживающие сведения о внутреннем неблагополучии, связанном с двумя видами противоречий: с одной стороны, проявлялся старый антагонизм между вернувшимися и жаждущими реванша архигвельфами, которыми негласно предводительствовали Альбицци, и противостоящим им народом, пытающимся опереться на Альберти, которые, возможно, делали ставку на представителей младших цехов²⁶. Наряду с этим противостоянием все больше заявляло о себе новое – борьба внутри формирующейся олигархической группы за политическое влияние. Так, запись в хронике Анонима, датированная апрелем 1387 г., гласила:

«Многим гражданам не нравился образ действий мессера Бенедетто Альберти, потому что казалось им, что он намеревается стать синьором Флоренции»²⁷.

Что давало основания для таких подозрений, помимо того, что Бенедетто Альберти, некоторое время был на стороне режима чомпи? Следует учитывать колоссальные богатства клана Альберти, какие не имело ни одно семейство Флоренции. Современный историк Джон Нэйджмеи резонно делал вывод: «Такое запредельное богатство могло угрожать равновесию, установившемуся между домами элиты, что, вероятно, и было глубокой мотивацией необходимости изгнания Альберти»²⁸. Причем их богатства сочетались с расположением у народа благодаря связям Бенедетто. В любом случае встает вопрос, какой ценой удавалось сохранять относительные спокойствие и единство коммунального социума?

²⁵ Ibid: CXLV.

²⁶ Глава и старейшина клана Альберти – Бенедетто дельи Альберти (1320–1388) был одним из глав режима младших цехов 1378–1382 гг. Видимо, еще до выступления чомпи он был связан с будущими представителями народной партии – Томмазо ди Марко Строчи, Джорджо Скали и Сальвестро Медичи, выступление которого против всесия Капитанов партии гвельфов в мае 1378 г. дало сигнал к восстанию. В период правления младших цехов в 1378–1381 гг. Бенедетто назначался на важные посты, являясь советником главы чомпи Микеле ди Ландо. Но рано поняв, что правление того же народа обречено, он, видимо, с 1379–1380 гг., стал устанавливать контакты с их противниками из высшей социальной группы, к которой сам изначально принадлежал, и потому не был изгнан в 1382 г., когда правлению младших цехов пришел конец.

²⁷ *Diario di anonimo fiorentino*: 65-66.

²⁸ По данным финансового отчета от 1395 г., уплаты в коммуну от 4-х братьев Альберти доходили до колоссальной суммы в 130000 флор. и составляли 23% от всего поступающего от 52-х очень богатых семей, вносящих 49% от всего годового бюджета, и 11% от всей совокупности поступлений. Вторыми шли братья Альбицци, чьи платежи никогда не достигали даже 1/5 части от взноса Альберти. Najemy 2014: 236.

Первые меры были едва заметны в процессе «упорядочивания» доступа к должностям: всего лишь некоторые изменения избирательной системы. В 1387 г. было решено ввести «Сумочку» (Borsellino), дополнительную избирательную суму, в которую попадали жребии с именами наиболее уважаемых и авторитетных лиц: 2 Приора из 8-и вытягивались из «Сумочки», дабы обеспечить преимущество членов старших цехов²⁹. В городе уже давно утверждалась практика создания чрезвычайных комиссий (Балии), усложнявших и без того запутанную систему флорентийских советов и коллегий. В 1387 г. были созданы Балия 81-го для пересмотра списков и предоставления избирательных прав тем, кто был лишен при правлении чомпи, и Балия 70-и для решения сложных вопросов внутренней политики. В 1388 г. – Балия 10-и, ведающая внешней политикой и финансами; в 1391 г. – Балия 8-и для проверки списков 1382 и 1391 гг.³⁰ Функции управления не были четко распределены между этими комиссиями и традиционными. Так, Джованни Морелли заявлял, что Балия 81-го «предварительно рассматривала любое предложение, поступавшее в Приорат, и решала, на какую комиссию его вынести, принимала все важные распоряжения относительно обеспечения войск и выборов»³¹. Аноним писал, что в 1393 г. избрали Балию с чрезвычайными полномочиями, чтобы не допустить «прихода к власти гибеллинов и аммонированных»³². Граждане объединялись в вооруженные отряды под руководством Альбицци, Перуцци и Медичи. Всех видных представителей семьи Альберти навечно лишили права занимать должности, состоять в партии гвельфов, быть членами цехов, а глав клана Бенедетто и Чиприано выслали на 2 года. Также урезали представительство народа до 2-х Приоров из 8-и, до 3-х лиц в коллегии 12-и Добрых мужей и до 4-х из 16-и Гонфалоньеров компаний, что неожиданно легко прошло в Советах Народа и Коммуны, «ибо большинству хотелось покоя и порядка в городе»: не удивительно, что это решение праздновали в течение трех дней³³.

Противоречия внутри правящей элиты снова обострились в октябре 1393 г., когда из-за случайного ночного беспорядка поднялось волнение и стали кричать: «Да здравствуют гвельфы!», требуя казни Чиприано и Альбертаччо дельи Альберти. Синьория созвала Парламент³⁴, избравшее Балию, члены которой получили чрезвычайные полномочия: право

²⁹ Guidi 1981. Т 1: 295-297. Сначала два, потом, в 1393 г. – три из 8-и постов Приоров были гарантированы для представителей элиты: отобранные «рукой» имена помещались в «сумочку». Когда и Гонфалоньер Справедливости стал избираться аккопьяторами, 4 из 9 постов Приората избирались из «сумочки». См.: Najemy 2014: 231.

³⁰ Capponi 1962. VI: 35.

³¹ Morelli 1956: 428; Capponi 1962.

³² Diario di anonimo fiorentino: 66. Имеются в виду две радикальные группировки: «гибеллинами» называли сторонников режима младших цехов, свергнутого в 1382 г., «архигвельфами» – вернувшихся в том же году заправил партии гвельфов, стремящихся восстановить режим партийной диктатуры. Аммонированные – те, кто были лишены права занимать какие-либо должности в республике.

³³ Ibid: 68-70, 72-74.

³⁴ Народное собрание (один из самых древних органов управления коммуной).

на ношение оружия и передачу его в руки того, кого они сочтут нужным, а всех, кто негативно высказывался о членах Балии, присуждать к штрафу в 2000 зол. флор. или казни. Члены Балии должны были заново наполнить избирательные сумы «добрыми людьми-гвельфами» и составить новые избирательные списки. Кроме того, почти всех Альберти объявили грандами и выслали половину членов фамилии³⁵. Далее Балия сосредоточилась на выборных реформах: аннулировали все сумы, скомплектованные по списку 1385 г. для выборов в правление коммуны, палату Мерканция и руководство цехов. Составили новые списки и в то же время выбирали «рукой» консулов цехов, советников Мерканции, но, главное, членов последующего Приората, обеспечивая таким образом присутствие на должностях доверенных союзников, попавших в списки. 5 из 8-и Приоров были выбраны рукой на ноябрь-декабрь 1393 г. усилиями той же Балии, а Никколо д'Уццано стал Гонфалоньером Справедливости, кроме того, три Приора были выбраны из «сумочки». Тогда же, видимо, впервые, произошло знаковое событие: «жеребьи отбирали руками из сум, предварительно открытых»³⁶. Экстраординарным решением Балии стало избрание 9-и аккоппяторов во главе с Мазо дельи Альбицци для ревизии существующих сум: по своему усмотрению они могли добавлять или устранять жребии из всех сум, скомплектованных по предыдущим спискам³⁷.

Борьба между олигархическими группами дала себя знать в 1396 г., когда в условиях возобновившихся волнений членов младших цехов по доносу был арестован и приговорен к изгнанию влиятельный гражданин Донато Аччайуоли, которого обвинили в том, что он стремится быть тираном Флоренции и, вооружив тощий народ, свергнуть власть Синьории, вернуть всех изгнанников и сделать новые списки, куда внести имена изгнанных и лишенных прав избрания на должности. Возможно, главной причиной ареста и пожизненной ссылки стало скрытое противостояние Донато с могущественными Альбицци³⁸. Тогда же арестовали и осудили

³⁵ Diario di anonimo fiorentino: 150-151. На стр. 151-156. Аноним приводил полный список всех членов этой Балии. Дж. Нэйджеми полагал, что Балия представляла собой точный список фамилий правящей группы последующих десятилетий: помимо Альбицци там фигурировали Уццано, Содерини, Ридольфи, Веттори, Капони, Питти, Корсини, Гвиччардини от картьеры Санто Спирито; Магалотти, Сальвиати, Барончелли, Манчини, Дель Антелла, Кастеллани от Санта Кроче; Аччайуоли, Строцци, Спино, Ручеллаи, Ардингелли, Альтовити, Даванцати, Минербетти от Санта Мария Новелла; Медичи (включая Джованни ди Биччи, отца Козимо), Риччи, Алессандро, Валори от Сан Джованни. См.: Najemy 2014: 232-233.

³⁶ Diario di anonimo fiorentino: 156-157. До этого бюллетени с именами претендентов на должность вытягивались из закрытых сум нотарием Синьории, который не видел записанных на них имен, подобно фишкам при игре в лото.

³⁷ Najemy 2014: 232-233.

³⁸ Diario...: 185-190. Это подтверждается отчасти тем, что вскоре некоторые представители фамилии Медичи, которых Альбицци считали своими противниками, были посланы, якобы, за участие в заговоре, организованном Донато Аччайуоли. Донато, пытаясь доказать свою невиновность, прислал Синьорам письмо, которое Аноним полностью привел в своем «Дневнике», как и ответ на него Синьории (Ibid.: 192-199, 200-203). Скорее всего, Донато признался под угрозой пытки, а страх перед попытками

еще ряд представителей семьи Альберти и среди них ненавистного архигвельфам старого Бенедетто, опасаясь, что поднимутся младшие цехи³⁹.

Какой же ценой было достигнуто относительное умиротворение социума? Напрашивается ответ: ограничением флорентийского народовластия при сохранении в целом республиканских институтов. Многие реформы ограничивали демократические устои: прежде всего, введение особых списков избрания на должности: «Сумочки», куда вносились имена наиболее опытных в правлении граждан (1393), «Зеркала» (*Specchio*), списка, содержащего имена граждан, имеющих задолженности по уплате налогов, которые не допускались к коммунальным должностям (1397), «Привилегированных»/ *Veneficiati* (1406), включавший лишь имена членов старших цехов для избрания в Синьорию, которые, как и их прямые предки, платили налоги без перебоев в течение 30 лет. Если тот, чье имя вытягивалось из избирательной суммы, отсутствовал или получал отвод, его заменяли очередным кандидатом из списка «Привилегированных». В результате число членов младших цехов в коммунальных властных структурах стало сокращаться⁴⁰, а вошедшим в этот реестр отдавалось предпочтение при избрании в чрезвычайные коллегии и Советы⁴¹.

Значительную роль со второй половины XIV в. стали играть особые чрезвычайные комиссии – Балии. Современники склонны были оценивать деятельность балий отрицательно. Аноним осуждал Балию 10-и (1384) за ее злоупотребления и бесконтрольность: «Комиссия 10-и должна решать вопросы о том, как нужно тратить деньги, вместе с Приорами и Гонфалоньером Справедливости, а ее члены представляли их, кому хотели и куда хотели». Балии сужали систему народоправства, укрепляли позиции крепнущей олигархии: часто ее представители, выходя по окончании полномочий из одного коммунального совета или правящей структуры, сразу же входили в ту или иную Балию, поскольку на эти органы не распространялся мораторий на новое избрание, действующий для традиционных властных институтов⁴². В то же время явно отмирало древнее Парламенто, по поводу чего сокрушался Веспасиано Бистиччи⁴³.

раскачать с трудом достигнутое равновесие привел к столь суровым последствиям для подозреваемого, которому даже не были предъявлены конкретные обвинения.

³⁹ *Cronica volgare*... Т. XXVII: 190-191.

⁴⁰ Анонимный автор сообщал, что в 1381–1382 гг. в правящих коллегиях членам старших цехов отводилось более половины мест, а Гонфалоньер Справедливости избирался только из старших цехов. См. *Cronica volgare dall'1385 al 1409*: 34.

⁴¹ Например, в Совет 200-т, в сумку для избрания которого помещались только «Привилегированные». См.: Bertelli 1978: 97-98; Guidi 1981: 255-256.

⁴² Brucker (1977: 264-265) отмечал, что между 1403 и 1414 гг. 57 человек, происходящих из ведущих фамилий, преимущественно говорили речи по крайней мере в 20 Практиках: 5 из них выступали более сотни раз (Филиппо Корсини, Пьеро Барончелли, Кристофано Спино, Мазо дельи Альбицци, Ринальдо Джанфильяцци), и еще 14 – более 50 раз (среди них Джинно Каппони, Лоренцо Ридольфи и Никколо да Ущано).

⁴³ Bisticci 1892–1893: 278. Одной из причин всевластия разного рода чрезвычайных коллегий Веспасиано считал, «что народ перестал собираться на Парламенто, чтобы требовать у правителей отчета в их деяниях и израсходованных средствах».

В избирательной системе все большую роль начинали играть аккопьяторы⁴⁴, осуществлявшие отбор из избирательных списков имен граждан, набравших наибольшее число голосов, и размещение их по избирательным сумам⁴⁵. Биограф Бистиччи писал, что видный гражданин Маттео ди Симоне дельи Строцци в 1404 г., уже зная, что его фамилия находится в избирательных списках на пост Гонфалоньера Справедливости, просил аккопьятора, избранного от его картьеры, внести его жребий в суму Гонфалоньеров и получил согласие. Но этот аккопьятор, являясь тайным противником Маттео, сообщил о его просьбе в Синьории, что и послужило предлогом для изгнания Маттео Строцци из Флоренции⁴⁶.

Выдающийся проповедник Антонино Флорентийский грозил муками ада членам избирательной комиссии за утайку бобов при голосовании, чтобы нежелательные кому-либо кандидаты не могли собрать положенной 1/3 голосов, необходимых для внесения в списки на должности:

«Много было случаев сокрытия бобов... и тогда Архиепископ Антонино делал публичные оглашения об этом во всех главных церквах, грозя виновным отлучением от церкви: “Синьоры превышают свою власть, когда не позволяют на Советах свободного голосования, когда силой и настойчивостью заставляют голосующих показывать свои бобы. Они совершают тяжкий грех, посягая на свободу города...”»⁴⁷.

Но самым вопиющим нарушением традиционной системы избрания на должности будут считать случившийся в 1393 г. прецедент – отбор из открытых сум «рукой» жребиев с именами, осуществляемый аккопьяторами, вместо вытягивания их «вслепую» должностными лицами Синьории, в лице которых, как тогда считалось, действовала сама судьба.

Итак, сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, значение выборных институтов и властные полномочия Синьории возросли: судя по статутам 1415 г., к ним все больше переходили судебные и исполнительные прерогативы от иноземных должностных лиц – Подеста и Капитана народа⁴⁸. Балии избирались и утверждались на Парламенто, что создавало иллюзию усиления демократического начала в управлении, хотя Балии и аккопьяторы оттесняли на второй план Синьорию – главную структуру республиканского строя⁴⁹. Вместе с тем, практика отбора

⁴⁴ В переводе: «соединенные парно», поскольку от каждой картьеры избиралось первоначально по 2 человека, хотя это число не было постоянным.

⁴⁵ Сужение рамок демократии проявилось в сокращении представительства младших цехов в коллегии выборщиков – *argoti*, куда в 1490-е гг. входили $\frac{3}{4}$ от старших цехов и $\frac{1}{4}$ от младших, тогда как в первой половине XV в. – соответственно $\frac{4}{5}$ и $\frac{1}{5}$. См.: Rubinstein 1966; Guidi 1981. P. 287-29; 349-350.

⁴⁶ Bisticci 1859: 178-180. Известно, что во Флоренции с просьбами такого рода принято было обращаться не с пустыми руками.

⁴⁷ Morçay R. Saint Antonin. Archevêque de Florence: 254-256. Антонино Пьероцци (1389-1459), архиепископ с 1446 г., флорентиец по рождению из пополанской семьи.

⁴⁸ Guidi 1981; Diario d'Anonimo: 158-159.

⁴⁹ Diario di anonimo fiorentino: 67-71. Первая Балия была создана во время волнений 1387 г. и продлена до конца 1388 г. Она приняла решение о высылке глав дома Альберти и их союзников, а также об уменьшении представительства младших цехов в Синьории до 2-х приоров из 8-и. См. также: Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini: XLI.

кандидатов на должности «рукой» не стала еще необратимым явлением: в 1394-1395 гг. вернулись к прежнему способу вытягивания жребиев с именами из закрытых сум⁵⁰. Последующие попытки мятежей легко подавлялись, не вызывая особых потрясений в обществе, ибо, как писал Филиппо Ринуччини о попытке мятежа в 1412 г.: «Все в государстве было хорошо предусмотрено»⁵¹. Что он, возможно, имел в виду?

В списках кандидатов на должности с 1382 по 1393 гг. сокращалось число имен, что вызывало недовольство преимущественно членов средних и младших цехов. Но с 1411 г. число имен кандидатов в них стало возрастать (619 в 1393, 1069 в 1411, 2084 в 1433), тогда как представительство в Приорате для членов младших цехов уменьшилось примерно в тот же промежуток времени с 4-х до 3-х, а затем до 2-х⁵².

Следует помнить, что даже только внесение имени в избирательный список являлось среди граждан Флоренции предметом гордости и знаком престижа для всей фамилии. Тот, кто оказывался в списке, мог довольно долго питать обоснованную надежду на избрание. После 1393 г. число фамилий в списках возрастало, но число семей, члены которых реально избирались в Синьорию, быстро уменьшалось⁵³. Превалировали старые фамилии: 34 из 43-х домов дали 4-х или более Приоров между 1382 и 1399 гг., 24 из этих домов имели доступ к магистратурам даже раньше 1300 г. После 1393 г. политический класс города последовательно закрывал двери перед новыми людьми. В XV в. некоторые новые фамилии – Морелли, Серристоры, Пуччи занимали должности довольно часто, но речь идет скорее об исключениях, которые были обязаны своим политическим успехом расположению к ним людей, находившихся уже на вершинах власти⁵⁴. Тем не менее, флорентийское замыкание никогда не было столь жестким, как в Венеции: правящий слой не опирался на наследственный, традиционно и юридически узаконенный статус.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брагина Л. М. Гвиччардини – политик и моралист // Гвиччардини Франческо. Заметки о делах политических и гражданских. М., 2004. [Bragina L. M. Gvichchardini – politik i moralist // Gvichchardini Franchesko. Zametki o delah politicheskikh i grazhdanskih. M., 2004].
- Бруни Л. Восхваление города Флоренции. Вступ. статья, пер. с лат. и комм. И.Я. Эльфонд // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. [Bruni L. Voskhvalenie goroda Florencii. Vstupitel'naya stat'ya, perevod s latinskogo i kommentarij I.YA. El'-fond // Gumanisticheskaya mysl' ital'yanskogo Vozrozhdeniya. M., 2004.].
- Питти Б. Хроника / Пер. З.В. Гуковской / Под ред. М.А. Гуковского, В.И. Рутенбурга. Л., 1972 [Pitti B. Hronika / Per. Z.V. Gukovskoj. Pod red. M.A. Gukovskogo, V.I. Rutenburga. L., 1972].

⁵⁰ Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini: XLII.

⁵¹ Ibid: LI.

⁵² Najemy 2014: 230.

⁵³ Ibid: 233. За 3,5 года народного правления в 1378–1382 г. 100 фамилий избирались в Приорат, в среднем 28,5 в год. За почти 12 лет между Балией 1382 г. и Балией 1393 г. новых фамилий в этой магистратуре было 212 (от 13 до 22 каждый год), среднегодовая цифра – около 18. В последующее десятилетие после Балии и списка 1393 г. – только 79 новых фамилий дали по одному Приору, а за три следующих десятилетия, с 1404 по 1433 г. число новых фамилий уменьшилось до 86-ти.

⁵⁴ К такому же выводу пришел в своей статье и А. Молхо: Molho 1968.

- Anzilotti A. La crisi costituzionale della Repubblica fiorentina. Firenze, 1912.
- Bertelli S. Il potere oligarchico nello stato-città medievale Firenze, 1978.
- Bisticci V. Vite di uomini illustri. Del secolo XV / a cura di L. Frati.. Bologna. 1892-1893. T. II.
- Brucker G. The Civic World of early renaissance Florence, Princeton, 1977.
- Capponi G. Ricordi. // Miscellanea di studi offerta a A. Balduino e B. Bianchi. Padova, 1962.
- Cronica volgare di Anonimo fiorentinodall' 1385 all' 1409 attribuita a P. Minerbetti // Rerum italicarum scriptores. Città di castello. 1953-1955. T. XXVII.
- Dati G. Istoria di Firenze di Goro Dati dall' anno 1380 all' anno 1405 / A cura di Luigi Pratesi. Norcia, 1904.
- De Vicentiis A. Scrittura storica e politica cittadina: la cronica fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani // Rivista di storica inalina. 1996. CVIII. Fasc I.
- Diario di Anonimo fiorentino (1382-1401) // Alle bocche della piazza. Diario di Anonimo fiorentino/ A cura di A. Molho e F. Sznura. Firenze, 1986.
- Guidi G. Il governo della città–Repubblica di Firenze del primo Quattrocento. Firenze, 1981. T. 1. Politica e diritto.
- Guidi G. Gli istituti "Di Dentro" che componevano il governo di Firenze nel 1415. Firenze. T. II. 1981.
- Jorcin A. Les Medicis. Lausanne, 1969.
- Molho A., Sznura F. Introduzione // Alle bocche della piazza. Diario di Anonimo fiorentino.
- Morelli G. Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956.
- Morçay R. Saint Antonin. Archevêque de Florence (1389-1459). Paris, 1914.
- Najemy J. M. Storia di Firenze. 1200-1575. Torino, 2014.
- Rinuccini F. Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini // Aiazzi G. Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460 della continuazioni di Alamanno e Neri suoi figli fino al 1506. Firenze, 1840.
- Rinuccini A. Continuazioni di Alamanno // Aiazzi D. Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460 della continuazioni di Alamanno e Neri suoi figli fino al 1506 /a cura di G. Aiazzi. Firenze. 1840.
- Rubinstein N. The government of Florence under the Medici (1434-1454). Oxford, 1966. T. II.
- Stefani Marchionne di Coppo. Cronaca fiorentina/ a cura di Niccolò Rodolico // Rerum italicarum scriptores. Tomo XXX. Parte I. Città di Castello, 1903.
- Ugolini P. La politica fiorentina di Cosimo Medici. Fiorentina libertas. // Un' altra Firenze. L' epoca di Cosimo il Vecchio. Firenze, 1971.

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет; gorward_@mail.ru

Transformation of Images of Perception of Socio-Political Changes in Florence in the Last Quarter of the XIV- Early XV Centuries.

The article deals with the peculiarities of the perception of socio-political changes by Florentine citizens in the last quarter of the XIV- early XV c., when the dictatorship of the Guelph Party was overthrown, a limit was set to the regime of junior workshops, and urban society returned to republican order, reaching a relative balance of structures involved in the management – senior and junior workshops, as well as those who returned to the city of the arch-elves. This was reflected in the perception of citizens as the achievement of relative harmony by society in a rich, prosperous city that has achieved significant foreign policy successes (inclusion in the sphere of the Florentine dominion of Arezzo and Pisa). Next, the "price of victory" is investigated: the restriction of the norms of Florentine democracy in favor of the emerging oligarchic system.

Keywords: republic of Florence, Guelph Party, guilds, Parlamento, Balias

Krasnova Irina Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations of the North Caucasus Federal University; gorward_@mail.ru

ГДЕ ИВАН IV ВЫДАВАЛ ГРАМОТЫ «ЗА ЗОЛОТОЙ ПЕЧАТЬЮ»?

Рассматривается один из эпизодов Казанского похода 1551 г., когда чуваши Горной стороны били челом Ивану IV в подданство и просили выдать им жалованную грамоту, скрепленную золотой печатью. Делается предположение, что традиция подобных документов уходит корнями в период Монгольской империи, когда наместник получал ярлык и пайцзу, которая в рассматриваемом сюжете превращается в «золотую» печать. С завоеванием Казанского ханства московские государи наследовали часть прерогатив ордынских падишахов. В частности, теперь они в Москве стали выдавать подобные документы и тем самым создали правовые условия для органичного вхождения вновь присоединенных территорий в состав Русского государства.

Ключевые слова: Русское государство XVI в., Золотая Орда, чуваша, Иван IV, жалованные грамоты за золотой печатью

В середине XVI в. произошло значительное продвижение границ Московского государства на восток за счет территорий Среднего и Нижнего Поволжья, а также Приуралья. Это были земли, населенные народами Казанского и Астраханского ханств, а также территории проживания башкир. Данные изменения произошли в очень короткие временные рамки, между захватами Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств. Почти одновременно в состав Русского государства вошли огромные пространства, населенные по преимуществу народами, исповедовавшими ислам или язычество. Для того чтобы сохранить и преумножить свое влияние на этих землях, московскому государю следовало создать здесь новую систему управления. Сразу же распространить на них русское законодательство было проблематично. Для создания множества опорных пунктов, где бы постоянно присутствовали московские администраторы и значительные военные контингенты, не было ни времени, ни средств. При этом новые подданные все же должны были зримо ощущать на себе власть православного царя. К тому же следовало разобраться с правами собственности на недвижимое имущество, возникшими до присоединения данных территорий к Москве. Также требовалось установить понятные правила взаимодействия с местными элитами.

В распоряжении исследователей отсутствуют сколько-нибудь значимые комплексы источников, с помощью анализа которых можно было бы судить о том, как на практике проходили эти процессы. Известны только отдельные документы или же упоминания о них, порой более чем смутные. Несмотря на это, имеется возможность представить в общих чертах, как протекали эти процессы. Логично предположить, что на всей вновь присоединенной территории данные события развивались приблизительно по одним и тем же сценариям. Такой подход дает возможность объединить все известные факты, касающиеся рассматриваемых регионов, а также некоторых соседних, находящихся в схожем положении. Тем самым проблема отсутствия источников отчасти решается.

Мы располагаем обширной историографией, в которой рассматриваются системы управления тех или иных народов Среднего и Нижнего Поволжья XVI в. Но единой картины, объединяющей процессы во всех этих регионах, не создано. На настоящий момент история инкорпорации территории с не православным, по преимуществу, населением лучше всего исследована на примере Мещеры. В данном случае нас интересует ее восточная часть – территория Кадомского и Темниковского уездов. Эти земли попали в сферу влияния Москвы на рубеже XIV и XV вв. После чего длительное время местное население продолжало жить по своим правилам. Постепенный рост русского влияния в регионе, очевидно, начинается с конца XV в. Окончательная унификация управления, в т.ч. судопроизводства, здесь произошла не ранее первой половины XVII в.¹ Это, по-видимому, была стандартная политика по отношению к новоприсоединенным землям. Если в лояльности местного населения, в первую очередь элит, не сомневались, такой регион на длительное время мог сохранять привычную систему управления. При вооруженном сопротивлении новым властям московские порядки устанавливались почти сразу, а национальная знать выводилась на иные земли, как правило в Новгородский уезд. Нечто подобное наблюдается в Астрахани по отношению к мусульманскому населению после событий 1569 г.² Такая политика вполне прослеживается и по отношению к некоторым исконным русским регионам³. Со временем процесс унификации значительно ускорялся. Укажем также на то, что Москва, безусловно, признавала все поземельные документы, выданные до присоединения этих территорий⁴. Это подчеркивает, что русские власти во взаимоотношениях со своими новыми подданными стремились к сохранению преемственности с прежними традициями, но не объясняет, на каких правовых основаниях местное население попадало в юрисдикцию православных государей. Ответ на это дает наблюдение над устойчивой традицией бытования на бывших землях Золотой Орды одного типа документов.

В мае–июне 1551 г., по сообщению летописей, чуваши Горной стороны били челом Ивану IV о вступлении в подданство. После этого московский государь «взял их к своему Свияжскому городу, и дал им грамоту жыловальную со златою печатью»⁵. Нас в данной истории интересует грамота за золотой печатью. А.А. Чибис рассматривает ее как уставную грамоту⁶. Подобную интерпретацию следует поставить под сомнение. На обширных пространствах от Поволжья до Западной Сибири, от Югры до Кавказа на протяжении XVI в. фиксируется устойчивое суще-

¹ Беляков 2020а; Акчурин, Ишеев, Абдиев 2021.

² Моисеев 2016.

³ Кром 2018: 82.

⁴ Мустакимов 2013.

⁵ Полное С. 62.

⁶ Чибис 2020: 88.

ствование жалованных грамоты за золотой печатью. Но факты не позволяют интерпретировать их как уставные грамоты. Сохранились как упоминания о них, так и полные тексты подобных документов. В основных чертах их протокол унифицирован, хотя имеются и различные вариации отдельных его частей. Они содержали упоминание челобитья на имя московского государя от правителя того или иного народа о желании пойти под его высокую руку; согласие великого князя / царя принять их в подданство; обещание выплаты дани / ясака новому сюзерену, а также «прямить и служить ему во всем». Со своей стороны, великий князь / царь гарантировал защиту своим новым подданным. В отдельных случаях протокол подобных грамот явно представлял собой значительно урезанный вариант. Это позволяет предположить, что ее получателю важнее был не текст, а правильность оформления документа: наличие золотой вислой печати на красном шелковом шнуре (мутовозе)⁷.

Выдача данных документов явно указывала на промежуточный статус новоприсоединенных территорий. Подобным образом оформленные жалованные грамоты выдавались только правителям, условно находящимся в зависимости от Москвы (Сибирское ханство / княжество, Грузия, Черкесия, югорские князья), или же территориям, недавно вошедшим в состав Русского государства, где новая власть чувствовала себя еще неуверенно (Чувашия, Башкирия). Как только московский государь начинал осознавать свою силу на этих землях, тут же происходило знаковое изменение в оформлении грамот – золотая печать заменялась на красновосковую. Сохранившееся описание подобной грамоты на Югру позволяет усомниться в том, что все печати были золотыми. Некоторые из них изготовлялись из серебра и были вызолочены⁸. Здесь существовала определенная иерархия. Хрисовулы привешивались на грамоты к черкесским князьям, грузинским и сибирским царям. О материале, из которого изготовлялись печати, посылаемые в иные земли, можно спорить. Возможно, на чувашские и башкирские грамоты также привешивались только серебряные вызолоченные печати. Но в любом случае они назывались золотыми.

Выбор такого правового взаимоотношения с новоприсоединенными территориями был неслучаен. Его корни, похоже, следует искать еще в ордынской практике. Д. Колодзейчик обратил внимание на тот факт, что термин алтунбайса («золотая пайза») часто встречается в крымских документах Посольского приказа XVII в. При этом байса / пайцза выступает аналогом вислой печати. Исследователь, опираясь на утверждение М.А. Усманова о том, что в Джучиевом Улусе не использовали вислых печатей, изготовленных из металла или иных материалов⁹, предпо-

⁷ Миллер 2005: 324-325; Под стягом 1992: 6; Жалованная а; Акты 2002: 397-399; Жалованная б; Белокуров 1889: 62; Титулярник Л. 82-82 об.; Беляков 2020б.

⁸ Миллер 2005: 324-325.

⁹ Усманов 1979: 178-179.

ложил, что это было нововведение XVII в.¹⁰ Золотые печати на крымских грамотах, отправляемых как в Бахчисарай, так и в Москву встречаются и ранее, на протяжении всего XVI в. При этом они привешивались исключительно на шерстные / крестоцеловальные грамоты¹¹. В данном случае нас в особенности должно заинтересовать название этих печатей – алтунбайса (золотая пайцза). Это явная отсылка ко времени Золотой Орды. Тем не менее, утверждение М.А. Усманова и наши наблюдения не противоречат друг другу. Дело в том, что в ордынской традиции наместник той или иной области получал ярлык с алой тамгой и пайцзу¹². В какой-то момент эти два символа оказались объединены.

В.В. Трепавлов в свое время, обращаясь к истории Башкирии и Сибири, отметил, что здесь утвердилась государственная традиция предусматривавшая легитимность земельного владения только в форме пожалования от монарха: «Хан не только жаловал земли и подвластное население, но и подтверждал право подданных на пользование их исконными, доставшимися от предков землями. Законно владеть ими можно было, только обладая разрешением и согласием со стороны высшей власти»¹³. Теперь мы вправе расширить географию распространения этой традиции. В Поволжье выдача подобных грамот была особенно актуальна. Ведь до этого подобные документы должны были выдаваться из Казани. Получается, что на первых порах для местного населения в отдельных регионах бывшего Казанского ханства ничего не изменилось за исключением смены верховного сюзерена. К тому же, выдача подобных документов, легитимизировала не только земельные владения, но и власть национальных элит в регионе.

Остается еще один немаловажный вопрос: где выдавались эти документы? Башкирские шежере и исторические предания не дают однозначного ответа. В них указываются различные даты получения жалованных грамот (1554, 1556, 1564 гг.). Однако приводимые в них сведения позволяют воссоздать общую канву тех событий. С захватом Казани русский государь стал падишахом. Через некоторое время представители башкирских родов отправились к московскому царю с просьбой о пожаловании их документами на землю. Реконструируемая в преданиях аудиенция в значительной степени напоминает дипломатический церемониал: непосредственный визит к монарху, выдача документа (ярлыка), пожалование тканями и приглашение к столу (последнее зафиксировано как пожалование «снеди»). Здесь указывается, что выдача ярлыка на землю находилась в прямой зависимости от обещания службы и уплаты дани. Со своей стороны, Иван IV гарантировал защиту своим новым подданным. Местом выдачи грамот выступает либо Казань, либо Москва. Однако Казань, попала сюда по ошибке и позднее, как место,

¹⁰ Колодзейчик 2015.

¹¹ Титулярник. Ф. 166. Л. 56; Отписка. Л. 25; Сборник 1884: 32.

¹² Абзалов 2011: 60, 63-64, 191-192.

¹³ Трепавлов 2018: 183.

в которое следовало доставлять ежегодный ясак. Изначально его следовало привозить непосредственно в Москву, но из-за долгой дороги ее сначала заменили на Казань, а затем на Уфу. Отдельно следует остановиться на эпизоде с кражей одним из участников посольства золотых тарелки и ложки, подаваемых на пире. Публикаторы этого предания пытаются объяснить данный пассаж влиянием более позднего обычая, по которому на уральских демидовских заводах в юбилейные годы на предприятиях устраивали угощения для престарелых рабочих. Каждый из них на память мог взять ложку, которой ел. Выдача жалованной грамоты и угощения на демидовских заводах со временем в народной памяти слились, а печать превратилась в тарелку¹⁴. Здесь можно привести предание, зафиксированное в Перми во второй половине XVIII в. По нему Иван IV вместе с жалованной грамотой угостил местного жителя за своим столом и подарил ему шелковую сеть (силки для ловли птиц). Последняя на самом деле могла быть изготовлена уже на месте из шелкового шнура, к которому привешивалась печать¹⁵. Этот пример наглядно показывает, как на месте могли трансформироваться события прошлого, проходившие в далекой Москве.

Однако в вопросе места выдачи грамот не все так просто. Когда в 1604 г. томский князь Тоян бил челом Борису Годунову «чтоб нашему царьскому величеству его, Тояна, пожаловать, велети ему быти под нашею царьскою высокою рукою», князя пригласили в столицу. Тоян приехал с челобитьем в Москву. Однако шерть на верность он приносил уже по возвращении в Сибирь в Сургуте¹⁶. Подобная картина наблюдается с югорскими князьями и во второй половине XV в. Во время похода в Югру в 1483 г. большого воинского контингента Ивана III было захвачено и вывезено в Москву несколько местных князей. Вслед за этим к великому князю с богатыми поминками приехал князь Пыгкей. Если ему также выдавалась жалованная грамота, то это должно было произойти в Москве. А вот процедура шертования происходила около Усть-Выми, резиденции пермского епископа¹⁷. Существовал ряд сценариев вступления в подданство – так эти действия рассматривались в Москве. На местах они могли восприниматься как заключение временного союза. В первом варианте жалованная грамота выдавалась в Москве, а процедура шертования проходила на месте. Во втором случае выдача грамоты (ярлыка) и шертование осуществлялись на месте. Но где тогда выдавалась грамота / ярлык чувашам? Однозначного ответа здесь нет.

Серебряные и золотые печати в XVI–XVII в. изготавливались специально к каждому случаю. Похоже, в казне их не держали про запас. Более того, их вес не был унифицирован и мог значительно отличаться¹⁸.

¹⁴ Башкирские 1960: 33, 73, 78-79, 117, 127, 150; Башкирские 2015: 141-143, 177-178.

¹⁵ Лепехин 1780: 195-196.

¹⁶ Сургутская. Л. 135-136 об.

¹⁷ Плигузов 1994: 145-150.

¹⁸ Викторов 1883: 511-512.

Можно, допустить, что Иван IV предполагал мирный переход части населения Казанского ханства в московское подданство и взял в поход несколько специально заготовленных подобных печатей. Наши знания о схожих ситуациях в иных регионах противоречат этому. Похоже с чувашами ситуация могла развиваться несколько по-иному. Вначале на месте они принесли шерсть, а затем в Москве им выдали жалованную грамоту за золотой печатью.

Обратим внимание на один нюанс. Он хорошо прослеживается по сибирским документам конца XVI–XVII вв. В наказных грамотах воеводам сибирских городов постоянно указывают на необходимость приезда в город местного населения. Можно выделить несколько поводов для этого: привоз ясака; сообщения об изменах; довод известий о готовящихся нападениях с сопредельных территорий. Более того, для того чтобы у них был дополнительный стимул, предусматривалось их угощение едой и питьем от имени московского государя. В наказной памяти тарским воеводе кн. Ф.Б. Елецкому и голове В. Хлопову в 1595 г. читаем: «А которые князьки и татарове государю служат, и в город к воеводам приходят, и ясаки платят, и про всякие вести про Кучюма царя и про его умышленье, и про нагаи учнут приходя сказывати, и воеводе князю Федору и голове Василью тех тотар поить и кормить государевым запасом, и береженье к ним и ласку держать великую, и отпускати их к собе не задерживая»¹⁹. Время от времени воеводам напоминали: «А кормити им от государя а не от себя»²⁰. Это делалось с целью постепенно приучить местное население в представителях царской власти видеть главных своих защитников, способных решить возникающие вопросы. Ведь тогда они со всеми своими нуждами будут приходить в государевы города. На окраинных территориях, где к тому же могли возникать ситуации двоевластия (двоеданства)²¹, это должно было стать одним из факторов, поддерживающих единство общегосударственной системы управления и, как следствие, целостности царства.

В Москве, похоже, осознавали, что для закрепления единства государства требовалось время от времени приглашать в столицу представителей народов, проживавших на далеких окраинах царства. Их длительное путешествие должно было наглядно показать величие православного государя, которому принадлежали такие обширные земли и в подданстве которого находились столь разные народы. Непосредственно визит во дворец также демонстрировал богатство русского царя и обеспечивал личный зрительный контакт между монархом и жителями далеких окраин. Посещение монархом земель, населенных его подданными не православного вероисповедания, не практиковался. Мы можем упомянуть только одно подобное путешествие – поход Ивана IV на Казань в 1551 г. через мордовские и чувашские земли.

¹⁹ Тарская. Л. 5.

²⁰ Там же. Л. 55.

²¹ Трепавлов 2012: 17, 19.

Таким образом, логичнее всего предположить, что выдачи жалованных грамот за золотой печатью народам, вошедшим в состав Московского государства в XVI в., в т.ч. и чувашам, все же осуществлялись в Москве, а не на местах. Пышные посольские церемонии, включавшие в себя, помимо визита просителей во дворец, выставление почетного караула из стрельцов в цветном платье, а также угощение в царском дворце и пожалование от имени русского царя тканями и серебряной посудой, должны были запоминаться прибывшим для этого делегатам надолго. А их рассказы соплеменникам умножали трепет и уважение к московскому государю, обладающему столь обширными территориями и несметными богатствами.

Без ответа остается один важный вопрос: действительно ли традиция жалованных грамот за золотой печатью имеет ордынские корни? В пользу этого говорит сходное оформление крымских шерстных грамот (привешивание золотых печатей). Кстати, крымские ханы, в свою очередь, также являлись верховными сюзеренами для отдельных народов Кавказа, некоторые из которых позднее стали получать жалованные грамоты из рук московских государей²². Хотя жалованные грамоты за золотой печатью, адресованные народам Кавказа со стороны крымских ханов, неизвестны. Поддерживается версия об ордынском происхождении жалованных грамот и тем, что адресаты стремились получить дипломы, оформленные строго определенным образом – с вислой золотой печатью. Нельзя игнорировать и то, что подобное оформление документов могло возникнуть под влиянием европейской традиции. Так, на складывание формуляров московских посольских грамот в свое время большое влияние оказали документы, вышедшие из канцелярии императоров Священной Римской империи. Некоторые из них также имели привешенные хрисовулы. Как следствие, молодое московское государство на рубеже XV–XVI вв. снабжало золотыми печатями свои послания даже к таким незначительным контрагентам как Ливонский орден.

Дополнительным аргументом в пользу ордынского происхождения этой традиции могла бы стать находка документов (их упоминание), снабженных вислой золотой печатью, выданных из иных центров, также когда-то входивших в состав Монгольской империи. Это, в свою очередь, дает новое направление в дальнейших поисках.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Жалованная грамота Федора Ивановича иверскому царю Александру: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 110. Оп. 3. Д. 2 (1589 г.).

Жалованная грамота Федора Ивановича кабардинскому князю Камбулату Айдаровичу: РГАДА. Ф. 115. Оп. 2. Д. 2.

Отписка посланника в Крым Спешнева: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 7.

Сургутская копияная книга: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1.

Тарская копияная книга: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11.

Титулярник 1577 года // РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14.

²² Некрасов 2015: 26.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абзалов Л.Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. 251 с. [Abzalov L.F. Khanskie pistsy. Iz istorii stanovleniya i razvitiya kantselyarskoj sluzhby khanov Zolotoj Ordy. Kazan: Izd-vo «YAZ», 2011. 251 s.]
- Акты служивших землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2002. Т. III. 680 с. [Akty sluzhilykh zemlevladeltsev XV - nachala XVII veka / Sost. A.V. Antonov. M.: Drevlekhranilishche, 2002. T. III. 680 s.]
- Акчурин М., Ишеев М., Абдиев А. Эпоха татарских князей в Мещере (XV -XVII века). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 316 с. [Akchurin M., Ishееv M., Abdiev A. Epokha tatarskikh knyazey v Meshchere (XV -XVII veka). Kazan: Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2021. 316 s.]
- Башкирские шежере / Сост. Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкиргиздат, 1960. 304 с. [Bashkirskie shezhere / Sost. R.G. Kuzeeva. Ufa: Bashkniгоizdat, 1960. 304 s.]
- Башкирские народные предания и легенды / Сост. Ф.А. Надршина. Уфа: Китап, 2015. 526 с. [Bashkirskie narodnye predaniya i legendy / Sost. F.A. Nadrshina. Ufa: Kitap, 2015. 526 s.]
- Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 1. 1578-1613 гг. М.: Универ. тип., 1889. 715 с. [Belokurov S.A. Snosheniya Rossii s Kavkazom. Materialy, izvlechnnye iz Moskovskogo Glavnogo Arkhiva Ministerstva Inostrannykh Del. Vyp. 1. 1578-1613 gg. M.: Universitetskaya tipografiya, 1889. 715 s.]
- Беляков А.В. Князя Еникеевы и г. Темников в XV–XVII в. // На пути к государствам Нового времени: Запад и Восток Европы в конце XV – XVII веке / отв. ред. И.Н. Берговская, В.Д. Назаров, П.Ю. Уваров. Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2020. С. 737-758 [Belyakov A.V. Knyazya Enikeevy i g. Temnikov v XV–XVII v. // Na puti k gosudarstvam Novogo vremeni: Zapad i Vostok Evropy v kontse XV – XVII veke / отв. red. I.N. Bergovskaya, V.D. Nazarov, P.Yu. Uvarov. Kaluga: Kaluzhskij gosudarstvennyj institut razvitiya obrazovaniya, 2020. S. 737-758].
- Беляков А.В. Сибирские шерты XVI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 1: История. С. 125–131. [Belyakov A.V. Sibirskie sherti XVI veka // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2020. T. 19. № 1: Istoriya. S. 125–131.]
- Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584 - 1725 гг. Вып. 2. М.: Типо-лит. С.П. Архипова и К°, 1883. С. 377-660. [Viktorov A.E. Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov 1584 - 1725 gg. Vyp. 2. M.: Tipo-lit. S.P. Arkhipova i K°, 1883. S. 377-660.]
- Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1780. 430 с. [Lepekhin I. Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii Nauk ad'yunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossijskogo gosudarstva v 1771 godu. SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1780. 430 s.]
- Колодзейчик Д. Попытка восстановления монгольской традиции в Крымском ханстве начала XVII в.: байса, тат ве тавчаг // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 91-101. [Kolodzejchik D. Popytkha vosstanovleniya mongolskoj traditsii v Krymskom khanstve nachala XVII v.: bajsa, tat ve tavchag // Zolotoordynskoe obozrenie. 2015. № 3. S. 91-101].
- Кром М.М. Рождение государства. М.: НЛЮ, 2018. 256 с. [Krom M.M. Rozhdenie gosudarstva. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2018. 256 s.]
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. 630 с. [Miller G.F. Istoriya Sibiri. M.: Vostochnaya literatura, 2005. 630 s.]
- Моисеев М.В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 1. С. 37-54. [Moiseev M.V. Musulmanskaya politika Russkogo gosudarstva v epokhu Ivana Groznogo: diskussionnye aspekty // Quaestio Rossica. 2016. T. 4. № 1. S. 37-54].
- Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. 2013. № 5. С. 31-47. [Mustakimov I.A. Eshche raz o kazanskom yarlyke khana Sakhib-Gireya // Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. 2013. № 5. S. 31-47].

- Некрасов А.М. Избранные труды. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 255 с. [Nekrasov A.M. Izbrannyye trudy. Nalchik: Izdatelskiy otdel KBIGI, 2015. 255 s.]
- Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвил: Археографический центр, 1994. 160 с. [Pliguzov A. Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh. M.; Nyutonvil: Arkheograficheskij tsentr, 1994. 160 s.]
- Под стягом России: Сборник архивных документов / Сост. А.А. Сазонова. М.: Русская книга, 1992. 431 с. [Pod styagom Rossii: Sbornik arkhivnykh dokumentov / Sost. A.A. Sazonova. M.: Russkaya kniga, 1992. 431 s.]
- Полное собрание русских летописей. Т. 29: Летописец начала царства. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 391 с. [Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 29: Letopisets nachala tsarstva. Aleksandro-Nevskaya letopis. Lebedevskaya letopis. M.: Nauka, 1965. 391 s.]
- Сборник Русского исторического общества. СПб.: Типография О. Елеонского и К^о, 1884. Т. 41. 638 с. [Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. Spb.: Tipografiya O. Eleonskogo i Ko, 1884. T. 41. 638 s.]
- Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с. [Trepavlov V.V. Sibirskij yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v borbe za revansh. M.: Vostochnaya literatura, 2012. 231 s.]
- Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI - XIX вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 320 с. [Trepavlov V.V. Simvoly i ritualy v etnicheskoj politike Rossii XVI - XIX vv. SPb.: Izdatelstvo Olega Abyshko, 2018. 320 s.]
- Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV - XVI вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1979. 318 с. [Usmanov M.A. Zhalovannyye акты Dzhuchieva Ulusa XIV - XVI vv. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta, 1979. 318 s.]
- Чибис А.А. К вопросу об инкорпорации нерусских народов Горной стороны Казанской земли в правовую систему Русского государства во второй половине XVI–XVII веках // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИИГН, 2020. С. 87-98. [Chibis A.A. K voprosu ob inkorporatsii nerusskikh narodov Gornoj storony Kazanskoj zemli v pravovuyu sistemu Russkogo gosudarstva vo vtoroj polovine XVI-XVII vekakh // Istoricheskij opyt natsiestroitelstva i razvitiya natsionalnoj gosudarstvennosti chuvashskogo naroda / sost. i отв. red. Yu.V. Gusarov, V.N. Klementev. Cheboksary: CHGIGN, 2020. S. 87-98].

Беляков Андрей Васильевич*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории, Российская академия наук; belafeb@gmail.com

Where Did Ivan IV Issue Diplomas with «a Gold Seal»?

One of the episodes of the Kazan campaign in 1551 is considered, when the Chuvash of the Mountain Side asked for citizenship to Ivan IV and asked to be given a diploma, sealed with a gold seal. It is suggested that the tradition of such documents is rooted in the period of the Mongol Empire, when the governor received a label and paizu, which in the considered plot turns into a "golden" seal. With the conquest of the Kazan Khanate, the Moscow sovereigns inherited part of the prerogatives of the Horde padishahs. In particular, now they began to issue similar documents in Moscow and thereby created the legal conditions for the organic entry of the newly annexed territories into the Russian state.

Keywords: the 16th c. Russian state, Golden Horde, Chuvash, Ivan IV, diploma, a gold seal

Belyakov Andrey Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; belafeb@gmail.com

*Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект 21–18–00181 «Итинерарии власти. Передвижения правителей России и Западной Европы в политической культуре XVI – начала XVII в.».

ТОЛКОВАНИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ О КОНСТАНТИНОПОЛЕ ГАЗСКОГО МИТРОПОЛИТА ПАИСИЯ ЛИГАРИДА

В статье анализируются русские переводы XVII в. пророчеств о Константинополе и о возрождении Греческого государства. Особое внимание автор уделяет криптограммам, обретенным по преданию на гробнице Константина Великого и расшифрованным Константинопольским патриархом Геннадием Схоларием, а также традиции, согласно которой освободитель греков «русый род» (ξανθὸν γένος) ассоциируется с русским народом не только в славянских, но и в греческих текстах. К уже известным сочинениям такого рода автор добавляет не публиковавшееся ранее толкование этого предсказания, принадлежащее Газскому митрополиту Паисию. Паисий Лигарид известен как автор сборника пророчеств («Хрисмологион»), одна из глав которого посвящена русской истории.

Ключевые слова: пророчества о Константинополе, «Хрисмологион», Газский митрополит Паисий

Пророчества о судьбе Константинополя и будущем Греческого государства, возникшие задолго до османского владычества, занимают, пожалуй, исключительное место в византийской профетической литературе. Одни и те же предсказания греки применяли к разным историческим событиям и трактовали их как конец одной эпохи и начало новой, которая принесет им освобождение от иностранного завоевания. В XVII в. пророчества о политическом наследии Константина Великого широко бытовали на Христианском Востоке, проникали в Россию, переводились на русский язык и активно осваивались представителями правящей элиты¹. Предсказания приписывались пророкам Иезекиилю и Даниилу, святому Андрею Юродивому, апостолу Иоанну Богослову, Матфею, епископу Патарскому, византийскому императору Льву Мудрому и др. Среди них выделяются криптограммы, обретенные по преданию на гробнице Константина Великого и расшифрованные патриархом Геннадием Схоларием (1454–1456, 1463).

Обычно это пророчество приписывается византийскому императору Льву VI и называется «Оракулами Льва Мудрого». Новогреческий текст оракулов содержится в «Хронографе Псевдо-Дорофея», опубликованном в Венеции в 1631 г.², а также в отдельных рукописных сборниках предсказаний XVI и XVII вв.³ Оно состоит из неких букв, которые якобы дают возможность реконструировать пророчество (содержится не во всех списках), и собственно текста. Русские переводы пророчества появляются только в XVII в. На начало XX в. было известно четыре таких перевода: 1. Текст 7149 (1640/1641) г. из сборника Московской Типографской библиотеки. 2. Перевод Арсения Суханова, иеромонаха,

¹ Подробнее см.: Чеснокова 2011с: 159–180.

² Лебедева 1965: 298–308.

³ См. подробнее: Чеснокова 2011с: 159–180.

келаря Троице-Сергиева монастыря, 1650 г. 3. Перевод Гавриила, митрополита Назаретского, 1651 г. 4. Перевод Парфения (Небозы), митрополита Лаодикейского (впоследствии Азовского и Холмогорского), 1698г.⁴ Чтобы представить текст оракулов, приведем фрагмент перевода Парфения Лаодикейского⁵:

«Перевод з греческаго языка на словенский предлагаю аз, богомолец ваш, смиреннии Парфении, митрополит Лаодикийский, который издавна претолковася Схоларием, патриархом константинопольским Г(ен)надием, для подлиннаго познания всякому православному христианину, како и когда победитя злочестивии султан турский. Якоже поведает той Схоларии в сем своем преводе писмена, яже обретошася написана над гробом великаго Константина царя... Русый же род купно с практоры всего Исмаила победят, Седмохолмие⁶ возмут со окрестными... Преводе же сие с греческаго на словенский язык и преосвященнии Гавриил, митрополит Назарета Галилеискаго, сый бывши в царствующем граде Москве в лето 7159⁷ марта 10 день»⁸.

Несколько лет назад к названным переводам нами были добавлены еще два из Приказа тайных дел⁹. Списки из Типографской библиотеки и Тайного приказа, совпадающие по датировке, имеют существенные текстологические различия, которые, скорее всего, возникли при переписывании. Только так можно объяснить, почему в одном случае Константинопольский патриарх назван Схоларием, в другом – Елохарием, в одном речь идет о Черном море, в другом о Черном, т.е. Красном море. В одном из списков выражении «От рода его (т.е. Исмаила – Н.Ч.) царствовать будет мало и худо» первые слова поняты писцом как «из рода его» и предлог написан отдельно. В других списках употребляется слово «отрода» или «отродок его», что отражает попытку перевести с греческого *ἀλόγονος αὐτοῦ*, т.е. его потомок, сын, внук. О неверно понятом тексте русского списка говорят и другие ошибки. Если использование в переводах словосочетание «черная пучина» (ОР РГБ. Ф. 17. № 1197.18) вместо «Черное море» вполне корректно, то «вечерняя пучина» (ОР РГБ. Ф. 17. № 1197.13.) могла возникнуть из неверно понятого или прочитанного «черная пучина». Подобные примеры можно дополнить. Эти и другие разночтения наводит на мысль о явных ошибках писцов, но не переводчиков. Предположение о бытовании в России разных греческих протографов пророчества представляется маловероятным.

Присутствие предсказания о Константинополе среди документов Тайного приказа, игравшего роль личной канцелярии государя, свидетельствует о том, что рассказ о прошлом и будущем Нового Рима существовал в России не только как литературный сюжет. Политические идеи, заложенные в пророчестве, стали одним из элементов представле-

⁴ Соболевский 1903: 361.

⁵ Здесь и далее тексты источников приводятся без вышедших из употребления букв, надстрочных знаков в современной орфографии и пунктуации.

⁶ Т.е. Константинополь.

⁷ 7159 от сотворения мира и 1651 г. от Рождества Христова.

⁸ ГПБ. Собр. Погодина. № 1745.

⁹ Чеснокова 2011 с: 162-166.

ний о царской власти, особенно востребованных при царе Алексее Михайловиче и его преемниках. Они выражались в идеологеме «Русский царь – Новый Константин» и нашли отражение в царском титуле из Деяний Большого Московского собора 1666–1667 гг. по «делу» патриарха Никона. Там записано, что собор созван повелением «благочестивейшаго тишаишаго великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, *Новаго Константина* (выделено нами – Н.Ч.), веры православныя христианския ревнителя и поборника»¹⁰. Расшифровка криптограмм на гробнице Константина Великого заняла в этой идеологической системе едва ли не центральное место.

Хотя тексты предсказания о Константинополе давно изучаются специалистами, до сих пор актуально выявление новых русских переводов. Как справедливо отметил Д.М. Буланин, устойчивость греческого текста лишает нас возможности точно определить их оригинал¹¹. Особый исследовательский интерес в тексте предсказания представляет термин $\xi\alpha\upsilon\theta\acute{o}\nu \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ (в разных переводах – «желтый», «рыжий», «русый» род), который станет освободителем греков от иноземного завоевания. В русских списках часто происходит превращение определения «русый» – в русский. Д.М. Буланин полагает, что подобная замена объясняется процессом адаптации пророчества в отечественной культуре, в связи с чем оно и получает широкое распространение в литературе Московского царства¹². Собственно, эта общая для отечественной историографии мысль была выражена еще Ф.И. Успенским. Он писал: «В переводе на русский $\xi\alpha\upsilon\theta\acute{o}\nu \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ значит «русый народ» – разве не соблазнительно было русскому читателю увидеть здесь «русский народ»?» – и далее продолжал, что это толкование совпадало с чаяниями всего православного мира, нашедшими отражение также и в грузинской летописи¹³.

Можно согласиться с тем, что для славянского писца понятие «русый» естественным образом становилось синонимом понятия «русский», тем более что сама тема предсказания возникала в контексте призывов к царю освободить Константинополь от турок¹⁴. И все-таки более вероятно, что такая замена делалась писцами не осознанно, а вследствие того, что предсказания о миссии «русого рода» $\tau\omicron\upsilon\theta \xi\alpha\upsilon\theta\acute{o}\nu \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ могли знать только те, кто был хорошо знаком с его греческой традицией. В этом смысле для нас особенно важны переводы Арсения Суханова из его статейного списка (т.е. отчета) о поездке на Восток, Гавриила Назаретского и Парфения Лаодикейского, т.к. их авторство известно доподлинно. Перевод Арсения Суханова наиболее близок к

¹⁰ Деяния Московского собора Л. 1 (третьего счета).

¹¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси 2004: 543.

¹² Там же: 542.

¹³ Успенский 1887: 19.

¹⁴ Такого рода призывы содержатся во многих документах эпохи. Подробнее см.: Чеснокова 2011: 169 – 180.

пророчеству из «Хронографа Псевдо-Дорофея». В частности, в его тексте содержатся сведения о перенесении останков Константина Великого его сыном из Никомидии в Константинополь, существующие в «Хронографе» и, как правило, отсутствующие в отдельных списках пророчества. Заголовок перед текстом Арсения «Выписано з греческаго летописца и переведено на словенский язык» также отсылает нас к изданию Псевдо-Дорофея. Значение переводов Гавриила Назаретского и Парфения Лаодикейского определяется, прежде всего, знанием ими греческой традиции памятника. Назаретский митрополит Гавриил владел славянским языком, а Парфений Небоза, по всей вероятности, был выходцем из Малороссии, жил в Османской империи и, несомненно, хорошо знал греческий язык. У этих авторов выражение $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\nu \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ абсолютно корректно передано как «русый род».

Однако идеи об освободительной миссии «русского народа» существовали и у греческих книжников XVII в. Так, Матфей из Мирры, автор сочинения об истории нескольких валашских правителей 1601–1607 гг., упоминая иноземных христиан, от которых греки ждали освобождения (хотя сам автор текста и не разделял энтузиазма соотечественников) называл испанцев, венецианцев, а также русский род, $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\nu \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, который придет из Московии, т.е. однозначно имея в виду русских¹⁵.

Находясь в Москве в 1653–1654 гг., бывший Константинопольский патриарх Афанасий Пателар составил «Слово понуждаемое», обращенное к царю Алексею Михайловичу с призывом начать борьбу против Высокой Порты, которое сохранилось только в переводе¹⁶. Автор объяснял будущую победу русского народа над турками тем обстоятельством, что тот ведет свое происхождение от «первозаконнаго Адама, понеже и он рус был». В этом случае логичнее было бы увидеть «русый народ», коль скоро речь идет о сравнении с «русым» Адамом, с другой стороны, Пателар обращался к русскому царю, так что соединение понятий «русый» и «русский» принадлежит, по-видимому, самому Пателару: «Подобает рускому роду восприяти царство самодержавца, еже есть нам свои род от первозданнаго Адама, понеже и он рус был, и се ты, державнии и непобедимы царю и самодержец, советом вышняго Бога высоты ради самодержавныя вашей»¹⁷. Впрочем, в отсутствии греческого текста русский перевод оставляет нас в области предположений.

Отождествление понятий «русый-русский» существует и у Герасима Влаха, митрополита Филадельфийского (1607(?)–1685), в его сочинении 1656 г. «Одолоение на Турское царство»¹⁸. Обращаясь к царю Алексею Михайловичу как защитнику Восточной церкви, он утверждал, что «ксанфский род си(речь) московяне раздрешат Турское царство»¹⁹.

¹⁵ Legrand 1881: 314; Мальтезу 1997: 301.

¹⁶ Текст и исследование сочинения см.: Чеснокова 2015b: 97–138.

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 17. № 743.2. Л. 7; Чеснокова 2015: 124.

¹⁸ Уо 1979: 88–107.

¹⁹ Там же: 105.

Цитируя «Оракулы Льва Мудрого», он пишет: «ксонфский²⁰ же род купно с практоры» победят мусульман («всего Исмаила») и освободят Константинополь. Далее автор уточняет, кого он имеет в виду: «ксонфский же род – москвяни, практор же венестьяне, от их же обоих Исмаил победится и царство его отимется»²¹. Прямое соотнесение Герасимом Влахом «ксонфского рода» с москвитями не позволяет усомниться в том, что оно существует в греческом протографе²², а не только в его славянском переводе. Отличие в трактовке термина $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\nu \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ в оригинале и в переводах заключается в том, что греческие авторы, исходя из текста предсказания, предлагают развернутую аргументацию, объясняющую, почему под русым родом надо понимать русских. У писцов, незнакомых с греческим исходником, определение «русый» в силу названных выше причин с легкостью трансформируется в «русский», если только именно так не было написано в русском же протографе списка. Заметим, что и в рукописных «Хронографах» XVII в., содержащих предсказание о Константинополе, как правило, фигурирует «русский (роский) род»²³.

К греческим толкованиям пророчества следует добавить еще одно, ранее не привлекавшее внимания исследователей²⁴. Оно было составлено в Москве в ноябре 1667 г. Паисием, митрополитом Газы (1610–1678). Дидаскал, писатель и полемист, Паисий Лигарид, оставил заметный след в церковной, политической и культурной жизни Русского государства. Он принял самое активное участие в подготовке и проведении Большого Московского собора, прожил в России шестнадцать лет, проведя последние годы в Киеве, где и скончался. Казалось бы, хорошо известные обстоятельства жизни и деятельности Паисия Лигарида, в том числе и литературной, были недавно дополнены и скорректированы²⁵, хотя тема пророчеств в творчестве митрополита представляет собой предмет, пока изученный недостаточно.

Сам факт составления Газским митрополитом комментария к пророчеству не удивителен, т.к. он является автором «Хрисмологиона», известного сборника хрисм, т.е. византийских и поствизантийских предсказаний, одна из глав которого названа $\pi\epsilon\rho\acute{\iota} \tau\omicron\upsilon \xi\alpha\nu\theta\acute{o}\nu \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma$ (о русом роде) и посвящена русской истории²⁶. Рукопись сочинения Лигарида хранится сейчас в Библиотеке Иерусалимского патриархата (Panagiou Taphou 160)²⁷. Она состоит из двух частей. Первая содержит сорок два

²⁰ Так в тексте.

²¹ Уо 1979: 106.

²² Греческий текст сочинения Герасима Влаха нам пока недоступен.

²³ См., например, ГИМ. Син. 343. Л. 816.

²⁴ Ф.И. Успенский упомянул пророчество и некую «программу Паисия», никак ее не охарактеризовав (Успенский 1887: 55).

²⁵ Чеснокова 2020: 11–28; Чеснокова 2021: 141–152.

²⁶ Panagiou Taphou 160. Fol. 257 – 261.

²⁷ Об истории сочинения и рукописи Паисия Лигарида известно по сообщению Павла Алеппского (Павел Алеппский 2005: 568–569; Чеснокова 2015с: 156). Эти сведения повторяются практически всеми авторами, затрагивавшими данную тему.

пророчества от ветхозаветных времен до падения Константинополя в 1453 г. Вторая часть посвящена еще несбывшимся на момент создания труда предсказаниям, в том числе, о будущем Константинополя, о русом народе, освободителе греков, и многое другое. Наряду с разделами о божественных знамениях в «Хрисмологионе» Лигарида присутствует толкование снов, рассуждения о магии, бронтологиях (громовниках) и т.п. Очевидно поэтому, находясь в России, Лигарид обращает внимание царя Алексея Михайловича на необычные природные явления, трактуя их как свидетельства будущих военных успехов государя. Так, в августе 1666 г. он советовал царю начать войну против Порты и Речи Посполитой, предсказывая, что она будет победоносной, т.к. на это указывает некая комета²⁸. В том же письме Лигарид упоминал и библейское предсказание о Гоге и Магоге²⁹. В 1674 г. митрополит прислал государю из Киева толкование появления 8 апреля 1673 г. «четырёх солнц» как знак победы христиан в борьбе с Османской империей³⁰.

В 1673 г. в Москве молдавский боярин и книжник, Николай Спафарий, служивший переводчиком русского внешнеполитического ведомства (Посольского приказа),³¹ составил русский «Хрисмологион». Этот великолепный кодекс был написан старцем Маркелом и иллюстрирован царским изографом Иваном Максимовым³². Из всего многообразия сюжетов греческого оригинала Спафарий выделил учение о монархии, ее сути и закономерной смене царств, прибавив к истории древних правителей список современных ему государей³³.

О соотношении русской и греческой традиции «Хрисмологиона» существуют разные точки зрения. Начиная с XIX в. в историографии небезосновательно считалось, что Спафарием был переведен на русский язык именно труд Лигарида³⁴. Причин тому было несколько. Главная из них заключалась в том, что о греческом протографе судили только по описаниям в каталогах³⁵, термин «Хрисмологион» понимался как название единственного в своем роде труда, а наличие в греческом и русском вариантах «Хрисмологиона» посвящения царю Алексею Михайловичу еще больше убеждало исследователей в их идентичности. Первоначально разделяя эту точку зрения, мы все-таки указали на несоответствие структуры греческого и русского вариантов сочинения, которое можно было отметить при сопоставлении описания оригинала и текста Спафа-

²⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 11 – 11 об.

²⁹ См. примечание 73.

³⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 641.

³¹ Биография Николая Спафария много раз описана как в специальных исследованиях, так и в справочных изданиях. См., например: Михайловский 1895; 1897; Белоброва 1978: 129–137 и др.

³² Рукопись хранится в ОР Российской национальной библиотеки (Эрм. 27).

³³ Подробнее см. Чеснокова 2015с: 139 – 182. Там же библиография по теме.

³⁴ Соболевский 1903: 367.

³⁵ Главные сведения о рукописи: Παταδόπουλος-Κερατζεύς 1891; 1897. Σ. 255–257; 327–328.

рия³⁶. После ознакомления с «Хрисмологионом» Паисия Лигарида и изучения списков русского «Хрисмологиона» стало ясно, что последний является не переводом, а компиляцией, выполненной Спафарием на основе другого греческого кодекса. Даже обращение митрополита Паисия к Алексею Михайловичу текстуально не совпадает с посвящением царю Николая Спафария.

Исследование греческих рукописей пророчеств и сопровождающих их иллюстраций содержится в комплексном историко-искусствоведческом труде Ж. Ферекен и Л. Адерманн-Мисгиш «Оракулы Льва Мудрого, иллюстрированные Георгием Клонцасом. Версия Бароцци в Кодексе Бьют»³⁷. Как справедливо отметил Б.Л. Фонкич, несмотря на то что в названии значится только один из кодексов с оракулами Льва (Codex Bute), в книге анализируются все известные на сегодня произведения критского художника и писца Клонцаса, содержащие пророчества³⁸. Codex Bute был заказан в 1570-х гг. Георгию Клонцасу венецианцем критского происхождения, философом и математиком Франческо Бароцци для правителя Крита Джакомо Фоскарини. В настоящее время он находится в частном собрании, а другой вариант рукописи, аналогичной этому кодексу, – в Оксфорде (cod. Baroccianus gr. 170). В 1590-х гг. Клонцас создает другой манускрипт, хранящийся ныне в Венеции (Mag. gr. VII. 22)³⁹, который по содержанию, иконографии и техники исполнения отличается от рукописей с оракулами Льва. В.Г. Ченцова предположила, что Николай Спафарий переводил греческую рукопись, идентичную венецианской. Такой манускрипт под заглавием «Хрозмологион» (так!) был привезен в 1665 г. в дар Алексею Михайловичу архимандритом Спасского монастыря Неофитом из города Аргирокастро⁴⁰.

Однако существует и иное свидетельство о происхождении рукописи, которая легла в основу «Хрисмологиона» Николая Спафария, и принадлежит оно Артамону Сергеевичу Матвееву, главе Посольского приказа. Под его руководством в начале 70-х годов XVII в. был составлен ряд важнейших произведений о русских государях — «Родословие великих князей и государей российских» и Книга венчания на царство царя Михаила Федоровича, а также другие сочинения⁴¹. В своей челобитной царю Федору Алексеевичу из ссылки Матвеев писал, что одна из «построенных» им книг была «книга в лицах⁴² с речением перевода Спатариева, а письмо старца Маркела, что в Тиунской, а переводил книгу святейшаго Макария, патриарха Антиохийскаго»⁴³. Нельзя сказать, что-

³⁶ Чеснокова 2011а: 131–132; 2011b: 250; 2015а. С. 141.

³⁷ Vereecken, Nadermann-Misguich 2000.

³⁸ Фонкич 2000: 537 – 541.

³⁹ О рукописной традиции предсказаний и ее исследовании см.: Vereecken, Nadermann-Misguich 2000: 51–53; Παλιούρας 1977. Σ. 59–269.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 2143. Л. 349; Ченцова 2014: 73.

⁴¹ Калишевич 1961: 392–411; Кудрявцев 1963: 179–244.

⁴² Т.е. с иллюстрациями.

⁴³ История о невинном заточении... 1785: 35.

бы этот факт был неизвестен исследователям. Например, И.М. Кудрявцев, считая, как и большинство других историков, протографом труда Спафария «Хрисмологион» Лигарида, «исправил» данные о принадлежности рукописи Макарию Антиохийскому, предположив, что за давностью событий Матвеев перепутал Антиохийского патриарха Макария и Газского митрополита Паисия⁴⁴. В этом суждении нас интересует, насколько Матвеев мог быть точным в указании происхождения харатейной (пергаментной) книги. Весь текст челобитной Артамона Сергеевича показывает, что, несмотря на обыски и изъятие у него имущества перед ссылкой, боярин, по-видимому, имел под рукой необходимые записи. Формальным предлогом для отстранения Матвеева от должности и отправки в ссылку стали обвинения его в чернокнижии и прочих проступках. Очевидно, политические противники Матеева, как одного из самых влиятельных сторонников Нарышкиных, стремились после кончины Алексея Михайловича лишить его власти и упрочить положение Милославских, родственников первой жены царя. Так, боярину указывалось на всякого рода злоупотребления в городах, в которых ему доводилось служить, на то, что он «многия взятки имал, ...покупал отчины тесною»⁴⁵. На эти обвинения Артамон Сергеевич очень обстоятельно отвечал: когда, у кого и каким образом он приобретал имения. Перечень заслуг перед государем и весь свой послужной список Матвеев также приводил с поразительно точными деталями. Описывая свою службу царю, он называл имена конкретных людей, места событий, подробности собственных служебных дел, например, вспоминал споры с послами цесаря о том, могут ли те в присутствии государя находиться в шляпах и проч.⁴⁶ В связи с этим возможность перепутать Макария Антиохийского, которого боярин знал лично по визиту патриарха на Большой Московский собор, с Паисием Лигридом, с которым Матвеев тесно сотрудничал и находился в переписке, можно даже не обсуждать.

Возможность влияния Паисия Лигарида на появление русского «Хрисмологиона» даже гипотетически нельзя было полностью исключать, несмотря на то, что протографом этого сочинения послужило другое произведение. Во время подготовки и реализации «издательского» проекта Посольского приказа митрополит был близок к А.С. Матвееву и, возможно, еще до приезда в Россию был знаком с Н.Г. Спафарием⁴⁷. Именно через Спафария при первом отъезде из Москвы Лигарид передал перечень необходимых ему в путешествии вещей⁴⁸, Спафарию же были поручены все книги и рукописи, оставшиеся после отъезда Паисия на Симоновском подворье в Кремле, где жил и работал Лигарид⁴⁹.

⁴⁴ Кудрявцев 1963: 191.

⁴⁵ История о невинном заточении... 1785: 38.

⁴⁶ Там же: 59.

⁴⁷ Голубев 1971: 294.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 12.

⁴⁹ Там же. Л. 21. Об этом в историографии упоминалось многократно.

Существуют и прямые свидетельства о контактах Лигарида и Спафария в Москве⁵⁰. Данное предположение оказалось верным, и оно подтверждается самим Паисием Лигаридом. Во время одной из встреч с голландским дворянином Николаасом Витсенем, который находился в Москве вместе с послом своей страны в 1664–1665 гг., Газский митрополит показал ему роскошно украшенную греческую рукопись «Хрисмологиона», к которой молодой человек даже не рискнул прикоснуться. Он писал, что «в ней были очень древние красивые картины, тщательно нарисованные по древнегреческому обычаю на пергаменте (так!), по размеру ин-фолио, на них были пророчества Даниила, откровения Иоанна, вид первой церкви, а также показаны раскол церкви, деятельность первого христианского императора, деяния Магомета и, наконец, его гибель; последнее, сказал митрополит, тоже дано в виде пророчества, но неизвестно, чье оно. Рядом со всеми этими изображениями для истолкования их были помещены греческие стихи. В конце книги находился список иероглифов, т.е. знаков, и каждый из них означает слово⁵¹»⁵². Витсен прибавил также, что «царь высоко чтит эту книгу, и кто знает, во сколько тысяч она оценена»⁵³.

Кроме того, молодой голландец сообщил, что, по словам Газского митрополита, тому поручили перевести и истолковать этот пергаменный кодекс. Каким был ответ Лигарида на данное предложение, неизвестно. Однако можно предположить, что, не зная русского языка, митрополит мог сделать перевод только с греческого на латынь. И такой опыт деятельности Паисия Лигарида нам известен: в 1676 г. для Московского патриарха Иоакима Паисий перевел с греческого на латинский язык сочинения Георгия Корессия, своего старшего современника, врача и богослова, автора антилатинских произведений⁵⁴. Однако латинский перевод «Хрисмологиона» не сделал бы это сочинение более доступным для русского читателя, чем его греческий вариант. Поэтому работа над русской версией сборника пророчеств была поручена Николаю Спафарию, хотя случилось это через несколько лет после того, как осуществить такой труд предложили Газскому митрополиту.

Знакомство Лигарида с подаренной царю греческой рукописью «Хрисмологиона» совпадает по времени с приездом в Москву старцев из Спасского монастыря, однако расхождения в данных о первоначальной принадлежности кодекса остаются. Вероятно, причины, по которым они существуют, со временем найдут свое объяснение. Опыт показывает, что новое обращение даже к опубликованным источникам, не говоря уже о неизданных, позволяет делать необходимые уточнения в сюжетах, ранее вызывавших споры или сомнения. Так, например, было с некото-

⁵⁰ Голубев 1971: 294–301.

⁵¹ Вероятно, речь идет о криптограмме на гробе императора Константина Великого.

⁵² Витсен 1996: 162–163.

⁵³ Там же: 163.

⁵⁴ Чеснокова 2020: 24; 2021: 143, 146.

рыми фактами биографии самого Паисия Лигарида, особенно связанными с обстоятельствами его отъезда из Москвы в Киев в 1673 г., вызовом из Киева в Москву и повторным отъездом из русской столицы⁵⁵.

Источники свидетельствуют, что включение «Хрисмологиона» в число «изданий» Посольского приказа наряду с трудами о Русском государстве и государях, неслучайно. Оно объясняется прежде всего интересом к этому сочинению самого царя. Мнение Паисия Лигарида о книге, по-видимому, также сыграло в данном решении не последнюю роль. Понятно, что только высоко образованный грек, да еще и автор собственного сборника хрисм, каким был Лигарид, мог разъяснить и Алексею Михайловичу, и А.С. Матвееву суть и значение такого специфического источника как «Хрисмологион»⁵⁶. Все эти обстоятельства еще раз наводят на мысль, что Артамон Сергеевич не мог не знать, откуда появилась необыкновенная греческая рукопись, столь заинтересовавшая Алексея Михайловича. Ясно также, что сам замысел перевода «Хрисмологиона» возник задолго до его реализации. Переводы греческих сочинений о смене царств, монархах и монархиях, таких как «Хрисмологион» или «Василиологион», осуществленные наряду с главными сочинениями своего времени о русских правителях, включали последних в число великих государей от древности до середины XVII в.

В связи с греческим протографом русского «Хрисмологиона» следует еще раз вспомнить о нескольких листах с иллюстрациями Клонцаса и текстами сопровождающих их проречений, сохранившихся в Отделе рукописей Государственного исторического музея (Муз. 3629. Коллекция графа Уварова)⁵⁷ и, по мнению Б.Л. Фонкича, не получили должного внимания со стороны Ж. Ферекен и Л. Адерманн-Мисгиш⁵⁸. Происхождение этих листов неизвестно⁵⁹. Мы уже выражали сомнение относительно идеи В.Г. Ченцовой отождествить их с той греческой рукописью, которая была подарена Алексею Михайловичу⁶⁰. В частности, прекрасный пергаменный манускрипт, присланный царю, который видели Лигарид и его современники, не может быть соотнесен с листами из кодекса, оказавшимися в собрании А.С. Уварова. Отдельные уваровские фрагменты представляют собой незавершенную художником работу, содержат изображения с недописанным текстом и, наоборот, иллюстрации без подписей; некоторые из рисунков остались нераскрашенными, а фигуры на них не до конца проработаны цветом⁶¹. Такой внешний вид этих иллюстраций не согласуется с утверждением Н. Витсена о тщательном исполнении изображений в греческом «Хрисмологионе», который он видел, а также о весьма высокой стоимости книги.

⁵⁵ Чеснокова 2020: 20–22.

⁵⁶ Чеснокова 2011с: 155.

⁵⁷ Дестунис 1890: 29–72; Греческие документы и рукописи... 1995: 42; № 21 и 22.

⁵⁸ Фонкич 2007: 541.

⁵⁹ Греческие документы и рукописи... 1995: 42; № 21 и 22.

⁶⁰ Ченцова 2014: 77.

⁶¹ Подробнее см.: Чеснокова 2015с: 150–151.

Итак, 1 ноября 1667 г. Паисий Лигарид обратился к Алексею Михайловичу с кратким толкованием части предсказания о Константинополе, которое сохранилось только в переводе с латинского на русский язык. Комментируя популярный профетический текст, Лигарид, в отличие от других авторов, находит более точное, с его точки зрения, указание на то, с кем следует отождествить $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\nu \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$. Ссылаясь на пророка Иезекииля, Андрея Юродивого и зашифрованный текст на гробе императора Константина, митрополит Паисий рассуждал о предстоящем отвоевании Константинополя у турок «желтым» или «русым» народом. Он говорил, что традиционно под русым народом подразумевались западные европейцы («у греков обще, яко видети есть у Фотиа, аще же и суть инии, народи желтаго или русаго цвета власы яко немцы, французы изъявляются»), он же, Паисий, видит в нем русских, так как семнадцатая буква греческого алфавита «ро» в предсказании может означать только русских («аз же преглаголю, пророчествуя: желтѣи род имать град сеи (Константинополь – Н. Ч.) восприяти, егоже имянование лежит в седмом на десять начертании алфавита грецкаго, ...отнюдуже рус наричется»⁶²). Это замечание Газского митрополита еще раз показывает, что смысловое совпадение определений «русый-русский» существует не только в переводах предсказания, но и у греческих авторов. Небольшой текст Паисия Лигарида переведен не очень умело. Судя по всему, он доставил затруднения не только переводчику, но и переписчику. Писцом оставлены места, где, по-видимому, в латинском оригинале были вписаны греческие буквы, хотя, эти пропуски мог сделать и сам переводчик с латыни. Очень возможно, что краткое послание Паисия Лигарида стало ответом на вопрос государя, проявившего интерес к «Хрисмологу». Известно, что Алексей Михайлович охотно обращался за разъяснениями к находившимся в Москве иноземцам, когда его занимало что-то необычное, например, появление кометы⁶³.

Хотя тема русских переводов греческих предсказаний далеко не исчерпана, можно с полным основанием утверждать, что толкование Паисием Лигаридом пророчества о Константинополе дополняет корпус уже существующих в отечественной историографии вариантов известного византийского прорицания.

Приложение

*Толкование пророчества о Константинополе
Газского митрополита Паисия Лигарида*

Л. 6.

Перевод с латинска письма, каково великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержццу подал Паисий митрополит Газский ноября в 1 день нынешняго 176-го⁶⁴ году.
Прочитайи житие блаженнаго Андреа цареградскаго, иже Христа ради юро-

⁶² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1668 г. № 1. Л. 6.

⁶³ Витсен 1996: 162-163; Богданов, Симонов 1988: 151-204; Шамин 2011: 222.

⁶⁴ Имеется в виду 7176 год от сотворения мира.

де, мняшеса обретох сие пророчество. Сен убо глаголяя с своим⁶⁵ Епифанием⁶⁶ о будущих, яже о Константинополи Новом Риме, быти хотят сия между иных, провеща приснопамятству достойная. Слово некое носится, яко видут во град сей агаряне и многих граждан мечем искусят. Аз же преглаголю, пророчествуя: желтгыи род иматъ град сей восприяти, егоже имянование лежит в седмом на десять начертании алфавита грецкаго, еже есть⁶⁷ отнюдуже рус наричется. У греков обще⁶⁸, яко видети есть у Фотиа⁶⁹, аще же и суть инии, народи желтаго или русаго цвета власы, яко немцы, французы изьявляются, обаче известно чрез букву⁷⁰, чрез нюже едины россиане изобразуются, но первое пророчество о турках уже исполнися. //

Л. 7

...⁷¹ милостивыи в Троице славимыи Бог наш, да и второе скорейше совершится и исполнится. Аминь. Буди предреченное Езекиилем пророком во главе 38⁷² князю росскому и главе Мосох⁷³, сиречь москович, яко и другая истолковах довольнее⁷⁴.

Здравствуи на многая лета, повелителю християнскаго воинства, и паки здравствуи, о мой самодержче и монарха.

Дано 1667-го ноября дня 1-го

пресветлейшаго твоего величества питомец Паисии Лигаридии Газский.

РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1668 г. № 1. Л. 6–7.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- ГИМ. Муз. 3629. Коллекция графа Уварова. [ГИМ. Муз. 3629. Kolleksiya grafa Uvarova.]. ГИМ. Син. 343. [ГИМ. Син. 343.].
 ГПБ. Собр. Погодина. № 1745. [GPB. Sobr. Pogodina. № 1745.].
 НИОР РГБ. Ф. 17. № 743.2. [NIOR RGB. F. 17. № 743.2.].
 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. [RGADA. F. 52. Op. 1. 1666 g. D. 2.].
 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1668 г. № 1. [RGADA. F. 52. Op. 1. 1668 g. № 1.].
 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. [RGADA. F. 52. Op. 1. 1673 g. D. 1.].
 РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 641. [RGADA. F. 52. Op. 2. D. 641.].
 РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 2143. [RGADA. F. 159. Op. 1. D. 2143.].
 Андрей Юродивый // Православная энциклопедия. М., ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 391-393. [Andrej Yurodivyj // Pravoslavnaya e'nciklopediya. M., CzNCz «Pravoslavnaya enciklopediya», 2001. T. 2. S. 391-393.].

⁶⁵ Далее, возможно, в тексте есть пропуск по смыслу для определения Епифания.

⁶⁶ Епифаний, юноша из богатой и знатной семьи, которому Андрей Юродивый неоднократно помогал советами и наставлениями. Последние дни жизни святой провел в доме Епифания, отвечая на его вопросы. (Андрей Юродивый 2001: 391-393).

⁶⁷ Далее в тексте оставлено место, очевидно, в подлиннике была греческая буква «ро».

⁶⁸ Далее в тексте оставлено место для какой-то буквы или слова.

⁶⁹ Византийский богослов, патриарх Константинопольский в 858-867 и 877-886 гг.

⁷⁰ Далее в тексте оставлено место для греческой буквы «ро».

⁷¹ В этом месте лист поврежден. Начало текста утрачено.

⁷² Далее оставлено место, возможно для названия главы или ее содержания.

⁷³ В пророчестве говорится о «Гоге в земле Магог, князе Роша, Мешеха и Фувала» (Иез. 38:1-3). Лигарид производит название Москвы и Московии от библейского Мешех (Мосох), а имя Рош ассоциирует с россами. В стихах, посвященных царю Алексею Михайловичу он пишет: «Московия царица, Мосох град...» (Соболевский 1903: 364-365). Подробнее о византийской традиции этого библейского предсказания см.: Истрин 1897.

⁷⁴ По-видимому, Паисий имел в виду рассуждения по этому поводу из своего сборника хрисм.

- Белоброва О.А. О прижизненных сборниках сочинений и переводов Николая Спафария // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги БАН СССР. Л., 1978. С. 129–137. [Belobrova O.A. O prizhizennykh sbornikah sochinenij i perevodov Nikolaya Spafariya // Materialy i soobshheniya po fondam Otdela rukopisej i redkoj knigi BAN SSSR. L., 1978. S. 129–137.]
- Богданов А.П., Симонов Р.А. Прогностические письма доктора Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 151–204 [Bogdanov A.P., Simonov R.A. Prognosticheskie pisma doktora Engelgardta czaryu Alekseju Mixajlovichu // Estestvennauchnye predstavleniya Drevnej Rusi. M., 1988. S. 151–204.]
- Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665 / Пер. Р.М. Максимовой, В.Г. Трисман. СПб.: Symposium, 1996. 265 с. [Vitsen N. Puteshestvie v Moskoviyu. 1664–1665 / Per. R.M. Maksimovoj, V.G. Trisman. SPb.: Symposium, 1996. 265 s.]
- Голубев И. Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 294. [Golubev I. F. Vstrecha Simeona Poloczkoego, Epifaniya Slavineczkogo i Paisiya Ligarida s Nikolaem Spafariem i ih beseda // TODRL. L., 1971. T. 26. S. 294.]
- Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских собраний. Каталог выставки / Сост. и отв. ред. Б.Л. Фонкич. М.: Индрик, 1995. 103 с. [Grecheskie dokumenty i rukopisi, ikony i pamjatniki prikladnogo iskusstva moskovskih sobranij. Katalog vystavki / Sost. i отв. red. B.L. Fonkich. M.: Indrik, 1995. 103 s.]
- Дестунис Г.С. Рукописный греческий лицевой сборник проречений, относящихся к концу XVI в. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. 1890. Т. 14. С. 29–72. [Destunis G.S. Rukopisnyj grecheskij licevoj sbornik prorechenij, odnosjashchisja k koncu XVI v. // Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arheologičeskogo obshhestva. 1890. T. 14. S. 29–72.]
- Деяния Московскаго собора о разных церковных исправлениях в 1666 году [Dejaniya Moskovskago sobora o raznyh cerkovnyh ispravlenijah v 1666 godu]. [https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/dejaniya-bolshogo-moskovskogo-sobora-1666-1667-gg]
- История о невинном заточении ближняго боярина Артемона Сергеевича Матвеева. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1785. 440 с. [Istoriya o nevinnom zatocHenii blizhnyago bojarina Artemona Sergeeviča Matveeva. M.: Univ. tip., u N. Novikova, 1785. 440 s.]
- Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифическое видение Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М.: Университетская типография, 1897. 207 с. [Istrin V.M. Otkrovenie Mefodija Patarskogo i apokrificheskoe videnie Daniila v vizantijskoj i slavyano-russkoj literaturah. Issledovanie i teksty. M.: Universitetskaja tipografija, 1897. 207 s.]
- Калишевич З.Е. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // Русское государство в XVII веке. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 392–411. [Kalishevich Z.E. Hudozhestvennaja masterskaja Posolskogo prikaza v XVII v. i rol zolotopiscev v ee sozdanii i deyatelnosti // Russkoe gosudarstvo v XVII veke. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. S. 392–411.]
- Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: исследования и материалы. М.: Книга, 1963. Сб. 8. С. 179–244. [Kudryavcev I.M. «Izdatelskaja» deyatelnost posolskogo prikaza (K istorii russkoj rukopisnoj knigi vo vtoroj polovine XVII veka) // Kniga: issledovaniya i materialy. M.: Kniga, 1963. Sb. 8. S. 179–244.]
- Лебедева И.Н. Греческая Хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод // ТОДРЛ. 1965. Т. 21. С. 298–308. [Lebedeva I.N. Grecheskaja Hronika Psevdo-Dorofeya i ee russkij perevod // TODRL. 1965. T. 21. S. 298–308.]
- Мальтезу Х. Греки и Москва – имперский город // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международной семинар исторических исследований «От Рима к Третью Риму». М.: Институт российской истории, 1997. С. 300–313. [Maltezu H. Greki i Moskva – imperiskij gorod // Rim, Konstantinopol, Moskva: sravnitelno-istoričeskoe issledovanie centrov ideologii i kultury do XVII v. VI Mezhdunarodnyj seminar istoričeskijh issledovanij «Ot Rima k Tretemu Rimu». M.: Institut rossijskoj istorii, 1997. S. 300–313.]

- Михайловский И.Н. Очерк жизни и творчества Николая Спафария в России. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895. 40 с. [Mihajlovskij I.N. Oчерk zhizni i tvorchestva Nikolaya Spafariya v Rossii. Kiev: Tip. G.T. Korchak-Noviczko, 1895. 40 s.].
- Михайловский И.Н. Важнейшие труды Николая Спафария (1672–1677). Киев: Тип. Ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1897. 56 с. [Mihajlovskij I.N. Vazhnejshie trudy Nikolaya Spafariya (1672–1677). Kiev: Tip. Un-ta sv. Vladimira N.T. Korchak-Noviczko, 1897. 56 s.].
- Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2005. 725 с. [Pavel Aleppskij. Puteshestvie antiochijskogo patriarcha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoe ego synom, archidiakonom Pavlom Aleppskim / Per. s arabского G. Murkosa. M.: Obshhestvo sochraneniya literaturnogo naslediya, 2005. 725 s.].
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1903. 460 с. [Sobolevskij A. I. Perevodnaya literatura Moskovskoj Rusi XIV–XVII vekov. SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1903. 460 s.].
- Словарь книжников и книжности Древней Руси / Ред. Д.С. Лихачев; Д.М. Буланин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3. Ч. 4. 889 с. [Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi / Red. D.S. Lihachev; D.M. Bulanin. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. Vyp. 3. Ch. 4. 889 s.].
- Уо Д. «Одolenie на Турское царство» – памятник антигурецкой публицистики XVII в. // ТОДРЛ. 1979. Т. 33. С. 88–107. [Uo D. «Odolenie na Turskoe czarstvo» – pamyatnik anti-tureczkoj publicistiki XVII v. // TODRL. 1979. T. 33. S. 88–107.].
- Успенский Ф. Как возник и развивался в России Восточный вопрос. СПб.: С.-Петербург. славян. благотворит. о-во, 1887. 68 с. [Uspenskij F. Kak vznik i razvivalsya v Rossii Vostochnyj vopros. SPb.: S.-Peterb. slavyan. blagotvorit. o-vo, 1887. 68 s.].
- Фонкич Б.Л. Рец. на: Vereecken J., Hadermann-Misguich L. Les Oracles de Léon le Sage illustrés par Georges Klontzas. La version Barozzi dans le Codex Bute. Venise, 2000. 352 p. // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.–СПб.: Альянс-Архео, 2007. Вып. 1. С. 537 – 541. [Fonkich B.L. Recz. na: Vereecken J., Hadermann-Misguich L. Les Oracles de Léon le Sage illustrés par Georges Klontzas. La version Barozzi dans le Codex Bute. Venise, 2000. 352 p. // Monfokon. Issledovaniya po paleografii, kodikologii i diplomatike. M.–SPb.: Alyans-Arheo, 2007. Vyp. 1. S. 537 – 541.].
- Ченцова В.Г. Паисий Лигарид, Николай Спафарий и Франческо Бароцци: эсхатологические идеи при дворе царя Алексея Михайловича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики 2014. № 1. С. 73–82. [Chenczova V.G. Paisij Ligarid, Nikolaj Spafarij i Franchesko Baroczci: eshatologicheskie idei pri dvore czarya Alekseja Mihajlovicha // Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki. 2014. № 1. S. 73–82.].
- Чеснокова Н.П. Газский митрополит Паисий Лигарид в России: заметки к биографии // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 96. С. 11–28. [Chesnokova N.P. Gazskij mitropolit Paisij Ligarid v Rossii: zametki k biografii // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2020. Vyp. 96. S. 11–28.].
- Чеснокова Н.П. Газский митрополит Паисий Лигарид в России в свете архивных документов / Отв. ред. Н.П. Чеснокова // Каптеревские чтения. М.: ИВИ РАН, 2021. Вып. 19. С. 141–152. [Chesnokova N.P. Gazskij mitropolit Paisij Ligarid v Rossii v svete arhivnyh dokumentov / Otv. red. N.P. Chesnokova // Kapterevskie chteniya. M.: IVI RAN, 2021. Vyp. 19. S. 141–152.].
- Чеснокова Н.П. Еще раз о греческой и русской традиции Хрисмологиона // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015а. № 3 (61). [Chesnokova N.P. Eshhe raz o grecheskoj i russkoj tradicii Hristmologiona // Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki. 2015. № 3 (61).].
- Чеснокова Н.П. Об источниках русской версии «Хрисмологиона». Тезисы докладов VI Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011а. № 3 (45). С. 131–132. [Chesnokova N.P. Ob istochnikah russkoj versii «Hristmologiona». Tezisy dokladov VI Mezhdunarodnoj konferencii «Kompleksnyj podhod v izuchenii Drevnej Rusi» // Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki. 2011. № 3 (45). S. 131–132.].
- Чеснокова Н.П. «Слово понуждаемое» Афанасия Пателара // Бибииков М.В., Родионов О.А., Чеснокова Н.П. Византийские традиции и славянские тексты поствизантийского пе-

- риода. М.: ИВИ РАН, 2015b. С. 97–138. [Chesnokova N.P. «Slovo ponuzhdaemoe» Afanasiya Patelara // Bibikov M.V., Rodionov O.A., Chesnokova N.P. Vizantijskie tradicii i slavyanskije teksty postvizantijskogo perioda. М.: IVI RAN, 2015. S. 97–138.]
- Чеснокова Н.П. «Хрисмологион» Николая Спафария и его греческий источник // *Бибиков М.В., Родионов О.А., Чеснокова Н.П.* Византийские традиции и славянские тексты поствизантийского периода. М.: ИВИ РАН, 2015с. С. 139–182. [Chesnokova N.P. «Hrismologion» Nikolaya Spafariya i ego grecheskij istochnik // Bibikov M.V., Rodionov O.A., Chesnokova N.P. Vizantijskie tradicii i slavyanskije teksty postvizantijskogo perioda. М.: IVI RAN, 2015. S. 139–182.]
- Чеснокова Н.П. «Хрисмологион» Паисия Лигарида в рукописных собраниях ГИМ и РНБ: предварительные замечания // Современные проблемы археологии. Сборник статей по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г. СПб.: Библиотека Российской академии наук, 2011 б. С. 247–254. [Chesnokova N.P. «Hrismologion» Paisiia Ligarida v rukopisnyh sobraniyah GIM i RNB: predvaritelnye zamechaniya // Sovremennye problemy arheologii. Sbornik statej po materialam konferencii, prohodivshej v Biblioteke RAN 25–27 maya 2010 g. SPb.: Biblioteka Rossijskoj akademii nauk, 2011. S. 247–254.]
- Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М.: Индик, 2011с. 287 с. [Chesnokova N.P. Khristianskij Vostok i Rossiya: politicheskoe i kulturnoe vzaimodejstvie v seredine XVII veka (Po dokumentam Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva drevnih aktov). М.: Indrik, 2011с. 287 с.]
- Шамин С.М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 348 с. [Shamin S.M. Kuranty XVII stoletiya: Evropejskaya pressa v Rossii i vzniknovenie russkoj periodicheskoj pechati. М.; SPb.: Al'jans-Arxeo, 2011. 348 с.]
- Legrand E. Bibliothèque grecque vulgaire. Paris: Maisonneuve et Cie, 1881. Vol. 2. 498 p.
- Vereecken J., Hadermann-Misguish L. Les Oracles de Léon le Sage illustrés par Georges Klontzas. La version Barozzi dans le Code Bute. Venise, 2000. 358 p. [Oriens Graecolatinus. 7].
- Παλιούρας Α. Δ. Ὁ ζωγράφος Γεώργιος Κλόντζας (1540 ci. – 1608) καὶ αἱ μικρογραφίαι τοῦ κώδικος αὐτοῦ. Αθήνα: Ἐκ. Γρηγόρη, 1977. 290 σ. [Paliouras A.D. O zografos Georgios Klontzas kai ai mikrografiai tou kodikos autou. Athenai: Ek. Grigori, 1977. 290 s.]
- Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ἱεροσολυμικὴ βιβλιοθήκη. Ἐν Πετρούπολει, 1891, 1897. Τ. I, III. Σ. 255–257; 327–328. [Papadopoulos-Kerameus A. Ierosolumiki bibliothiki. En Petroupolei, 1891, 1897. T. 1, 3.]

Надежда Петровна Чеснокова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории (РАН); npchesn@mail.ru

Interpretation of the Prediction about Constantinople by the Metropolitan Paisios Ligarides of Gaza

The article analyzes the 17th century Russian translations of the predictions about Constantinople and the revival of the Greek state. The author pays special attention to the cryptograms found according to the legend on the tomb of Constantine the Great and deciphered by Patriarch Gennadius Scholarius, as well as to the tradition according to which the “fair-haired” kin (ξανθὸν γένος), would-be liberator of the Greeks, is associated with the Russian people not only in Slavic, but also in Greek texts. To the already known works of this kind, the author adds the previously unpublished interpretation of this prediction by Metropolitan Paisios of Gaza. Paisios Ligarides is known as the author of a collection of prophecies (Chrismologion) where one of the chapters is dedicated to Russian history.

Keywords: *prophecies about Constantinople, Chrismologion, Metropolitan Paisios of Gaza*
Nadezhda Chesnokova, PhD (History), senior research fellow, Institute of World History (RAS), npchesn@mail.ru

УЛИЧНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЗАБОТА ОБ ОБЩЕМ БЛАГЕ В СОЧИНЕНИИ ДАНИЭЛЯ ДЕФО «ВТОРЫЕ МЫСЛИ ЛУЧШЕ»¹

В статье рассматривается сочинение Д. Дефо «Вторые мысли лучшие: или дальнейшее совершенствование предыдущей схемы предотвращения уличных разбоев», вышедшее в свет под псевдонимом Эндрю Моретон в начале 1729 г. Здесь Дефо анализирует причины роста преступности на улицах Лондона в 20-х гг. XVIII в. и рассматривает пути ее искоренения посредством реформирования института ночной стражи. Дефо показывает бедность, пьянство, спекуляцию в качестве основных источников разгула столичного преступного мира, а также создает целостный проект общественного реформирования на основе концепции «общего блага» с опорой на идею «политического тела», или взаимосвязанности всех членов общества в процессе достижения всеобщего благополучия, или «commonwealth».

Ключевые слова: Даниэль Дефо, Лондон, уличная преступность, «общее благо»

Вопросы построения стабильного и процветающего общества являлись одной из самых заметных тем дискурсивных практик английской общественно-политической и экономической мысли конца XVII – первой трети XVIII века. Этот интеллектуальный дискурс в значительной степени задавался процессом становления национального государства на Британских островах. Рефлексия интеллектуалов была направлена на разработку общественно-политических теорий. В связи с этим особый интерес представляет интеллектуальное наследие Даниэля Дефо, одного из самых активных и влиятельных авторов в Англии первой трети XVIII в. и, в частности, его представление об «общем благе».

Особое внимание в текущей историографии привлекают работы последнего десятилетия его жизни, уже автора знаменитого романа о Робинзоне Крузо (здесь надо оговориться, что роман вышел анонимно). Среди них выделяется работа 1729 года под названием «Вторые мысли лучшие: или дальнейшее совершенствование предыдущей схемы предотвращения уличных грабежей: с помощью которой наши улицы будут так усиленно охраняться и так великолепно освещаться, что любая часть Лондона будет столь же безопасна и приветлива как в полночь, так и в полдень, а грабеж будет совершенно неосуществим: с некоторыми мыслями о пресечении грабежей на всех общественных дорогах Англии и т.д. Смирненно предложенная для блага своей страны, представленная парламенту и посвященная его священному величеству королю Георгу II» (далее – «Вторые мысли»).

Короткое (в 20 страниц) и лаконичное эссе «Вторые мысли» является завершающей работой в серии сочинений, выпущенных Д. Дефо под псевдонимом «Эндрю Моретон, эсквайр». Э. Моретон – последний

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея «Общего блага» в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

значимый образ, созданный Д. Дефо между 1725 и 1729 гг. В этот период просветитель фактически отходит от создания заказных работ на политические темы, и можно с высокой долей уверенности говорить о звучании собственного голоса Дефо в этих произведениях. В работах, выпущенных под именем Э. Моретон, мы не находим упоминаний о партийной принадлежности этого пожилого эсквайра. Он лишь выражает свои верноподданнические чувства сначала Георгу I, а затем Георгу II. Можно предположить, что образ Эндрю Моретона был создан Дефо с целью привлечения внимания широкого круга читателей к проблемам английского общества и способам их решения, поднявшись над политическими разногласиями его эпохи.

Комплекс вопросов, затрагиваемых в памфлете весьма обширен: охрана общественного порядка, уличная преступность, пауперизация социальных низов, неконтролируемый рост цен на товары первой необходимости. Сочинение не только затрагивает широкий круг проблем современного ему общества, но и предлагает проекты по реформированию городской стражи, уличного освещения, городского транспорта, расквартирования матросов и солдат в Лондоне, реформирования театра.

В западной историографии «Вторые мысли» рассматриваются в контексте изучения творческого наследия писателя. Последнее десятилетие его жизни интерпретируется как самое плодотворное и глубокое. Один из самых авторитетных дефоведов, американский исследователь М. Новак, говоря «последних продуктивных годах» общественной деятельности Дефо, пишет, что «его стиль не утратил своей энергичности, но иногда в нем появлялась нота срочности...»², будто Дефо боялся не успеть высказать свои самые заветные мысли. При этом Новак находит в «сухом языке» Э. Моретона «признаки слабешего воображения»³. По версии исследователя, Д. Дефо, отягощённый болезнями и душевными переживаниями, связанными с женитьбой дочери Софии, все чаще и чаще прибегал к самоповторам. «Очевидно, что ближе к концу Дефо испытывал некоторые трудности с систематизацией идей и настоящую проблему с тем, чтобы ум не скатывался к знакомым шаблонам – возможно это неизбежная участь для того, кто так много писал»⁴. Американская исследовательница П. Бекшейдер, рассматривая работу «Вторые мысли», связывает появление «маски» Эндрю Моретона с желанием Дефо предложить свои социальные проекты от лица коренного лондонца, который хочет видеть Лондон лучшим городом в мире. Бекшейдер обращает внимание на адресную аудиторию Эндрю Моретона – максимально широкий круг лондонцев, наставляемых «голосом этого старика, что хорошо подходил Дефо»⁵. В отечественной историографии пристальное внимание этому сочинению уделено С.А. Василье-

² Novak 2001: 680.

³ Novak 2001: 684.

⁴ Novak 2001: 685.

⁵ Backscheider 1989: 518.

вой и И.М. Эрлихсон во второй главе своей книги «Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века». Авторы сосредоточились на освещении Д. Дефо криминального мира Лондона.

Именно английская столица и ее жители находятся в центре внимания сочинения «Вторые мысли». Лондон являлся родным городом Даниэля Дефо, и что не менее важно уроженцем Сити. На улицах столицы разворачиваются события многих его литературных произведений, таких как «Полковник Джек» (1722), «Молль Флендерс» (1722), «Дневник чумного города» (1722), «Роксана» (1724). Во втором десятилетии XVIII в. мы видим в творчестве Даниэля Дефо возрастание интереса к изучению социально-психологических особенностей английского общества⁶. Связано это было в значительной степени со все возрастающим материальным расслоением английского общества, которое наиболее ярко проявлялось именно в самом густонаселенном городе Англии – Лондоне⁷ Территориальная экспансия Лондона позволила современникам назвать столицу «чудовищем-переростком»⁸. Город был местом притяжения не только денежных⁹, но и людских ресурсов. Внутренняя миграция способствовала приросту населения Лондона в первые декады XVIII в.¹⁰ Вновь прибывающие, в большинстве своем низкоквалифицированные работники, сталкивались с непостоянством работы, высокими ценами на товары первой необходимости и спекуляцией. На этой волне получает распространение феномен «профессионального нищенствования»¹¹, а также уличной преступности: «Лондон, который раньше был самым безопасным и мирным городом в мире, теперь становится местом сосредоточения разбоя и опасности»¹².

Работу «Вторые мысли» можно разделить на три части: обращение к королю, предисловие и основную часть. В обращении к «превосходнейшему королевскому величеству, святейшему и самому августейшему!» просветитель выражает верноподданнические чувства королю Георгу II Ганноверскому: «позвольте верному подданному, положи руку на сердце, протиснуться сквозь толпы придворных, которые окружают Вашу королевскую особу, и внести свою лепту, смиренно предложенную для общественного благоденствия, к ногам Вашего величества»¹³. Отдавая дань уважения и восхищения «самому августейшему монарху», Д. Дефо обозначает свою главную цель – служение общему благу.

Доброму королю автор противопоставляет Сатану: «Однако есть и такие (жаль, что они принимают человеческие формы и дышат свобод-

⁶ Васильева, Эрлихсон 2020:131.

⁷ На исходе XVII в. численность населения Лондона перевалила за отметку в 600 тыс. человек. См.: Harding 1990: 125.

⁸ Dachez 2009:291.

⁹ Wrigley 1967: 44.

¹⁰ Hitchcock, Shoemaker, 2020. Chapter 2. Beggarman, thief: 1690–1713.

¹¹ Hitchcock 2004: 49.

¹² Defoe 1729: 10.

¹³ Idem: 4.

ным воздухом Британии!), которые так возмутительно непостоянны, что если бы над ними царствовал сам Бог, то они бы тосковали по своему любимому монарху – Сатане»¹⁴. Речь, по всей видимости, идет о якобитах и о Джеймсе Стюарте, также известном как Старый претендент, сыне Якова II Стюарта. Положение Георга II на троне оспаривалось якобитами, сторонниками сбежавшего в 1688 г. короля Якова II. Дефо выступал решительно против возвращения католического монарха из династии Стюартов на английский престол. Оканчивается обращение к королю следующими словами: «Милостивый Государь, кто же я таков: Самый верный, Самый послушный, Самый покорнейший подданный и слуга Вашего величества – Эндрю Моретон»¹⁵.

В Предисловии обосновывается необходимость данного издания. Необходимость, о которой заявляет Э. Моретон, заключается в усовершенствовании мер, предложенных в предыдущей работе, и их презентации перед парламентом и самим королем: «для этого я представил копии этой книги их превосходнейшим величествам, королю и королеве, нескольким духовным лордам и различным почтенным и достойным членам обеих палат, и время должно показать, чья схема будет иметь старшинство»¹⁶. О какой другой схеме говорит Дефо? Как он поясняет, некий анонимный автор послал прошение в парламент о рассмотрении проекта по пресечению уличной преступности сразу после выхода сочинения Дефо «Augusta Triumphans, или Как сделать Лондон самым процветающим городом в мире»¹⁷ в 1728 г. Он не скрывает своего раздражения и возмущения положительными отзывами журналистов, расхваливающих еще неопубликованную работу анонима. «Хотя, между прочим, у нас есть только его тщеславное *ipse dixit* и показушный крик продажных газетчиков от его имени». Исходя из текста, можно предположить, что Дефо заочно обвиняет анонимного автора в плагиате, на это указывают следующие выражения: «чтобы лишить его заимствованных лавров», или «который [аноним] хотел бы, чтобы парламент купил его kota в мешке и сколотил состояние за мой счет». Дефо декларирует еще одну причину издания работы – заботу об общем благе: «если здравомыслящие люди одобряют меня, мне не нужно обращать внимание на смех глупцов, чье одобрение само по себе постыдно; ведь если над каждым добрым намерением или задумкой мыслящего человека будут смеяться, ничего и никогда не будет сделано для общего блага»¹⁸.

Проект реформирования ночной стражи является темой, вокруг которой Дефо строит повествование. Его мысли не представлены монолитным блоком, но разбросаны по всему тексту, что создает трудности для их цельного восприятия. Ввиду этого мы в первую очередь рассмот-

¹⁴ Defoe 1729: 4.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Defoe 1729: 7.

¹⁷ Defoe 1728.

¹⁸ Defoe 1729: 6.

рим непосредственно сам проект реформирования ночной стражи, а затем очертим причины роста преступности, выделенные Даниэлем Дефо.

Ночная стража на улицах Лондона появилась в XII в., когда каждый домовладелец был обязан в определенный день нести ночную вахту. Отсутствие жалования, физически утомительная и опасная работа ночным сторожем привели к тому, что к концу XVII в. домовладельцы все чаще стали прибегать к найму сторонних людей для ее выполнения¹⁹. Схожие проблемы привели к тому, что многие мужчины из среднего класса стали отказываться от исполнения обязанностей констебля²⁰. Несение ночного дозора перестало быть привилегией домовладельцев и превратилось в место, где больные и увечные могли заработать себе на пропитание: «стража по большей части дряхлые, изможденные бедняги, стоящие одной ногой в могиле, настолько немощные, что любое дуновение ветра способно свалить их»²¹. Рост преступности и низкая эффективность ночной стражи вызвали ряд дискуссий относительно реформирования системы охраны правопорядка столицы.

Дефо высмеивает неспособность членов дозора бороться с преступниками: «физически крепкие воры делают из них просто посмешище, зачастую принуждая самого сторожа, которому следовало бы задержать воров, способствовать в их злодеяниях. А что может сделать бедное существо, опасаясь за свою жизнь в окружении своры бандитов и не имея поблизости никакой помощи?»²². По мнению Д. Дефо, стража должна состоять из «крепких и здоровых мужчин в достаточном количестве, то есть по дозорному на каждые сорок домов, двадцать по одну сторону дороги и двадцать по другую»²³, вооруженных огнестрельным оружием и алебардой. Заработная плата должна быть повышена, чтобы привлечь желающих охранять дома честных граждан по ночам: «это жалование в 20 фунтов в год является своего рода поощрением и неплохой оплатой для бедного человека, который при бережливости может жить на него достойно, а при должном отдыхе иметь возможность совершать надлежащее и бдительное служение, то есть с вечерних сумерек до утренней зори»²⁴. Члены дозорной «команды», помимо оружия, должны иметь при себе рожок для подачи сигналов, а также отвечать, при условии дополнительного вознаграждения, за zapравку топливом уличных фонарей. Для охраны пригородных путей Дефо предлагает сформировать конные и пешие отряды вблизи этих дорог.

Анализируя причины разгула преступности, Дефо избирает целью своей критики «Опера нищего» Джона Гея (1727). Постановка нашла

¹⁹ Beattie 2003: 147.

²⁰ До реформы 1829 г. должность констебля был неоплачиваемой и выборной из жителей того или иного прихода.

²¹ Defoe 1729: 9.

²² Defoe D. 1729: 9.

²³ Idem: 12.

²⁴ Idem: 13.

признание как у зрителей, так и у критиков. Успех во многом определялся сатирой на коррупцию, излишества, что царили в высших кругах английского общества²⁵. Дефо видит в опере восхваление преступников и преступности как явления. Более того, он связывает рост уровня преступности с успехом пьесы Джона Гея и «Оперы квакера» Томаса Уолкера. «Уличные грабежи прекратились со времени казни Банворта и Блевитта [казнены в 1726 г.] до постановки этой “благочестивой” оперы»²⁶. Центральной фигурой «Оперы нищего» является благородный вор Капитан Мэххит, его прототипом был реальный преступник – Джек Шеппард. Подобные постановки, по мнению Дефо, способствуют как разгулу мелкой, так и организованной преступности. Просветитель предостерегает лондонцев от посещения подобных постановок, пугая жителей столицы появлением собственного Картуша и его банды²⁷.

Дефо утверждает, что главная задача театра и культуры в целом – нравственное воспитание зрителя, передача истинно христианских добродетелей: честности, справедливости, помощи ближнему. Сцена не должна содержать «ничего, кроме того, что можно было бы показать епископу». Неблагочестивые постановки могут подстегнуть «слабые умы» на совершение преступлений, «ибо в этой пьесе Джек Шеппард становится героем постановки и проходит через такие эпизоды падения и взлета, что слишком многие слабые умы были так увлечены, а многие неосмотрительные лица были так очарованы его явлением на сцене, одетого так элегантно, с карманами, так туго забитыми деньгами, что они незамедлительно становились уличными грабителями или взломщиками домов». Если неподобающие пьесы влияют на умы «праздных парней»²⁸, то алкоголь разрушает их тела и «отравляет» душу: «Предположим, что человек, способный содержать себя и семью своим ремеслом, в то же время является пьяницей ...так человек, который мог бы быть полезным в политическом теле, становится омерзительным для себя самого»²⁹. В описываемое время Лондон поразило «джиновое безумие» (*The Gin Craze*). Доступность и дешевизна джина сделали его популярным напитком среди жителей Лондона вне зависимости от их социального статуса³⁰. Остановить пьянство, по мнению Дефо, поможет ограничение продажи алкоголя после десяти часов вечера³¹.

Следующий вопрос, который волнует просветителя, это проституция. Проститутки традиционно подвергались анафеме со стороны обще-

²⁵ Marvin 1975: 33.

²⁶ Defoe 1729: 10.

²⁷ Луи-Доминик Бургиньон по прозвищу Картуш – создал в Париже преступную организацию и в течение нескольких лет держал в страхе всю французскую столицу. Казнен в 1721 г.

²⁸ Defoe 1729: 10.

²⁹ Idem: 12–13.

³⁰ Patrick. 2002: 18.

³¹ Defoe 1729: 13.

ства, их обвиняли в воровстве, распутстве и распространении венерических заболеваний. В описываемое время занятие проституцией не считалось уголовно наказуемым деянием³². Более того, часть интеллектуалов высказывались за формализацию этого рода деятельности. Бернард Мандевиль предлагал сконцентрировать публичные дома в одном месте и продавать алкоголь внутри заведений без пошлин и акцизов³³. Для нонконформиста Дефо проститутки плодили преступников, совращая молодых людей и втягивая их в пучины преступного мира: «я начну с их блудниц, которые, если говорить в целом, являются первыми побудителями их злодейства и подстрекают их ко всякого рода злодеяниям»³⁴.

Миграция и урбанизация ломали устоявшиеся паттерны поведения женщин. Переезжая из провинции в большие города женщины оказывались в незнакомой для себя обстановке и, не найдя стабильного источника дохода, зачастую становились проститутками. Наглядный пример подобного пути можно найти в серии гравюр Уильяма Хогарта «Карьера проститутки» (*A Harlot's Progress*). Дефо призывает обращать более пристальное внимание на поведение женщин: «наши простолюдинки должны быть ограничены в вольностях, которые они в последнее время получили; они открыто ругаются и говорят так омерзительно – это позор для христианской страны»³⁵.

«Разобравшись» с проститутками Дефо переходит к ночлежкам и подвалам – местам, где плодится беззаконие и скрываются преступники. «Ночлежки и подвалы прежде всего должны быть полностью уничтожены – это гавани и убежища негодяев и преступников. Это постоянные дворы, где совершенствуется их бесчеловечное ремесло. Именно здесь они ждут сигнала своих осведомителей, здесь они разрабатывают свои планы и вносят корректировки, здесь они вдохновляют и посвящают молодых воров, здесь они обменивают и продают свое наворованное добро. Это их биржи и пристанища после злодеяний»³⁶. Дефо выделяет профессии, которые своими действиями помогают преступникам. Среди «попавших под горячую руку» оказываются кучера наемных экипажей: «столь многочисленные и частые ограбления не могут совершаться без попустительства этих негодяев». Предложение Дефо простое – обязать владельцев наемных карет отвечать за деятельность кучеров. «Закон в этом случае должен быть повернут в свое старое русло, то есть владелец кареты должен нести ответственность. Он должен нанять кучера, за которого он может отвечать или ездить сам»³⁷.

На протяжении всего сочинения мы видим призывы к надзору за низшими классами (*lower class of people*). Именно они пополняют ряды

³² Васильева, Эрлихсон 2020: 95.

³³ Эрлихсон 201: 72.

³⁴ Defoe 1729: 16.

³⁵ *Idem*: 16.

³⁶ *Idem*: 18.

³⁷ *Idem*: 17-18.

преступников и помогают им в их злодеяниях. Однако Дефо не относится с презрением к низшим слоям населения. Он признает их неотделимой частью английского общества: «те кто отрицает, что низший класс людей необходим в политическом теле, противоречат рассудку и самому здравому смыслу... благодаря их труду осуществляется наше производство, торговля и коммерция. Купец в своей конторе и капитан в своей каюте нашли бы мало работы, если бы не сотни занятых рук, работающих на различных предприятиях, которыми они управляли»³⁸.

Сравнивая «политическое тело» с физическим, Д. Дефо определяет «болезни» общества и предлагает «лекарство» – надзор и искоренение нищеты. Он обращает внимание на то, как появляется нищета и кто или что вгоняет людей в состояние крайней нужды. Нередко виновниками становятся спекулянты: «вымогательства и мошенничество торговцев, повышающих цены на пропитание, наиболее пагубны для государства и заслуживают внимания его законодательной власти. Ибо люди, не имеющие возможности содержать свои семьи честным трудом и ставшие нищими из-за дороговизны провизии, часто впадают в отчаяние и становятся разбойниками»³⁹. Дефо выделяет главную причину их преступлений – нужду. Трудоспособное население, не имеющее постоянной работы, было наиболее подвержено нерегулируемым скачкам цен на товары первой необходимости: «таким образом бедняков втоптывают в грязь, чтобы насытить свору жлобов, не знающих пощады. Но я надеюсь, что правительство заставит их быть добросовестными даже против их воли»⁴⁰. Дефо осуждает алчность торговцев, наживающихся на бедняках.

Таким образом, в сочинении «Вторые мысли» представлены три части «политического тела» – низшие классы, коммерсанты, а также король. Дефо отмечает амбивалентность роли социальных низов: «они наиболее полезны, когда трудолюбивы, и столь же вредны, когда ленивы»⁴¹. Их роль в «политическом теле» – служить его основой и трудиться на «общее благо». Коммерцию Дефо признает основополагающим фактором богатства Англии и англичан⁴². В поощрении и развитии торговли просветитель видит основную задачу правительства⁴³. Однако во «Вторых мыслях» мы наблюдаем «оборотную сторону медали» коммерческой деятельности – спекуляцию. Коммерция как явление само по себе не порочно, но оно нуждается в государственном контроле, считает Дефо. Честная и справедливая торговля имеет главной целью обогащать все общество, а не отдельных его представителей.

Дефо, сторонник конституционной монархии⁴⁴, видит в короле гаранта стабильности в обществе, важнейшее условие благополучия стра-

³⁸ Idem: 11.

³⁹ Defoe 1729: 19.

⁴⁰ Idem: 11.

⁴¹ Idem: 11.

⁴² Defoe 1727a: 20.

⁴³ Idem, P. 61.

⁴⁴ Лабутина 2020: 101.

ны и народа. Таким монархом представляется Георг II: «к моему счастью и к радости всего королевства, у нас есть такой гуманный и приветливый король. Король, натурализованный для нас. Король, который любит нас. Король, в личности которого, равно как и в его уме, мы находим вдохновенье: король наших сердец, король наших желаний!»⁴⁵.

Все части политического тела взаимосвязаны и только вместе они способны достичь всеобщего процветания. «Всеобщее благополучие (commonwealth) – это повозка, приводимая в движение многими колесами, каждое из которых зависит друг от друга, – пишет Дефо. – Препятствие на пути одного маленького колеса может остановить движение всей повозки»⁴⁶. На первый взгляд неочевидная проблематика «общего блага» в сочинении «Вторые мысли», казалось бы, посвященного реформированию ночной стражи, является его главной темой. Идея об «общем благе» Д. Дефо предстает как совокупность общественных взаимоотношений, построенных на справедливости, честности и стремлении всех членов общества к общественному благоденствию.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Васильева С. А., Эрлихсон И. М. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века: очерки интеллектуальной истории / С. А. Васильева, И. М. Эрлихсон. СПб.: Алетейя, 2020. 484 с. [Vasil'eva S. A., Erlihson I. M. Prestuplenie i nakazanie v anglijskoj obshchestvennoj mysli XVIII veka: ocherki intellektual'noj istorii / S. A. Vasil'eva, I. M. Erlihson. SPb.: Aletejya, 2020. 484 p.]
- Лабутина Т. Л. Британские интеллектуалы эпохи Просвещения: от маркиза Галифакса до Эдмунда Берка / Т. Л. Лабутина. СПб.: Алетейя, 2020. 458 с. [Labutina T. L. Britanskije intellektualy epohi Prosveshcheniya: ot markiza Galifaksa do Edmunda Berka / T. L. Labutina. SPb.: Aletejya, 2020. 458 p.]
- Тревельян М. Д. История Англии от Чосера до королевы Виктории / Джорж Маколей Тревельян. Смоленск: Русич, 2001. 614 с. [Trevel'yan M. D. Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii / Dzhorzh Makolej Trevel'yan. Smolensk: Rusich, 2001. 614 p.]
- Эрлихсон И. М. Pamфлет Б. Мандевилья «Благопристойные аргументы в защиту государственных публичных домов»: к вопросу о цели написания и жанре / И. М. Эрлихсон // Диалог со временем. № 37, 2011. Москва: Книжный дом «Либроком». С. 66–87. [Erlihson I. M. Pamflet B. Mandevilya «Blagopristojnye argumenty v zashchitu gosudarstvennyh publicznyh domov»: k voprosu o celi napisaniya i zhanre / I. M. Erlihson // Dialog so vremenem. № 37, 2011. Moskva: Knizhnyj dom «Librokom». P. 66–87.]
- Backscheider R. P. Daniel Defoe: his life / R. P. Backscheider. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1989. 692 p.
- Beattie J.M. Policing and Punishment in London, 1660-1750: Urban Crime and the Limits of Terror / J. M. Beattie. Oxford University Press, 2003. 491 p.
- Dachez H. An overgrown monster: London in Some Eighteenth-Century Writings / H. Dachez // Caliban. 2009. № 25. P. 285–294.
- Defoe D. Augusta Triumphans: Or, the Way to Make London the Most Flourishing City in the Universe. London: Printed for J. Roberts, 1728. 45 p.
- Defoe D. Second Thoughts Are Best: or, a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. London: Printed for W. Meadows, 1729. 21 p.
- Daniel D. The complete English tradesman, in familiar letters. Vol. II. London: Printed for Charles Rivington, 1727. 480 p.
- Defoe D. The Protestant monastery: or, a complaint against the brutality of the present age. London: printed for W. Meadows, 1727b. 31 p.

⁴⁵ Defoe D. 1729: 4.

⁴⁶ Defoe D. 1727b: 3.

- Harding V. The Population of London, 1550-1700: a review of the published evidence / V. Harding // *The London Journal*, 1990. № 15. P. 111–128.
- Hitchcock T. Down and Out in Eighteenth-Century / T. Hitchcock. London. Bloomsbury Academic, 2004. 343 p.
- Hitchcock T., Shoemaker R. Introduction. *London Lives: Poverty, Crime and the Making of a Modern City, 1690-1800* // Open Access Electronic Edition 2020. URL: <https://www.londonlives.org/book/index.html>.
- Marvin A. C. A Fresh Look at Hogarth's "Beggars Opera" // *Educational Theatre Journal*. 1975. Vol. 27, № 1. P. 30–39.
- Novak M. E. Daniel Defoe: Master of Fictions: His Life and Works. Oxford University Press, 2001. 784 p.
- Patrick D. The much-lamented death of Madam Geneva: the eighteenth-century gin craze. London: Review, 2002. 380 p.
- Pickering D. The Statutes at Large, from Magna Charta to the End of the Eleventh Parliament of Great Britain / D. Pickering. London: Printed by J. Benthams, 1765. 485 p.
- Wrigley E. A., a simple model of London's importance in changing English society and economy 1650–1750 / E. A. Wrigley // *Past & Present*. 1967. Vol. 37, № 1. P. 44–70.

Высокова Вероника Витальевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, vyssokova@mail.ru

Майоров Кирилл Владимирович, магистр исторических наук, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, kir261297@gmail.com

Street Crime and Concern for the Common Good in Daniel Defoe's Essay «Second Thoughts Are Best»

The article deals with the essay of Daniel Defoe «Second Thoughts Are Best: or, a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies», published under the pseudonym Andrew Moreton in early 1729. Here Defoe analyzes the reasons for the increase in crime on the streets of London in the 1720s and considers ways to eradicate it by reforming the institute of night-watch. The English writer shows poverty, drunkenness, speculation as the main sources of revelry in the capital's underworld. Defoe creates a holistic project of social reform based on the concept of 'common good' based on the idea of «political body», or the interconnectedness of all members of society in the process of achieving general well-being or "commonwealth".

Keywords: Daniel Defoe, London, street crime, Britain, 18th century.

Veronika Vysokova, Dr. Sc. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg; vyssokova@mail.ru

Kirill Mayorov, Master of History, Ural Federal University, Yekaterinburg; kir261297@gmail.com

М.А. ФИЛИМОНОВА

ДЕБАТЫ ВОКРУГ ТЕАТРА И РЕСПУБЛИКАНИЗМА В США ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Театр в культуре американского Просвещения представлял собой идеологическую проблему. Как федеральные власти США, так и отдельные штаты издавали антитеатральные запреты. Дискуссии вокруг театра продолжались на протяжении десятилетий. Цель данной статьи – вписать дебаты вокруг театра в контекст классической республиканской идеологии в США.

Ключевые слова: американское Просвещение, Американская революция, история театра, классический республиканизм.

Полемика вокруг театра была частью идеологического пространства Американской революции. И правительства штатов, и Континентальный конгресс считали театр достаточно серьезной проблемой, чтобы уделять ему внимание в разгар многолетней войны.

История раннего американского театра долгое время изучалась в традиционном позитивистском ключе. Но на рубеже XX–XXI вв. появились исследования, рассматривавшие формирование раннего американского театра в контексте складывания национальной идентичности и более широком контексте американского Просвещения. Именно этим занялся, например, Джаред Браун, профессор университета Иллинойс Уэслиан и директор существующей в университете Школы театральных искусств. Он изучил театральные представления, которые ставились британскими солдатами в оккупированных городах США, и то, как эти представления повлияли на судьбу театра в постреволюционной Америке¹. Джеффри Ричардс, специалист по ранней американской литературе, исследовал метафору *theatrum mundi* и выявил идеологически окрашенное отношение к театру в американской культуре с момента основания колоний, т.е. задолго до того, как там появилась своя драматургия². Хизер Нэтэнс, доцент Мэрилендского университета, делает акцент на демократизации американской драмы при переходе от федералистской эпохи к джефферсоновской демократии³. Исследовательница связывает театральные дебаты 1790-х гг. с формирующейся двухпартийной системой. По ее наблюдениям, сторонниками театра обычно выступали федералисты, а их оппоненты-джефферсоновцы клеймили пьесы как «школу порока»⁴. Недавний сборник статей, изданный под патронажем Зальцбургского университета, посвящен гендерным аспектам раннего американского театра⁵.

¹ Brown 1995.

² Richards 1991.

³ Nathans 2003.

⁴ Nathans 1999: 113.

⁵ The Politics 2022.

В данной статье полемика вокруг театра рассматривается как часть революционной трансформации США. В антитеатральных настроениях, как и во многих других пространствах повседневности, отражалась попытка воплотить в жизнь классическую республиканскую утопию. Отсюда и цель статьи – вписать дебаты вокруг театра в контекст классической республиканской идеологии в США.

Источниковая база исследования включает как официальные источники, так и источники личного происхождения. Как уже говорилось, театр был объектом законодательного регулирования. Информацию об этом можно найти в журналах Континентального конгресса⁶, а также в сборниках текущего законодательства, издававшихся в отдельных штатах⁷. Дебаты вокруг театра вовлекали в свою орбиту широкие круги американцев. Это обеспечивалось за счет наиболее массовых средств информации XVIII в. – памфлетной литературы и газет. Особенно много внимания уделяли этой проблеме газеты Пенсильвании («*Pennsylvania Packet*»), «*Philadelphia Independent Gazetteer*»), Нью-Йорка («*New York Daily Advertiser*»), Массачусетса («*Boston Gazette and Country Chronicle*»), где антитеатральные настроения были наиболее сильны. Привлечены также источники личного происхождения, главным образом, дневниковые записи и переписка. Они позволяют судить о том, насколько эффективны были пропагандистские усилия как сторонников, так и противников театра. При этом следует учитывать, что состояние сохранившихся источников, равно как и особенности распространения грамотности в ранней Америке, обуславливают возможность достаточно полно изучить позицию белых горожан среднего и высшего класса. Однако мнение афроамериканцев, закабаленных слуг (сервентов), жителей фронта неизбежно остается в тени.

В качестве методологической базы использованы подходы «новой интеллектуальной истории» (истории идей), которая ориентирует на исследование дискурсивных практик и социокультурных репрезентаций театра в революционной и постреволюционной Америке.

Трудно сказать, когда в британской Америке появился театр. Первая пьеса, о которой сохранились письменные свидетельства, была сыграна в Аккомаке (Виргиния) в 1665 г. Представление состоялось в местной таверне, актерами (а также, вероятно, авторами) были трое местных жителей. Пьеса носила название «Медведица и медвежонок». Текст ее, к сожалению, до наших дней не дошел, и сейчас трудно судить, почему именно драматургов-любителей ждали неприятности. Возможно, дело было в самом факте театральной постановки: протестанты (и не только суровые новоанглийские пуритане) считали театр чем-то предосудительным или даже греховным. Так или иначе, вскоре королевский адвокат Джон Фосетт получил донос на незадачливых актеров. Они были вызваны в суд и подвергнуты жесткому перекрестному допросу. На сле-

⁶ Journals 1904–1937.

⁷ The Acts 1869–1922.

дующее заседание суда обвиняемые должны были явиться в костюмах, которые они носили во время представления. Кроме того, они должны были принести с собой для ознакомления копию исполненных ими «стихов, речей и отрывков». Судьи, должно быть, сочли постановку совершенно невинной, потому что они приказали оправдать всех троих и обязали доносчика оплатить все расходы, связанные с представлением⁸.

Несмотря на столь малообещающее начало, драматическое искусство в американских колониях развивалось с начала XVIII в. Первый театр, известный в колониях, был построен между 1716 и 1718 гг. в Виргинии. В нем ставились английские пьесы разных жанров, от шекспировских трагедий до комедий Уильяма Конгрива и Джона Гея⁹. В 1790-х театры были уже во всех крупных городах США. Бостон, Филадельфия и Нью-Йорк соперничали между собой, стараясь превзойти друг друга элегантностью своих театров. Первая профессиональная труппа – «Старая американская компания» – появилась в 1752 г. и до 1790-х гг. оставалась единственной в своем роде. Организовали ее братья Уильям и Льюис Халлэмы. Дебютировала труппа в Уильямсберге, а затем давала представления в Чарльстоне, Нью-Йорке, Филадельфии. Сын второго из антрепренеров, Льюис Халлэм-младший, первым сыграл для американцев роли Фальстафа и короля Иоанна в шекспировских пьесах. В женских ролях блистали Нэнси Халлэм (она прославилась в роли Имогены из шекспировского «Цимбелина») и Элизабет Уокер Моррис, впервые представившая в США Беатриче в «Много шума из ничего». Военное время труппа благоразумно переждала на Ямайке, но в 1785 г. вернулась в Нью-Йорк, где действовала до 1805 г.

В основном в колониальной Америке процветал драматический театр. О существовании балета нет никаких данных. Оперы ставились, но оперных певцов не хватало. Так, в Бостоне 2 октября 1769 г. состоялась читка оперы «Деревенская любовь». Все роли читал один актер, он же пел арии¹⁰. В отличие от европейских столиц, американские города не знали специализации театров. Репертуар был пестрым. В бостонском театре на Дощатой улице в октябре 1792 г. давали трагедию Дж. Лилло «Лондонский купец» (1731), несколько пьес других английских драматургов XVIII в., а также Шекспира. В июне 1793 г. можно было послушать «весьма прославленную французскую оперу»: «Деревенского колдуна» Ж.Ж. Руссо (1752)¹¹. Единственной американской пьесой в репертуаре театра был «Контраст» Ройяла Тайлера (1787). Там же можно было посмотреть не столь изысканные представления: осенью 1792 г. да-

⁸ Wise 1911: 325.

⁹ См. подробнее: Востриков 2016.

¹⁰ Boston Evening-Post. Oct. 2, 1769 («Деревенская любовь» – опера-пастиш Т. Арна, состоявшая из 42-х музыкальных номеров; премьера состоялась в Лондоне в 1762 г. Ария из этой оперы «Мельник с реки Ди» (Miller of Dee) стала впоследствии народной песней).

¹¹ American Apollo. June 14, 1793.

вали пантомиму «арлекина-скелета», а еще зрителям предлагали танцы на провисшей проволоке и балансирование павлиньим пером¹². Пенсильванец С. Брек тепло вспоминал комедию, которую видел в театре на Джон-стрит в Нью-Йорке: играли городские парни, переодетые дикими зверями; пантомима закончилась всеобщей свалкой, к великому удовольствию публики, а ряженный медведь получил настоящую пулю (к счастью, рана оказалась не смертельной)¹³.

Соответственно существующей театральной практике, и «отцов-основатели» в своей критике театра не различали высоких и низких жанров. В антитеатральном дискурсе почти всегда подразумевался драматический театр, но его отличие от оперы или пантомимы никогда не выражалось эксплицитно. Повышенное внимание «отцов-основателей» к существующим досуговым практикам, в т.ч. к театральным представлениям, было обусловлено ситуацией революционного преобразования общества. Революция обеспечивала повышенную политизацию масс. Рядовые американцы, до того, возможно, не задумывавшиеся о Парламенте и его налоговой политике, теперь не только вырабатывали собственное суждение об этом, но и получали определенные возможности для политического высказывания, которое могло включать широкий спектр действий: вступление в Континентальную армию, участие в патриотических митингах, но также и следование определенным поведенческим стандартам в повседневной жизни. Политизировалось буквально всё: выбор напитка на завтрак, дамская прическа, зажженная или, напротив, погашенная свеча на окне. Кроме того, политизация не отдельных пьес, а театра как явления подпитывалась идеологически.

Классическая республиканская парадигма была раскрыта в трудах Дж.Г.А. Покока, Г. Вуда, Б. Бейлина¹⁴, обративших внимание на то, что при создании государственности США целью «отцов-основателей» была отнюдь не либеральная демократия. Их идеальная республика не предполагала многих современных либеральных ценностей, таких как плюрализм, индивидуализм, невмешательство государства в частную жизнь граждан. Они во многом ориентировались на восходящую к античности концепцию гражданской добродетели, которая требовала самоограничения и самопожертвования во имя республики. В своем предельном выражении идеология республиканской добродетели выливалась в культ героической смерти. Но и в обычной жизни американцы могли продемонстрировать свои высокие моральные качества, например, отказавшись от импортных нарядов и переодевшись в домотканное во имя свободы. Без гражданской добродетели, как предупреждал Монтескье и как были убеждены его американские последователи, стабильный республиканский режим существовать не мог¹⁵. В пропаганде Аме-

¹² Boston Gazette and Country Chronicle. Sept. 3, 1792.

¹³ Breck 2007: 182–183.

¹⁴ Bailyn 1967; Wood 1969; Росоков 1975.

¹⁵ Монтескье 1999: 27.

риканской революции добродетельные республиканцы противопоставлялись развращенным обитателям европейских монархий. Изнеженные роскошью, подданные королей, как предполагалось, легче поддавались манипуляции и не были способны к борьбе за свободу. Именно поэтому американские патриоты, особенно на ранних этапах революции, последовательно боролись с проявлениями консьюмеризма. Роскошь (luxury) была излюбленной мишенью для критики.

Театр оказался частью осуждаемых практик. Этому способствовал не только классический республиканизм, но и старая пуританская анти-театральная традиция, особенно сильная в Новой Англии. Марк Колдуэлл отметил преемственность между анти-театральными дебатами в Америке и английской пуританской критикой театра XVI–XVII вв.¹⁶ Американцы действительно охотно цитировали английских предшественников по этой теме. Знаменитый пресвитерианин Уильям Принн называл театры не иначе как «дьявольскими капеллами»¹⁷. Но Просвещение в лице Ж.-Ж. Руссо тоже было неласково к драматическому искусству. Критика сводилась к следующему: театр не может реформировать нравов; если он не отвечает общественным настроениям, туда просто никто не пойдет. «Все прекрасно понимают, что нам все это совершенно чуждо, что усваивать себе добродетели театральных героев было бы так же странно, как говорить стихами и носить римский костюм». Что же касается комедий, то они просто становятся школой безнравственности, потому что показывают в привлекательном свете неверных жен, непочтительных детей. Они нарушают традиционный патриархальный порядок, ставя женщин выше мужчин и молодых людей выше стариков¹⁸.

Большинство французских просветителей не были согласны с Руссо. Вольтер продолжал традиции классицизма в трагедийном жанре. Дидро ввел на французскую сцену «мещанскую драму», которая была ближе к реальной жизни и более свободна от критикуемых Руссо условностей классицизма. С.Л. Мерсье, вслед за Дидро обратившийся к «мещанской драме», рассуждал о могуществе театра как средства формирования общественного сознания. В своем эссе 1773 г. Мерсье писал: «Театр был бы, несомненно, самым активным и быстрым средством дать непобедимое оружие силам человеческого разума и одним махом обрушить на народ большой объем просвещения»¹⁹. Но Мерсье видел и амбивалентность театра, противопоставляя идеальному драматургу – «великому бичевателю пороков» – его антипода, чьи пьесы льстят общественной развращенности, подпитывают заблуждения и предрассудки²⁰.

Но вернемся к американскому Просвещению. Реформатор американской медицины Б. Раш делал театр частью медицинского дискурса.

¹⁶ Caldwell 2009: 311.

¹⁷ Prynne 1633: page unnumbered.

¹⁸ Руссо 1961: т. 1: 78–92, 104.

¹⁹ Mercier 1773: v.

²⁰ Mercier 1773: vi–vii.

Он приписывал театральным представлениям искусственное стимулирующее действие на организм, а в чрезмерном увлечении театром видел симптом особой болезни – «домофобии» (home phobia)²¹.

Медиализация страсти к театру, разработанная Рашем, не получила широкого распространения. Театра больше ассоциировался с роскошью и монархией. Массачусетский федералист Ф. Эймс в эссе об американской литературе делился своим наблюдением относительно античной поэзии: «Каковы были силы, навсегда освятившие имя Греции? Нам иногда отвечают, что она обязана своей славой республиканской свободе своих полисов. Но Гомер и Гесиод... писали в то время, когда цари управляли этими государствами. Анакреонт и Симонид процветали при дворе Писистрата»²². То же касалось драматургии. Виргинец Р.Г. Ли был убежден, что английский королевский двор лицензирует театры в таких городах, как Шеффилд и Бирмингем, чтобы отвлечь англичан от республиканских настроений²³. С точки зрения Бенджамина Франклина, театр был навязан американцам английскими властями, как часть изнеживающего и разорительного образа жизни. Критика роскоши с позиции классического республиканизма смыкалась здесь с буржуазной этикой «Бедного Ричарда»: «Вы думаете, наверное, что немножко чая или немножко пунша время от времени, более дорогая пища, более красивые платья и немножко развлечений время от времени не являются большим делом, но помните, маленькая экономия создает большой капитал»²⁴. Теперь же проповедь личного успеха трансформировалась в призыв к антиколониальной борьбе: «Будьте бережливы и трудолюбивы, и вы будете свободны»²⁵.

В театральной культуре был и определенный антиэгалитаристский посыл, смущавший суровых республиканцев. С одной стороны, это развлечение было доступным для любого кошелька. «Gazette of the United States» отмечала: «Театр более, чем любое другое место, собирает людей всех сортов и классов»²⁶. Но он также подразумевал определенную социальную иерархию (как и многие другие «жантильные» развлечения). Театр на Честнат-стрит в Филадельфии рекламировал свои продуманные входы и просторные коридоры, благодаря которым «нет возможности смешения между зрителями, идущими в разные части зрительного зала»²⁷. Само пространство зала было организовано в соответствии с социальным статусом зрителей. Например, в нью-йоркском театре на Джон-стрит было два яруса лож, партер и галерка. И это были совершенно разные миры. В ложах велись чинные светские разговоры, иронически переданные Шарлоттой, насмешливой героиней «Контраста»:

²¹ Американские 1968–1969: т. 1: 473; Rush 1947: 224.

²² Ames 1809: 460.

²³ Letters 1976–2000: vol. 7: 514.

²⁴ Франклин 1956: 100.

²⁵ Franklin 1904: vol. 4: 269.

²⁶ Gazette of the United States. Apr. 28, 1798.

²⁷ Dunlap's American Daily Advertiser. Febr. 4, 1793.

«Сначала мы кланяемся обществу в целом, потом каждому в частности, потом мы так много расспрашиваем друг друга о здоровье, и мы так счастливы встретиться друг с другом, и прошло сто лет с тех пор, как мы в последний раз имели это удовольствие, – и если в обществе есть замужняя дама, мы слышим такие милые рассуждения о кашле ее сына Бобби... потом занавес поднимается, тогда вся наша чувствительность пробуждается, и мы высмеиваем какое-нибудь безобидное выражение за двусмысленность, о которой бедный автор и не подозревал, и прячемся за веерами и краснеем, а джентльмены толкают друг друга, заглядывают под веер и делают изящные замечания... О! сентиментальные прелести разговора в ложе!»²⁸

А галерка пользовалась случаем власть побуяннить. По воспоминаниям актера Джона Дюранга, «едва опускался занавес, с галерки швыряли яблочки, орехи, а иногда и бутылки на сцену и в оркестровую яму»²⁹.

Иерархизированное пространство театрального зала было лишним напоминанием о жестко стратифицированных европейских социумах – той самой модели общества, которой Американская революция противопоставила мечту о равных возможностях.

Ассоциации между театром, монархией, социальной иерархией и, в итоге, с контрреволюцией отражались в любопытном культурном феномене времен Войны за независимость. Английские оккупационные войска увлекались любительскими постановками. Отчасти это делалось просто из естественной потребности в отдыхе. Это настроение передает письмо британского офицера из оккупированного Бостона: «У нас был театр, были балы, и организована подписка для устройства маскарада. Кажется, что Англия забыла нас, и мы пытались забыть»³⁰. Но у развлечения был и идеологический посыл: англичане задумывали свои представления как оскорбление для американских патриотов. Так, в Бостоне намеренно устроили любительский театр в Фанейл-холле, где до войны собирались патриотические митинги. Театрализованный праздник под названием «мешьянца» («смесь»), состоявшийся в 1778 г. в оккупированной Филадельфии, представлял англичан как войско крестоносцев, явившихся на завоевание варварской страны. Реакция патриотов была предсказуемо негативной. Например, в негодующих стихах квакерши Ханны Гриффит «мешьянца» именовалась «празднством, достойным величия королей» (совсем не комплимент в устах патриотки!)³¹.

Все это укрепляло убежденность противников театра в его антиреспубликанской, контрреволюционной сущности. Когда офицеры Континентальной армии Дж. Вашингтона, в свою очередь, поставили у себя в военном лагере «Смерть Катона» Дж. Аддисона, на них обрушилась критика. Сэмюэль Адамс один из самых видных лидеров революции, обвинил американских офицеров в подражании врагу. Их предосудительному поведению он противопоставлял поступок Ж. де Лафайета.

²⁸ Tyler 1920: 49–50.

²⁹ Durang 1966: 27.

³⁰ The Continental Journal and Weekly Advertiser. Oct. 17, 1776.

³¹ Цит. по: Shields 2015: 185.

Последний, как говорили, отказался посетить театральное представление в Филадельфии, проявив тем самым (как не преминул подчеркнуть Адамс) «достоинство гражданина» и «уважение к чувствам представителей гражданской власти»³².

Другая линия антитеатральной аргументации была связана с преобладанием европейских пьес в репертуаре американских театров. Подобно Мерсье, Бомарше, Дидро, американские полемисты предъявляли драматургам требование «следовать природе». «Поднести зеркало к природе», – такой девиз был вышит на занавесе одного из нью-йоркских театров. Наивный герой «Контраста» так описывал театральную постановку: «Там как подняли большое зеленое полотнище, да и дали нам заглянуть прямо в соседний дом. Много у вас в Нью-Йорке домов на этакий манер?»³³ Собственно, таково типичное убеждение эпохи Просвещения: театр должен представлять реальность настолько убедительно, что простодушный зритель примет представление за бытовую сцену. «Что такое театральные представления, как не картина реальной жизни в миниатюре, ограниченная несколькими часами?» – рассуждал один из авторов «*Pennsylvania Packet*»³⁴. Но можно ли это было сказать о европейской драматургии? «*Boston Independent Chronicle*» выражала убеждение, что английские пьесы «изображают добродетели, пороки и безумства королей, лордов, дворян и великого множества иных персонажей, которые народу нашей страны и неведомы, и неинтересны»³⁵.

Наконец, звучали и традиционные обвинения актеров в безбожии и аморальности. С. Адамс считал театр совершенно несовместимым «с нынешними серьезными временами»³⁶. Его кузен Дж. Адамс, второй президент США, считал, что «зрелища и театральные развлечения», наряду с философией Эпикура, порождали не более и не менее, как «всеобщий разврат». В духе классического республиканизма, он приписывал театру также «всеобщее ослабление образования и управления»³⁷.

«*Philadelphia Independent Gazetteer*» объявляла без экивоков, что все добродетельные и религиозные люди во все времена осуждали комедиантов. В одежде, речи, поступках актеров видна похоть. Иногда в театре мужчины одеваются в женское платье, что осуждено Писанием³⁸. Актеры часто в пьесах взывают к Юпитеру, Юноне и другим языческим богам. Словом, театр – «синагога Сатаны»³⁹. Последнее выражение живо напоминает о Принне и является просвещенческим развитием тради-

³² Letters 1976–2000: vol. 11: 65–66.

³³ Tyler 1920: 72.

³⁴ *Pennsylvania Packet*. Nov. 15, 1773.

³⁵ *Boston Independent Chronicle*. Nov. 22, 1792.

³⁶ Letters 1976–2000: vol. 11: 209.

³⁷ Adams 1850–1856: vol. 9: 93.

³⁸ «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие»: Втор. 22:5.

³⁹ *Philadelphia Independent Gazetteer*. Jan. 9, 1789.

ционного пуританского дискурса. Словом, каждый добрый гражданин должен использовать свое влияние против театральных представлений⁴⁰.

Ройял Тайлер в «Контрасте» высмеял этих стойких пуритан через образ наивного янки Джонатана, который, как уже говорилось, поначалу даже не понял, где оказался:

Дженни. Ну, мистер Джонатан, вы, конечно, были в театре.

Джонатан. Я, в театре! Чего ж тогда я пьесу не видел?

Дженни. Ведь люди, которых вы видели, были актерами.

Джонатан. Помилуй мою душу! Так я видел мерзких актеров? – Должно, тот самый Дарби, что мне так глянулся, был сам старый змий и прятал раздвоенное копыто в кармане. Точно, теперь припоминаю, будто бы свечи горели синим пламенем, а где я сидел, всё этак пахло серой⁴¹.

Со страниц газет и памфлетов антитеатральная риторика проникала в Конгресс. Во время одного из заседаний в 1790 г. У. Смит из Южной Каролины описывал процветание своего штата. Примечательно, что именно достопочтенный джентльмен считал признаками благополучия. В их числе был расцвет торговли, веротерпимость, развитие образования и... запрет театра⁴².

Кульминацией антитеатральных настроений Американской революции стало соответствующее законодательство. Антитеатральная риторика легко переходила в юридические документы. Здесь Америка не следовала европейским трендам. Показательно, что Французская революция в 1791 г. провозгласила свободу театров, что сопровождалось взрывным ростом их числа⁴³. Установка Американской революции была противоположной.

Еще до создания США театр привлек к себе недоброжелательное внимание революционных властей. «Ассоциация», принятая Первым континентальным конгрессом в 1774 г., объявляла войну «всем видам расточительства и легкомысленных развлечений, в особенности всяким скачкам и всем видам азартных игр, петушиным боям, представлениям спектаклей и пьес и всем другим дорогостоящим развлечениям и удовольствиям»⁴⁴. Этот запрет был подкреплён уже не колониальными, а независимыми властями Америки. Решением Конгресса от 12 октября 1778 г. штатам рекомендовалось принять меры для прекращения театральных представлений, скачек «и таких других развлечений, которые приводят к праздности, распушенности и общему развращению принципов и нравов»⁴⁵. Через несколько дней (в ответ на злосчастную постановку «Смерти Катона» в Континентальной армии) была принята дополнительная резолюция. Конгресс провозглашал, что театральные представления фатальным образом отвлекают умы от защиты своей

⁴⁰ Pennsylvania Packet. Nov. 28, 1778.

⁴¹ Tyler 1920: 73.

⁴² The Documentary 1972–2017: vol. 12: 758–759.

⁴³ D’Oria 2007: 241–244.

⁴⁴ A Decent 1975: 13.

⁴⁵ Journals 1904–1937: vol. 12: 1001.

родины и своей свободы. Поэтому предлагалось увольнять с должности любое лицо на службе Соединенных Штатов, если упомянутое лицо будет устраивать или хотя бы посещать спектакли⁴⁶.

Антитеатральные законы, в соответствии с рекомендацией Конгресса, принимались и в отдельных штатах. Пенсильванский «Акт о пресечении порока и аморальности» устанавливал наказание за создание театра и за театральные пьесы любого жанра, будь то трагедия, фарс или любое другое представление. «Преступление» считалось не менее серьезным, чем дуэль, во всяком случае, штраф налагался одинаковый: 500 фунтов⁴⁷. В 1784 г. Халлэм, антрепренер «Старой американской компании», подал пенсильванской легислатуре петицию, прося отменить запрет на театральные постановки. Однако легислатура не удовлетворила его ходатайство⁴⁸. «Жаль, что в Филадельфии так мало ценителей изящных искусств и что гений встречает так мало поощрения в стране свободы», – писал по этому поводу один из авторов «Philadelphia Independent Gazetteer»⁴⁹. Но предубеждение против театра оказалось слишком сильным. Антитеатральные запреты в Пенсильвании были сняты в 1789 г.

Новая Англия преследовала театр с колониальных времен. Массачусетский закон 1750 г. запрещал использовать какой-либо дом для театральные представлений, «для предотвращения многих и больших бед, которые возникают из публичных постановок, интерлюдий и других театральных развлечений, которые не только вызывают большие и ненужные расходы и препятствуют трудолюбию и бережливости, но также имеют тенденцию вообще увеличивать безнравственность, нечестие и презрение к религии». За предоставление помещения для постановки полагался штраф в 20 фунтов. Актеры и зрители (!) должны были подвергнуться штрафу в пять фунтов с каждого⁵⁰. Будущий драматург Ройял Тайлер, сам уроженец Бостона, в юности участвовал в любительской постановке «Смерти Катона». Для этого актеры-любители и их поклонники собрались в полночь в пустом складе, причем заткнули замочную скважину, чтобы пробивающийся свет не привлек внимания ночной стражи. Катон был в парике и ночном халате из шотландки; его дочь Марцию играл мальчишка в фижмах своей сестры. Несмотря на предосторожности, компанию все же накрыли констебли. Нескольких актеров и зрителей потащили к мировому судье. Большинство успело разбежаться⁵¹. Антитеатральный закон Массачусетса был отменен в 1792 г. легислатурой, но губернатор отказался подписать ее решение. Театр, таким образом, оставался в штате на полуполюгальном положении.

Южные штаты, обладавшие куда более развитыми театральными традициями, порой тоже выступали против театра. В частности, законо-

⁴⁶ Journals 1904–1937: vol. 12: 1018.

⁴⁷ Pennsylvania Packet. Mar. 13, 1779.

⁴⁸ Pennsylvania Packet. Febr. 21, 1784.

⁴⁹ Philadelphia Independent Gazetteer. Febr. 14, 1784.

⁵⁰ The Acts 1869–1922: vol. 3: 500–501.

⁵¹ Caldwell 2009: 309–310.

дательное собрание Южной Каролины запретило театральные представления, сочтя их неподобающими⁵².

Антитеатральные настроения могли проявляться и в частных контрактах. Пятый президент США Дж. Монро, заключая договор с новыми сервентами, особо оговаривал, что они не должны посещать театр⁵³.

Тем не менее, у театра в США были и сторонники. Некоторые доводы в пользу театра исходили из личных качеств актеров. Так, в газетном сообщении из Балтимора «Старая американская компания» оценивалась как «наиболее респектабельные люди на всем континенте»⁵⁴. Но были и более серьезные аргументы, затрагивавшие соотношение театра с республиканизмом. Автор в «*Pennsylvania Packet*» выводил дискуссию на новый уровень, обращаясь к обсуждению отдельных пьес. Как уже говорилось, театр обычно обсуждался в целом, как культурное явление. Пенсильванец защищал пьесы Шекспира. «Ричард III» уж точно не может повредить республике, ведь он показывает, насколько одиозен убийца и тиран. «Гамлет» тоже полезен, ведь там показано заслуженное наказание за честолюбие, убийство, адюльтер. Из «Макбета» республиканцы могут узнать об опасности для свободы «махинаций могущественного, амбициозного человека»⁵⁵. К традиционным просвещенческим аргументам в защиту театра как источника знаний и школы нравов прибавлялись доводы, касающиеся его политической роли. В качестве убийственного аргумента приводились ссылки на опыт античности. Даже Сократ, этот символ добродетели, ходил смотреть трагедии Еврипида!⁵⁶ Дебаты, аналогичные филадельфийским, происходили и в Бостоне⁵⁷.

Влиятельный массачусетский политик Э. Джерри полемизировал с С. Адамсом, ссылаясь на пример Нидерландов, где театр существовал, не мешая добродетели граждан и стабильности республиканского строя. Джерри также видел в театре такой вид развлечения, который объединял всех граждан без различия рангов. Одна из излюбленных идеологием классического республиканизма, выдвигавшая идеал общества-семьи, не знающего крайностей неравенства, оборачивалась в пользу театра, вопреки тому, что критики говорили о его антиэгалитаризме. Однако Джерри считал, что театр нуждается в жестком регулировании⁵⁸.

«Отцы-основатели» сознавали огромный пропагандистский потенциал театра. «*Pennsylvania Packet*» утверждала: «Люди столь упрямы по натуре, что театральная шутка более действенна, чем все угрозы будущих мук, исходящие из уст проповедника»⁵⁹. Б. Раш теоретизировал:

⁵² The Documentary: vol. 12: 754.

⁵³ Monroe 1989–2020: vol. 7: 660.

⁵⁴ Pennsylvania Packet. Aug. 23, 1787.

⁵⁵ Pennsylvania Packet. Febr. 16, 1789.

⁵⁶ Pennsylvania Packet. Mar. 5, 1787.

⁵⁷ Milford 1999: 61–88.

⁵⁸ The Documentary 1972–2017: vol. 16: 1055–1056; 1248.

⁵⁹ Pennsylvania Packet. Nov. 15, 1773.

«Если бы удалось правильно направить красноречие театральных подмошков, то невозможно даже представить себе размеры его механического воздействия на нравственность. Возьмем сочинения Шекспира на моральные и религиозные темы, – разве можно противиться воздействию всей красоты и драматической силы их языка и образов на страсти и чувства и описать это воздействие?»⁶⁰.

Впрочем, серьезной политики регулирования театра в ранней Америке не было. Опираясь на поддержку сторонников, актеры «Старой американской компании» пытались обходить законодательные запреты. Например, в Род-Айленде они давали «Отелло» под видом «нравственных монологов». Напротив имени каждого из персонажей в афише действительно поместили мораль. Главный герой был охарактеризован как «благородный и великодушный мавр», который поддался «ужасному чувству ревности». Мораль, относящаяся к Бранцио, была такой: он «был столь глуп, что невзлюбил благородного мавра, поскольку его лицо не бело, забыв, что все мы происходим от одного корня. Такие предрассудки весьма многочисленны и весьма ошибочны»⁶¹. Уловка срабатывала не всегда, и это само по себе демонстрирует распространенность антитеатральных настроений. Сохранился отзыв негодующего зрителя, попавшего в бостонский театр на Дошатой улице: «Кучка бродяг давала, как они сказали, “Нравственную лекцию о Дугласе”, а это было не что иное, как жалкая попытка полностью представить трагедию “Дуглас”. За этим последовало нечто, названное в объявлении комической лекцией в двух частях. На деле это была опера под названием “Бедный солдат”»⁶².

Массачусетскому губернатору Дж. Хэнкоку эти «нравственные лекции» казались «оскорбительными для обычаев и образованности граждан»⁶³. В итоге он добился суда над менеджером театра на Дошатой улице Дж. Харпером. Обвинение состояло в том, что Харпер нарушал закон о запрете театральных постановок. Беднягу арестовали прямо во время представления шеридановской «Школы злословия». Разозленная публика разорвала в клочья губернаторский герб, висевший на одной из лож. Харпер был оправдан судом и освобожден на следующий же день, однако предпочел покинуть негостеприимный Массачусетс⁶⁴.

Пытаясь парировать аргументы о чуждости европейского театра, антрепренеры старались продвигать американские пьесы. Упирали на их связь с недавними и памятными всем событиями. Реклама пьесы «Падение тирании» сообщала, в частности, что там имеется трогательная сцена смерти генерала Уоррена, две очень смешные сцены с боцманом, дву-

⁶⁰ Американские: т.1: 421.

⁶¹ Morrison 2002: 232.

⁶² Cutting 1871–1873: 64. «Дуглас» – трагедия Джона Хоума (1756) на тему шотландских баллад; «Бедный солдат» (1783) – комическая опера-пастиш на музыку Уильяма Шилда и либретто Джона О'Киффа. Героями оперы были ирландские солдаты, вернувшиеся домой после Войны за независимость США. Пьеса была популярна в Америке; ее очень любил Джордж Вашингтон.

⁶³ Boston Independent Chronicle. Nov. 15, 1792.

⁶⁴ Ruff 1974: 48–49; Seilhamer 1969: 24–26.

мя матросами и коком, шокирующая сцена в тюрьме, где томится герой Войны за независимость Итэн Аллен и т.д. Всё в целом объявлялось «поистине драматическим представлением»⁶⁵. Другой рецепт успеха нашла актриса, романистка и драматург Сюзанна Роусон, рассказывавшая публике о событиях актуальных, но все же отдаленных. Большой популярностью пользовалась ее пьеса «Рабыни в Алжире» (1794). Ее героини, американки, захваченные алжирскими пиратами, отчаянно боролись за свою свободу, что в сочетании с экзотическим колоритом обеспечивало самый радушный прием у американской публики⁶⁶. «Контраст» Ройяла Тайлера не касался высокой политики и военных подвигов, но также затрагивал чувствительную струнку современников. Один из ранних комментаторов «Контраста» считал основной темой комедии «разрушение естественной простоты» под влиянием роскоши⁶⁷, что казалось классическим республиканцам XVIII в. прямо связанным с вопросом о стабильности республики. В рекламе пьесы подчеркивалось, что речь идет о комедии, написанной гражданином США⁶⁸. Это действительно привлекло внимание, и премьера стала сенсацией. Джорджианец У. Пирс рассказывал: «Любопытство всего города пробуждается по этому случаю, и уже формируются партии, чтобы проклинать или поддерживать пьесу»⁶⁹.

В конце 1780-х штаты начали постепенно отменять антитеатральные законы, хотя Массачусетс держался до 1806 г. Пусть и с оговорками, иногда на полулегальном положении, театр прочно вошел в жизнь революционной Америки. Дж. Вашингтон считал допустимым пригласить в театр верховного судью Дж. Джея и его супругу, однако в приглашении оговаривал, что приглашенные могут не стесняться отказаться от присланных билетов, «если они испытывают какое-то нежелание посещать театр». Следовало считаться с возможными антитеатральными настроениями корреспондента. Джей, впрочем, приглашение принял⁷⁰.

Антитеатральные установки сохранялись долго. Еще в 1830-х гг. английская путешественница Ф. Троллоп отмечала, что многие американцы и особенно американки считают посещение театра преступлением против религии⁷¹. Антитеатральная риторика в ранней Америке была в значительной мере связана с критикой театра в пуританской интеллектуальной традиции, равно как и с инвективами Руссо против театральных представлений. Но здесь она была включена в совершенно новый контекст, связанный с классическим республиканизмом. Театр провозглашался опасным для республики в нескольких аспектах. Театр представлялся воплощением монархической роскоши, несовместимой с рес-

⁶⁵ The Continental Journal and Weekly Advertiser. Sept. 12, 1776.

⁶⁶ Tise 1998: 180–181.

⁶⁷ New York Journal and Weekly Register. Apr. 19, 1787.

⁶⁸ New York Daily Advertiser. Apr. 18, 1787.

⁶⁹ Letters of Delegates 1976–2000: vol. 24: 222.

⁷⁰ Jay 2010–2020: vol. 5: 167.

⁷¹ Trollope 1832: 101.

публиканской умеренностью, а преобладавшие в то время на сцене европейские пьесы считались чуждыми американцам; сама организация театрального зала отражала социальную стратификацию, несовместимую с республиканским эгалитаризмом; считалось, что театр негативно влияет на нравы и тем губит республиканскую добродетель.

Антитеатральные настроения можно сопоставить с другими аналогичными попытками переформатировать пространство повседневности, предпринимавшимися в период Американской революции. Точно так же, как театр, запрету подвергались танцы, импортные платья, регулировалось питание (наиболее известен запрет чая). Как и другие сферы повседневной жизни, театр в революционной Америке политизировался. Характерно, что и судьба всех этих попыток изменить повседневность была схожей. Антитеатральные запреты держались дольше, чем, например, запрет чая, но к 1790-м гг. театр закрепился во всех крупных городах США. Классическая республиканская утопия государства добродетели и умеренности не смогла реализоваться в Америке.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Американские просветители. Избранные произведения: 2 т. М., 1968–1969. [Amerikanskiye prosvetiteli. Izbrannyye proizvedeniya: 2 t. M., 1968–1969].
- Востриков П.В. Театр Виргинии в колониальный период // Известия Воронежского гос. педагогич. ун-та. № 4 (273). 2016. С. 87–90. [Vostrikov P.V. Teatr Virginii v kolonial'nyj period] // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. № 4 (273). 2016. S. 87–90. URL: http://izvestia.vspu.ac.ru/izvestia_2016_v273_N4.html].
- История литературы США: 5 т. М., 1997–2013 [Istoriya literatury SSHA: 5 t. M., 1997–2013].
- Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. [Montes'ke SH.L. O duhe zakonov. M., 1999].
- Руссо Ж.Ж. Избр. произведения: 3 т. М., 1961 [Russo ZH.ZH. Izbr. proizvedeniya: 3 t. M., 1961].
- Франклин В. Избр. произведения / под ред. М.П. Баскина. М., 1956. [Franklin V. Izbrannyye proizvedeniya / pod red. M.P. Baskina. M., 1956].
- A Decent Respect to the Opinions of Mankind. Congressional State Papers, 1774–1776 / ed. J.H. Hutson. Washington, D.C., 1975.
- Adams J. The Works: 10 vols. / ed. Ch.F. Adams. Boston: Little, Brown, 1850–1856.
- American Apollo. June 14, 1793.
- Ames F. Works of Fisher Ames, compiled by a number of his friends. Boston, 1809.
- Bailyn B. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge, Mass., 1967 (рус. пер.: Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М., 2010).
- Boston Evening-Post. Oct. 2, 1769
- Boston Gazette and Country Chronicle. Sept. 3, 1792.
- Boston Independent Chronicle. Nov. 15, 1792; Nov. 22, 1792.
- Breck S. Recollections / ed. H. Scudder. Carlisle, Mass., 2007.
- Brown J. The Theatre in America During the Revolution. N.Y., 1995.
- Caldwell M. Defining American Urbanity: Royall Tyler, William Dunlap, and the Postrevolutionary Theater in New York // Early American Studies. Vol. 7. No. 2 (Fall 2009).
- Cutting N. Extracts from Diary // Proceedings of the Massachusetts Historical Society. Vol. 12 (1871–1873).
- D'Oria M.S. Bleu et or. La Scène et la salle en France au temps des Lumières (1748–1807). P., 2007.
- Dunlap's American Daily Advertiser. Febr. 4, 1793.
- Durang J. The Memoir of John Durang, American Actor, 1785–1816. Pittsburgh, 1966.
- Franklin B. The Works of Benjamin Franklin, including the Private as well as the Official and Scientific Correspondence, together with the Unmutilated and Correct Version of the Autobiography: 12 vols. / comp. and ed. J. Bigelow. N.Y., 1904.
- Gazette of the United States. Apr. 28, 1798.
- Journals of the Continental Congress. 1774–1789: 34 vols. / ed. W.Ch. Ford. Washington, D.C.: U.S. Govt. print off., 1904–1937.
- Jay J. The Selected Papers: 7 vols. / ed. E.M. Nuxoll. Charlottesville, 2010–2020.

- Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: 26 vols. / ed. by P.H. Smith. Washington, D.C.: Library of Congress, 1976–2000.
- Mercier L.S. Du théâtre, ou Nouvel essai sur l'art dramatique. Amsterdam, 1773.
- Milford T.A. Boston's Theater Controversy and Liberal Notions of Advantage // The New England Quarterly. Vol. 72. No. 1 (Mar., 1999). P. 61–88.
- Monroe J. Papers: 7 vols. / ed. D. Preston, M.C. DeLong. Santa Barbara, 1989–2020.
- Morrison M.A. Shakespeare in North America // The Cambridge Companion to Shakespeare on Stage. Cambridge, 2002.
- Nathans H.S. Early American Theatre from the Revolution to Thomas Jefferson: Into the Hands of the People. N.Y., 2003.
- Nathans H.S. Forging a Powerful Engine: Building Theaters and Elites in Post-Revolutionary Boston and Philadelphia // Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies. 1999. V. 66. New York Daily Advertiser. Apr. 18, 1787.
- New York Journal and Weekly Register. Apr. 19, 1787.
- Pennsylvania Packet. Nov. 15, 1773; Nov. 28, 1778; Mar. 13, 1779; Febr. 21, 1784; Mar. 5, 1787; Aug. 23, 1787; Febr. 16, 1789.
- Philadelphia Independent Gazetteer. Febr. 14, 1784; Jan. 9, 1789.
- Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975 (рус. пер.: Покок Дж.Г.А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: НЛЮ, 2020).
- Prynne W. Histrio-Mastix: The players scourge, or, Actors Tragaedie... L., 1633.
- Richards J.H. Theater Enough: American Culture and the Metaphor of the World Stage, 1607–1789. Durham, 1991.
- Ruff L.K. Joseph Harper and Boston's Board Alley Theatre, 1792–1793 // Educational Theatre Journal Vol. 26. No. 1 (Mar., 1974).
- Rush B. The Selected Writings / ed. D.D. Runes. N.Y., 1947.
- Seilhamer G.O. History of the American Theatre: New Foundations. N.Y., 1969.
- Shields D.S., Teute F.J. The Meschianza: Sum of All Fêtes // Journal of Early Republic. Vol. 35. No. 2 (Summer 2015). P. 185–214.
- The Acts and resolves, public and private, of the province of Massachusetts Bay: 21 vols. Vol. 3. Boston, 1869–1922.
- The Continental Journal and Weekly Advertiser. Sept. 12, 1776; Oct. 17, 1776.
- The Documentary History of the First Federal Congress: 22 vols. / ed. Ch.B. Bickford e.a. Baltimore, 1972–2017.
- The Politics of Gender in Early American Theater: Revolutionary Dramatists and Theatrical Practices / ed. Leopold Lippert, Ralph J. Poole. Bielefeld, 2022.
- Tise L.E. The American Counterrevolution: A Retreat from Liberty, 1783–1800. Mechanicsburg, Pa., 1998.
- Trollope F.M. Domestic manners of the Americans. London, 1832.
- Tyler R. The Contrast. Boston; New York, 1920.
- Wise J.C. Ye Kingdome of Accawmacke; Or the Eastern Shore of Virginia in the 17th Century. Richmond, Va., 1911.
- Wood G.S. The Creation of the American Republic. 1776–1787. Chapel Hill, 1969.

Мария Александровна Филимонова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, научная лаборатория «Центр изучения США», Курский государственный университет, mar-filimonova@yandex.ru

Debates around Theater and Republicanism in the USA of the Late Eighteenth Century

Theater in the culture of the American Enlightenment was an ideological problem. Both the US federal authorities and the several states issued anti-theatrical bans. Discussions around the theater were going on for decades. The purpose of this article is to fit the debate around the theater into the classical republican context in the United States.

Keywords: *American Enlightenment, American Revolution, history of theater, classical republicanism*

Maria Filimonova, Dr. Sc. (History), Leading Researcher, The Research Laboratory «Center for the Study of the USA», Kursk State University, mar-filimonova@yandex.ru

Н.О. БЛЕЙХ

СТАНОВЛЕНИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ в контексте государственных и частных инициатив XIX в.

В статье рассматривается история женского образования на Северном Кавказе, где до второй половины XIX в. не было упорядоченной системы женского образования, оно носило частный характер и в национальных областях имело особенности, отраженные в адатах и шариате. Автор анализирует роль благотворительности в развитии женского образования в регионе. Делается вывод о том, что начальный период становления женского образования, с учетом потребностей и особенностей нового региона Российской империи, был связан с активной деятельностью Русской православной церкви, частных благотворителей и отдельных обществ.

Ключевые слова: *Российская империя, Северокавказский край, горские народы, женское образование, благотворительная деятельность.*

Современная система образования является отражением социально-экономического развития страны и общества, в котором повышается социальное значение женщины как носительницы национальной культуры. Поэтому вопросы женского образования представляют особый интерес. Женщинам-горянкам приходилось бороться за свое просвещение, особенно тяжело приходилось мусульманкам, которые по шариату были бесправными, а по закону Магомедову «надлежало их обучать только Корану и хадисам»¹. На этот факт обратили внимание российские власти в XIX в. Но своими силами государство не могло решить проблему просвещения женщин, важную роль в этом деле сыграли частные меценаты и общественные организации.

В данном исследовании мы исходим из того, что благотворительные инициативы в сфере образования возникали и развивались на духовно-нравственных принципах. При этом у каждой из государственных, общественных и частных организаций, имелся свой круг задач и средства для их выполнения. Государство поощряло меценатство путем создания правовой базы, с помощью которой частная и общественная благотворительность получили мощный импульс к своему развитию, сформировав свою систему в сфере образования. Поэтому так важно изучить опыт прошлого, чтобы не повторить его ошибок в будущем.

Становление образования в Северокавказском крае отражают работы непосредственных свидетелей: М. Абаева, Т. Блаева, Б. Гатиева, Г. Дзасохова, И. Канукова, П. Кешокова, М. Хаджиева, К. Хетагурова и др. Их труды имели описательно-публицистический характер. Ряд ценных материалов о женском воспитании и образовании содержат публикации исследователей Кавказа М.Ю. Айбазова, Б.И. Апашева, Г.И. Ба-

¹ Коран 7: 45.

турина, К.И. Бузарова, Х.Х. Батчаева, А.Ш. Гашимова, М.О. Загазежева, А.Э. Измайлова, Ю.С. Кимова, А.С. Семенова, И.А. Шорова и др. Особый интерес для нас имеют труды историков просвещения А.С. Айларовой, В.Г. Дарчиевой, Р.Ф. Дзерановой, Л.Т. Калаевой, Ю.Ю. Клычникова, М.И. Кононовой, С.С. Лазаряна, П.Ф. Рагимовой, С.И. Муртузалиева, Е.Е. Хатаева, С.Р. Чеджемова и др. Однако в них история профессионального женского образования показана фрагментарно, не уделено достаточно внимания меценатской составляющей. Благотворительность и женское образование в рамках северокавказских республик рассматривались М.В. Воротниковой, З.Т. Дзампаевой, З.М. Кайтуковой, З.Б. Лепشوковой, В.В. Шаламовым и др., но они не осветили связь развития национального образования и спонсорства.

Как видим, в научных изысканиях, посвященных истории женского образования на Северном Кавказе, существуют лакуны. Цель данной статьи – исследование эволюции образования женщин в Северокавказском регионе XIX в. в контексте благотворительных инициатив.

Россия XIX столетия переживала реформирование всех сторон социальной жизни (отмена крепостничества, сословное уравнение, модернизация образовательной системы). В результате этих изменений появилась новая плеяда прогрессивных людей, ратовавших за отмену устаревших устоев и получение женщинами образования, что было особенно актуально для окраин империи, в т.ч. для Северного Кавказа.

Если в центральной России вопросами образования женщин стали заниматься еще при Екатерине II, которая учредила «Воспитательное общество благородных девиц», переименованное позднее в Смольный институт, то на Северном Кавказе вплоть до середины XIX века женское системное образование отсутствовало, а в национальных областях Кавказа оно еще имело и свои особенности, отраженные в адатах и шариате. Эти императивы, предписывающие правила поведения и образ жизни, ограничивали право женщин на образование, несмотря на то, что ислам призывал каждого верующего искать знания всю жизнь. Всевышний говорил: «Стремление к знанию – это обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки!»². Но при этом обучение девочек было подчинено завету Божественной книги, который гласил, что «не нужно обучать их грамоте, а только учить Корану и хадисам»³. Видный дагестанский деятель А. Омаров с горечью говорил о незавидной судьбе мусульманской женщины, вынужденной жить в условиях неписаных законов, по которым она считается неравноправным и неполноценным существом: «Духовенство учит, что у женщины разум покоится по краю платья, если она встанет с места, ум валится на землю»⁴. Такое же отношение к женщинам демонстрировал и Шамиль, строивший свое теократическое государство Имамат. Он считал, что женщинам образова-

² Коран 13: 112.

³ Коран 7: 45.

⁴ Абдуллаев 1968: 54.

ние ни к чему, девочек нет смысла даже обучать письму, так как их просвещение может привести к распутству. Такие выводы он сделал из сочинений муштаидов (богословов-законоведов). По словам царского полковника А. Руновского, который на эту тему полемизировал с Шамилем, «имам отнял у женщин возможность нарушать целомудрие»⁵.

Вот почему на Северном Кавказе, где 2/3 населения составляли мусульмане, у большинства девочек обучение проходило в домашних условиях, хотя им не возбранялось продолжить его в примечетских школах. Если таковое случалось, они получали знания отдельно от ребят, а педагогами у них были жены мулл и эфенди. Впрочем, численность учениц этих школ составляла всего 6% (от состава всех учеников)⁶. Впрочем, даже такое обучение было для девочек шансом приобрести хоть какие-то познания об окружающем мире.

Против унижительной политики в образовании горских женщин выражали свой протест просветители-мужчины, считая, что для должного воспитания детей нужна просвещенная мать. Этнограф Ч. Ахриев обратился с призывом к интеллигенции встать под знамена защиты женщины, а педагог Г. Дзасохов писал: «Культурный прогресс сильно тормозится из-за женской неразвитости и потому надо создать для нее лучшие условия жизни, чтобы она смогла стать для нас другом и воспитательницей детей»⁷. Все кавказские цивилизаторы были едины: женщинам необходимо получать образование. По мнению писателя А. Гассиева, «причина отсутствия на всем Северном Кавказе женских школ заключается в равнодушии к образованию женщин как самого населения, так и правительственных чиновников»⁸. В другой статье он пояснил: «Странно видеть громадное число детей женского пола, волею патриархальных родителей лишенных хоть каких-нибудь сведений, расширяющих кругозор человека далее и выше созерцания и понятия дикаря»⁹. На эту тему писал и другой просветитель Х. Уруймагов:

«Если мы проследим отчеты совета Общества с 1860 года, то увидим, что в целой сети школ только в четырех плоскостных осетинских селениях были женские школы, да и те, по постановке в них учебного дела, стали много ниже мужских школ. Что же касается жителей мусульманской полосы Осетии, то они и понятия не имели о женской школе, и не допускали, пожалуй, даже и мысли о том, чтобы где-нибудь учили и девочек»¹⁰.

Что касается мусульманских районов Кавказа, то в них до реформирования женских школ вообще не было. Укором местным чиновникам звучат слова видного деятеля конца XIX в. мусульманина Г. Баева: «Кавказцы выходят на тропу общечеловеческой цивилизации только одной ногой, так как горянки-матери еще прозябают в невежестве. Од-

⁵ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Муртузалиев, Рагимова 2005: 93.

⁶ Какагасанов 2001: 231.

⁷ Дзасохов 1905. 20 июля.

⁸ Гассиев 1992: 34.

⁹ Гассиев 1875: 15.

¹⁰ Уруймагов 1905. № 2364.

нако наши жители понемногу начинают осознавать нужность женского образования, и в некоторых селах даже учреждают начальные школы для девочек, но этим все и ограничивается»¹¹. И это было действительно так. Только к концу 1840-х гг. идея женской эмансипации нашла отражение в правительственной политике. Так, указ от 1848 г. давал разрешение на учреждение на Северном Кавказе женских гимназий. Выпускницы, получавшие в них общее среднее образование, имели право дальше продолжить обучение в центральных городах России и даже за границей. Для этого в учебный округ были направлены циркуляры министра просвещения А.С. Норова (1795–1869) с указанием собрать информацию о возможности открытия женских школ. Авраам Сергеевич прекрасно понимал, какую роль женщина имеет в воспитании детей, которые должны стать полноправными гражданами великой страны.

Данный посыл с энтузиазмом подхватил наместник Кавказский и главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцов: в указе от 18 декабря 1849 г. он образовал отдельный Кавказский учебный округ. При его покровительстве сеть учебных заведений в крае расширилась до 53-х. Однако из них женским был только частный пансион св. Александры, открытый в Ставрополе. Это первое всесословное учебное заведение на Кавказе давало элементарные знания. Преподавались русский язык и литература, арифметика, география, история, рукоделие, пение. Учителями работали люди прогрессивных взглядов: А. Ильяшенко, И. Радзевич и Г. Набут. Однако эта школа была православной и не охватывала мусульманские области¹². Горянки вынуждены были довольствоваться частными школами начального порядка. В учреждении школ в крае, в т.ч. женских, помогала своему супругу Елизавета Ксавьеровна Воронцова. Под её попечительством в 1849 г. возникают в Ставрополе женское училище и женская гимназия Св. Александры. В содержании этих заведений, а также ставропольской гимназии помогало Благотворительное общество, расходовавшее ежегодно до 40 тыс. руб.¹³

По мере усиления присутствия России в регионе и создания Кавказского наместничества, а затем Кавказского учебного округа, работа по созданию и расширению сети казенных уездных и приходских учебных заведений сдвинула «с мертвой точки» и женское образование. Вышедшее в 1858 г. «Положение о женских училищах» значительно снизило инициативу по открытию частных женских школ и курсов, поставив обучение на рельсы государственных установлений. Теперь эти учреждения регламентировались Министерством народного просвещения, которое в своем следующем рескрипте «О частных учебных заведениях»¹⁴ разрешило их открывать только знающим русский язык, что значительно затруднило их появление в национальных округах.

¹¹ Баев 1908. № 59, 60, 61.

¹² ГАСК. Ф. 76. Д. 50. Оп. 1. Л. 84.

¹³ ГАСК. Ф. 309. Д. 14. Л. 34.

¹⁴ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения...: 14.

Все частные школы делились на низшие (приходская школа), средние (уездные училища) и высшие (гимназии). В приходской школе давали элементарные знания: в ней обучали азам письма, чтения, четырем арифметическим действиям, пению и рисованию. Она предназначалась для «низших сословий». Для детей мещан и купцов организовывались уездные училища, которые занимали промежуточное положение между начальным и средним образованием. В них преподавали, помимо родного и русского языков, геометрию, историю, географию. Выпускники их при положительной сдаче экзамена имели право поступать в гимназии. Наиболее широкое образование давала гимназия. Окончившие её могли поступать в университет. Преподавались английский, французский, немецкий языки и латынь, математика, география, всеобщая, российская и естественная история, философия, политэкономия, коммерция. Но зато не было родного языка и Закона Божиего¹⁵.

В частных учебных заведениях разрешалось совместное обучение мальчиков и девочек, но выпускникам частных заведений не позволялось сдавать квалификационный экзамен, он должен был проводиться в школах Министерства народного просвещения. Закон «О частных учебных заведениях» привел к сокращению числа учеников, а затем и к закрытию школ. Однако женское образование набирало обороты и к началу реформирования оно уже имело четкую структуру и свои методики обучения, как ответ на вызовы времени и потребности общества.

Началом же системного женского образования в крае считается деятельность попечителя Я.М. Неверова. Получив в 1856 г. указ изыскать возможность открытия женских школ в национальных округах, он начал проводить работу с городскими властями и жителями края. В результате появилась сеть женских образовательных заведений: в 1859 г. – Екатеринодарская войсковая женская гимназия, в 1860 г. – Нальчикская начальная школа, в 1863 г. – Майкопское уездное училище, в 1864 г. – Махачкалинское женское начальное училище, в 1865 г. – Темир-Хан-Шуринское общественное училище для бедных девиц. Помимо перечисленных, при его непосредственном участии были открыты педагогические курсы, четыре женские гимназии, две учительские семинарии, учительский институт. Примечательно было появление женских учебных заведений в национальных районах. И пусть это была лишь капля в море, они сыграли большую роль в обучении девушек и явились предвестием развития женского образования в крае, которое пусть и несмело, но все же пробивало себе дорогу. Обучение в них строилось по классическому образцу, изучали русский язык и речь, историю, географию, математику, родной язык, рукоделие и. с дифференциацией, закон Божий.

Сам попечитель, придавая огромное значение образованию горянок, говорил, что модернизацию и реформирование образовательной доктрины необходимо начать с самых низов, с семьи, а «именно с де-

¹⁵ РГИА РФ. Ф. 733. Д. 23. Л. 11.

виц, как с будущих жен и матерей». Он внушал ученицам: «цель твоей жизни – в семейном счастье, а не в титулах и богатстве!»¹⁶.

Я.М. Неверов, как и вся передовая общественность Кавказа, полагал, что все беды с государственным образованием происходят от недостатка финансирования. Лишь в 1860 г. губернаторов обязали к «изысканию средств» на женские учебные заведения, но в опоре на помощь действовавших при них попечительного и педагогического советов. Однако этот циркуляр на Кавказе должным образом не исполнялся. Даже Терская Дирекция народных училищ, образованная в 1861 г., ощутила на себе все трудности с недостатком финансов и не могла учреждать новые школы, в т.ч. для девочек. Так, в окружном городе Грозном с 8 452 жителями (5 630 – мужского пола и 2 822 – женского пола), 2 508 чел. из которых представляли регулярное войско, и через 10 лет – в 1874 г., работали всего 2 народных училища: мужское и женское. В «безуездном» г. Моздоке с населением в 8 379 чел. (4 339 мужского пола и 4 040 женского пола) в 1874 г. действовали три учебных заведения: одно русское училище, одно духовное православное училище и одно армяно-григорианское училище¹⁷. Во Владикавказе на этот момент проживало 20 057 жителей (14 018 человек мужского пола и 6 039 человек женского пола), но в городе работало всего семь учебных заведений, в т.ч. и два женских. В многонациональном Дагестане с численностью населения в 689,400 чел. обучалось 6343 ученика, из них только 921 девочка.

Такое положение дел мыслящая кавказская интеллигенция видела в государственной просветительской политике, не желавшей брать ответственность за образование горцев и возложившей её на плечи организованных и отдельных благотворителей. Для активизации всех общественных сил в деле помощи женскому образованию Министерство решило создавать на местах т.н. временные комитеты, привлекая к участию в их работе представителей администрации и общества. Указ о женских гимназиях и прогимназиях призвал их попечительские советы сосредоточиться на поиске и обеспечении поступления средств, а содержанием женских школ по-прежнему занимались общественные и частным инициаторам. Не обошла стороной эта проблема и военное ведомство. В регионе открываются т.н. полковые школы, обучавшие и детей горцев. Первая из них, при Навагинском полку, начала работать в 1848 г. во Владикавказе: из пятидесяти мест тридцать предназначались для горских учащихся¹⁸. Именно при этой полковой школе 1 мая 1857 г. появилась первая в Осетии женская школа.

Следующим учебным заведением стала Владикавказская Ольгинская школа, выросшая из школы для осетинских девочек Аксо Колиева. Она стала предметом особой заботы кавказского Общества православия под руководством священника Иасона Дмитриевича Мамацеви и своего

¹⁶ Блейх 2016: 129.

¹⁷ Зейдлиц 1878: 2.

¹⁸ Материалы по истории осетинского народа 1942: 93-94.

рода символом эпохи предоставления девушкам из низших сословий региона доступа к образованию. В ее учреждении приняла активное участие супруга полковника Веревкина, которая проводила благотворительные аукционы. Более того, именно открытие этой школы в 1862 г. послужило толчком к эволюции женского обучения в крае. Так, в первое пятилетие 1880-х гг. только в Северной Осетии появилось шесть новых школ для девочек (в 1870 – Алагиро-Салугарданская; в 1871 – Ардонская, Даргкохская и Ольгинская; в 1872 – Гизельская; в 1874 – Хумалагская)¹⁹. Они также содержались на средства влиятельных особ. Имеются сведения, что сам начальник Терской области генерал Лорис-Меликов следил за пожертвованиями на нужды этих школ и выделял из своего бюджета ежегодно 11000 рублей²⁰.

Однако горские школы для девочек учреждались не только в Осетии. Власти обратили внимание и на женское образование в других областях края, тем более что подобная практика уже имелась благодаря частной инициативе жен военнослужащих и чиновников, которые на свои средства открывали учебные заведения. Так, под руководством В. Есиповой и А.В. Лосевой в 1859 г. была открыта первая такая школа в Темир-Хан-Шуре. Просуществовала она до 1875 г. Сведений о ней сохранилось мало. Известно, что посещали ее девочки из близлежащей округи, большинство из них – дочери военных и чиновников, горянок было мало. В школе изучались предметы начального цикла: четыре действия арифметики, русский язык и литература, приглашался мулла и переводчик. Девушек обучали шитью и вязанию, на частные пожертвования и ассигнования военного руководства был открыт пансион. С появлением женской прогимназии, эта школа была закрыта. Также известна школа, учрежденная А.С. Демидовым в 1855 г. Для этого отставной капитан снимал квартиру. В этом учебном заведении обучались как девочки, так и мальчики. По данным 1872 года там находилось 24 мальчика и 11 девочек. С родителей взималась плата за обучение по 1 рублю²¹.

В 1860 г. в Ставрополе открылась Ольгинская женская школа (преименованная в гимназию в 1877 г.), она содержалась на средства города и горожан, в т.ч. членов благотворительного общества Св. Александры. Изначально она предназначалась для подготовки «грамотных камеристок и швей», но впоследствии была преобразована в педагогическую гимназию, выпускающую учительниц для преподавания в национальных областях Кавказа. Несмотря на полученную в 1872 г. субсидию от государства, она продолжала финансироваться отдельными благотворителями (А. Керченской, В. Домодедовой и др.)²².

Следующей по времени появления (1862 г.) стала Нальчикская школа, открытая стараниями И. Шершуновой, жены титулярного со-

¹⁹ Bleich 2015: 289-295.

²⁰ ЦГА РСО-А. Ф.123. Д. 67. Л. 14.

²¹ ГАСК Ф. 15. Оп. 2. Д. 3090. Л. 1

²² ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

ветника, на своём дачном участке. Целью было «научение девушек и женщин устраивать свой домашний очаг красиво, уютно и недорого». Полный цикл обучения длился 3 года, принимались девочки с 10 лет. Школа была рассчитана на 20 человек. В ней обучали основам русского языка, истории, географии, арифметики и мусульманскому праву²³.

В 1863 г. открыло свои двери Мариинское женское училище, первое девичье учебное заведение на Кубани. Согласно уставу, в него принимали на льготной основе всех желающих, в т.ч. сирот. Александр II пожертвовал на его устройство 800 руб., впоследствии его содержание ложилось на руководство Кубанского казачьего войска²⁴. Цель состояла в воспитании добродетели у будущих матерей и жен. Абитуриенты должны были выдержать конкурсный отбор в результате экзаменов по словесности, арифметике и Закону Божию (знать основные молитвы). Училище пользовалось большим спросом, в 1864 г. в нём появился пансион на 30 учениц в возрасте от 8 до 14 лет. Учебно-воспитательной работой руководил попечительский совет под началом генерал-лейтенанта Ф.Н. Сумарокова-Эльстона. Вскоре училище объединилось с Екатеринодарским начального порядка, директорские обязанности исполнял П.И. Антонович²⁵. Училище считалось образцово-показательным. В него заезжали влиятельные особы (Александр III, Мария Федоровна, цесаревичи Николай и Георгий). В 1902 г. оно превратилось в Кубанский Мариинский женский институт, просуществовавший до 1920 г.

1864 год ознаменовался появлением в Екатеринодаре первой женской школы, названной Войсковой женской гимназией. Главным учредителем была жена генерал-майора Н.С. Иванина (в девичестве Н.О. Шпилевская), которая собрала под своим началом местную аристократию города, стремящуюся «помочь образованию детей»²⁶. В том же году женой мэра г. Дербента Е.Г. Джемарджидзе было организовано начальное училище для 20 мусульманок. Принимались девочки с 8-ми лет. Помимо основ образования, изучали местные языки и культуру, постигали умение вести хозяйство, рукодельничать. Рассчитанная на 6-летнее обучение, школа содержалась за счет благотворителей. Начальницей была надзирательница, обучавшая русскому языку, азербайджанский преподавала ее помощница-мусульманка. Вскоре школа была взята под покровительство княгиней Ольгой Федоровной, жертвовавшей по 200 руб. ежегодно, и получила название Ольгинской. В 1873 г. она стала бесплатной.

К этому же времени относится создание бессословной школы супругой начальника Дагестанской области кн. А.М. Меликовой в Темир-Хан-Шуре. Оно стало известно под именем «Дом женской бесплатной школы». Содержалась школа за счет ежегодных сборов знатных дагестанских семейств и других частных пожертвований. В ней находились

²³ ГАСК. Ф. 13. д. 846, л. 46.

²⁴ Калайтан 1913: 16.

²⁵ Оспишева 2003: 123.

²⁶ Стрелов 1997: 145.

на полном пансионе 9 чел. в возрасте от 8 до 12 лет. На подушное содержание выделялось 50 руб. в год. Учебная программа была рассчитана на три года. Ученицы изучали мусульманский закон, письмо и чтение, начала арифметики, а также домоводство. В 1865 г. эти дисциплины были дополнены географией, историей и хоровым пением. Вскоре в школе открылось отделение слушателей прогимназического курса²⁷. Школа, расширившая прием учениц, заслужила уважение в народе.

Частную женскую школу в Усть-Джегуте на 100 мест учредила выпускница Смольного института Е.А. Смоленская. Занятия проходили по государственной программе, предназначенной для начальной школы. Плата за обучение взималась с родителей по 120 руб. в год, из-за чего школа работала не в полную силу и имела всего 46 воспитанниц. Известна также владикавказская частная школа, занимавшаяся репетиторством для желающих улучшить образование или поступить в другие учебные заведения. Обучение бралось с каждого индивидуально²⁸. Частная женская гимназия, открытая А. Чернолульской в Грозном в 1867 г., больше напоминала курсы подготовки к экзаменам и работала по нормам правительственных школ. Преподавание велось на русском языке. В 1879 г. в Порт-Петровске открылась школа-пансион И.Н. Серпиной, обучавшая девочек азам домоводства и начальным знаниям. Вскоре её преобразовали в частную женскую прогимназию. К концу XIX в. появилось частное училище И.Б. Пальцевой. В нём преподавали отставные офицеры, акцент делался на «взрачивании образцовых жен и матерей, славных своими добродетелями»²⁹. Содержалось оно за счет пожертвований и гонораров за концерты, устраиваемые ежеквартально.

В Дербенте, по сведениям С.И. Муртузалиева и П.Ф. Рагимовой, было основано частное училище госпожи Н.И. Циммер, открывшее свои двери для еврейских девочек в 1899 г. В нём помимо общеизвестных дисциплин преподавали иудаизм и иврит. Это было своевременно. Поскольку евреи в Дагестане составляли 15% населения (2200 чел.), то для них учреждались школы при синагогах. Школ насчитывалось 9 с общим количеством учеников 166, однако в них обучалось всего 4 девушки³⁰.

Как видим, эти частные попытки учреждения школ для женщин были единичными и в масштабах всего Северного Кавказа не могли представлять какой-нибудь определенной системы, они распределялись неравномерно и охватывали обучением меньше 3% желающих. К тому же зачастую для них не могли найти педагогов коренной национальности. Особенно это касалось светского обучения, которое «тормозилось» адатами и шариатом. И потому местное население считало, что образование приведёт к моральному разложению. Исследователь М.М. Гасанов отмечал: «...если благодаря энтузиазму передовых учителей кое-

²⁷ ЦГА РСФСР-А. Ф. 123. Д. 67. Л. 14.

²⁸ ЦГА РСФСР-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 218. Л. 1.

²⁹ ЦГ РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

³⁰ Муртузалиев, Рагимова 2005: 108-106.

где удавалось открыть женские школы, то под нажимом мусульманского священства они вскоре вынужденно закрывались»³¹.

Зачастую в мусульманских областях Кавказа женские школы открывались в местах сосредоточения воинских частей и перемещались вместе с ними, что вызывало справедливое возмущение передовой интеллигенции. Поэтому помимо благотворительности отдельных неравнодушных к проблемам обучения женщин граждан, этим вопросом задалась Русская православная церковь, опережая власти в стремлении организовать элементарное женское образование в области через т монастыри. Эта работа была благотворительной по своему характеру. Так, устроительница Свято-Троицкого женского монастыря Е.А. Пермякова практически сразу открыла школу-приют для 40 девочек-сирот. Воспитанницы изучали основные общеобразовательные и церковные дисциплины, а также обучались вязальному ремеслу на машинах, пожертвованных монастырю Министерством торговли и промышленности³².

Под руководством Священного Синода учреждались женские школы различных степеней. Так, в 1886 г. открылось всесословное Ставропольское епархиальное женское училище. Получение образования длилось 6 лет (к началу XX в. оно увеличилось на 1 год). Девочкам наряду с церковными преподавались общеобразовательные дисциплины, прививались навыки ведения домашнего хозяйства и рукоделия.

Первоначально воспитанниц готовили быть примерными женами священнослужителей и матерями, затем, в связи с социально-экономическим развитием Кавказа и улучшением перспектив трудовой деятельности женщин, в епархиальном училище стали преподавать музыку, хореографию, французский и немецкий языки. Учебное заведение перепрофилировалось и стало выпускать учительниц для сельских приходов. Основными дисциплинами стали педагогика и психология³³.

По такому же стандарту были открыты в 1894 г. епархиальные училища во Владикавказе и Екатеринодаре, а в 1897 г. распахнуло свои двери Темир-Хан-Шуринское православное училище. Курировал проект Владыка Владимир (Синьковский, 1845–1917). Эти школы предназначались для детей всех православных сословий. Девочки содержались на полном пансионе³⁴. Вопросы обучения находились в ведении епархии и периодически обсуждались на церковных съездах. Особое значение придавалось духовно-нравственному воспитанию. Из девушек готовили примерных педагогов, жен и матерей.

Большую работу в области образования горянок проделали Осетинская духовная комиссия и Общество восстановления христианства, которые, помимо Владикавказской Ольгинской школы, курировали еще пять женских учебных заведений.

³¹ Гасанов 1999: 202.

³² Кононова 2015: 34.

³³ ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

³⁴ Bleich 2014: 405–409.

Статистика показывает, что к 1 января 1900 г. на Кавказе функционировало 69 женских учебных учреждений³⁵. Они действовали в крупных городах: Ставрополе, Краснодаре, Ейске, Дагестане, Грозном, Черкесске. Только в Северной Осетии появилось семь женских гимназий, в Чечне – три, в Дагестане – пять, в Ставрополье – до 15-ти. Обучение в женских школах разных ступеней с каждым годом усложнялось. К началу XX столетия оно стало похоже на программы мужских гимназий, которые основной акцент делали на профессиональное обучение.

Таким образом, начальный период становления женской системы образования, отвечавшей потребностям Северного Кавказа и учитывавшей все особенности нового региона Российской империи, был связан с активной деятельностью православных религиозных институтов, горских обществ и частных благотворителей. Однако попытки учреждения школ для женщин были единичными и в масштабах всего Северного Кавказа не могли представлять определенной системы, так как они распределялись неравномерно и охватывали обучением меньше 3% желающих. В мусульманских районах светское обучение «тормозилось» адатами и шариатом, а в православных этим вопросом задалась Русская православная церковь, организуя элементарное женское образование через такие свои структуры как монастыри.

В большинстве случаев усилия частных и общественных благотворителей завершались недолговечностью существования женских учебных заведений в силу нехватки средств, отсутствия учителей, помещений и др. Но все-таки к началу XX столетия на Северном Кавказе была выстроена система среднего женского всеобщего образования.

Многие проблемы прошлого, сложившиеся в образовании, актуальны и сегодня. Опять сетуем на нехватку финансирования учебных заведений и спортивных сооружений. Несмотря на заявления об увеличении бюджета на нужды культурно-просветительских организаций, ощущается потребность в меценатстве, которое может финансово поспособствовать решению части проблем образования. В этом плане нынешняя координация благотворительной деятельности без учёта исторического опыта регионов окажется малоэффективной.

В период внедрения новых образовательных моделей, складывания новой просветительской парадигмы на национальных окраинах Российской Федерации, напомним нашим чиновникам от образования слова, сказанные еще в конце XIX века учителем русской словесности Г.И. Дзасоховым: «Я убеждаюсь в богатой высокими дарованиями натуре нашей женщины и полагаю, что она при возможности образования изумит нас своими высокими порывами мысли и чувства»³⁶. А это возможно лишь при условии возрождения традиций благотворительности, обладающей мощными ресурсными возможностями и служащей основой для социального тандема бизнеса, науки и государства.

³⁵ ЦГА РСФСР-А. Ф.123.Оп.1. Д.5. Л.80 об. – 81 об.

³⁶ Дзасохов 1903: 2.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- ГАКК. (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 779. Оп. 1. Д. 4. Л.40.
- ГАСК Ф. 15. Оп. 2. Д. 3090. Л. 1.
- ГАСК. Ф. 13. д. 846, л. 46.
- ГАСК. Ф. 76. Д. 50. Оп. 1. Л. 84.
- ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.
- ГАСК. Ф. 309. Д. 14. Л. 34.
- ЦГА РД (Центральный государственный архив Республики Дагестан). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
- ЦГА РСО-А (Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания). Ф. 123. Оп. 1. Д. 218. Л. 1 (отчет за 1898), Л. 99.
- ЦГА РСО-А. Ф.123. Д. 67. Л. 14.
- ЦГА РСО-А. Ф.123.Оп.1.Д.5. Л.80 об. - 81 об.
- Баев Г.В. Владикавказская осетинская женская трехклассная школа //Терские ведомости. 1908. №№ 59, 60, 61. [Баев G.V. Vladikavkaz Ossetian three-class school for women // Terskie vedomosti. 1908. Nos. 59, 60, 61.].
- Блейх Н.О. Проблемы миссионерства на Северном Кавказе в контексте просветительской политики России (XIX век) // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 3. С. 129-136 [Bleikh N.O. Missionary problems in the North Caucasus in the context of Russia's educational policy (XIX c. // Bulletin of the Tyumen State University. Humanities research. Humanitates. 2016. Vol. 2. No. 3. P. 129-136].
- Гасанов М.М. Дагестан в составе России XIX в.: проблемы экономического, политического и культурного развития. Махачкала, 1999 [Gasanov M.M. Dagestan in the composition of Russia: problems of economic, political and cultural development. Makhachkala, 1999].
- Гассиев А.А. Избранные произведения. Владикавказ, 1992. 316 с. [Gassiev A.A. Selected works. Vladikavkaz, 1992. 316 p.].
- Гассиев А.А. Несколько слов о школах Северной Осетии // Терские ведомости. 1875. № 16. С. 15. [Gassiev A.A. A few words about the schools of North Ossetia // Terskie vedomosti. 1875. No. 16. P. 15].
- Дзасохов Г.И. О женском образовании в Осетии // Казбек. 1905. 20 июля. [Dzasokhov G.I. About women's education in Ossetia // Kazbek. 1905. 20 July].
- Дзасохов Г.И. Женское образование // Утро гор. 1903. № 11. С. 2. [Dzasokhov G.I. Women's education // Morning mountains. 1903. No. 11. P. 2.].
- Зейдлиц Н. К. Списки населенных мест Кавказского края. Вып. 1. Терская область: список населенных мест по сведениям 1874 года. Тифлис, 1878. С.2. [Seidlitz N.K. Lists of populated areas of the Caucasian region. Issue 1. Terek region: a list of settlements according to the information of 1874. Tiflis, 1878. C.2.].
- Какагасанов Г.И. Религиозные мусульманские школы в Дагестане //Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. 347 с. [Kakagasanov G.I. Religious Muslim schools in Dagestan // Islam and Islamic culture in Dagestan. M., 2001. 347 p.].
- Калайтан С. Пятидесятилетие Кубанского Мариинского женского института (1863–1913 гг.). Екатеринбург, 1913. [Kalaitan S. The fiftieth anniversary of the Kuban Mariinsky Women's Institute (1863-1913). Yekaterinodar, 1913].
- Кононова М.И. Развитие начального образования на Северном Кавказе во второй половине XIX - начале XX в. М., 2015. [Kononova M.I. Development of primary education in the North Caucasus in the second half of XIX - the beginning of XX century. M., 2015.].
- Коран. Москва: Культура, 2016. 576 с. [Koran. Moscow: Culture, 2016. 576 p.].
- Материалы по истории осетинского народа: Сб. док. по истории народного образования Осетии. Т. V. Орджоникидзе, 1942. 453 с. [Materials on the history of the Ossetian people: Coll. of documents on the history of public education in Ossetia. T. V. Ordzhonikidze, 1942. 453 p.].
- Муртузалиев С.И., Рагимова П.Ф. История конфессиональных систем образования Дагестана и общероссийские проблемы теологизации системы образования. Махачкала: [б.и.]: печ. Минитип. ExPreББ, 2005. 239 с. [Murtuzaliev S. I., Ragimova P. F. History of confessional systems of education in Dagestan and all-Russian problems of theologization of the education system. Makhachkala: [b.i.]: Minitip. ExRGB, 2005. 239 c.].
- Оспищева Л.Е. История благотворительных организаций на Кубани (конец XIX – начало XX века). Майкоп, 2003. [Ospischeva L.E. History of the charitable organizations in Kuban (the end of XIX - the beginning of XX century). Maykop, 2003.].

- Развитие начального образования на Северном Кавказе во второй половине XIX - начале XX в. [Development of primary education in the North Caucasus in the second half of the 19th - early 20th centuries // https://super.inf.ru/view_helpstud.php?id=5393].
- Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения за 1856-1907 гг. Т. 1. СПб.: Юрайт. 112 с. [Collection of orders for the Ministry of Public Education for 1856-1907: T. 1. St. Petersburg: Yurayt. 112 p.].
- Стрелов В.И. Частные учебные заведения Ставропольской губернии в первой половине XIX века // Из истории земли Ставропольской: сб. науч. ст. Вып. 4. Ставрополь, 1997. С. 145-165. [Strelov V.I. Private educational institutions of the Stavropol province in the first half of the XIX century // From the history of the land of Stavropol: collection of articles. scientific. Art. Issue 4. Stavropol, 1997.S. 145-165.].
- Уруймагов Х.А. Несколько слов по поводу статьи «К учащимся церковно-приходских школ Северной Осетии» // Казбек. 1905. № 2364. [Uruimagov Kh.A. A few words about the article "To students of parish schools in North Ossetia" // Kazbek. 1905. No. 2364.].
- Bleich H.O. The Contribution of Russian and Mountain Enlighteners to the Creation of Written Culture in the North Caucasus // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 36 (2). С. 289-295. [Bleich H.O. The Contribution of Russian and Mountain Enlighteners to the Creation of Written Culture in the North Caucasus // Bye years. Russian historical journal. 2015. No. 36 (2). S. 289-295.].
- Bleich H.O. The influence of Russian educators and innovators in the development of the education of the mountain peoples (XIX th c.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 33(3). С. 405-409. [Bleich H.O. The influence of Russian educators and innovators in the development of the education of the mountain peoples (XIX th c.) // Bye years. Russian historical journal. 2014. No. 33 (3). S. 405-409.].

Блейх Надежда Оскаровна, доктор исторических наук, профессор, кафедра социальной работы, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Заслуженный деятель науки и культуры; nadezhda-blejikh@mail.ru

Formation of Women's Education in the North Caucasus Region in the Context of Public and Private Initiatives (19th century)

The article deals with the history of women's education in the North Caucasus, where until the second half of the 19th century, there was no orderly system of women's education, it was of a private nature and in national areas had features reflected in adat and sharia. The author analyzes the role of charity in the development of women's education in the region. It is concluded that the initial period of the formation of women's education, taking into account the needs and characteristics of the new region of the Russian Empire, was associated with the vigorous activity of the Russian Orthodox Church, private philanthropists and individual societies.

Keywords: *North Caucasus, Russian Empire, women's education, charitable work, mountain peoples*

Bleikh Nadezhda Oskarovna, Dr. Sc. (History), Professor of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University. Vladikavkaz, Russia, nadezhda-blejikh@mail.ru

А.Д. БЕРТОВА, Е.А. ДЕСНИЦКАЯ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК В ИНДИИ И ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.¹

В статье рассматривается распространение западных моделей образования в Индии и Японии во второй половине XIX – начале XX в. Реформа образования, затрагивавшая как организационную составляющую, так и содержание учебных программ, была важным этапом в процессе модернизации. Несмотря на сходство задач, стоявших перед двумя странами, модернизационные процессы в сфере образования в каждой из них имели свою специфику, обусловленную социокультурной и политической ситуацией. Инициатива модернизации образования в Индии исходила как от колониальной администрации, заинтересованной в подготовке чиновников, так и со стороны нарождавшейся национальной интеллигенции, представители которой считали распространение западных знаний средством для освобождения от колониальной зависимости. В Японии основным двигателем преобразований стало новое правительство, сделавшее упор на развитие школьного образования. Для его реформирования были выбраны наиболее подходящие для страны элементы систем образования ведущих западных стран. Это принесло весьма впечатляющие результаты, но усилившиеся в конце XIX в. националистические и милитаристские настроения напрямую отразились на приоритетах образования и его переориентации на традиционные конфуцианские ценности, что привело в итоге к превращению школы в аналог подготовительной фазы для молодых людей к вступлению в ряды японской армии.

Ключевые слова: *Индия, Япония, образование, модернизация, Индийское Возрождение, реформы Мэйдзи, конфуцианские ценности, национализм, милитаризм.*

В настоящее время Индия и Япония входят в число ведущих мировых держав, обладающих значимым экономическим, научным и культурным потенциалом. Такое положение стало возможным в результате процессов модернизации, протекавших в этих странах в предшествующие полтора столетия. В начале XIX в. Индия и Япония были странами с традиционным укладом, по уровню социально-экономического и технологического развития существенно отстававшими от западных колониальных держав, которые проводили активную экспансию в Азиатском регионе. Важным элементом «догоняющей модернизации» были образовательные реформы. В данной статье рассматривается история рецепции вестернизированных моделей образования в Индии и в Японии на раннем этапе модернизации, в середине XIX – начале XX вв. Несмотря на общее сходство в адаптации западных образовательных практик, основывающихся на рациональном знании и всеобщем доступе к образованию, этот процесс в каждой из рассматриваемых стран имел свою специфику, связанную как с социокультурными особенностями, так и с текущей политической ситуацией. В статье рассматривается история становления образовательных институтов нового типа в Индии и Японии, обсуждаются особенности рецепции западного знания и его адап-

¹ Статья выполнена в рамках гранта РНФ (проект 18-78-10001-П).

тации в рамках традиционной культуры, а также затрагивается вопрос о влиянии, которое новые образовательные практики оказали на дальнейшее социальное и политическое развитие каждой из этих стран.

Трансформации образовательных практик в Индии

На протяжении XIX в. на территории Индии традиционные образовательные практики подверглись значимым изменениям как институционального, так и содержательного характера. Первоначальный импульс для процесса модернизации задавался британскими колониальными властями и христианскими миссионерами, но постепенно все большее влияние оказывал подъем национального самосознания интеллектуальной прослойки в индийском обществе, обобщенно называемый Индийским Возрождением. Хронологию этого процесса принято ограничивать приблизительно 1815–1919 гг.², однако трансформации в сфере образования приобрели более системный характер в период с середины XIX в.

К началу XIX в. в Индии не существовало единой системы образования: обучение производилось отдельными учителями на дому или в небольших школах, патхашалах (*pāṭhaśāla*) и толах (*toḷ*), и в каждой из них, как правило, всего один учитель³. Учителя и большая часть учеников происходили из брахманского сословия. Базовое обучение чтению, письму и счету проводилось на родных (новоиндийских) языках, однако систематическое преподавание разных дисциплин велось на санскрите. Санскритские школы часто получали финансовую поддержку со стороны местных властей⁴, поэтому школ с преподаванием на новоиндийских языках было немного. В Северной и Центральной Индии были распространены школы с преподаванием на персидском языке. В этих школах значимую часть учеников также составляли брахманы, изучавшие персидский язык для последующего поступления на службу к мусульманским правителям⁵. Так, в 1830-е гг. в бенгальском округе Бурдван из 899 учеников мусульманских школ около трети были брахманами, а общее число мусульман составляло не более половины⁶.

Характер преподавания не менялся на протяжении сотен лет. Для начальных этапов образования не составляли специальных учебных пособий, необходимый материал заучивался наизусть. В санскритских школах образование было сосредоточено на изучении классических образцов наследия прошлого; основными дисциплинами были грамматика, логика и традиционные ритуалистическо-правовые трактаты дхармашастры. Такой подход находился в очевидной оппозиции к возрастаю-

² Скороходова 2008: 25.

³ Исключением можно считать университетский центр в Навадвиле, к 1791 г. насчитывавший более 1100 студентов и 150 преподавателей. Sharfe 2002: 191. Подробнее о ранних этапах истории традиционного образования в Индии см. Десницкая 2021.

⁴ Sharfe 2002: 128-129

⁵ Despande 2016: 120. Схожим образом двумя тысячелетиями ранее брахманы поступали на службу к буддийским правителям, перенимая и инкорпорируя в собственное мировоззрение новые концепции и культурные реалии. См. Bronkhorst 2011.

⁶ Pollock 2001: 412.

щему значению новоиндийских языков, широко использовавшихся в повседневной жизни, в изящной литературе и в публицистике. Использование санскрита в этих областях, очевидно, считалось неуместным⁷.

Модернизация традиционной системы образования была значимым компонентом британской колониальной политики. С 1813 г. Ост-Индская компания несла ответственность за распространение образования в Индии и поддержку миссионерской деятельности⁸. Колониальная администрация была заинтересована не только в распространении английского языка, но и в легитимации образования на многочисленных новоиндийских языках, прежде пребывавших в тени санскрита и персидского. Поэтому с течением времени все большее распространение получали школы, в т.ч. миссионерские, с преподаванием на английском и новоиндийских языках⁹. Основной контингент обучающихся в таких школах составляли мальчики из высших каст. На протяжении XIX в. в разных частях Индии открывались также школы для обучения девочек и школы для представителей низших каст, в том числе неприкасаемых, но широкого распространения в рассматриваемый период они не получили.

Колониальные власти были заинтересованы не в построении системы образования широких масс индийского населения, а в обучении представителей отдельных сословий, которые могли бы послужить опорой для проведения колониальной политики. Таким сословием оказалось образованное брахманство. Брахманы как знатоки традиционного права, могли выступать в роли посредников между колониальными властями и местным населением, участвовать в формировании административных и юридических практик, работать переводчиками и чиновниками. Кроме того, поддержка традиционной учености, прежде бывшая прерогативой местных властей, повышала легитимность новой администрации. По мере взятия под контроль территории Индостана англичане учреждали образовательные институты, нацеленные на поддержание традиционного образования: Санскритский колледж в Варанаси (1791), Хинду колледж (1817) и Санскритский колледж (1824) в Калькутте, Хинду колледж в Пуне (1821) и др. Декларируемыми целями этих учреждений было развитие отраслей санскритского знания, имевших «практическое значение» (прежде всего дхармашастр), а также внедрение западной модели образования. Впрочем, в Бенгалии, ранее других индийских регионов вступившей на путь модернизации, инициатива к основанию учебных заведений исходила и со стороны образованных индийцев, стремившихся к распространению западных наук. Так, открытие Хинду

⁷ Например, Ишварачандра Видьясагар, будучи профессором Санскритского колледжа в Калькутте, писал памфлеты, направленные против христианских миссионеров и колониальных властей, на бенгальском языке. Pollock 2001: 414.

⁸ Ellis 2009: 364.

⁹ Миссионерские школы для обучения детей английскому языку появились в Бенгалии в XVIII в., в частности благотворительная школа Беллами была основана в 1731 году. См.: Скороходова 2012: 21.

колледжа в Калькутте произошло при активном участии родоначальника бенгальского Возрождения Рам Мохан Рая (1772–1833)¹⁰. И все же до начала 1840-х колледжи оставались скорее центрами санскритской учености¹¹. Преподавали в основном ученые брахманы (пандиты), которые строили учебный процесс традиционным образом и с трудом принимали формальные требования западной системы, вроде обязательного посещения, аттестаций и систематического изложения материала¹².

Ситуация начала меняться с 1835 г., когда по инициативе Т. Маколя был принят «Акт об английском образовании», подразумевавший сокращение поддержки санскритского и персидского образования и распространение западной образовательной модели, с преимущественным преподаванием на английском языке. В последующие годы колледжи возглавляют инспекторы-англичане, повсеместно вводится преподавание на английском языке¹³. Наряду с традиционными пандитами, преподавателями становятся индийцы, получившие образование в английских школах, а также европейцы, преподававшие первоначально такие предметы как английская литература, математика и физика. Взаимодействие между представителями традиционной индийской и западной образовательными системами оказалось плодотворным для обеих сторон. Постепенно формируется тип «нового пандита», сочетавшего познания в западных науках с традиционной образованностью и, нередко, разочаровавшегося в учении индуизма, к которому принадлежал по рождению. Стремление к распространению полученных знаний среди широких слоев населения побуждало индийских ученых к составлению словарей новоиндийских языков и написанию популярных пособий по таким темам, как, например, политическая экономия, история Древней Греции, Рима и Англии и т. д.¹⁴ В свою очередь, продвижение европейских ученых в изучении санскрита и традиционных брахманских дисциплин позволило им перейти к преподаванию в самой Индии. Первым профессором санскрита европейского происхождения в Хинду колледже в Пуне стал в 1859 г. немецкий индолог Мартин Хауг, в 1866 г. его сменил на этом посту Франц Кильхорн¹⁵.

В середине XIX в. образованные при поддержке колониальной администрации санскритские учебные заведения претерпели суще-

¹⁰ Скороходова 2008: 47.

¹¹ Исключением можно считать Калькуттский Хинду колледж, программа которого основывалась на изучении английского языка и современных языков Индии, естественных и социальных наук, медицины. Скороходова 2012: 32.

¹² Dodson 2002: 262

¹³ В оплотах традиционализма, например в Хинду колледже в Пуне, само присутствие англичанина в здании на первых порах воспринималось как акт ритуального осквернения, требующий от всех брахманов немедленного совершения очистительных церемоний. Deshpande 2015: 77.

¹⁴ Despande 2001: 78.

¹⁵ Подробнее об истории рецепции санскритской учености европейской индологией см. Tull 1991.

ственные изменения, как организационные (объединение Хинду колледжа и английских школ в Пуне и последующее формирование на их основе Деканского колледжа; учреждение университетов в Бомбее, Калькутте и Мадрасе (1857 г.) и др.), так и касающиеся программ и методов преподавания санскрита. Инновации последнего типа во многом связаны с изменением идеологии колониального проекта. Романтические идеи о единстве знания, существовавшего на заре человечества, популярные в первые десятилетия XIX в., сменились более прагматической просветительской повесткой, основывавшейся на представлении о прогрессе цивилизаций и преимуществе западных систем знания, которые должны были прийти на смену традиционным индийским¹⁶. Видным сторонником такой политики был Джеймс Баллентайн, в 1845–1861 гг. инспектор Санскритского колледжа в Варанаси, рассматривавший преподавание санскрита в качестве инструмента для ознакомления брахманской элиты с европейской философией и наукой, этикой и критическим мышлением, а также с учением христианства. Для этих целей он написал на санскрите труд под названием «Синописис естественных наук», составил санскритские пособия по химии, гидростатике, устройству телеграфа и т. д. Также на занятиях его студенты изучали санскритский перевод «Нового органа» Фр. Бэкона¹⁷. Впрочем, труды Баллентайна подвергались критике со стороны традиционно образованных индийцев, а также представителей колониальной администрации, поэтому предложенный им синтез санскритской учености и европейской науки не получил дальнейшего развития.

Во второй половине XIX в., наряду с дальнейшим распространением вестернизированной модели образования, все большее значение приобретает деятельность представителей индийской интеллигенции, стремившихся к синтезу достижений западной науки с индийским культурным наследием. Это было связано с распространением идеологии индийского Просвещения, целями которого мыслились выведение Индии из состояния социокультурной замкнутости, обретение универсальных (близких к западным) ценностей и нравственных оснований, преодоление догм и предрассудков и, наконец, обретение независимости¹⁸. К этому времени складывается достаточно широкая прослойка индийских интеллектуалов, образованных на европейский лад, с детства учившихся в английских школах и приступивших к изучению санскрита и традиционных дисциплин только в университете – в процессе поиска национальной идентичности. Следуя духу времени, многие общественные деятели той эпохи (Р. Г. Бхандаркар, Б. Г. Тилак, В. С. Апте и др.) были одновременно и значимыми учеными-санскритологами, занимавшимися поиском и описанием рукописей, изданием текстов, публикацией переводов санскритских произведений на английский и новоиндийские язы-

¹⁶ Dodson 2002: 269, 271.

¹⁷ Ibid: 294.

¹⁸ Скороходова 2008: 56-61.

ки. По остроумному замечанию Р. Н. Дандекара, в этот период «индийцы перестали быть пассивными объектами, вроде морских свинок, которых европейские ученые вскрывают и изучают в лаборатории»¹⁹.

К концу XIX значение образования как социального лифта начинает осознаваться представителями различных слоев индийского общества. В значительной степени этому способствовала деятельность индийских националистов, считавших образование главной силой, способной даровать освобождение Индии, и прилагавших немало усилий для учреждения школ, популяризации знания и борьбы с кастовыми ограничениями. Английская администрация на этом фоне вынуждена была также увеличить усилия по распространению образования. Реформы Керзона, предпринятые в начале XX в., делали образование более доступным как в социальном, так и в географическом отношении, но одновременно усиливали контроль со стороны государства²⁰. И все же преимущественный доступ к образованию имели малочисленные (на общем фоне индийского населения) представители высших каст. К 1911 г. лишь 1,9 % населения Индии имело начальное образование.²¹ В последующие десятилетия всеобщее образование оставалось одной из целей национально-освободительной борьбы. Достижение этой цели оказалось возможным лишь после провозглашения независимости.

Изменения в образовательных практиках Японии

Вторая половина XIX века стала периодом коренных преобразований в традиционном подходе к образованию и в Японии. В отличие от Индии, Япония никогда не находилась в колониальной зависимости, однако в 1853 г., когда страна была насильственно открыта американцами после более чем двухвековой самоизоляции, стало очевидно, что она сильно отстала от стран Запада в научно-техническом отношении. Военное правительство в лице сёгуна показало неспособность справиться с изменившейся ситуацией, и в 1868 г. к власти пришли сторонники возвращения власти императору.

Новое правительство понимало уязвимую позицию Японии в отношениях с империалистическими державами и поставило своей целью вывести Японию на должный научно-технический уровень, а сделать это предполагалось при активном заимствовании западных знаний²².

На протяжении XVII – начала XIX в., образование в стране было довольно широко распространено: около 40% мужчин и 15% женщин умели читать и писать²³. В это время начали активно распространяться школы *тэракоя* при буддийских храмах, предназначенные для простых

¹⁹ Dandekar 1978: 8.

²⁰ Ellis 2009: 364.

²¹ Kumar 2005: 38.

²² Об этом заявлялось в пятой статье «Клятвы из пяти пунктов» (*Гокадзё госэймон*), опубликованной практически сразу после возвращения власти императору: «Из внешнего мира будут заимствованы полезные сведения, и таким путем будут укреплены основы империи». См. Японцы о Японии 1906: 4.

²³ Мещеряков 2009: 265.

людей. Единой системы образования в них не было, однако в основном там преподавали письмо, чтение и счет. Ведущим сословием в этот период были воины-самураи, и мальчики самурайского происхождения посещали школы *ханко*²⁴, где программа обучения была более обстоятельной. Традиционное образование элиты в Японии концентрировалось на изучении китайских классических конфуцианских произведений²⁵ и буддийских трактатов. В обязательную программу подготовки молодых воинов также входили боевые искусства. Кроме того, имущие слои населения могли продолжить свое обучение в частных школах *сидзюку*, во главе которых стояли известные учителя. Фиксированных программ обучения там не было, и каждый учитель предлагал ученикам осваивать тот предмет, в котором был специалистом.

В XVIII–XIX вв., помимо китайской учености, особую роль стало играть учение *кокугаку* – изучение древних японских текстов и их перевод на современный японский язык; постепенно происходило и приобщение к западным знаниям. Ученые школы «голландоведения» (*рангаку*) получили через голландскую миссию доступ к некоторым западным естественнонаучным книгам и занимались их переводом и трактовкой. Тем не менее, этого было недостаточно для конкуренции с Западом. Важнейшей составляющей реформ периода Мэйдзи (1868–1912) было внедрение новой образовательной системы. Перед лицом угрозы колонизации властям необходимо было привить японцам ощущение внутреннего единства и обеспечить всеобщее повиновение императору. Этого можно было достичь только в том случае, если бы эти идеи внедрялись в рамках систематического обучения: сначала на уровне школы, а затем и в других учебных заведениях²⁶. Вместе с тем образовательная система должна была быть приближена к западной, чтобы соответствовать уровню ведущих держав, войти в состав которых Япония стремилась. Важный вклад в исследование систем образования в странах Европы и Америки внесла снаряженная правительством в 1871–1873 гг. миссия под руководством члена правительства Ивакура Томоми. Миссия посетила целый ряд западных стран и составила подробные отчеты о плюсах и минусах каждой из систем в зависимости от страны. Для перехода Японии на более продвинутый уровень в области науки и техники власти отправляли студентов учиться за границу, а также приглашали иностранных специалистов (*о-ятои гайкокудзин*) для работы в качестве советников в разных сферах²⁷. Иностранные специалисты становились доверенными лицами членов правительства и помогали налаживать

²⁴ Сначала они располагались только в крупных княжествах, однако к концу периода Эдо их было уже около 270. См. Бакумацу исинки-но кёнку.

²⁵ В предшествующий Мэйдзи период Эдо (1603–1867) основной идеологией в стране было неоконфуцианство, поэтому особую важность приобрели труды неоконфуцианских философов Чжу Си (1130–1200) и Ван Янмина (1472–1529).

²⁶ Османов 2017: 11.

²⁷ По разным подсчетам с 1868 по 1912 г. в Японии успело поработать от 3 до 6 тыс. иностранных специалистов: Beauchamp 1987: 300.

работу современных предприятий, внедрять новые системы подготовки кадров, учреждать учебные заведения нового типа²⁸.

Важную роль в модернизации образования и распространении в Японии новых идеалов сыграли христианские миссионеры, которые основали первые школы западного образца²⁹, где преподавались языки и основы западных наук, а также знакомили молодых японцев с христианской верой и ценностями³⁰.

Поначалу главной задачей мэйдзийского правительства было внедрить через систему образования практические знания, которые способствовали бы скорейшему прогрессу Японии и воспитывали бы личности нового типа, более восприимчивые к нововведениям. Поэтому основной стратегией властей в первые годы после революции Мэйдзи было заимствование наиболее удачных элементов образовательных систем западных стран. Так, из Франции была воспринята централизованная административная структура с акцентом на государственные школы, из США – система образовательных институтов и учреждений и некоторые педагогические приемы, из Пруссии – система высшего образования, опирающаяся на несколько элитных университетов, из Англии – подготовительные школы, ставящие основной целью привить человеку строгую мораль и дисциплину³¹. Основой для создания школ стали учебные заведения *ханко* и *тэракоя*, существовавшие в период Токугава: они были перепрофилированы в начальные и средние школы нового образца. Элитные специализированные школы *сёгуната* и частные учебные заведения высокого уровня впоследствии были превращены в университеты.

В 1872 г. была опубликована Декларация правительства об образовании, в которой говорилось, что для достижения достойного места в мире и успеха в делах человеку необходимо образование, то есть образование – это основа процветания³². Это воззвание подразумевало, что теперь к образованию должны стремиться все, вне зависимости от социального статуса. В том же году был опубликован Закон о всеобщем обучении, по которому вводилось обязательное четырехлетнее начальное образование, причем как для мальчиков, так и для девочек, что было весьма непривычным для традиционной Японии³³.

²⁸ Стандартный контракт для специалистов заключался на три года, однако он мог быть продлен, и известны случаи пребывания специалистов в Японии в течение более чем двадцати лет. Meißner 2016: 272.

²⁹ Вокруг самых известных таких школ сложились три группы молодых японских христиан-интеллектуалов, которые впоследствии внесли значительный вклад в развитие японской мысли: группа Кумамото, группа Йокогама и группа Саппоро. Первая сформировалась вокруг миссионеров Дж.Г. Балла и С.Р. Брауна, вторая – вокруг миссионера Л.Л. Джейнза, а третья – вокруг У.Р. Кларка. См.: Бертова 2015: 145.

³⁰ Подробнее см. Ballhatchet 2007; Бертова 2021.

³¹ Beauchamp 1987: 300.

³² Munakata 1965: 541.

³³ Правительство считало наиболее ценными для достижения прогресса государства мальчиков, поэтому девочек начали отдавать в школу не сразу. См. Mehl 2001: 580.

Правительство стало активно развивать начальные и средние школы на местах. Важную роль играли также училища, в которых проводилась специализированная подготовка студентов в наиболее важных для властей областях – педагогике, медицине, сельском хозяйстве, иностранных языках, а также в сфере художественного образования. Подобные школы и училища предлагали альтернативный привычному для японского общества способ освоения какого-либо мастерства: традиционно обучение осуществлялось через мастеров-наставников, которые могли непосредственно передавать свои знания, опыт и секреты избранным ученикам. При этом самым главным была передача ученику традиции во всей ее полноте, о какой бы сфере ни шла речь³⁴. Однако во второй половине XIX в. эта модель сменилась другой – массовым обучением через учебные заведения разных направленностей.

Поначалу школьных учебников в Японии не было, поэтому приходилось использовать для обучения труды японских просветителей, в частности, книгу одного из вдохновителей реформы образования, Фукудзава Юкити (1835–1901), «Приглашение к учению», а также наскоро переведенные с английского западные учебники, которые совершенно не были подстроены под японские реалии³⁵.

Особенностью реформы образования было то, что акцент ставился на создание начальных и средних школ, чтобы нести образование в массы и максимально широко внедрять и актуальные для развития страны идеалы³⁶. Тем не менее, многие изменения были декларированы только на бумаге, а по факту продолжалось преподавание по моделям, действовавшим в предыдущую эпоху. Так, преподавание математики осуществлялось в основном учителями, обучавшимися при сёгунате по японской системе, а не по европейской, поэтому они не торопились учить детей по-новому. И учителям, и ученикам было подчас сложно освоить западную систему аксиом и письменные алгоритмы решения задач, поэтому, несмотря на запрет Министерства образования, долгое время учителя использовали для вычисления традиционные японские счеты *соробан*, считая их более наглядными для объяснения азов арифметики³⁷.

К концу 1870-х правительство осознало, что такие западные ценности, как представление о свободе личности, могут препятствовать сплочению народа и укреплению власти правящей элиты. В 1879 г. было принято «Высочайшее волеизъявление по вопросам образования» (*Кёгаку сэйси*), где говорилось, что система образования не должна слепо заимствовать западные принципы, а ее главной задачей должно стать внедрение традиционных японских моральных принципов³⁸. В 1890 г. был принят Императорский рескрипт об образовании (*Кёйку-ни кансүру*

³⁴ Япония: 150 лет революции Мэйдзи 2018: 216.

³⁵ Мещеряков 2009: 266.

³⁶ Так, правительство запланировало открыть более 53760 школ – по одной на каждые 600 учеников – и восемь университетов. Мещеряков 2009: 265.

³⁷ Япония: 150 лет революции Мэйдзи 2018: 262-263.

³⁸ Османов 2017: 12.

тёкуго), в котором утверждался священный характер японской императорской династии и оглашались главные заветы образования – служение интересам общества и готовность на все ради защиты императорского престола³⁹. В созданном в 1891 г. буддийским мыслителем Иноуэ Тэцудзиро официальном комментарии к тексту Рескрипта утверждалась необходимость избавления от всех западных учений и нововведений, чуждых японскому духу. Постепенно правительство стало увольнять иностранцев с ведущих постов в образовательных учреждениях, заменяя их японцами. Своих мест лишились и многие преподаватели-христиане. В 1890 г. был издан Закон о начальных школах, который подчинил их не местным органам, а центральной власти. В 1900 г. было введено обязательное бесплатное четырехлетнее начальное образование, а в 1903 г. установлен исключительный государственный контроль над содержанием школьных учебников⁴⁰, которые были строго выверены в соответствии с государственной идеологией – синтоизмом. Основное внимание в школах стало уделяться моральному воспитанию в конфуцианском духе и мифологизированной национальной истории. Одновременно начали усиливаться милитаристские настроения.

После триумфального окончания японо-китайской войны 1894–1895 гг. Япония убедилась в эффективности проведенных реформ и начала готовиться к дальнейшей экспансии на континент, для чего была необходима мощная армия и флот. Обучение в школе стало своеобразной прелюдией к поступлению в ряды солдат государственной армии. Часы, отводимые в начальной школе на занятия чтением и письмом были сокращены, в то время как часов, выделенных на моральное и физическое воспитание, стало гораздо больше. Обязательными как для мальчиков, так и для девочек стали занятия традиционными боевыми искусствами⁴¹. Сделав упор на развитие начального и среднего образования, правительство массово готовило людей, которые могли вступить в ряды императорской армии и подчиняться приказам. Лишь немногие из них, наиболее талантливые, получали университетское образование, чтобы потом занять управленческие позиции, получать места в правительстве или занимать положение интеллектуальной элиты в обществе. Такой подход был весьма редким среди правительств развивающихся и модернизирующихся стран⁴², которые чаще всего стремились увеличить количество университетов, порождая этим огромную пропасть между интеллектуальной элитой и малообразованными массами населения.

Интересные изменения произошли за это время в подходах к обучению иностранным языкам. Долгое время основным иностранным языком в Японии был китайский, но он изучался в основном в письменном виде, для чего была разработана целая система обучения через чте-

³⁹ См. Кёйку-ни кансуру *тёкуго*: 7-8.

⁴⁰ Османов 2017: 14.

⁴¹ Османов 2017: 13

⁴² Beauchamp 1987: 301.

ние и толкование непонятных мест с помощью учителя. При этом разговорным китайским владела лишь немногие. Тот же принцип был использован в период Эдо при обучении голландскому языку. Самой важной задачей в это время был перевод трактатов по естественным наукам, для чего произношение было не так важно, как общее понимание смысла написанного. После свержения сёгуната новое правительство осознало важность английского языка как основного инструмента для познания западного мира, поэтому ввело его преподавание в школах. При этом сформировалось две основных традиции преподавания: «правильная», т.е. обучение английскому непосредственно от западных носителей языка, где важное место уделялось произношению, что позволяло напрямую общаться с иностранцами, и «неправильная», где самым важным было понять смысл написанного. Первый подход использовался в миссионерских языковых школах, а второй – в частных, во главе которых стояли люди, получившие традиционное конфуцианское образование. В начале 1870-х гг. на высшем уровне обсуждалась возможность принятия английского в качестве государственного⁴³, но с усилением националистических тенденций отношение к английскому языку стало меняться. После успешных войн с Китаем (1894–1895) и Россией (1904–1905) основным подходом к преподаванию английского стало обучение у японских учителей по традиционному методу. Некогда популярная схема обучения у носителей языка стала вызывать нападки со стороны националистически настроенных деятелей. Так, известные писатели Нацумэ Сосэки и Мори Огай писали, что учиться у носителей языка сродни превращению Японии в аналог Индии, находящейся под британским владычеством, что постыдно⁴⁴. Некоторые филологи начали ставить вопрос об отмене обязательного преподавания английского в школах, так как ученики прежде всего должны были постигать красоту собственного языка и не воспитывать в себе комплекс зависимости от Запада. Таким образом, если в начале преобразований Мэйдзи японцы отступали от традиционного подхода к обучению в угоду более актуальному, то затем, с ростом националистических настроений, вернулись к более привычному способу, который был объявлен более патриотическим.

XIX в. был периодом модернизации образовательных систем в Индии и в Японии. Для обеих стран были характерны усиление взаимодействия с культурами Запада и активная рецепция вестернизированных образовательных институтов и практик. Каждая из стран обладала собственными образовательными традициями, укорененными в особенностях национальной культуры, однако эти традиции оказывались неконкурентоспособными в условиях технологического и социально-экономического превосходства колониальных держав и их активной политики в Азиатском регионе. Несмотря на общее сходство модернизационных

⁴³ Эту идею предлагал, в частности, министр образования Мори Аринори в 1872 г.

⁴⁴ Shimizu 2010: 9.

процессов, в характере их протекания можно выявить немало отличий, которые были обусловлены как особенностями внутреннего уклада каждой из стран, так и непосредственной политической ситуацией, сложившейся в рассматриваемый период.

Население Индии было гетерогенным в социальном, этническом, религиозном, языковом аспектах. К началу процессов модернизации образованная прослойка была крайне невелика, поэтому трансформация образования происходила медленно, несистематически и затрагивала небольшую часть социума. Определенные усилия к учреждению новых образовательных институтов прикладывали колониальные власти, которые, однако, не были заинтересованы в выстраивании эффективной системы образования широких масс. Важной движущей силой для развития вестернизированного образования в Индии были национально мыслящие интелликуталы, число и значимость которых возрастала на протяжении XIX в. Поэтому можно сказать, что модернизация образования в стране происходила в постоянном взаимодействии между англичанами и индийцами. К середине столетия распространение образования начинает восприниматься в качестве ключевого этапа на пути к преодолению колониального правления. В среде индийских националистов формируется убеждение в необходимости отказа от слепого копирования западных теорий и образовательных моделей. Осознается необходимость использования национальных традиций как основы для переосмысления практик и идей, заимствованных из западной культуры.

Япония, по сравнению с Индией, была более социально однородна и более образованна. Запрос на реформу образования исходил со стороны элит, осознававших необходимость ускоренного развития и сплочения народа перед лицом угрозы со стороны Запада. Власти начали планомерно насаждать вестернизированное образование, чтобы в кратчайшие сроки «выковать» людей нового типа, способных воспринимать достижения западного прогресса. Особый акцент при этом был поставлен на школьное образование. Важно отметить, что при выборе модели для создания национальной системы образования власти не ограничились простым копированием какой-то одной западной системы, а выбрали из всех прогрессивных систем те элементы, которые казались наиболее подходящими для Японии. Несмотря на использование в качестве советников иностранных специалистов, японцы сохранили независимость от Запада, поэтому могли позволить себе самостоятельно принимать решения о том, что именно они хотят заимствовать.

В обеих странах к концу века в ходе национального подъема произошёл отход от слепого копирования западного образования к собственным традициям, переосмысленным и обогащенным, благодаря знакомству с западной методологией. Но в дальнейшем их пути оказались разными: стремившаяся занять место среди ведущих держав мира Япония стала доказывать свои права через милитаризацию и встала на

путь внешней экспансии, а в Индии, где зрело глубинное недовольство своим подчиненным положением, начало активно развиваться национально-освободительное движение против британской колонизации.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бертова А.Д. Некоторые аспекты влияния христианства на формирование новых принципов образования в Японии в конце XIX – начале XX в. // *Asiatica: труды по философии и культурам Востока*. 2015. №9. С. 143-149. [Bertova A.D. Nekotorye aspekty vliyaniya hristianstva na formirovanie novykh principov obrazovaniya v Yaponii v konce XIX – nachale XX v. // *Asiatica: trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*. 2015. №9. S. 143-149].
- Бертова А.Д. Христианство и семейные отношения в Японии в конце XIX – начале XX в. // *Религия и общество на Востоке*. 2021. № 5. С. 243-272. [Bertova A.D. Hristianstvo i semejnye otnosheniya v Yaponii v konce XIX – nachale XX v. // *Religiya i obshchestvo na Vostoke*. 2021. № 5. S. 243-272].
- Десницкая Е.А. Образовательные практики в городах Древней Индии // *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 516–531 [Desnickaya E.A. Obrazovatel'nye praktiki v gorodakh Drevnej Indii // *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya*. 2021. T. 37. Vyp. 3. S. 516–531. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.312>].
- Мешчеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. [Meshcheryakov A. N. Imperator Mejdzi i ego Yaponiya. M.: Natalis, 2009].
- Османов Е.М. Особенности морального воспитания и специфика подготовки к военной службе японских школьников периода Мэйдзи (1868-1912) // *Известия ДПУ*. Т. 11. №1. 2017. С. 10-19. [Osmanov E.M. Osobennosti moral'nogo vospitaniya i specifika podgotovki k vo-ennoj sluzhbe yaponskih shkol'nikov perioda Mejdzi (1868-1912) // *Izvestiya DGPU*. T. 11. №1. 2017. S. 10-19].
- Скорородова Т.Г. Бенгальское Возрождение. Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философской мысли Нового времени. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008 [Skorohodova T.G. Bengal'skoe Vozrozhdenie. Ocherki istorii sociokul'turnogo sinteza v indijskoj filosofskoj mysli Novogo vremeni. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008].
- Скорородова Т.Г. Младобенгалцы. Очерки истории социальной мысли Бенгальского Возрождения (Первый период, 1815–1857). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012 [Skorohodova T.G. Mladobengal'cy. Ocherki istorii social'noj mysli Bengal'skogo Vozrozhdeniya (Pervyj period, 1815–1857). SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2012].
- Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Серия «Вопросы японоведения №7» / отв. ред. и сост. А.В. Филиппов, Н.А. Самойлов, Е.М. Османов. СПб.: Art-xpress, 2018. [Yaponiya: 150 let revolyucii Mejdzi. Seriya «Voprosy yaponovedeniya №7» / otv. red. i sost. A.V. Filippov, N.A. Samojlov, E.M. Osmanov. SPb.: Art-xpress, 2018.].
- Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов, собранных и отредактированных А. Стэдом / Под ред. Д.И. Шрейдера. СПб.: Просвещение, 1906. [Yaponcy o Yaponii. Sbornik statej pervoklassnykh yaponskih avtoritetov, sobrannykh i redakirovannykh A. Stedom / Pod red. D.I. SHrejdera. SPb.: Prosveshchenie, 1906].
- Бакумацу исинки-но кэйку (Образование в период Бакумацу и во время Мэйдзи исин) // Офиц. сайт Министерства образования Японии [Bakumacu i isinki-no kyoiku (Obrazovanie v period Bakumacu i vo vremena Mejdzi isin) // Oficial'nyj sajt Ministerstva obrazovaniya Yaponii. URL: http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/others/detail/1317556.htm]
- Кэйку-ни кансүру тэкуто (Мэйдзи нидзюсаннэн дзюгацу сандзюнити). Момбукагакусё. (Императорский рескрипт об образовании (23-й год Мэйдзи, 30 октября) // Офиц. сайт Министерства образования и науки Японии) [Kyoiku-ni kansuru tyokugo (Mejdzi nidzjusannen dzyugacu sandzyuniti). Mombukaga-kusyō. (Imperatorskij reskript ob obrazovanii (23-j god Mejdzi, 30 oktyabrya) // Oficial'nyj sajt Ministerstva obrazovaniya i nauki Yaponii). URL: http://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/others/detail/1317936.htm]
- Ballhatchet, H.J. The Modern Missionary Movement in Japan: Roman Catholic, Protestant, Orthodox // *Handbook of Christianity in Japan*. Ed. by Mark R. Mullins. 2007. P. 35–68.
- Beauchamp, E.R. Development of Japanese Educational Policy? 1945–1985 // *History of Education Quarterly*. 1987. Vol. 27. No. 3. P. 299-324.
- Bronkhorst, J. *Buddhism in the Shadow of Brahmanism*. Leiden: Brill, 2011.
- Dandekar, R.N. *Recent Trends in Indology*. Pune: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1978.

- Deshpande, M.D. Pandit and Professor: Transformations in the 19th Century Maharashtra // The Pandit: Traditional Scholarship in India. Ed. A. Michaels. Delhi: Manohar, 2001.
- Deshpande, M.D. Pune: An Emerging Center of Education in Early Modern Maharashtra // International Journal of Hindu Studies. 2015. Vol. 19. No. 1/2. P. 59-96.
- Dodson, M.S. Re-Presented for the Pandits: James Ballantyne, 'Useful Knowledge,' and Sanskrit Scholarship in Benares College during the Mid-Nineteenth Century // Modern Asian Studies. 2002. Vol. 36. No. 2. P. 257-298.
- Ellis, C. Education for all: Reassessing the Historiography of Education in Colonial India // History Compass. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 363-375.
- Kumar, K. Political Agenda of Education: A Study of Colonialist and Nationalist Ideas. Delhi: SAGE Publ., 2005.
- Mehl, M. Women Educators and the Confucian Tradition in Meiji Japan // Women's History Review. 2001. Vol. 10. N. 4. 579-602.
- Meißner, K. Responsivity within the Context of Informal Imperialism: Oyatoi in Meiji Japan // Journal of Modern European History. Vol. 14, No. 2, The Imperial Cloud (2016), pp. 268-289.
- Munakata, S. The Course and Problems of National Education – from the Meiji Period to the Present Day // The Developing Economies. Dec. 1965. Vol. 4. N. 4. P. 540-559.
- Paramore, K. Ideology and Christianity in Japan. London, New York: Routledge, 2009.
- Pollock, Sh. The death of Sanskrit // Comparative Studies in Society and History. 2001. Vol. 43. No.2. P. 392-426.
- Scharfe, H. Education in Ancient India. Leiden: Brill, 2002.
- Shimizu, M. Japanese English Education and Learning: A History of Adapting Foreign Cultures // Educational Perspectives. 2010. Vol. 43. P. 5-11.
- Tull, H.W.F. Max Müller and A.B. Keith: "Twaddle", the "Stupid" Myth, and the Disease of Indology // Numen. 1991. Vol. 38, No. 1. P. 27-58.

Бертова Анна Дмитриевна, кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра философии и культурологии Востока, Санкт-Петербургский государственный университет; *aihong@mail.ru*

Десницкая Евгения Алексеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института восточных рукописей Российской Академии наук; *khecari@yandex.ru*

Transforming Traditional Educational Practices in India and Japan (second half of the 19th - beginning of the 20th century)⁴⁵

This paper describes the history of the spread of Western educational models in India and Japan in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century. Transformation of education, both in its organizational structure and contents, was an important part of the modernization processes in these countries. Despite the obvious similarities, modernization of education in India and Japan differed significantly, due to the social, cultural and political circumstances. In India, Western educational practices were initially introduced by British colonial authorities for the sake of training civil servants. Later on, their spread was supported by Indian nationalists who considered education an intrinsic part of the campaign for independence. In Japan, the main impetus to reforming the educational system was given by the new government, with an accent on the primary and secondary education. To modernize it the government decided to adopt elements of different Western educational systems most befitting to Japanese customs. This produced impressive results, but under the influence of the strengthening nationalistic and militarist sentiments at the end of the 19th century educational priorities changed, shifting to the traditional Confucian values, which in the end led to transforming school into the analogue of the preparatory phase before entering the army.

Keywords: India, Japan, education, modernization, Indian Renaissance, Meiji reforms, Confucian values, nationalism, militarism

Anna D. Bertova, PhD in Philosophy, senior lecturer, Department of Philosophy and Culture of the Orient, Saint Petersburg State University; *aihong@mail.ru*

Evgeniya A. Desnitskaya, PhD in Philosophy, researcher, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; *khecari@yandex.ru*

⁴⁵ This work was supported by the Russian Science Foundation (RSF) under grant 18-78-10001-II), <https://rscf.ru/project/18-78-10001/>

РОЛЬ А.В. ЖЕКУЛИНОЙ В СОЗДАНИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Статья посвящена деятельности Аделаиды Владимировны Жекулиной в эмигрантский период ее жизни и ее вкладу в создание системы образования Русского Зарубежья. На основе найденной в ГА РФ переписки А.В. Жекулиной с С.В. Паниной и других архивных и опубликованных документов анализируется ее организационная, педагогическая, научная, просветительская, воспитательная и публицистическая деятельность, усилия по сплочению русской эмигрантской колонии в Чехословакии.

Ключевые слова: *Русская эмиграция, дети, образование, «русская акция помощи», А.В. Жекулина, Чехословакия*

Об Аделаиде Владимировне Жекулиной писали и российские, и чешские авторы¹. Часть работ о ней подробно раскрывает ее организационно-педагогическую деятельность в Киеве до Первой мировой войны и революции 1917 г.² Там ею была создана первая женская гимназия с программой обучения мужских гимназий для того, чтобы после выпуска ученицы могли сами зарабатывать себе на жизнь или позднее получить высшее образование³. Другая группа работ представляет собой биографические очерки о Жекулиной⁴, в т.ч. составленные на основе воспоминаний ее внука А.Б. Евреинова⁵. Несмотря на относительную изученность персоналии, не только в литературе, но и в архивной информационной системе зачастую встречаются фактические ошибки⁶.

В 2021 г. исполнилось 155 лет со дня рождения А.В. Жекулиной и 100 лет с начала «Русской акции помощи» (РАП) чехословацкого правительства. И это повод вспомнить о ней еще раз, сосредоточившись на ее вкладе в создание системы образования русских эмигрантов и добавив штрихи к портрету, используя обнаруженную в ГАРФе ее переписку 1920–1923 гг. с гражданской женой Н.И. Астрова граф. С.В. Паниной⁷.

¹ Копршинова 2016, Муратов, Муратова 2016.

² Ніжинська 2019; Каганов 2014 Ч. 1, Крутенко 2019.

³ Выпускницами гимназии Жекулиной были супруга Осипа Мандельштама Надежда, в девичестве Хазина (Ніжинська 2019), первая жена авиаконструктора А.А. Сикорского Ольга Синькевич, младшая сестра М.А. Булгакова Елена (Каганов 2014).

⁴ Горинов-мл.; Волошина 2020 Т.11, Вып. 2 (88). Лишь в одной статье акцент сделан на ее деятельности за рубежом. См.: Бочарова.

⁵ О самом А.Б. Евреинове см.: Волошина 2007. Вып.3.

⁶ Так, ее сын Н.С. Жекулин, почему-то назван ее мужем. Информационная система...
⁷ См. о ней подробнее: Серапионова 2019: 173-193. Астров Н.И. (1868–1934) – юрист, член ЦК Конституционно-демократической партии (кадетов), в годы Первой мировой войны член Главного комитета Всероссийского союза городов, товарищ комиссара Временного правительства, был Московским городским главой в марте-июне 1917 г. В 1917 г. председатель Главного комитета Всероссийского союза городов (ВСГ), член Учредительного собрания. В 1918-19 гг. член Особого совещания при

А.В. Жекулина, дворянка по происхождению, воспитывалась после смерти матери в семье богатой тети. Получила прекрасное домашнее образование с боннами-швейцарками и гувернантками – француженкой и англичанкой. Она путешествовала с семьей тети по Европе, обучалась на высших женских Бестужевских курсах в Петербурге. Овдовев в сорок лет, Жекулина сосредоточила все усилия на общественной и политической деятельности. Была активным членом партии кадетов.

Она эмигрировала из Новороссийска в марте 1920 г. В тот момент ей было 54 года, она была матерью 12-ти детей⁸, и у нее уже были внуки. Четверо детей с семьями выехали за границу вместе с ней.

Уже через несколько месяцев после приезда в Константинополь А.В. Жекулина 5 декабря 1920 г. открывает вместе с другими деятелями Всероссийского союза городов (Согора)⁹ П.П. Юреныным¹⁰ и П.Д. Долгоруковым¹¹ гимназию для детей русских эмигрантов и беженцев. Опыт по воспитанию и образованию детей, как своих, так и чужих, она приобрела еще в молодые годы, преподавая в школе, созданной в имении мужа (своих учеников она считала и называла «своими детьми»).

Жекулина обладала организационным талантом. Она сумела, не имея собственных средств, создать гимназию и Высшие женские курсы в Киеве. В годы Первой мировой войны в здании гимназии разместила и содержала госпиталь. Параллельно открыла еще и школы для беженцев.

Добровольческой армии, советник А.И. Деникина. С начала 1920-х – в эмиграции, председатель Союза писателей и журналистов в Праге, член Русского исторического общества и Русского музыкального общества, товарищ председателя Совета Русского заграничного исторического архива в Праге.

⁸ Шестеро скончались в детском возрасте. Младший сын-гимназист Глеб был расстрелян большевиками в Киеве как заложник. Дочь Ольга осталась в России, была арестована «чрезвычайкой» и приговорена к расстрелу, но потом выпущена. Аделаида Владимировна предпринимала попытки организовать ее выезд за границу вместе со своей сестрой и племянницей.

⁹ Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам – общественная организация, оказывающая помощь правительству в организации медицинской помощи и устройстве беженцев в годы Первой мировой войны. С 1915 г. один из центров либеральной оппозиции в стране. В январе 1918 г. Главный комитет был распущен. Организация продолжила работу в эмиграции как Всероссийский союз городов за границей, его Временный главный комитет воссоздан в 1920 г. в Константинополе, в 1922 г. переведен в Прагу, существовал до 1933 г. преимущественно занимался помощью детям беженцев и организацией их образования.

¹⁰ Юренин П.П. (1874–1944) – инженер, общественный и политический деятель, член II Государственной думы, министр путей сообщения Временного правительства, член ЦК партии кадетов, председатель комитета ВСГ при Добровольческой армии, член президиума Объединения русских эмигрантских организаций (ОРЭО), в эмиграции с начала 1920-х гг. в Константинополе, Белграде, Праге, затем во Франции.

¹¹ Долгоруков П.Д. (1866–1951) – князь, помощник председателя I Государственной думы, один из основателей партии кадетов, член ее ЦК, член комитета ВСГ за границей, с 1922 г. в Праге, активный деятель эмиграции в ЧСР, товарищ председателя, а с 1927 г. председатель ОРЭО. Глава местного Русского национального комитета. После Второй мировой войны арестован, осужден, умер во Владимирской тюрьме.

Вначале казалось, что эмиграция – явление кратковременное. Русская гимназия в Константинополе была открыта деятелями СОГОРА с помощью Красного Креста, иностранных меценатов, американского миллионера Томаса Уиттимора. Гимназия быстро росла и к концу первого года существования насчитывала уже около 500 учащихся. Но деньги от спонсоров быстро кончались, нужен был стабильный источник финансирования. 25 июля 1921 г. в письме С.В. Паниной, которая в то время была представителем при Верховном Комиссаре по делам беженцев в Лиге Наций, Жекулина просила помочь выхлопотать деньги на устройство 4-х мастерских для учащихся гимназии, одновременно сообщала о письме профессора А.С. Ломшакова¹² из Праги о том, что переговоры о студенческом вопросе продвигаются успешно¹³. В другом письме графине Паниной Жекулина в 1921 г. писала: «Что касается детей, я ужасно волнуюсь. Дело, правда, было налажено не дурно, и оно как-то здорово развивалось и имело здоровые корни. Теперь приходится невольно играть на сокращении, невольно его портить, не давать ему правильно развиваться. Это очень обидно... но надо искать пути спасения, и вот один из путей я вижу в Вашей энергии в этом деле». Жекулина была человеком действия, она тут же наметила план: 1) добиться, чтобы Международный Красный Крест наладил бесплатное кормление в Константинопольском районе детей Русской гимназии и детского дома на 40 пиастров в день, т.е. для 500 чел., и для Нератовской гимназии на 200 чел.; 2) чтобы Общество спасения детей выделило средства на профессиональное образование; 3) просить американский Красный Крест, чтобы он ежемесячно выделял деньги на содержание учительского персонала для больших учреждений и взял на себя расходы на покупку одежды и обуви для детей. «Тогда, - писала Жекулина Паниной, - до России мы продержимся»¹⁴. В том же письме она просила Панину обратиться за помощью в Международный Красный Крест по поводу питания для более тысячи русских детей в Болгарии и попытаться решить студенческий вопрос, упоминая, что уже обращалась в Берлин, Женеву, и имела предварительную договоренность с Уиттимором об устройстве 100 студентов в разные места. Уже 1 августа Жекулина сообщала Паниной, что едет в Прагу исключительно по студенческому вопросу.

Именно в это время чехословацкое правительство решает начать «Русскую акцию помощи» голодающим в России и русским эмигрантам. В результате предварительных переговоров, было решено, что правительство примет на иждивение 700 студентов на 1 год, при условии контроля за занятиями и тратой денег. 3 августа 1921 г. заместитель ми-

¹² Ломшаков А.С. (1870-1960) – инженер-изобретатель, общественный и политический деятель, член ЦК партии кадетов, с 1921 г. председатель Союза русских академических организаций за границей, председатель общества русских инженеров в ЧСР, основатель Комитета по обеспечению образования русских и украинских студентов, председатель Русской учебной коллегии при нем. Подробнее см.: Савицкий 2008.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д.1097. Л. 25-25об.

¹⁴ Там же. Л. 27-27об.

министра иностранных дел ЧСР В. Гирса¹⁵, послал чехословацкому уполномоченному представителю в Константинополе телеграмму, в которой сообщалось, что правительство приглашает 800 русских студентов (больше, чем договорились ранее) в Чехословакию, желая предоставить им возможность продолжить учебу. Он просил связаться с А.В. Жекулиной и всем вместе готовиться к отъезду. Деньги на дорогу поручал испросить у французских представителей, обратиться к генералу Пелле, предлагал маршрут через Болгарию, Югославию поездом до Белграда, а оттуда паромом до Братиславы. Болгария и Югославия предоставляли бесплатный проезд. После карантина в Пардубицах он обещал, что студенты будут размещены в Праге. Особое внимание Гирса просил обратить на то, чтобы под видом студентов в страну не проникли «нежелательные элементы¹⁶» [имелись ввиду военные и люди консервативных, монархических взглядов, а также крайне левые. - Е.С.].

Многие вопросы на предварительных переговорах с профессором А.С. Ломшаковым, активно занимавшимся делом устройства студентов в ЧСР и предоставления им возможности учиться, не были решены, и Аделаида Владимировна, опасаясь неудачи, решила сама поехать в Чехословакию, хотя и чувствовала себя неважно. Она писала: «Старость ли, усталость от беженской грызни¹⁷, тоска ли по своим или ужас от того, что происходит на родине – не знаю. Факт налицо, чувствую себя скверно. Но делать нечего – ехать надо»¹⁸. Она указывала, что студенческий вопрос находится лишь в самом начале решения, существует договоренность о 700 студентах, тогда как зарегистрировано уже 1900, и это, не считая военных в Галлиполи, где по некоторым подсчетам находилось еще 3,5 тыс. не закончивших образования молодых людей. Но когда многие в эмиграции отошли от активной общественной деятельности, она считала своим долгом продолжать заботиться о других, так как была искренне уверена, что «мракобесие» в России можно остановить лишь воспитанием интеллигентных кадров. «Мы должны воспитать интеллигентных людей, - писала она Паниной, - Если мы этого не сделаем, мы опять погибнем на десятки, а может быть сотни лет. Ближе присматриваясь теперь к этой молодежи, в ней, только в ней одной я вижу возможность дальнейшего возрождения»¹⁹. 3 августа Жекулина писала

¹⁵ Гирса Вацлав (1875-1954) – чехословацкий политик, общественный деятель, родился в Российской империи в семье чешских переселенцев, до Первой мировой войны главный врач земской больницы в Киеве. В годы войны председатель правления Союза чехословацких обществ в России, активный участник национального движения, с ноября 1919 г. представитель правительства ЧСР в Сибири. С 1920 г. заместитель министра иностранных дел. Гирса хорошо знал российских общественных и политических деятелей, являлся одним из организаторов РАП.

¹⁶ Документы к истории 1998: 23.

¹⁷ Вероятно, имелись ввиду драгги и ссоры, в т.ч. из-за получения финансирования.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д.1097. Л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 26об.

Паниной, что через два дня уезжает в Прагу, а по дороге заедет в Софию и Белград. Вероятно, это уже был период активных поисков страны для переезда. В письме она сообщала: «... Уж очень мне хочется перетащить этих бездомных детей в такую страну, где бы они могли пересидеть русское лихолетье»²⁰. Вернувшись из Праги, Аделаида Владимировна написала Паниной, что договорилась о том, что в Чехословакии примут 1000 студентов на иждивение, а еще 500 учащихся гимназии и 85 учителей с 30 членами семей, но встал вопрос о деньгах на дорогу. Помогавший ранее Американский Красный Крест заявил, что сворачивает деятельность в Константинополе и не имеет средств для помощи русским беженцам. С трудом Жекулиной удалось собрать средства на переезд шестисот студентов в ЧСР. На переезд гимназистов средств тоже было недостаточно, и она просила Панину помочь, сообщала, что в Чехословакии переговоры были трудными, там тоже были острые противоречия между деятелями Пражского эсеровского Земгора и представлявшим кадетов А.С. Ломшаковым²¹. П.П. Юренев должен был отправиться туда для «восстановления равновесия»²².

Так что перевод гимназии в Чехословакию вовсе не был таким уж легким делом, как писали некоторые авторы, ссылаясь на знакомство Жекулиной с заместителем министра иностранных дел ЧСР В. Гирсой²³. Председатель Пражского Земгора В.Я. Гуревич сообщал Комитету Земгора о взаимоотношениях с Всероссийским союзом городов: «В августе 1921 г. в Прагу приехала член Временного комитета Согора А.В. Жекулина и возбудила перед управляющим министерства иностранных дел В.О. Гирсой ходатайство о переселении в Чехословакию некоторых из своих просветительских учреждений из Константинополя, в первую очередь гимназии»²⁴. Гуревич был возмущен, что она это предварительно не согласовала с Комитетом Пражского Земгора, через который первоначально поступала вся помощь русским эмигрантам от правительства ЧСР. К тому же он, не желая выпускать финансовые рычаги из своих рук, полагал, что все земско-городские деятели по прибытию в Чехословакию должны войти в состав Земгора, а все переносимые в Чехословакию беженские учреждения поступить под его контроль. Эту же мысль Гуревич проводил и в письме представителю Парижского Земгора В.В. Рудневу 19 сентября 1921 г.: «Конечно же, оспаривать право Согора на представительство мы не собираемся и с удовольствием включим в свой состав любого из его членов. ... Но появление Константинопольского Согора (в Деникинской формации) отдельно от нас... здеш-

²⁰ Там же. Л. 29.

²¹ Эти разногласия прежде всего касались разграничения полномочий между Земгором и Согором в предоставлении образования эмигрантам, и соответственно и получения на это финансовой поддержки от правительства ЧСР.

²² ГАРФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д.1097. Л. 37.

²³ Из статьи А.В. Копршиовой (Копршиова 2016) не ясно, были ли лично знакомы Жекулина и Гирса до войны, когда жили в Киеве, или знакомство произошло позже.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1 Д.150. Л. 265.

ней чешской общественностью будет учтено как политическое противопоставление и внесет смуту в умы»²⁵. Таким образом Жекулина оказалась в центре «разборок» между двумя эмигрантскими организациями.

Об умении идти на компромиссы, но не забывать при этом об интересах организации, которую она представляла, свидетельствует заявление Жекулиной о том, что она считает возможным личное вступление в Земгор, но хочет сохранить гимназию в ведении Согора. Более того, оказавшись под ее влиянием, Гуревич даже вызвался ей помочь и потратил на это, по его собственному признанию, много сил и времени. Жекулина вникала во все детали, объединяла и заставляла работать на общее дело. Еще из Константинополя она писала Гуревичу: «Но Вы имеете такие большие связи у чехов, намекайте им, может быть можно намекнуть председателнице Красного Креста А. Масарик или просто переговорить с Гирсой, чтобы кое-какую детскую одежду, особенно для старших моих детей от 16 до 18, что-нибудь бы приготовили, в смысле обуви и теплых пальто»²⁶. Жекулина умела ладить с людьми и в том же письме подчеркивала: «Что касается обоюдной работы, то я очень хорошо со всеми работаю и думаю, что мы с Вами заработаем и параллельно, и вместе совершенно дружно и мирно»²⁷. Прибывший вслед за Жекулиной Юрнев поставил вопрос об ассигновании средств чехословацким правительством на содержание гимназии, что, по словам Гуревича, могло отразиться на сокращении средств для Пражского Земгора. Было создано представительство Согора в Праге, а также возбужден вопрос о разграничении компетенций между двумя эмигрантскими организациями, где преобладали представители разных политических партий (в Пражском Земгоре - эсеры, а в Согоре - кадеты). Переговоры с Юрневым закончились тем, что среднее и профессиональное образование было признано общей сферой деятельности. Юрнев предложил передать школы Земгора Согору, но председатель Земгора отказался. Дальнейшие переговоры были возобновлены уже с приехавшей в Прагу Жекулиной, был выработан проект соглашения²⁸, а затем 4 мая 1922 г. А.В. Жекулина и профессор А.А. Копылов от имени Временного комитета Всероссийского союза городов (Согора) и уполномоченные Объединения земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (Земгора) И.М. Брушвит, В.Т. Васильев и В.Г. Архангельский подписали меморандум о соглашении. Согор отстоял право на управление всем русским дошкольным и школьным образованием в ЧСР, но гимназия, созданная Земгором в Праге, оставалась в ведении последнего²⁹. Все

²⁵ Там же. Л. 407 об.

²⁶ Там же. Л. 258 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 266-266 об.

²⁹ В середине 1930-х гг. в связи с прекращением РАП две гимназии были объединены. См.: Русские гимназии и курсы // Дом в изгнании 2008: 63-66.

остальные виды помощи эмигрантам брал на себя Земгор. Причем обе организации обязывались оказывать друг другу взаимную помощь³⁰. Образование студентов было передано под контроль Комитета по обеспечению образования русских студентов и Союзу русских академических организаций за границей. Тем самым Жекулиной удалось добиться ликвидации монополии при распределении средств на образование русских эмигрантов. Вместе с Ломшаковым и рядом других деятелей она способствовала и изменению общей направленности чехословацкой политики в отношении русских эмигрантов – созданию «русского Оксфорда» в ЧСР вместо прежнего «центра прогрессивных русских»³¹.

Обучение студентов в Чехословакии успешно продолжалось, к концу 1923 г. русских студентов было 3245, в т.ч. 600 чел. в Брно. С украинцами, грузинами и слушателями Педагогического, Кооперативного и Коммерческого институтов число студентов в ЧСР превышало 5 тыс.³², а со средними учебными заведениями – 7 тыс. челл.³³ В марте 1923 г. А.Д. Жекулина вместе с дочерью президента ЧСР, председателем Чехословацкого Красного Креста А. Масарик, видным чешским политиком-русософилом К. Крамаржем и рядом других достойных лиц была избрана почетным членом Союза русских студентов³⁴. Приблизительно в это же время по инициативе А.В. Жекулиной, кн. П.Д. Долгорукова, С.В. Маракуева и Н.Е. Подтягина открылся Педагогический институт. Его директором стал профессор С.А. Острогорский. Институт находился в ведении Академического союза, финансировался в рамках РАП.

Вернемся к вопросу об устройстве Русской гимназии. Вся осень прошла в хлопотах по организации ее переезда в Моравию. Жекулина заботилась не только о своей гимназии, но одновременно и о переезде 200 русских гимназистов и 200 студентов в Бельгию и 75 музыкантов и художников в Италию³⁵. Панина помогала Жекулиной, и средства на переезд были найдены с помощью Верховного комиссара по делам беженцев Ф. Нансена. В начале 1922 г. гимназия переехала в Моравскую Тржебову и была размещена в зданиях бывшего военного лагеря для беженцев из Галиции³⁶. В январе 1923 г. в Тржебовскую гимназию прибыли из Варны 40 кадетов Донского кадетского корпуса, до того пребывавшего в Египте. Всего учащихся в гимназии стало 512 (12 было принято сверх лимита с разрешения министерства иностранных дел ЧСР)³⁷. Приток желавших поступить в гимназию был велик. Информационный листок Парижского Земгора сообщал в январе 1923 г., что в гимназию

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Д.150. Л. 270-270об.

³¹ Савицкий 1999: 47-95.

³² ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Д. 149. Л. 70-70об.

³³ Там же. Д. 125. Л. 19.

³⁴ Хроника Т.1 2000: 97.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р5913. Оп. 1. Д.1097. Л. 40-41об.

³⁶ О лагере и гимназии подробнее см.: Копршилова 2008: 67-75.

³⁷ К концу года в гимназии было 30 учителей и 523 учащихся. Документы к истории 1998: 38.

явились три мальчика 16 лет, бежавшие из беженского лагеря в Польше, без виз и без денег. Одному из них пришлось в ноябре переплыть пограничную реку. Там же говорилось, что благодаря средствам, отпускаемым чехословацким правительством³⁸, пополняются ученическая и учительские библиотеки, а на средства, собранные преподавательским персоналом произведен ремонт в церкви при гимназии, выкрашены стены, устроено отопление. В Тржебове поселились русские учителя с семьями (почти 100 чел.)³⁹. В мае 1923 г. Жекулина писала о Моравской Тржебове: «Здесь весной и летом дивно хорошо: воздух прямо упоительный»⁴⁰. В гимназии преподавался чешский язык учителями-чехами, изучались история, литература, государственное устройство Чехословакии⁴¹. Была создана совместная с чехами читальня, где можно было ознакомиться с чешскими и русскими газетами и журналами. На летние каникулы многих учащихся распределяли в чешские семьи⁴².

В 1923 г. состоялся первый выпуск 57 гимназистов. В 1925 г. Информационный листок Земгора в Париже сообщал, что гимназия в Моравской Тржебове, оставаясь русской как по языку преподавания, так и по составу преподавателей, все более приближается к типу чешских средних школ. Это было связано с тем, что надежды на скорое возвращение в Россию рухнули, и надо было адаптироваться к жизни в Чехословакии. С 1928 г. гимназию перевели в ведение Министерства просвещения и народного образования ЧСР, привели в соответствие с требованиями чешских гимназий, и она стала называться Русская реальная реформированная гимназия⁴³. В 1931 г. в Моравской Тршебове остались лишь старшие классы, а младшие были переведены в Русскую гимназию в Праге⁴⁴, окончательное слияние произошло в 1934 г. в Объединенную русскую гимназию, просуществовавшую до 1945 г.

В декабре 1923 г. Жекулина ездила в Ужгород с целью содействия устройству русских эмигрантов учителями в средние школы Подкарпатской Руси⁴⁵. В письмах она обсуждала с Паниной вопрос об издании школьных учебников⁴⁶, ее очень расстраивали дразги в эмиграции, она советовала Паниной переговорить с американским предпринимателем Крейном об устройстве в ЧСР «Русского очага» и, в конце концов, способствовала переезду Паниной и Астрова в Чехословакию. В переписке Жекулина предстает человеком дела, со связями, активной обществен-

³⁸ К 1927 г. на гимназию в Моравской Тршебове правительство ЧСР израсходовало 2 млн 700 тыс. кр.ч. – Там же: 120.

³⁹ Там же: 33.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р5913. Оп. 1. Д.1097. Л. 67.

⁴¹ ГАРФ. Ф.Р- 5764. Оп. 1. Д. 149. Л. 157.

⁴² ГАРФ. Ф. Р5913. Оп. 1. Д.1097. Л. 66.

⁴³ Копршивова 2018: 120.

⁴⁴ Документы к истории 1998: 155-156.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р5913. Оп. 1. Д.1097. Л. 73.

⁴⁶ Там же. Л. 67-68.

но-политической позицией, с аналитическим складом ума. Еще в начале 1920-х она писала, что если допустить мысль о новой войне, то первыми жертвами станут Чехия, Польша и Сербия⁴⁷.

Осенью 1922 г. Согор, деятельным членом которого была Жекулина, открыл в Праге на деньги чехословацкого правительства ясли для 10-ти детей до 3-х лет и детский сад для 20-ти детей от 3 до 7 лет)⁴⁸. Интересно, что в 1925 г., когда началось сокращение так называемой «Русской акции помощи» в местечке Уезд над Лесы под Прагой удалось открыть еще один детский сад Союза Городов упрощенного типа, куда записали 12 детей 3-5 лет, все они уже были рождены за границей⁴⁹.

Жекулина начиная с 1921 г. принимала участие в заседаниях детской подкомиссии верховной комиссии по беженским делам в Женеве. В 1929 г., когда одним из основных вопросов на пленарном заседании X сессии Лиги Наций встал вопрос в целом о целесообразности русской школы за рубежом, Жекулина отстаивала необходимость ее существования⁵⁰. Она сотрудничала с русскими педагогическими организациями во Франции. В октябре 1922 г. выступила в Париже в Российском земско-городском комитете с докладом «О положении русского студенчества в Европе и, в частности, во Франции»⁵¹.

Жекулина не только занималась практической деятельностью, но и изучала устройство систем образования в разных странах, интересовалась теорией педагогики, выступала с докладами на различных эмигрантских форумах и публиковала статьи. Она участвовала в Съезде деятелей средней и низшей русской школы за границей в Праге 2-6 апреля 1923 г.⁵² В работе съезда принимали участие 73 делегата из разных стран российского рассеяния. Жекулину избрали в президиум съезда, товарищем председателя. Заслушанный на пленарном заседании ее доклад «Метода Декроли в школах Бельгии» вызвал оживленное обсуждение. Была принята резолюция о признании движения Декроли (делавшего упор на воспитании воли ребенка с помощью методов детской психологии) ценным и необходимости проверки на практике этих идей. Жекулина выступила на съезде с еще одним докладом, рассказав о постановке русского школьного дела в Чехословакии, где правительство оказывало широкую помощь русской эмиграции; общий бюджет на помощь русским превышал 100 млн кр. ч. и шел главным образом на помощь студентам высших учебных заведений, на средства правительства содержались полностью две гимназии: в Моравской Тржебове свыше

⁴⁷ Там же. Л. 70.

⁴⁸ ГАРФ. Ф.Р- 5764. Оп. 1. Д. 149. Л. 152.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1 Д. 149. Л. 8

⁵⁰ Мнения в Совещательной комиссии при Верховном комиссаре по делам беженцев разделились, некоторые члена не видели целесообразности в существовании национальной школы после 10 лет за рубежом, в отсутствие перспектив возвращения на родину. ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 258. Л. 38.

⁵¹ Бочарова.

⁵² Бем 2010

500 чел. с пансионом (Союза Городов) и гимназия с интернатом в Праге, учрежденная Земгором (170 учащихся) и ряд других учреждений. На съезде был создан единый педагогический центр за границей – Педагогическое бюро, и Объединение русских учительских организаций с центром в Праге. Жекулина стала товарищем председателя Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей (возглавил его профессор В.В. Зеньковский) и организатором, а затем председателем Объединения русских учительских организаций за границей (ОРУОЗ). Ее интересовало все новое. В мае 1923 г. в Педагогическом кружке она выступила с докладом о совместном обучении мальчиков и девочек. Жекулина изучала юношеское внешкольное образование в разных странах, существовавшие за границей организации и движения. В том же письме Паниной она сообщала, что в Чехословакии существует «Русский сокол», который входит в «Чешский сокол», все ученики гимназии в Моравской Тршебове были членами юного Красного Креста, как и ученики Шуменской гимназии в Болгарии, а в Софийской подготовительной школе, в Нарве и в Сербии были русские скауты⁵³.

Еще в 1923 г. Жекулиной предлагали съездить в США, но интересы дела были для нее важнее. Она писала Паниной: «бросить в данную минуту дело в Чехии я не могу. Было бы неблагоприятно!»⁵⁴. Но позднее в 1924–1925 гг. при поддержке Рокфеллеровского фонда она все же побывала в США, изучая организацию там школьного дела. О своих впечатлениях она рассказывала в Тршебовской гимназии и в статьях, опубликованных в педагогических журналах, прежде всего, в «Русской школе за рубежом»⁵⁵. Ее интересовало образование и в целом положение детей в разных странах и, конечно, в России. В марте 1924 г. в Праге она принимала участие в обсуждении лекции профессора А.В. Маклецова «Об охране детей в Советской России»⁵⁶. Она и в дальнейшем активно участвовала в работе педагогических съездов и других форумов, выступала с лекциями, сотрудничала с Русским свободным университетом в Праге, при котором в 1932 г. было создано Педагогическое общество, публиковала статьи в периодических изданиях «Русская школа за рубежом», «Русская школа», «Вестник педагогического бюро», в нескольких выпусках книги «Местное самоуправление»⁵⁷.

Еще одной серьезной проблемой, которой занималась Жекулина, стала борьба с денационализацией русских детей. В октябре 1924 г. Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей созвало в Праге совещание о мерах борьбы с денационализацией, на котором Жекулина выступила с докладом «О мерах борьбы с денацио-

⁵³ ГАРФ. Ф. Р5913. Оп. 1. Д.1097. Л. 63об.

⁵⁴ Там же. Л. 63.

⁵⁵ Хроника Т.1: 206, 211, 266.

⁵⁶ Там же: 146.

⁵⁷ Жекулина 1924: 177-185; 169-176; Вып. 3. 1926: 171-185; Вып. 4. 1927: 199-212.

нализацией детей дошкольного возраста»⁵⁸. Проблему пытались решать в том числе при помощи дошкольного и внешкольного образования.

В 1929 г. Русское Зарубежье стало устраивать День русского ребенка, приуроченный к празднику Благовещенья (25 марта по старому и 7 апреля по новому стилю)⁵⁹. Уже в 1930 г. праздник отмечался в 14-ти странах. Активное участие в его организации принимало Педагогическое бюро, Всероссийский союз городов и лично Жекулина⁶⁰. Его целью был сбор денег на нужды детских организаций в эмиграции. Дело в том, что в связи с сокращением «Русской акции помощи»⁶¹ и мировым экономическим кризисом, приведшим к безработице, положение русских семей стало тяжелым, подчас отчаянным. Необходимы были экстренные меры по организации питания, лечения детей и снабжения их одеждой, устройству летних лагерей⁶². В 1931 г. А.В. Жекулина была в числе учредителей Комитета помощи русским детям, в 1932 г. избрана председателем Общества попечения о русских детях⁶³, а в 1935 г. стала инициатором и организатором детских летних лагерей отдыха на природе, получивших название «жекулинских». После Второй мировой войны она переехала к дочери в Брюссель, где и скончалась в 1950 г.

В Русском Зарубежье была создана своя система образования, начиная с яслей и кончая высшими учебными заведениями, дополненная учреждениями по подготовке профессионально-технических кадров со средним специальным образованием. В Чехословакии, где Жекулина прожила более четверти века, эта система действовала в полном объеме, и Аделаида Владимировна была самым активным ее организатором. Она много сделала для образования русских и в других странах.

Благодаря четким нравственным устоям, широким связям по всему миру, настойчивости и неумной энергии ей удавалось найти выход из, казалось бы, безвыходных положений, изыскивать средства для детей эмигрантов, примирять непримиримых врагов, объединять враждебные стороны для пользы всего эмигрантского дела.

Ее роль в создании системы образования не сводилась только к полноте системы и ее многоступенчатости (от дошкольного к высшему образованию). Жекуликой удалось сочетать передовые методы обучения, использовать опыт других стран, внедрить глубокое изучение уже в средней школе языка, истории, литературы и государственного устройства страны проживания, что оказалось очень важным для адаптации детей эмигрантов в будущем. Но вместе с тем она старалась не допустить денационализации русских детей второго поколения, при-

⁵⁸ Хроника Т.1: 162.

⁵⁹ Подробнее о Дне русского ребенка см.: Петрушева 2019: 103-108.

⁶⁰ Хроника Т. 2. 2001: 67, 382.

⁶¹ В 1931 г. ок. 500 студентов и 300 лиц разных категорий: профессора, ученые, писатели, старые общественные деятели еще оставались на иждивении правительства Чехословакии, остальные уже жили своим трудом. ГАРФ. Ф. 5888. Оп. 1. Д. 132. Л. 56.

⁶² Там же. Л. 140.

⁶³ Хроника Т. 2: 89, 120.

вить им, уже рожденным за границей, любовь к России и русскому языку, воспитывать для родины интеллигентных людей.

ИСТОЧНИКИ

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5913. Н.И. Астров. Оп. 1. Д.1097; Ф. Р-5764. Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (Земгор) г. Прага. Оп. 1. Д. 125, Д. 149, Д.150, Д. 258; Ф. 5888. Объединение русских эмигрантских организаций в Чехословацкой Республике (ОРЭО) г. Прага. [Ob"edinenie rossijskikh zemskih i gorodskih deyatelej v SChekhoslovackoj Respublike (Zemgor) g. Praga. Op. 1. D. 125, D. 149, D.150, D. 258; F. 5888. Ob"edinenie russkikh emigrantskikh organizacij v SChekhoslovackoj Respublike (OREO) g. Praga].
- Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918-1939) / Сост. З. Сладек, Л. Белошевская и кол. авт. Прага: Еврославика, 1998. 344 с. [Dokumenty k istorii russkoj i ukrainskoj emigracii v SChekhoslovackoj respublikе (1918 1939) / Sost. Z. Sladek, L. Beloshevskaya i kol. avt. Praga: Euroslavika, 1998. 344 s.].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Информационная система. Архивы РАН 2017. URL: <http://isaran.ru/?q=ru/doc&guid=CC469881-E613-F678-F0F5-8F2B9700D2DD&ida=1>
- Бем А. Съезд деятелей русской школы за границей [Bem A. Sjezd deiatelei russkoj shkoly za granicej] URL: https://bilingual-online.net/wp-content/uploads/2010/12/Bem-A.-Sjezd_dejatelej_russkoj_shkoly_za_granicej.pdf.
- Бочарова З.С. Женское обаяние с мужским характером: А.В. Жекулина в эмиграции. [Bocharova Z.S. Zhenskoe obaianie s muzhskim kharakterom: A.V. Zhekulina v emigracii]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41109373_53358590.pdf.
- Волошина В.Ю. Историк Борис Алексеевич Евреинов и его семья в эмиграции // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007 [Voloshina V.Y. Istorik Boris Alekseevich Evreinov i ego semlja v emigracii // Mir istorika. Vyp. 3. Omsk, 2007] URL: http://modernhistory.omsu.ru/res/page00000000843/Files/%D0%9C%D0%B8%D1%80_%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0_3.PDF.
- Волошина В.Ю. Судьба А.В. Жекулиной в контексте эпохи // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Том 11. Выпуск 2 (88). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840008847-0-1/?reader=Y> [Sudba A.V. Zhekulinoj v kontekste epochi // Elektroni naučno-obrazovatelnyj zurnal "Istoria". 2020. Tom 11. Vyp. 2 (88).].
- Горинов-мл. М.М. Жекулина (Евреинова) Аделаида Владимировна. Энциклопедия. Дом русского Зарубежья [Gorinov-ml. M.M. Zhekulina (Evreinoва) Adelaida Vladimirovna] URL: <https://www.domrz.ru/encyclopedia/zhekulina-ur-evreinoва-adelaida-vladimirovna/>
- Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945. Прага: RT+RS Seravis, 2008. 512 с. [Dom v izgnanii Praha, 2008].
- Жекулина А.В. Ясли и детские сады // Местное самоуправление. Вып. 1. Прага, 1924. С. 177-185; Организация начального образования в Чехословацкой республике // Там же. С. 169-176; Всеобщий совет по народному образованию // Вып. 3. 1926. С. 171-185; Учреждения для обучения и призрения слепых в Чехословацкой республике // Вып. 4. 1927. С. 199-212 [Zhekulina A.V. Iasli i detskie sady // Mestnoe samoupravlenie. Vyp. 1. Praga, 1924. S. 177-185; Organizaciiia nachalnoго obrazovaniia v Chekhoslo-vatskoj respublikе // Tam zhe. S. 169-176; Vseobschii sovet po narodnomu obrazovaniiu // Vyp. 3. 1926. S. 171-185; Uchrezhdeniia dlia obucheniia i prizreniia slepych v Chekhoslovackoi respublikе// Vyp. 4. 1927. S. 199-212]. URL: <http://www.emigrantica.ru/item/mestnoe-samoupravlenie-praga-19241927#%D0%B2%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5>
- Каганов В. Киев. Женская гимназия А.В. Жекулиной. Часть 1. 24.08.2014 [Kaganov V. Kiev. Zhenskaja gimnaziiia A.V. Zhekulina. Chast 1] URL: <https://proza.ru/2014/08/24/1718>.
- Копршизова А.В. Аделаида Владимировна Жекулина: пражская вольтерьянка. К 150-летию // Русское слово. 2016. № 1 [Koprshivova A.V. Adelaida Vladimirovna Zekulina:

- prazhskaia voltepianka. K 150-letiu // Russkoe slovo. 2016. N 1]; Воспитание и образование русской эмиграции // Истории изгнания. Судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии / Eds. Jakob Hauser, Věra Velemanová. Praha: Pámatník národního písemnictví, 2018 [Vospitanie i obrazovanie russkoj emigracii // Istorii izgnaniia. Sudby emigrantov s territorii byvshei Rossiiskoi imperii v mezhoennoi Chekhoslovakii]; Моравска Тршебова. Здания помнят // Дом в изгнании... С. 67-75 [Moravska Trshebova. Zdaniia pomniat // Dom v izgnanii... S. 67-75]. URL: <http://ruslo.cz/index.php/emigratsiya/item/448-adelaida-vladimirovna-zhekulina-prazhskaia-volteryanka-k-150-letiu>
- Крутенко Н. Гимназия Жекулиной. 2019 [Krutenko N. Gimnaziia Zhekulinoi.]. URL: <http://zhekulina.tilda.ws/>
- Муратов А.А., Муратова Д.И. К воспоминаниям о А.В. Жекулиной // Русское слово. 2016. № 4 [Muratov A.A., Muratova D.I. K vospominaniyam o A.V. Zhekulinoi // Russkoe slovo. 2016. N 4]. URL: <http://ruslo.cz/index.php/nauka/item/526-k-vospominaniyam-o-a-v-zhekulinoj>
- Нижинська Т. Аделаїда Жекуліна: учить жінчин, як мужчин. 25 окт. 2019 [Nizhinska T. Adelaida Zhekulina: uchit zhensczin, kak muzhchin]. URL: <https://bigkyiv.com.ua/adelaida-zhekulina-uchit-zhenshhin-kak-muzhchin/>
- Петрушева Л.И. День русского ребенка в Чехословакии // Из истории изгнания. Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии / Ed. Michaela Kuthanová. Praha: Pámatník národního písemnictví, 2019. S. 103-108 [Petrusheva L.I. Den russkogo rebenka v Chekhoslovakii // Iz istorii izgnaniia. Emigraciia s territorii byvshei Rossiiskoi imperii v mezhoennoi Chechoslovakii].
- Савицкий И.П. Начало «Русской акции» // Новый журнал. 2008. № 251 [Savitski I.P. Nachalo "Russkoj akcii" // Novyi zhurnal. 2008. № 251]; Специфика Праги как духовного центра эмиграции // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике. Прага: Славянский институт АН ЧР, 1999. С. 47-96 [Savitski I.P. Specifika Pragi kak dukhovnogo centra emigracii // Dukhovnye techenia russkoj i ukrainkoj emigracii v Chekhoslovakcoj respublike. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 1999. S. 47-96]. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2008/251/nachalo-russkoj-akczii.html>
- Серapiroнова Е.П. Софья Владимировна Панина: чехословацкий период жизни (1924-1938 гг.) // Славянский альманах. 2019. № 3-4. С. 173-193 [Serapionova E.P. Sofia Vladimirovna Panina: chehoslovakcii period zhizni (1924-1938 gg.) // Slavianskii almanakh. 2019. № 3-4. S. 173-193].
- Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. 1-2. 1919-1939 / Под ред. Л. Белошевой. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2000-2001 [Khronika kulturnoi, nauchnoi i obschestvennoi zhizni russkoj emigracii v Chekhoslovakcoj respublike. T.1-2. 1919-1939 / Pod red. L. Beloshevskoi. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2000].

Серapiroнова Елена Павловна, доктор исторических наук, заведующая, отдел Истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН; serapionovae@mail.ru

A.V. Zhekulina's Role in the Creating the Education System of the Russian Diaspora

The article deals with a famous public activist, educator Adelaida Vladimirovna Zhekulina with the emphasis on the emigrant period of her life. On the basis of correspondence between Zhekulina and S.V. Panina found in GARF and other archival and published documents her contribution to the creation of education system of Russian diaspora is analyzed. The author focuses on her organizational, pedagogical, scientific, educational and publicistic activities, efforts to rally the Russian emigree colony in Czechoslovakia.

Keywords: *Russian emigration, children, education, "Russian action of help", A.V. Zhekulina, Czechoslovakia*

Elena P. Serapionova, Dr. Sc. (History), Head of the Department of history of Slavic peoples in the period of World Wars, Institute of Slavic studies, Russian Academy of Science; serapionovae@mail.ru

Ф.В. НИКОЛАИ

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ ПОСЛЕ 1700 ГОДА И (НЕ)ПРОШЕДШЕЕ БУДУЩЕЕ В КОНЦЕПЦИИ Г. ЯНСЕНА¹

Статья представляет собой рецензию на книгу Г. Янсена «Скрытые внутри историзма: темпоральные режимы после 1700 г.» Вступая в полемику с лидерами теоретической историографии рубежа XX–XXI вв. Р. Козеллеком и Ф. Артогом, Янсен ставит под вопрос гомогенность устремленного в будущее (по мнению Козеллека) темпорального режима модерна и выделяет как минимум четыре разных его модификации. Во-вторых, Янсен оспаривает радикальный разрыв современного «презентистского» темпорального режима с историзмом XIX в. и убедительно показывает гибридизацию или переплетение его модификаций в современном историописании. Кроме того, он подчеркивает важность социального измерения историографической полемики и ее неразрывную взаимосвязь с ростом алармистских настроений и неопределенности в современном мире. В этом контексте вопрос о соотношении пространства исторического опыта и горизонта ожиданий приобретает новую актуальность.

Ключевые слова: темпоральные режимы, презентизм, политика времени, пространство опыта, горизонт ожиданий

Презентизм, трансформации исторического сознания и современного темпорального режима широко обсуждаются сегодня в теоретической историографии². В центре этих дискуссий чаще всего оказываются работы Р. Козеллека и Ф. Артога, от концепций которых пытается оттолкнуться уже следующее поколение исследователей³. Напомним, что Козеллек считает характерным для всей эпохи модерна растущее напряжение между обусловленным прошлым «пространством опыта» и устремленным в будущее «горизонтом ожиданий»⁴. Тогда как его бывший ассистент Ф. Артог отстаивает тезис о радикальном отличии современного «презентистского» темпорального режима от ориентированной в будущее темпоральности модерна⁵.

В этом контексте весьма интересной представляется книга Гарри Янсена из университета Неймегена «Скрытые внутри историзма: темпоральные режимы после 1700 г.», которая ставит под вопрос как гомогенность темпорального режима модерна, так и тезис Артога о принципиальном отличии от него современного презентизма. Янсен убедитель-

¹ Работа выполнена в рамках НИР Н-490-99_2021-2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

² Репина 2018; Ионов 2021; Олейников 2021; Чеканцева 2020.

³ Holden 2019; Лоренц 2021 и др.

⁴ Козеллек 2016.

⁵ Артог 2008; 2021.

но показывает смену как минимум четырех темпоральных режимов в XVIII-XIX вв. Каждый из них, подобно тропам в знаменитой «Метаистории» Х. Уайта, рассматривается на материале текстов не только историков, но и философов: И. Канта и Д. Юма, Г. Гегеля и Л. фон Ранке, К. Маркса и А. де Токвиля, Ф. Ницше и Й. Хейзинги. С этой точки зрения, в эпоху Просвещения господствовало «пустое», не имеющее воплощения и не связанное с человеческим опытом, универсальное (отсылающее к природному миру) и гомогенное время, механически измеряемое часами и фиксируемое многочисленными периодизациями человеческой истории. Философия истории в работах Кондорсе, проект «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.Л. де Аламбера, политэкономия А. Смита, исторический нарратив А. Шлецера в разных формах пытались синхронизировать всю мировую историю и опирались на идею прогресса.

Но в рамках этого же режима возникает и иная тенденция – контр-просвещение, которое рассматривает время как *воплощенное* (embodied) в разных исторических формах – в культуре народов, деятельности исторических личностей, в религиозных верованиях и государственных институтах, что нашло отражение в трудах Д. Вико, И.Г. Гамана, И.Г. Гердера. Отказ от идеи прогресса в рамках контр-просвещения во многом определил переход от философии XVIII века к романтизму с его восприятием времени как чередования эпох подъема и упадка, – прежде всего в политической сфере. Романтизм, кульминация которого пришлась на 1820-е гг., по-прежнему считал время достаточно гомогенным. Гегель и Ранке (при всем различии их взглядов) считали, что прошлое управляется идеей, которая функционирует как жизненный принцип и «дух эпохи». Однако сама история у Гегеля превращалась в бремя или тяжкую ношу, от которой желательно освободиться в будущем.

Этот гегельянский мотив с 1830 по 1880-е гг. оказывается востребован и переосмыслен у К. Маркса и А. де Токвиля, которые считали время гетерогенным и воплощенным в социально-экономических структурах. Прошлое, настоящее и будущее сосуществуют одновременно, обуславливают друг друга, оказываются диалектически взаимосвязаны, хотя и активно конфликтуют между собой. Раскол французского общества после революции во Франции привел к борьбе популярной среди аристократии ностальгии по Старому порядку и устремленности в будущее городских низов и пролетариата. Поездка де Токвиля в Америку представляется Янсену путешествием в воплощенное будущее: «Х. Уайт отмечает, что Токвиль пытается рассматривать *будущее как историю*. Это значит, что не только прошлое и настоящее, как у Гегеля и Ранке, но и будущее имеет свое воплощение. Именно поэтому он едет в Америку»⁶. Реставрация же, с этой точки зрения, становилась материализацией или воплощением прошлого. У Маркса время привязано к социально-экономическим формациям, поэтому конфликт между разными

⁶ Jansen 2020. P. 113.

темпоральностями – феодальными отголосками прошлого, капиталистическим настоящим и коммунистическим будущим – становится еще более радикальным. Сосуществование этих слоев времени и активное напряжение между ними Янсен называет «синхронностью несинхронного» или «одновременностью неодновременного».

С 1880-х гг. появляется и набирает силу режим «кайротического времени», ярче всего представленный в текстах Ф. Ницше, Й. Хейзинги и Я. Буркхардта. Для всех них важна не политическая или социально-экономическая сфера, но пространство культуры и субъективный опыт прошлого. Как известно, в центре концепции Ницше лежит идея «вечного возвращения», которая соединяет прошлое и будущее принципиально иначе, чем историзм Ранке: «Именно новый взгляд на прошлое и определенный [субъективный] выбор формирует новое будущее, что можно назвать “вечным возвращением”. Такой взгляд на генеалогию придает времени двоякую форму: неосознанного бэкграунда и сознательно актуализованного, интенционального прошлого. Людское стадо воспринимает только первое из них и продолжает ждать, тогда как сверхчеловек осознает оба и в своих действиях позволяет сбыться кайротическому времени»⁷. Свое продолжение эта идея получает в концепции *становления* – активного движения или даже «тигриного прыжка» от истоков к будущему. Ключевую роль в этом движении приобретает не само будущее, но момент выбора и активное действие в данный момент, создающее Событие. «Калитка “Сейчас” соединяет силы прошлого, настоящего и будущего. Это не остановка или островок безопасности между полосами двустороннего движения в прошлое и в будущее. Это не данность, но продукт конфликтующих сил – столкновения между движением вперед, в будущее (надеждой?) и властью, которая хочет оставить прошлое (страхом?). <...> Ницше – мыслитель надежды и страха – говорит о необходимости сделать выбор»⁸. Основным методом переосмысления прошлого, превращения его в Событие в настоящем становится у Ницше генеалогия: «Генеалогия у Ницше – это новый взгляд на историю как мир становления. Превращая прошлое в мир истоков, она формирует новое восприятие прошлого, настоящего и будущего. <...> При этом время становится серией точек, которые генеалогическая ретроспекция превращает в выбор того или иного будущего»⁹. Аналогичным образом у Й. Хейзинги кайротическое время маркирует мгновенное узнавание прошлого настоящим, внезапную констелляцию между ними. Как и у Маркса разрыв и гетерогенность здесь оказываются важнее континуитета.

Разграничение этих темпоральных режимов ставит под вопрос универсальность концепции «седлового времени» Р. Козеллека. С другой стороны, Янсен не соглашается и с Ф. Артогом, считающим, что

⁷ Ibid. P. 152.

⁸ Ibid. P. 159.

⁹ Ibid. P. 162.

современный презентизм отделен от устремленного в будущее времени модерна радикальным разрывом 1989–1991 гг. Янсен отстаивает тезис о сохранении конкурирующих режимов темпоральности на протяжении всего XX в. С этой точки зрения, Ф. Бродель, Э. Блох и Х.-У. Веллер вслед за Марксом и Токвилем используют режим синхронизации несинхронного; П. Рикер в своей концепции нарратива опирается на романтическую модель подъемов и падений; М. Хайдеггер, В. Беньямин и Э. Ле Руа Ладюри видят время как кайротическую констелляцию истока и актуального «Jetztzeit».

Применительно к ситуации рубежа XX–XXI вв. более корректно говорить о гибридизации или различных вариантах соединения перечисленных выше режимов: Д. Чакрабарти в своей известной книге «Провинциализируя Европу» соединяет кайротическую темпоральность Ницше и синхронизацию несинхронного К. Маркса; А. Ассман в работе «Распалась связь времен?» выступает за переплетение прогрессивного времени Просвещения и романтической в своей основе интерпретации чередования поколений как серии подъемов и спадов. Сам Янсен выступает за синтез романтического и марксистского темпорального режима, который будет максимально ориентирован в будущее в попытке преодолеть текущий культурный кризис.

Этот кризис, по мнению Янсена, вызван совсем не внутренними противоречиями темпоральных режимов, но внешними социальными факторами. К ним он относит экологический кризис, связанный с приходом антропоцена; рост диспропорции между богатыми и бедными; усиление глобальной конкуренции, которая делает иллюзорной концепцию «догоняющего развития», но не предлагает ничего взамен. Все эти факторы делают будущее скорее пространством неопределенности и риска, а не прогресса, в который верило общество эпохи Просвещения и модерна. Такое будущее предполагает борьбу и напряжение, неизбежную цепь поражений и локальных побед – именно поэтому интеллектуальное наследие Маркса и Гегеля кажется Янсену актуальным: «Через анализ истории подъемов и падений, используя модель синхронизации несинхронного, мы можем обнаружить в настоящем те переломные моменты, которые позволят создать лучшее будущее»¹⁰.

Хотя внимания к социальному измерению полемики о темпоральности остро не хватает в современных дискуссиях, Янсен делает лишь первый шаг в этом направлении. Он не пытается связать трансформацию темпоральных режимов с интересами тех или иных социальных групп. В этом смысле наследие социальной истории 1960-х гг., которая любые исторические понятия и культурные конструкты рассматривала как часть социальной практики¹¹, остается в книге не востребованным. Автор осознанно стремится полемизировать с Р. Козеллеком и Ф. Артогом, П. Рикером и А. Ассман лишь в теоретической плоскости. Хотя

¹⁰ Ibid. P. 234.

¹¹ Koselleck 2002.

социальное измерение этих дискуссий напрямую затрагивает вопросы политического языка, низовых практик коммеморации, развитие индустрии глобального туризма и т.д. Возможно, внимание к такого рода вопросам и их анализу в исследованиях «среднего уровня» сделало бы книгу более яркой и содержательной.

Кроме того, Янсен почти не касается современной «эпидемии ностальгии», политики памяти и слишком явного доминирования «мемориальной парадигмы» над (критическим) историческим знанием¹², – ключевых симптомов современного темпорального режима. Какие социальные группы и каким образом используют сегодня политику памяти и идентичности? Кто использует алармизм в своих интересах? К сожалению, такого рода вопросы остаются за рамками внимания автора. Тем не менее, Янсен абсолютно прав в том, что интеллектуальная и социальная история могут и должны ставить вопросы не только о прошлом (историческом опыте), но и о будущем (горизонте ожиданий). Причем эти горизонты важно не только увидеть в текстах историографических источников, но и отрефлексировать применительно к собственным исследованиям, интересам исторической корпорации и интересующихся прошлым сообществ разного уровня.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Holden T. Hartog, Koselleck, and Ricoeur: Historical Anthropology and the Crisis of the Present // *History and Theory*. 2019. Vol. 58. No. 3. P. 385-405.
- Jansen H. Hidden in Historicism. *Time Regimes since 1700*. N.Y., L.: Routledge, 2020. 260 p.
- Koselleck R. Concepts of Historical Time and Social History // Koselleck R. *The Practice of Social History: Timing History, Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 115-130.
- Артог Ф. Картины мира и представления о времени // *Логос*. 2021. № 5. С. 59-76. [Hartog F. Visions of the world and representations of time // *Logos*. 2021. No. 4. P. 59-76]
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 3. С. 19-38. [Hartog F. Order of time, regimes of historicity // *Emergency ration*. 2008. No. 3. P. 19-38]
- Ионов И.Н. Коррекция темпорального режима и проблемы теории истории. Статья 3 // *Диалог со временем*. 2021. № 75. С. 20-36. [Ionov I. Correction of the temporal regime- and problems of the theory of history. Part 3 // *Dialog so vremenem*. 2021. No 75. P. 20-36]
- Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две социологические категории // *Социология власти*. 2016. № 2. С. 149-173. [Kpselleck R. “Space of experience” and “horizon of expectations” // *Sociology of power*. 2016. No. 2. P. 149-173]
- Лоренц К. Критические размышления о презентизме Франсуа Артога // *Логос*. 2021. № 4. С. 31-64. [Lorenz C. Out of time? Critical reflections on François Hartog’s presentism // *Logos*. 2021. No. 4. P. 31-64]
- Николаи Ф.В. Режимы памяти, национальные нарративы и политики идентичности: открытое будущее исследований памяти // *Новое литературное обозрение*. 2021. № 1. С. 305-314. [Nikolai F. Regimes of memory, national narratives, and political identity: the open future of memory studies // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2021. No. 1. P. 305-314]
- Олейников А.А. Время истории // *Логос*. 2021. № 4. С. 5-30. [Oleynikov A. History’s time // *Logos*. 2021. No. 4. P. 5-30]
- Репина Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или рождение «мемориальной парадигмы» // *Уральский исторический вестник*. 2021. № 2. С. 6-16. [Repina L. Memory and Heritage in a Crusade against History, or the birth of a “memorial paradigm” // *Ural Historical Journal*. 2021. No. 2. P. 6-16]

¹² Репина 2021; Николаи 2021.

Репина Л.П. Эффекты «непостижимого ускорения», или феномен презентизма в истории исторического знания // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 48-58. [Repina L. Effects of "incomprehensible acceleration", or phenomenon of presentism in the history of historical consciousness // Dialog so vremenem. 2018. No 65. P. 48-58]

Чеканцева З.А. Path dependence, политика времени и метаморфозы истории // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3. С. 5-16. [Chekantseva Z. Path dependence, politics of time and metamorphosis of history // Perm University Herald. History. 2020. No. 3. P. 5-16]

Федор Владимирович Николаи, доктор философских наук, с.н.с. ННГУ им. Н.И. Лобачевского, НГПУ им. К. Минина, Нижний Новгород, fvmik@list.ru

Regimes of temporality after 1700 and futures past in historical theory of Harry Jansen

The article is a review of Harry Jansen's book "Hidden in Historicism. Time Regimes since 1700". Engaging in polemics with the leaders of theoretical historiography at the turn of the 20th-21st centuries, R. Koselleck and F. Artog, its author questions the homogeneity of the future-oriented (according to Koselleck) temporal regime of modernity and identifies at least four different modifications of it. Jansen disputes the radical break of contemporary "presentist" temporal regime with nineteenth-century historicism and convincingly shows the hybridization of its modifications. He emphasizes the importance of the social dimension of historiographic controversy and its inextricable relationship with the growth of alarmist sentiments and uncertainty in contemporary world. In this context the question of the relationship between space of historical experience and horizon of expectations acquires new relevance.

Keywords: regimes of temporality, presentism, politics of time, space of experience, horizon of expectation

Feodor Nikolai, PhD, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), fvmik@list.ru

К.В. ИГАЕВА, А.А. МОРДВИНОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КОНСЬЮМЕРИЗМА В РАБОТАХ П. СТЕРНСА

В статье рассматривается концепция консьюмеризма П. Стернса. Анализируются этапы формирования общества потребления и консьюмеристской культуры; обозначаются социальные группы, выступавшие инициаторами данных изменений. Проблематизируются современные противоречия общества потребления: исчерпание его экономического потенциала, растущий разрыв между доходами высшего и низшего класса, кризис модели «догоняющего развития», подчинение будущего интересам настоящего (презентизм). Важная часть анализа этих противоречий у Стернса – выявление тех социальных групп, которые выступают за сохранение общества потребления или его ограничение. Показано, что в современном обществе консьюмеризм становится, с одной стороны, главным терапевтическим средством, позволяющим справиться с растущими индивидуальными и коллективными рисками, с другой – источником структурных противоречий в социокультурной сфере.

Ключевые слова: социальная история, исследования культуры, общество потребления, двойная связь, презентизм

Внимание отечественной историографии с конца 1980-х гг. было сосредоточено на французской и британской версии социальной истории¹. Гораздо меньше обсуждались работы ее сторонников в Германии и США. В этом контексте знакомство с работами проф. Питера Стернса из университета Джорджа Мейсона, создателя и редактора «Журнала социальной истории», важно не только для заполнения таких «белых пятен», но и как весьма актуальный анализ развития консьюмеризма в эпоху модерна, а также специфическим развитием концепции Р. Козеллека о взаимосвязи «пространства опыта» и «горизонта ожиданий»².

П. Стернс затрагивает проблему консьюмеризма практически во всех своих работах, посвященных истории детства, сексуальности, гендеру, темпоральности и др. Например, в книгах «Детство в мировой истории» и «Тревожные родители: история детства в Америке эпохи модерна» исследователь рассматривает формирование «базовой модели детства» в XIX в. и ее современные трансформации, ключевую роль в которых играет именно влияние культура потребления³. Консьюмеризм вызывает рост неопределенности – отменяет строгие викторианские стандарты и жесткие социальные нормы и полностью перекладывает моральную ответственность за социализацию детей на плечи родителей. Общество потребления предлагает широкий спектр развлечений, но требует их дозированного использования, чтобы они не вызвали скуку; настаивает на улучшении качества жизни и семейного благополучия, но провоцирует многочисленные моральные паники относитель-

¹ Зверева, Репина 1988; Репина 1990; 2001.

² Козеллек 2016.

³ Stearns 2003; 2021.

но избыточного веса и ожирения, здорового образа жизни, влияния социальных сетей и т.д. Таким образом, избыточное потребление становится, с одной стороны, главным терапевтическим средством, позволяющим справиться с растущими индивидуальными и коллективными рисками, а с другой, – ключевым источником целого ряда структурных противоречий, беспокоящих современное общество.

Наиболее подробно концепция Стернса представлена в книге «Консьюмеризм в мировой истории: глобальная трансформация желаний»⁴. Автор выделяет три этапа развития консьюмеризма: возникновение практик потребления в Англии XVII–XVIII вв., переход от производящей к консьюмеристской экономике в Европе и Америке XIX – первой половине XX в.; глобальная победа потребительской культуры во второй половине XX – начале XXI в.

Разумеется, до XVII в. (а во многих странах мира и до конца XX в.) уровень жизни разных социальных классов сильно отличался. Низшие слои постоянно балансировали на грани выживания, их нищета исключала возможность избыточного потребления и формирования соответствующей культуры. Высшие же сословия хотя и использовали элементы статусного потребления, никогда не рассматривали его как основу своей самоидентичности. При этом критика консьюмеризма и богатства была распространена во всех мировых религиях. Избыточное потребление в республиканском Риме, в арабском халифате и целом ряде других сообществ воспринималось как симптом деградации нравов.

В Великобритании XVII–XVIII вв. распространение консьюмеристских практик оказалось неразрывно связано с эмансипацией среднего класса, демографическим ростом (в 2 раза за вторую половину XVIII в.) и развитием секулярной городской культуры, использующей возможности колониальной империи в своих прагматических интересах. Именно колониальные товары – сахар, чай, кофе и хлопок – становятся объектами фетишизированного массового потребления, не связанного с прежними повседневными практиками. Торговля ими идет через магазины нового типа – с большими яркими витринами, широко использующими для своей рекламы газеты, модные журналы и распродажи, поддерживающими свой статус через привлечение «селебрити» и лидеров общественного мнения из высших классов, отпускающими товары в кредит и т.д. Позже по этой же схеме развивается массовая торговля часами, мебелью, парфюмом, фарфором и гастрономический консьюмеризм. С развитием торговли и соответствующей инфраструктуры были неразрывно связаны более глубокие трансформации ценностей и формирование сентименталистской (а затем и романтической) культуры, способствующей избыточному выражению чувств и ритуализации социальных связей. Консьюмеризм предлагал терапевтический ответ или своеобразную материальную компенсацию стремительных изменений жизни по-

⁴ Stearns 2006.

сле революционных событий, гражданских войн и промышленного переворота. Кроме того, он смягчал социальные противоречия между старой аристократией и «новой буржуазией», способствовал формированию новых идентичностей и «эмоциональных сообществ», поддерживал рост статуса женщины в новой сентименталистской культуре.

По образцу Великобритании в XIX – начале XX в. консьюмеризм стал активно распространяться сначала в США, Франции и других странах Западной и Центральной Европы, а чуть позднее – в России, Китае и Японии. Спецификой этого периода стало формирование экономики крупных торговых центров или пассажей, о которых писал в свое время В. Беньямин. Маркетинговые техники включают рассылку по почте каталогов товаров; крупные рекламные агентства делают ставку не на тексты, а на апеллирующие к эмоциям образы; используются все новейшие медиа (радио, кинематограф и телевидение); возникает индустрия туризма и т.д. Уже в 1920-е гг. рост консьюмеризма выходит за рамки среднего класса: появляются рестораны быстрого питания для рабочих; автомобильная культура, спорт и развлечения стирают жесткие границы между средним и низшим классами. Консьюмеризм активно использует секуляризацию праздников, каждый из которых требует теперь своих обязательных подарков. Потребление становится глобальным феноменом, что, впрочем, не исключает значимости его региональной специфики⁵. При этом терапевтический пафос консьюмеризма переходит с индивидуального на коллективный уровень: в условиях мирового экономического кризиса 1930-х гг. поддержка потребления становится главным способом оздоровления экономики. Производство превращается из цели в средство, обеспечивающее возможность получать удовольствие от новых развлечений. Антиконсьюмеристский дискурс в это время сохраняет свои позиции на уровне национальной государственной риторики, цель которой, впрочем, сводится скорее к контролю за потреблением в интересах властных элит.

Во второй половине XX – начале XXI в. попытки такого контроля и поиск альтернатив культуре потребления полностью исчезают. Даже в Китае или России вопрос об альтернативах консьюмеристской культуре сменяется обсуждением разных форматов потребления, сальдо от соотношения экспорта и импорта и т.д. Образцовым стилем жизни для большей части региональных элит оказывается по-прежнему «воображаемый Запад» и господствующий там стиль потребления. Культура консьюмеризма окончательно захватывает мир, контркультуры либо маргинализируются и исчезают, либо становятся сообществами стилизованного потребления товаров и симулякров. Частью этого мира оказываются также культурное наследие и историческая память: «Консьюмеризм подчинил искусство и память. <...> Особенно поразительным

⁵ Так, согласно Стернсу, уже с 1850-х особенностью развития консьюмеризма в России стал его антидемократический характер – апелляция исключительно к высшему классу, гегемония лакшери-товаров и центров торговли ими. Stearns 2006: 83-91.

стал рост посетителей музеев и туристических достопримечательностей»⁶. В постиндустриальном обществе консьюмеристская культура из «надстройки» над производством окончательно превращается в «базис», становится самоценной. Транснациональные торговые компании все больше влияют на политику, которая (как и медицина, образование и остальные сферы жизни) превращается в сферу услуг, в основе которой лежат не какие-либо ценности, но прагматичные маркетинговые интересы⁷. Однако противоречия и проблемы, связанные с консьюмеризмом, осознаются и вызывают серьезное недовольство даже у среднего класса сразу в нескольких аспектах. Во-первых, его экономический потенциал во многом кажется исчерпанным: сегодня 50% американцев не имеют накоплений, а США являются крупнейшей страной-должником⁸. Разрыв между доходами высшего и низшего класса растет во всем мире, поэтому былой терапевтический эффект сменяется растущим беспокойством: старая система еще работает, но теряет прежнюю эффективность. А поскольку альтернативы ей нет, то эта динамика вызывает очевидное социальное беспокойство, накладывающееся на разные иные проблемы (как глобальные, так и локальные).

Тем не менее, по мнению Стернса, консьюмеризм (за счет глобализации) по-прежнему способствует сохранению социальной мобильности. Культура потребления продолжает выполнять свою главную функцию: компенсирует происходящие изменения, смягчает разрыв между «пространством опыта» и «горизонтом ожидания», хотя все чаще использует при этом неолиберальное управление рисками⁹. Консьюмеризм не предполагает полной гомогенности, но делает различия предметом стилизации и коммерческой эксплуатации. Говоря о росте противоречий, провоцируемых консьюмеризмом, Стернс подчеркивает «двойную связь» [double bind]¹⁰ глобальной потребительской культуры с дискуссиями о ее ограничении. Сохранение неопределенности и противоречий становится системной задачей консьюмеристской культуры.

Кроме этого ключевого тезиса концепция П. Стернса интересна своим анализом длительной взаимосвязи процессов глобализации и становления общества потребления. Важно подчеркнуть также, что речь в ней идет не просто об «управленчестве» (различные варианты которого вызывают сегодня масштабные дискуссии), но о стремлении разных социальных групп к лучшему будущему. Поэтому в концепции П. Стернса принципиально важно не только прошлое (генеалогия консьюмеризма) и его справедливая критика в настоящем, но и поиск тех социальных сил, которые максимально заинтересованы в становлении этого неконсьюмеристского будущего.

⁶ Stearns 2006. P. 141.

⁷ Игаева 2020.

⁸ Stearns 2006. P. 142.

⁹ Воробьева, Николаи 2021.

¹⁰ Ионов 2014.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Stearns P. *Anxious Parents: A History of Modern Childrearing in America*. N.Y. and L.: New York University Press, 2003. 250 p.
- Stearns P. *Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire*. N.Y., L.: Routledge, 2006. 164 p.
- Stearns P.N. *Childhood in World History*. N.Y., L.: Routledge, 2021. 230 p.
- Артог Ф. Картины мира и представления о времени // Логос. 2021. № 5. С. 59-76. [Hartog F. *Visions of the world and representations of time* // Logos. 2021. No. 5. P. 59-76]
- Воробьева О.В., Николаи Ф.В. Неолиберальное управление рисками и вызовы эпохи антропоцена в оптике англоязычных исследований культуры // ЭНОЖ “История”. 2021. № 12-2 [Vorobieva O., Nikolai F. *Neoliberal risk management and challenges of the Anthropocene epoch in the optics of English-language cultural studies* // ISTORIYA. 2021. No. 12-2]
- Зверева Г.И., Репина Л.П. Социальная история и «новая историческая наука» в Великобритании // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 159-174. [Zvereva G.I., Repina L.P. *Social history and "new historical science" in Great Britain* // Modern and contemporary history. 1988. No 4. P. 159-174]
- Игаева К.В. Неолиберализм и общество потребления в оптике интеллектуальной истории и cultural studies // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 451-455. [Igaeva K. *Intellectual history and cultural studies of neoliberalism and the consumer society* // Dialog so vremenem. 2020. No 73. P. 451-455]
- Ионов И.Н. Связанная история: между двойной связкой и отрицательной обратной связью // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 194-218. [Ionov I.N. *Connected history: between the double bond and negative feedback* // Dialog so vremenem. 2014. No 46. P. 194-218]
- Козеллек Р. “Пространство опыта” и “горизонт ожиданий” – две исторические категории // Социология власти. 2016. № 2. С. 149-173 [Koselleck R. *“Space of experience” and “horizon of expectations” – two historical categories* // Sociology of Power. 2016. No 2. P. 149-173]
- Репина Л.П. Социальная история в историографии XX столетия. Курс лекций. М., 2001. 128 с. [Repina L.P. *Social history in the historiography of the XX century*. Moscow, 2001]
- Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в британской и американской медиэвистике // Одиссей: Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 167-181. [Repina L.P. *Social History and Historical Anthropology: Recent Trends in British and American Medieval Studies* // Odysseus: Man in History. M., 1990. P. 167-181].
- Игаева Ксения Владимировна**, преподаватель кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Мининский университет), Нижний Новгород; igaeva.ksenia@yandex.ru
- Мордвинов Александр Андреевич**, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета, Нижний Новгород; socgumngma@bk.ru

Social history of consumerism in the works of Peter Stearns

The article deals with the concept of consumerism by Peter Stearns. The stages of the formation of a consumer society and consumerist culture are analyzed. The social groups that initiated these changes are identified. The main contemporary contradictions of the consumer society are problematized: the exhaustion of its economic potential, the growing gap between incomes of upper and lower classes, the crisis of the “catch-up development” model, the subordination of the future to the interests of the present (presentism). An important part of the analysis of these contradictions by P. Stearns is their social aspect: identification of social groups that advocate the preservation of the consumer society or its limitation. It is proved that in contemporary society consumption becomes, on the one hand, the main therapeutic tool to cope with growing individual and collective risks, and on the other hand, a key source of a number of structural contradictions in the socio-cultural sphere.

Key words: social history, cultural studies, consumer society, double bind, presentism

Igaeva Ksenia, lecturer, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University); igaeva.ksenia@yandex.ru

Mordvinov Alexandr, PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod; socgumngma@bk.ru

А.В. АНТОЩЕНКО

«КАМЕНЬ БРОШЕН В ВОДУ, И КРУГИ БУДУТ ВСЕ ШИРЕ И ШИРЕ». ПИСЬМА А.В. КАРТАШЕВА Е.И. НОВИЦКОМУ. 1955 г.

Публикуются письма известного историка, богослова, государственного и общественного деятеля к его другу, переехавшему незадолго до этого из Франции в США. Письма хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета. Главное место в них отведено характеристике условий публикации книги А.В. Карташева «Воссоздание Святой Руси», что позволяет четко воспроизвести организационно-финансовый контекст ее выхода в свет. В предисловии к публикации отмечается важность для понимания замысла и значения содержания книги общественно-политического, церковно-религиозного и академического контекстов, лишь намеченных в письмах. Среди других тем корреспонденции, значимых для изучения истории Свято-Сергиевского богословского православного института и биографии А.В. Карташева, публикатор выделяет изменение состава учащихся в институте и его роль в подготовке священников для православных церквей, а также вакансии историка, использовавшиеся им для написания итоговых книг по истории Русской православной церкви и о Вселенских соборах. Особо отмечается мемориальное осмысление историком прошлого института, с которым оказалась неразрывно связанной его судьба в эмиграции.

Ключевые слова: *А.В. Карташев, Святая Русь, Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже.*

В 2021 г. исполнилось 65 лет со времени выхода в свет книги известного историка, религиозного мыслителя, государственного и общественного деятеля Антона Владимировича Карташева (1875–1960). На родине автора книга была опубликована намного позже – через 35 лет, но, тем не менее, вызвала интерес исследователей¹, который не ослабевает². Однако последние публикации показывают исчерпанность анализа текста книги без обращения к контекстам ее создания и публикации. Именно эта тема – подготовка и осуществление издания – находится в центре публикуемых ниже писем А.В. Карташева Евгению Исакиевичу Новицкому (1885–1979), который в конце 1940-х гг. перебрался из Франции в США и стал, как и его брат Георгий Исакиевич Новицкий (1889–1966), постоянным корреспондентом историка. Если организационно-редакционный и финансовый контексты издания книги подробно зафиксированы в письмах, то другие только намечены.

«Воссоздание Святой Руси» стала, по сути, итоговой книгой, обобщающей религиозно-историческую публицистику А.В. Карташева, центральной проблемой которой являлись взаимоотношения между церковью и государством. Сформулированный им еще до революции 1917 г. теократический идеал предполагал «симфонию» их отношений при свободе соборно самоуправляющейся церкви. После Второй мировой вой-

¹ Антощенко 1997; Сахаров 1998.

² Пешков, 2012; 2018.

ны этот идеал должен был служить обоснованию миссии эмиграции, силы которой, по мнению историка, следует по-прежнему направлять на освобождение родины от власти большевиков. Но такая непримиримая позиция, включавшая отказ от всяких соглашений с представителями Московской патриархии, «подъяремной» большевикам, как ему казалось, не вполне устраивала протестантских покровителей Свято-Сергиевского православного богословского института (далее – ССПБИ) (американцев, прежде всего, которые в послевоенный период значительно потеснили англичан в деле финансовой поддержки института). Понять причины его расхождений с «кураторами» ССПБИ в отношении к «Москве» и восприятия их Карташевым можно лишь обратившись к общественно-политическому контексту подготовки им книги, а значит – рассмотреть изменения как международной обстановки после войны и влияние такого изменения на положение российских эмигрантов в странах-реципиентах, так и состав и настроения российских эмигрантов, ряды которых пополнились представителями «ди-пеев», как называл их Карташев. Именно последних и их политических лидеров он хотел познакомиться со своим теократическим идеалом Святой Руси, основные черты которого уже были обнародованы им в статьях 1920–1930-х гг. Только с учетом этих обстоятельств можно будет понять и объяснить издательские «мытарства» автора, рукопись которого последовательно перемещалась от его коллеги и декана ССПБИ о. В. Зеньковского к «посевщикам», пока, наконец, не оказалась у В.И. Монаенкова.

Другой важный контекст, лишь обозначенный в письмах, – религиозно-церковный. Его разногласия с «карловчанами», которых он считал виновниками раскола в Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), не были преодолены после войны, хотя их позиции, казалось бы, сближало признание необходимости воссоздания сильной национальной державы после крушения большевистского режима. Напротив, молодое поколение эмигрантов, по мнению Карташева, утратило национальные корни, что возвращает нас не только к контексту религиозно-церковных взаимоотношений внутри эмиграции, но и к более узкому – академическому контексту. В «Академии», как по привычке называл ССПБИ Антон Владимирович, за годы войны произошли существенные изменения: старшее поколение «отцов-основателей» института изрядно поредело, и состав преподавателей пополнился за счет «детей», мировоззрение которых сложилось в эмиграции и имело явно выраженный космополитический характер. Этим обуславливалась для историка-богослова необходимость «размежевания» на страницах книги не только с идеологами из числа бывших «карловчан», но и с молодыми воспитанниками ССПБИ, уехавшими в США и ставшими преподавателями Свято-Владимирской духовной академии (далее – СВДА). Этот конфликт «отцов и детей» отчасти объясняет *post factum* уход Карташева с середины 1930-х гг. из числа участников другого его детища – Русского сту-

денческого христианского движения (далее – РСХД) – вследствие несогласия с игнорированием под влиянием Н.А. Бердяева национальной направленности в деятельности движения. Но национализм историка-богослова парадоксально, в духе пропагандируемого им Халкидонского догмата, сочетался с экуменизмом, о чем свидетельствует упоминание им в одном из писем о его выступлении на торжественном акте ССПБИ (оно было опубликовано не только по-русски, но и в переводе на английский язык), в котором давалась высокая оценка заслугам института в деле установления и развития контактов с инославными христианами.

Таким образом, публикуемые письма не только содержат новые данные, важные для понимания смысла и значения книги А.В. Карташева «Воссоздание Святой Руси», но также позволяют поставить вопросы, ответы на которые создадут основу для более адекватной оценки содержания ее идей.

Наряду с главной темой писем – подготовкой и изданием книги о Святой Руси – в них просматривается еще ряд тем. Вторая из них – академическая жизнь и увеличение среди обучающихся удельного веса греков, которые повышали авторитет ССПБИ на Востоке, содействовали улучшению его финансового положения, а главное – изучали русский язык, что создавало условия для овладения ими богатствами русской богословской мысли. В конечном итоге наблюдения за изменением состава учащихся в ССПБИ привели Карташева к выводу о превращении института в общеправославный русскоязычный образовательный центр.

Третья, хотя на первый взгляд малозаметная тема – вакации семьи Карташева в Ментоне, во время которых он писал «Очерки по истории Русской церкви», возможность для издания которых опять-таки была создана не без содействия братьев Новицких. Окрыленный успехом, Антон Владимирович всерьез задумался о подготовке издания «Вселенских соборов», ставших интеллектуальным завещанием историка и свидетельством его верности идеалам Русского религиозного возрождения.

Наконец, можно определить четвертую тему, связанную с реакцией на воспоминания о. Г. Шавельского. С одной стороны, она возвращает к уже упомянутому конфликту «отцов и детей», т.е. отчасти перекликается с одним из аспектов главной темы, объясняя причины непонимания выросшим за границей младшим поколением эмиграции старшего, изгнанного после революции 1917 г. из советской России большевиками. Но, с другой стороны, она имеет самостоятельное значение. Упомянутый в одном из писем юбилей Антона Владимировича вполне мог бы стать поводом для подведения итогов его исследовательской деятельности. Однако историк отказывался от пышных торжеств, стремясь прежде всего к завершению намеченного: в издаваемых книгах утвердить собственное понимание истории Русской православной церкви и даже Вселенских соборов, а также прошлого и миссии ССПБИ, да и, отчасти, своей жизни, ее смысла и значения.

Хотя А.В. Карташев не оставил полноценных мемуаров, а только краткую автобиографию³, в последние годы жизни он издал ряд воспоминаний. Прежде всего, это дань памяти о его учителе В.В. Болотове⁴ и коллеге о. Сергии Булгакове⁵. Мемуарный характер носили написанные им главы книги об истории ССПБИ, изданные лишь частично: вскоре после его смерти – о создании института⁶, а потом, много позже – о жизни института во время Второй мировой войны⁷, наконец, совсем недавно в печати появились выдержки из его главы о работе комиссии по софиологии о. С. Булгакова⁸. Ждут своего часа еще как минимум две части, упомянутые в его письмах к Г.И. Новицкому – о конфликтах, связанных с именами В.Н. Ильина и Г.П. Федотова. В отличие от характерного для юбилейных сборников «парадного портрета» института, Карташев создавал реальный, неприукрашенный образ, при воспроизведении которого важное место отводилось разногласиям между профессорами ССПБИ, что делало его характеристики особенно «живыми».

Публикуемые письма хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в коллекции бумаг Г.И. Новицкого⁹. Текст писем приведен в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации. Сокращенные слова расшифровываются в квадратных скобках. Публикатор выражает благодарность Тане Чеботаревой за помощь во время работы с материалами коллекции.

1.

3 апр[еля] 1955.

Дорогой Евгений Исакиевич,

Спасибо Вам за выдвижение на очередь вопроса о помощи к напечатанию моей книжки «Воссоздание Св[ятой] Руси». Пишу одновременно и Вам и Г[еоргию] Ис[акиевичу]¹⁰ о мытарствах этой давно написанной книжки. Чего было бы проще ей давно появиться в изд[ательстве] YMCA¹¹? Но Андерсону¹² и Лау-

³ Автобиография 1960.

⁴ Карташев 1950.

⁵ Карташев 1951.

⁶ Карташев 1964–1965.

⁷ Карташев 2010.

⁸ Клементьев 2019: 304, 305–306, 308, 309, 311, 313.

⁹ Rare Book & Manuscript Library of Columbia University. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture. Georgii Isakievich Novitskii Papers, 1937–1967. Series I: Correspondence. Box 1. Folder: Kartashev, Anton Vladimirovich Roquebrune, France & n.p., 1955 to Evgenii Isakievich Novitskii 9 a.l.s.

¹⁰ Новицкий Георгий Исакиевич (1889–1966) – инженер-электрик, общественный деятель. В 1920-х гг. эмигрировал в США. Один из основателей, позднее председатель Общества друзей ССПБИ в Париже и Русского православного богословского фонда. Брат Е.И. Новицкого. Упомянутое письмо опубликовано: Антощенко 2019: 297–298.

¹¹ YMCA (сокр. англ.: Young Men's Christian Association – Молодежная христианская ассоциация) – волонтерская организация, основанная в Лондоне в 1844 г. Издательство ИМКА-Пресс (YMCA-Press или YMCA Press Publishing House) было создано в 1921 г. в Праге, в 1923 г. переехало в Берлин, а с 1925 г. находилось в Париже. На период оккупации столицы Франции оно приостановило свою деятельность, но в 1944 г. было воссоздано благодаря усилиям И.В. Морозова (1919–1978).

ри¹³ я кажусь «реакционером». О[тец] Вас[илий] Зеньк[овск]ий¹⁴ взял в свое изд[ательств]о «Рел[игиозно]-педаг[огического] комитета», но его издатель, крещенный им Б.Ю. Физ¹⁵, положил барьер пред Св[ятой] Русью. «Посевщики» пообещали поставить книжку в хвост ожидания очереди. Но все-таки выразили пожелание сократить полемический элемент, т.е. обединить и окопить книжку.

Совершенно случайно возревновал один из «послушников» Мельгунов¹⁶ казак Монаенков (Владим[ир] Иван[ови]ч)¹⁷ (Mr. V. Monaënkoff. 191, rue Croix Nivert Paris XV). Сосватал еп[ископа] Сильвестра¹⁸ во главу изд[ательско]го комитета и объявил в «Рус[ской] м[ысли]»¹⁹ подписку на издание. Цена объявлена в 700 frs. Количество экз[емпляров] не знаю какое, смотря по средствам. Я уверен, что и 500 экз[емпляров] разойдется. Что касается предполагаемого расхода на издание, так я не могу дать точн[ых] указаний, как, я думаю, и еп[ископ] Сильвестр. Единственный прожектор – это Монаенков. Я прошу еп[ископа] Сильвестра – «дать приказ» Монаенкову представить проект сметы. В Париже, как все говорят, печатать дешевле, чем у вас в Америке, а в Германии еще дешевле, чем во Франции.

Книжка, если измерять ее образцом книжек Чехов[ско]го изд[ательств]а²⁰, будет в 250, едва ли в 275 стр[аниц].

В нашей академ[ическ]ой жизни сейчас первую роль играют греки и главное – не младшие, начинающие, а старшие, уже профессорские стипендиаты, приехавшие получать уч[еные] степени. Заинтересованы русским языком и рус-

¹² Андерсон Павел Францевич (Anderson Paul) (1894–1984) – американский миссионер, пресвитерианин, сотрудник американского отделения YMCA, активно помогал ССПБИ.

¹³ Лаури Дональд Иванович (Lowrie Donald Alexander) (1899–1974) – доктор богословия, деятель YMCA. Руководил издательством «YMCA-Press» (1944–1952). Оказывал помощь ССПБИ.

¹⁴ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) – протопресвитер в юрисдикции Западноевропейского экзархата русских приходов Константинопольского патриарха, богослов и педагог, с 1927 г. профессор ССПБИ.

¹⁵ Физ (Fize) Борис Юльевич (1904–1978) – предприниматель, эмигрировал с родителями в Германию, с 1923 г. жил во Франции, во второй половине 1940-х гг. член совета РСХД.

¹⁶ Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956) – публицист, общественно-политический деятель, издатель. Возглавлял «Союз борьбы за свободу России» (1946–1956). Редактировал журналы «Свободный голос» (1946–1957) и «Возрождение» (1949–1954). Председатель Координационного центра антибольшевистской борьбы (с 1953). А.В. Каргашев поддерживал программу Союза и публиковался в его изданиях, но с 1951 г. прекратил сотрудничество.

¹⁷ Монаенков Владимир Иванович (1898–1979) – юрист, общественный деятель, участник Гражданской войны. В 1930-е гг. председатель Объединения русских адвокатов в Париже, с 1946 г. член ревизионной комиссии Союза русских писателей и журналистов.

¹⁸ Сильвестр (Харунс Иоанн Антонович, 1914–2000) – архиепископ, выпускник ССПБИ (1938), редактор епархиального журнала «Церковный вестник» (1951–1956).

¹⁹ «Русская мысль» (La Pensée Russe) – газета, основанная в 1947 г. и выходившая в это время в Париже два раза в неделю как орган русских секций Французской конфедерации тружеников-христиан под ред. В. А. Лазаревского.

²⁰ «Издательство имени Чехова» (Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc.) – нью-йоркское издательство русскоязычной литературы (1952–1956).

[ской] богосл[овской] наукой. Это наше большое достижение. Эти греки делают нам рекламу в греч[еском] мире (в К[онстантинопо]ле, Афинах, Фессалониках).

Академ[ическ]ая жизнь течет оживленно. Но это поглощает все время и силы. Мечтаю о «рае на земле», о тех месяцах вакаций в Ментоне, где пишу свой курс²¹. Теперь уже больше половины закончено. Окрыляет надежда на окончание.

От нас с П[авлой] П[олуэкто]вой²² привет и наилучшие благопожелания.

Ваш А. Карташев.

2.

1 мая 1955.

Дорогой Евгений Исакиевич,

Письмо Ваше от 24.IV давно получили. Пользуюсь воскресеньем, чтобы черкнуть Вам благодарность за добрый отклик на мои затруднения с печатанием. Другие легко, как шарик, катаются со всем их внежизненным благочестием. Но вот – начать оправдывать, хотя бы только в истории, ненавистный американцам теократический союз церкви с христианским государством – это «чуждое лице реакции». «Оскопленное» от государства и политики православие пусть разливается широкой рекой. Но православие, претендующее занять активную позицию в нации, в государстве, в политике, в общественности и всей культуре это – ни, ни! Это «старый режим», реакция. Я – носитель такой реакции.

Даже о нашей «Истории Академии», главная часть которой написана мной, сказано, что она «никогда не будет напечатана»²³.

Сделаем попытку как-ниб[удь] кустарно печататься. Спасибо за совет обратиться за сметно-техническим советом к В.А. Маевскому²⁴. Напишу ему.

Календарь, отредактированный Г[еоргием] Ис[акиевичем], до нас не дошел. Мы его здесь еще не видели.

Последний № «Церк[овного] вестн[ика]» с рецензией о[тца] Кипр[иана]²⁵ на книгу о[тца] Г. Шав[ельского]²⁶ я Вам вскоре куплю и вышлю. Мой где-то «зачитали». О[тец] Кипр[иан] отражает впечатления «светских» людей. Они «подготовной» церковного быта никогда не знали. А мы, семинаристы и «кутейники», ее выносили в себе, выстрадали. О[тец] Георгий отражает это глубокое интимное самопознание духовенства, как сословия. Мы современники с о[тцом] Георгием по Академии. Ручаюсь, что 95 % профессуры и студенчества того времени были совершенно единомысленны, а главное – «единочувственны» с о[тцом] Георгием.

Сердечно Ваш А. Карташев.

П[авла] П[олуэкто]ва присоединяет свой привет к сему.

²¹ Имелись в виду «Очерки по истории Русской Церкви».

²² Карташева (Соболева) Павла Полуэктова (1889–1969) – жена А.В. Карташева.

²³ Очевидно, Д.И. Лаури предпочел опубликовать к юбилею собственный очерк истории ССПБИ, выдержанный в традиционном юбилейном стиле с характеристикой достижений и успехов (Lowrie 1954). О судьбе рукописи Карташева см. предисловие.

²⁴ Маевский Владислав (Владимир) Альбинович (1893–1975) – писатель, участник белого движения, окончил богословский факультет Белградского университета (1931), с конца 1940-х гг. жил в США, преподавал в Свято-Тихоновской семинарии в Саут-Ханаан (Пенсильвания).

²⁵ См.: Киприан (Керн) 1955.

²⁶ Упомянулась книга: Шавельский 1954. Шавельский Георгий Иванович (1871–1951) – священнослужитель Православной российской церкви, член Святейшего синода (1915–1917). Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1902). После эмиграции состоял в клире РПЦЗ, в 1926 г. перешел в Болгарскую православную церковь.

3.

17. V. 1955.

Дорогой Евгений Исакиевич,

Не успел я откликнуться на Ваше письмо от 11.V как подоспело новое – от 14.V. Спасибо за дух поднимающие известия. Начинаю верить в возможность «поднять» предприятие печатания, если его перенести в Аргентину. Буду говорить об этом с инициаторами. В.А. Маевский может быть «свотом», чтобы сговориться с типографией.

О книге о[тца] Георгия есть рецензия в последней кн[иге] «Вестника Русского Студ[енческого] Хр[истианского] Дв[ижения]» нашего доцента Мейендорфа²⁷. Тон ее совпадает с тоном о[тца] Киприана. Это исторически естественно и неизбежно. Мы понимаем о[тца] Георгия – он воскрешает наши общины «тогдашние» оценки. А новому поколению они эмоционально чужды. Я свой № «Вест[ника]» послал Г[еоргию] Ис[акиевичу]. Это повторение в богослов[ской] среде вечных тургеневских «отцов и детей». Страдания о[тца] А[лександра] Шм[емана] от Флор[овско]го²⁸ есть доказательство слепоты «детей», оттолкнувшихся от «отцов» и поставивших ставку на «своего» лидера. Ну, и нашли «фрукта»!

Такого рода «засилия» и «анархии» в епархиях от безвластия глав: у вас м[итрополит] Леонтий²⁹, у нас м[итрополит] Вл[адимир]³⁰. Власть «беспризорна» и рычаги ее захватывают командиры-любители...

Сердечный привет от нас обоих. А. Карташев.

4.

29. VII. 1955. Villa Enrico Av. Fr. Monléon Roquebrune (A. M.)

Дорогой Евгений Исакиевич,

Горячо благодарю Вас за теплые слова приветствия с моим «опасным» юбилеем. Но субъективно я заряжен большими планами на две «пятилетки» по крайней мере. Одоление моей болезни ног (хронической с 1930 г.) тяжело обострившейся в прошедшем учеб[ном] году (с июня 1954 г. в К[онстантино]пле), и для меня – почти чудо – и оч[ень] подымает мое настроение и вдохновляет.

Прошу простить меня за то обременение, какое пало и на Вас с хлопотами по сбору денег на печатание. Но что делать? Я между Сциллой и Харибдой. Для Карповича³¹ и К^о я неприемлем по моей «ультра-церковности», а для YMCA по моей «ультра-политичности». Легче катиться шариком посерединке между всеми,

²⁷ См.: Мейендорф 1955. Мейендорф Иван (Иоанн) Феофилович (1926–1992) – богослов, патролог, выпускник ССПБИ, ученик А.В. Карташева.

²⁸ Упомянулся конфликт между ними, вызванный разным пониманием перспектив развития СВДА, куда о. Александр Шмеман был приглашен о. Георгием Флоровским. Условия переезда и последующего конфликта ярко отражены в переписке между ними. См.: Прот. Александр Шмеман, прот. Георгий Флоровский 2019.

²⁹ Леонтий (Туркевич Леонид Иеронимович) (1876–1965) – митрополит всей Америки и Канады (1950–1965).

³⁰ Владимир (Тихоничий Вячеслав Михайлович) (1873–1959) – епископ Константинопольской православной церкви, экзарх Западноевропейского Экзархата русских православных приходов (1946).

³¹ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – историк, публицист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1923 г. жил в Нью-Йорке. Преподаватель, впоследствии профессор русской истории в Гарвардском университете (1927–1957), один из основателей и редакторов «Нового журнала». Очевидно, что под К^о подразумевался прежде всего Б. А. Бахметьев, возглавлявший Гуманитарный фонд, субсидировавший в том числе и издания научного характера.

никого не задевая... Нет, вставание России на ноги не может пройти по комфортабельной программе, предписываемой ей извне мировыми демократиями.

А моя юбилейная речь³² оч[ень] понравилась в Женеве. Сам (!) Visser't Hooff³³ «сблаговолит» написать мне предложение напечатать и в англ[ийском] переводе в их Ecumenical Review³⁴.

Я радуюсь за повышение Андроника³⁵ на место, где он способен показать свои силы и вдохновение. Лука³⁶ был человек без горизонтов.

Желаю Вам иметь свои вакации для подкрепления и оживления. Человек – не машина.

Сердечно Ваш А. Карташев.

5.

5. IX. 1955. Roquebrune (A. M.)

Дорогой Евгений Исакиевич,

Спасибо за Ваше горячее содействие к появлению моей «боевой» книжки.

Получил с Вашим именинным поздравлением вместе и чек на 100 д[олларов]. На днях поеду в Ниццу реализовывать его. Но еп[ископа] Сильвестра и Монаенкова «для вдохновения» известил о получении немедленно. Все в летних разъездах. Мон[аенк]ов только что вернулся из месячной служебной командировки. Еп[ископ] Сильвестр пока в объезде итальянских приходо́в (С[ан]-Ремо, Милан, Миран, Флор[ен]ция, Бари). У Сильвестра есть связи для понижения цены в типогр[афии] Navate. Рукопись я уже послал Мон[аенко]ву для уточнения расчетов.

Есть еще другая евр[опейская] типогр[афия] на Faub[ourg] d[u] Temple: «Imp[ri]merie Coopérative “Étoile”». Если значит[ельно] дешевле, мож[ет] б[ыть] сговоримся и с ней.

Первоначальная смета Navate на 1200 экз[эмпляров] (на 356.000 печатн[ых] знаков) была 340.000 frs.

Не удивляюсь, что предврит[ельная] подписка идет с трудом. Это вообще и всегда трудно. На эту трудность и рассчитан отказ печатать тех, кому казалось бы естественно издать книжку. Но я верю и вижу теперь, что после трехлетнего саботажа книжка родится на свет³⁷. Огорчу я этим наших американо-женевских кормильцев. Но истина и трагедия России и Рус[ской] ц[ерк]ви важнее всяких «выгод». В РСХД³⁸ и во всей молодой части нашей Академии уже сформировалось целое мировоззрение, отрешенное «в своем православии» от всякой связи с

³² См.: Карташев 1955.

³³ Виссер'т Хуфт (Visser't Hooff) Виллем Адольф (1900–1985) – деятель экуменического движения, основатель и генеральный секретарь Всемирного совета церквей (далее – ВСЦ) (1948–1965).

³⁴ См.: Kartachoff 1955. «Ecumenical Review» – богословский ежеквартальный журнал, издаваемый ВСЦ с 1948 г.

³⁵ Андроник (Эльпидинский Андрей Яковлевич) (1894–1959) – архимандрит, миссионер, выпускник Олонецкой семинарии и ССПБИ, участник РСХД, направлен миссионером в Индию, с 1949 г. в США, преподавал в Свято-Тихоновской семинарии в Саут-Ханаан (Пенсильвания), наместник Свято-Тихоновского монастыря.

³⁶ Лука (Родионов Виктор Вячеславович) (1901 – нач. 1950-х) – игумен, с 1951 г. в США, духовник Свято-Тихоновского монастыря.

³⁷ Впервые о подготовке публикации брошюры было объявлено в 1953 г. См.: Спасский 1953: 166.

³⁸ РСХД – организация христианской молодежи, возрожденное в эмиграции в 1923 г. А.В. Карташев участвовал в организационном съезде движения в г. Пшеров (Чехословакия), а в последующем принимал участие в общедвиженческих съездах и в работе французской секции, хотя и не систематически.

восстановлением российской государственности. Якобы это чуждая православии «политика»... Россия все равно восстанет в «грозе и буре» и восстановится помимо этих скопцов.

К стыду нашему примитивные «карловчане» в этом вопросе – простецкие «мудрецы». При случае передайте мой поклон о[тцу] Вас[илию] Мусину-Пушкину³⁹.

От меня и П[авлы] П[олуэкто]ны Вам сердечный привет.

Ваш А. Карташев.

6.

15. X (2. X) 1955. Серг[иевское] Подворье

Дорогой Евгений Исакиевич,

До сих пор я не мог Вам написать ничего определенного. Ваш перевод 100 \$ я, конечно, получил и кратко Вам об этом черкнул. Ваша сумма в 35.000 frs. была оч[ень] высокой, чтобы уже связаться с типографией. Но все были разделены вакациями (и еп[ископ] Сильвестр, и я, и Монаенков). Теперь типография Étoile избрана. Я выбрал шрифт. Завтра Мон[аен]ков будет у еп[ископа] С[ильвестра] и пригласит его в типо[гра]фию подписать соглашение. Есть надежда, что напечатают скоро, без проволочек.

Горячо благодарю Вас за эту благовременную помощь. Горько и парадоксально, что издание моей книжки требует необычных «жертв», тогда как у других это – прямой «доход» и издателю, и даже самому автору. Такова сила масонской организованности против свободы совести и слова...

Слава Богу, преодолел я и другую грозившую мне неприятность. Ультимативно потребовал, чтобы никакого празднования моего 80-летия не было. Это было бы фальшиво, а для меня нестерпимо мучительно. Моя биография растрепана с юности бурями революции. В этих бурях я жил и поступал по совести, не скрываясь в кабинете за обывательскими спинами. Это дает мне внутреннюю нравственную удовлетворенность...

Слава Богу, я еще в силах завершить и мои курсы не только по русской, но и древней истории церкви, и они еще на столетия пригодятся нашей настоящей и будущей духовной школе. Ведь после последнего IV-го тома проф[ессора] Доброклонского (1894 г.)⁴⁰ и II-го тома Голубинского (1900 г.)⁴¹ ист[ория] Рус[ской] ц[ерк]ви еще не имела и не имеет ни одного нового курса. Как бы ни был скромен мой курс (в 4-х томиках), он заполняет полстолетнюю зияющую пустоту и утолит школьный голод.

Сердечный привет от нас обоих.

А. Карташев

7.

11. XI. 1955.

Дорогой Евгений Исакиевич,

На Ваше письмо от 29/X не откликнулся, пока не дождался факта: книжка моя набрана уже на ¾ ее текста. Еп[ископ] Сильвестр подписал контракт с типографией «Étoile». Я молниеносно все прокорректировал. Жду конца набора. Затем прокорректирую все в верстке. Не могу предсказать, будут ли и впредь

³⁹ Мусин-Пушкин Василий Владимирович (1894–1959) – участник белого движения, в эмиграции в США, священник РПЦЗ (1942), протоиерей (1948), настоятель храма-памятника св. Владимира в Касвилле (Нью-Джерси) (1951–1959).

⁴⁰ Доброклонский Александр Павлович (1856–1937) – историк церкви. Упоминалась его книга: Доброклонский 1893.

⁴¹ Голубинский Евгений Евсигнеевич (1834–1912) – историк церкви. Упоминалась его книга: Голубинский 1900.

они быстро работать. Но, если мне скажут, что они все напечатают и сброшюруют к западному рождеству, поверю. Одна треть типографии уже уплачена. На одну треть цены (экземпляров 200) уплатит магазин YMCA-Press. Так стоворился еп[ископ] Сильвестр с Крутиковым⁴², на последнюю треть (как говорят еп[ископ] С[ильвестр] и Монаенков) они получают кредит от книгопродавцев. Так «товар» будет выкуплен у типографии. Дай Бог. Будем верить.

А это хорошо, что у вас отпраздновали 30-летие нашей Академии и «под шумок» туда втолкнули и мое 80-летие. Приличное прикрытие.

Георгий Ис[акиевич] мне еще ничего не писал и никакого вопроса о переводе денег не подымал. И не задавайте этого вопроса, ибо выход книжки, как уверяет меня еп[ископ] С[ильвестр], должен осуществляться по установленному плану.

Учебный год начался. Все наши стипендии нарасхват. Есть новые – трое из Германии, из Карлов[ацкой] юрисдикции, один чистый немец. Греков целое стадо. Идет усиленное изучение русского языка.

Швейцарский центр урезал наш бюджет на 1 ½ милл[иона] фр[анков]. Ухаживаем за греками. Но их погром в К[онстантинопо]ле⁴³ отвлек на себя поток жертвователей. Нам трудно надеяться на прежнюю помощь.

Только что сегодня вечером вернулся наш хор из 20-тидневной поездки в Англию с концертами⁴⁴. Сборы, кажется, невелики. Сердца британцев открыты в сторону патр[иарха] Алексея⁴⁵...

Пишущая машинка наша после 33^х лет работы одряхла. Подумываем о новой, итальянской фирмы, она дешевле других. От меня и П[авлы] П[олуэкт]ны сердечное пожелание бодрости и процветания.

Ваш А. Карташев.

8.

4. XII. 1955.

Дорогой Евгений Исакиевич,

На Ваше последнее письмо от 30/XI не мог сразу откликнуться: на целую неделю загнал меня в постель оч[ень] острый грипп с темп[ературой] выше +39. Едва очнулся... Начинаю возвращаться к быстро накопившимся «делам».

Сегодня приходил ко мне на дом русский фотограф. Снял меня для книжки. Еп[ископ] Сильвестр захотел украсить портретом 100 экзмпл[яров] на лучшей бумаге. Кажется еп[ископ] Сил[ьвестр] легко стоворился с YMCA-им бухгалтером Крутиковым о предоставлении всего товара им в распродажу. Так что и Вам, мож[ет] б[ыть], излишне этим обременять себя.

А саботаж Лаури кончился под влиянием другого «приказа», пришедшего к нему от Андерсона: приступить к печатанию моих лекций по ист[ории] Рус[ской] ц[еркви]. А на это раскачал Андерсона ни кто другой, как Георгий Ис[акиевич]⁴⁶. Так вот и все задвигалось...

⁴² Крутиков Борис Михайлович (1884–1968) – сотрудник и директор (1958) издательства YMCA-Press.

⁴³ Упоминались события 6–7 сентября 1955 г. – т.н. «стамбульский погром», в ходе которого по официальным данным погибло от 13 до 16 греков (в т.ч. два священника), были сожжены многие здания, разрушены церкви и осквернены кладбища.

⁴⁴ Хор студентов ССПБИ под руководством И.К. Денисова неоднократно совершал концертные поездки, которые знакомил слушателей с православным церковным пением и приносил определенный доход.

⁴⁵ Алексей I (Симанский Сергей Владимирович) (1877–1970) – патриарх Московский и всея Руси (1945).

⁴⁶ См.: Антощенко 2019: 302.

О деньгах, как их переводить, Г[еоргий] И[сакиевич] мне никогда не писал. Да и бесполезно: я в этих делах невежда, ничего бы дельного не мог ему подсказать. Поэтому и Вы не воскрешайте этого вопроса.

Я написал бы Мих[аилу] Петр[овичу] Долгорукову⁴⁷ соболезнование, но не знаю адреса. Хорошо, если при случае, узнаете и сообщите мне.

Привет Вам от нас обоих с П[авлой] П[олуэктов]ной и Мстиславом⁴⁸.

Сердечно Ваш А. Карташев.

9.

14. XII. [19]55.

Дорогой Евгений Исакиевич,

Откликаюсь на Ваше последнее послание от 7.XII. Восстав от одра болезни (краткий, но свирепый грипп, унесший много сил), едва успеваю в текущих делах.

Мож[ет] быть теперь и Вы меня опередили, т.е. получили уже экземпляры моей книжки. Прилагаю еще сделанную в связи с этим фотографию у меня на дому. Я только что в первый раз оделся после клинического положения. На лице – печать усталости. Обычно я бодрее и живее.

Спасибо еп[ископу] Сильвестру. Он снял с меня большое бремя материальных и технических хлопот.

И велика заслуга Георгия Ис[акиевича] по другому вопросу – печатание моего курса. Он «расколдовал» сердце Андерсона, и тот дал приказ Лаури. Последний покорился, и дело задвигалось. Сегодня Лаури у меня был. Выбрали шрифт. Лаури уже третий раз меня интервьюировал о прошлом, о юности Бердяева⁴⁹. Хочет написать о нем панегирик⁵⁰.

Хорошо, что спрашиваемые еп[ископом] Сильвестром дополнит[ельные] 100 долл[аров] не страшат Г[еоргия] Ис[акиевича]. Еп[ископ] Сил[вестр] – оптимист в смысле возврата денег через продажу. И у меня не угасает надежда, что, мож[ет] б[ыть], через год можно будет хотя [бы] часть вернуть великодушным американским друзьям-жертвователям.

Имейте в виду, что вторая половина моей книжки полемическая. Трехлетнее лежание ее без напечатания породило неприличные выходки против меня нашего заносчивого молодого богословенного поколения, на которые я должен по совети (чтобы и не поощрять разложения) отрезвляюще и смиряюще возразить. Яйца курицу не учат...

Я считаю полезной, оздоравливающей бросаемую мной бомбу.

Камень брошен в воду, и круги будут все шире и шире.

Спасибо Вам.

Ваши А.+П. Карташевы

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Автобиография Антона Владимировича Карташева (1875–1960) // Вестник РСХД. 1960. № 58–59. С. 57–61 [Avtobiografiya Antona Vladimirovicha Kartasheva (1875–1960) // Vestnik RSKhD. 1960. № 58–59. S. 57–61.].
- Антощенко А.В. Об эволюции теократического идеала А.В. Карташева // Вече. 1997. № 9. С. 71–86 [Antoshchenko A. V. Ob evolyutsii teokraticeskogo ideala A.V. Kartasheva // Veche. 1997. № 9. S. 71–86.].

⁴⁷ Долгоруков Михаил Петрович (1907–1993) – сын Петра Дмитриевича Долгорукова (1866–1951) и Антонины Михайловны Долгоруковой (1883–1955), скончавшейся незадолго до этого – 27 ноября.

⁴⁸ Карташев Мстислав Антонович – сын А. В. и П. П. Карташевых.

⁴⁹ Карташев был знаком с Бердяевым еще со времен своего вхождения в «общину Мережковских» в начале XX в.

⁵⁰ См.: Lowrie 1960.

- Антощенко А.В. «Я отмежевываюсь от эмигрантского “аполитизма”» // Письма А.В. Карташева Г.И. Новицкому. 1954–1955 гг. // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2019. № 3. С. 294–304 [Antoshchenko A. V. «Ya otmezhevuyavus’ ot emigrantskogo “apolitizma”». Pis’ma A. V. Katasheva G. I. Novitskomu. 1954–1955 gg. // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». № 3. S. 294–304.].
- Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 2. М.: Унив. тип., 1900. 319 с. [Golubinskii E.E. Istoriya Russkoi Tserkvi. T. 2. Moskva: Universitetskaya tipografiya, 319 s.].
- Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви. Вып. 4: Синодальный период, 1700–1890 гг. М.: Унив. тип., 1893. 306 с. [Dobroklonskii A.P. Rukovodstvo po istorii russkoi tserkvi. Вып. 4: Sinodal’nyi period, 1700–1890 gg. Moskva: Univ. tip., 1893. 306 s.].
- Карташев А.В. Священник памяти В. В. Болотова († 5–IV–1900г.) // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1950. № 3. С. 4–8. [Kartashev A.V. Svyashchennoi pamatyati V.V. Bolotova († 5–IV–1900 r.) // Tserkovnyi vestnik Zapadno-Evropeiskogo Pravoslavnogo Ekzarkhata. 1950. № 3. S. 4–8.].
- Карташев А.В. Мои ранние встречи с о. Сергием Булгаковым // Православная мысль. 1951. Вып. VIII. С. 47–55 [Kartashev A.V. Moi rannie vstrechi s o. Sergiem Bulgakovym // Pravoslavnaya mysl’. 1951. Вып. VIII. S. 47–55.].
- Карташев А.В. Экуменическое служение нашей академии // Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. 1955. № 4. С. 3–7 [Kartashev A.V. Ekumenicheskoe sluzhenie nashei akademii // Tserkovnyi vestnik Zapadno-Evropeiskogo Pravoslavnogo Russkogo Ekzarkhata. 1955. № 4. S. 3–7.].
- Карташев А.В. Как создался Православный Богословский Институт в Париже // Вестник РСХД. 1964–IV. 1965–I. № 75–76. С. 4–18 [Kartashev A.V. Kak sozdavalsya Pravoslavnyi Bogoslovskii Institut v Parizhe // Vestnik RSKhD. 1964–1965. № 75–76. S. 4–18.].
- Карташев А.В. Бремя войны. Из истории Богословского института (1939–1946) // Вестник РХД. 2010. № 196. С. 240–254 [Kartashev A.V. Bremya voyny. Iz istorii bogoslovskogo instituta // Vestnik RKhD. 2010. № 196. S. 240–254.].
- Киприан (Керн), архим. Протопресвитер Г. Шавельский. «Воспоминания последнего Протопресвитера Русской Армии и Флота». Нью-Йорк. (Издательство имени Чехова). 1954 г. Т. I, стр. 414; том II, стр. 512 // Церковный вестник. Париж, 1955. № 2 (53). С. 20–25 [Kiprian (Kern). [Rev.] Protopresviter G. Shavel’skii. “Vospominaniya poslednego Protopresvitera Russkoi Armii i Flota”. New-York. (Izdatel’stvo imeni Chekhova). 1954 g. T. I, str. 414; tom II, str. 512 // Tserkovnyi Vestnik. 1955. № 2 (53). S. 20–25.].
- Клементьев А.К. Материалы к истории полемики о творчестве профессора протоиерея Сергия Николаевича Булгакова (1924–1937 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. Вып. 2 (26). С. 275–370 [Klement’ev A. K. Materialy k istorii polemiki o tvorchestve professora protoiereya Sergiya Nikolaevicha Bulgakova (1924–1937 gg.) // Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii. 2019. Вып. 2 (26). S. 275–370.].
- Мейендорф И. [Рец.] о Шавельский. Воспоминания // Вестник РСХД. 1955. № 36. С. 39–40 [Meiyendorff I. [Rev.] O. Shavel’skii. Vospominaniya // Vestnik RSKhD. 1955. № 36. S. 39–40.].
- Пешков А.А. Концепция «Святой Руси» в творчестве А.В. Карташева // XXI Рождественские православно-философские чтения. Русская православная церковь и отечественная государственность / науч. ред. З.Е. Колодина, Е.Б. Терехова. Н. Новгород: Поволжье, 2012. С. 182–187 [Peshkov A.A. Kontseptsiya «Sviatoi Rusi» v tvorchestve A.V. Kartasheva // XXI Rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniya. Russkaya pravoslavnaya tserkov’ i otechestvennaya gosudarstvennost’ / nauch. red. Z.E. Kolodina, E.B. Terekhova. Nizhnii Novgorod: Povolzh’e, 2012. S. 182–187.].
- Пешков А.А. Теократическая миссия Церкви в современном обществе в идее «Возрождения Святой Руси» А. В. Карташева // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2018. № 16. С. 435–447 [Peshkov A.A. Teokraticheskaya missiya Tserkvi v sovremennom obshchestve v idee «Vozrozhdeniya Svyatoi Rusi» A. V. Kartasheva // Trudy Nizhegorodskoi Dukhovnoi seminarii. 2018. № 16. S. 435–447.].
- Прот. Александр Шмеман. Прот. Георгий Флоровский: Письма 1947–1955 годов / сост., пред. П. Л. Гаврилюк. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 448 с. [Prot. Aleksandr Shmeman. Prot. Georgii Florovskii: Pis’ma 1947–1955 godov / sost., pred. P. L. Gavriilyuk. Moskva: Izd-vo PSTGU, 2019. 448 p.].
- Сахаров А. М. Апостол истории «Святой Руси» (Антон Владимирович Карташев) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 89–107 [Sakharov A. M. Apostol istorii «Svyatoi Rusi» (Anton Vladimirovich Kartashev) // Otechestvennaya istoriya. 1998. № 5. S. 89–107.].

- Спаский Ф. Г. Краткая летопись академической жизни (за 1949–1952 гг.) // Православная мысль. 1953. Вып. IX. С. 163–166 [Spasskii F. G. Kratkaya letopis' akademicheskoi zhizni (za 1949–1952 gg.) // Pravoslavnaia mysl'. 1953. Vyp. IX. S. 163–166.].
- Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2-х тт. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. 414+512 с. [Shavel'skii G.I. Vospominaniya poslednego Protopresvitera Russkoi Armii i Flota. New-York: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1954. V 2-kh tt. 414+512 s.].
- Kartachoff A. Orthodox theology and ecumenical movement // Ecumenical Review. 1955. Vol. 8. No. 1. P. 30–35.
- Lowrie D.A. Saint Sergius in Paris. The Orthodox Theological Institute. L.: SPCK, 1954. 119 p.
- Lowrie D.A. Rebellious prophet: A life of Nicolai Berdyaev. N.Y.: Harper & Bros., 1960. 310 p.
- Petro N.N. Challenge of the «Russian Idea»: Rediscovering the Legacy of the Russian Religious Philosophy // Christianity and Russian Culture in Soviet Society. CCRS Series on Change in Contemporary Soviet Society. Ed. by N.N. Petro. L.: Westview Press, 1990. P. 206–212.

Александр Васильевич Антощенко, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, antoshchenko@yandex.ru

«A Stone is thrown into the water, and the circles will be wider and wider».

Anton V. Kartashev's Letters to Evgenii I. Novitskii. 1955

Letters of a famous historian, theologian, statesman and public figure to his friend, who had recently moved from France to the United States, are published. The letters are kept in the Bakhmeteff archive of Columbia University. The main place in them is given to the characteristics of the organizational and financial contexts of the publication of A. V. Kartashev's book *Reconstruction of Holy Russia*. The preface to the publication notes also the importance of socio-political, church-religious and academic contexts, only outlined in the letters. In their totality they will allow to understand the author's intention and the meaning of the book's content. Among other topics of the correspondence that are significant for the study of the history of St. Sergius Theological Orthodox Institute and the biography of A. V. Kartashev, the publisher highlights the change in the composition of students at the institute and as a result of this its increased role in training priests for Orthodox churches, as well as the historian's vacation, which he used to write the final books on the history of the Russian Orthodox Church and on the Ecumenical Councils. Finally, the publisher underlines the special significance of the historian's memorial comprehension of the past of the institute, with which his fate in emigration was inextricably linked.

Keywords: *A.V. Kartashev, Holy Russia, St. Sergius Orthodox Theological Institute in Paris Aleksandr V. Antoshchenko, Dr. Sc. (History), Professor, Department of Russian history, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University; antoshchenko@yandex.ru*

CONTENTS

Anniversary

Karine Ambartsunyan, Marina Kolesnikova

A historian's mission: to the Professor Tamara Alexandrovna Bulygina's anniversary..... 5

Theory of Humanitarian Knowledge

Olga Vlasova

Historicism Research in Search of New Perspectives

History, Psychology, Philology, Philosophy 17

Darya Kozolupenko

The Anthropological Essential of Myth..... 30

Natalia Selunskaya

"Seeing" and "Knowing" of Historical Fact

in Memorial Discourse and in Reconstructions of Identities..... 45

Elizaveta Dyagileva

The Problem of Classification and Genre Categorization

of Ancient Letters in Western Historical Science and Philology..... 58

Intellectual History Today

Sergey Seliverstov

Social Thought as a Subject of Intellectual History

on studying early Eurasian tendencies in the second half of the 19th – early 20th century... 67

Alexey Malinov A.B. Малинов

Slavophil Mirrors

(V.I. Lamansky's Criticism of the Perception of Russia and Slavism in German Science).. 80

Levon Batiev

Eternal and Natural Laws in Francisco Suarez's

Treatise "De Legibus Ac Deo Legislationatore"..... 96

Aleksei Viazinkin

«Drift and Mastery»: Walter Lippmann as the Theorist of Progressivism..... 113

Anastasia Bogdanova

A.A. Smirnov as a Celtic Scholar in the light of his theoretical contribution..... 129

Historiography yesterday, today, tomorrow

Alexander Khryakov

German Historians on Guard of the "Borders of Histor"

a Failed Dialogue with Historical Fiction..... 146

Alexandr Dyakov

Historicism after the History: Anglo-Saxon Historiography and Postmodern

(In Memory of Alun Munslow) 163

Andrey Gladyshev

The Epidemiological Turn in Historiography is an Undeclared Given..... 172

History and Historians

Rumiana Mikhneva, Ekaterina Kirsanova

Nikolay Kareev "the Elder of Russian Historians",

or at the Origins of the Bulgarian Modern History Studies. Part 2..... 189

Natalia Alevras, Natalia Grishina

Historians of Pre-Revolution Period in the Soviet Dissertation System

M.D. Prisyolkov (1939) and A.I. Andreev (1940) Defending the Doctoral Dissertations.... 205

Victoria Gruzdinskaya, Olga Metel

Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU and

development of Soviet historiography in the second half of the 1940s – 1950s..... 222

Vitaly Tikhonov

Mutual Attraction and Repulsion: Professional Historians and

the Dissident Movement in the Second Half of the 1950s-1970s..... 236

History, Memory, Identity

<i>Andrey Mitrofanov</i>	
The Idea of the «Nazione Piemontese» in Italian-French political thought. Patriotic discussion of 1799.....	253
<i>Nikolai Antipin</i>	
Memorialization of Alexander II in Samara Provincial Experience in Creating an Imperial Commorative Narrative.....	270
<i>Ivan Bulatov</i>	
The Image of Russia as an Element of National Education in the Russian Emigration of the 20s-30s of the XX century.....	287
<i>Masoud Farahmandfar, Musa Abdollahi</i>	
Persian historical novel and national identity.....	301

In the Space of Cultural History

<i>Aleksey Kargaltsev</i>	
“Very Often There Is Hail, Which Destroys Everything”: Christians as the Culprits of Urban Calamities.....	310
<i>Irina Krasnova</i>	
Transformation of Images of Perception of Socio-Political Changes in Florence in the Last Quarter of the XIV - early XV century.....	317
<i>Andrey Belyakov</i>	
Where Did Ivan IV Issue Diplomas with «a Gold Seal»?.....	330
<i>Nadezhda Chesnokova</i>	
Interpretation of the Prediction about Constantinople by the Metropolitan Paisios Ligarides of Gaza.....	339
<i>Veronika Vysokova, Kirill Mayorov</i>	
Street Crime and Concern for the Common Good in Daniel Defoe’s Essay “Second Thoughts Are Best”.....	354
<i>Maria Filimonova</i>	
Debates around Theater and Republicanism in the USA of the Late Eighteenth Century....	364

History of Education

<i>Nadezhda Bleikh</i>	
Formation of Women’s Education in the North Caucasus Region in the Context of Public and Private Initiatives (19 th century).....	379
<i>Anna Bertova, Evgeniya Desnitskaya</i>	
Transforming Traditional Educational Practices in India and Japan (second half of the 19 th – beginning of the 20 th century).....	392
<i>Elena P. Serapionova E.П. Серапионова</i>	
A.V. Zhekulina’s Role in the Creating the Education System of the Russian Deaspora...	406

Reading books...

<i>Feodor Nikolai</i>	
Regimes of temporality after 1700 and futures past in historical theory of Harry Jansen...	419
<i>Ksenia Igaeva, Alexandr Mordvinov</i>	
Social history of consumerism in the woks of Peter Stearns.....	424

Publications and Translations

<i>Aleksandr Antoshchenko</i>	
«A Stone is thrown into the water, and the circles will be wider and wider». Anton V. Kartashev’s Letters to Evgenii I. Novitskii. 1955.....	430
CONTENTS.....	443

СОДЕРЖАНИЕ

К Юбилею

- К.Р. Амбарцумян, М.Е. Колесникова*
Миссия историка: к юбилею профессора Тамары Александровны Булыгиной..... 5

Теория гуманитарного знания

- О.А. Власова*
Исследования историзма в поиске новых путей.
История, психология, филология, философия..... 17
- Д.П. Козолупенко*
Миф как антропологическая необходимость..... 30
- Н.Б. Селунская*
“Видение” и “ведение” исторического факта
в мемориальном дискурсе и в реконструкциях идентичностей..... 45
- Е.В. Дягилева*
Проблема классификации и жанровой категоризации античных писем
в западной исторической науке и филологии..... 58

Интеллектуальная история сегодня

- С.В. Селиверстов*
Общественная мысль как предмет интеллектуальной истории: перспективы
изучения раннеевразийской тенденции второй половины XIX – начала XX века..... 67
- А.В. Машинов*
Славянофильские зеркала
(критика В.И. Ламанским восприятия России и славянства в немецкой науке)..... 80
- Л.В. Батиев*
Вечный и естественный законы
в трактате Франсиско Суареса «De legibus ac deo legislatore»..... 96
- А.Ю. Вязинкин*
«Дрейф и мастерство»: Уолтер Липпман как теоретик прогрессизма..... 113
- А.А. Богданова*
А.А. Смирнов как кельтолог: опыт осмысления
теоретико-концептуального содержания..... 129

Историография вчера, сегодня, завтра

- А.В. Хряков*
Немецкие историки на страже “Границ истории”:
несостоявшийся диалог с исторической беллетристикой..... 146
- А.В. Дьяков*
Историзм после истории: англосаксонская историография и постмодерн.
Памяти Алана Манслоу..... 163
- А.В. Гладышев*
Эпидемиологический поворот в историографии – необъявленная данность..... 172

История и историки

- Р.А. Михнева, Е.С. Кирсанова*
Николай Кареев, «старейшина русских историков»,
или У истоков болгарской новистики. Часть II..... 189
- Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина*
Историки из дореволюционного прошлого
в советской диссертационной системе: защиты докторских диссертаций
М.Д. Приселковым (1939) и А.И. Андреевым (1940)..... 205
- В.С. Груздинская, О.В. Метель*
Академия общественных наук при ЦК КПСС и развитие советской
историографии второй половины 1940-х –1950-х гг.: к постановке проблемы..... 222

<i>В.В. Тихонов</i> Взаимное притяжение и отталкивание: профессиональные историки и диссидентское движение во второй половине 1950-х – 1970-е гг.	236
<i>История, память, идентичность</i>	
<i>А.А. Митрофанов</i> Идея «пьемонтской нации» в итало-французской публицистике. Патриотическая дискуссия 1799 года.....	253
<i>Н.А. Антипин</i> Мемориализация Александра II в Самаре: провинциальный опыт Создания имперского коммеморативного нарратива.....	270
<i>И.А. Булатов</i> Образ России как элемент национального воспитания в Русском зарубежье 1920–1930-х гг.	287
<i>Masoud Farahmandfar, Musa Abdollahi</i> Persian historical novel and national identity.....	301
<i>В пространстве культурной истории</i>	
<i>А.В. Каргальцев</i> «Весьма часто бывает град, который все уничтожает»: христиане как виновники городских бедствий.....	310
<i>И.А. Краснова</i> Трансформация образов восприятия социально-политических перемен во Флоренции в последней четверти XIV – начале XV века.....	317
<i>А.В. Беляков</i> Где Иван IV выдавал грамоты «за золотой печатью»?.....	330
<i>Н.П. Чеснокова</i> Толкование предсказания о Константинополе газского митрополита Паисия Лигарида.....	339
<i>В.В. Высокова, К.В. Майоров</i> Уличная преступность и забота об общем благе в сочинении Даниэля Дефо «Вторые мысли лучше».....	354
<i>М.А. Филимонова</i> Дебаты вокруг театра и республиканизма в США последней четверти XVIII века.....	364
<i>Из истории образования</i>	
<i>Н.О. Блейх</i> Становление женского образования в Северокавказском регионе в контексте государственных и частных инициатив (XIX в.).....	379
<i>А.Д. Бертова, Е.А. Десницкая</i> Трансформация традиционных образовательных практик в Индии и Японии во второй половине XIX – начале XX века.....	392
<i>Е.П. Серапионова</i> Роль А.В. Жекулиной в создании системы образования Русского зарубежья.....	406
<i>Читая книги...</i>	
<i>Ф.В. Николаи</i> Темпоральные режимы после 1700 года и (не)прошедшее будущее в концепции Г. Янсена.....	419
<i>К.В. Игаева, А.А. Мордвинов</i> Социальная история консьюмеризма в работах П. Стернса.....	424
<i>Публикации и переводы</i>	
<i>А.В. Антощенко</i> «Камень брошен в воду, и круги будут все шире и шире». Письма А.В. Карташева Е.И. Новицкому. 1955 г.....	430
CONTENTS.....	443

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91

<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ; dialogue.time@yandex.ru

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

<https://doi.org/>

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.031>

К.Р. Амбарцумян, М.Е. Колесникова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.032>

О.А. Власова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.033>

Д.П. Козолупенко

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.034>

Н.Б. Селунская

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.001>

Е.В. Дягилева

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.002>

С.В. Селиверстов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.003>

А.В. Малинов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.004>

Л.В. Батиев

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.005>

А.Ю. Вязинкин

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.006>

А.А. Богданова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.007>

А.В. Хряков

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.008>

А.В. Дьяков

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.009>

А.В. Гладышев

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.010>

Р.А. Михнева, Е.С. Курсанова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.011>

Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.012>

В.С. Груздинская, О.В. Метель

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.013>

В.В. Тихонов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.014>
А.А. Митрофанов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.015>
Н.А. Антипин

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.016>
И.А. Булатов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.017>
Masoud Farahmandfar, Musa Abdollahi

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.018>
А.В. Каргальцев

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.019>
И.А. Краснова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.020>
А.В. Беляков

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.021>
Н.П. Чеснокова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.022>
В.В. Высокова, К.В. Майоров

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.023>
М.А. Филимонова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.024>
Н.О. Блейх

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.025>
А.Д. Бертова, Е.А. Десницкая

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.026>
Е.П. Серапионова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.027>
Ф.В. Николаи

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.028>
К.В. Игаева, А.А. Мордвинов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.80.029>
А.В. Антоценко

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

80 / 2022

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 2 (History — 2017 г.).

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.